

# ТАЙНЫ **7**

Век V до н. э.

Гор Видал  
**СОТВОРЕНИЕ  
МИРА**



# ИСТОРИИ

*в романах, повестях и документах*





# ТАЙНЫ ИСТОРИИ

---

Век V до н. э.

---

Гор Видал  
СОТВОРЕНИЕ  
МИРА

ТЕРРА

МОСКВА  
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ  
1999

УДК 82/89  
ББК 84 (7 США)  
В42

Gore Vidal  
CREATION

Перевод с английского  
М. КОНОНОВА

**Видал Гор**  
В42 Сотворение мира / Пер. с англ. М. Кононова. —  
М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1999. — 592 с. — (Тайны  
истории в романах, повестях и документах).

ISBN 5-300-02742-1

Роман известного американского прозаика и драматурга Гора Видала «Сотворение мира» — своеобразный обзор мировых религий V в. до н. э., становящихся частью духовного опыта главного героя, Кира Спитама.

УДК 82/89  
ББК 84 (7 США)

ISBN 5-300-02742-1

© Gore Vidal, 1981  
© М. Кононов, перевод, 1999  
© ТЕРРА—Книжный клуб, 1999



### Предисловие автора

*Люди V в. до н. э. Индией называли персидскую провинцию на реке Инд, а государство Цинь было всего лишь одним из множества воюющих между собой княжеств на территории современного Китая<sup>1</sup>. Ради ясности я использовал в книге название Индия не только для обозначения долины Ганга, но и тех стран, которым теперь нравится называть себя Пакистан и Бангладеш. Название Китай я использую для описания государств, находящихся в данный период между реками Хуанхэ и Янцзы. По мере возможности я пользовался современными названиями и именами: Средиземное море, например, или Конфуций; с другой стороны, многострадальный Афганистан и не менее многострадальный Иран я предпочитаю называть их древними названиями Бактрия и Персия.*

*Для обозначения расстояний я использовал принятые нынче мили. Что касается дат, то повествователь старается соотносить их со временем, когда он начал диктовать свой ответ на выступление Геродота (еще не получившего почетного титула «отец истории»), — будем считать, что случилось это вечером 20 декабря 445 г. до н. э.*

---

<sup>1</sup> Английское название Китая — China — происходит от названия государства Цинь — Ch'in (*Примеч. пер.*).

Книга I  
ГЕРОДОТ УСТРАИВАЕТ ЧТЕНИЕ  
В АФИНСКОМ ОДЕОНЕ

1

Я слепой. Но не глухой. Из-за этакой неполноты моего несчастья мне пришлось вчера шесть часов кряду слушать одного самозваного историка, чьи описания событий, которые афинянам нравится называть Персидскими войнами, столь абсурдны, что будь я помоложе и не столь стеснен в своих поступках, то поднялся бы со своего места и устроил скандал на все Афины вместо ожидаемого от меня ответа.

Правду о *Греческих войнах* знаю я, а не он. Ему-то откуда знать? Откуда греку знать правду? А я большую часть жизни провел при персидском дворе и даже теперь, на семьдесят пятом году своего пребывания на земле, все еще служу Великому Царю, как служил его отцу — моему дорогому другу Ксерксу, а до того *его* героическому отцу, даже среди греков известному как Дарий Великий.

Когда мучительное чтение закончилось — у нашего «историка» очень тусклый и монотонный голос, а жесткий дорический акцент делает его вовсе малопривлекательным, — мой восемнадцатилетний племянник Демокрит поинтересовался, не хочу ли я остаться и поговорить с этим человеком, злословящим против Персии.

— Это не было бы лишним, — заключил он свою речь. — Все на тебя смотрят. Они знают, что персидского посла подобное чтение должно немало разозлить.

Здесь, в Афинах, Демокрит изучает философию. Это значит, что он обожает всяческие споры. Запиши, запиши, Демокрит. В конце концов, это по твоей просьбе я диктую отчет, как и почему начались Греческие войны. Упомяну я в нем всех — в том числе и тебя. Так на чем я остановился? Ах да, Одеон.

Я улыбнулся пронизательной улыбкой слепого, как некий поэт охарактеризовал улыбку тех, кто не может видеть.

Нельзя сказать, что сам я, пока был зрячим, уделял много внимания слепым. Да разве и мог я предполагать, что доживу до старости, а тем более до слепоты, постигшей меня три года назад, когда сетчатку затянула белая пелена и все для меня погрузилось во мрак.

Последнее, что я видел, — это смутные черты собственного лица в полированном серебряном зеркале. Произошло это в Сузах, во дворце Великого Царя. Сначала я подумал, что комната заполняется дымом. Но время было летнее — очаг не разжигают. Еще мгновение я продолжал различать себя в зеркале, но потом и я сам, и что бы то ни было другое навсегда исчезло во тьме.

В Египте врачи делают операцию и снимают эту пелену, но я слишком стар для путешествия в Египет. Кроме того, я уже достаточно повидал. Разве не я смотрел на священный огонь — олицетворение Ахурамазды, Мудрого Господа? Я видел Персию, и Индию, и далекий Китай. Ни один из ныне живущих столько не путешествовал.

Я отвлекся. У стариков всегда так. Мой дед в свои семьдесят пять мог говорить часами, поминутно перескакивая с одной темы на другую. Речь его была совершенно бессвязной. Но моим дедом был Зороастр, пророк Истины; и подобно Единому Богу, которому служил, он держал в уме одновременно все грани сущего. В результате — речи его крайне воодушевляли, если удавалось понять, о чем он говорит.

Демокрит хочет записать, что случилось, когда мы вышли из Одеона. Прекрасно. Его же пальцы и устанут. Голос мне не изменяет, как и память... По крайней мере, вчерашнее я еще помню.

Когда Геродот из Галикарнаса закончил свое описание поражения персов при Саламине тридцать четыре года назад, раздались оглушительные хлопки. Между прочим, акустика в Одеоне ужасная. Очевидно, не я один считаю новый музыкальный зал не слишком удачным. Даже лишенные музыкального слуха афиняне понимают, что в их драгоценном Одеоне что-то не так. Его недавно соорудили в невиданно короткий срок по приказу Перикла, оплатившего все деньгами, выделенными ему другими городами на оборону Афин. Это не что иное, как каменная копия шатра Великого Царя. Шатер этот попал в руки грекам во время поражения персов в последнюю греческую кампанию. Греки сначала подчеркнули свое презрение к нам, а потом нам же подражают.

Когда Демокрит вывел меня в вестибюль этого музыкального зала, со всех сторон послышалось:

— Посол! Персидский посол!

Гортанные звуки их речи поражали меня, как черепки, на которых афиняне время от времени пишат имена тех, кому случается обидеть сограждан или кто просто надоел. Получивший наибольшее число голосов на этих выборах — или, точнее, «отбраковке» — на десять лет изгоняется из города. Счастливец.

Вот некоторые из замечаний, что я расслышал по пути к выходу:

— Готов поспорить, не очень-то ему понравилось услышанное!

— Он ведь брат Ксеркса?

— Нет, он маг.

— Это еще что такое?

— Персидский жрец. Они едят змей и собак.

— И вступают в кровосмесительную связь со своими сестрами, матерями и дочерьми.

— А с братьями, отцами, сыновьями?

— Главкон, опомнись!

— Маги всегда слепые. Так положено. А это его внук?

— Нет. Любовник.

— Вряд ли. Персы не такие, как мы.

— Да. Они проигрывают сражения. А мы нет.

— Тебе-то откуда знать? Ты еще не родился, когда мы загнали Ксеркса обратно в Азию.

— А мальчишка смазливый.

— Он грек. Так принято. Варваров для этого не берут.

— Он из Абдеры. Внук Мегакреона.

— Мидофила! Подонка земли!

— Богатого подонка. Мегакреону принадлежит половина серебряных рудников во Фракии.

У меня осталось два относительно хорошо сохранившихся чувства — осязание и обоняние, так вот, ничего, кроме жилистой руки Демокрита, которую крепко сжимал в своей, я не осязал. Но вот запахи, о! Летом афиняне не слишком часто моются. Зимой — а на этой неделе самый короткий в году день — зимой они не моются вообще, а их пища состоит только из лука и вяленой рыбы, запасенной еще с гомеровских времен.

Меня толкали, дышали в лицо, оскорбляли. Как посол Великого Царя, я, конечно, сознаю, что положение мое в

Афинах не только опасно, но и в высшей степени двусмысленно. Опасно, потому что в любой момент этот непостоянный народ может запросто созвать свое собрание, где каждый гражданин мужского пола имеет право не только высказать свое мнение, но, хуже того, еще и проголосовать. Выслушав одного из множества продажных неменяемых городских демагогов, граждане могут расторгнуть священный договор, как это уже случилось четырнадцать лет назад, когда они послали экспедицию для завоевания персидской провинции Египет. Экспедиция окончилась полным провалом. Эта авантюра оказалась вдвойне постыдной, поскольку шестнадцать лет назад в Сузы прибыло афинское посольство с наказом заключить с Персией вечный мир. Возглавлял его Каллий, богатейший из афинян. Договор был составлен по всем правилам. Афины признавали суверенитет Великого Царя над греческими городами в Малой Азии. Взамен Великий Царь согласился держать персидский флот вдали от Эгейского моря и так далее и тому подобное. Договор был длинный. Часто думаю, что во время составления этого договора я и повредил себе глаза. Определенно, белая пелена опустилась на них в те месяцы переговоров, когда мне приходилось перечитывать каждое слово, написанное чиновниками.

После разгрома греков в Египте в Сузы прибыло новое посольство. Великий Царь был великолепен. Он словно и не заметил, что афиняне, вторгшись в нашу провинцию, нарушили договор. Он только тепло отозвался о своей дружбе со Спартой. Афиняне пришли в ужас. Они боялись Спарты, и правильно делали. Через несколько дней сошлись на том, что соглашение, не соблюдавшееся ни той ни другой стороной, снова вступает в силу, а в доказательство доверия к своим афинским рабам — так Великий Царь назвал их — он посылает в Афины Кира Спитаму, ближайшего друга и наперсника своего отца Ксеркса, то есть меня.

Не то чтобы я очень обрадовался. Никогда не думал, что последние годы жизни проведу в этом холодном и ветреном городе среди таких же холодных и ветреных людей. С другой стороны, — и это я говорю только для твоих ушей, Демокрит... А вообще-то, можешь использовать сей комментарий по своему усмотрению и к собственной выгоде, когда я умру... Думаю, это вопрос нескольких дней, судя по жгущей меня лихорадке и приступам кашля, что делает диктовку утомительной и для тебя, и для меня. Я потерял мысль.

С другой стороны... Да. С тех пор как моего дорогого

друга убили и на престол вступил его сын Артаксеркс, положение мое в Сузах стало не совсем ловким. Великий Царь был милостив ко мне, но слишком многое связывает меня с предыдущим царствованием, чтобы новые люди при дворе могли полностью мне доверять. Тем малым влиянием, которое еще у меня осталось, я обязан своему происхождению.

По мужской линии я последний живой внук Зороастра, пророка Единого Бога, Ахурамазды — по-гречески, Мудрого Господа. С тех пор как полвека назад Великий Царь Дарий перешел в зороастризм, царская фамилия всегда с почтением относилась к нашей семье, отчего я чувствовал себя самозванцем. В конце концов, дедов не выбирают.

У дверей Одеона меня остановил Фукидид, угрюмый человек средних лет, возглавляющий в Афинах, с тех пор как умер Кимон, его знаменитый тесть, консервативную партию. В результате Фукидид оказался единственным соперником Перикла, лидера демократической партии. Политические определения здесь не очень точны. Вожди обеих группировок — аристократы. Но некоторые благородные граждане — как вышеупомянутый Кимон — предпочитают класс богатых землевладельцев, другие же — как Перикл — заигрывают с городской чернью, чье печально известное собрание, которое Перикл всеми силами укрепляет, продолжает дело его же политического наставника Эфиальта, лидера радикалов, убитого лет двенадцать назад при тайственных обстоятельствах. Естественно, в убийстве обвинили консерваторов. Если они в самом деле причастны, их можно поздравить. Чернь не может править городом, а тем более империей. Определенно, будь мой отец греком, а мать персиянкой, а не наоборот, я бы примкнул к консервативной партии, хотя эта партия никогда не могла перестать запугивать народ Персией. Несмотря на любовь Кимона к Спарте и ненависть к нам, мне жаль, что я не был с ним знаком. Все здесь говорят, что его сестра Эльпиниса характером напоминает брата. Она чудесная женщина и мой верный друг.

Демокрит учтиво напоминает, что я снова отвлекся. Я же напоминаю ему, что после многочасового слушания Геродота не могу больше следовать логике и рассуждать последовательно. Он прыгает как кузнечик от события к событию. Я просто перенял его манеру.

С Фукидидом мы побеседовали в вестибюле Одеона.

— Надеюсь, запись всего, что мы тут услышали, будет отослана в Сузы.



— Почему бы и нет? — Я был туп и вежлив, как примерный посол. — Великий Царь обожает сказки. У него страсть ко всяким небылицам.

Очевидно, мне не хватило тупости. Чувствовалось, что Фукидид и прочие консерваторы недовольны. Вожди афинских партий редко появляются в свете из страха быть убитыми. Демокрит говорит, что если увидишь шумную толпу, среди которой маячит изображение зеленого лука со стрелкой или алой луны, то в первом случае толпа состоит из сторонников Перикла, а во втором — Фукидида. Возбужденные горожане разделились между луком и осенней луной.

Сегодня как раз день алой луны. По некоторым причинам лук со стрелкой на чтениях в Одеоне отсутствовал. Неужели Перикл устыдился акустики в своем строении? Впрочем, я забылся: стыд — чувство, неизвестное афинянам.

Ныне Перикл со своей кликой художников и каменщиков строит храм Афины в Акрополе, грандиозное сооружение взамен убогому строению, дотла сожженному персидским войском тридцать четыре года назад — факт, на котором Геродот предпочитает не задерживаться.

— Ты хочешь сказать, почтенный посол, что прослушанное нами — неправда?

Фукидид держался нагло. Пожалуй, он был пьян. Нас, персов, обвиняют в пьянстве из-за ритуального употребления хаомы, но я никогда не видел перса, напившегося до такого состояния, как порой афиняне. Нужно тем не менее признать: афинянин никогда не напивается так, как спартаец. Мой старый друг спартанский царь Демарат говорил, что спартанцы не пили неразбавленного вина до тех пор, пока кочевники с севера вскоре после опустошения Дарием их родной Скифии не прислали в Спарту посольство. Согласно Демарату, именно эти скифы научили спартанцев пить вино без воды. Я этой истории не верю.

— То, что мы услышали, мой дорогой юный друг, всего лишь одна из версий событий, что произошли еще до твоего рождения и, подозреваю, еще до рождения этого историка.

— Но осталось немало тех, кто помнит день, когда персы подошли к Марафону, — раздался старческий голос у моего локтя.

Демокрит не узнал его обладателя, но такие голоса здесь слышатся повсюду. По всей Греции незнакомые друг с другом люди определенного возраста приветствуют друг друга

вопросом: «А где был ты, когда Ксеркс подошел к Марафону?» — и затем обмениваются ложью.

— Да, — сказал я, — еще есть те, кто помнит те далекие дни. И я, увы, один из них. Ведь Великий Царь Ксеркс и я — ровесники. Будь он сейчас жив, ему было бы семьдесят пять. Когда он взошел на престол, ему было тридцать четыре — пик жизни. Хотя ваш историк только что сообщил, что Ксеркс, когда сменил Дария, был неуравновешенным юнцом.

— Малозначащая деталь... — начал было Фукидид.

— ...но типичная для труда, который в Сузах вызовет такой же восторг, как пьеса Эсхила под названием «Персы». Я сам перевел ее Великому Царю, и он нашел восхитительным аттическое остроумие и фантазию автора.

Все это, конечно, ложь: Ксеркс пришел бы в ярость, узнай он, до какой степени его самого и его мать окарикатурили на забаву афинской черни.

Я взял себе за правило никогда не реагировать на оскорбления варваров. К счастью, злейшие оскорбления меня минуют, греки берегут их друг для друга. Большая удача для всего остального мира, что друг друга они ненавидят куда сильнее, чем иноземцев.

Прекрасный пример: когда ранее восхваляемый драматург Эсхил проиграл приз ныне восхваляемому Софоклу, он был настолько взбешен, что бежал из Афин на Сицилию, где и принял вполне достойную для себя смерть. Один орел в поисках чего-нибудь твердого, чтобы разбить черепаху, которую нес в когтях, принял лысину автора «Персов» за валун и с роковой точностью выронил свой груз.

Фукидид намеревался продолжить и устроить безобразную сцену, но Демокрит вдруг подтолкнул меня вперед с криком:

— Дорогу послу Великому Царю!

И мне дали дорогу. К счастью, мои носилки дожидались совсем рядом с портиком. Мне повезло, что я снял дом, построенный еще до того, как мы сожгли Афины. Хотя он и не столь претенциозен, но кое в чем удобнее тех домов, что строят ныне богатые афиняне. Обычно, чтобы вдохновить честолюбивых архитекторов, нужно спалить дотла их родной город. Теперь, после великого пожара, Сарды гораздо роскошнее, чем были во времена Креза. Хотя я никогда не видел прежних Афин — и, само собой, не могу видеть новых, — говорят, что частные дома здесь по-прежнему строят

из необожженного кирпича, прямых улиц мало, а широких вовсе нет, что новые общественные здания напоминают роскошные времянки — как пресловутый Одеон.

Теперь по большей части дома строят в Акрополе, на скале цвета львиной шкуры, по поэтическому сравнению Демокрита, и эта скала нависает не только над большей частью города, но и над моим домом. В результате зимой — а сейчас зима — солнце у нас бывает не больше часа.

Однако скала имеет свою прелесть. Мы с Демокритом часто к ней ходим. Я ошупываю рухнувшие стены. Слушаю болтовню каменщиков. Вспоминаю великолепную династию тиранов, живших в Акрополе, пока их не изгнали из города, как изгоняют всех истинно благородных людей. Я знал последнего, благородного Гиппия. Он часто бывал в Сузах, при дворе, в дни моей молодости.

Ныне главная достопримечательность Акрополя — дома и храмы с изображениями богов. Люди делают вид, что поклоняются им. Говорю «делают вид», потому что в моем понимании, несмотря на основательный консерватизм, проявляющийся у афинян в сохранении формы древностей, в сущности, все они атеисты. Как недавно с опасной гордостью сказал один из моих греческих родственников, человек есть мера всех вещей. Похоже, в глубине души афиняне искренне верят, что так оно и есть. В итоге, как это ни парадоксально, они исключительно суеверны и строго наказывают тех, кто, по их мнению, проявляет неуважение к святыням.

## 2

Кое-что из сказанного мною вчера за ужином стало для Демокрита неожиданностью. Теперь он просит не только рассказать правду о Греческих войнах, но и хочет записать мои воспоминания об Индии и Китае, о моих встречах с мудрецами Востока и тех стран, что еще восточнее. Ему кажется это еще важнее. Он собирается записать все, что я запомнил. Гости за трапезой просят меня не менее настоятельно. Однако, подозреваю, они просто стараются прослыть учтивыми.

Сейчас мы сидим во дворе перед домом. Как раз настал час, когда светит солнце. День прохладный, но не холодный, и я ощущаю на лице тепло солнечных лучей. Мне хорошо, потому что я одет по-персидски. Все части тела, кро-

ме лица, закрыты, даже не занятые ничем руки я спрятал в рукава. Естественно, на мне шаровары — этот предмет одежды вечно выводит греков из себя.

Наши понятия о скромности очень забавляют греков. Их ничто так не радует, как любование собственными обнаженными юношами. Слепота избавляет меня от лицемерия не только резвящихся юнцов, но и от вида похотливых мужчин, за ними наблюдающих. Однако, посещая женщин, афиняне держатся скромно. Женщины здесь расфуфырены, как знатные персиянки, но безвкусно, нет тех украшений, ярких цветов.

Я диктую по-гречески, поскольку всегда свободно говорил на ионийском диалекте. Моя мать Лаис — гречанка из Абдеры. Она дочь Мегакреона, прадеда Демокрита. Поскольку Мегакреон владеет богатыми серебряными рудниками, а ты его потомок по мужской линии, ты гораздо богаче меня. Да-да, запиши это. Ты ведь часть моего повествования, столь незрелого и малозначительного. И, кроме всего прочего, ты ворошишь мою память.

Вчера я ужинал с носителем факела Каллием и софистом Анаксагором. Демокрит каждый день проводит многие часы в разговорах с Анаксагором. У греков это называется образованием. В мое время у нас под образованием понимали заучивание священных текстов, изучение математики, обучение музыке, стрельбе из лука...

Скакать верхом, владеть луком, говорить правду — вот что такое образование по-персидски. Демокрит напоминает мне, что почти то же самое можно сказать о греках. Почти — за исключением слова «правда». Юноша знает наизусть ионийца Гомера, еще одного слепца. Но похоже, в последние годы традиционные подходы к образованию отвергнуты — Демокрит говорит: дополнены, — появился новый сорт людей, называющих себя софистами. Теоретически всякий софист искушен в том или ином искусстве. На практике же многие местные софисты неспособны ни к какому делу. Просто они очень лукавы в своих речах, и очень трудно определить, чему же они, собственно, учат, поскольку только спрашивают обо всем на свете, кроме денег. Но следят, чтобы городская молодежь им хорошо платила.

Среди этой почтенной публики Анаксагор, считай, лучший. Он говорит просто и хорошо пишет на ионийском диалекте. Демокрит читал мне его книгу «Физика». Хотя я многого там не понял, но восхишаюсь дерзостью этого человека. Он попытался объяснить все сущее посредством

тщательного рассмотрения видимого мира. Я еще слежу за ходом его мысли, пока он описывает видимое, но, когда берется за невидимое, я совершенно теряюсь. Он верит, что в природе нет пустоты. Верит, что все пространство чем-то обязательно заполнено, даже если мы не в состоянии это что-то увидеть — как ветер, например. Особенно интересно (и совершенно безбожно) он рассуждает о рождении и смерти.

«У греков, — пишет он, — неверная концепция возникновения и исчезновения. Ничто не появляется и не исчезает, но существует смешение и разделение существующих частиц. Следовательно, следует говорить о рождении как о соединении и об умирании как распаде».

Это еще куда ни шло. Но что такое «существующие частицы»? Что их собирает вместе и разъединяет? Как и когда они были сотворены? И кто их сотворил? Для меня есть лишь один достойный рассмотрения вопрос — сотворение мира.

В ответ Анаксагор вводит понятие «разум».

«В начале все частицы, от бесконечно малых до бесконечно больших, находились в покое. Потом «разум» их упорядочил. Затем эти частицы (что за частицы? где они? откуда взялись?) начали вращение».

Одним из величайших предметов является раскаленный камень, который мы зовем Солнцем. Еще в юности Анаксагор предсказал, что рано или поздно от Солнца оторвется кусок и упадет на землю. Двадцать лет назад это подтвердилось. Весь мир видел, как часть Солнца, прочертив по небу огненную дугу, упала поблизости от Эгоспотамии, во Фракии. Когда раскаленный кусок остыл, оказалось, что это просто обломок бурого камня. На следующее утро Анаксагор стал знаменитостью. Нынче его книгу читают повсюду. Подержанная копия стоит на Агоре драхму.

Перикл пригласил Анаксагора в Афины и назначил ему содержание, которого хватает на жизнь самому софисту и его семье. Излишне говорить, что консерваторы ненавидят Анаксагора почти так же, как Перикла. Когда они хотят досадить последнему как политику, начинают обвинять Анаксагора в святотатстве, непочтении к богам и прочей расхожей нелепице... Нет, нет, не такой уж нелепице, поскольку Анаксагор в самом деле атеист, как и все остальные греки, но в отличие от них он не лицемерит. Это серьезный человек. Он много думает о природе Вселенной, а без познания

Мудрого Господа действительно нужно много думать, чтобы хоть что-нибудь понять.

Анаксагору около пятидесяти. Он иониец из города Клазомены, маленький и толстенький человек, во всяком случае так говорит Демокрит. Анаксагор происходит из состоятельной семьи. После смерти отца он отказался заниматься политикой и управлять завещанным имуществом. Его больше интересовало наблюдение за природой. Он отрекся от наследства в пользу дальних родственников и ушел из дома. Когда я спросил, интересуют ли его хоть немного земные дела, он ответил: «О да, очень интересуют!» — и указал на небо. Я прощаю ему этот характерный для греков жест. Все они любят порисоваться.

Пока мы ели первое блюдо — копченую рыбу (к слову сказать, не такую уж и копченую, она скорее была сырой), — Анаксагор все любопытствовал, как мне понравилась история Геродота. Я несколько раз порывался ответить, но старик Каллий не давал и рта раскрыть. Нужно отнестись к Каллию снисходительно, поскольку наш незримый мирный договор, разумеется, очень популярен среди афинян. По сути дела, всегда остается опасность, что в один прекрасный день соглашение будет расторгнуто и мне придется уехать. Предполагаю, что мой статус посла будет уважен и меня не предадут смерти. Вообще, греки не чтят послов. Однако, как соавтор соглашения, Каллий является моим защитником.

Он еще раз описал Марафонскую битву. Мне уже надоела греческая версия этого инцидента. Разумеется, Каллий сражался с доблестью Геракла.

— Я не был обязан сражаться. Я хочу сказать, что я потомственный носитель факела и отправляю службу на мистериях великой богини Деметры. В Элевсине. Но ведь вам все это известно?

— Разумеется, Каллий. Мы же в некотором роде коллеги. Помните? Я ведь тоже потомственный — как вы это назвали? — носитель факела.

— *Вы?* — У Каллия плохая память на только что услышанное. — Ах да, конечно, поклонение огню. Да, это все очень интересно. Вы должны позволить мне увидеть ваш ритуал. Слышал, на это стоит взглянуть. Особенно как архимаг глотает огонь. Ведь вы и есть архимаг, верно?

— Конечно. — Я больше не пытаюсь объяснить грекам разницу между магами и последователями Зороастра. — Но огонь мы не глотаем. Мы его питаем. Огонь — это послан-



ник Мудрого Господа. Огонь напоминает нам также о судном дне, когда каждому придется пройти через море расплавленного металла — вроде как на Солнце, если теория Анаксагора соответствует действительности.

— А что потом?

Хотя Каллий потомственный жрец, он очень суеверен. Это странно. Потомственные жрецы обычно склонны к атеизму. Они слишком много знают.

Я ответил ему традиционно:

— Если ты служил Истине и отвергал Ложь, то не ощутишь кипящего металла. Ты просто...

— Понятно. — Каллий прервал меня и, как испуганная птица, перепорхнул на другую тему. — У нас примерно то же. Но все равно я бы хотел посмотреть, как вы глотаете огонь. Естественно, на наши мистерии я допустить вас не могу. Как вам известно, их нелегко постичь. И я не могу вам рассказать о них. Разве лишь одно: ты снова родишься, поскольку до конца прошел свой путь. То есть если до конца прошел свой путь. И когда умрешь, сможешь избежать... — Каллий запнулся. Птица села на сук. — Как бы то ни было, я сражался при Марафоне, хотя мне полагалось быть в жрецеском облачении, — сами понимаете, я всегда должен носить его. Как жрец или как воин, но я убил в тот день причитающуюся мне часть персов...

— И нашел в канаве золото.

Каллий утомил Анаксагора, как и меня, но Анаксагор имеет то преимущество, что не обязан его терпеть.

— Молва сильно исказила эту историю. — Каллий вдруг стал стремиться к точности. — Мне случилось захватить пленного, который из-за вот этой ленты на голове принял меня за стратега или царя. Поскольку он говорил только по-персидски, а я только по-гречески, объясниться мы не могли. Я не мог сказать, что занимаю лишь одно положение — являюсь носителем факела. К тому же мне было всего семнадцать или восемнадцать, и он мог бы и сам понять, что я ничего из себя не представляю. Но он не понял и указал мне место на берегу реки — а вовсе не в канаве, — где спрятал ларец с золотом. Естественно, ларец этот я взял себе. Законная военная добыча.

— А что стало с хозяином этого золота?

Все Афины знают, и Анаксагор тоже, что Каллий тут же и убил того перса, а деньги вложил в вино, оливковое масло и морские перевозки. Сейчас он богаче всех в Афинах. Ему

непомерно завидуют. В Афинах все чему-нибудь да завидуют, даже отсутствию предмета для зависти.

— Я отпустил его. Естественно.

Врет Каллий очень непринужденно. За глаза его зовут Каллий-разбогатевший-в-канаве.

— Золото было выкупом. Естественная вещь в сражении. Между греками и персами такое случается каждый день, вернее, раньше случалось. Теперь с этим покончено — и все благодаря нам с вами, Кир Спитама! Весь мир будет вечно нам благодарен.

— Мне хватит и нескольких лет.

Во время перемены блюд к нам присоединилась Эльпиниса. Это единственная женщина в Афинах, которая обедает с мужчинами, когда захочет. Она пользуется тем, что приходится женой богачу Каллию и сестрой великолепному Кимону, сестрой, а заодно и вдовой. Прежде чем выйти за Каллия, она жила с братом как с мужем, приводя этим в трепет афинян. Последнее говорит о незрелости греков как нации: они еще не понимают — когда братья женятся на сестрах, великие фамилии становятся еще более великими. По сути дела, каждый суть половина единого и, соединившись в браке, каждый удваивает свою значительность.

Про Эльпинису также говорят, что на самом деле она, а не Кимон, руководила партией консерваторов. Кроме того, она оказывает сильное влияние на своего племянника Фукидида. Эта женщина вызывает восхищение и страх. С ней приятно проводить время. Высокая, как мужчина, Эльпиниса обладает сокрушительной красотой — моим информатором выступает Демокрит, он в свои восемнадцать лет так внимательно всех рассматривает, что от его пристального взгляда не ускользнет ни один седой волос. Эльпиниса говорит с мягким ионийским акцентом, который я так же люблю, как не люблю жесткий дорийский. Самого меня научила греческому моя мать, она из Ионии.

— Я веду себя неприлично — знаю, но ничего не могу поделать. Обедать одной в кругу мужчин — какое бесстыдство! Как милетская гетера — разве что не играю и не пою.

Гетерами здесь называют изысканных проституток. Хотя в греческих городах женщины не пользуются большими правами, случаются варварские отклонения от правил. Когда я в первый раз присутствовал на играх в одном малоазийском городе, меня удивило, что незамужних девушек поощряли посещать игры в гимнасиях — пусть оценят сво-

их будущих мужей в голом виде. А замужним женщинам смотреть на игры запрещалось по вполне разумной причине: не стоит присматривать замену законному супругу. В консервативных Афинах женам и девицам редко разрешают выходить из дому, а уж посещать игры и подавно. Но Эльпиниса — исключение.

Я слышал, как важная дама устраивается на ложе подобно мужчине — женщинам в тех редких случаях, когда они делят трапезу с мужчинами, полагается скромно сидеть в кресле или на табурете. Но Эльпинисе наплевать на обычаи. Она ведет себя так, как ей нравится, и никто не смеет ее упрекнуть — в глаза. Как сестра Кимона, жена Каллия и тетка Фукидида, она первая дама в Афинах. Эльпиниса часто бестактна и, как правило, не скрывает своего презрения к Каллию, который от нее без ума.

Я все не могу решить насчет Каллия, дурак он или нет. Пожалуй, у него и без найденного в канаве сокровища хватило бы ума сделать состояние. Но его практичность в делах перечеркивается совершенной наивностью во всех остальных областях жизни. Когда его двоюродный брат — благородный, честный, бескорыстный (насколько это возможно для афинянина) государственный муж Аристид жил в бедности, Каллия упрекали в том, что он-де не помогает своему родственнику и его семье.

Осознав угрозу своей репутации, Каллий упросил Аристида рассказать на собрании, как часто он отказывался от предложенных ему денег. Благородный Аристид в точности исполнил просьбу. Каллий поблагодарил его, но денег так и не дал. В итоге теперь его считают не только скупердям, но и совершенным лицемером. Аристид же прославился своей справедливостью и беспристрастностью. Не знаю почему. Чувствую огромные пробелы в своих знаниях этого города и его политической истории.

Прошлой ночью Эльпиниса заполнила один из них:

— У нее родился сын. Сегодня утром. Он в восторге.

Он и она, произнесенные с особым выражением, всегда означают гетеру Аспасию и ее любовника стратега Перикла. Консервативного Каллия это очень позабавило.

— Значит, сына придется продать в рабство. Так гласит закон.

— Закон так не гласит, — возразил Анаксагор. — Мальчик рожден свободным, поскольку его родители свободны от рождения.

— Это не согласуется с новым законом, на котором Перикл сам же настаивал и вынудил собрание принять. Там ясно сказано: если мать иностранка или отец иностранец... Я хочу сказать, не афиняне...

Каллий запутался. Анаксагор поправил его:

— Чтобы быть гражданином Афин, необходимо, чтобы оба родителя были афинянами. Раз Аспазия родом из Милета, ее сын не может считаться афинским гражданином и занимать государственные должности. Но он не раб, так же как его мать и как остальные иностранцы.

— Ты прав, а Каллий заблуждается. — Эльпиниса быстро все расставляет по своим местам. Она напоминает мне мать Ксеркса, старую царицу Атоссу. — Но, как бы там ни было, меня радует, что Перикл сам настоял перед собранием на принятии подобного закона. Теперь этот закон лишает афинского гражданства его же сына.

— Но у Перикла есть другие сыновья. От законной жены.

Каллия все еще глубоко задевает — или он только делает вид, — что много лет назад жена его старшего сына бросила мужа, чтобы выйти за Перикла, разбив тем самым две семьи.

— Плохие законы должны работать против тех, кто их принял, — произнесла Эльпиниса, словно цитируя чье-то изречение.

— Так сказал Солон? — спросил я.

Солон — это легендарный мудрец, афиняне часто его цитируют.

— Нет. Так сказала я. Люблю цитировать себя. Я не отличаюсь скромностью. Так кто же будет царем на нашем ужине?

Как только убирают второе блюдо, у афинян принято выбирать ведущего, который, во-первых, решает, сколько воды добавлять в вино — малое количество воды означает фривольную вечеринку, — и, во-вторых, выбирает тему беседы. Затем царь по мере возможности руководит беседой.

Мы выбрали Эльпинису. Она назначила три доли воды на одну вина. Намечалась серьезная дискуссия. И в самом деле, состоялось опасное обсуждение природы Вселенной. Я говорю «опасное», потому что существует местный закон, — нашлось место для законов! — запрещающий не только занятия астрономией, но и всяческие рассуждения о природе небес и звезд, Солнца и Луны, мироздания.

Древняя религия утверждает, что два величайших небес-

ных светила — это божества, уважительно называемые Аполлон и Диана. Как только Анаксагор заводит речь, что Солнце и Луна — просто огромные раскаленные камни, вращающиеся в небесах, он подвергается риску быть обвиненным в святотатстве. Однако надо сказать, что те из афинян, кто способен размышлять, только и делают, что размышляют об этих предметах. Но существует постоянная опасность, что кто-нибудь из врагов обвинит тебя перед собранием в святотатстве, и если на этой неделе тебя за что-то невзлюбили, то могут и приговорить к смерти. Афиняне не перестают удивлять меня.

Но прежде чем нам затронуть опасную тему, Эльпиниса поинтересовалась моим мнением о выступлении Геродота в Одеоне. Я старательно избегал защищать политику Велико-го Царя по отношению к грекам, — как можно! — но упомянул про ужас, с каким выслушал клевету на нашу царицу-мать. Вопреки тому, что Геродот счел уместным поведать публике, Аместрис не дала ни малейшего повода говорить о себе как о кровожадной мегере. Когда он рассказал, что незадолго до описанных событий царица заживо сожгла несколько персидских юношей, зрители содрогнулись от восторга. На самом деле все было совсем не так. После убийства Ксеркса некоторые знатные фамилии подняли смуту. Когда порядок был восстановлен, сыновей восставших казнили, как водится. Магический ритуал требует выставить мертвые тела напоказ перед народом, пока они не начнут разлагаться, но, как верная последовательница Зороастра, Аместрис отвергла магов и приказала похоронить казненных юношей. Это был рассчитанный политический шаг, еще раз демонстрирующий победу Зороастра над поклонниками демонов.

Я рассказал о безупречной верности Аместрис ее мужу Великому Царю, о ее героическом поведении во время его убийства, о ее предусмотрительности и уме, проявленных в борьбе за трон для сына.

Эльпиниса пришла в восторг:

— Мне надо было стать персидской дамой. Очевидно: в Афинах я пропадаю зря.

Каллий был неприятно удивлен:

— Ты и так слишком свободна. Не уверен, что даже в Персии найдется женщина, которой бы позволяли возлежать на ужине рядом с мужчинами, распивать с ними вино и вести кошунственные речи. Тебя просто заперли бы в гареме.

— Нет, я водила бы в бой войска, как эта — как ее звали? — из Галикарнаса. Артемизия? Вы должны приготовить ответ Геродоту, — обратилась она ко мне.

— И рассказать нам обо всех ваших путешествиях, — добавил Каллий. — Обо всех восточных странах, что вам довелось повидать. Торговые пути... Это действительно может оказаться весьма полезным. Как добраться, например, до Индии и Китая.

— Но важнее торговых путей теории о сотворении мира, которые вы там узнали.

Нелюбовью к торговле и политике Анаксагор отличается ото всех остальных греков.

— И вы должны записать учение вашего деда Зороастра. Всю жизнь слышу о Зороастре, но никто мне так и не объяснил, кто он такой и что он в действительности считал природой всего сущего.

Последовавшую дискуссию оставлю Демокриту записать самостоятельно. Я запомнил лишь, что Каллий, как и следовало ожидать, объявил о своей вере во всех богов. А иначе как же ему удалось трижды победить на Олимпийских играх в гонках колесниц? Впрочем, он ведь носитель факела на Элевсинских мистериях Деметры.

Эльпиниса придерживалась учения скептиков. Она любит очевидность, то есть ей нужны убедительные аргументы. Для греков в словах важна лишь убедительность. Они мастера так подбирать слова, что совершенно немислимые вещи звучат правдоподобно.

Как всегда, Анаксагор держался скромно. Он говорит как «просто любопытствующий». Хотя этот упавший с неба камень подтвердил его теорию о природе Солнца, Анаксагор после этого стал еще скромнее, поскольку «так много еще осталось узнать!».

Демокрит спрашивал его о пресловутых частицах, которые всюду и которые невозможно увидеть.

После третьей чаши разбавленного вина Анаксагор сказал:

— Все в мире есть сочетание и разделение вечно существующих частиц. Ничто создать невозможно и уничтожить тоже ничего нельзя.

— Конечно, — заметил я. — Ничто — оно и есть ничто и не существует по определению. Естественно, его нельзя создать.

— Слово «ничто» неудачно? Тогда скажем «все». Пред-



ставим все как бесконечное множество мельчайших частиц, которые и составляют все сущее. Тогда во всем есть все.

— В это поверить гораздо труднее, чем в то, что, скорбя по своей дочери, Деметра спускается в царство Аида и забирает с собой весну и лето, — сказал Каллий и забормотал молитву, как приличествует высокому жрецу на Элевсинских мистериях.

— Я не сравниваю, Каллий. — Анаксагор всегда очень тактичен. — Но ты ведь признаешь, что в миске с чечевицей нет ни одного волоса.

— Будем надеяться, — вставила Эльпиниса.

— А обрезков ногтей? Осколков костей?

— Я согласен с моей женой. То есть надеюсь, что никакие из названных предметов не смешались с чечевицей.

— Прекрасно. Я тоже согласен. Мы также согласимся, что как ни рассматривай зернышко чечевицы, в нем нет ничего, кроме самого зернышка. То есть в нем нет человеческих волос, костей, крови и кожи.

— Определенно нет. Но сам я все равно не люблю чечевицу, как и всякую крупу впрочем.

— Это потому, что Каллий на самом деле пифагорец, — заметила Эльпиниса.

Пифагорейцы запрещают членам своей секты есть любые семена, так как те содержат переселяющиеся человеческие души. Это индийское воззрение каким-то образом подхватили пифагорейцы.

— Не в том дело, просто я не очень хорошо вижу.

Каллий счел, что пошутил.

— Если человек будет питаться одной чечевицей, — настаивал на своем Анаксагор — и невидимой влагой, у него все равно будут расти волосы, ногти, кости, сухожилия. Таким образом, все составляющие человеческого тела как-то присутствуют в чечевице.

Остальную часть беседы, интересной и поучительной, Демокрит запишет для себя, не для меня.

Каллий с Эльпинисой ушли первыми. После их ухода Анаксагор, подойдя к моему ложу, произнес:

— Я некоторое время не смогу приходить к вам. Вы понимаете...

— Мидофильство?

Греки называют мидофилами тех, кто благоволит к персам и их собратьям мидийцам.

— Да.

У меня это вызвало скорее раздражение, чем тревогу.

— Эти люди не могут трезво взглянуть на вещи. Не желай Великий Царь мира, я не был бы послан в Афинах, а командовал войском.

Сказав это, я поступил не очень мудро. Сказалось вино.

— Перикл популярен. Я его друг. К тому же я приехал из города, когда-то принадлежавшего Великому Царю. Так что рано или поздно меня обвинят в мидофильстве. Ради Перикла я надеюсь, что это случится не скоро.

Совсем молодым Анаксагор сражался при Марафоне на нашей стороне. Мы никогда не касаемся этого эпизода в его жизни. В отличие от меня, у него нет ни малейшего интереса к политике. И поэтому его непременно используют, чтобы насолить Периклу.

— Лучше будем надеяться, что обвинение минует вас, — сказал я. — Иначе они приговорят вас к смерти.

Анаксагор издал короткий вздох, что можно было истолковать как смешок.

— Путь в царство Аида одинаков, где бы и когда бы ты его ни начал.

Тут я задал самый беспощадный из греческих вопросов, впервые сформулированный не слишком трезвым и рассудительным автором «Персов»:

— Не лучше ли человеку вообще не рождаться?

— Разумеется нет, — последовал мгновенный ответ. — Стоит пожить хотя бы для того, чтобы изучать небо.

— Я, к несчастью, его не вижу.

— Тогда чтобы слушать музыку. — Анаксагор никогда не теряет темы. — Все равно Перикла обвиняют в том, что за восстанием в Эвбее стоят спартанцы. Так что нынче врагом Афин выступает Спарта, а не Персия. — Анаксагор понизил голос до шепота: — Когда я сказал стратегу, что пойду вечером сюда, он попросил извиниться перед вами. Он хочет как-нибудь принять вас, но за ним постоянно следят.

— Такова афинская свобода.

— Есть города и похуже, Кир Спитама.

Уже когда он направился к выходу, я спросил:

— А где были эти мельчайшие частицы до того, как разум привел их в движение?

— Везде.

— Это не корректный ответ.

— Возможно, но и вопрос не был корректен.

Я рассмеялся:

— Вы напомнили мне одного мудреца, которого я встретил на Востоке. Когда я спросил его, как возник мир, он дал невразумительный ответ. На мое замечание, что в его ответе нет смысла, он сказал: «Бессмысленные вопросы предполагают соответствующие ответы».

— Мудро, — неуверенно заметил Анаксагор.

— Но *почему*, по какой причине разум привел их в движение?

— Потому что такова внутренняя природа разума.

— Это можно доказать?

— Доказано, что Солнце — это камень, столь быстро вращающийся, что загорелся. Раньше оно должно было где-то покоиться, иначе к настоящему времени уже сгорело бы, как тот кусок, когда упал на землю.

— Тогда почему вы не можете согласиться со мной, что разум, приведший все частицы в движение, принадлежал Мудрому Господу, чьим пророком был Зороастр?

— Вы должны больше рассказать мне о Мудром Господе и что он говорил вашему деду. Возможно, Мудрый Господь и есть тот разум. Кто знает? Я не знаю. Вы должны рассказать мне о нем.

Анаксагор показался мне очень любезным. Он не торопится с выводами, как большинство софистов. Я подумал о своем родственнике Протагоре. Он обучает юношей так называемой морали, и они платят ему за обучение. Он богатейший софист в греческом мире — так говорят другие софисты, а уж им ли не знать.

Много лет назад я встретил Протагора в Абдере. В один прекрасный день он пришел в дом к моему деду, принес дрова. Это был симпатичный молодой человек с живым умом. Позднее он каким-то образом получил образование. Не думаю, что ему помог дед, хотя и был очень богат. Протагор не появлялся в Афинах уже несколько лет. Говорят, он дает уроки в Коринфе — городе, переполненном вольнодумными и нечестивыми молодыми бездельниками, как считают афиняне. Демокрит восхищается нашим родственником и предложил мне прочитать одну из его многочисленных книг. Я отказался от такого удовольствия. Хотя не прочь встретиться с этим человеком снова. Перикл тоже обожает Протагора.

Не считая одной короткой встречи со стратегом, я больше ни разу не был в той части города, где живет Перикл. И потом, как вчера вечером сказал Анаксагор, за Периклом

всегда следят. Хотя он фактический правитель Афин, его тем не менее могут обвинить на собрании в мидофильстве или атеизме — или даже в убийстве своего политического наставника Эфиальта.

Демокрит считает этого великого мужа тупым. Правда, он восхищается Аспазией. Недавно его стали принимать у нее в доме, где постоянно живет с полдюжины прелестных милетских девиц.

Поскольку я диктую Демокриту, то не имею возможности изложить свой взгляд на подобающее молодому человеку поведение в обществе. Он уверяет меня, что Аспазия, несмотря на свой солидный возраст — ей двадцать пять, — еще прекрасно выглядит. И бесстрашна — тоже неплохо, потому что в этом беспокойном городе хватает страхов, особенно для метеков — так здесь называют иностранцев, — а она из Милета, да еще любовница человека, которого ненавидят исконные аристократы и их многочисленные прихлебатели. И ко всему еще окружила себя блистательными мужчинами, не верящими в богов.

В настоящее время один полоумный прорицатель угрожает обвинить Аспазию в святотатстве. Если он исполнит свое обещание, ей грозит реальная опасность. Но по словам Демокрита, при упоминании об этом прорицателе Аспазия только хохочет. Разливает вино. Дает советы музыкантам. Слушает сплетни. Проводит время с Периклом и его новорожденным сыном.

### 3

Вначале был огонь. Все сущее казалось объатым пламенем. Мы выпили священной хаомы, и мир представлялся нам вечным и светлым, как само пламя на алтаре.

Бактрия. Мне семь лет. Я стою рядом со своим дедом Зороастром. В одной руке у меня ритуальный пучок прутьев, и я смотрю...

Только я начал вспоминать тот страшный день, как раздался стук в дверь. Поскольку слуг никогда не бывает на месте, Демокрит открыл сам и впустил софиста Архелая с одним из его учеников, молодым каменщиком.

— Его арестовали!

У Архелая голос громче, чем у любого из слышанных мною греков. Это значит — самый громкий голос в мире.

— Анаксагора, — пояснил молодой каменщик. — Его арестовали за оскорбление святынь.

— И за мидофильство, — гремит Архелай. — Вы должны что-то предпринять!

Я сохраняю любезность:

— Но поскольку в Афинах я представитель Мидии, не думаю, что мои слова могут повлиять на собрание. Скорее наоборот.

Архелай, однако, думает иначе. Он хочет, чтобы я обратился к властям и заявил, что после заключения мирного договора Великий Царь ничего не замышлял против греков. И раз между Персией и Афинами царит мир, Анаксагора нельзя обвинять в мидофильстве. Этот довод показался мне довольно простодушным, как и сам Архелай.

— К сожалению, одно из условий договора — он не должен обсуждаться публично.

— Перикл имеет право его обсуждать. — Голос эхом разносился по двору.

— Право имеет, — подтвердил я. — Но не будет. Дело тут довольно деликатное. Кроме того, даже если бы договор можно было обсуждать, афиняне все равно могут признать Анаксагора виновным в мидофильстве или в чем угодно, как им заблагорассудится.

— Совершенно верно, — согласился со мной ученик.

Молодого каменщика зовут Сократ. Если верить Демокриту, он сколь безобразен, столь и умен, то есть необычайно. Прошлым летом по рекомендации Демокрита я нанял его подлатать фасад дома, так он так напортачил, что теперь в стене с дюжину новых трещин, через которые свистит ледяной ветер. В итоге переднюю комнату мне пришлось освободить как нежилую. Сократ предложил все переделать, но боюсь, что если он еще поорудует тут своим мастерком, то глиняный дом просто рухнет нам на голову. Как работник он просто удивляет. Штукатуря стену, он может вдруг на минуту замереть, уставившись куда-то вверх и прислушиваясь к некоему духу внутри себя. Когда я спросил Сократа, о чем ему поведал этот дух, он просто рассмеялся и ответил:

— Он любит лишь задавать вопросы.

Некомпетентность этого духа поразительна. Но пожалуй, неунывающий Сократ такой же никудышный софист, как и каменщик.

Архелай согласился, что, раз консерваторы не смеют на-

пасть на Перикла, они должны довольствоваться обвинением его друга. Но я не согласился на его предложение выступить перед собранием и объявить о несостоятельности обвинения в мидофильстве.

— С чего бы им меня слушать? — спросил я. — Кроме того, главное обвинение заключается в оскорблении святынь, и в этом он действительно виновен. Как и ты, Архелай. Как и я, в глазах обвиняющей его толпы. Кто выдвинул обвинение?

— Лисикл, торговец баранами.

Это имя ударило мне в уши, как морской прибой. Лисикл — грубый надоедливый тип, он старается нажать капитал, служа Фукидиду и консерваторам.

— Тогда все предельно очевидно, — сказал я. — Фукидид нападет на Анаксагора и его друга Перикла. Перикл примет за щит защищать Анаксагора — и свою администрацию.

— А вы?..

— Я не стану вмешиваться. — Ничто не могло поколебать моего решения. — Мое положение здесь весьма шатко, если не сказать большего. Когда консерваторы решат, что пришла пора начать новую войну с Персией, меня приговорят к смерти — если время не опередит ваших политиков.

Я выразительно кашлянул, но потом не смог остановиться. Я действительно нездоров.

— А что будет после вашей смерти? — вдруг очень неучтиво спросил Сократ.

Разинутым ртом я хватал воздух; казалось, прошла вечность, пока мне удалось вдохнуть.

— Прежде всего, меня уже не будет в Афинах.

— Но вы верите, что продолжите существование в другом образе?

Молодого человека искренне заинтересовало, что я об этом думаю, точнее, что думают по этому поводу последователи Зороастра.

— Мы верим, что все души созданы Мудрым Господом при сотворении мира. Значит, они рождены однажды, и только однажды. Хотя на Востоке верят, что душа рождается и умирает, снова рождается и снова умирает в другом образе — и так тысячи и тысячи раз, снова и снова.

— Такого же мнения придерживается Пифагор, — сказал Сократ. — Когда мы с Архелаем были в Самосе, то встретили одного из старейших учеников Пифагора. Он говорил, что его учитель вынес свое учение из Египта.



— Нет, — твердо возразил я, сам не знаю почему, — ведь я ничего не знаю о Пифагоре.

Архелай начал терять терпение:

— Все это прекрасно, почтенный посол, но остается факт: нашего друга арестовали.

— Остается также факт, что люди умирают, — хладнокровно заметил Сократ, — а что происходит или не происходит с живущим в теле сознанием — представляет большой интерес.

— Что нам делать?

Казалось, Архелай сдерживает обуревающие его слезы. В юности он учился у Анаксагора.

— Не стоит спрашивать у меня, — ответил я. — Лучше сходите к стратегу Периклу.

— Мы ходили. Его нет дома. Его нет в доме правительства. Его нет у Аспазии. Он исчез.

В конце концов Архелая удалось выпроводить. Анаксагор же тем временем томится в тюрьме, и на ближайшем собрании Фукидид выступит против него с обвинением. Допускаю, что Перикл возьмет на себя его защиту.

Я сказал «допускаю», потому что сегодня рано утром спартанское войско пересекло границу и вступило в Аттику. Стратег Перикл вывел войска на боевые позиции, и война, которую так долго ожидали, наконец началась.

У меня мало сомнений в ее исходе — Афины проиграют. Демокрит расстроен. Я толкую ему, что не вижу разницы, кто победит. Мир не рухнет. Как ни смотри, между Спартой и Афинами нет больших различий. И спартанцы, и афиняне — греки.

Я объясню тебе, Демокрит, то, чего не успел рассказать твоему другу, когда он спросил, что будет после смерти. Освободившись от тела, душа возвращается к Мудрому Господу. Но сначала она должна пройти по мосту избавления. Те, кто в жизни следовал Истине, пройдут в дом радости и счастья. Кто следовал Лжи — то есть служил брату-близнецу Мудрого Господа, Ахриману, олицетворяющему зло, — окажутся в доме Лжи и испытают всевозможные мучения. В конечном счете, когда Мудрый Господь сокрушит зло, все души станут как одна.

Демокрит хочет знать, зачем Мудрый Господь вначале сотворил Ахримана. Это хороший вопрос, и мой дед ответил на него раз и навсегда. В момент сотворения Мудрый Господь сказал своему брату-близнецу:

— Ни наши мысли, ни наши деяния, ни наше сознание, ни души никогда не придут к согласию.

Демокрит говорит, что это не ответ. А я скажу, что это глубже, чем ответ. Ты недоволен, что я не объяснил, зачем он создал злого брата. Но оба появились одновременно. Кто создал их? Ты очень по-гречески дотошен. Дай мне объяснить.

В момент сотворения было только бесконечное время. Но затем Мудрый Господь решил устроить Ахриману ловушку. Он взялся выделить в бесконечном времени период долгого владычества. Человеческая раса попала туда, как муха в кусок янтаря. Когда этот период закончится, Мудрый Господь повергнет своего брата-близнеца, и весь мрак будет поглощен светом.

Демокрит хочет знать, зачем Мудрому Господу все эти хлопоты. Почему он допустил существование зла? Потому, Демокрит, что у него не было выбора. Ты спрашиваешь, чей же это был выбор? Я потратил жизнь в поисках ответа на этот вопрос, я задавал его Госале, Будде, Конфуцию и многим другим мудрецам на Востоке и в странах, что еще точнее.

Устраивайся поудобнее, Демокрит. У меня много воспоминаний, и я дам волю своей памяти. Пока мы в этом доме со сквозняками ждем прихода спартанцев, надеюсь, у нас хватит времени. Я начну с самого начала и расскажу тебе все, что знаю о сотворении этого мира, а также и всех других миров. И объясню, почему существует зло и почему оно не существует.

## Книга II

### В ДНИ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ ДАРИЯ

#### 1

Вначале был огонь. Все сущее казалось охваченным пламенем. Мы выпили священной хаомы, и мир предстал нам вечным и светлым, как само пламя на алтаре.

Бактрия. Мне семь лет. Я стою рядом с моим дедом Зороастром. В одной руке у меня ритуальный пучок прутьев, и я внимательно смотрю, как Зороастр зажигает на алтаре огонь. Когда взошло солнце и пламя ярко разгорелось, маги затянули один из тех гимнов, что передал Зороастру сам Ахурамазда, Мудрый Господь. На тридцатом году жизни мой дед попросил Мудрого Господа указать ему раз и навсегда, как человеку жить праведно и достичь истинного существования. И это чудо случилось.

Мудрый Господь явился Зороастру. Ахурамазда рассказал ему, что именно человек и все человечество должны делать, чтобы очиститься до того, как подойдет к концу время долгого владычества. Поскольку Мудрый Господь огнем осветил путь Истины, которому мы должны следовать, чтобы Ложь не победила нас, Зороастр и те, кто придерживается истинной религии, разжигают священный огонь в месте, куда не проникают солнечные лучи.

Я и сейчас вижу огонь на алтаре, освещающий ряд золотых кувшинов со священной хаомой. Слышу, как маги поют гимн, прославляя Мудрого Господа. Помню ту ноту, на которой они прервали пение, когда с Севера к нам явилась смерть.

Мы пели строки о конце мира: «Когда все люди в один голос громко вознесут мольбу Мудрому Господу, и в это время он подведет итог всему сотворенному им, и у него не останется больше дел...»

Хаома возымела свое действие, моя душа и мое тело стали существовать как бы отдельно друг от друга, и поэтому я не

совсем четко помню, что именно произошло. Помню характерную дрожь дедовых рук, когда он в последний раз поднес к губам кувшин с хаомой. Я просто преклонялся перед ним. Да и кто не благоговел перед Зороастром? Он казался мне непомерно высоким. Но я тогда был ребенком. Позднее я понял, что дед был среднего роста и склонен к полноте.

Помню, что в свете огня завитки его белой бороды казались золотыми. Помню, что в свете огня его кровь казалась жидким золотом. Да, я помню, помню, как сейчас, убийство Зороастра у огненного алтаря.

Как это случилось?

Провинция Бактрия лежит у северо-восточной границы империи. Столица провинции находится не только на пути между Персией и Индией, но также между северными разбойными племенами и теми древними цивилизациями, чьи владения простираются до южных морей.

Хотя уже несколько недель ходили слухи, что северные племена вышли в поход, к защите Бактры никто не готовился. Наверное, люди чувствовали себя в безопасности под властью сатрапа Бактрии Гистаспа, отца Великого Царя. Бактрийцы думали, что ни одно племя не посмеет напасть на город отца Дария. Они ошиблись. Когда Гистасп с войском ушел в Сузы, туранцы обрушились на Бактру. Что они не успели разграбить, то сожгли.

Стоя перед огненным алтарем, мы ничего не знали, пока внезапно и бесшумно не появились туранцы. Громадные люди со светлыми волосами, красными лицами и голубыми глазами. Когда пребывающие в трансе маги наконец заметили их, они в страхе возопили и попытались было убежать, но тут же были зарублены. Кувшины разбились, и золотая хаома смешалась с более темным золотом крови.

Демокрит интересуется, что такое хаома. Я и сам не знаю, что это. Только магам, то есть потомственным жрецам, дозволено готовить хаому, а я не маг. Знаю только, что в основе этого священного одухотворяющего снадобья лежит трава, растущая высоко в горах Персии и напоминающая, как мне говорили, ту, что у вас зовется ревенем.

За прошедшие годы каких только историй не насочиняли про смерть Зороастра! Поскольку он твердо и последовательно выступал против старых божеств, богов-демонов, поклонники этих злых духов верят, что демоны и убили пророка Мудрого Господа. Это ерунда. Эти белобрысые скоты с Севера просто грабили и жгли богатый город. Они и не подозревали, кто такой Зороастр.

Я не двинулся с места, где стоял в начале ритуала, и пучок прутьев так и остался зажатым у меня в руке. Думаю, на меня все еще действовала хаома.

Зороастр же, не обращая внимания на убийц и не отрывая глаз от пламени на алтаре, продолжал обряд. Боюсь, что я хоть и не двинулся с места, но в огонь уже перестал смотреть, как того требует ритуал.

Я зачарованно смотрел на бесчинство, творившееся вокруг. Благодаря хаома я не испытывал страха. Горящие желтым пламенем соседние дома вдруг показались мне сказочно прекрасными. Тем временем Зороастр поддерживал священный огонь на алтаре. Губы под белой бородой в последний раз спросили:

— Прошу тебя, Господь, скажи мне правду: кто из говорящих со мной праведен, а кто порочен? Кто из двоих? Сам я служу Злу или Зло отделяет меня от спасения? Как мне не...

Зороастр упал на колени. Скоро семьдесят лет, как я рассказываю о том, что произошло потом, и иногда я сам себе кажусь школьником, бесконечно повторяющим вызубренный, но так и не понятый текст.

Но иногда во сне я снова вижу это пламя, чувствую запах дыма, смотрю, как туранский воин, высоко подняв мощной рукой топор, вдруг с силой опускает его на шею Зороастра. Пенясь, полилась золотая кровь, старческие губы продолжали шептать молитву, а варвары с тупым любопытством смотрели на моего деда. Зороастр возвысил голос, и я до сих пор слышу каждое его слово. Обычно он задает Мудрому Господу ритуальные вопросы, но на этот раз сам Мудрый Господь заговорил устами своего порока:

— Поскольку Зороастр отверг Ложь и заключил в объятия Истину, Мудрый Господь благословляет его вечной жизнью до окончания вечного времени, и так же будет с теми, кто последует за Истиной.

Туранский топор опустился снова. Зороастр пал ничком на алтарь и благоговейно прижал к груди то, что осталось от сына Мудрого Господа, — горящие угли.

Меня бы тоже зарубили, если бы один из магов не успел унести меня. К счастью, он слишком поздно выпил хаомы и сохранил ясность сознания, благодаря чему я и спасся. Мы провели ночь на дымящихся развалинах городского базара.

Перед рассветом варвары ушли, забрав с собой добычи сколько смогли унести. Все остальное сожгли, кроме город-

ской цитадели, где нашли убежище моя мать и кое-кто из родственников.

Последующие дни я запомнил плохо. Сатрап Гистасп поспешил вернуться в город. По пути он захватил в плен множество туранцев. Мать говорила, мне показывали пленных, чтобы я опознал убийцу Зороастра. Но я не смог. Как бы то ни было, я ничего об этом не помню. В то время от действия хаомы я находился между явью и грезами. Помню пленных туранцев, посаженных на кол за разрушенными городскими воротами.

Через несколько недель Гистасп отвез нас с матерью в Сузы, к царскому двору, где нас встретили не очень-то приветливо. По сути дела, если бы не Гистасп, очень сомнительно, что я остался бы жив и смог насладиться минутами почтенной старости в этом городе — жемчужине среди городов, в который я никогда не чаял попасть, а тем более жить в нем.

Демокрит думает, что Афины великолепны. Но Демокрит никогда не видел цивилизованного мира. Надеюсь, когда-нибудь ты совершишь путешествие туда и изменишь свой греческий взгляд на вещи. Демокрит уже три месяца рядом со мной. Я стараюсь просветить его. Он старается просветить меня. Но мы сходимся в том, что, когда я умру — надо думать, довольно скоро, — ему следует отправиться на Восток. И между тем он слишком грек, слишком афинянин. Запиши это, Демокрит.

Я любил старого Гистаспа. Несмотря на мои малые годы, он обращался со мной как со взрослым. Он относился ко мне как к святому — к семилетнему-то мальчишке! Правда, я был последним, кто слышал предсмертные слова Зороастра — первые слова, произнесенные через человеческие уста самим Мудрым Господом. В результате те маги, что следуют Истине и противостоят Лжи, до сих пор считают меня несколько не от мира сего. С другой стороны, я не являюсь настоящим наследником Зороастра, несмотря на все попытки доброжелателей — и недоброжелателей — сделать меня верховным жрецом.

Демокрит напоминает, что я так и не объяснил, что же такое маг. Определенно, Геродот во время своего нескончаемого чтения в Одеоне много присочинил на этот счет.

В Мидии и Персии магами называют потомственных жрецов, как в Индии их называют брахманами. У всех арийских племен, кроме греков, есть каста жрецов. Хотя греки сохранили арийский пантеон богов и арийские ритуа-

лы, наследование жреческого сана они утратили. Не знаю, как это получилось, но в данном случае они оказались мудрее нас, или им просто повезло.

Персидский обычай требует, чтобы *все* религиозные обряды выполнялись магами. Это доставляет массу неудобств. Хотя большинство магов вовсе не последователи Зороастра, обычай обязывает их прислуживать на наших священных ритуалах. Мой дед изо всех сил пытался обратить их от поклонения демонам к единобожию, но всех его стараний не хватило, и сегодня хорошо, если хотя бы каждый десятый маг следует Истине. Остальные служат Лжи.

Отец мой был третьим, младшим сыном Зороастра. В Скифском походе он, как начальник конницы, сражался бок о бок с Великим Царем Дарием. В сражении на Дунае отца ранили, и он вернулся домой в Бактру, где и умер. Я был тогда слишком мал и не помню его. Мне говорили, что он был очень смуглым и темноволосым, как все Спитамы, с яркими глазами цвета оникса и магическим голосом пророка. Во всяком случае, так говорит моя мать, Лаис. Она гречанка...

Демокрит удивляется, что я говорю о ней в настоящем времени. Я сам удивлен. Но это факт — Лаис жива и живет на острове Фасос, прямо напротив прибрежного города Абдеры, где она родилась в семье греков-ионийцев.

Отец Лаис был верноподданным Великого Царя — презрительной клички «мидофил» тогда еще не употребляли, потому что все греческие города в Малой Азии и множество вдоль Геллеспонта и на Фракийском побережье исправно платили дань Великому Царю. Беда пришла позже, по вине афинян.

Демокрит хочет знать, сколько Лаис лет и как она вышла замуж за моего отца. Начну со второго вопроса. Они встретились вскоре после восхождения Дария на престол. Это было смутное время — вспыхивали восстания в Вавилоне, Персии, Армении. Дарию нужны были деньги, войска, союзники. И он послал моего отца к блестящему двору Поликрата, самосского тирана.

Много лет Поликрат был союзником египетского фараона, противника Персии. Но, увидев, что Египет больше не может противостоять нашей войску, принял — или притворился, что принял — нашу сторону.

Задачей моего отца было получить от Поликрата деньги и корабли. Переговоры были долгими и мучительными. Каждый раз, когда проносился слух, что Дарий потерпел

поражение, отцу приказывали покинуть Самос. Но когда отец уже собирался вступить на палубу отходящего судна, прибывал гонец: пожалуйста, вернитесь. Тиран только что посоветовался с оракулом, и... Другими словами, Дарий не разбит, а одержал победу.

Во время этих нелегких переговоров отцу очень помогал Мегакреон из Абдеры, владелец многочисленных серебряных рудников во Фракии. Мегакреон был верным другом Персии и мудрым советчиком ненадежному Поликрату. Он был также отцом одиннадцатилетней Лаис. Когда мой отец попросил ее руки, Мегакреон с радостью дал свое согласие. В отличие от Дария. Тот не одобрял смешанные браки, хотя сам из политических соображений несколько раз и заключал их.

В конце концов Дарий согласился, но при условии, что мой отец немедленно подыщет, по крайней мере, одну жену-персиянку. Но так получилось, что отцу не пришлось жениться ни на ком из персидских дам, да и вообще больше ни на ком. В тот же месяц, когда я родился, он умер. Лаис было тогда тринадцать лет... так что сейчас ей около восьмидесяти восьми. Это ответ на твой первый вопрос.

Лаис благополучно живет на Фасосе в доме с видом на Абдеру. Это значит, что на дом вечно дует северный ветер. Но она не мерзнет. Она похожа на скифов, даже с виду. Рыжие волосы — или раньше были, — голубые глаза, как у меня. Или были у меня, пока не выцвели.

На этот раз меня сбил ты, Демокрит, а не мои собственные мысли.

Так о чем я говорил? Между Бактрией и Сузами. Между старой жизнью и новой.

Ночь. Эта сцена как будто у меня перед глазами. Я только что вошел в шатер к Гистаспу, сатрапу Бактрии и Парфии. Гистасп казался мне древним, как мой дед, а ведь ему было тогда не более пятидесяти пяти. Это был приземистый, коренастый и очень энергичный человек с высохшей правой рукой. Еще в юности в одном из сражений ему прорубили мышцы до кости.

Гистасп сидел на походном сундуке. По обеим сторонам от него пылали факелы. Когда я собрался упасть перед сатрапом ниц, он здоровой рукой усадил меня на табурет.

— Кем ты хочешь стать?

Он говорил с детьми — или, по крайней мере, со мной —



так же прямо, как со всеми остальными, в том числе и со своим сыном — Великим Царем.

— Думаю, воином.

Я серьезно не задумывался над этим. Я только знал, что не хочу быть жрецом. Учти, жрецом, а не магом. Хотя все маги рождались жрецами, не все жрецы были магами. Определенно, мы, Спитамы, не маги. Я должен также подчеркнуть, что с самого детства меня утомляли религиозные церемонии, а от постоянного заучивания священных текстов болела голова. Иногда мне казалось, что вместо головы у меня кувшин, до краев наполненный священными гимнами. Жители Китая, кстати, считают, что человеческая душа находится не в голове, а в животе. Несомненно, это объясняет, почему они так заботятся о всякой стряпне и сервировке стола. Это также объясняет, почему память у них настолько превосходит нашу: информация хранится не в голове, которая не меняется в размерах, а в растущем животе.

— Воином? Что ж, почему бы и нет? Тебя отправят в придворную школу, где ты будешь учиться вместе со своими сверстниками. И если ты проявишь способности в стрельбе из лука и прочем...

Голос Гистаспа прервался. Он очень легко терял мысль. Я привык к его нескончаемым речам и долгим паузам.

В ожидании, когда он продолжит, я бесцельно уставился на один из факелов. Гистасп счел это знамением.

— Видишь? Ты не можешь оторвать глаз от сына Мудрого Господа. Естественно.

Я быстро отвел взгляд. Несмотря на свои семь лет, я понимал, что последует за этими словами. Так и случилось.

— Ты внук величайшего из людей, когда-либо ступавших по земле. Разве ты не хочешь последовать по его стопам?

— Да. Хочу. Я пытаюсь. — Я умел прикидываться маленьким жрецом, чем и пользовался. — Но я также хочу служить Великому Царю.

— Нет более высокой цели для живущих на земле — кроме тебя. Ты не такой, как все. Ты был там. В храме. Ты слышал голос Мудрого Господа.

Хотя мне посчастливилось, если можно так выразиться, присутствовать при убийстве Зороастра — и это вызывало во мне постоянный интерес ко всем следующим Истине и отвергающим Ложь, — иногда мне кажется, что жизнь моя была бы куда проще, родись я в обычной знатной персидской семье, не осененной божеством. Я всегда чувствую се-

бя самозванцем, когда один из магов целует мне руку и спрашивает, что именно сказал Мудрый Господь. Конечно, я верую. Но я не фанатик. И к тому же меня никогда не удовлетворяло объяснение Зороастра — если это можно назвать объяснением, — откуда возник Мудрый Господь. Что было до него? Я проехал всю землю в поисках ответа на этот вопрос вопросов. Демокрит хочет знать, нашел ли я его. Подожди.

Наверное, доля ионической крови от Лаис сделала меня более скептическим в делах религии, чем это принято среди персов, а тем более среди священного семейства Спитама. Но из всех ионийцев жители Абдеры наименее склонны к скептицизму. Есть даже старая поговорка, что быть тупее абдерца выше человеческих способностей. Похоже, фракийский воздух произвел отупляющий эффект на греческих колонистов, наших с Демокритом предков.

Демокрит напоминает мне, что самый блистательный из греческих софистов — абдерец и наш двоюродный брат. Абдера также гордится величайшим из ныне живущих художников — Полигнотом, который расписал длинный портик на рыночной площади, Агоре, здесь, в Афинах. Я его никогда уже не увижу.

Гистасп снова выразил свое почтение моему деду. Он говорил и не переставал массировать свою высохшую руку.

— Это я спас его от магов. Нет, не совсем так. Зороастра спас Мудрый Господь. Я был лишь его орудием. — Гистасп завел старую песню, никогда ему не надоедавшую, я привык пропускать ее мимо ушей. — Когда Великий Царь Кир сделал меня сатрапом Бактрии, я был молод и верил всему, что говорили маги. Я поклонялся всем божествам, особенно Анахите и Митре. Я часто пил хаому для удовольствия, а не как священный напиток и ни разу не пожертвовал снадобье Мудрому Господу, потому что не знал его. Потом в Бактру пришел Зороастр.

Его прогнали из его родных Раг, и он отправился на восток, от города к городу. Но когда он начинал проповедовать Истину, маги прогоняли его дальше. Наконец он прибыл в Бактру. Маги молили меня изгнать его. Но мне стало интересно. Я заставил их спорить с Зороастром в моем присутствии. Беседовали они семь дней. Один за другим он опровергал их аргументы. Он выставил их богов демонами, пособниками Лжи. Он доказал, что есть лишь один творец — Мудрый Господь. Но рядом с ним существует и Ахриман —

дух зла. Он есть Зло, с которым Истина никогда не смирит-ся...

Оглядываясь назад, теперь я вижу, что по своему темпераменту Гистасп был прирожденным магом или жрецом. Ему, а не мне следовало быть внуком Зороастра. Да по духу он и был им. Когда Гистасп принял учение моего деда, он приказал и всем бактрийским магам принять его. Официально они повиновались. Но втайне большинство до сих пор продолжают поклоняться демонам.

Появление на сцене Зороастра напоминало землетрясение, что постигло тогда Спарту. Он говорил магам, что их боги — на самом деле злые духи. И их ритуалы — в частности, жертвоприношения — он считал не просто нечестивыми, но позорными. Он обвинил их в том, что они устраивают оргии под видом богослужений. Например, маги, поглощая священную хаому, рубили на части живого быка. Затем они оставляли себе те части жертвенного животного, что по праву принадлежат Мудрому Господу. Что и говорить, маги люто ненавидели Зороастра. Но благодаря Гистаспу бактрийским магам пришлось изменить свои обряды.

Вспоминая сейчас ту сцену в шатре у Гистаспа, я начинаю понимать, какие надежды наряду с опасениями питал он насчет моего пребывания при дворе своего сына, Великого Царя.

Несколькими годами раньше, с большой помпой, Дарий признал Мудрого Господа и его пророка Зороастра. Когда моего деда убили, Гистасп решил послать меня к Дарию как постоянное и зримое напоминание о Зороастре. Мне предстояло учиться, как будто я принадлежал к одной из шести знатнейших фамилий, которые помогли Дарию взойти на престол.

— В Сузах ты найдешь много врагов, — говорил мне Гистасп, словно я был не ребенок, а умудренный государственный муж. — Большинство магов поклоняется демонам. И в частности, те, кто из древней Мидии. Они следуют Лжи. И пользуются влиянием при дворе. Мой сын слишком терпим к ним.

Готовность Гистаспа покритиковать своего сына Дария всегда приводила в смятение старых персидских вельмож. Но ни он, ни Дарий не воспитывались при дворе. По правде говоря, главная ветвь царствующей династии Ахеменидов прервалась с убийством сына Кира Великого. Дальний родственник Ахеменидов, молодой Дарий, захватил трон с помощью Шести — и Мудрого Господа. Затем он пригласил

Зороастра к себе в Сузы. Но Зороастр не уехал из Бактры. А уехал бы, может, и прожил бы дольше и я не подвергался бы в течение многих лет таким опасностям.

Гистасп все так и сяк пристраивал свою высохшую руку.

— Сын мой клянется, что следует Истине, а поскольку он перс, то лгать не может.

Теперь, когда я заделался историком — или опровергателем историков, — должен заметить, что для нас, персов, нет ничего хуже лжи, в то время как для греков нет более изысканного удовольствия. Полагаю, это из-за того, что греки живут торговлей, а торговцы, конечно же, не могут быть честными. Знатным персам обычай запрещает что-либо покупать или продавать, и поэтому лгать они не умеют.

Гистасп всегда сокрушался о недостатке религиозного рвения у сына:

— Я понимаю, что Дарию приходится править более чем тысячей городов, и в каждом свои боги. Когда он восстановил наши храмы огня, твой дед радовался. Но когда он отстроил храм Бел-Мардука в Вавилоне, твой дед ужаснулся. И я тоже. Но мой сын считает, что раз он правит всеми землями, то должен и принимать все религии, какими бы отвратительными они ни были.

Гистасп очень медленно провел рукой сквозь огонь факела рядом с собой — старый трюк магов.

— Двор Великого Царя расколот на множество партий. Будь начеку. Служи только Великому Царю и Мудрому Господу. Каждая из главных жен имеет своих сторонников. Избегай их. При дворе избегай греков. Многие из них — тираны, изгнанные новоявленными демократиями. Они всегда стремятся втянуть моего сына в войну с другими греками. Это плохие люди, и они очень убедительно говорят. Поскольку твоя мать гречанка...

Гистасп снова не закончил фразу. Он не любил мою мать за то, что она не персиянка, и он невзлюбил бы и ее сына, не пришлось этому полукровке услышать речь самого Мудрого Господа. Должно быть, это озадачило Гистаспа. Мальчик, наполовину грек, оказался избранным услышать голос Мудрого Господа. Поистине нелегко понять божественные пути. С этим согласны все.

— Пока не подрастешь и не пойдешь в школу, будешь жить в гареме. Будь бдителен. Наблюдай за женами. Три из них имеют большое влияние. Самая старшая жена — дочь Гобрия. Дарий женился на ней, когда ему было шестнад-

цать. У них три сына. Старший — Артобазан. Он уже почти взрослый. Предположительно, после Дария унаследует трон он. Но Великого Царя очаровала Атосса, вторая жена, которая считается царицей, потому что она дочь Кира Великого. Поскольку она тоже родила Дарию трех сыновей, уже после того как он стал Великим Царем, то объявила, что старший из ее сыновей и есть законный наследник. И к тому же, будучи внуком Кира, мальчик в самом деле царственный. Его зовут Ксеркс.

Так я впервые услышал имя человека, ставшего мне другом на всю жизнь. На всю его жизнь.

Гистасп сурово взглянул на меня. Я поборол сонливость и постарался принять заинтересованный вид.

— Атосса — одна из тех, кому ты должен понравиться, — сказал Гистасп, только что советовавший мне избегать всех жен и партий. — Но не заводи врагов среди прочих жен и их евнухов. Ты должен быть скрытным, как змея. Ради Мудрого Господа ты должен уцелеть. Это будет непросто. Гарем — нечестивое место. Астрологи, колдуньи, поклонники демонов — все виды порока находят отклик у женщин. И Атосса хуже многих. Она считает, что должна была родиться мужчиной и стать Великим Царем, как ее отец Кир. Но поскольку она все-таки не мужчина, то старается возместить это магией. Она устроила тайную часовню, где молится злой богине Анахите. Между Атоссой, с одной стороны, и магами, с другой, твоя жизнь будет нелегкой. Маги постараются обратить тебя ко Лжи. Но ты не поддавайся. Помни, что ты посланник Мудрого Господа на земле, что ты послан им наставить Сузы на путь истины, продолжить дело Зороастра, святейшего человека из когда-либо живших.

Все это было чересчур для сонного ребенка, стремящегося поскорее вырасти и стать воином, потому что воинам не нужно столько учиться в школе, как магам и жрецам — или софистам.

## 2

Морозным днем мы отправились в Сузы.

Закутанный в шерсть, я ехал на верблюде рядом с матерью — я так и не научился любить этот способ передвижения. Верблюд — неприятное создание, его ход вызывает у человека точно такую же болезнь, как корабельная качка. По пути к городу мать непрерывно шептала про себя грече-

ские заклинания. К слову сказать, Лаис — колдунья. Она призналась мне в этом через несколько лет жизни при дворе:

— Я фракийская колдунья. Мы самые могущественные ведьмы на земле.

Сначала я подумал, она шутит. Но она не шутила.

— Ведь не умею я колдовать, — любила говорить она, — не уцелеть бы нам в Сузах.

Возможно, в этом была ее заслуга. И все же, позволяя себе заниматься фракийскими таинствами, она ревностно продвигала своего сына как единственного пророка Мудрого Господа, являвшегося, конечно же, злейшим врагом всех тех злых демонов, которым она втайне поклонялась. Лаис — умная женщина.

Уже светало, когда мы подъехали к реке Карун. Длинной вереницей караван неторопливо перешел по деревянному мосту, который стонал и прогибался. Вода внизу была скована льдом, а впереди в лучах солнца сверкал город Сузы. Я и не подозревал, что город может быть таким большим. Вся Бактра уместилась бы на одном базаре. Правда, большинство домов в Сузах — развалюхи, построенные из необожженного кирпича или — еще нелепее — вырыты прямо в земле и покрыты сверху пальмовыми листьями для защиты от палящего летнего зноя и ледящего зимнего холода. Но также правда и то, что построенный незадолго до того дворец Дария — самое великолепное здание в мире, ничто не идет с ним в сравнение. Воздвигнутый на холме, дворец царит над городом, как над Сузами царят покрытые снегом пики Загросских гор.

Сузы лежат на окруженной со всех сторон горами плодородной равнине меж двух рек. Насколько помнят люди, город всегда был столицей Аншана — территории, подвластной сначала эламитами, потом мидийцам. На юго-западе Аншана находится Персидская возвышенность, где во главе местных племен стоял Кир Ахеменид, потомственный владыка Аншана. Когда Киру стало тесно в Аншане, он завоевал Мидию, и Лидию, и Вавилон. Его сын Камбиз завоевал Египет. В результате благодаря Киру и Камбизу, Дарию и его сыну Ксерксу, и его сыну, моему нынешнему господину Артаксерксу, весь мир от Нила до Инда принадлежит персам. От вступления на престол Кира до настоящих дней прошло всего сто семь лет, и так получилось, что большую часть этого удивительного века я жил, жил на свете и находился при персидском дворе.

Летом в Сузах так жарко, что в полдень на улицах нахо-

дят изжарившихся змей и ящериц. Но к этому времени двор переезжает на двести миль севернее, в Экбатану, где мидийские цари выстроили самый огромный в мире и, наверное, самый неприспособленный для жилья дворец. Это деревянное здание занимает больше квадратной мили в прохладной горной долине. В не очень жаркие месяцы Великий Царь обычно вместе с двором переезжал на двести миль восточнее, в древнейший и развратнейший из городов — Вавилон. Но позднее Ксеркс предпочел Вавилону Персеполь, и теперь двор зимует на исконных персидских землях. Старые придворные вроде меня очень тоскуют по томному и знойному Вавилону.

У узких ворот нас встречал «царево око». У царя в каждой из двадцати провинций — сатрапий — есть по меньшей мере одно такое «око». Эта должность — нечто вроде главного инспектора и представителя Великого Царя на местах. В обязанности встречавшего нас входило присматривать за членами царской фамилии. Он почтительно приветствовал Гистаспа и приставил к нам военный эскорт, необходимый в Сузах, поскольку улицы там столь запутанны, что новичок очень быстро потеряется — и зачастую навсегда, если его не сопровождает охрана.

Меня восхитил обширный пыльный базар. Всюду, сколько хватало глаз, стояли шатры и навесы, а яркие флаги отмечали начало и конец каждого каравана. Здесь собрались купцы со всех стран света. Тут же были жонглеры, акробаты, заклинатели змей. Змеи раскачивались в такт пению дудочек, танцевали женщины, укутанные покрывалами, и женщины без покрывал, маги снимали чары, вырывали зубы, восстанавливали мужскую силу. Удивительные цвета, звуки, запахи...

Дворец Дария находится на широкой прямой улице, отгороженный рядом огромных крылатых быков. Фасад дворца покрыт изразцами, изразцовый барельеф изображает победы Дария по всему свету. Эти искусно расписанные фигуры в натуральную величину сделаны прямо из кирпича. Хотел бы я увидеть что-либо подобное в греческом городе! Хотя фигуры похожи одна на другую — каждая в профиль, в древнем ассирийском стиле, — все же представляют они разных Великих Царей и разных приближенных.

На западной стене дворца, напротив памятника какому-то давнишнему мидийскому царю, изображен мой отец при дворе Поликрата в Самосе. Отец держит свиток с печатью Дария и смотрит на Поликрата. За креслом тирана стоит

знаменитый врач Демоед. Лаис считает, что отец не похож на себя, но она не любит условности нашего традиционного искусства. Ребенком она любила смотреть за работой Полигнота у него в мастерской. Моя мать любит реалистичный греческий стиль. Я — не люблю.

Дворец в Сузах тянется с востока на запад, и за его стенами скрыто три двора. Перед главными воротами «царское око» препоручил нас начальнику дворцовой стражи, который сопровождал нас в двор первый. Справа мы увидели портик на высоких деревянных колоннах с каменным основанием. Нам отсалютовали стоявшие там царские стражники, известные как «бессмертные».

По высокому коридору мы проследовали во второй двор, внушительнее первого. Я был еще мальчик, и меня приободрило изображение солнца — символ Мудрого Господа — под охраной сфинксов.

Наконец мы вошли в так называемый «личный двор», где Гистаспа приветствовал главный распорядитель с высшими чиновниками царской канцелярии, выполняющими всю текущую работу по управлению империей. Все распорядители и большинство чиновников — евнухи. Пока старый распорядитель царского двора — кажется, это был Багонат — приветствовал Гистаспа, множество пожилых магов вынесли нам чаши с курящимся фимиамом. Распевая свои непонятные молитвы, они внимательно рассматривали меня. Маги знали, кто я такой, и были настроены недружелюбно.

Когда церемония закончилась, Гистасп поцеловал меня в губы:

— Пока я жив, я буду твоим покровителем, Кир, сын Похураспа, сына Зороастра. — Затем он повернулся к распорядителю, который раболепно съезжился: — Поручаю тебе этого отрока.

Когда Гистасп ушел, я чуть не заплакал. Младший служащий проводил нас с матерью в гарем — это особый мирок внутри большого мира дворца. Показав нам маленькую пустую комнатку наподобие курятника, он ухмыльнулся:

— Ваше помещение, госпожа!

— Я ожидала, что нам предоставят дом. — Лаис была взбешена.

— Всему свое время, госпожа. А пока царица Атосса надеется, что вам с мальчиком будет хорошо и здесь. Что бы вы ни пожелали — вам стоит лишь приказать.

Это было мое первое знакомство с придворным стилем



жизни. Все обещают что угодно и не делают ничего. Сколько Лаис ни приказывала, ни просила, ни умоляла, мы оставались в четырех стенах этой комнатухи, которая глядела на пыльный двор с высохшим фонтаном и дюжиной кур. Куры принадлежали одной из приближенных царицы Атоссы. Их кудахтанье раздражало мою мать, но я кур любил — другой-то компании у меня не было. Демокрит говорит, что теперь кур завозят и в Афины. И как их здесь называют? Ну конечно, персидская птица! Как же еще?

Несмотря на официальное покровительство Гистаспа, нас с Лаис держали почти что на положении заключенных. Великий Царь нас не принял. Его прибытие и отбытие из дворца сопровождалось страшным шумом, боем барабанов и тамбуринов, отчего куры в панике чрезвычайно комично метались по двору, но моя мать трагически возводила глаза к небу. Дальше — хуже: с приходом лета мы не уехали вместе с двором в Экбатану. Никогда я не испытывал такой жары!

Мы не видели никого из царских жен, кроме Аристы, родной сестры Атоссы — и, стало быть, дочери Кира Великого. Очевидно, мы вызвали ее интерес. Однажды после полудня она появилась у нас во дворе. Должен сказать, она оказалась в точности такой красавицей, как о ней говорили.

Лаис была этим озадачена, поскольку всегда считала, что если знаменитости приписывается какое-нибудь достоинство, то в действительности именно его-то больше всего ей и недостает. Для колдуньи все существует как иллюзия. Возможно, в этом есть резон. Я в самом деле думаю, что люди выдумали, будто Аристу была единственной любовью Дария. В действительности ничего на земле он не любил, кроме самой земли, то есть он любил свои обширные земли. Ксеркс, напротив, любил слишком многих людей и потому потерял свои земли.

Аристу сопровождали красивые евнухи-греки, по возрасту не старше меня. Их продавал гарему один малоизвестный самосский торговец, который крал греческих детей. Поскольку греки очень неохотно соглашаются на кастрацию, греческие евнухи пользуются особым спросом, и этот самосец здорово разбогател.

С наибольшей охотой идут в евнухи вавилоняне, и из них в самом деле выходит больше всего толку. Каждый год пятьсот вавилонских юношей с радостью подвергают себя кастрации, чтобы служить в гареме Великого Царя и его вельмож. Поистине юноши эти необыкновенно умны и так же честолюбивы. В конце концов, если ты не родился в знат-

ной семье, стать евнухом — единственный путь попасть ко двору. Не секрет, что до сих пор истинный источник власти находится не на троне, а в гареме, где строят свои козни честолюбивые женщины и хитрые евнухи. В нынешние дни евнухи не только всюду сопровождают жен и наложниц, они стали советниками Великого Царя, государственными сановниками и даже порой военачальниками и сатрапами.

Аристона была в накидке из золотых нитей, с тросточкой из слоновой кости, на щеках ее играл яркий естественный румянец, но она казалась не в духе.

Поскольку Лаис была гречанкой, а я наполовину греком, Аристона велела мальчикам говорить с нами по-гречески.

Лаис прервала ее:

— Нам не нужно переводчика, госпожа. Мой сын — внук пророка.

— Да, я знаю. — Аристона указала на меня своей тросточкой: — Ты умеешь глотать огонь?

Я был слишком напуган и промолчал.

Характер у Лаис был скверный.

— Огонь — это сын Мудрого Господа, госпожа. Не стоит шутить над божественным, это небезопасно.

— О? — Светло-серые глаза расширились. Она напоминала своего отца, Кира Великого, — он был замечательно красивым мужчиной. Я знаю. Я видел залитое воском тело в священных Пасаргадах.

— Да ну? Ведь Бактрия так далеко!

— В Бактрии живет отец Великого Царя, госпожа, там его вотчина.

— Это не его вотчина. Он там просто сатрап. Он Ахеменид из священных Пасаргад.

Лаис, в своем выцветшем шерстяном платье, окруженная курами, не дрогнула перед лицом не только дочери Кира, но и любимой жены Дария. Лаис никогда не знала страха. Колдовство?

— Из Бактрии пришел Дарий, чтобы восстановить империю вашего отца, — сказала она. — И в Бактрии же Зороастр заговорил голосом Мудрого Господа, чьим именем ваш муж Великий Царь правит во всех своих землях. Берегитесь, госпожа, как бы не пало на вас проклятие Единого Бога.

В ответ Аристона подняла к лицу правую руку, нелепо прикрывшись золотистым рукавом, и поспешила удалиться.

Лаис обернулась ко мне, глаза ее горели гневом:

— Никогда не забывай, кто ты. Никогда не отрекайся от

Истины и не следуй Лжи. Никогда не забывай, что ты сильнее, чем все поклонники демонов.

Это произвело на меня сильное впечатление. Ведь я уже тогда понимал, что Лаис нет дела ни до какой из религий (фессалийское колдовство не в счет). Но Лаис очень хитрая и практичная женщина. В Бактре она заставила себя выучить тысячу гимнов и ритуалов, чтобы убедить Зороастра в своем следовании Истине. Затем она постепенно внушила мне, что я не такой, как все, что Мудрый Господь избрал меня быть постоянным свидетельством Истины.

В юности я не сомневался в словах Лаис. Но теперь, когда жизнь близится к концу, я понятия не имею, выполнил я возложенную на меня Мудрым Господом миссию или нет, — даже допуская, что таковая была на меня возложена. Должен также признаться, что за семьдесят лет, прошедших после смерти Зороастра, я насмотрелся на столько божественных ликов в стольких частях этого огромного мира, что уже ничего не могу утверждать определенно.

Да, Демокрит, я помню, что обещал тебе объяснить, откуда возник мир. И я объясню — насколько это вообще поддается объяснению. Что касается существования зла, то это объяснить проще. Сказать по правде, я удивлен, что ты сам не разгадал загадку Лжи, которая и определяет Истину, — в этом кроется подсказка.

### 3

Вскоре после визита Аристоны всех кур во дворе перерезали. Я скучал по ним. Моя мать — нет.

Стояла ранняя осень, когда нас навестил младший канцелярский чин. Его прислал распорядитель. В канцелярии решили, что я должен ходить в придворную школу. Очевидно, весной, когда я проживал при дворе, мне не нашлось в ней места. Но теперь чиновник вознамерился лично сопроводить меня в класс.

Лаис постаралась воспользоваться непонятным случаем и потребовала новые комнаты. Это невозможно, был ответ. Никаких инструкций на этот счет. Она попросила об аудиенции у царицы Атоссы. Евнух с трудом сдержал смех от такой дерзкой просьбы.

И бедная Лаис так и осталась на положении заключенной. Я, по крайней мере, ходил в школу и был от этого в восторге.

Придворная школа делится на две группы. В первой учатся члены царской фамилии — в то время насчитывалось с три десятка принцев в возрасте от семи до двадцати лет, — а также многочисленные сыновья Шести.

Во второй учат сыновей менее знатных вельмож и малолетних «гостей Великого Царя», как называют заложников. Узнав, что я учусь не в первой группе, Лаис пришла в ярость. На самом деле она не понимала, как нам обоим повезло, что мы вообще остались живы.

От школы я был в восторге. Она располагалась в просторном помещении с окнами на огороженный стеной парк, где мы упражнялись в стрельбе из лука и верховой езде.

Нашими учителями были маги старой школы, они ненавидели Зороастра и опасались его влияния. В результате большинство как учителей, так и учащихся-персов старались не замечать меня. Моими товарищами были лишь «гости Великого Царя», поскольку и сам я в некотором смысле являлся «гостем». И я был наполовину грек.

Вскоре я подружился с мальчиком моих лет по имени Милон, чей отец, Фессал, приходился сводным братом афинскому тирану Гиппию. Хоть Гиппий и продолжил золотой век своего отца Писистрата, афинянам это семейство надоело. Ведь известно, что, когда афинянам живется хорошо, они сразу начинают искать себе какую-нибудь неприятность, а такие поиски быстро заканчиваются успехом.

Со мной в классе также учились сыновья милетского тирана Гистиэя. Сам Гистиэй числился в «гостях», поскольку приобрел слишком много богатства и власти. Однако во время вторжения Дария в Скифию он доказал свою преданность — и предусмотрительность.

Чтобы переправить персидское войско в Скифию, Дарий построил из лодок мост через Геллеспонт. Когда Великий Царь вернулся к Дунаю (где ранили моего отца), многие греки-ионийцы хотели сжечь мост и оставить Дария на разтерзание скифам. Если бы Дария убили или взяли в плен, ионийские города объявили бы свою независимость от Персии.

Но Гистиэй отверг этот план.

— Дарий — наш Великий Царь, — сказал он прочим тиранам. — Мы поклялись ему в верности.

Но по секрету Гистиэй предостерег их, что без поддержки Дария ионийская знать заключит альянс с чернью и свергнет тиранов, в Афинах такой союз боролся в то время

против последних Писистратидов. Тираны послушались совета, и мост остался невредим.

Дарий благополучно возвратился домой. В благодарность он подарил Гистизю несколько серебряных рудников во Фракии. И тут, будучи правителем Милета и владельцем фракийских богатств, Гистизей стал уже не рядовым тираном, а могущественным царем. И всегда бдительный Дарий пригласил его с двумя сыновьями в Сузы, где они и стали «гостями». Хитрый, неугомонный Гистизей не мог привыкнуть к жизни «гостя»... Я упоминаю обо всем этом, чтобы лучше объяснить те войны, что Геродот называет Персидскими.

В школе я большую часть времени проводил среди греческих заложников. Хотя маги запрещали нам говорить по-гречески, вдали от учительских ушей мы общались только на этом языке.

Однажды холодным зимним днем мы с Милоном сидели на мерзлой земле, наблюдая, как наши товарищи метают дротик. Одетые по-персидски — в толстые шаровары с тремя парами подштанников, — мы не ощущали холода. Я и сейчас так одеваюсь и часто советую грекам последовать моему примеру, но их невозможно убедить, что несколько слоев легкой одежды спасают не только от холода зимой, но и от жары летом. Греки когда не голые, то кутаются в пропитанную потом шерсть.

От своего отца Милон унаследовал вкус — но не талант — к интриге. Он с удовольствием объяснял мне, кто при дворе какую партию поддерживает.

— Все хотят, чтобы после смерти Дария его сменил на троне Артобазан, потому что он старший сын. Артобазан также внук Гобрия, который все еще думает, что не Дарий, а *он* должен быть Великим Царем. Но пятеро из Шести поддерживают Дария.

— Как же иначе? Ведь Дарий — Ахеменид. Он племянник Кира Великого.

Милон с жалостью взглянул на меня. Да, в Сузах даже мальчишки умеют так смотреть. При дворе даже мальчишки хотят казаться посвященными в секреты, скрытые от остальных.

— Дарий, — сказал Милон, — такой же родственник Кира, как ты и я. Конечно, все знатные персы приходится родней Киру, и поэтому, вероятно, в Дарии есть кровь Ахеменидов — как во мне от моей матери и в тебе от отца. Впро-

чем, в тебе нет — Спитамы на самом деле незнатная фамилия. Они даже и не персы, ведь так?

— Наша фамилия знатнее всех знатных. Мы святые. — Во мне проснулся внук пророка. — Мы избраны Мудрым Господом, который сам говорил со мной...

— Ты в самом деле можешь глотать огонь?

— Да, — сказал я. — И дышать им, когда чувствую божественное вдохновение или гнев. Но если Дарий не родственник Кира, как же он стал Великим Царем?

— Потому что он лично убил верховного мага, обманывавшего всех, выдавая себя за сына Кира.

— Но может быть, тот маг и в самом деле был сыном Кира?

В столь раннем возрасте я уже представлял, какие порядки царят в этом мире. Лицо Милона вдруг стало очень греческим — дорическим. Голубые глаза округлились, приоткрылись розовые губы.

— Как ты можешь произносить такую ложь?!

— Иные люди лгут. — Теперь пришел мой черед показать, что и я не лыком шит. — Но я не умею лгать, потому что я — внук Зороастра. — Я говорил возвышенно и дерзко, с чувством превосходства. — А вот некоторые умеют и лгут.

— Ты называешь лжецом Великого Царя?

Я заметил опасность и аккуратно ее обошел:

— Нет. И поэтому я так удивился, услышав, что *ты* обвиняешь его во лжи. Ведь это *он* называет себя Ахеменидом и родственником Кира, а ты это отрицаешь.

Милон совершенно смешался и перепугался:

— Благородный перс, каковым является отец моей матери, не может лгать. Также не может лгать и афинский тиран, каковым являюсь я...

— Ты хочешь сказать: афинский тиран, каковым был твой дядя?

— Он и теперь тиран. Афины наши! Все знают: до того как мой дед Писистрат стал там тираном, Афины были ничем, и пусть демагоги на собраниях говорят что угодно! Да, Великий Царь — Ахеменид, раз он так говорит. Я всего лишь хотел сказать, что мы все Ахемениды. То есть родня им. В частности, Гобрий и его семья, Отан и его семья...

— Наверное, я неправильно тебя понял.

Я дал ему улизнуть. В Сузах нужно успеть стать ловким царедворцем до того, как пробьется первый пушок на ше-

ках. Придворный мир — место чрезвычайно опасное: один неверный шаг — и смерть, если не хуже.

К тому времени я уже немало наслышался о том, как Дарий сверг сына Кира, но никто при мне не осмеливался вслух сказать, что Дарий не родственник Киру, и я узнал от этого олуха Милона кое-что важное.

Факт, что Дарий — такой же узурпатор, как и смененный им маг, многое объяснял в принадлежности придворных к различным партиям. Теперь я понял, почему тесть Дария Гобрий хотел быть Великим Царем. У него было больше прав на престол, он был одним из Шести и в знатности не уступал Дарию. Но тот его перехитрил. Гобрий признал Дария Великим Царем при условии, что наследником станет Артобазан. Но Дарий быстренько взял вторую жену — дочь Кира Атоссу, и через два года, день в день со мной, у них родился сын — Ксеркс. Если принадлежность Дария к Ахеменидам вызывала сомнения, то в отношении его сына Ксеркса сомнений не было. Он был точно внук Кира Великого, точно Ахеменид.

После рождения Ксеркса двор раскололся на две партии — царицы Атоссы и дочери Гобрия. Шестеро знатнейших склонялись к Гобрию, но другие вельможи поддерживали Атоссу... как и маги. Моя мать утверждает, что Дарий намеренно стравил всех друг с другом, резонно полагая при этом, что замышлять против него у них просто не хватит времени. Это просто, а кем бы Дарий ни был, но уж не простаком. Однако известно, что он подстрекал то одну, то другую сторону.

Сузы были тогда ареной, на которой разворачивалась не одна схватка. Поскольку маги, поклоняющиеся демонам, имели большинство, они всеми силами старались насолить магам — последователям Зороастра. Служителей Лжи поддерживала царица Атосса. Странники Истины должны были пользоваться расположением Великого Царя, но Дарий уклонялся открыто их поддерживать. Он тепло отзывался о моем деде, а затем давал деньги евреям на восстановление их храма в Иерусалиме, вавилонянам на починку храма Бел-Мардука и так далее.

Хотя я был слишком юн, чтобы играть активную роль в этой религиозной войне, присутствие мое при дворе глубоко задело поклонников демонов. Поскольку они пользовались расположением царицы Атоссы, Лаис и я оказались заключенными в ужасном курятнике, откуда нас вызволил Гистасп. Очевидно, в письме своему сыну он поинтересо-

вался моими успехами в школе. В результате меня отправили во вторую группу. И благодаря этому письму Лаис и я спаслись от таинственной болезни, неизменно убивающей тех, кто имел при дворе могущественных врагов. При дворе эту болезнь предпочитали называть лихорадкой.

Однажды ясным утром жизнь моя переменялась снова, совершенно по воле случая, если нашей судьбой правит это единственное из признаваемых греками божество.

Я сидел скрестив ноги в дальнем конце класса и, как всегда, старался казаться невидимым — обычно мне это удавалось. Маг-наставник утомлял нас каким-то религиозным текстом, не помню, каким именно. Возможно, одним из тех бесконечных гимнов плодовитости Анахиты, которую греки называют Афродитой. При дворе прекрасно знали, что Атосса поклоняется Анахите, и маги всячески убажали эту богиню.

По знаку учителя класс завел благодарственную песнь Анахите. Запели все, кроме меня. Когда предлагалось вознести хвалу тому или иному божеству, я хранил молчание, а маги-учителя делали вид, что не замечают меня. Но это утро было не таким, как все.

Маг вдруг прекратил свои завывания и стоны. Класс тоже замолк. Старик посмотрел на меня в упор. Случайность это была или рок? Я никогда не узнаю. Знаю лишь, что я воспринял тот взгляд как вызов. Я встал. Я был готов к... не знаю к чему. Наверное, к бою.

— Ты не пел с нами гимн, Кир Спитама.

— Да, маг. Не пел.

Удивленные лица повернулись ко мне. Милон разинул рот да так и застыл. Я держался крайне непочтительно.

— Почему?

Я принял позу, какую тысячи раз принимал мой дед перед огненным алтарем в Бактре: одна нога чуть впереди другой, а руки ладонями вверх протянуты перед собой.

— Маг! — Я изо всех сил пытался копировать голос Зо-роастра. — Я поклоняюсь только бессмертному, лучезарному солнцу на быстрноном коне. Ведь когда оно восходит по воле Мудрого Господа, земля очищается. Бегущие воды очищаются. Очищаются воды в колодцах. Очищаются стоячие воды. Все священные создания очищаются.

Маг сделал жест, оберегающий его от злых духов, а мои одноклассники взирали на меня, побледнев от страха. Самый тупой понял, что я призываю в свидетели солнце с неба.



— Не взойди солнце, — начал я заключительную часть молитвы, — и злые духи уничтожат все в материальном мире. Но кто поклоняется бессмертному, лучезарному солнцу на быстроногом коне, тот устоит против тьмы, и против демонов, и против незримо надвигающейся смерти!..

Маг бормотал заклинания, чтобы уберечься от меня. Но я не мог остановиться, даже если бы захотел. Громким голосом я направил против Лжи Истину.

— Если ты на стороне Ахримана и всего злого, я молю солнце уничтожить тебя первого во время долгого владычества...

Я не успел закончить проклятие. Маг с воплем бросился прочь, за ним остальные. Помню, я долго стоял один в классной комнате, дрожа, как листочек в весеннюю бурю. Не знаю, как я вернулся во двор, где бродили призраки зарезанных кур. Но слова мои эхом пронеслись по всему дворцу, и незадолго до заката я получил приказ явиться к царице Атоссе.

#### 4

О дворце в Сузах говорят, что там никто не знает, какой коридор куда ведет. Я верю этому. Говорят также, что там ровно десять тысяч комнат, — вот в этом сильно сомневаюсь. Боюсь, если бы о нем писал Геродот, он бы насчитал все двадцать тысяч.

Помню, меня вели по длинному (мне показалось, не менее мили) коридору со зловещими темно-красными пятнами на полу. Мы с матерью никогда не покидали отведенного нам помещения в гареме, но вскоре мне должны были запретить вход туда: когда персидские мальчики достигают семилетнего возраста, их выселяют из гарема и вверяют родственникам-мужчинам. Поскольку, кроме Лаис, у меня не было родни, мне разрешили жить в женском помещении до довольно зрелого возраста — девяти лет. Нельзя сказать, что мы жили в настоящем гареме. Из придворных дам мы в нашей убогой пристройке видели только служанок.

Два необычайно высоких и худых евнуха-вавилонянина встретили меня у дверей апартаментов царицы Атоссы. Один из них предупредил, что до прихода царицы мне надлежит лечь ниц на узорчатый индийский ковер, а когда она войдет, то следует подползти и поцеловать ее правую ступню. Если мне не будет дозволено встать, то нужно оставаться на полу,

не поднимая головы, пока царица не выйдет. Затем я должен отползти по ковру обратно к дверям. И ни в ком случае нельзя смотреть на царицу. Таким же образом верноподданные приближаются к Великому Царю и его представителям. Члены царской семьи и высшая знать низко кланяются своему владыке и в знак покорности целуют правую руку. Если Великий Царь окажет такую милость, особо приближенным он может позволить поцеловать себя в щеку.

Протокол при дворе Дария был строгим, как всегда бывает, когда монарх не родился законным наследником. Хотя двор Ксеркса своим блеском значительно превосходил двор его отца Дария, протокол там соблюдался куда как свободнее. Сын и внук Великих Царей, Ксеркс не имел нужды напоминать о своем величии. И все же я часто думал, что имей он хоть каплю той одержимости властью, что была у его отца, он бы мог сравняться с ним в долгожительстве. Но когда в дело вмешивается рок (как афиняне любят напоминать нам в своих трагедиях, непрерывно повышая плату за зрелище), человеку не выйти из этой борьбы победителем. Как ни высока была слава лысого поэта, орел сбросил ему на лысину несчастную черепаху.

Лаис говорит, что в восемь лет я был необыкновенным ребенком, истинным внуком и наследником Зороастра и все такое прочее. Естественно, она пристрастна, но и другие подтверждают мою необычайную смелость и самоуверенность. Если я действительно производил такое впечатление, я был, пожалуй, незаурядным актером, потому что на самом деле постоянно испытывал страх — и особенно в тот холодный вечер, когда лежал ничком на черно-красном ковре в апартаментах царицы. Сердце мое бешено колотилось.

Комната была небольшая, в ней стояло только кресло слоновой кости с серебряной подставкой для ног да небольшая статуя богини Анахиты. Перед статуей курился фимиам. Вдохнув тяжелый аромат, я беспокойно поежился. Я понял, где нахожусь: в лапах демонов.

Дверь из ливанского кедра напротив меня бесшумно отворилась. Шелестя одеждами, царица Атосса вошла в комнату и села в кресло. Я пополз к ней, нос мой так и терся о складки ковра. Наконец я увидел на подставке две прижатые друг к другу золотые туфли. В панике я поцеловал левую, но царица, казалось, не заметила моего попраха.

— Встань.

Голос Атоссы был низким, почти мужским. Она говорила на изысканном персидском языке исконного аншанского

двора. Нынче такой язык редко услышишь в Сузах, да и не только в Сузах. Старые придворные говаривали, что, слушая Атоссу, они снова слышали голос покойного Кира.

Как ни старался я не смотреть, но краем глаза все же взглянул на царицу. И на нее стоило посмотреть! Не выше меня ростом, она напоминала хрупкую куклу, а маленькое тело венчала совершенно не соответствующая ему огромная голова Кира — с горбатым носом, как у всех Ахеменидов. Ее нос напомнил мне клюв петуха из нашего двора, и я чуть ли не ожидал увидеть ноздри-прорези на переносице.

Волосы Атоссы (или парик) были выкрашены в красный цвет, белки красновато-серых глаз были тоже красными, как волосы. Она страдала неизлечимой глазной болезнью, но так до смерти и не потеряла зрения, счастливица. Толстый слой белил покрывал ее щеки, чтобы скрыть, как говорили, мужскую растительность. У нее были малюсенькие ручки, и все пальцы унизаны перстнями.

— Тебя назвали в честь моего отца, Великого Царя.

При прежнем дворе члены царской фамилии не задавали вопросов. Из-за этого непривычным к придворной жизни стоило труда вести беседу, когда прямые вопросы казались утверждениями, а ответы звучали как вопросы.

— Меня назвали в честь Великого Царя. — Тут я произнес все титулы Атоссы, как обязательные, так и необязательные — на этот счет Лаис меня тщательно проинструктировала.

— Я знала твоего отца, — сказала царица, когда я закончил. — Твоего деда я не знала.

— Он был пророком Мудрого Господа, единственного творца-создателя.

Две пары глаз быстро обратились на улыбающуюся статую Анахиты. Подобно голубой змее, между мной и Атоссой извивалась струйка дыма. У меня выступили слезы.

— Ты говорил это в школе. Напугал учителя. Теперь скажи мне правду, мальчик: ты наложил на него проклятие?

Это был прямой вопрос, в духе нынешнего двора.

— Нет, Великая Царица. У меня нет такого могущества. — И добавил: — Насколько мне известно. — Я не собирался упускать возможное оружие. — Я просто служу Мудрому Господу и его сыну огню.

Неужели в восемь лет я был так мудр, так предусмотрителен? Нет. Но меня натренировала Лаис, которая решила не только выжить при дворе, но и победить.

— Мой отец Великий Царь Кир поклонялся солнцу. И стало быть, огню. Но он поклонялся и другим могущественным богам. Он восстановил храм Бел-Мардука в Вавилоне. Он построил храмы Индре и Митре. Его очень любила богиня Анахита.

Атосса наклонилась к бронзовой статуе. Шею идола украшала гирлянда из живых цветов. Я принял это за дело рук злых духов. Я еще не знал, что в Сузах цветы выращивают в помещении всю зиму, — роскошь, придуманная мидийцами.

Атосса спросила меня о деде. Я рассказал все, что мог, о его откровениях и описал его смерть. На царицу произвело впечатление, что я сам слышал голос Мудрого Господа.

Пусть Атосса и ее маги служили Лжи, но им следовало признать, что Мудрый Господь — единственный всемогущий бог, хотя бы потому что сам Великий Царь объявил всему миру, что корону и победы даровал ему Мудрый Господь. Поскольку Атосса не могла выступить против своего мужа Дария, она касалась этого вопроса с большой осторожностью.

— Зороастра у нас почитают, — сказала она неуверенно. — И конечно, тебя и твою мать...

Атосса нахмурилась в поисках верных слов и затем произнесла изысканную староперсидскую фразу, совершенно непереводимую на греческий, но сводящуюся к чему-то вроде «мы очень любим как своих родственников».

Я склонился до земли, гадая, каких слов от меня ждут. Лаис не подготовила меня к такой любезности.

Но Атосса и не ждала ответа. Довольно долго царица рассматривала меня своими сине-красными глазами.

— Я решила предоставить вам жилище получше. Скажи своей матери, что я была удивлена, узнав, что вы живете в старом дворце. Произошла ошибка. Виновные понесут наказание. Скажи также, что до отбытия двора в Экбатану я приму ее. И еще решено, что тебя переведут в первую группу придворной школы. Ты будешь учиться с принцами царской крови.

Должно быть, я выдал свою радость, но царица не казалась такой довольной.

Уже много лет спустя, когда мы с Атоссой стали друзьями, она призналась мне, что в действительности решение об улучшении нашей жизни исходило не от нее, а лично от Дария. Очевидно, одно из посланий Лаис дошло-таки до Гис-

таспа. Взбешенный, он пожаловался сыну, который и приказал Атоссе обращаться с нами подобающим образом.

— Но, — сказала Атосса двадцать лет спустя, одарив меня своей очаровательной чернозубой улыбкой, — я не собиралась слушаться Великого Царя. Совсем наоборот — я собиралась предать тебя с матерью смерти. Видишь ли, я была вся во власти этих злых магов. Трудно поверить, правда? Как они заморочили нам голову, настроив против Мудрого Господа, Зороастра и Истины! Ведь я действительно следовала Лжи!

— И продолжаете следовать! — Наедине я всегда дерзил Атоссе, это ее забавляло.

— Никогда! — Атосса чуть улыбнулась. — Тебя просто спас тот случай в классе. До тех пор вряд ли кто слышал о тебе и твоей матери. Но когда разошелся слух, что во дворце внук Зороастра, посылающий проклятия магам... Да, тут уже тебя нельзя было не замечать, правда можно было убить...

Но если бы вас с матерью нашли на дне колодца — у меня было такое на уме, лихорадка слишком долгая штука, — прочие жены Дария обвинили бы меня и он был бы недоволен. И мне пришлось изменить курс. Как Лаис старалась спасти свою и твою жизни, так и я стремилась сделать своего сына наследником Дария. Попади я в немилость, Персидская держава досталась бы не моему сыну, а Артобазану, в чьих жилах царской крови не больше, чем у Дария.

— Или Кира Великого, — вставил я.

Со старой Атоссой можно было позволять себе вольности до известного предела.

— Кир был потомственным вождем горных племен. — Атосса ничуть не смутилась. — Он был урожденный Ахеменид, урожденный владыка Аншана. Что касается остального мира... Что ж, он завоевал его обычным образом, и если бы его сына Камбиза не... если бы он не умер, то не было бы никакого Дария. Но это прошлое. Сегодня Ксеркс — Великий Царь, и все оказалось к лучшему.

## 5

Двор покидал Сузы в четыре этапа. Поскольку гарем двигался медленнее всех, женщины и евнухи выезжали первыми. Само собой, носилки Лаис двигались в свите царицы Атоссы. Теперь Лаис стала важной придворной дамой. Следом за гаремом вывозили драгоценности и утварь Великого

Царя. Затем отправлялись чиновники канцелярии со своими бесконечными свитками. Потом должностные лица, законники, знать, и, наконец, на дорогу верхом или на боевой колеснице выезжал сам Великий Царь. Благодаря Милону, я ехал среди знати на запряженной четверкой коней колеснице. Вскоре после моего перехода в первую группу придворной школы Фессал настоял, чтобы его сына тоже приняли туда на том основании, что племянник афинского тирана равен по положению персидскому вельможе или жрецу. Итак, мы с Милоном снова учились вместе, и мне пришлось с кем говорить по-гречески. Когда пришло время отправиться в Экбатану, Фессал настоял, чтобы я ехал вместе с ним и Милоном.

Мы покинули Сузы на рассвете. В Загросских горах таял снег, и вода в обеих реках поднялась. Но через месяц эти бурные потоки превратятся в два грязных ручейка. Я не видел места, где бы было так жарко летом, как в Сузах — а я немало времени прожил в Индии, — и так холодно зимой, а я пересек заснеженные Гималаи.

Фессал сам правил четверкой коней. Когда-то он был победителем Олимпийских игр в гонке колесниц и так же, как Каллий, упивался этим. Игры устраиваются раз в четыре года, и в них есть нечто такое, что сводит с ума даже умнейших из греков. Думаю, если бы Фессалу предложили выбор: быть тираном Афин или получить венок победителя на тридцать девятой Олимпиаде, он бы предпочел пучок оливковых веток.

Со всеми своими носилками и фургонами гарем тащился до Экбатаны недели две. Мальчики с чемпионом-возницей добрались туда за четыре дня. Кстати, тогда же я впервые оценил созданную Дарием превосходную систему дорог. Дариевы дороги расходятся из Суз на север, юго-запад и восток. Через каждые пятнадцать миль стоят почтовые станции, а также постоянные дворы с конюшнями. Вокруг станций вырастают деревушки.

На нашем первом ночлеге я увидел сквозь бело-розовое цветение тысяч плодовых деревьев лачуги нового поселка. К северу от Суз земли чрезвычайно плодородны.

Уважая ранг Фессала, хозяин постоялого двора отвел нам небольшую комнату с низким потолком и земляным полом. Менее значительные персоны спали в конюшнях и коровьих стойлах или просто на земле под звездным небом.

Хотя люди такого ранга путешествуют с собственными шатрами, челядью и утварью, Фессал захотел, чтобы мы пу-

тешествовали, «как воины; ведь вам обоим предстоит ими стать».

— Киру — нет, — сказал Милон. — Он собирается стать жрецом. Он вечно молится и придумывает проклятия.

Хотя Милон плохо помнил свой родной город, афинское ехидство ему не изменяло. Наверное, оно в крови.

Фессал взглянул на меня с интересом:

— Ты потомственный маг?

— Нет. Я не перс...

— Он не перс. Он мидиец.

Милон тактом не отличался. При дворе считалось дурным тоном упоминать о том, что пророк, посланный Мудрым Господом, сам не перс, а мидиец из Раг. Хотя многие представители нашей фамилии пытались это оспорить, Зо-роастр не имел ни капли персидской крови. Правда, я не думаю, что и мидийская есть. Подозреваю, наши корни уходят в истинно древнее племя — ассирийцев, халдеев или вавилонян. Не считая меня, все Ситамы слишком смуглы, слишком экзотичны с виду для мидийцев. Я, благодаря Лайс, светлый, я похож на грека.

Фессал разжег угли на жаровне и испек нам из отрубей и воды солдатский хлеб. Плод его трудов видом и вкусом напоминал подсохшие на солнце коровьи лепешки.

— У тебя великие предки, — сказал Фессал.

Он был красивым мужчиной. В юности он женился на персиянке из Милета, и хотя в ту пору афиняне не так возражали против смешанных браков, как теперь, все в Афинах считали, что если представитель их царствующей династии женится на персиянке, та должна быть по меньшей мере близкой родственницей Великого Царя.

Мне говорили, что Фессал совсем не по-афински любил свою жену. Определенно, он был страстным мужчиной. Роман между ним и будущим цареубийцей Гармодием был столь неистовым, хотя и коротким, что повлиял на судьбу Афин.

Думаю, никто из ныне живущих толком не понимает, что там, собственно, произошло. Эльпиниса, чрезвычайно осведомленная в такого рода делах, думает, что Фессал и его сводный брат Гиппарх были влюблены в Гармодия, прекрасного молодого атлета из Танагры. Естественно, Гармодию льстила любовь братьев афинского тирана. К тому же Гармодий любил пофлиртовать. Официально он был любовником другого танагрийца, начальника конного отряда по

имени Аристокитон. Как обычно в таких случаях, афиняне перессорились. Аристокитон проклинал тирановых братьев, Фессал злился на своего брата, что тот пытается отобрать юношу, сам же юноша... Впрочем, дело это весьма запутанное и может представлять интерес только для афинян. А с другой стороны, эта ссора повлияла на ход истории.

Гиппарх публично оскорбил девственную сестру Гармодия. Считается, он-де выразил надежду, что она не так распутна, как ее брат. Разгневанный Гармодий пошел к своему старому любовнику Аристокитону, и вместе они поклялись отомстить за оскорбление. На большом всеафинском празднике Аристокитон с Гармодием не только убили Гиппарха, но и совершили покушение, правда неудачное, на жизнь Гиппия. Хотя обоих тут же казнили, тирания получила удар, положение Гиппия пошатнулось, и он счел необходимым послать Фессала в Сузы для заключения союза с Дарием. Но в Афинах дело зашло слишком далеко. Из-за любовной ссоры династия Писистрата пала, а на Агоре установили статуи любовников. Между прочим, когда Ксеркс захватил Афины, он увез эти статуи с собой в Сузы, где по моему совету их установили у подножия памятника Писистратидам. До сих пор можно видеть, как молодые убийцы взирают снизу на добрых тиранов, по глупости и ревности изгнанных из города, никогда больше не видевшего такого долгого и славного мира, какой столь мудро и успешно поддерживали потомки Писистрата. Все это нелепо. Только в Афинах любовные страсти смешивают с политикой.

Демокрит напоминает мне, что при персидском дворе любимые жены и наложницы Великого Царя часто пользуются большим влиянием. Это правда. Но когда наши царицы добиваются власти, это происходит не благодаря их сексуальной привлекательности, а благодаря тому, что они сумели управиться с тремя домами гарема, и, кроме того, царица получает большие доходы *независимо* от Великого Царя. К тому же царица может непосредственно влиять на евнухов, управляющих канцелярией. Хотя я и не встречал более подверженного женским чарам человека, чем Ксеркс, ни на мгновение не могу предположить, чтобы его сердечные дела могли влиять на его политику. Впрочем, однажды был такой случай, но это произошло в конце его жизни. Если прожигу достаточно долго, расскажу.

Жуя солдатский хлеб, я постарался убедить Фессала, что тоже хочу стать настоящим воином.

— Это самая лучшая судьба, — сказал он. — И это необ-



ходимо. Мир опасен для тех, кто не может сражаться. Или командовать войском. — Он поворочил угли в жаровне. — Или нанять войско.

Фессал погрузился. Все мы знали, что ему не удалось уговорить Дария помочь Гиппию. В те дни Дарий мало обращал свой взор на греческий мир. Хоть он и владел греческими городами в Малой Азии и простер свою власть на множество островов вроде Самоса, Великий Царь никогда не интересовался западным миром, особенно после поражения на Дунае.

Дария всегда тянуло на Восток, но он никак не мог направить туда все свое внимание. Правда, он совершил экспедицию к реке Инд, но ему хотелось добраться до стран, лежащих еще дальше на восток, и еще дальше, чем те. Дария, как и раньше Кира, постоянно отвлекали эти краснолицые всадники с севера, вечно наседающие на наши границы. Но это были мы сами. Тысячу лет назад исконные арии, налетев с севера, поработили до сих пор находящихся под нашей властью жителей Ассирии и Вавилонии. Теперь под именами мидийцев и персов племена создали новую культуру, и нашего племенного вождя мы называем Великий Царь. Тем временем наши родичи в степях алчно взирают на нас с севера и ждут своего часа.

Фессал задумчиво рассказывал об Афинах. Несмотря на свои малые года, я понимал, что говорит он не просто так. Моя мать водила дружбу с царицей Атоссой. Сказанное мне будет пересказано царице.

— Гиппий — надежный друг Персии. Его враги в Афинах — это враги Персии и друзья Спарты. — Нахмуренное лицо Фессала казалось розовым в свете жаровни. — Гиппий нуждается в помощи Великого Царя.

Снаружи донесся крик:

— Дорогу посланцу Великого Царя!

Послышался шум, гонцу меняли лошадей. Даже в те дни царские посланцы покрывали полторы тысячи миль от Суз до Сард менее чем за неделю. Дарий всегда говорил, что империя держится не войском, а дорогами.

— В один прекрасный день Спарта заключит союз с врагами моего брата в Афинах. И тогда они нападут на Персию.

Даже для ребенка это звучало несуразно. Персия — это же целый мир! Хотя я плохо представлял, что такое Спарта, я знал, что это греческий город, маленький и слабый, где-то

далеко. И я знал, что персы неизменно побеждают греков. Таков закон природы.

— Только мой брат Гиппий, один он и отделяет Персию от Спарты.

Не думаю, что Фессал отличался большим умом. Поскольку он умер, когда я был еще мал, мне не довелось его знать как мужчине мужчину. С другой стороны, я часто встречался при персидском дворе с его братом Гиппием, когда тот был в длительном изгнании. Гиппий не производил впечатления сильной личности, но был хорошо образован.

— Почему Спарта так опасна? — спросил я.

— Спартанцы живут ради войны. Они не любят других людей. Спарта — не город, а казарма. Они хотят завоевать всю Грецию. Завидуют Афинам. Они ненавидят нашего отца Писистрата, потому что его любит народ и любят боги. Сама богиня Афина провела моего отца в Акрополь и перед всеми гражданами наделила его и его потомков властью над городом.

Не знаю, верил ли сам Фессал в эту историю. Нынешние афиняне определенно не верят. Верили ли они раньше? Сомневаюсь.

Истина здесь то, что Писистрат с друзьями уговорили одну высокого роста девушку по имени Фия нарядиться Афиной. Я встретил ее внука, который взахлеб рассказывал, как его бабка тогда сопровождала Писистрата в священный храм Афины в Акрополе. Поскольку большинство афинян все равно поддерживали Писистрата, они прикинулись, будто принимают Фию за Афины. Остальные промолчали — из страха.

Пришло время, и Писистрата из Афин изгнали. Он отправился во Фракию, где владел серебряными рудниками. Какое-то время он имел дела с моим дедом Мегакреоном. Но как только Писистрату удалось снова нажить состояние, он расплатился с аристократической партией Ликурга. Потом подкупил партию торговцев во главе с Мегаклом. Поскольку сам он возглавлял партию афинских простолюдинов, то не мог снова стать в Афинах тираном. Он дожил до старости и умер в довольстве. Ему наследовали его сыновья Гиппий и Гиппарх.

Существует две версии, — две? да их тысячи! — что именно двигало убийцами Гиппарха. Одни считают — политические мотивы. Другие — что просто любовники потеряли голову. Я подозреваю последнее. Как и Эльпиниса. Она недавно выяснила, что ни один из убийц не был связан с извест-

ными фамилиями, вокруг которых сплачивались аристократы — противники тирании. Я имею в виду, конечно же, потомков проклятого... в буквальном смысле проклятого Алкмеона. Он предал смерти множество людей, укрывшихся в храме, и за это был проклят особым проклятием, переходящим от отца к сыну из поколения в поколение. Между прочим, Перикл тоже Алкмеонид по материнской линии. Бедняга! Хотя я и не верю в многочисленных греческих богов, в силу проклятий я склонен верить. Во всяком случае, по предсказанию Дельфийского оракула, внук Алкмеона Клисфен возглавил оппозицию популярному Гиппию.

— Клисфен — опасный человек. — Фессал был мрачен. — И он неблагодарен, как все Алкмеониды. Унаследовав власть после нашего отца, Гиппий дал Клисфену государственную должность. Теперь Клисфен бежал в Спарту и хочет вторгнуться в Афины. Он знает, что только иностранным войском можно справиться с нами. Афиняне против нас не пойдут. Мы популярны. А Алкмеониды — нет.

Несмотря на явную пристрастность, расчеты Фессала оказались верны. Примерно через год Клисфен пришел в Афины со спартанским войском, и Гиппия свергли. Потом тиран поклялся в верности Великому Царю и поселился с семьей в Сигее, городе, что выстроили неподалеку от развалин Трои.

Гиппий водил дружбу со жрецами Аполлона в Дельфах. Он также участвовал в Элевсинских мистериях, где Каллий носил свой факел. О Гиппии говорили, что он понимает в оракулах лучше всех греков. И он умел предсказывать будущее. Однажды в дни моей не знающей сострадания и самоуверенной юности я спросил тирана, предвидел ли он свое падение.

— Да, — ответил он.

Я ждал подробностей, но не дождался. Во всех политических и моральных затруднениях афиняне любят цитировать Солона. И я поступлю так же. Солон был прав, обвиняя не Писистрата, а самих афинян в том, что они оказались под игмом тирана. Он сказал... Что?

Демокрит приводит мне истинные слова Солона:

Вы ведь свой взор обратили на речи коварного мужа.  
Каждый из вас столь хитер, что сравниться с лисицей может,  
Вместе, однако, вы все слабый имеете ум<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Перевод с древнегреческого С. Соболевского.

По-моему, точнее про афинский характер не скажешь — и сказал это афинянин! Лишь одно замечание ложно: никто не попадал под иго. Тиранов любили, и без помощи спартанского войска Клисфен никогда бы не сверг Гиппия. Позднее, чтобы укрепить свою власть, Клисфену пришлось пойти на всевозможные политические уступки черни, поддерживавшей тирана. И результат — знаменитая афинская демократия. В то время единственным политическим противником Клисфена был Исагор, лидер аристократической партии.

Теперь, спустя полвека, ничего не изменилось, разве что вместо Клисфена Перикл, а вместо Исагора Фукидид. Что касается потомков Писистрата, они довольствуются владениями у Геллеспонта. Все, кроме моего друга Милона. Он погиб при Марафоне, сражаясь за свою семью — и за Великого Царя.

Тем вечером по дороге из Суз в Экбатану я стал ревностным сторонником Писистратидов. Естественно, я не упоминаю о своей приверженности перед нынешними афинянами, которых уже полвека учат ненавидеть фамилию, столь любимую их дедами.

Однажды, очень деликатно, я коснулся этого предмета при Эльпинисе. И неожиданно нашел сочувствие.

— Они правили лучше всех. Но афиняне предпочитают хаос порядку. И мы ненавидим великих людей. Смотрите, что они сделали с моим братом Кимоном!

Перикла жаль. Раз все признают его великим человеком, он плохо кончит. Эльпиниса полагает, что через год-два его подвергнут остракизму.

Так на чем я остановился? Экбатана. Даже теперь, когда мои воспоминания не сопровождаются зрительными образами — слепота, похоже, таинственным образом распространилась и на мою память, — я по-прежнему вижу неправдоподобно прекрасный подъезд к Экбатане.

Сначала едешь через темный лес. Потом, когда уже кажется, что ты заблудился или Экбатана куда-то делась, вдруг, как мираж, возникает укрепленный город, окруженный семью концентрическими стенами, каждая своего цвета. На холме за золотой стеной, точно в центре города, стоит дворец.

Поскольку мидийские горы покрыты лесом, дворец весь построен из кипариса и ливанского кедра. От этого внутри крепко пахнет старым деревом и постоянно возникают по-

жары. Но дворцовый фасад обит щитами позеленевшей бронзы, как броней. Некоторые считают, что мидийцы сделали это, чтобы враги не могли сжечь дворец, но я подозреваю, что это просто украшение. Определенно эти щиты придают зданию своеобразную красоту, когда бледно-зеленая бронза начинает гореть в солнечных лучах на фоне темно-зеленого хвойного леса, покрывающего окрестные горы.

В день нашего прибытия в Экбатану мы смогли в течение девяти часов любоваться на ее легендарные красоты — столько времени понадобилось, чтобы пройти через семь ворот. Ничто не сравнится по шуму и суматохе с прибывающим в столицу персидским двором.

За эти долгие часы перед экбатанскими воротами я узнал от Фессала множество греческих выражений, которые с тех пор произношу с большим удовольствием.

## 6

В мое время школьная жизнь была очень напряженной. Мы вставали до рассвета. Нас учили владению всеми видами оружия. Кроме математики и физики нас учили даже скотоводству и земледелию. Мы учились читать и даже, на случай необходимости, писать. Нас учили строить не только мосты и крепости, но и дворцы. Каждый день нас кормили только постной пищей.

Ко времени когда знатному юноше исполнялось двадцать, он умел, если придется, делать почти все. Первоначально система образования была проще: юношей просто учили скакать верхом, натягивать лук, говорить правду, и все. Но ко времени Кира стало ясно, что персидской знати следует знать многое, и в невоенных областях деятельности тоже. В конце концов к тому времени, когда Дарий вззошел на престол, мы были почти готовы к главной цели — управлять лучшей частью мира.

Один аспект правления тем не менее держали от нас в секрете — гарем. Хотя многие среди наших учителей были евнухи, никому из нас никогда не рассказывали о внутренней кухне гарема, таинственном мире, навсегда закрытом для всех персов-мужчин, кроме Великого Царя — и меня. Я часто думаю, что достаточно долгое пребывание в гареме неоченимо помогло моей дальнейшей карьере.

Когда я наконец переехал жить к принцам царской фамилии, я прожил в гареме три года. Теперь я рад, что все

так сложилось. Как правило, знатных мальчиков, по крайней мере за три года до половой зрелости, забирали из гарема и посылали в придворную школу. Я стал исключением. В результате я узнал не только жен Дария, но и местных евнухов, работавших рядом со своими собратьями в Первой и Второй палатах канцелярии.

Демокрит интересуется, что это за палаты. Первая всегда располагается в задней части первого двора, в каком бы дворце ни случилось жить Великому Царю. Сотня чиновников за длинными столами разбирают его переписку и все поступающие петиции. После сортировки документов чиновники Второй палаты решают, что стоит показать Великому Царю, а что — более вероятно — следует направить тому или иному советнику. Вторая палата обладает огромной властью. Само собой, ее держат в своих руках евнухи.

Позднее Ксеркс любил дразнить меня, говоря, что своей ловкостью и проницательностью я обязан евнухам гарема. А я дразнил его, говоря, что останься он подольше в гареме, то мог бы научиться государственным уловкам у своей матери. Он со смехом соглашался. Потом оказалось не до смеха.

Здесь я должен заметить, что до воцарения Дария замужним женщинам правящего класса была разрешена почти такая же жизнь, что и мужчинам, и считалось в порядке вещей, если, скажем, богатая вдова после смерти мужа сама управляет своим имуществом. Во времена Кира женщины не удалялись из общества, разве что, разумеется, на периоды менструаций. Но у Дария были свои понятия. Он держал царственных дам вдали от людских глаз. Естественно, знать стала подражать Великому Царю, и их жены тоже оказались взаперти. Нынче персидская дама и помыслить не может заговорить с каким-нибудь мужчиной кроме своего супруга. Однажды выйдя замуж, она уже навсегда покидает своего отца или братьев, да и сыновей ей запретят видеть, когда те покинут гарем.

Затрудняюсь сказать, почему Дарий так стремился удалить женщин от общественной жизни. Может быть, в интересах политики? И все же не пойму, почему он считал менее опасным держать их взаперти. В действительности же вдали от глаз общества их власть только возросла. В полной тайне они использовали евнухов, а евнухи использовали их. Во время правления Ксеркса государственными сановниками часто вертели евнухи вместе с той или иной из царских

жен. А это не лучшее, что можно было придумать, если не сказать больше.

Но даже в строгое время Дария случались исключения из правил. Царица Атосса принимала кого хотела: мужчин, женщин, детей или евнухов. Любопытно, что вокруг этого никогда не возникало скандалов — в мое время. Еще за годы до того шептались, что у нее был роман с Демоцедом — врачом, удалившим ей одну грудь. Думаю, это слухи. Я знал Демоцеда, он был слишком умен и слишком робок, чтобы связываться с царственной особой.

В свои юные годы Атосса предпочитала мужчинам евнухов. Так делают большинство женщин в гареме. Ведь если евнух кастрирован в зрелом возрасте, он сохраняет способность к нормальной эрекции. Женщины сражались за красивых евнухов, а Великий Царь вполне разумно предпочитал не замечать этого: женщин изолировали не столько из моральных соображений, сколько для уверенности, что дети будут законными. Чем занимается госпожа со своими евнухами или с другими женщинами, не касается ее хозяина, если он достаточно мудр.

Другим исключением из правил была Лаис. Поскольку у меня не было другой родни, мы регулярно виделись у нее в апартаментах, всегда располагавшихся тут же рядом с гаремом. Чувственная женщина, Лаис не видела нужды обходиться евнухами. Насколько мне известно, она по меньшей мере дважды забеременела и каждый раз устраивала выкидыш, что в Персии карается смертью. Но Лаис обладала мужеством льва. Хотя любой мог ее выдать, все промолчали. Она приписала это своим чарам, говоря, что буквально очаровала двор. Возможно, так оно и было. Тирана Гистизя она околдовала определенно и имела с ним длительный роман.

Забавно, но я совершенно не помню, как впервые встретился с самой значительной фигурой в моей жизни — Ксерксом. Он тоже вряд ли запомнил эту встречу. Да и с чего бы? Ксеркс был сыном царя, и его уже называли наследником Дария, я же не был ни принцем, ни жрецом — просто какая-то аномалия при дворе. Никто не понимал моего ранга и как со мной держаться. Но у меня было два могущественных покровителя — Гистасп и Атосса.

Очевидно, мы с Ксерксом встретились тем летом в Экбатане. Очевидно, мы увиделись на первом для меня официальном приеме, посвященном женитьбе Дария на одной из своих племянниц. Этот случай ярко запечатлелся у меня в

памяти, потому что я впервые увидел — наконец-то! — Великого Царя Дария.

Несколько недель гарем гудел. Дамы только и говорили об этом браке. Одни одобряли женитьбу Дария на своей племяннице — одиннадцатилетней внучке Гистаспа, другие считали, что на этот раз ему не следовало жениться на девице из царской семьи. Три дома, где жил гарем, наполняли бесконечные и совершенно неинтересные мне споры.

Демокрит интересуется, что это за три дома. Я думал, всем известно, что гарем делится на три части. Так называемый Третий дом занимает царица или царица-мать. Если царица-мать жива, она по своему рангу выше царицы-супруги. Второй дом отводится женщинам, которых Великий Царь уже познал. В Первом доме живут девственницы, новые приобретения, которых пока обучают музыке, танцам, искусству вести беседу.

В день свадьбы перед дворцом состоялся военный парад. Мои одноклассники стояли в свите Великого Царя у ворот, а мне, к моему огорчению, пришлось смотреть на перемещение войск с крыши гарема.

Стиснутый в толпе дам и евнухов, я заворуженно смотрел на замысловатые маневры десятитысячной личной гвардии Великого Царя, известной как «бессмертные». В ярких лучах солнца их доспехи сияли, как серебристая чешуя только что пойманной рыбы. Когда они с безупречной синхронностью метнули копья, солнце затмила туча древков со стальными наконечниками.

К несчастью, с места, где я стоял прижавшись щекой к занозистой деревянной колонне, не было видно Великого Царя, он был прямо подо мной, в тени золотого балдахина. Но я хорошо видел невесту. Она сидела на табурете меж двух кресел — своей матери и царицы Атоссы. Миловидная девочка, она прямо обезумела от страха перед происходящим. Время от времени, пока шел парад, то мать, то Атосса что-то шептали ей на ухо. Не знаю, что именно они говорили, но паника девочки только возрастала.

В тот же день Дарий со своей маленькой племянницей уединились у него в комнатах. Потом в главном дворцовом зале состоялся прием, где присутствовал и я со своими одноклассниками. При Дарии придворные церемонии так усложнились, что почти всегда как-нибудь да нарушались. В Китае, если какая-нибудь мелочь не соблюдена, все начинают сначала. Придерживайся мы такого правила, править миром у нас просто не осталось бы времени.



Определенную склонность к путанице при персидском дворе я отношу за счет больших доз выпиваемого персами на торжествах вина. Этот обычай восходит к временам, когда они были диким горным племенем и были подвержены длительным запоям.

Заметь, я говорю «они», а не «мы». Спитами мидийцы, если не еще более древнее племя, и, разумеется, Зороастр терпеть не мог пьянства. Это одна из причин ненависти к нему магов — они привыкли напиваться не только вином, но и священной хаомой.

Я до сих пор вспоминаю тот благоговейный трепет, который охватил меня, когда увидел на возвышении трон со львом. Трон был изготовлен для лидийского царя Креза, и спинка представляла собой льва в натуральную величину. Его золотая морда со сверкающими изумрудными глазами и оскаленными слоновой кости клыками смотрела через плечо восседающего на троне. Сверху на длинных цепях висел балдахин из кованого золота, а справа и слева от помоста на искусно выделанных жаровнях горело сандаловое дерево.

В Экбатане стены ападаны — колонного зала — завешаны полотнами, изображающими эпизоды из жизни Камбиза. Хотя завоевание Египта показано весьма подробно, о таинственной смерти Великого Царя Камбиза тактично умалчивается.

Я с остальными учениками придворной школы стоял справа от трона. Ближе всех к нему располагались сыновья Шести, затем «гости Великого Царя». Меня поставили на границу, отделяющую «гостей» от знати, между Милоном и Мардонием, младшим сыном Гобрия от сестры Великого Царя.

Слева от трона стояли Шестеро — это они позволили Дарию сделаться Великим Царем. Хотя одного из Шести незадолго до того казнили по обвинению в измене, его старшему сыну было дозволено представлять не утратившую своего благородства и славы фамилию.

Всему миру известно, что, когда Камбиз был в Египте, маг по имени Гаумата выдал себя за Бардью, брата Камбиза. После смерти Великого Царя на пути из Египта Гаумата захватил трон. Но молодой Дарий с помощью Шести убил лже-Бардью, женился на Атоссе, вдове обоих — Гауматы и Камбиза, и сам стал Великим Царем. Вот все, что известно миру.

Из Шести меня больше всех заинтересовал Гобрий — высокий, чуть ссутуленный мужчина с выкрашенными в ярко-красный цвет волосами и бородой. Потом Лаис мне рас-

сказала, что цирюльник совершил роковую ошибку, используя не ту краску — то есть роковую для цирюльника. Он был казнен. Вероятно, из-за его нелепого вида я так и не смог воспринимать Гобрия всерьез, как относились к нему остальные.

Я часто задумывался, что думает Гобрий о Дарии. Подозреваю, он его ненавидел. Наверняка завидовал. По сути дела, Гобрий имел столько же прав на трон (или столь же мало), как и Дарий. Но Великим Царем он не стал, факт свершился. Теперь Гобрий хотел видеть своего внука Артобазана Дариевым преемником, и по этому вопросу двор разделился. Шестеро склонялись к Артобазану, Атосса и родня Кира хотели Ксеркса. Как всегда, Дарий хранил загадочное молчание. Вопрос о наследовании оставался открытым.

Вдруг раздался треск барабанов и звук кимвалов. Резные кедровые двери напротив трона распахнулись, и вошел Дарий. На нем был цидарис — высокая круглая войлочная шляпа, какую разрешалось носить лишь Великому Царю и наследнику трона. Внизу цидарис был обвязан сине-белой лентой — символом верховной власти. Эта лента некогда принадлежала Киру, а до него десяти потомственным мидийским царям.

Я успел лишь мельком взглянуть на Великого Царя, поскольку простерся на полу ниц. Хотя принцы царской фамилии и высшая знать остались на ногах, все они низко склонились перед Великим Царем и каждый поцеловал его правую руку. Излишне говорить, что я, как и все остальные, исподтишка подсматривал за Дарием, хотя смотреть на Великого Царя без разрешения считалось серьезным проступком.

Дарию шел тогда тридцать девятый год. Хотя и невысокого роста, он был прекрасно сложен. Узкие алые шаровары подчеркивали мускулистые ноги. На длинном пурпурном мидийском халате красовался вышитый золотом орел, изготовившийся к удару. Когда Дарий подошел к трону, я заметил, что застежки на его выкрашенных в шафранный цвет кожаных туфлях сделаны из крупных кусков янтаря.

В правой руке Дарий держал тонкий золотой скипетр — символ его права управлять страной. В левой руке был золотой лотос с двумя бутонами — символ бессмертия.

Длинная курчавая борода блестела, как лоснящийся лисий мех. Царь не имел нужды красить и завивать ее, но лицо его было красочно расписано. Темные линии у векставляли небесно-голубые глаза сверкать. По рассказам, ле-

гендарный Кир был красивейшим мужчиной Персии. Если Дарий и не был самым красивым из персов, он определенно ослеплял великолепием, шествуя подобно льву меж двадцатью двумя колоннами ападаны.

За Дарием следовали его виночерпий в высоком тюрбане и распорядитель двора, который нес личную салфетку царя и мухобойку. Тут же шли Гистасп, отец только что выданной замуж девочки, и старший сын, Артобазан, — крепко сбитый двадцатилетний молодой человек, чья борода была почти такой же красной от природы, как у его деда Гобрия после ошибки цирюльника. Артобазан уже командовал войсками на северных рубежах.

Подойдя к трону, Дарий игриво хлопнул золотым скипетром Гобрия по плечу и жестом предложил обнять себя. Это был знак особого расположения. Опустив глаза и пряча кисти рук в рукавах, Гобрий поцеловал Дария. Кстати замечу, что никто не смеет показывать руки Великому Царю, дабы не проявить непочтительность и, кроме того, по более прозаическим причинам, которые не имеют отношения к придворному церемониалу. Смысл этого очевиден. Поскольку запрещается появляться перед Великим Царем с оружием, прежде, чем проводить к нему, придворных и просителей обыскивают и для пушей предосторожности им наказывается прятать руки. Этот древний мидийский обычай был введен Киром, как и многие другие.

У подножия трона Дарий хлопнул в ладоши. Все встали и выпрямились, готовые к произнесению титулов своего владыки. Сколько бы я ни присутствовал при этом ритуале, дрожь всегда начинала сотрясать мое тело, — впрочем, я его, видно, уже никогда не услышу.

Первым из Шести Великого Царя приветствовал Гобрий:  
— Ахеменид!

Его хриплый голос звучал чуть ли не злобно, произвольно выдавая истинные чувства.

Следующим был Гистасп.

— Милостью Мудрого Господа! — выкрикнул он. — Великий Царь!

Это звучало как вызов последователям Лжи, составляющим тогда большинство среди магов. Хотя со своего места я не мог их видеть, потом мне говорили, что при имени Мудрого Господа они сделали друг другу секретный знак.

Один за другим из разных частей зала титулы произнесли братья Дария. От четырех жен Гистасп имел двадцать

сыновей, и, судя по всему, все они в тот день присутствовали в Экбатане. К счастью, у Дария хватало титулов. После каждого выкрика били барабаны, громыхали кимвалы.

— Царь Персии! — провозгласил старший из братьев.

— Царь Мидии! — крикнул следующий.

— Царь Вавилонский!

Этот титул Ксерс отменил, когда ему пришлось навсегда упразднить древнее Вавилонское царство.

— Фараон Египта! — донеслось с другого конца, и было названо египетское имя Дария.

Как и Камбиз до него, Дарий называл себя земным воплощением египетского бога Ра и, таким образом, считался законным богом-царем Египта. Боюсь, Дарий оказался таким же оппортунистом в вопросах религии, как и Камбиз. Но Камбиз не признавал, что получил мир в дар от Мудрого Господа, а Дарий публично объявил, что без его помощи никогда бы не стал Великим Царем. А затем продолжал говорить египтянам, что его предок Ра более великий бог, чем Мудрый Господь! Я рад, что смог убедить Ксеркса не величать себя фараоном. В итоге Египет теперь — одна из многих сатрапий и в долине Нила больше нет нечестивых богов-царей.

Один за другим выкрикивались титулы Дария. Какое торжество! А как же, со времен Кира до Дария большая часть мира стала персидской, и наш Великий Царь известен всем не как один из многих царей, а как царь всей необъятной земли.

Ко всеобщему удивлению, последним оказался Артобазан, который, выступив вперед, тихим голосом объявил несравненный титул:

— Царь царей!

Само то, что Артобазана назначили — неважно, как тихо — объявить последний титул, было принято за знак особой милости, и положение царицы Атоссы моментально ухудшилось.

Я взглянул на Гобрюя. Он мрачно улыбался в ярко-красную бороду. Затем Великий Царь опустил на трон со львом.

## 7

Вскоре после нашего обустройства в Экбатане Лаис завела роман с Гистизем. Гистизей был смуглый вечно хмурый мужчина. Не скажу, что он мне нравился. Это был несчастный человек, весьма агрессивно распространявший свое

уныние на все вокруг. Признаю: у него были причины горевать. После приказа прибыть в Сузы из могущественного милетского тирана он превратился в «гостя Великого Царя». То есть в узника. А тем временем Милет процветал в правление его зятя Аристагора.

Лаис всегда принимала мужчин в присутствии двух евнухов. Поскольку приставленные к ней евнухи были не только старыми и дряхлыми, но и отличались удивительным безобразием, такая ее рассудительность не могла, по ее мнению, не создать ей в глазах остальных дам гарема репутацию благопристойной вдовы. Вообще-то, Лаис не приходилось заботиться о своей репутации. С самого начала двор смотрел на нее как на чужую и общие законы гарема на нее не распространялись. После Атоссы Лаис пользовалась при дворе наибольшей свободой, и никто не обращал внимания на ее поведение, коль скоро у нее не было никаких отношений с Великим Царем. Лаис также старательно избегала конфликтов с царскими женами. И наконец, как мать Зороастрова внука, она имела при дворе нечто вроде духовного сана — положение, которым не упускала случая воспользоваться. Ей нравилось носить таинственные одеяния, не похожие ни на греческие, ни на персидские. На публике она принимала светский вид, но по секрету распускала слухи, что умеет — не бесплатно — составлять гороскопы, варить приворотное зелье, готовить незаметно убивающие яды. И пользовалась большой популярностью.

В Экбатане Гистизэй ходил с бритой головой в знак траура по Сибарису — городу, имеющему тесные связи с Милетом. Годом раньше Сибарис до основания разрушили кротонцы.

С горестным видом Гистизэй часто сидел в деревянном кресле напротив пристроившейся на складной скамеечке Лаис в малюсеньком дворике у ее жилища. Дряхлые евнухи дремали на солнце. Иногда и мне разрешали посидеть там: мое присутствие должно было придать больше приличия отношениям Лаис с Гистизаем. А вообще-то я не часто виделся с матерью. В то лето в Экбатане я больше времени проводил с принцами, упражняясь в воинском искусстве.

— Тебе повезло со школой. — Гистизэй всегда стремился заговорить со мной. — Когда вырастешь, для тебя не будет недостижимой должности.

— У него и так есть должность. Он глава зороастрийцев, верховный жрец всей Персии.

В те дни Лаис предлагала усилия, чтобы сохранить для

меня этот высокий пост. Я к нему вовсе не стремился, да такой и должности-то не существовало. Нет никакого верховного жреца всей Персии. Зороастризм — учение, а не церковь.

— Ну если он передумает, то сможет стать сатрапом, государственным советником — да кем угодно! — Как все ионийские греки, Гистиэй не слишком уважал религию. — Но чем бы ты ни занимался в жизни, — торжественно проговорил он, — никогда не забывай свой родной язык!

Поскольку мы с Гистием всегда говорили по-гречески, совет казался излишним.

— Я говорю по-гречески с Милоном, — с готовностью сказал я. — Вообще-то это не рекомендуется, но мы говорим.

— С Милоном, сыном Фессала?

Я кивнул:

— Это мой лучший друг.

— Что ж, я сделал все для их семьи. — Гистиэй помрачнел, как никогда. — Я говорил Великому Царю, что нужно послать в Афины флот, пока старые землевладельцы не призвали спартанское войско, — а они призовут. Несомненно, лучше помочь Гиппию, пока он еще тиран, потом будет поздно. Персия должна действовать сейчас, но, к сожалению... — Гистиэй умолк: он не мог открыто критиковать Великого Царя. — Я даже предлагал свои услуги в качестве флотоводца. Но...

Повисла долгая пауза. Мы прислушивались к похрапыванию евнухов. Как и все остальные, мы с Лаис знали: Дарий глаз не спускает с Гистиэя.

К нам присоединился Демоед, всем говоривший, что учит Лаис медицине. Теперь я подозреваю, что на самом деле она учила его магии — если это не одно и то же. Когда в Сардах персидский сатрап казнил самосского тирана, он продал Демоеда в рабство. Позже в Сарды прибыл Великий Царь Дарий и, упав с коня, порвал себе мышцы на правой ноге. Проведя всю жизнь на полях сражений, Великий Царь тем не менее был неважным наездником.

Позвали египетских врачей. В результате их сложных манипуляций и заунывного пения нога совсем онемела. Царь был взбешен.

Тогда кто-то вспомнил, что в одной из лавок держат рабом знаменитого врача Демоеда. И тут Демоед проявил себя смелым и очень рассудительным человеком. Он понял,

что если Дарий узнает о его искусстве врачевателя, то не видеть ему свободы и своего дома в Кротоне как своих ушей. И когда за ним пришли, Демоецед все отрицал.

— Никакой я не врач, — объявил он. — Это другой Демоецед был искусным лекарем.

Дарий приказал принести раскаленное железо и клещи. Тут смелость уступила место рассудительности, и Демоецед взялся за работу. Он на два дня усыпил Дария, и все это время массировал ногу, употребив все свое искусство. На третий день Дарий выздоровел, и худшие опасения Демоецед оправдались — его назначили семейным врачом царской фамилии. Ему даже была пожалована неслыханная привилегия — посещать помещение гарема в любое время дня и ночи без сопровождения евнухов.

Это Демоецед спас жизнь царице Атоссе. Когда на одной ее груди начала расти опухоль, вызывая страшные боли, Демоецед аккуратно удалил грудь. Ко всеобщему удивлению, Атосса поправилась. Печаль египетских врачей была сравнима только с унынием жен Великого Царя.

Хотя и огорченная потерей груди, Атосса понимала, что, прибегни она к египетскому лечению (растирания больного места кобыльим молоком, змеиным ядом и толченой слоновой костью убивают вернее, чем острый меч), ей бы не миновать смерти. То, что она смогла прожить столь долгий век, изменило не только мою жизнь — этого не стоит и упоминать, — но и повлияло на судьбу всего мира. Умри тогда Атосса, ее сын Ксеркс не стал бы преемником отца. Не секрет, что возведение на трон Ксеркса было целиком делом рук его матери.

Любопытная вещь: после удаления груди у Атоссы на лице стали расти волосы. Как она ни старалась избавиться от них, используя всевозможные египетские снадобья, щетина вырастала снова. В конце концов царице пришлось наносить на лицо слой белил, чтобы скрыть красноту от всех этих средств. Эффект действительно необычный. Мать говорила мне, что после операции Атосса стала скорее мужчиной, чем женщиной.

Вскоре после спасения жизни царице Демоецед собрался по делам Великого Царя отплыть в Италию. В Таренте он улизнул с корабля и поспешил в свой родной город Кротон, где женился на дочери Милона, всемирно известного борца, — да-да, еще одного олимпийского чемпиона. Этот Милон был также полководцем, это он разгромил Сибарис.

Но вскоре Демоецеду наскучила жизнь на родине. В кон-

це концов, большую часть жизни он провел при блестящих дворах. Он служил Писистрату в Афинах, Поликрату в Самосе и самому Великому Царю в Сузах, так что привык к придворной жизни и терпеть не мог провинцию. И вот Демоецед смиренно обратился к Дарию, не будет ли ему с невестой дозволено вернуться в Сузы. Великий Царь с готовностью простил его, и Демоецед снова оказался в Персии, где пользовался большим уважением. Только его старая подруга Атосса почему-то взелась на его молодую жену, что казалось совершенно нелепым. Зная всего несколько слов по-персидски, надоесть царице она не могла. Лаис считает, что Атосса ревновала. В таком случае слухи о ее романе с врачом похожи на правду.

Демоецед низко склонился перед бывшим милетским тираном, после чего они расцеловались в губы — у персов так принято при встрече с равными по положению друзьями. Другьям ниже по рангу только подставляют для поцелуя щеку. Вообще говоря, Гистиэй бы тоже должен был подставить щеку, как милетский тиран он превосходил своим положением Демоецеда, но, оказавшись гостями Великого Царя, греки не придавали значения таким безделицам.

Демоецед тоже был пламенным сторонником Гиппия.

— Я знал Гиппия с его детства. Он всегда был незаурядным юношей. Он мудр и справедлив — редкое сочетание для тирана. — Демоецед беззубо улыбнулся: — В наши дни лишь Афины и Милет довольны своими тиранами.

— *Были* довольны. — Гистиэй стал мрачнее грозовой тучи. — Ты говорил с Великим Царем насчет Гиппия?

— Я пытаюсь, но Греция его не интересует. Он говорит об Индии и странах, что еще восточнее.

— Индия на другом конце света от Персии. — Лаис налила ему вина, и он долил в вино воды. — А Афины прямо напротив Милета, только море переплыть.

Демоецед кивнул:

— А Италия через море от Греции. Как известно, меня посылали в Кротон подготовить встречу Великому Царю. Но он не приехал, и я вернулся домой.

Это была совершенная чушь. Но не мог же Демоецед признать, что на самом деле сбежал со службы Великому Царю. Официально его проступок представили как секретную дипломатическую миссию по заданию Второй палаты царской канцелярии.

— У Великого Царя нет притязаний на западные зем-



ли. — Демоец закашлялся в лоскут материи. Я мало встречал хороших врачей, которые бы сами постоянно не болели.

— Если не считать Самоса, — сказал Гистиэй, и его нахмуренные брови на мгновение поднялись. Самос был греческим городом на западе.

— Поликрат — тяжелый человек.

Демоец выискивал на лоскуте следы крови. Я тоже взглянул, как и остальные. Но крови не было, и, кроме Демоеца, это никого не расстроило.

— Мы с ним ладили. Знаю, большинство считают его...

— Вероломным и тщеславным дураком, — сказала Лаис.

— Я вечно забываю, что вы тоже были при самосском дворе, — улыбнулся Демоец.

На его бледных деснах виднелось три нижних зуба — и ни одного верхнего. Перед едой он прилаживал в рот специально вырезанную деревяшку, упирающуюся в небо, и тогда мог потихоньку жевать все, кроме очень жесткого мяса и очень черствого хлеба. Теперь я сам старик и частенько думаю о зубах и каково без них.

— Да-да, я помню вас маленькой. Вы были с отцом. Из Фракии, верно? Ну конечно! Богач Мегакреон. Серебряные рудники. Да, да.

— При дворе Поликрата я встретила своего мужа, — грустно проговорила Лаис. — И это единственное, что я могу вспомнить хорошего о тех днях. Ненавижу Самос. И Поликрата. Он был просто пиратом, и больше ничего. Он рассказывал отцу, что, когда возвращал друзьям награбленное с их кораблей, это доставляло им куда большую радость, чем если бы он их вообще не обирал.

— Да, он был пиратом, — согласился Демоец. — Но он был великолепен. Помню времена, когда самосский двор был еще пышнее, чем у Писистрата. Помните Анакреона? Поэта? Это, пожалуй, было еще до вас. Прежде чем появиться в Самосе, он жил где-то во фракийской глуши.

— Анакреон жил в Абдере, — твердо напомнила Лаис. — В греческом городе.

Мужчины рассмеялись. Демоец поклонился Лаис:

— Прежде чем появиться в Самосе, он жил в лучезарной Фракии. Потом отправился в Афины. Он был любимцем бедняги Гиппарха. Печальная история, не правда ли? Но как бы там ни было, одного у Поликрата не отнимешь — он всегда смотрел на запад. И он был истинным владыкой морей.

— Да, — сказал Гистизэй, — был владыкой морей и хотел стать владыкой над всеми островами.

Демоцед обратился к бывшему тирану:

— Возможно, вам стоит поговорить об островах с Великим Царем. Что ни говори, Дарий с радостью приобрел Самос. И еще больше его обрадовало приобретение самосского флота. А когда в твоём распоряжении такой роскошный флот...

Демоцед замолк, взглянув на Гистизэя.

— Когда я еще был в Милете, — мечтательно проговорил тот, — я мог с легкостью захватить Наксос.

Демоцед кивнул:

— Прекрасный остров. Плодородные земли. Сильный народ.

Мужчины переглянулись. Так начинались Греческие войны. Ребенком слушая рассказы взрослых, я не понимал всего значения этих загадочных переглядываний. Много позже до меня дошло, как между делом эти два неутомонных грека затеяли увенчавшийся успехом заговор по вовлечению Великого Царя в греческие дела.

Но это — оглядываясь в прошлое. А тогда меня больше интересовали рассказы Демоцеда о чудесном учителе Пифагоре.

— Я познакомился с ним в Самосе, — говорил старый лекарь. — Он тогда еще был ювелиром, как и его отец. Тот был личным ювелиром Поликрата. Но рано или поздно с Поликратом все ссорятся. Однако, как бы то ни было, Пифагор был — почему был? Я опять видел его в Кротоне — выдающимся человеком. Мыслит очень любопытно. Он верит в переселение душ...

Персидским мальчикам не полагается задавать вопросы взрослым, но для меня делали исключение.

— Что такое переселение душ? — спросил я.

— Ну прямо как дед! — воскликнула Лаис, хотя мой вопрос был самым заурядным. Лаис всегда обращала внимание на мое на самом деле несуществующее сходство с Зороастром.

— Это значит, что душа умершего переселяется в другое тело, — ответил Демоцед. — Неизвестно, где такое придумали.

— Во Фракии, — предположил Гистизэй. — Все вздорные идеи приходят из Фракии.

— Я из Фракии, — твердо напомнила Лаис.

— Тогда вы меня прекрасно поняли, госпожа. — По губам Гистиэя скользнула улыбка.

— Я знаю, что наша родина ближе всех к небесам и к преисподней, — проговорила Лаис особым колдовским голосом. — Так пел Орфей, спускаясь под землю.

Мы пропустили ее слова мимо ушей, и Демоцед продолжал:

— Не знаю, как эта идея дошла до Пифагора, но известно, что он провел год или два в египетских храмах. Он мог набраться этого и там. Не знаю. Но известно, что египетские ритуалы сильно действуют на впечатлительных людей. К счастью, сам я не из таких. А он — да. Мне вспоминается, Поликрат дал ему письмо для своего друга фараона, старика Амасиса. Так что Пифагору, по-видимому, показали все ритуалы, которых обычно люди не видят и не слышат. Но потом на Египет напал Камбиз, Амасис погиб, а бедолага Пифагор угодил в плен, и как ни убеждал всех, что он друг тирана Поликрата, персы продали его одному вавилонскому ювелиру. К счастью, ювелир оказался снисходительным человеком и разрешил Пифагору учиться у магов...

— Это нехорошее дело, — твердо напомнила Лаис.

— Мудрые люди извлекают пользу из всего, даже из самых неподходящих вроде бы вещей. — Демоцед обладал практическим умом. — Как бы то ни было, когда Пифагор выкупил у ювелира свою свободу и вернулся в Самос, он стал другим человеком. По некоторым причинам он остановился у меня, а не при дворе. И рассказал, что научился читать египетские иероглифы и даже писать по-египетски. Еще он выучился персидскому. И у него появились теории о природе и устройстве так называемой Вселенной.

Да, это слово придумал Пифагор. Теперь оно не сходит с языка у афинских софистов, понятия не имеющих о том тонком смысле, какой вложил в него его создатель.

Насколько я понимаю Пифагора, — хотя кто может понять его полностью? — он считал, что в основе всего лежит единица. От единицы происходит число. От чисел — точки. От точек — линии. От линий — плоскости, а от них — тела. От тел — четыре элемента: огонь, вода, земля и воздух. Эти элементы, смешиваясь, образуют Вселенную, вечно живую и вечно движущуюся сферу, в центре которой расположена меньшая сфера — Земля. Пифагор считал, что из всех тел сфера — самое прекрасное, а из плоских фигур самая священная — окружность, в которой все точки связаны, и она сама не имеет ни начала ни конца. Лично я не мог постичь

его математических теорем. Демокрит говорит, что понимает их. Рад за тебя.

Демоцед также рассказывал, как Поликрат как-то разругался с Пифагором и послал своих лучников арестовать мудреца.

— К счастью, я смог убедить Поликрата главного архитектора спрятать Пифагора в туннеле рядом с городом. Потом, темной ночью, мы посадили его на корабль, идущий в Италию. Я дал ему письмо к моему старому другу Милону Кротонскому — теперь это мой тесть...

— Который уничтожил Сибарис! — снова застонал Гистий.

И это правда. Разгромив сибаритское войско, Милон повернул русло реки, и город исчез под водой.

— Что сказать? — Демоцед старался быть деликатным. — Я знаю Милона с самого его детства. Вообще-то, я гожусь ему в деды. Когда он выиграл свой первый поединок на Олимпийских играх...

Демокрит считает, что Сибарис был разрушен несколькими годами позже. Вряд ли. Впрочем, должен признаться, что, вспоминая о событиях шестидесятилетней давности, я могу поменять местами встречи разных лет...

На протяжении многих лет я много слышал от Демоцеда о Пифагоре и точно передаю смысл его рассказов. А хронология... она может нарушаться. Я не веду анналов. Но могу с уверенностью сказать, что имя Пифагора я впервые услышал во время своего первого визита в Экбатану. И в тот же день я услышал еще более важную беседу о владыке морей Поликрате. Вспоминая переглядывания и многозначительные недомолвки, я понял позже, что именно на той встрече два грека решили объединить свои усилия, чтобы вовлечь Дария в греческие дела. Они собирались соблазнить Великого Царя недостающим ему титулом владыки морей и убедить его помочь тирану Гиппию, — если понадобится, то и военным путем. По сути дела, война оказалась неизбежной, во многом из-за досужих измышлений двух греков летним днем в Экбатане.

— Твоя жена говорит, что Пифагор основал в Кротоне школу. — Лаис очень любила Демоцедову жену, поскольку та не представляла никакой угрозы. — Люди со всего света едут у него учиться.

— Это, собственно, не школа. Скорее... В общем, он со

многими праведными людьми живет в одном доме «правильной жизнью», как говорит Пифагор.

— Они не едят бобов.

Гистизэй позволил себе рассмеяться. До сих пор наивернейший способ рассмешить афинян — это упомянуть о запрете Пифагора есть бобы. Афинянам это кажется чрезвычайно забавным, особенно когда, прохаживаясь насчет бобов, афинские комики в театре громко пускают ветры.

— Он считает, что в бобах заключены человеческие души, ведь бобы напоминают человеческий зародыш.

Демоцед всегда оставался человеком науки, и не было такой теории сотворения мира, которая бы оставила его равнодушным.

— Пифагор также не ест мяса из страха ненароком съесть своего предка или друга, чья душа могла вселиться в животное.

— И как долго, по мнению Пифагора, души могут переходить из одного существа в другое? — спросил я.

Греки взглянули на меня с нескрываемым любопытством. Я задал ключевой вопрос и на мгновение стал для них не ребенком, а наследником Зороастра.

— Не знаю, Кир Спитама. — Демоцед с почтением произнес мое имя.

— До окончания времени долгого владычества или раньше? — Я был поистине зачарован этой новой концепцией смерти, возрождения и... и чего? — Разумеется, ничто не сможет родиться по окончании неопределенного отрезка времени.

— Я не могу говорить в терминах Зороастровых воззрений... Я хочу сказать... истинных воззрений. — Демоцед не смел подвергать сомнению религию Великого Царя. — Я просто говорю, что, по Пифагору, жизнь каждого человека должна иметь целью освобождение заложенной в него божественной искры, чтобы она воссоединилась со всей Вселенной, которую он рассматривает как движущееся, вечное живое... совершенное, гармоничное целое.

— Я дитя земли и звездного неба! — объявила Лаис. — Я жадно слушала долгую и таинственную песнь о сотворении, поведенную мне фракийскими колдуньями...

Когда она умолкла, Демоцед продолжил:

— Пифагор учит, что нужно вырваться из бесконечного круга смертей и рождений. Он считает, что этого можно достичь путем самоотречения, выполнения обрядов, очище-

ния через ограничение в пище, через изучение музыки и математики. Правда это или нет, но, благодаря Пифагору и его учению, большая часть Южной Италии находится под властью Кротона.

— Причина не в том, — возразил Гистизэй. — Благодарить следует твоего тестя Милона. Он великий воин.

Гистизэй на удивление мало интересовался философией, — кстати, это слово придумал Пифагор для обозначения истинной любви к мудрости.

Пифагор также установил с помощью Демоцеда (во всяком случае так утверждал последний), что мышление сосредоточено в человеческом мозгу. Я не видел доказательства этому утверждению, а увидев, все равно не понял бы. Но я верю. Я спорил по этому поводу с жителями Китая. Они считают, что мышление сосредоточено в животе, что живот из всех частей тела наиболее способен к чувствам и познанию, поскольку все время бурчит. Демокрит напоминает, что я уже говорил об этом. Ты должен терпеть: в повторении кроется секрет обучения.

— Успех Кротона я приписываю доблести его жителей. — Демоцед закашлялся в свой лоскут. — Они считают своим учителем бога, и я полагаю это возможным.

— А он как считает? — вернулся к теме Гистизэй.

Демоцед покачал головой:

— Думаю, Пифагор считает, что в мире все взаимосвязано, все участвует в космическом процессе, все является частью единого божества. Но мы не можем воссоединиться с целым, пока не освободимся от тела, нашего надгробия.

— Почему? — спросила Ланс.

— Превзойти страдания этого мира, чувство несовершенства...

— Орфей спускался в подземное царство, — проговорила Лаис, словно отвечая на свой вопрос; возможно, так оно и было.

Я плохо знаком с культом Орфея. Это был фракиец, спустившийся в подземное царство, чтобы вызволить оттуда свою умершую жену. Ему удалось вернуться, но без жены — умершие не возвращаются. Позже его разорвали на куски, — надо полагать, за непочтительность к богам.

Культе Орфея всегда был распространен в захолустьях, в частности во Фракии, этом рассаднике ведьм. Позже его стали использовать по всему греческому миру. Из того немногого, что мне известно об орфизме, я могу заключить,

что это не более чем грубое переложение прекрасной и правдивой истории о герое Гильгамеше. Он тоже спускался в подземное царство, чтобы вернуть оттуда своего любимого Энкиду. Нет, Демокрит, Гильгамеш не был греком, он был великим героем и, подобно большинству великих героев, хотел слишком многого. В мире для него не было ничего неодолимого, кроме собственно этого ничего — смерти. А герой хотел жить вечно. Но даже славный Гильгамеш не смог изменить естественного хода вещей. Смирившись с этой суровой истиной, он успокоился... и умер.

Легенду о Гильгамеше я узнал в Вавилоне. В стародавние времена Гильгамешу поклонялись во всем мире. Сегодня он забыт почти повсюду, кроме Вавилона. Время долгого владычества в самом деле очень долгое. Беда греков в том, что они не представляют, как стара земля. Они словно не понимают, что все случившееся уже случилось когда-то. Все повторяется, кроме конца. А в Индии думают, что и конец уже случался много раз, что мир циклически догорает — и разгорается снова.

Демокрит считает своим долгом просветить меня насчет орфизма. Видимо, орфики тоже верят в переселение душ, и этот процесс якобы заканчивается лишь тогда, когда через ритуалы и все такое прочее дух очищается. Я полагаюсь в этом вопросе на компетенцию Демокрита. Ты ведь тоже из Фракии. Ты уже убедил меня, что Лаис из-за своей склонности к темным силам природы никогда не понимала культа Орфея.

— Вряд ли Пифагор говорил, что тоже спускался в царство Аида, но он поведал мне одну странную историю. — Демощед казался немного опечаленным, словно ему не очень нравилось то, что он собирался нам рассказать. — Вскоре после его возвращения из Вавилона мы прогуливались по новому молу, только что сооруженному Поликратом в заливе, и вдруг Пифагор замер и поглядел на меня. Он был много выше меня ростом. «Вспомнил! — воскликнул он. — Я все вспомнил!» Я не имел понятия, о чем это он. «Что вспомнил?» — спросил я. «Мои прежние жизни».

И очень убедительно Пифагор рассказал мне, как в первых своих воплощениях он был сыном бога Гермеса и земной женщины. И Гермес так любил своего сына, что посулил дать ему что угодно, кроме бессмертия, — бессмертны только боги. И мальчик попросил о следующей милости: «Сделай так, чтобы я помнил все свои жизни в предыдущих воплощениях». И Гермес согласился. «И вот теперь я по-

мню, как был птицей, воином, лисицей, ахейцем в Трое. Все это я, и я буду жить, пока не сольюсь с целым», — сказал Пифагор.

Рассказ Демокета оставил во мне глубокое впечатление, и я часто жалел, что не был знаком с Пифагором. Когда соперничающая партия изгнала его из Кротона, он нашел убежище в одном из метапонтийских храмов, где уморил себя голодом. К тому времени мне было уже двадцать лет, и я мог бы с ним увидеться. Говорят, он до самого конца принимал желающих с ним поговорить. Я беру на себя смелость назвать это все же концом. Если я заблуждаюсь, то он, возможно, и сейчас разгуливает по улицам Афин и его память полнится воспоминаниями о тысячах предыдущих судеб.

Демокрит говорит, что в Фивах есть пифагорейская школа, до недавних пор возглавляемая кротонцем по имени Лисий. Демокрит был поражен приписываемыми этому Лисию словами: «Люди должны умирать, поскольку не могут соединить начало с концом».

Да, это в самом деле мудро. Человеческую жизнь можно изобразить в виде нисходящей прямой линии. Но когда душа, то есть часть божественного огня в нас, соединяется с первоначальным источником жизни, достигается совершенная форма — прямая превращается в окружность, и начало встречается с концом.

Здесь должен отметить, что ребенком я не отличался особыми способностями. Ни в коем случае не хочу выставить себя пророком, чудотворцем или философом — я не был им ни в детстве, ни в зрелом возрасте. Мне выпало родиться Спитамой, и я не могу пожаловаться на судьбу. Мое место в мире принесло мне массу радостей, хотя я и испытывал постоянную враждебность магов — последователей Лжи. Но эта враждебность более чем возмещена проявленной ко мне милостью трех Великих Царей — Дария, Ксеркса и Артаксеркса.

Никогда не имея склонности к религии или магии, от природы я люблю размышлять. И считаю своим долгом сопоставлять религиозные и философские системы с той истиной, следовать которой мне было предписано от рождения.

За свою долгую жизнь я познакомился с разными верованиями и с удивлением обнаружил в других религиях элементы того, что считал откровением Мудрого Господа, которое тот открыл специально для Зороастра. Но теперь мне



ясно, что Мудрый Господь может говорить на любых языках — и на всех языках его слова редко понимают и еще реже им следуют. Но слова от этого не изменяются. Потому что они истинны.

## 8

В детстве я вел двойную жизнь: религиозную — дома с Лаис и магами-зороастрийцами и другую — в школе. Мне больше нравилась последняя, в обществе моего ровесника Ксеркса (мы родились в один день) и его двоюродного брата Мардония, сына Гобрия. Кроме Милона, все мои одноклассники были персы. Сыновей Гистизя, по некоторым соображениям, не брали в первую группу. Не думаю, что такое исключение доставляло радость честолюбивому тирану.

Нас утомляли военными упражнениями, но я их любил хотя бы потому, что в них не вмешивались маги. Нас обучали лучшие из «бессмертных», то есть лучшие воины в мире.

Утро, когда я познакомился с Ксерксом, запечатлелось у меня в памяти ярче сегодняшнего утра. Но тогда я был молод и мог видеть. Что? Солнце, как золотое блюдо на белоголубом небе. Рошу темно-зеленых кедров. Высокие горы с шапками снега. Желтые поля, по краям которых пасутся коричневые олени. Детство — это буйство красок. Старость?.. Отсутствие цветов, а для меня и зрения вообще.

С восходом солнца мы совершали свой ежедневный поход. Шли колонной по два, каждый с копьем. Почему-то я попал в пару с Ксерксом. Он не обращал на меня внимания. А я, само собой, внимательно его рассматривал. Дитя гарема, я знал, что, если партия Атоссы возьмет верх над партией Гобрия, в один прекрасный день Ксеркс станет Великим Царем.

Это был высокий юноша, под черными сросшимися бровями сверкали светло-серые глаза. На румяных щеках курчавился темно-золотистый пушок. Ксеркс не по годам рано созрел в половом отношении.

Если он и сознавал свое предназначение, то ничем не выдавал этого. Вел он себя так же, как и множество других сыновей Великого Царя. Улыбка у него была чарующая. В отличие от большинства людей он до самого конца сохранял все зубы.

Я не заговаривал с ним, он со мной тоже.

В полдень нам скомандовали сделать привал у лесного

родника. Было позволено попить воды, но не есть. Почему-то я не растянулся на мху, как сделали все, а пошел побродить по лесу.

Вдруг ветви вечнозеленого лавра раздвинулись. Я увидел рыло с изогнутыми клыками. Весь похолодев, я замер с копьем в руке, смотря, как огромная щетинистая туша проламывается сквозь заросли. Почувяв меня, кабан кинулся назад, несомненно столь же напуганный, но затем неожиданно развернулся и бросился на меня.

Я взлетел в воздух. Не успев упасть на землю, я ощутил, что в груди не осталось ни капли воздуха.

Я считал себя уже мертвым, однако обнаружил, что хоть и не могу дышать, но в состоянии слышать. Я услышал почти человеческий крик кабана: Ксеркс глубоко вонзил копьё ему в шею. Я смог вдохнуть, лишь когда истекающий кровью кабан, шатаясь, скрылся в зарослях лавра, где упал и испустил дух.

Все поспешили поздравить Ксеркса. На меня никто не обращал внимания. Хорошо, что я не был ранен. Никто не замечал меня, кроме Ксеркса. Взглянув на меня сверху вниз, он улыбнулся:

— Надеюсь, ты в порядке?

Посмотрев на него снизу вверх, я сказал:

— Ты спас мне жизнь.

— Знаю.

Он придерживался фактов.

Поскольку у нас было много чего сказать друг другу о происшедшем, ни он, ни я больше не упоминали об этом эпизоде. За прожитые годы я сумел заметить, что когда человек спасает жизнь другому, то потом ощущает эту жизнь своей собственностью. Иначе не могу объяснить, почему Ксеркс избрал меня своим личным другом. По его настоянию вскоре после этого лесного приключения меня перевели жить вместе с принцами.

Я продолжал навещать Лаис, но больше не жил с ней вместе. Она пришла в восторг от моей близости с Ксерксом, или просто так говорила. Спустя годы она призналась, что эта дружба очень ее беспокоила. В те дни все считали, что Дарио унаследует Артобазан. Если бы так и вышло, Ксеркса бы казнили вместе со всеми его друзьями.

Возможно, в то время я и знал о грозившей мне опасности, но припомнить сейчас, что боялся, я не могу. С Ксерксом мы прекрасно проводили время. С ним все казалось

легко. Он был отличным наездником, в совершенстве владел всеми видами оружия. Хотя уроки магов мало его интересовали, он научился довольно сносно читать. Сомневаюсь, что он умел писать.

Каждый год весной и осенью мы сопровождали Великого Царя из Суз в Экбатану, Вавилон и обратно. Ксеркс и я предпочитали остальным столицам Вавилон. Да и кто бы из молодых людей не предпочел?

Пока мы учились, вся наша жизнь управлялась военными начальниками, магами и евнухами. Двор всегда двор, в каком бы городе он ни находился, и такова же придворная школа. Мы имели свободы не больше, чем рабы на серебряных рудниках моего деда. Но в Вавилоне мы поняли, что истинно чудесная жизнь находится за пределами почти потюремному строгого существования при дворе Дария. Ксеркс, Мардоний и я мудро решили узнать, каково будет в Вавилоне в отсутствие там двора. На девятнадцатом году жизни наше желание исполнилось.

Мардоний был остроумным и сообразительным юношей, и Дарий, казалось, благоволил к нему. Я говорю «казалось», потому что никто не знал истинных чувств Дария. Он манипулировал людьми в своих интересах, и устоять перед ним было невозможно. Великий Царь был самым непостижимым из людей, никто не мог точно определить, как он к кому относится, и порой узнавал об этом слишком поздно. Определенно на Дария влиял тот факт, что Мардоний сын Гобрия — в лучшем случае неудобного человека, а возможно, и опасного соперника. И Дарий был очень милостив как к отцу, так и к сыну.

В свои дни рождения Великий Царь, по обычаю, в присутствии членов царской семьи и их близких смачивает голову розовой водой и исполняет желания приближенных. В тот год в Сузах кувшин с водой держал Ксеркс, а Мардонию выпало шелковым платком вытирать Великому Царю бороду и волосы.

— Каково твое желание, Мардоний?

Дарий был в хорошем расположении духа, хотя не любил никаких годовщин, понимая, что каждый прожитый год приближает смерть.

— Управлять Вавилоном в третий месяц нового года, Великий Царь!

Хотя по протоколу Великому Царю не полагается удив-

ляться, Ксеркс рассказывал, что отец не смог скрыть своего удивления.

— Вавилоном? Почему Вавилоном? И почему один месяц?

Но Мардоний не ответил, он просто упал Дарию в ноги — при дворе это означает: я твой раб, делай со мной что соизволишь. Дарий озадаченно уставился на Мардония, затем оглядел полный зал. Хотя никому не дозволялось прямо смотреть на Великого Царя, Ксеркс нарушал этот запрет, и когда Дарий поймал взгляд сына, царевич улыбнулся.

— Я еще не знал такого скромника! — Дарий изобразил недоумение. — Конечно, нередко состояния делались и менее чем за месяц. Но только не в Вавилоне. В денежных делах черноволосые куда умнее нас, персов.

— Я отправлюсь с Мардонием, Великий Царь, если ты исполнишь это мое желание, — сказал Ксеркс, — и прослежу за его нравственностью.

— А кто проследит за твоей? — Дарий напустил на себя суровость.

— Кир Спитама, если ты исполнишь это его желание. Он сам попросил меня объявить его. — Ксеркс с Мардонием все хорошо отрепетировали. — Он проследит за нашим религиозным обучением.

— Кир Спитама поклялся обратиться к Истине верховного жреца Бел-Мардука, — набожно вставил Мардоний.

— Я стал жертвой заговора! — воскликнул Дарий. — Но я должен вести себя в этот день как подобает царям. Мардоний, сын Гобрия, доверяю тебе управление моим городом Вавилоном в третий месяц нового года. Ксеркс и Кир Спитама, вы будете сопровождать его. Но почему в третий месяц?

Конечно же, Дарий знал, что у нас на уме.

— Висячие сады над Евфратом будут в цвету, Великий Царь, — сказал Мардоний. — Это прекрасное время года.

— Тем более что в третий месяц Великий Царь будет в Сузах, за много миль отсюда. — Дарий расхохотался — эту плебейскую привычку он сохранил до конца своих дней. Мне никогда его смех не казался обидным, даже наоборот.

## 9

Вавилон прекрасен, но еще более ошеломителен. Все постройки там из одинакового унылого кирпича, сделанного из евфратской грязи. Но храмы и дворцы имеют египетские пропорции, и, конечно, в те дни городские стены были та-

кими толстыми — и жители не устали напоминать об этом, — что наверху могла развернуться колесница, запряженная четверкой лошадей. Не скажу, что я там видел колесницы да и вообще какую-либо охрану, — так крепок был мир внутри владений Великого Царя в те дни.

У этого города, существующего более трех тысяч лет, есть одна любопытная особенность. Хотя Вавилон часто разрушался в войнах, жители — известные просто как черноволосые — всегда отстраивали свой город в точности таким, какой он был раньше, во всяком случае так они говорят. Вавилон располагается посреди обширной равнины, разделенной почти точно пополам бурными и темными водами реки Евфрат. Первоначально Вавилон был хорошо защищен внешней и внутренней крепостными стенами и глубоким рвом, но когда Дарию пришлось во второй раз усмирять вавилонян, часть внешней стены он приказал срыть. Через много лет, когда уже Ксеркс подавил восстание в городе, он почти полностью уничтожил стены и засыпал ров. Сомневаюсь, что теперь вавилоняне доставят нам какие-нибудь хлопоты. По своей природе черноволосые ленивы, похотливы и покорны. В течение веков ими управляли развращенные жрецы, имеющие очень сложную иерархию. Время от времени жрецы одного храма поднимали народ против другого храма, и, как летняя буря, возникали беспорядки — и так же быстро утихали. Но эти периодические вспышки очень досаждали правителям города.

Хоть я и рад, что не родился вавилонянином, должен отметить, что ни одно место на земле не может так ублажить прихотей молодых людей, особенно воспитанных в строгости персидских обычаев.

На закате мы прошли через ворота Иштар, названные так в честь богини, не лишенной сходства с Анахитой и Афродитой, правда она может являться одновременно и мужчиной, и женщиной. Но в том и в другом облике похоть Иштар не имеет границ, и ее культ придал своеобразие всему городу. Ворота Иштар — это по сути дела двое ворот: одни во внешней стене, другие — во внутренней. Огромные створки покрыты голубыми, желтыми и черными изразцами, изображающими причудливых и страшных зверей, в том числе драконов. Это скорее страшно, чем красиво. Из девяти городских ворот — каждые несут имя какого-нибудь бога — ворота Иштар самые главные, потому что ведут прямо в сердце города — на левый берег реки, где расположены храмы, дворцы и сокровищницы.

Сразу за первыми воротами Мардония приветствовал правитель города со своей свитой. По понятным причинам Ксеркс и я сохраняли инкогнито. Мы были просто товарищами правителя третьего месяца.

После традиционного предложения хлеба и воды нас с почетным эскортом сопроводили по Дороге процессий. Эта впечатляющая улица вымощена плотно пригнанными известняковыми плитами, а стены домов покрыты изразцами с изображением львов.

Слева от Дороги процессий находится храм некоего злого божества, справа — так называемый Новый дворец, построенный царем Навуходоносором за пятнадцать дней, если верить местным жителям. Последний героический вавилонский царь Навуходоносор изгнал из Азии египтян, а также завоевал Тир и Иерусалим. К сожалению, как многие вавилоняне, он был религиозным фанатиком. Пожалуй, у него просто не оставалось другого выбора: городом управляли жрецы Бел-Мардука, а вавилонский царь не станет настоящим царем, если не облачится в жреческие одежды и не подаст руки Белу — буквально, то есть не пожмет руку золотой статуе Бел-Мардука в великом храме. Белу жали руку Кир, Камбиз, Дарий и Ксеркс.

В свои последние дни Навуходоносор приходилось тратить почти все свое время на религиозные церемонии, где он часто изображал жертвенного козла. Однажды он даже опустился на четвереньки и ел траву в священных садах. Но в отличие от обычного козла его на самом деле не заклали. Примерно за пятьдесят лет до нашего приезда в Вавилон он, сойдя с ума и неся околесицу, умер. Я не встречал вавилонянина, который бы не любил поговорить о Навуходоносоре. Это был их последний настоящий царь. Между прочим, род свой он вел от древних халдеев, как и Спитамы, — насколько можно быть уверенным, не имея доказательств.

Через тридцать лет после смерти Навуходоносора антижреческая партия пригласила в Вавилон Кира. Это был союз разноплеменных торговцев и менял, которые ссужали деньгами последнего царя — темную личность по имени Набонид. Поскольку этот странный монарх интересовался лишь археологией, он обычно проводил время не в Вавилоне, а в пустыне, где откопал забытый Шумер. Видя погруженность царя в прошлое, настоящее забрали себе жрецы. Они правили страной и довели ее до разрухи или, правильнее сказать, до славы, потому что страна перешла к Киру.

Нам отвели роскошные покои в Новом дворце. Прямо

под нашими окнами был каменный мост, соединяющий две половины города. Каждую ночь деревянные части моста поднимали, чтобы воры не могли перейти из одной части Вавилона в другую.

Под рекой Навуходоносор построил туннель. Это замечательное инженерное сооружение имеет около двадцати футов в ширину и почти столько же в высоту. Из-за постоянных протечек пол и стены в туннеле угрожающе размокают, а вонь стоит не только от тянущих повозки быков, но и от чадающих смоляных факелов, вручаемых проезжающим (за плату) при входе. Когда мы вышли на другой берег, я еле дышал, а Ксеркс сказал, что чувствует себя сожженным заживо. Тем не менее туннелем пользовались в течение пятидесяти лет без всяких происшествий.

Наши покои располагались на самом верху Нового дворца. С центральной лоджии открывался чудесный вид на то, что вавилоняне называют зиккурат. Этот зиккурат известен как Дом Основания Небес и Земли. Это грандиознейшее сооружение в мире, рядом с ним величайшие из египетских пирамид кажутся ничтожными, во всяком случае так говорят вавилоняне. Я никогда не был в Египте.

Семь огромных кирпичных кубов поставлены один на другой, самый большой в основании, самый маленький наверху. Вокруг всей пирамиды идет винтовая лестница. Каждый этаж посвящен своему божеству и раскрашен в соответствующий цвет. Даже в свете луны мы различали таинственное голубое, красное и зеленое сверкание богов солнца, луны, звезд.

У самого зиккурата находится храм Бел-Мардука — комплекс огромных грязного цвета зданий и пыльный двор. Ничего особенно красивого в храме нет, если не считать высоких бронзовых ворот в зал бога. По сути дела, замечательно в этом храме лишь одно: считается, что он совершенно не изменился за три тысячи лет. Истинный бог или дух этого города — неизменность. Ничему не разрешено меняться.

Жаль, что так мало афинян побывало в Вавилоне: они бы почувствовали унижение от мысли, как долго длится время и как коротки наши собственные ограниченные дни, не говоря уж о наших трудах. Неудивительно, что, имея такую богатую историю, черноволосые теперь полностью посвящают себя удовольствиям. В конечном счете Вавилон — прекрасное место для усмирения амбиций. Определенно ни одному из наших Великих Царей не нравилось держать

здесь двор. И в конце концов Ксеркс нарушил эту ежегодную практику, восходящую еще к Киру.

Правитель города устроил нам пир в садах на крыше Нового дворца. Эти замечательные сады были созданы для Навуходносора. Сначала строители установили ряд колонн, достаточно прочных, чтобы выдержать шестифутовый слой земли, затем там были посажены цветы и деревья, дабы утешать царицу, тоскующую по Экбатане — лучшему из мест! И наконец, устроены механические насосы. День и ночь без перерыва эти висячие сады орошаются водой из Евфрата. В результате даже в самые жаркие летние дни сады зеленеют и хранят прохладу. Должен сказать, что сидеть в сосновой роще на крыше окруженного пальмами дворца — ни с чем не сравнимое удовольствие.

Впервые в жизни мы были свободны, и тот вечер запомнился мне как самый чудесный из когда-либо проведенных в жизни. Мы развалились на подушках под серебриющимися в лунном свете глициниями. До сих пор при запахе глициний мне неизменно вспоминается Вавилон — и моя юность. Нет, Демокрит, ни вид, ни касание серебра не улучшают памяти. Я не торговец и не ростовщик.

Правитель города носил золотистый тюрбан и опирался на посох из слоновой кости. Он знал, кто такой Ксеркс, но сумел справиться со страхом, так часто внушаемым Великим Царем и его сыновьями. Угодливый хозяин, он привел для нас с дюжину девушек, хорошо обученных искусству Иштар.

— Сатрап Зопир остался у себя дома, выше по реке, — сказал правитель. — Он уже несколько месяцев как нездоров, а иначе непременно пришел бы сам вас приветствовать.

— Передайте ему наш привет.

Мардонию пришла по вкусу роль правителя Вавилона, а Ксеркс и я притворно лебезили перед ним в лучших придворных традициях. Позже мы сочли удачей, что сатрап нас не принял, потому что ему полагалось поцеловать друзей Великого Царя, а у Зопира не было губ, а также ушей и носа.

Когда Дарий во второй раз осадил Вавилон, город сопротивлялся почти два года. Зопир был сыном одного из Шести и командовал отрядом в персидском войске. Под конец он спросил Великого Царя, так ли нужен ему этот Вавилон. Я бы сказал, естественный вопрос после девятнадцати месяцев осады. Когда Дарий дал понять, что город имеет для не-



го первостепенную важность, Зопир пообещал подарить Вавилон Великому Царю.

Он позвал мясника и приказал отрубить себе уши, губы и нос, а затем перебежал к вавилонянам. Указав на обезображенную голову, Зопир сказал: «Смотрите, что сделал со мной Великий Царь!» И ему поверили. Как не поверить человеку в таком состоянии?

В конце концов Зогира ввели в высокий совет жрецов, управлявших городом. Когда стали кончаться продовольственные запасы, он посоветовал убить большинство женщин, чтобы хватило пищи воинам. Пятьдесят тысяч женщин было убито. Затем ночью, когда вавилоняне отмечали религиозный праздник, Зогира открыл ворота Наннара, и Вавилон пал вторично.

Суд Дария был скорым. Три тысячи человек распяли у стен города. Многие ворота и часть внешней стены срыли. Чтобы вновь заселить Вавилон, Дарий ввез из разных частей света тысячи женщин. Во время нашего визита иноземные дамы уже сделали свое дело, и большинство населения составляла молодежь до шестнадцати лет.

Как того требовал обычай, Дарий еще раз пожал Белу руку и еще раз стал законным царем Вавилона. Зогира он назначил пожизненным сатрапом. Любопытно: всего несколько дней назад я встретил на Агоре Зогирова внука. Он торговец и, по его собственному выражению, «больше не перс». Я сказал ему, что он навсегда останется внуком человека, которого Дарий назвал величайшим персом со времен Кира. Да, мы не отвечаем за наших потомков. По иронии судьбы этого торговца тоже зовут Зогира, он сын Мегабиза, до недавнего времени лучшего персидского полководца.

— А где сокровища царицы Нитокрис? — спросил игриво настроенный Мардоний.

— Клянусь, в ее могиле их нет, мой господин!

Правитель так серьезно это произнес, что мы не удержались от смеха.

— Как и обнаружил Великий Царь, — заметил Ксеркс.

Он чашу за чашей пил пиво. Я не встречал человека, кто мог бы выпить больше и при этом сохранять присутствие здравого смысла. Также замечу, что в свои девятнадцать лет Ксеркс был замечательно красив, а тем вечером в свете лунны его светлые глаза сияли лунными камнями и молодая борода курчавилась, как скифская лиса.

— Как это возможно, — спросил я, — чтобы страной правила женщина?

— Видите ли, господин, некоторые наши царицы представлялись мужчинами, как в Египте. Да и богиня Иштар одновременно и мужчина, и женщина.

— Нам обязательно нужно осмотреть ее храм, — сказал Ксеркс.

— Возможно, знаменитые сокровища спрятаны там, — предположил Мардоний.

Оглядываясь назад, я понимаю теперь, как хорошо Дарий раскусил молодого Мардония. Шутка царя о том, что за месяц можно сделать состояние, имела под собой почву. Уже тогда Дарий понял то, на что мне понадобились годы, — Мардоний был чрезвычайно жаден.

Ксеркс хотел посмотреть на могилу царицы, устроенную под одними из городских ворот. На внутренних створках ворот написано: «Если будущий правитель моей страны будет нуждаться в деньгах, пусть откроет эту гробницу».

Поскольку Дарий постоянно нуждался в деньгах, он приказал ее вскрыть. Однако, кроме залитого медом тела царицы, там ничего не обнаружили, а на каменной плите прочли: «Был бы ты менее жаден и тороплив, не стал бы разорителем могил». Дарий собственноручно выбросил тело царицы в Евфрат. Это было не слишком тактично, но уж очень он разозлился.

Правитель заверил нас, что сокровища Нитокрис не более чем легенда. С другой стороны, хотя он об этом и не упомянул, нигде не выставлено столько золота, как в храме Бел-Мардука.

Годы спустя Ксеркс вывез из храма все золотые предметы, в том числе и статую самого Бел-Мардука, и переплавил их на дарики — золотые монеты, — чтобы покрыть расходы на Греческие войны. Как и следовало ожидать, теперь вавилоняне любят поговорить о том, что его последующие беды вызваны этим святотатством. Чепуха. На самом деле Кир, и Дарий, да и молодой Ксеркс заключали слишком много компромиссов со многими местными богами в империи. Хотя наши Великие Цари весьма разумно и трезво позволяли покоренным народам поклоняться своим божествам, самим им не следовало принимать никакого бога, кроме Мудрого Господа. Полуправда — то же самое, что чистейшая Ложь, говорил Зороастр.

Зопир оказался гостеприимнейшим хозяином. Сам же он

не покидал своего дома выше по реке, и мы ни разу его не видели. Переодевшись простыми мидийцами, мы были во-льны обследовать город. Разумеется, телохранители не отхо-дили далеко от Ксеркса, царица Атосса позаботилась об этом. Она даже ходила к Дарию и молила оставить сына до-ма. Но царское обещание нельзя забрать обратно, и Атосса настояла лишь на том, чтобы ей разрешили лично отобрать охрану для Ксеркса. Она также взяла с меня клятву пригля-дывать за Мардонием. Царица считала его способным на убийство царского сына, и никакие мои речи не могли ее переубедить.

— Его отец — Гобрий. Мардоний — дядя Артобазана. Этого достаточно. Это заговор. Когда мой сын останется один в Вавилоне...

Но на этот раз Атосса ошиблась. Мардоний был предан Ксерксу. Более того, он не любил своего отца и не питал никаких чувств к своему племяннику Артобазану.

Как все гости Вавилона, мы первым делом отправились к храму Иштар, где женщины торгуют телом. Согласно древнему вавилонскому закону, каждая местная женщина должна раз в жизни пойти к храму Иштар и дожидаться, по-ка мужчина не предложит ей серебро, чтобы лечь с ней. Первый предложивший деньги получает ее. В других храмах этой богини продают себя мальчики и молодые мужчины, считается, что приходящие сюда получают особое благосло-вение богини. К счастью для вавилонских мужчин, от них не требуется раз в жизни прийти в храм, чтобы продавать себя. Только дамам выпала такая честь.

Вытаращив глаза, мы строем стояли на краю двора. На земле под палящим солнцем сидело с тысячу женщин все-возможной комплекции, роста, возраста, сословия. И ника-кого навеса или тента. Портик в дальнем конце двора зани-мали храмовые евнухи, лениво следящие, чтобы посетители не переступали начерченных на земле линий. Каждому мужчине полагалось держаться в отведенной ему полосе, иначе получилась бы большая неразбериха. Между этими полосами сидели женщины.

Довольно странно, что вавилонские мужчины редко при-ходят в этот храм. Наверное, они привыкли. К тому же им, должно быть, неловко видеть, как их жены и сестры служат богине. К счастью, всегда хватает приезжих со всех концов света, чтобы помочь дамам заслужить благословение Иш-тар.

Ксеркс, Мардоний и я вереницей прошли сквозь скопле-

ние сидящих женщин. Нас предупредили, что веселые и радостные женщины на самом деле шлюхи и только делают вид, что служат богине. Как бы они порой ни казались привлекательными, их следует избегать. Лучше выбрать из задумчивых и грустных, словно некоторым образом отдалившихся от своих тел, предлагаемых в жертву божеству.

Большинство из проходящих к святому месту исключительно безобразны, и я понял, какая радость какому-нибудь уродцу-пекарю за серебряную монету получить прекрасную дочь почтенного вавилонянина. И даже для трех персидских принцев — я, конечно, преувеличиваю свой ранг — ситуация представлялась в высшей степени заманчивой. А поскольку мы были молоды, то привлекали к себе много просящих взглядов.

По обычаю, на колени выбранной женщины ты бросаешь серебряную монету. Женщина встает, берет тебя за руку и ведет в храм, где устроены сотни деревянных перегородок, образуя ряд клетей без дверей. Найдете пустую, совокupляетесь прямо на полу. Хотя евнухи не приветствуют зрителей, но симпатичные пары часто собирают вокруг себя значительное число любопытствующих — ненадолго. Обстоятельства там таковы, что правилом служения Иштар является стремительность и быстрота. Чтобы подавить пропитывающий все вокруг запах половых отправлений, повсюду на жаровнях курится фимиам, отчего в воздухе висит синий дым, и, если задержишься там слишком долго славить богиню, рискуешь посинеть сам.

Большинство иностранцев раздеваются догола, но мы, благопристойные персидские юноши, не сняли ничего, и это особенно позабавило греков. В считанные мгновения мы освятили трех девушек, показавшихся нам попримичнее. Они были вроде бы удовлетворены, но когда Мардоний спросил свою даму, не увидеться ли им снова, та со всей серьезностью ответила, что будет за это проклята навеки. И, кроме того, она замужем. Затем вежливо поблагодарила его за проделанную работу.

Моя избранница казалась очень смущенной всем этим ритуалом. Она сказала, что совсем недавно вышла замуж, что хотела сослужить службу Иштар еще девственницей, но мать отговорила ее. Очевидно, слишком многие вавилонские девственницы имели печальный опыт общения с грубыми иноземцами, и потому девушка отложила это до настоящего времени. Она сказала, что теперь рада своему решению.

Мы расправили после совокупления наши одежды, что очень позабавило двух белобрысых северян, говоривших на ломаном греческом:

— И как они справляются в таком наряде?

Мы пропустили их слова мимо ушей.

— Самое страшное, — сказала моя девушка, выходя со двора, — подхватить какую-нибудь болезнь. Не знаешь, кому попадешься. Моя мать говорила, что, если подойдет какой-нибудь грязный тип, лучше прикинуться уродиной или дурочкой. А если, наоборот, увижу опрятного мужчину, нужно улыбнуться. Хорошо, что я так и сделала.

Она хотела мне польстить, и я был польщен. Мы постояли на свежем воздухе, очищая легкие от пахучего дыма, и девушка рассказала, что уродливым женщинам приходится приходить сюда изо дня в день, и порой не один месяц, ожидая, когда их кто-нибудь купит. Я даже слышала про семьи, вынужденные заплатить иноземцу, чтобы он лег с их женщиной. Это нехорошо, конечно, и очень грешно. Но не так грешно в глазах богини, как вообще не продаться мужчине.

Расстались мы друзьями. Опыт удался прекрасно, и только неделю спустя я заметил, что она наградила меня вшами. Я сбрил себе волосы на лобке и с тех пор делаю это регулярно.

Площадь вокруг храма Иштар отдана под бордели скорее светского, чем религиозного толка. Обычно эти заведения находятся под питейными. Их хозяева — женщины, почти всегда. Нигде женщины низших слоев не пользуются такой свободой, как в Вавилоне. У них своя собственность, они торгуют на базаре. Я даже видел, как женщины наравне с мужчинами обжигают кирпичи и добывают из каналов соль.

Покинув храм Иштар, мы оказались под опекой одного из помощников сатрапа Зопира. Он стал нашим гидом, а охрана Ксеркса держалась неподалеку, не спуская с нас глаз.

В Вавилоне главные улицы идут параллельно одна другой, а маленькие улочки пересекают их под прямым углом. Похожие я видел в Индии и Китае, но больше нигде. Зрелище завораживающее, особенно когда стоишь в тени зиккурата и смотришь вдоль длинных прямых проспектов, просматривающихся до самого конца, до низких железных ворот, что выходят на берег реки.

Вдоль одной широкой улицы выстроились всевозможные

страдающие. При нашем приближении все они начали вопить о своих недугах. По словам нашего гида, «вавилоняне не доверяют врачам, и больные приходят сюда. Когда они видят кого-то с виду знающего, то рассказывают о своих болезнях. Если он знает, как это вылечить, делится знаниями с больными».

Мы видели, что и в самом деле многие останавливались и говорили с больными, предлагая им травы и различные корешки якобы целительного свойства.

— Демощед был бы потрясен, — сказал Ксеркс. — Он-то считает медицину искусством.

— Скорее колдовством, — откликнулся Мардоний, особым знаком отгоняя злых духов.

У подножия широкой лестницы к вершине Дома Основания Небес и Земли нас встретил верховный жрец Бел-Мардука. Визит трех принцев не произвел на сварливого старика ни малейшего впечатления. Великие Цари приходят и уходят, а жрецы Бел-Мардука остаются.

— Именем господина Бел-Мардука, подойдите!

Старик протянул к нам руки, но тут же отдернул, когда Мардоний протянул свои. Наш гид не объяснил, как нам вести себя. Думаю, сам не знал. Верховный жрец произнес невразумительную речь на древнем вавилонском языке и вдруг исчез на втором этаже зиккурата.

До вершины Дома Основания Небес и Земли тысяча ступеней. На полпути мы остановились, взмыленные как лошади. Под нами простирался город, ограниченный высокими стенами и разделенный пополам унылой рекой, несущей в город свои воды мимо береговых укреплений. Как мираж в пустыне, над пыльным городом из бурого кирпича парили зеленые облачка висячих садов.

Наш гид разъяснил нам сложную систему каналов, которые не только орошают плодороднейшие земли Персидской империи, но и облегчают перевозку грузов. Вода, подведенная куда необходимо, — самый дешевый вид передвижения, даже если пользуешься круглой вавилонской лодкой. Кстати, никто из вавилонян так и не смог объяснить, почему они делают свои лодки круглыми и такими замечательно неуклюжими.

Тяжело дыша, мы продолжили путь к вершине зиккурата, где у дверей маленького храма из желтого кирпича стояли два стражника.

— Что это такое? — спросил Мардоний.

— Гробница Бел-Мардука.

Похоже, гид не хотел пускаться в разъяснения.

Воспользовавшись своим религиозным авторитетом, я потребовал рассказать, что там внутри.

— Ведь если там находится какое-то изображение бога, — схитрил я, — мы должны воздать ему подобающие почести.

Зороастр пришел бы в ужас, услышав, как почтительно его внук говорит о демоне. А с другой стороны, одобрил бы мою неискренность: он же всегда говорил, что мы живем в мире, придуманном не нами.

— Там нет никакого изображения. Вы уже видели единственное истинное изображение Бел-Мардука.

Утром наш гид водил нас в огромный храм, где показал стоящую на массивной плите огромную золотую статую человека, к ногам которого мы, как полагалось, возложили цветы. Правая рука статуи была словно отполирована и сверкала ярче левой. Это объяснялось тем, что каждый вавилонский царь был обязан пожать ее своей рукой, и никто не знает, сколько веков это продолжалось. Я тихо вознес молитву Мудрому Господу, требуя свергнуть идола. Через двадцать лет моя просьба была удовлетворена.

Увертки провожатого только разожгли наш интерес к гробнице на вершине зиккурата, и Ксеркс в конце концов заявил:

— Мы войдем внутрь!

Поскольку спорить с наследником Великого Царя было невозможно, гид велел стражам открыть двери. Те хмуро повиновались, и мы вошли в глухое, без окон, помещение, где после утомительного подъема нас встретила приятная прохлада. Висевшая на потолке лампа освещала единственное, что было в комнате, — широкое ложе.

— Кто здесь спит? — спросил Ксеркс.

— Бог Бел-Мардук. — Вид у провожатого был совершенно несчастным.

— Ты когда-нибудь видел его? — спросил я.

— Нет. Конечно нет.

— А жрец его видел? — Меня всегда интересовали эти вопросы.

— Не знаю.

— Так откуда же ты знаешь, что здесь действительно спит бог?

— Мне говорили.

— Кто?

Ксеркс впился в несчастного серыми глазами Ахеменίδα. Этот взгляд многих лишал мужества.

— Женщины, мой господин, — прошептал провожатый. — Каждый вечер на закате сюда доставляют разных женщин. Это избранницы Иштар, супруги Бел-Мардука. В полночь в комнату приходит бог и овладевает женщиной.

— Как он выглядит? — Я был искренне заинтересован.

— Женщины не могут сказать. Они не смеют. Они всегда молчат. Таков закон.

— Очень хороший закон, — сказал Ксеркс.

Когда мы вернулись во дворец, Мардоний велел правителю города привести к нам двух жрецов — служителей храма на вершине Дома Основания Небес и Земли.

Когда те явились, Ксеркс спросил:

— Кто на самом деле является женщинам в гробнице?

— Сам Бел-Мардук, господин, — в один голос ответили жрецы.

Три раза они повторяли один и тот же ответ; и тогда Мардоний велел принести тетиву, какие используются для быстрого удушения. Когда он задал вопрос в четвертый раз, мы узнали, что каждую ночь Бел-Мардук вселяется в кого-нибудь из жрецов.

— Так я и думал. — Ксеркс был доволен. — Сегодня ночью, — сказал он милостиво, — я освобождаю одного из жрецов от его повинности. Сегодня ночью я сам буду Бел-Мардуком.

— Но принц не жрец! — пришли в ужас служители храма.

— Но Бел-Мардуком прикинусь не хуже. Ведь все дело в наряде, не так ли?

— Но жрец *в самом деле* становится Бел-Мардуком! Бог проникает в него.

— А он в свою очередь проникает в девицу? Да, я понял. Создается цепь совершенной святости. — Ксеркс всегда легко схватывал такие вещи. — Будьте уверены, бог вселится и в меня. Ведь, между нами говоря, мой отец с ним за руку.

— И все равно это кощунство, благородный принц!

— И все равно такова моя воля.

Затем Ксеркс сообщил, что Мардоний и я пойдем в гробницу вместе с ним. Жрецы ужаснулись, но ничего не могли поделать. Ползая пред нами на брюхе, они умоляли



хотя бы принять вид богов. Ксерксу надлежало одеться Бел-Мардуком, главой всех богов, Мардонию выпало изображать божество солнца Шамаша, а мне — бога луны Наннара, этому божеству поклонялись в Уре. И еще жрецы просили не разговаривать с женщиной: несомненно, пребывая на земле, Бел-Мардук никогда не говорит со своими невестами по-персидски.

Здесь стоит отметить (впрочем, не обязательно здесь), что вавилоняне поклоняются шестидесяти пяти тысячам богов. Поскольку только верховный жрец знает все шестьдесят пять тысяч их имен, ему приходится тратить уйму времени на обучение этим именам своего преемника.

Незадолго до полуночи мы взобрались на вершину зиккурата. Костюмы ждали нас, и стражники помогли нам переодеться. Наверное, стражу специально подобрали для этого святотатства, потому что они были весьма добродушны в отличие от мрачных дневных охранников.

Я водрузил на голову серебряный диск в виде полной луны, а в руку взял серебряный посох, увенчанный полумесяцем. Мардоний надел на голову золотой солнечный диск, Ксеркс обвешал себя золотыми цепями и взял в руку короткий золотой топор — обязательный атрибут владыки шестидесяти пяти тысяч богов.

Когда мы приготовились, стражи отворили двери, и мы вошли внутрь. На ложе лежала девушка еще моложе нас, чрезвычайно хорошенькая, с обсидиано-черными волосами и мертвенно-бледным лицом — очень в вавилонском духе. На ней не было ничего, кроме льняного покрывала вроде савана, в какие заворачивают мертвецов. Увидев величественных вавилонских богов, она закатила глаза и лишилась чувств.

Мы тихо обменялись мнениями, что делать. Мардоний предположил, что девушка оживет, если Ксеркс к ней подляжет, и тот согласился оказать ей такую честь. На меня возложили обязанность стянуть льняное покрывало, что я и сделал. Девушка оказалась не только прекрасно сложена, но и умудрилась лишиться чувств в самой пикантной позе.

Ксеркс в нетерпении бросился на ложе.

— Вавилоняне делают это без одежды, — заметил вредный Мардоний.

— Но не их боги, — смущенно ответил Ксеркс.

— А их боги тем более. В конце концов, ты — первый

мужчина, она — первая женщина. Вы еще не изобрели одежды.

Я уже говорил, персидские мужчины не обнажаются не только друг перед другом, но и перед своими женами и наложницами — в отличие от греков, которые благопристойно одеваются перед женщинами (за исключением Игр), но бесстыдно заголяются друг перед другом. Но тут был особый момент. В конце концов, никогда нам больше не играть богов в Вавилоне, где нагота на каждом шагу, даже на вершине Дома Основания Небес и Земли. И мы были молоды. Ксеркс сбросил одежды. Он, несомненно, унаследовал пропорции безупречно сложенного Кира, а не коротконового с длинным туловищем Дария.

Не помня себя, Ксеркс вскочил на пришедшую в себя девушку. Мы с Мардонием в свете лампы наблюдали за двумя фигурами — они действительно представлялись первыми мужчиной и женщиной. Признаюсь, в вавилонских обычаях в самом деле есть нечто странное.

Когда Ксеркс кончил, он вытерся льяным покрывалом, и мы помогли ему одеться. Затем он картинно поднял топор Бел-Мардука, но прежде, чем успел произнести хоть слово, девушка улыбнулась и проговорила на чистейшем персидском языке:

— Прощай, Ксеркс, сын Дария Ахеменида!

Ксеркс чуть не выронил топор, а более сообразительный Мардоний сказал по-вавилонски:

— Это Бел-Мардук, девочка. А я бог солнца Шамаш. А это стоит бог луны...

— Я знаю вас всех. — Для своих тринадцати лет она удивительно владела собой. — Я тоже наполовину персиянка. Я видела тебя в Сузах, благородный принц. И тебя тоже, Кир Спитама.

— Это жрецы рассказали тебе о нас? — Ксеркс напустил на себя суровость.

Девушка села на ложе.

— Нет. — Она не испытывала ни малейшего страха. — Моя мать — жрица Иштар, и в этом году она отбирает девушек в гробницу. Сегодня она сказала, что моя очередь принять Бел-Мардука, и вот я оказалась здесь. Это просто совпадение.

Позже мы узнали, что мать девушки была вавилонянка, а отец перс. Часть года они жили в Сузах, а часть в Вавилоне, где отец вел дела с торговым домом «Эгиби и сыновья» —

высшая рекомендация в глазах помещанного на деньгах Мардония. Мать девушки приходилась племянницей последнему вавилонскому царю Набониду, что вызвало интерес у Ксеркса. Девушка была умная и без предрассудков, чем очаровала и меня.

Десять лет спустя Ксеркс женился на ней, поскольку роман, начавшийся на вершине зиккурата, счастливо — хотя и тайно — продолжался до самой смерти Дария. Женившись, Ксеркс больше не спал с ней, но они сохраняли добрые отношения. Пожалуй, из множества его жен Роксана была самой очаровательной. И определенно она была лучшей актрисой.

— Я прекрасно знала, что произойдет, пока вы трое еще не вошли в гробницу, — признавалась мне Роксана годы спустя в Сузах. — Когда верховный жрец предупредил мать, что нечестивый персидский царевич собирается выдать себя за бога Бел-Мардука, та пришла в ужас. Мать была очень набожной женщиной — и очень глупой. К счастью, я подслушала их разговор и, когда жрец ушел, сказала, что хочу принести себя в жертву. Что пойду в гробницу. Она сказала: «Никогда!» Когда я стала настаивать, она ударила меня. Тогда я сказала, что, если она меня не отпустит, я всем расскажу о святотатстве Ксеркса. И всем расскажу, как жрецы прикидываются Бел-Мардуком. Тогда она меня отпустила, так я оказалась обесчещенной Ксерксом и стала персидской царицей.

Это было преувеличение — она не стала царицей. На самом деле среди жен Роксана занимала седьмое место. Но Ксеркс всегда очень любил ее общество, а также и те из нас, кого допускали к ней в гарем. Она продолжила обычай Атоссы принимать кого захочет, но всегда в присутствии евнухов и только после менопаузы.

Ко всеобщему удивлению, царица Атосса к Роксане не питала злобы. Женщины непредсказуемы.

## Книга III

### НАЧАЛО ГРЕЧЕСКИХ ВОЙН

#### 1

Мы, Ксеркс, Мардоний и я, росли и все больше привязывались друг к другу. Во всяком случае охлаждение не наступало. Великие Цари и их наследники легче наживают врагов, чем заводят друзей. И поэтому друзья детства становятся друзьями на всю жизнь, если царевич не обезумеет, а друзей не съест зависть.

С годами Гистасп стал чаще бывать при дворе, чем в Бактрии. Он всегда оказывал положительное влияние на Дария. Не сомневаюсь, проживи Гистасп на несколько лет больше, он нейтрализовал бы при дворе влияние греков и уберег сына от этих изнурительных и дорогостоящих войн.

Когда мне исполнилось двадцать, Гистасп сделал меня начальником своего личного войска в Сузах. Но поскольку никакого войска за пределами сатрапии у него не было, должность эта являлась чисто символической почестью. Просто Гистасп не хотел отпускать меня от себя, я должен был помогать ему следовать Истине и противостоять Лжи. Я же чувствовал себя самозванцем. Религиозен я не был и во всех вопросах, касающихся учения Зороастра, полагался на мнение моего дяди, который обосновался в Сузах, где регулярно разжигал священный огонь лично для Дария. Теперь, когда дядя уже умер, могу сказать, что у него была душа торговца. Но он был старшим сыном Зороастра, а остальное не имело значения.

Несмотря на старания Гистаспа развивать мои духовные и пророческие дарования, воспитание я получил при дворе Великого Царя, и ни о чем, кроме военного дела и интриг или путешествия в далекие края, я даже думать не мог.

В двадцать первый год правления Дария, незадолго до зимнего солнцестояния, Гистасп вызвал меня к себе.

— Мы едем на охоту, — сказал он.

— Разве сейчас сезон, господин?

— Каждому сезону своя дичь.

Старик глядел мрачно, и я больше не задавал вопросов.

Хотя Гистаспу было далеко за семьдесят и он непрестанно болел — болезни всегда сопутствуют этому возрасту, — даже в самые холодные зимние дни владыка отказывался от носилок. Выезжая из Суз, он, выпрямившись, стоял рядом с возницей. Шел снег, и снежинки, облепив его бороду, сверкали в зимнем свете. Я ехал верхом. Кроме меня, Гистаспа никто не сопровождал. Против правил. Когда я сказал ему об этом, он ответил:

— Чем меньше людей будет знать, тем лучше, — и приказал вознице: — Сверни на Пасаргады.

Но Гистасп не собирался в Пасаргады. Вскоре после полудня мы подъехали к охотничьему домику в густо заросшей лесом долине. Домик был построен последним мидийским царем, потом его перестроил Кир. Дарию нравилось думать, что, когда он в этом охотничьем домике, никто не знает, где он. Гарем, конечно, в любой день и в любую минуту знал в точности, где и с кем находится Великий Царь. Но не в тот день.

В строжайшей тайне Дарий прибыл в охотничий домик накануне ночью. Прислугу он не предупредил, и в главном зале было холодно. Угли в жаровнях еще не разожгли. Ковры, по которым ступал Великий Царь — его ноги никогда не должны касаться земли или голого пола, — были разбросаны столь поспешно, что я взял на себя труд даже расправить один.

На возвышении стоял персидский трон — высокое золотое кресло с подставкой для ног. Перед возвышением выстроились в ряд шесть табуретов. Это было необычно: при дворе сидеть полагается лишь Великому Царю. Что и говорить, мысль, что я увижу Великого Царя в его тайной и истинной роли вождя воинственного горного племени, завоевавшего весь мир, очень растревожила меня.

Нас приветствовал сын Гистаспа Артафрен, сатрап Лидии. Хотя в Сардах, столице богатейшего древнего Лидийского царства, отобранного Киrom у Креза, этот могущественный человек считался царем, здесь он был простым рабом своего младшего брата — Великого Царя. Когда Артафрен обнял своего отца, тот спросил:

— Он здесь?

При дворе мы по-разному произносили слово «он» в за-

висимости от того, относилось оно к Великому Царю или к кому-то другому. Сейчас речь шла не о Дарии.

— Да, господин и отец мой. Вместе с другими греками.

Уже тогда я понимал, что секретная встреча с греками означает беду.

— Тебе известно мое мнение. — Старик погладил свою высохшую руку.

— Знаю, господин и отец мой. Но мы должны их выслушать. На западе ситуация меняется.

— А когда она не менялась?

Гистасп смотрел на сына нерадостно.

Наверное, Артафрен надеялся поговорить с отцом наедине, но не успел я извиниться, как нас прервал распорядитель двора, с глубоким поклоном обратившийся к двум сатрапам:

— Не изволят ли высокие господа принять гостей Великого Царя?

Гистасп кивнул. Первым вошел самый незначительный из гостей. Это был мой старый знакомый Демоцед. Он всегда выступал в роли переводчика, когда Дарий принимал высокопоставленных греков. Следующим был Фессал Афинский, за ним Гистиэй, не нуждавшийся в переводчике: он говорил по-персидски так же свободно, как и чувствовал себя среди персидских интриг.

Последним шел худой седовласый грек. Двигался он медленно, торжественно, как подобает жрецам, и держался по отношению к другим с той высокомерной непринужденностью, которая отличает прирожденных владык. Ксеркс обладал таким качеством. Дарий — нет.

Распорядитель возвестил:

— Гиппий, сын Писистрата, тиран афинский волею народа!

Гистасп медленно пересек зал и обнял тирана. Тут же рядом оказался Демоцед, быстро переводя с персидского и на него церемониальные фразы. Гистасп всегда питал к Гиппию искреннее уважение. Гиппий был единственным из греческих правителей, кого Гистасп еще терпел.

В охотничьем домике приезды и отъезды Великого Царя проходят без шума. Никаких барабанов, кимвалов, флейт. И мы не заметили, что Дарий уже восседает на троне, по правую руку стоит Ксеркс, по левую — главнокомандующий Датис.

Хотя Дарию шел всего шестой десяток, возраст уже на-

чинал сказываться на нем. Он часто жаловался на боли в груди, затрудненное дыхание. Поскольку Демоцед никому не рассказывал о своих пациентах, никто точно не знал состояния здоровья Великого Царя. Тем не менее на всякий случай — а также по древнему мидийскому обычаю — Дарий уже велел построить для себя гробницу близ Персеполя, в двадцати милях к западу от священных Пасаргад.

В тот день Дарий был закутан в теплые зимние одежды. Только бело-голубая повязка выдавала его высочайший сан. Он поигрывал кинжалом у пояса. Дарий не мог сохранять долго царственное спокойствие — еще одна черта, отличавшая его от Ксеркса и Гиппия, рожденных владыками.

— Я уже приветствовал тирана Афин, — сказал он, — и, поскольку все вы здесь у меня, вам нет необходимости приветствовать его в моем доме. — Дарий не терпел церемоний, когда цель не заключалась в самой церемонии. — Итак, я начинаю. Это военный совет. Сядьте.

Лицо Дария лихорадочно пылало. Он имел склонность к простудам.

Все сели, кроме Ксеркса, Датиса и меня.

— Гиппий только что из Спарты.

Как Дарий и ожидал, это оказалось для всех неожиданностью. Без помощи спартанского войска землевладельцам и торговцам никогда бы не удалось прогнать популярного Гиппия.

Дарий до половины вынул из алых ножен изогнутый серебряный кинжал. Как сейчас той частью памяти, что еще хранит увиденное, вижу яркий клинок.

— Говори, афинский тиран.

Учитывая, что тирану приходилось каждые минуту-две прерываться, чтобы Демоцед мог перевести его слова, Гиппий говорил не просто убедительно, но красноречиво:

— Великий Царь, я благодарю за все сделанное тобой для дома Писистратидов. Ты позволил нам вернуть наши фамильные владения в Сигее. Ты всегда был наилучшим верховным владыкой. И коль небеса отдали нас во власть земному господину, мы счастливы быть под твоей властью.

Пока Гиппий говорил, Гистизей не отрывал от Дария напряженного взгляда — так индийские змеи сначала гипнотизируют перепуганного кролика своими остекленевшими глазами, а потом наносят удар. Но Дарий не был перепуганным кроликом. Несмотря на десятилетия, проведенные при дворе, Гистизей так и не научился понимать Великого Ца-

ря — по лицу Дария ничего нельзя было прочесть. На совете Великий Царь напоминал памятник самому себе.

— Однако, Великий Царь, теперь мы хотим вернуться домой, в город, из которого семь лет назад нас изгнала горстка афинских аристократов, сумевших призвать на помощь спартанское войско. К счастью, союз между нашими врагами и Спартой теперь распался. Когда Царь Клеомен посоветовался с афинским оракулом в Акрополе, ему был сказано, что Спарта совершила прискорбную ошибку, поддержав врагов нашей семьи.

Греки придают большое значение туманным и зачастую небескорыстным ответам своих оракулов. Вполне возможно, что спартанского царя в самом деле убедил оракул, всегда поддерживавший Писистратидов. Но скорее всего он встретил враждебность афинских землевладельцев, возглавляемых в ту пору одним из проклятых Алкмеонидов, человеком по имени Клисфен, чья приверженность демократии не могла вызвать восторга у спартанского царя. Как бы то ни было, Клеомен созвал собрание представителей всех греческих полисов. Они встретились в Спарте, и Клеомен выступил против Клисфена. Кстати, мне говорили, что Клеомена устроил бы на месте тирана аристократ Исагор, то есть кто угодно, кроме Клисфена.

Гиппий в Спарте красноречиво отстаивал себя. Но ему не удалось убедить греков, и они отказались создать лигу против Афин на том разумном основании, что сами боятся спартанского войска и не хотят иметь в Афинах проспартанское правительство. Все обстояло очень просто. Но греки редко говорят прямо. Представитель Коринфа оказался особенно хитер. Гиппию он объявил о незаконности *любых* тиранов, хороших или плохих. Не получившие при голосовании поддержки, спартанцы вынуждены были дать клятву, что не будут поднимать в Афинах смуту.

— И тут, Великий Царь, я сказал собранию, что, всю жизнь изучая оракулы, считаю своим долгом предупредить коринфян, что рано или поздно их город будет разрушен той самой афинской партией, которую они сейчас поддерживали.

Пророчество Гиппия сбылось. Правда, кто знаком с непостоянством греческого характера, понимает, что рано или поздно два соседствующих города обязательно не поладят, сильнейший разгромит слабейшего, и если не повернет речное русло на развалины, как сделал Кротон с Сибарисом, то так замазает репутацию поверженного города, что правды о



войне уже никто не узнает. Совершенно произвольно греки следуют Лжи. Это в их натуре.

— Великий Царь, если ты поможешь нашей семье вновь обрести свой дом, то найдешь помощь со стороны Спарты. Спартанцы поклялись. Они пойдут за царем Клеоменом. И узурпаторы — которые и твои враги тоже — будут изгнаны из города, оскверненного их нечестивостью.

Гиппий умолк. Дарий кивнул. Гиппий сел. Дарий взглянул на Датиса. Главнокомандующий знал, что делать. Он заговорил, и Демоцед бойко принялся переводить скорую, с мидийским акцентом, речь.

— Тиран, — говорил Датис, — по спартанским законам всегда правят два царя. Они равноправны. Один из них поддерживает твоё возвращение к власти. Другой — нет. Перед военной кампанией цари бросают жребий, кто поведет войско. Что если в войне с Афинами командовать выпадет не твоему союзнику Клеомену, а врагу Демарату?

Ответ Гиппия был подготовлен не хуже:

— Как ты сказал, стратег, в Спарте два царя. Один поддерживает меня. Другой нет. Тот, что меня не поддерживает, скоро не будет царем. Так сказал Дельфийский оракул.

Пока его слова переводили, Гиппий смотрел в пол. Дарий хранил надменность. Как и на остальных, греческие оракулы на него мало действовали. В свое время сам он подкупил не одного.

Гиппий перешел к более практическим рассуждениям:

— Демарат будет смещен, потому что он незаконнорожденный. Клеомен сам сказал мне, что тому есть доказательство.

Выслушав перевод, Дарий впервые улыбнулся.

— Будет интересно узнать, — сказал он кротко, — как можно доказать или опровергнуть законность через тридцать лет после зачатия.

Шутка Дария прозвучала в Демоцедовом переводе непристойнее, чем была в действительности. Но что любопытно — Гиппий оказался совершенно прав. Они доказали незаконность Демарата и сместили его. И Демарат отправился напрямик в Сузы, где стал верой и правдой служить Великому Царю — и Лаис. Прошло не так много времени, и Клеомен сошел с ума и отправился к праотцам. Он начал кусать себя и, будучи не в силах остановиться, умер от потери крови. Демарат всегда любил описывать удивительную смерть своего соперника.

Дарий хлопнул в ладоши, и виночерпий поднес ему серебряный флакон с кипяченой водой из реки Хоаспа, протекающей невдалеке от Суз. Где бы Великий Царь ни находился, он пьет воду из реки Хоаспа и не предлагает ее больше никому. Он также пьет только гелльбонское вино, ест пшеницу только из Асс и использует соль только из египетского оазиса Аммон. Не знаю, откуда взялся такой обычай. Вероятно, от мидийских царей, которым Ахемениды во многом подражают.

Пока Дарий пил, я заметил, что Демоцед внимательно смотрит на своего пациента: постоянная жажда — признак лихорадки. Дарий всегда пил много воды — и часто страдал лихорадкой. И все же он был крепким мужчиной и умел переносить все тяготы походов. Тем не менее при любом дворе где угодно на земле всегда существует непроизносимый вопрос: как долго еще проживет монарх? В тот зимний день в охотничьем домике на дороге в Пасаргады Дарию оставалось еще тринадцать лет, и нам не стоило особенно внимательно следить за количеством выпиваемой им воды.

Дарий вытер бороду тыльной стороной толстой квадратной, покрытой шрамами руки.

— Тиран Афин, — начал он и остановился. Демоцед стал было переводить и тоже остановился: Дарий говорил по-гречески.

Великий Царь посмотрел на кедровую балку, поддерживающую потрескавшийся потолок. В доме свистел ветер. Хотя считалось, что выросшие в горах знатные персы не замечают непогоды, все ежились от холода, кроме закутанного по-зимнему Дария.

Великий Царь начал импровизировать — раньше я никогда от него подобного не слышал, поскольку сопровождал его только на торжественных церемониях, где вопросы и ответы являются ритуальными, как в священных песнопениях моего деда.

— Сначала север, — сказал царь. — Вот где кроется опасность. Вот где погиб мой предок Кир, сражаясь с кочевниками. Вот почему я ходил на Дунай. Вот почему я ходил на Волгу. Вот почему я убивал каждого скифа, кого находил. Но даже Великий Царь не может отыскать их всех. Они все еще там. Их орды ждут. Ждут, чтобы двинуться на юг. И когда-нибудь они двинутся. Если это случится при мне, я перережу их еще раз, но...

Дарий остановился, полуприкрыв глаза, словно осматривая поле боя. Возможно, он вспоминал свое поражение —

теперь уже можно назвать вещи своими именами — в скифских лесах. Если бы Гистизей не удержал ионийских греков от сожжения моста между Европой и Азией, персидское войско было бы уничтожено. Дарий на всю жизнь сохранил благодарность к Гистизею. И на всю жизнь сохранил к нему недоверие. Вот почему он считал, что Гистизей представляет меньшую опасность в Сузах, чем дома в Милете. Это оказалось ошибкой.

Я понимал, что Гистизею не терпится напомнить всем о своей решающей роли в Скифской войне, но он не смел заговорить, пока ему не дадут слова, — только брату Великого Царя Артафрену на совете разрешалось выражать свое мнение в любое время.

Надо сказать, все это многое мне прояснило. Я понял, что хотя и вырос при дворе, но ничего не знаю о том, как в действительности осуществляется управление Персией. Рассказывая мне о своем отце, Ксеркс говорил только общеизвестные вещи. Иногда Гистасп ворчал на своего сына, но ничего нового не сообщал.

И только на совете в охотничьем домике я начал понимать, кто же такой Дарий, что он из себя представляет, и даже его преклонный возраст — сейчас я годился бы ему в отцы! — не смог скрыть того пылкого, хитроумного молодого человека, который сверг так называемого самозванца-мага и сделался владыкой мира, сохранив верность Шести знатнейших, с чьей помощью взошел на трон.

Дарий жестом отпустил виночерпия и повернулся к Артафрену. Братья были совершенно не похожи. Артафрен был просто грубой копией своего отца Гистаспа.

— Великий Царь и брат мой!

Артафрен склонил голову. Дарий прикрыл глаза и ничего не сказал. Когда главы персидских кланов собираются вместе, часто содержание их встреч нельзя выразить словами. Через много лет Ксеркс говорил мне, что у Дария был широкий набор жестов для выражения своей воли. К сожалению, я не был при нем столь долго, чтобы изучить этот важный язык.

Артафрен начал речь:

— Верю, что Гиппий нам друг, каким был его отец, которому мы пожаловали во владение Сигей. Верю, что в наших интересах видеть во главе Афин династию Писистратидов.

На лице Фессала отразилась радость. Но лицо Гиппия,

как и Дария, было непроницаемо. Он был осторожный человек, привыкший к разочарованиям.

И Артафрен уготовил для него разочарование, сменив тему:

— Две недели назад в Сардах я принимал Аристагора из Милета.

Гистизэй выпрямился. Маленькие темные глазки следили за каждым жестом сатрапа.

— Как известно Великому Царю, — эту фразу используют при дворе, чтобы подготовить Великого Царя к сообщению о чем-то неизвестном ему или о том, что он забыл или не хочет знать, — Аристагор приходится племянником и зятем нашему верному другу, почтившему нас сегодня своим присутствием, — правой рукой Артафрен указал на Гистизэя, — милетскому тирану, предпочитающему общество Великого Царя своему родному городу.

Думаю, Дарий при этих словах улыбнулся. К сожалению, его борода была слишком густа и скрывала губы, поэтому не могу сказать с достоверностью.

— Аристагор правит Милетом от имени своего тестя, — продолжал сатрап. — Он обещает сохранять нам верность, как хранит сам тиран. И я ему верю. Ведь Великий Царь никогда не отказывал в поддержке тиранам своих греческих городов.

Артафрен замолк и повернулся к Дарию. Они обменялись взглядами, — что означали эти взгляды?

— Мы ценим Аристагора, — сказал Дарий и улыбнулся Гистизэю, — поскольку его ценишь ты, наш друг.

Гистизэй воспринял эту улыбку как разрешение говорить.

— Великий Царь, мой племянник — прирожденный воин. Он испытанный флотоводец.

Мировая история могла бы развиваться иначе, спроси в этот момент кто-нибудь, когда и где Аристагор проявил себя как военачальник.

Теперь я знаю, что Гистизэй и Артафрен были заодно. Но тогда я был зеленым юнцом и имел смутное представление, где находится Милет, Сарды или Афины, и еще меньше понимал, что они собой представляют. Я лишь знал, что такова политика Персии — поддерживать греческих тиранов. И еще я знал, что набирающие силу торговцы в союзе со знатью постепенно изгоняют наших любимых тиранов, — если, конечно, слово «знать» применимо к грекам. Облада-

тель двух лошадей и фермы с одним оливковым деревом там уже считается знатью.

— Аристагор считает, что остров Наксос очень уязвим, — сказал сатрап. — Если Великий Царь даст ему флот, Аристагор клянется, что присоединит Наксос к нашей империи.

Я вдруг вспомнил тот день в Экбатане, годом раньше, когда Демоед с Гистием говорили о Наксосу, и, несмотря на свою неопытность, быстро сопоставил одно с другим.

— Завладев Наксосу, мы сможем контролировать цепь островов, называемых Киклады. Получив контроль над этими островами, Великий Царь станет владыкой морей, как и всех земель.

— Я и так владыка морей, — сказал Дарий. — Я владею Самосом. Море мое.

Артафрен сделал раболепный жест:

— Я говорил об *островах*, Великий Царь. Конечно, ты всемогущ. Но тебе нужны острова, и так, шаг за шагом, ты приблизишься к самой Греции, а наши друзья снова смогут править Афинами.

Артафрен ловко связал притязания Аристагора на Наксос с восстановлением дома Писистратидов — официальной темой собрания высокого совета.

Воцарилась долгая пауза. Дарий задумчиво одергивал свой толстый шерстяной халат.

— Торговля в наших греческих городах идет плохо, — наконец заговорил он. — Причалы пустуют. Доходы упали. — Дарий посмотрел на увешанную копьями стену перед собой. — После падения Сибариса Милет потерял италийский рынок. Это серьезно. Куда Милет денет всю ту шерсть, что обычно продавал в Италии? — Дарий взглянул на Гистиея.

— Больше нет подходящего рынка. Вот почему я обрил голову, когда затопили Сибарис, — объяснил тиран.

Меня крайне удивили познания Дария в таких прозаических вещах, как торговля милетской шерстью. Позже я узнал, что Дарий проводил дни за изучением караванных путей, мировых рынков, торговли. Как и многие, я заблуждался, считая, что Великий Царь в жизни такой же, как на приемах, — высокомерный, парящий над земными делами. Это было распространенной ошибкой.

На самом деле, когда мы сидели в холодном охотничьем домике, Дарий был уже в курсе дела — советники подготовили его. Его хотели сделать владыкой морей, а он хотел оживить промышленность ионийских городов в Малой

Азии. Дарий всегда предпочитал славе золото, — без сомнения, на вполне разумном основании: за второе сможет купить первую.

— Сколько кораблей понадобится для захвата Наксоса? — задал вопрос Великий Царь.

— Аристагор полагает, что сможет взять Наксос с сотней боевых парусных кораблей.

Артафрен говорил очень точно. Он всегда находил подходящие слова. Казалось, он всегда знает правильный ответ на любой вопрос. Как показали дальнейшие события, он совершенно ничего не знал.

— С двумястами кораблей он сможет сам стать владыкой морей, — сказал Дарий. — Разумеется, от моего имени.

На этот раз Дарий явно улыбнулся (чем всех очаровал).

— Клянусь, он будет тебе верен, как был я — и остаюсь, Великий Царь!

Гистиэй сказал чистую правду, как опять же показали дальнейшие события.

— Не сомневаюсь в этом. — Затем Дарий приказал: — На верфях наших ионийских городов нужно построить еще сто новых триер. Они должны быть готовы к весеннему равноденствию. Затем они отправятся в Милет, где присоединятся к ста кораблям нашего самосского флота. Наш брат сатрап Лидии проследит за выполнением этого плана.

— Все будет исполнено в точности, Великий Царь! — в соответствии с протоколом ответил Артафрен.

Он старался скрыть свою радость. Гистиэй же просто сгорал от восторга. Только афиняне выглядели мрачновато: от Наксоса до Афин путь неблизкий.

— Мы отдаем флот под командование нашего вернейшего флотоводца...

Грубое лицо Гистиэя расплылось в улыбке.

— ...и двоюродного брата Мегабета. — Дарий не удержался, чтобы не взглянуть, как рот Гистиэя захлопнулся. — Его заместителем будет Аристагор. — Дарий встал, и все мы согнулись в поклоне. — Такова воля Великого Царя.

— Такова воля Великого Царя! — в соответствии с обычаем повторили мы.

Греческие войны надвигались с неизбежностью.

Гистасп и я остались в охотничьем домике еще на два дня. Каждый день Дарий устраивал нам грандиозный пир. Хотя сам Великий Царь обедал один или с Ксерксом, он присоединялся к нам, чтобы выпить вина. Все горцы гор-

дятся тем, сколько могут выпить, и поэтому я не удивился, заметив, что возлияния становятся все обильнее, что в гельбонское вино Великого Царя добавляется все меньше воды из реки Хоаспа. Но, как и все представители его клана, Дарий имел крепкую голову. Сколько бы ни выпил, разума он не терял. Но мог внезапно уснуть. Когда это случилось, виночерпий и возница отнесли его в постель. Горцы перепили всех равнинных греков, кроме Гиппия, который только больше и больше грустнел, понимая, что на этот раз его миссия закончилась провалом.

Я очень плохо помню этот знаменательный совет. Помню только, что Ксеркс предвкушал поход на Наксос, но его участие было еще не очевидно.

— Я наследник, — говорил он мне солнечным холодным утром на верховой прогулке. — Все уже решено. Но считается, что никто не знает — пока.

— В гареме знает каждый, — сказал я. — Там только об этом и говорят.

Так оно и было.

— И все равно, пока Великий Царь сам не объявил, это только слухи, а он не объявит до отбытия на войну.

По персидским законам перед отъездом на войну Великий Царь должен назвать своего преемника. Иначе в случае его гибели возможны беспорядки, как это случилось после внезапной смерти Камбиза.

Мы скакали верхом, и холодный зимний воздух прояснил наши головы от выпитого накануне. Я не мог знать, что мы переживаем апогей Персидской державы. По иронии судьбы, в дни своей юности, на пике золотого века Персии, я постоянно страдал от головных болей и тяжести в желудке — результат бесконечных пиров и попоек. Спустя несколько лет я просто объявил, что, как внук пророка, могу пить, лишь выполняя ритуал. Это мудрое решение и помогло мне так долго прожить. Но поскольку долгая жизнь есть наказание, теперь я понял, что нужно было больше пить гельбонского вина.

## 2

Летом следующего года Мардоний и я уехали из Вавилона в Сарды. Четыре сотни конницы и восемь рот пехоты сопровождали нас. Когда мы проезжали ворота Иштар, дамы

из гарема махали нам с крыши Нового дворца, — впрочем, то же делали евнухи.

Мы, младшие офицеры, питали глубокое почтение к дюжине или около того старых — для нас удручающе старых — воинов, прошедших с Дарием от одного края мира до другого. Я даже встретил старшего офицера, знавшего моего отца. К сожалению, он не мог вспомнить о нем ничего интересного. Командовал нашим небольшим войском брат Дария Артан — темная личность, он потом заразился проказой и вынужден был жить один в глуши. Говорят, прокаженные обладают огромной силой духа. К счастью, я не был с ним достаточно близок, чтобы убедиться в этом.

Я никогда так не наслаждался, как во время тех недель путешествия из Вавилона в Сарды. Мардоний был чудесным попутчиком. И ему, и мне не хватало Ксеркса, и большая часть чувств к отсутствующему товарищу изливалась друг на друга.

Каждую ночь мы разбивали свои шатры по соседству с какой-нибудь почтовой станцией, что установлены через каждые пятнадцать миль вдоль полуторатысячемильной дороги из Суз в Сарды. Затем мы закатывали пир. Я даже пристрастился к пальмовому вину — крепкому напитку, очень популярному в Вавилонии.

Мне вспоминается один вечер, когда мы с Мардонием и несколько девушек, путешествующих с грузовым караваном, решили проверить, сколько пальмового вина можем выпить. Мы сидели наверху так называемой Мидийской стены, когда-то давно сооруженной из кирпича и асфальта, а теперь постепенно превращающейся в пыль. До сих пор помню слепящую глаза полную золотую луну, когда я лежал на бархане у подножия стены. Ночью я свалился, и только мягкий песок спас мне жизнь. Мардония это очень позабавило. Несколько дней меня тошнило от пальмового вина.

Оставив Евфрат справа, мы двигались на север, к морю. Как никогда ранее, меня поразили протяженность и разнообразность нашей империи. Мы проехали от знойных, обильно орошаемых полей Вавилонии через пустыни Месопотамии к высокогорным лесам Фригии и Карию. Через каждые несколько миль ландшафт менялся. И люди тоже. Равнинные жители, живущие у рек, низкорослые, быстрые, большеголовые. В горах люди высокие, бледные, медлительные, с маленькими головами. В греческих же прибрежных городах невообразимое смешение рас. Хотя преобладают ионийские и дорийские греки, они смешиваются с белокурыми



фракийцами, смуглыми финикийцами, египтянами, чья кожа напоминает папирус. Физическое разнообразие людей так же поразительно, как низменность человеческого характера.

По непонятным причинам мы не свернули по царской дороге в Милет, а направились в Галикарнас, самый южный из подвластных Великому Царю греческих городов. В Галикарнасе живут греки-дорийцы, традиционно лояльные к Персии.

Царь Лидагм принял нас чрезвычайно любезно и поселил в своем приморском дворце — возвышающейся над побережьем сырой казарме из серого камня. Мы с Мардонием заняли комнату с видом на высокий зеленый остров Кос вдвали. Я не отходил от окна. Впервые в жизни я увидел море. Должно быть, в моих жилах течет кровь моряка, — от ионийских предков Лаис? — потому что я не мог оторвать глаз от фиолетовой беспокойной глади. Гонимые осенним ветром, тяжелые волны с таким грохотом разбивались об основание приморского дворца, что я всю ночь не мог уснуть. Между ударами волн, если прислушаться — а я напрягал слух изо всех сил, — было слышно, как под окном шипит кипящая морская пена.

Мою очарованность морем Мардоний назвал ерундой.

— Подожди немного, пока отплывешь. Тебе наверняка оно быстро надоест. Магов всегда тошнит.

С юных лет Мардоний любил называть меня магом. Но он был добродушным пареньком, и я никогда особенно не обижался на такое обращение.

В те дни я знал Мардония так хорошо, что, по сути, не знал его совсем. Я никогда не изучал его характер, как это случается по отношению к новым знакомым или тем важным персонам, на которых приходится взирать издали.

Поскольку Мардония ждала мировая слава, я, пожалуй, должен постараться восстановить в памяти, что он представлял собой в юности и — что особенно важно — каков он был в Галикарнасе. Я уже тогда начал сознавать, что это не просто один из родовитых юношей, чьи достоинства заключаются в знатности его семьи и особой роли как сотрапезника Ксеркса. Я всегда замечал умение Мардония быстро обернуть в свою пользу создавшуюся ситуацию. Он был также очень скрытен в своих поступках, не говоря уже об их мотивах. Редко кто имел представление о его ближайших намерениях. Он неохотно открывал душу. Но в Галикарнасе я узнал многое о его натуре. Будь я повнимательнее, я бы

смог даже начать понимать его. А пойми я его... Да что толку рассуждать о том, что могло бы быть?

Вот что случилось в действительности.

Два десятка из нас развлекались в гостях у царя Лидагма. Сам Лидагм, невзрачный пятидесятилетний старик, возлежал на подушках в дальнем конце зала, справа от него расположился брат Великого Царя Артан, слева — Мардоний, после Артана знатнейший из присутствовавших персов. Остальные устроились полукругом перед тремя благородными. Рабы принесли каждому по треножнику, нагруженному всевозможными дарами моря. В тот вечер я впервые попробовал устриц и увидел, как едят кальмара, отваренного в собственных чернилах.

Пиршественный зал представлял собой длинное помещение, бесцветное и словно какое-то недоделанное — на меня всегда производит такое впечатление дорический стиль. По сырому от морской воды полу был разбросан плесневелый тростник. Неудивительно, что правители Галикарнаса склонны к болезням суставов.

За спиной у Лидагма стояло кресло, на котором сидела царевна Артемизия. Это была стройная белокурая девушка. Поскольку муж ее постоянно болел, она обедала в обществе отца, заменяя собой его зятя. Говорили, что у нее есть слабоумный брат. И по дорийским законам получалось, что наследница царя — она. Как и все, я не отрывал от нее глаз — ведь впервые я обедал в присутствии женщины, если не считать Лаис. Мои товарищи-персы тоже были загипнотизированы.

Хотя Артемизия ничего не говорила, если к ней не обращался отец, она внимательно слушала разговоры и держалась очень скромно. Я сидел слишком далеко, чтобы слышать ее, но исподволь наблюдал, как ее пальцы выщипывают нежное мясо морского ежа, начиная от центра и дальше к колючей шкуре. Так я научился есть морских ежей. Для слепых они опасны. Возможно, поэтому я так много лет и не вспоминал об Артемизии.

На пирушке много пили, по дорийскому обычаю, который близок к фракийскому. По кругу пускают полный рог вина, каждый изрядно отпивает и передает дальше. Последние капли обычно выплескивают на соседа — считается, что этот неопрятный жест приносит удачу.

Отправившись спать, я не обнаружил в комнате Мардония, но на рассвете, когда я проснулся, он уже храпел рядом. Я разбудил его и предложил сходить в порт.

Наверное, в мире нет места прекраснее малоазийского побережья. Берег здесь крутой и испещрен причудливыми бухтами. Холмы густо поросли лесом, а прибрежные равнины влажны и плодородны. Голубые горы выглядят так, словно это огненные храмы, воздвигнутые во славу Мудрого Господа, хотя в то время в этой духовно обездоленной части мира Мудрого Господа еще никто не знал.

Порт заполняли всевозможные суда, и в воздухе пахло смолой от проконопаченных бортов и палуб. Когда подходили рыбацьи лодки, рыбаки выбрасывали на берег сети с бьющейся сверкающей рыбой, и торговцы начинали на берегу торг. В оглушительном шуме слышалось что-то радостное. Я люблю морские порты.

Около полудня, в самый разгар базара — впервые я услышал это греческое выражение в Галикарнасе, — к нам подошел высокий моряк. Он торжественно приветствовал Мардония, и тот представил меня. Этого человека звали Сцилакс. Мардоний считал само собой разумеющимся, что я его знаю, но мне пришлось со стыдом признаться, что впервые слышу имя лучшего в мире навигатора. Сцилакс был греком откуда-то из Карики, и Дарий часто отправлял его в экспедиции. Это он составил карту южного океана, омывающего Индию, и также почти всего западного Средиземноморья. Это он убедил Дария прорыть канал между Средиземным и Аравийским морями. Когда Ксеркс стал Великим Царем, то хотел послать Сцилакса вокруг Африки. К сожалению, кариец был уже слишком стар для такого путешествия.

— Готовится война? — спросил Мардоний.

— Вам лучше знать, господин.

Сцилакс отвел взгляд. Как у всех моряков, глаза его были всегда полуприкрыты, словно он насмотрелся на солнце, а лицо хоть и почернело от зноя и ветра, как у нубийца, но шея оставалась белой, как морская пена.

— Но ты же грек! — Когда Мардоний пытался хоть недолго говорить с кем-то ниже себя как с равным, у него всегда это выходило неестественно. — Чем занят Аристагор?

— Его здесь нет. Говорят, он на севере. Сомневаюсь, что он заедет так далеко на юг. Мы же дорийцы. У нас свой царь. Здесь нет тиранов.

— У него большой флот?

Сцилакс улыбнулся:

— Какой бы ни был, Аристагор весь потопит.

— Разве он не владыка морей?

— Нет, не владыка. — Сцилак нахмурился. — Но будь в Милете Гистиэй, уж тот-то бы был владыкой!

— Неужели?

Как все молодые царедворцы, Мардоний считал само собой разумеющимся, что старшие по возрасту придворные неизбежно уступают нам по всем статьям. Молодость склонна к самодовольной глупости.

— Я хорошо его знаю. И Великий Царь тоже. Дарий правильно делает, что не отпускает его от себя. Гистиэй может быть очень опасным.

— Я запомню это.

Сцилак, извинившись, покинул нас, а мы с Мардонием поднялись по крутой узкой улочке от пропахшего рыбой многолюдного порта к приморскому дворцу Лидагма.

Мы говорили о грядущей войне. Поскольку мы ничего не знали, то вроде школьников, каковыми и были еще недавно, обсуждали великие дела, ждущие нас в будущем, когда вырастем. К счастью, будущее было — и всегда будет — скрыто от нас.

— Здесь кое-кто хочет поговорить с тобой, — обратился ко мне Мардоний в приморском дворце. — Кое-кто очень интересуется Мудрым Господом.

Хотя Мардоний не смел открыто шутить над религией Ахеменидов, он имел схожий с Атоссиным дар к тонким намешкам, когда дело касалось зороастризма.

— Я следую Истине, — сказал я сурово, как всегда, когда во мне хотят увидеть проявление мудрости Мудрого Господа.

К моему удивлению, в апартаменты Артемизии нас отвели две старухи. В те дни при дорийских дворах евнухи были неизвестны. Когда мы вошли в маленькую комнату, Артемизия поднялась нам навстречу. Подойдя ближе, я заметил, что у нее что-то на уме, но что, я не понял. Артемизия жестом отослала старух.

— Садитесь, — произнесла она. — Примите приветствия моего отца. Он хочет принять вас, и того и другого, но сейчас не совсем хорошо себя чувствует. Он в соседней комнате.

Артемизия указала на резную деревянную дверь, грубо прилаженную к голой каменной стене. Из искусств дорийцам знакомы лишь война и воровство.

Затем я выслушал несколько поверхностных вопросов о

Мудром Господе. Дав с дюжину таких же поверхностных ответов, я вдруг понял, что накануне ночью Мардоний спал с Артемизией, а теперь использует меня как предлог для благопристойного визита при свете дня. В самом деле, что может быть естественнее: царская дочь обсуждает религиозные вопросы с внуком пророка.

Раздосадованный, я прекратил объяснения. Она и не заметила, продолжая смотреть на Мардония, словно хотела тут же проглотить его, как ловко проделывала это с колючими морскими ежами накануне.

Увидев, что от меня толку нет, Мардоний сам начал рассуждать о религии. Артемизия внимала с важным видом. Он знал о Мудром Господе не больше, чем я о его любимом Митре.

Кончилось тем, что мы просто сидели и молчали. Влюбленные смотрели друг на дружку, а я притворился поглощенным видением мира после окончания долгого владычества. У меня это хорошо получается, даже лучше, чем у моего двоюродного брата, нынешнего наследника Зороастра. У него всегда такой вид, будто он собирается всучить тебе партию ковров.

Вошел царь Лидагм, без всякой помпы — и это очень мягко сказано. Он прямо-таки прокрался в комнату. Смущенные, мы вскочили на ноги. Если Лидагм и знал, чем Артемизия занималась с Мардонием в этой самой комнате накануне ночью, то никак этого не выдал. Напротив, он обращался с нами со всей торжественностью, приличествующей хозяину, понимающему, как подобает принимать сотрапезников — или сотрапезника — Великого Царя. Это Мардоний обедал с Дарием, мне не случилось. Потом, конечно, я был сотрапезником Ксеркса до самой его смерти. Это великая честь, поскольку я не принадлежал ни к царской фамилии, ни к Шести.

— Кир Спитама, внук Зороастра, — представила меня Артемизия.

Она ни капли не смутилась. Видно, Мардоний был не первым, кто развлекал ее.

— Знаю, знаю, — слащаво пропел Лидагм. — Мне сказали, что ты принимаешь этих двух молодых принцев. Очевидно, они так тебя очаровали, что ты забыла — мы собирались на верховую прогулку.

Артемизия вдруг начала извиняться:

— Я совсем забыла! Извини, пожалуйста. Они поедут с нами?

— Конечно. Если захотят.

— Куда? — спросил Мардоний.

— Мы собираемся загнать оленя, — сказала Артемизия. — Вы присоединитесь к нам?

Так и закончился этот любопытный день: Мардоний и я гонялись за невидимым оленем вместе с Лидагмом и Артемизией. Девушка несколько картинно скакала впереди нас, в развевающейся накидке, с копьем наперевес.

— Похожа на богиню Артемиду, правда? — Лидагм гордился своей дочерью-амазонкой.

— Еще прекраснее, еще ловчее, — сказал Мардоний, не глядя на меня.

Поскольку Артемиды относятся к главным демонам, я жестом отогнал злых духов, и это подействовало: Артемизия, зацепившись за низкий сук, свалилась с коня. Я был к ней ближе всех и слышал ругательства, более подходящие дорийскому коннику. Но когда приблизился Мардоний, она начала тихонько стонать, и он нежно усадил ее снова на лошадь.

По дороге из Галикарнаса в Сарды мы немного поговорили об Артемизии. Мардоний признался, что соблазнил ее.

— То есть совсем наоборот, — поправился он. — Она очень волевая женщина. Что, все дорийки такие?

— Не знаю. Лаис ионийка.

Бок о бок мы проехали через лесистое ущелье. Ночью в горах подморозило, и под копытами потрескивали заиндевелые ветки и листья. Впереди и сзади нас по крутой лесной дороге колонной по два ехали всадники.

Мы с Мардонием всегда держались в центре, сразу за нашим командиром Артаном. В случае сражения он возглавит атаку из центра, передняя колонна станет правым флангом, арьергард — левым. Естественно, я говорю об открытой местности. В этом высокогорном ущелье нападающие перебили бы нас всех. Но наши умы не занимала опасность — военная опасность.

Мардоний вдруг сказал:

— Я хочу жениться на ней.

— Дама замужем, — счел нужным напомнить я.

— Он скоро умрет, ее муж. Это вопрос нескольких недель, может быть месяцев, как она говорит.

— Уж не собирается ли она... ускорить ход событий?

Мардоний кивнул, сохраняя, однако, полную серьезность:

— Как только я скажу, что готов жениться, она станет вдовой.

— Мне бы такая жена только портила нервы.

Мардоний рассмеялся:

— Выйдя за меня, она отправится в гарем и не выйдет оттуда. Мои жены не будут принимать мужчин, как она принимала меня. Или охотиться на оленей.

— Зачем она тебе нужна?

Мардоний с улыбкой взглянул на меня, и я оценил мужественную красоту его строгого лица с тяжелой квадратной челюстью.

— Затем, что я получу Галикарнас, Кос, Нисирос и Калимну. Когда отец Артемизии умрет, она станет полноправной царицей этих мест. Ее мать тоже дорийка, с Крита. Артемизия говорит, что может также претендовать и на Крит. И будет претендовать, если ее муж окажется достаточно силен.

— И ты станешь владыкой морей.

— И я стану владыкой морей.

Мардоний отвернулся, улыбка сошла с его лица.

— Великий Царь не разрешит этот брак, — вернулся я к теме. — Взгляни на Гистиэя. Как только он завладел этими серебряными рудниками во Фракии, так сразу оказался в Сузах.

— Но он грек. А я перс. И я племянник Дария. И сын Гобрива.

— Да. Именно поэтому этот брак невозможен.

Мардоний ничего не ответил. Конечно, он понимал, что я прав, и не посмел заговорить с Дарием о своем браке. Но через несколько лет, когда Артемизия сама стала царицей, Мардоний испросил позволения у Ксеркса жениться на ней. Ксеркса это очень позабавило, он посмеялся над Мардонием. А с трона им было произнесено:

— Горцы никогда не смешивают кровь с представителями низших рас.

Несмотря на всю непочтительность Мардония, Ксеркс знал, что он не осмелится напомнить ему о крови Ахеменидов, которую сам Ксеркс так весело и порой столь противозаконно смешивал с иноземными женщинами. Любопытно заметить, что из всех отпрысков Ксеркса ничего путного не вышло. Но если не лукавить, то у них и не было возможности проявить себя. Большинство казнили в следующее царствие.

В Сарды мы прибыли ранней осенью.

Всю жизнь я слышал об этом легендарном городе, построенном или перестроенном Крезом, богатейшим человеком на земле. О победе Кира над Крезом сложены тысячи баллад, пьес, легенд. В Милете также рассказывают истории о царящем там разврате и чрезмерной роскоши.

Теперь уже не могу припомнить, что же я ожидал увидеть, — наверное, дома из чистого золота. Вместо этого передо мной предстал заурядный городишко с населением в тысяч пятьдесят жителей, глинобитные, покрытые соломой домишки, теснящиеся один к другому. А в запутанных улочках заблудиться было еще легче, чем в таких же неприглядных Афинах или в Сузах.

Мы с Мардонием помогли отряду разбить лагерь к югу от города и верхом отправились в Сарды, где очень быстро и заблудились. Вдобавок местные жители не говорили ни по-персидски, ни по-гречески, а по-лидийски не говорит никто на земле, кроме самих лидийцев.

Казалось, мы блуждаем уже несколько часов. Нависающие балконы и верхние этажи так и грозили обвалиться — особенно увешанные мокрым бельем. Но жители показались нам необычайно красивыми. Мужчины заплетали волосы в длинные косы и гордились своей белой, гладкой кожей. Ни один уважающий себя лидиец не рискнет выйти на солнцепек. И тем не менее лидийская конница лучшая в мире и составляет костяк персидского войска.

В конце концов мы спешились и повели коней в поводу вдоль реки, протекающей не только через центр города, но и через огромный базар. Когда сомневаешься, иди вдоль реки — так, по преданию, сказал некогда Кир Великий.

Базар в Сардах еще больше, чем в Сузах. В окруженных кирпичной стеной шатрах, под тысячью навесов предлагается на продажу все, что только существует на земле. Разинув рот, как двое карийских крестьян, мы глазели на это зрелище, и никто не обращал на нас ни малейшего внимания. Персидские офицеры в Сардах не редкость.

Купцы со всех уголков света предлагали свои товары. Из Афин привозили кувшины и амфоры, из сатрапии Индия — хлопковые ткани и рубины, с персидских гор — ковры. Вдоль грязной речки росли пальмы, к ним привязывали строптивых верблюдов. С одних снимали их экзотическую ношу, других нагружали лидийскими красными фигами,



двенадцатиструнными арфами, золотом... Да, Сарды — действительно золотой город, поскольку грязная речка изобилует золотым песком. Отец Креза стал первым мыть золото и превращать его в украшения, он также первый отчеканил золотую монету.

На холмах за Сардами находятся рудники, где добывают редчайший в мире металл — серебро. Когда-то у меня была лидийская серебряная монета якобы возрастом больше ста лет. Если это так, то ее отчеканил дед Креза. Ведь, как известно, чеканить монеты начали в Лидии, это исконное занятие лидийцев. На той монете был выбит лев, стертый до такой степени, что стал еле различим. Я утратил ее, когда меня ограбили в Китае.

— Как они богаты! — воскликнул Мардоний. Казалось, он готов один разграбить весь базар.

— Это потому, что не тратятся на строительство. — Я все еще испытывал разочарование от невзрачности этого славного города.

— Похоже, у них на первом месте удовольствия.

Мардоний поздоровался с мидийским купцом, и тот согласился стать нашим гидом. Мы не спеша пересекли рыночную площадь, и я был совершенно ошеломлен разнообразием ярких красок и пряных запахов, непонятым разговором на десятках языков.

Сразу за рыночной стеной находился небольшой парк с тенистыми деревьями, в дальнем конце которого раскинулся древний дворец Креза — двухэтажное здание из необожженного кирпича и бревен. Это резиденция персидского сатрапа в Лидии.

Вслед за распорядителем двора мы проследовали по пыльному коридору в тронный зал Креза, и Мардоний покачал головой:

— Будь я богатейшим человеком в мире, уж я бы построил себе не такой дворец!

Артафрен сидел рядом с троном, который всегда пустовал, если не приезжал сам Великий Царь. Меня удивило, что трон оказался точной копией трона со львом, только был безвкусно сделан из сплава золота с серебром.

Артафрен принимал группу лидийцев, но, увидев Мардония, встал и поцеловал его в губы. Я поцеловал сатрапа в щеку.

— Добро пожаловать в Сарды! — Артафрен в тот день был просто вылитый Гистасп. — Вы поселитесь здесь.

Затем он представил нам лидийцев. Один, глубокий старик, оказался Ардом, сыном Креза. Потом я ближе познакомился с этим восхитительным «памятником» старины.

В последующие дни мы часто виделись с Артафреном и с греками. Кажется, нет в Греции авантюриста, который бы не приехал в Сарды. Излишне говорить, самый последний из них предлагает свои услуги, и Артафрен брал греков на службу: они не только прекрасные солдаты и моряки, но очень умны и столь же вероломны.

Демокрит слишком вежлив, чтобы возразить мне. Но я видел греков с той стороны, которой они обычно не поворачиваются друг к другу. Я видел их при персидском дворе. Я слышал, как они молили Великого Царя напасть на их родные города, потому что грек не выносит успеха другого грека. Не будь при персидском дворе греков все эти годы, и Греческих войн бы не было, Ксеркс распространил бы нашу империю на всю Индию, Гималаи, а возможно, и дальше. Но мало ли что могло бы быть...

На первом же собрании совета в Сардах я увидел Гиппия. С ним были Фессал и мой школьный товарищ Милон.

Гиппий вспомнил нашу зимнюю встречу в охотничьем домике:

— С тех пор я прочел немало трудов о вашем деде.

— Рад, что вы следуете Истине, тиран.

Из вежливости я промолчал — к тому времени о деде и его учении было написано еще очень мало. Сейчас, конечно, тысячи воловьих шкур исписаны молитвами, гимнами и диалогами, и все приписываются Зороастру.

На самом первом совете, где я присутствовал, Гиппий предложил персидскому войску решительно атаковать Милет. Старый тиран говорил со своей обычной торжественностью:

— Мы знаем, что Аристагор с флотом все еще на Кипре. Мы знаем, что афиняне послали ему двадцать кораблей. Сейчас эти корабли уже подплывают к острову. Прежде чем два флота соединятся, мы должны захватить Милет.

— Город хорошо укреплен.

Артафрен никогда не спешил принимать ту или иную стратегию, — без сомнения, на том основании, что искусство управления состоит в знании, когда не нужно ничего делать.

— Милет начал свою историю как афинская колония, —

сказал Гиппий, — и до сих пор многие милетцы смотрят на мою семью с любовью.

Это был совершенный вымысел. Если Милет и был некогда колонией Афин, то к Писистратидам это отношения не имеет. И в любом случае в Милете мало кто питал нежные чувства к тиранам, что стало ясно, когда Аристагор потребовал независимости. Высшие классы отказались восставать против Персии, если Аристагор не допустит в Милете демократии на афинский лад. И этому авантюристу пришлось уступить им. Вскоре мы смогли убедиться, что эпоху тиранов Великий Царь продлил искусственно — своей политикой в отношении к греческим городам, находившимся под его покровительством. Очевидно, правящие классы одинаково не выносили ни тиранов, ни своих союзников-простолюдинов. И сейчас в греческих городах царит демократия по названию и олигархия по существу. Демокрит считает, что нынешняя форма власти в Афинах сложнее. Я в этом не уверен.

Мардоний поддержал предложение Гиппия. Он увидел возможность отличиться в бою.

— Это позволит мне проявить себя, — заявил он мне как-то ночью, когда мы перебрали сладкого лидийского вина. — Если мне позволят вести войско на Милет, следующим летом мы будем дома.

Мардоний оказался прав, говоря, что война позволит ему проявить себя. Но дома он следующим летом не был. Война с ионийскими повстанцами продлилась шесть лет.

Через неделю споров Артафрен дал согласие: половина персидского войска и половина лидийской конницы должны были напасть на Милет. Мардоний был назначен заместителем командующего, а командование поручалось Артобазану, старшему сыну Дария и сопернику Ксеркса. Я остался в свите сатрапа в Сардах.

Первая плохая весть пришла во время церемонии в храме Кибелы. Мне она показалась кстати. В конце концов, почему я должен участвовать в обряде поклонения демонам? Но Артафрен требовал, чтобы все придворные ходили вместе с ним в храм.

— Мы должны приноравливаться к лидийцам. Как и все мы, они рабы Великого Царя. Как все мы, верные рабы.

Я с отвращением смотрел, как жрицы танцуют с евнухами. С первого взгляда было и не различить, где жрица, а где евнух, — на всех были женские одежды. Вообще-то, евнухи

одевались лучше жриц. Никогда не понимал почтения невежественных народов к Анахите, Кибеле или Артемиде — какое бы имя ни носило это ненасытное божество.

В Сардах в день богини молодые люди, желающие служить ей, отсекают себе половые органы и бегут по улицам, держа в руке то, что отрезали. Менее ревностные поклонники богини почитают за благо быть обрызганными кровью новоиспеченных евнухов. Это нетрудно, крови хватает. В конце концов обессиленные самодеятельные евнухи бросают свои отрезанные органы в открытые двери какого-нибудь дома, и его владелец обязан выпустить бросившего и выходить самозванца.

Я не раз видел эту церемонию и в Вавилоне, и в Сардах. Поскольку молодые люди выглядят совершенно невменяемыми, думаю, они предварительно напиваются хаомы или какого-то иного помутняющего рассудок напитка, колхидского меда например, который вызывает галлюцинации. Иначе я не могу себе представить, как человек в здравом уме может таким образом служить какому бы то ни было демону.

В тот день в Сардах я видел, как один несчастный бросил свои половые органы в открытую дверь, но не попал и истек кровью прямо на дороге. Считается кощунством прийти на помощь будущему жрецу Кибелы, не сумевшему, как это случилось, найти подходящего дома для своих гениталий.

Церемония служения Кибеле была нескончаема. Фимиама накурили столько, что образ высокой богини, стоящий, точнее, стоявший в греческом портике, был за дымом еле различим. По одну сторону от богини стоял лев, по другую — две извивающиеся змеи.

Старик Ард находился рядом с верховной жрицей, выполняя все, что в таких случаях полагалось последнему представителю лидийской царственной династии. Жители Сард были в подобающем случае экстазе, Артафрен с Гиппием старались не проявлять своей скуки. Милон, однако, зевал.

— Как я все это ненавижу! — как всегда по-мальчишески просто заявил он мне.

— И я, — совершенно искренне ответил я.

— Они еще хуже, чем наши школьные маги.

— Ты хотел сказать: маги, следующие Лжи. — Я соблюдал почтительность.

Милон хихикнул:

— Если ты жрец огня, что ты тут делаешь, вырядившись воином?

Прежде чем я придумал холодный, уничтожающий ответ, вдаль показался скачущий во весь опор всадник. Он спешился и привязал коня прямо у храма, тем самым совершив святотатство. Артафрен удивленно смотрел, как вновь прибывший идет к нему с посланием в руках. Удивление его возросло куда больше, когда он прочел: ионийский флот встретился с афинским, и теперь корабли стоят на якоре у Эфеса. Хуже того, от Милета на юге и до Византия на севере все греческие ионийские города выступили против Великого Царя.

Через неделю Артафрен давал пир во дворце Креза. Не помню, по какому поводу. Помню только, что незадолго до полуночи один из гостей заметил, что в городе пожар. Поскольку Сарды построены бестолково, никто не придал этому значения: каждый день дома горят и каждый день их отстраивают. Эмблемой Сард должен быть не лев, а феникс.

Пока Гиппий напоминал нам в очередной раз о любви греков к его семейству, прибывали все новые сообщения: греческие войска высадились в Эфесе. Маршем идут на Сарды. Они — у городских ворот. Они уже в городе. Они подогли город.

Артафрен не просто растерялся, он не смог этого скрыть — явный признак, что для большой войны такой человек не создан. Но с другой стороны, кто мог поверить, что банда безрассудных ионийцев и афинян наберется дерзости вторгнуться в глубь персидской территории и поджечь столицу Лидии?

Артафрен приказал собрать войска. Всепожирющее пламя превратило ночь в день, и мы, спеша в парк, где собиралось войско, ясно видели друг друга. Воины были готовы сражаться. Но где же враг? К тому же до неба вздымались красно-золотистые языки пламени, и некогда прохладная ночь зноем не уступала летним дням в Сузах.

Наконец показался один из помощников Артафрена. Нам «в строгом порядке» надлежало отступить к акрополю. К сожалению, приказ пришел поздно. Все пути из города были отрезаны пламенем, и нам оставалось одно: спешно идти на базарную площадь. Если случится худшее, мы по крайней мере сможем броситься в реку и переждать, пока пожар иссякнет сам собой. Что и говорить, эта мысль пришла в Сардах не одним нам. Когда мы подошли к огра-

де, на площади уже было не протолкнуться — горожане вперемешку с персидскими и лидийскими воинами давно заполнили ее.

Думаю, последний день мироздания будет похож на пылающие Сарды. Оглушительные крики людей, рев скота, грохот рушащихся зданий, когда огонь по воле переменчивого ветра бросался то туда, то сюда.

Но уничтоживший Сарды ветер спас нам жизнь. Не будь он так порывист, мы бы задохнулись в огне, а так тяжелый воздух все же позволял дышать. К тому же окружавшая базар высокая стена служила защитой от огня. На самом базаре не загорелось ничего, кроме ряда пальм вдоль отражающей пламя глубокой реки.

Я молился Мудрому Господу, дрожа от мысли о расплавленном металле, который ожидает в конце земной юдоли. Никогда я не чувствовал себя таким беспомощным.

— Можно сделать плот и уплыть по течению, — сказал Милон.

— Прямо к твоим афинянам. Они перебьют нас, когда мы будем проплывать мимо.

— Ну у нас же будет плот... Можно поднырнуть под него, как эти люди.

Многие горожане барахтались в воде, держась за деревянные обломки или надутые бурдюки.

— Нужно сбросить доспехи. — Я предпочитал утонуть, чем сгореть, но в тот момент не хотелось спешить с окончательным выбором.

Милон покачал головой:

— Я не могу бросить оружие.

Профессиональный воин и наследник тирана, он должен был погибнуть с оружием в руках. Но вокруг не с кем было сражаться, кроме двух из четырех первоэлементов.

Внезапно на площадь вылетела лидийская конница, у одной из лошадей горела грива, так же горели косы ее всадника. Словно сговорившись, конь и всадник нырнули в 4-реку.

К счастью, тут появился начальник штаба Артафрена. Не помню его имени, что с моей стороны черная неблагодарность — ведь он спас нам жизнь. Это был крупный мужчина, в руке он держал короткий хлыст и всюю орудовал им, не делая различий между горожанами и воинами.

— Собраться! Построиться! Конница — налево, к стене!

Пехота — поротно вдоль берега! К горящим деревьям не подходить! Горожанам — на другой берег!

К моему изумлению, мы снова превратились в дисциплинированное войско. Помнится, я подумал: теперь мы стоим заживо в четком строю. Но огонь остался за ограждающей рынок стеной. Для греков, однако, это была не преграда. С громкой победной песней они беглым шагом приближались к базарной площади, но, увидев персидское войско в боевом порядке и лидийскую конницу, остановились как вкопанные.

Пока жители Сард бежали в укрытие, командир персов дал сигнал к атаке, и греки без звука ушли туда, откуда пришли. Конница пыталась преследовать их в объятых пламенем извилистых переулках, но греки оказались слишком проворными, а пожар слишком лютым.

К полудню две трети Сард сгорели дотла, а угли тлели еще не одну неделю. Но построенный кое-как город был с удивительной быстротой отстроен заново, и через шесть месяцев Сарды стали прежними, и даже лучше, если не считать храма Кибелы, который так и остался лежать в руинах. Для нас все обернулось к лучшему. Если раньше лидийцы склонялись к грекам, теперь они так разозлились за оскорбление своей богини, что на пути к Эфесу лидийская конница уничтожила половину греческого войска.

Тем не менее стратегия греков дала свои плоды: они бросили вызов Великому Царю в самом сердце его империи. Они сожгли лидийскую столицу и вынудили Артафрена для защиты Лидии снять осаду Милета. Тем временем объединенный флот Аристагора и Афин оказался вне нашей досягаемости, а это значит и непобежденным.

Потом, в ту же зиму, восставшие ионийские города сплотились вокруг Кипра, и Персии пришлось вести войну с новым грозным противником, известным под именем Ионийское Содружество.

#### 4

Два года я пробыл штабным офицером в Сардах. Меня посылали во многие экспедиции на север страны. Однажды мы попытались (неудачно) вернуть город Византий. В Сардах же меня застала весть о смерти Гистаспа. Он умер, надзирая за постройкой гробницы для Дария. Я горевал о нем. Это был лучший из людей.

В Сардах я помог Мардонию отпраздновать его первую победу на Кипре во славу Персии, потом — его женитьбу на Артазостре, дочери Великого Царя. Если верить Лаис, это была милая девушка, но от рождения совершенно глухая. У Мардония родилось от нее четверо сыновей.

Незадолго до моего возвращения в Сузы Гистиэй поднял мятеж против Великого Царя, и Лаис решила, что пора навестить свою семью в Абдере. Она всегда знала, когда исчезнуть, а когда появиться вновь. В свой срок Артафрен захватил Гистиэя в плен и казнил его. К тому времени Лаис с трудом вспоминала его имя.

Когда я вернулся домой, в Сузы, меня удивило — в те дни я еще был чрезвычайно наивен, — что никто не хочет и слышать про Ионийский мятеж. Хотя сожжение Сард вызвало шок, двор не сомневался, что греки скоро понесут наказание, и теперь у всех на уме был только последний претендент на вавилонский трон. Не знаю времени, когда бы на этот древний трон никто не претендовал. И сейчас время от времени с вавилонских окраин появляется какой-нибудь чудак, чтобы объявить себя наследником Навуходоносора. У остатков старой царской фамилии это всегда вызывает переполох и раздражает Великого Царя. Несмотря на природную лень, вавилоняне склонны к беспорядкам, особенно сельские жители, когда перепьют пальмового вина.

— Меня посылают подавить мятеж, — сказал мне Ксеркс.

Мы находились на тренировочной площадке, где так много времени проводили в детстве. Рядом упражнялось в стрельбе из лука новое поколение персидской знати. Помню, я подумал, какие мы уже старые и как хорошо, что больше не зависим от своих учителей-магов.

— Многие поддерживают мятежников?

— Нет. «Царево око» говорит, это займет всего несколько дней... — Ксеркс нахмурился. Я еще не видел его таким расстроенным. Причина скоро выяснилась. — Мардоний одержал настоящую победу, правда?

— Кипр снова наш. — Я не зря провел жизнь при дворе и знал, как обращаться с ревнивым царевичем. — Но Мардоний был не один. План вторжения разработал Артафрен. И потом, флотом командовал...

— Мардоний заслужил доверие. Остальное не важно. А я сижу здесь без дела.

— Ты женился. Это кое-что.



Ксеркс незадолго до того женился на Аместрис, дочери Отана.

— Ерунда.

— Твой тесть — первый богач в мире. Это кое-что да значит.

В другое время Ксеркса бы это позабавило. Но не сейчас. Он был серьезно озабочен.

— Вы все стали настоящими воинами.

— Одни больше, другие меньше, — сказал я, желая его развеселить, но он не слушал.

— Я как евнух — сижу в гареме.

— Ты идешь на Вавилон.

— Только потому, что это безопасно.

— Ты наследник Великого Царя.

— Нет, — сказал Ксеркс. — Я не наследник.

Я только разинул рот.

— Кое-что изменилось, — сказал он.

— Артобазан?

Ксеркс кивнул:

— Он хорошо справляется в Карию. Во всяком случае, так говорят. Отец постоянно разговаривает с ним.

— Это ничего не значит.

— Великий Царь объявил с трона со львом, что наследник не будет назначен, пока Афины не будут разгромлены.

— А если он умрет раньше?

— Великий Царь всемогущ. Он умрет тогда, когда сочтет нужным.

Только при мне Ксеркс мог не скрывать своей обиды. Но в некотором смысле я был ему ближе, чем любой из братьев. В конце концов, я не принадлежал к царской фамилии и угрозы не представлял.

— А что говорит царица Атосса?

— Чего она только не говорит! — Ксеркс изобразил улыбку. — Ты не видел такого парада магов, жрецов и всяческих ведьм, что она устроила у себя в покоях. Так и лезут к ней!

— А Дарий... Он приходит к ней в покои?

— Нет.

Ответ был кратким, но вряд ли убедительным. Атосса в значительной степени контролировала имперскую администрацию через евнухов гарема и могла влиять на Дария исподволь.

— Я пойду к ней, — сказал я.

— Пока ты поговоришь с ней, меня уже здесь не будет. Я буду покорять Вавилон. — Ксеркс попытался пошутить, но не вышло. Неожиданно он проговорил: — Перед смертью Кир сделал царем Вавилона своего сына.

Я ничего не сказал, не посмел.

Пока мы упражнялись в метании дротиков, я рассказал Ксерксу об осаде Милета и сожжении Сард. Но его больше заинтересовал роман Мардония с Артемизией.

— Завидую ему, — сказал Ксеркс, но в голосе его слышалась не зависть, а печаль.

## 5

У Лаис нашлось немало жалоб на Абдери, свою поездку по морю и недавние события при дворе. Она немного располнела.

— Фракийская кухня! Все пропитано свиным жиром. Он снова здоров — мой отец, твой дед. Жаль, что ты его не знаешь. Наши дела процветают. Я лечила его, ты знаешь. Но что за место! Наши родственники теперь уже больше фракийцы, чем греки. Я видела своих двоюродных братьев в лисьих шапках!

Мало того что мне пришлось выслушать подробное описание хозяйства деда в Абдере, теперь еще предстояло ознакомиться с красочными портретами всех родственников.

Характерно, что, несмотря на трехлетнюю разлуку, Лаис ни слова не спросила о моих делах. По сути дела, к моим делам она не питала ни малейшего интереса, когда мы оставались вдвоем, но, когда в доме был кто-нибудь чужой — или когда меня не было, — она не уставала хвастать моим мистическим могуществом и религиозным рвением. Ведь без меня Лаис не получила бы места при дворе. Должен сказать, меня никогда не задевало, что Лаис мной не интересуется. Я слишком хорошо знал ее характер. И я рано понял, что, когда она продвигает себя, я тоже выигрываю от этого. Мы напоминали пару случайных попутчиков, действующих заодно среди дорожных опасностей.

Со своей стороны, я всегда считал Лаис обманщицей. Я не встречал человека, лгавшего с такой легкостью и так правдоподобно, а ведь моя жизнь прошла при дворах и среди греков.

Я сказал Лаис, что испросил аудиенции у царицы Атоссы, но до сих пор ответа не получил. Мать произвела не-

сколькo магических знаков, — без сомнения, чтобы приблизить час моего приема царицей.

Затем Лаис подтвердила подозрения Ксеркса. После того как Артобазан доказал свои способности полководца, Дарий начал поговаривать о возможном изменении своего заветания. Захват Мардоном Кипра также добавил славы семейству Гобрия.

Тем временем царица Атосса вернулась жить в Третий дом гарема. Хотя никто не знал, что она замышляет, Лаис сохраняла оптимизм.

— Атосса найдет способ, как продвинуть своего сына. Она просто умнее всех при дворе, в том числе... — Лаис драматически понизила голос, словно за нами шпионили, чего не было: мы были слишком ничтожными фигурами. — В том числе и Дария.

— Но почему он не даст Ксерксу равные шансы с остальными?

— Потому что Дарий боится такого сочетания — Атосса и Ксеркс. Может быть, царствует в Персии Дарий, но правит Атосса. Если Ксеркс окажется во главе победоносного войска на равнинах Карики или где угодно, а Атосса будет в Сузах и звезды сойдутся определенным образом...

— Измена?

— Почему бы нет? Такое случалось и раньше, и Дарий это знает. Потому он и держит Ксеркса дома. Потому и позволяет другим своим сыновьям и племянникам одерживать всевозможные победы. Но Атосса это изменит.

— Ты уверена?

— Конечно. Хотя это будет нелегко. Мы должны ей всеми силами помочь. Ты, со своей стороны, мог бы занять место главного зороастрийца. Твой дядя — болван. Ты можешь заменить его хоть завтра.

Затем Лаис обрисовала стратегию, в результате которой я становился главой нового ордена. Я не сказал ей, что предпочел бы укус одной из змей Кибелы. Я не собирался становиться жрецом и в то же время затруднялся назвать, в чем вижу свое призвание. В военном деле я не проявил особых способностей. Я был готов стать государственным советником или распорядителем двора, но, к сожалению, с такой работой лучше справлялись евнухи. В душе я хотел лишь служить моему другу Ксерксу — и повидать дальние страны.

Ксеркс, мрачный, отправился в Вавилон, и через неделю после этого мне дала аудиенцию царица Атосса. Как обыч-

но, дверь к ней в покои охраняли внушительного вида евнухи, разодетые по-царски. Я не видел ее в этих апартаментах с тех пор, как перепуганным мальчиком полз здесь по черно-красному ковру. Теперь ковер изрядно вытерся, но Атосса не заменяла полюбившихся ей вещей — и полюбившихся людей.

Я нашел Атоссу все такой же. Да и может ли измениться белая раскрашенная маска? Царицу сопровождал глухонемой — это всегда хороший знак. Значит, можно говорить свободно.

Мне было милостиво дозволено присесть на подставку для ног.

Атосса сразу приступила к делу:

— Я подозреваю Гобрия в колдовстве. Думаю, Дария околдовали. Конечно, я делаю что могу, но не в состоянии рассеять незнакомые мне чары. Поэтому я хочу обратиться к Мудрому Господу.

— Через меня?

— Да, через тебя. Считается, что у тебя есть доступ к одному и единственному богу — не такому, как остальные небесные боги. И вот я хочу, чтобы ты воззвал к Мудрому Господу. Ксеркс должен стать Великим Царем.

— Я приложу все усилия.

— Этого недостаточно. Тебе нужна власть. Я хочу, чтобы ты стал главным зороастрийским жрецом. Вот зачем ты здесь. Да. Это я приказала тебе вернуться в Сузы, — конечно, от имени Великого Царя.

— Я не знал этого.

— Тебе и не полагалось знать. Я никому не говорила. Даже Лаис, которая, признаюсь, и подала мне идею. С тех пор как я ее знаю, она только об этом и говорит. Я хорошо ее поняла. И проинструктировала магов — ваших и моих. То есть наших. Одно твое слово, и твой дядя уступит тебе место. Все маги боятся тебя и, возможно, побаиваются меня.

Атоссины губы были раскрашены в яркий кораллово-розовый цвет. На мгновение штукатурку из белил расколола улыбка.

— А я боюсь Великого Царя, — сказал я.

— Дарий тебя любит. Если ты станешь главным зороастрийцем, он не будет возражать. Мы уже обсудили это. Кроме того, царь не потеряет в тебе великого полководца. — Атосса не позаботилась смягчить приговор.

— Я исполняю свой долг...

— А твой долг быть здесь, при дворе. Как главный зороастриец, ты будешь иметь доступ к ушам Великого Царя. Раз он прикидывается последователем Зороастра, ему придется тебя слушать. А значит, ты сможешь влиять на него, направлять против врагов.

— Против Гобрия?

— И его внука Артобазана, и его сына Мардония, и против множества остальных. Дария околдовали, но какой бы злой дух ни завладел им, наш долг изгнать этого демона.

Атосса сжимала и разжимала кулаки. Я заметил, что статуя Анахиты вся завешана цепями и причудливыми украшениями. Очевидно, царица всерьез взялась за осаду небес. Теперь дошла очередь и до Мудрого Господа.

Я не посмел сказать «нет». Атосса была опасным другом, но врагом она была смертельным. Я сказал, что пойду к дяде.

— Не знаю, что он скажет. Ему нравится быть главным...

Атосса хлопнула в ладоши, двери распахнулись — там стоял главный зороастриец. Он выглядел перепуганным, как и следовало. Дядя низко поклонился царице, не выказавшей почтения Мудрому Господу, и начал петь один из самых знаменитых зороастрийских гимнов:

— «В какие края полечу я? Где преклоню свои колени? Я изгнан из семьи и племени...»

Так Зороастр обращался к Мудрому Господу в начале своей миссии. Несмотря на нетерпение Атоссы, которая вопросам пророков предпочитала прямые ответы, я позволил дяде пропеть изрядную часть гимна, а затем вмешался ликующим обетом, завершающим аккордом, словами самого пророка:

— Тому, что есть Истина для меня, Тебе посвящаю я свою добрую волю, свои жгучие стремления. Да падет гнет на того, кто жаждет угнетать нас! О Мудрый, я стремлюсь возрадовать Тебя своей праведностью, так я решил умом и сердцем...

Не думаю, что все это дяде понравилось. Он был сын пророка, а я внук. Он пришел первым, я вторым. Но только двое из ступавших по земле слышали голос Мудрого Господа. Первый был убит у алтаря в Бактре. Я второй. Будет ли третий?

Когда я закончил гимн, Атосса обратилась к моему дяде:

— Ты знаешь, чего от тебя ждут?

Главному зороастрийцу было не по себе.

— Да, да. Я отправлюсь домой в Бактру. Я буду служить у огненного алтаря. И мне надо переписать слова моего отца. На коровью шкуру. На лучшую коровью шкуру! Когда корову убьют и на жертвоприношении будет должным образом выпита хаома — в точности как завещал Зороастр, ни капли лишнего, — в месте, куда не проникает солнечный луч...

— Хорошо!

Голос Атоссы прервал бормотание моего дяди. Царица сказала, что я немедленно должен быть введен в должность.

— Все необходимые церемонии будут проведены у огненного алтаря в Сузах.

Затем главный зороастриец был отпущен.

— Мы... Мы обложим Великого Царя, — сказала Атосса.

Но поскольку стены в покоях Атоссы всегда имели уши, это Дарий обложил нас, а не мы его. За день до моего введения в должность главы зороастрийцев мне пришлось указать явиться к Великому Царю.

Я был в ужасе. Меня казнят? Изувечат? Заточат в темницу? Или в знак особой милости повесят на золотых цепях? Двор Ахеменидов никогда не обходился без сюрпризов, и, как правило, неприятных. Я надел жреческие одежды. Это была идея Лаис.

— Дарий должен почитать Зороастра и его преемника.

Но Лаис тоже нервничала.

Она проклинала Атоссу шепотом, но я читал по губам: самонадеянная, опасная, выжившая из ума старуха. Старая царица отнюдь не выжила из ума, однако в самом деле вела себя неосторожно. О нашей беседе с ней донесли Великому Царю.

## 6

Великий Царь принял меня в рабочем кабинете. В этой комнате до сих пор сохраняют тот порядок, что был при жизни Дария. Квадратная, с высоким потолком комната. Из мебели — один стол из цельного порфира и высокий нелепо деревянный табурет, на который Дарий любил забираться, когда не расхаживал по комнате, диктуя секретарю, притупившемуся, скрестив ноги, рядом со столом. Эти документы, прочесть которые мог только сам Дарий, писались на особом языке с упрощенной грамматикой. Писать для его глаз было большим искусством, но, как я уже говорил, Ве-

ликий Царь легко оперировал цифрами. Он умел складывать, вычитать и даже делить в уме — что замечательно, — не прибегая к помощи пальцев.

Главный распорядитель двора — реликт времен Кира — доложил обо мне, и, когда я пал ниц пред Великим Царем, двое секретарей по-змеиному быстро выскользнули за дверь. Это было нечто невиданное — аудиенция с глазу на глаз. Мое сердце колотилось так, что я еле слышал слова Дария:

— Встань, Кир Спитама!

В полуобморочном состоянии я выпрямился. Хотя глаза мои почтительно смотрели в сторону, я заметил, что Дарий заметно постарел за годы, проведенные мною в Сардах. Поскольку он не позаботился привести в порядок волосы, из-под бело-голубой повязки на голове — единственного знака царского достоинства — выбивались седые завитки. Седая борода была не расчесана.

Несколько мгновений Дарий смотрел на меня. Правая нога у меня начала произвольно дергаться. Я надеялся, что греческие одежды скроют внешнее проявление моего неподдельного внутрененного трепета.

— Ты неплохо служил нам в Сардах, — коротко сказал Дарий.

Не было ли это вежливым вступлением перед ужасным «но»?

— Я по мере сил служу Великому Царю, чей свет...

— Да, да, — прервал он мой церемониальный ответ.

Дарий сдвинул в сторону кипу папирусных свитков из Египетской сатрапии. Я различил иероглифы. Затем он порылся в другой кипе документов и нашел квадратный лоскут красного шелка с начертанным на нем в виде золотого листа посланием — роскошная, хотя и непрактичная форма письма.

Я не понял, на каком языке было это письмо. Определенно не на персидском и не на греческом. Дарий просветил меня:

— Это пришло к нам из Индии. От царя страны, о которой я никогда не слышал. Он хочет торговать с нами. Я всегда хотел вернуться к Индии. Вот где наше будущее! Определенно на западе нет ничего достойного наших владений. — И, не изменив интонации, он заявил: — Тебе не быть главным зороастрийцем. Я так решил.

— Да, владыка всех земель.

— Подозреваю, тебя обрадует мое поручение.

Дарий улыбнулся, и я вдруг почти перестал трястись.

— Моим желанием было всегда служить только Великому Царю.

— А Мудрому Господу — это не то же самое?

— Это может только совпадать, владыка.

Очевидно, то не был день моей казни.

— Гистасп не согласился бы с тобой.

И тут, к моему удивлению, Дарий расхохотался, как простой горский воин. В неофициальной обстановке он никогда не прибегал к манерному придворному покашливанию.

— Мой отец был о тебе высокого мнения. Он хотел, чтобы ты стал главным зороастрийцем, чего, понятно, хочет и царица.

Напряженность снова возросла. Дарий знал каждое слово нашей с Атоссой беседы. Великий Царь бесцельно водил пальцами по золотым буквам на красном шелковом лоскуте.

— Но я решил иначе. Тебе не хватает настоящего занятия. Это так же ясно мне, как и Мудрому Господу — первому среди богов. — Дарий замолк, словно ожидая от меня опровержения этого кощунства.

— Я понял, владыка, что тебе было ясно всегда — Ничего лучшего я не придумал.

— Ты тактичен в отличие от своего деда, и это хорошо. Если бы Зороастр говорил с Киrom так, как он говорил со мной, Кир отрубил бы ему голову. Но я... Я снисходителен. — Солдатские пальцы теребили разукрашенный лоскут красного шелка. — В отношении религии. В других вопросах...

Он замолчал. Я видел его сомнения — можно ли со мной откровенничать?

Думаю, в конце концов он решил быть искренним, как не бывал ни с кем. Ведь секрет абсолютной власти состоит в абсолютной секретности. Только монарх должен знать все. Он может поделиться частью знаний с тем или иным из подданных, но все пространство должен видеть он один. Только ему быть беркутом.

— Я недоволен Греческой войной. Гистиэй считает, что может ее остановить, но я сомневаюсь. Теперь я вижу, что война не кончится, пока я не разрушу Афины, а это займет не один год и потребует много золота, а в конечном итоге для обогащения империи я получу только каменистый клочок западного континента, где ничего не растет, кроме этих



вонючих маслин. — Дарий имел истинно персидское отвращение к маслинам. Наш западный мир разделился на тех, кто употребляет только оливковое масло, и тех, кто имеет доступ к разнообразию других масличных культур. — Я надеялся, что на склоне лет смогу проехать на восток, где встает солнце. Символ Мудрого Господа, — добавил он, улыбнувшись мне. Поверь Дарий во что-нибудь еще кроме своей судьбы, я бы удивился. — Что ж, Греческие войны займут не больше года-двух, и я надеюсь, меня хватит на год-два...

— Да живет вечно Великий Царь! — издал я традиционный крик.

— Неплохо бы.

В жизни Дарий не был склонен к церемониям. Наедине с ним я ловил себя на мысли, что мы похожи на двух менял или купцов, выясняющих, как лучше обобрать покупателей на базаре.

— Ты знаком с математикой?

— Да, владыка.

— У тебя есть способности к языкам?

— Думаю, да, владыка. Я немного выучился по-лидийски...

— Лидийский забудь. Кир Спитама, мне нужны деньги. Мне нужна куча денег...

— Для Греческих войн. — Я позволил себе непозволительное: хоть я и не задал прямого вопроса, но перебил Великого Царя.

Однако Дарий, казалось, скорее обрадовался прямому разговору, чем рассердился:

— Для Греческих войн. Для работ, что я веду в Персеполе. Для укрепления северных границ. Конечно, я могу повысить дань, но, когда восстали ионийские города и начались волнения в Кариин, когда опять кто-то претендует на вавилонский престол, не время повышать налоги. Но деньги я должен добыть. — Дарий замолчал.

По логике вещей, мне предстояло угадать, зачем меня вызвали.

— Великий Царь хочет послать меня в Индию.

— Да.

— Великий Царь хочет, чтобы я заключил там торговый союз.

— Да.

— Великий Царь хочет, чтобы я разузнал, что из себя представляют индийские государства.

— Да.

— Великий Царь хочет присоединить Индию к своей империи.

— Да.

— Владыка, я не мыслю более высокой миссии.

— Хорошо. — Дарий взял красное шелковое послание. — Эти люди хотят торговать с Персией.

— Что они могут предложить, владыка?

— Железо. — Дарий широко и озорно улыбнулся мне. — Мне говорили, что эта страна вся сделана из железа. Да и вся Индия, как я слышал, полна железа, и кто завладеет тамошними рудниками — делает себе состояние!

Дарий напоминал молодого купца, подсчитывающего барыш.

— Великий Царь хочет, чтобы я заключил сделки.

— Сотни сделок! Я потребую от тебя полного отчета о богатствах каждой страны, где ты побываешь. Я хочу знать состояние дорог, систему налогообложения, используют они монеты или натуральный обмен. Изучи, как они снабжают и перемещают войска. Выясни, что они сеют и сколько раз в году собирают урожай. Особое внимание обрати на их богов. Моей политикой всегда было поддерживать истинно популярные религии. Если окажешь почет местному божеству, жречество сразу на твоей стороне. А если жрецы на твоей стороне, то для поддержания порядка не нужен большой гарнизон. Это для нас жизненно важно. Нас, персов, мало, а мир обширен. Как Кир и Камбиз, я правлю персами через их жрецов. Вот в этом ты можешь оказать мне неоценимую помощь. — Дарий перешел на заговорщический тон, он даже понизил голос. — Я слышал, что некоторые индийцы высоко чтят Зороастра. И поэтому ты будешь не только моим послом, но и жрецом.

— Как жрец, я должен буду провозглашать единственность Мудрого Господа. Мне придется клеймить демонов, которым поклоняются индийцы.

— Ничего подобного ты делать не будешь, — твердо отрезал Дарий. — Ты будешь соглашаться со всеми жрецами. Ты найдешь сходство между их богами и нашим. Ты не должен держаться с ними вызывающе. Когда-нибудь я буду править Индией. И мне понадобятся жрецы. Поэтому ты должен... околдовать их.

Это слово употребляла Атосса.

Я низко поклонился:

— Я выполню каждое слово, владыка.

Дарий со стуком уронил на стол унизанную перстнями руку. Тут же в дверях показался распорядитель двора. С ним были двое: индеец-евнух и Сцилакс, с которым мы встречались в Галикарнасе. Великий Царь говорил со Сцилаксом почти как с равным и совершенно не замечал трясущегося от страха евнуха.

Дарий указал на большой кожаный кошелек в руке у Сцилакса:

— Принес. Хорошо. Я возьму свой.

Он отодвинул занавес с изображением Камбиза, преследующего оленя. Любопытно, что ни в одном из дворцов я не припоминаю изображений Дария, а Камбиз был везде. Насколько помню, в Сузах был один ковер с изображением Кира, в царицыном зале, — довольно грубая работа, и моль не сделала ее лучше.

За занавесом оказалась глубокая ниша, где стоял простой деревянный сундук — в таких купцы держат деньги. Дарий поднял крышку, порывлся и достал маленький медный диск. Тем временем Сцилакс достал похожий диск из кожаного кошелька.

До того я ни разу не видел настоящей карты для путешествий. По сути дела, я видел лишь одну фантастическую карту, занимавшую целую стену Нового дворца в Вавилоне. На удаленных оаисов от другого камнях были изображены города и порты Вавилонии, Малой Азии и Египта времен Навуходоносора. Поскольку вавилоняне — искусные математики, расстояния, вероятно, отличались точностью.

Дарий положил две карты рядом на столе и начал высказывать различия.

— Мы сошлись лишь на реке Инд, карту которой ты для меня составил. — Он указал на длинную линию, идущую с высокогорья в Восточной Бактрии к запутанной дельте, линия уходила в так называемое Индийское море.

Сцилакс сказал, что его карта более поздняя. Впрочем, он согласился, что ни та ни другая не заслуживают доверия.

Дарий вдруг бросил на пол красный шелковый квадрат, чтобы индеец-евнух мог прочесть послание.

— От кого это письмо? — спросил Великий Царь. — Откуда? — Он обратился к Сцилаксу: — Что ты видел в Индии своими глазами?

— Реку, владыка. Частично дельту. Город Таксилу на севере.

— Это ведь мой город?

— Да, владыка. Вся долина к востоку от Инда теперь сатрапия Великого Царя. Граница проходит примерно здесь. — Сцилакс указал на карту. — К востоку отсюда находится страна пяти рек, которую индийцы называют... Как?

Сцилакс взглянул на пол, где, разбирая письмо, копошился евнух.

— Пенджаб, флотоводец.

— Пенджаб. Затем на севере есть город Гандхара.

— Мое царство.

— Тамошний царь платит дань Великому Царю, — тактично заметил Сцилакс. Он провел пальцем вдоль извилистой реки Инд с севера на юг. — Мне понадобилось тринадцать месяцев, чтобы проплыть от гор до дельты. Но в конце все принадлежало Великому Царю.

— Не говоря о ежегодной дани в триста пятьдесят талантов золотым песком! — Дарий прямо-таки облизывался; никто из нас не позволил бы себе такой вульгарности. — Это больше, чем дает любая сатрапия, в том числе и Египет. Только подумай, какой доход может дать это все!

Квадратная ладонь обвела медный диск слева направо, с запада на восток. Дарий вдруг нахмурился:

— Но что это? На моей карте две реки и три города, названия которых мне не прочесть. А там... Ну-ка сравни! Моя Индия похожа на круг. А твоя напоминает полуостров. Там что, за дальним краем? Море? Или там мы упадем с края земли?

— Там еще одно море, владыка. И там вдали высокие горы, джунгли, а еще дальше великая империя, во всяком случае так говорят.

— Китай. Да, я слышал это название. Но где это?

— В царствование Кира, владыка, приезжало посольство из Китая. Они привезли нам шелк и нефрит.

— Знаю, знаю. Я видел опись. Я хочу торговать с ними. Но нелегко торговать со страной, которая неизвестно где. Ах, Сцилакс, мне снятся коровы! Я жажду коров! — Дарий захохотал.

Сцилакс не посмел рассмеяться, но улыбнулся.

Я ничего не понимал. Что за коровы? Позже, в Индии, я слышал эту фразу тысячи и тысячи раз. Коровами измерялось богатство арийских племен, завоевавших Персию, а

также Ассирию, Грецию и Индию. Хотя мы уже не мерим богатство коровами, культурные индийские потомки тех давно умерших угонщиков коров по-прежнему говорят: «Мне снятся коровы», когда хотят сказать, что жаждут богатства. Как настоящему арийскому вождю, Дарию не переставали сниться коровы — выражение, столь же распространенное среди Ахеменидов и индийских ариев, сколь неприятное для остальных.

— Ну что ж, Сцилак, вот и настало наше время разжиться коровами. Очевидно, нас приглашают в коровник. Из... откуда письмо?

— Из Магадхи, Великий Царь. Послание от тамошнего царя Бимбисары. Он шлет привет из своей столицы Раджагрихи.

— Что за странные имена и названия! Хуже греческих. Ну, Сцилак, ты ведь грек, где эта Магадха? Ее нет на моей карте.

Сцилак указал на реку, протянувшуюся с северо-запада на юго-восток:

— Это река Ганг, владыка. Здесь, к югу от нее, находится царство Магадха. Раджагриха должна быть где-то тут. Ни царство, ни город на карте не обозначены.

— Я хочу иметь полную карту Индии, Кир Спитама.

— Да, владыка.

Меня взволновала мысль о путешествии, и я побледнел, представив обширность Индии, — тринадцать месяцев, чтобы просто спуститься по реке!

— Что еще этот... индиец хочет сказать?

— Он говорит, что его дед обменялся посольствами с Великим Царем Киrom. Говорит, что сам в тесной связи с царством Гандхарой.

— *Моим* царством.

— Да, Великий Царь.

— Но этот Бимб — как его там? — не признает моего суверенитета над этим царством.

— Весь мир признает! — Евнух невольно затрясся.

— А он нет! А значит, для нас есть работа. Он хочет торговать с нами?

— Да, Великий Царь. Он говорит про железо. Тиковое дерево. Хлопок. Рубины. Обезьяны.

— Что угодно для души!

Дарий ткнул пальцем в карту. Раздался звук, как от маленького гонга. Затем Великий Царь забрал у евнуха крас-

ный лоскут и поднес к лицу. К старости Дарий стал близорук. Он осторожно отделил от шелка золотые буквы, положил кусочки в рот и, как ювелир, попробовал металл на зуб.

— Золото, — проговорил он счастливо. — И чистейшее.

Он выплюнул золото на пол и шутливо пнул евнуха:

— Ты подготовишь послание Сарабимбе. Напиши ему, что Великий Царь, владыка всей земли, Ахеменид и все такое прочее доволен своим рабом и снисходит послать к нему в качестве посла одного из своих наперсников Кира Спитама, внука Зороастра, арийского пророка, — подчеркни «арийского» и то, что мы одной расы и разделены лишь географически. Это разделение я нахожу нетерпимым. Нет, *этого* не пиши. Мы не хотим его тревожить. Напиши, что за железо мы заплатим золотыми монетами — если у них в ходу монеты, или товаром, если нет. Составь обычный перечень, что мы можем предложить. Ты индеец и знаешь, что они любят. Ты сам откуда?

— Из Кошалы, Великий Царь. Это самое древнее и славное арийское царство. На севере от Ганга.

— Кто твой правитель? Я не могу назвать его царем. На этой земле только один царь.

— Если он еще жив, владыка, это Пасенади, святой и добрый человек, его сестра — главная царица Бимбисары Магадханского и мать...

— Избавь меня от подробностей. Но сообщи их все моему послу. — Дарий улыбнулся мне. От снов о коровах он помолодел. Спутанные седые волосы казались просто светлыми, голубые глаза сияли. — Приготовься, Кир Спитама. А ты прямо сейчас начинай учить его, как говорят в той части мира. Ты отправись с моим послом. — Дарий на прощание еще раз пнул евнуха. — Подготовь схожее послание своему правителю. Представь моего посла и все такое прочее.

Когда евнух ушел, Сцилакс с Дарием взялись составлять план путешествия — *моего* путешествия.

— Ты поедешь по почтовой дороге в Бактру. Это будет легко и приятно, — сказал Дарий. — Увидишь свой старый дом. Я был там в прошлом году. Он полностью восстановлен. — Дарий провел пальцем по карте. — Затем сможешь поехать так, вдоль реки Амударья в горы. Пройдешь через этот проход, которого, наверное, не существует. Их никогда не оказывается, когда нужно. Далее ты окажешься в Гандха-

ре, где сможешь преспокойно спуститься по реке Инд до самой... как ее? — Дарий обернулся к Сцилаксу.

— Таксилы. Это в трех днях пути от города, где сходятся все караванные тропы.

— Караванные тропы? Там нет дорог?

— Честно говоря, нет, владыка. Но страна равнинная, и тропы хорошо протоптаны. Правда, джунгли непролазные. Там много диких зверей и разбойников. Понадобится рота солдат. И придется пересечь пять рек, прежде чем мы достигнем реки Джамна. Затем на лодках или плотах спустимся в долину Ганга, где находится шестнадцать царств.

— Откуда тебе это все известно? — Дарий с удивлением взглянул на Сцилакса. — Ты же никогда не был восточнее дельты Инда.

— Мне тоже снятся коровы, владыка, — сказал Сцилакс. — Конечно, во имя Великого Царя!

Дарий ласково полубонял Сцилакса — за такое объятие любовью из его сыновей или братьев отдал бы по меньшей мере руку.

— Ты получишь коров, Сцилакс! Присмотри за мальчишкой. — Со мной обращались весьма бесцеремонно. — У тебя будет сотня воинов — хватит, чтобы защитить честь посла, но пастухи будут спокойны за своих коров. И еще проводники, картографы, архитекторы и прочие. Этот евнух — как его? — приготовит подходящие дары двум правителям. Но не слишком дорогие. В конце концов, как повелителю всех стран, их земли принадлежат мне по праву... данному мне Мудрым Господом, — добавил он для моего удовольствия.

Затем Дарий повернулся ко мне. Я был поражен, обнаружив, что он не выше меня ростом. Мне он всегда представлялся гигантом. Великий Царь посмотрел мне прямо в глаза, отчего я совсем лишился мужества.

«Нельзя смотреть на Великого Царя», — успел вспомнить я, когда эти голубые с красноватыми веками глаза уставились прямо в мои.

— Не подведи меня, Кир Спитама. Даю тебе год, самое большее — два. По истечении этого срока я хочу знать все, что мне нужно для вторжения в Индию. Я хочу дойти до самого края земли — или до Китая, если это по пути.

— Слушаю и повинуюсь, владыка.

— Пусть Индия будет моим последним подарком моему племени. Так что ты должен быть наблюдательным, внима-

тельным, сообразительным. Ты будешь проповедовать Истину, но не будешь угрожать последователям Лжи.

Совершенно справедливо Дарий опасался рвеня истинных зороастрийцев. Он не собирался сплачивать вокруг себя шестнадцать индийских государств из-за религиозного фанатизма своего посла.

— Я сделаю так, как приказывает Ахеменид. — Обращение к Великому Царю по его настоящему имени звучало как клятва Мудрому Господу.

— Хорошо.

Дарий протянул мне руку для поцелуя.

Так мне была оказана честь. Теперь в случае приглашения я мог обедать с Великим Царем за одним столом. Мне так и не пришлось ни разу отобедать с Дарием, но мое положение упрочилось. Теперь я принадлежал к персидской знати, и в случае благополучного возвращения из Индии меня ждало богатство.



## Книга IV ИНДИЯ

### 1

Из Суз посольство в шестнадцать индийских царств — так нас, посмеиваясь, называли во Второй палате канцелярии — отправилось вниз по реке Тигр. На плоскодонных лодках мы спустились до дельты, где встретили Сцилакса с двумя триерами, уцелевшими после несчастной осады Наксоса. Наверное, мне следовало бы счесть это дурным предзнаменованием, но я был в слишком приподнятом настроении.

В дельте, где сходились Тигр и Евфрат, образуя мелкое заболоченное озеро, из-за постоянных речных наносов не было настоящего порта. Персы, вавилоняне, ассирийцы — все пытались устроить порт на стратегически важном пересечении дорог, но грязь, стекающая с вершины мира к его основанию, неизменно хоронила все попытки. В царствование Дария здесь была временная пристань у края соленого болота, которое можно было преодолеть, лишь устроив из плотов цепочку, тянущуюся почти на милю через топь и зыбучие пески. Однажды я видел, как верблюд вместе с седоком пропали в мокрых песках так быстро, что человек не успел даже позвать на помощь.

Сцилаккс хотел на кораблях обогнуть Африку, но важнее оказалась Индия, и я бы не сказал, что он сильно огорчился, хотя всю жизнь мечтал о путешествии вокруг Африки, которое так никто и не совершил, несмотря на все заявления финикийцев. Послушать их, так они сняли карту с каждой мили омывающего мир океана.

На триере требуется сто двадцать гребцов и еще тридцать матросов, плотников, поваров. Поскольку эти корабли строят для войны, а не для торговли, там есть место для воинов, но не для путешественников. В дополнение к сотне телохраниелей меня сопровождал штат из двенадцати чело-

век, считавшихся знатоками Индии, а также ценный дар царицы Атоссы — индеец-раб по имени Карака.

— Он очень подойдет для наших целей, — сказала царица и ничего не прибавила.

Нас также снабдили подарками для двух царей, провиантом для нас самих и еще погрузили восемь лошадей с конюхами. Корабли оказались серьезно перегружены.

Я был раздражен, поскольку большая часть недели ушла у Сцилакса на подготовку нашего путешествия. Но он был прав: в долгой дороге всего важнее, чтобы каждый знал свое место. Если возникают сомнения, кто и где должен выполнять ту или иную работу, ссоры неминуемы, дисциплина падает. К счастью, поскольку до самой реки Инд нам предстояло держаться близ персидского берега, каждую ночь моряки собирались причаливать к берегу, чтобы все мы могли с удобством спать под звездами. Хоть я и старался играть роль мудрого командира, всем от моего имени очень тактично и почтительно распоряжался Сцилакс.

Никогда не забуду волнения, охватившего меня при отплытии. На рассвете, когда подул западный ветер, Сцилакс приказал поставить на кораблях мачты. Затем гребцы принялись за работу, и я впервые услышал их ритмичную песню в такт мелодии флейты. Когда мелодия совпадает с внутренним ритмом человека, слушатель сливается с кораблем, морем, небом, как в любовном акте.

Отойдя от берега, мы подняли квадратные паруса, а когда они поймали ветер, корабли начали ложиться то на тот, то на другой галс, и гребцы смогли отдохнуть. Слева от нас под солнцем искрилась пустыня, а горячий западный ветер пах морем, солью и тухлой рыбой. В этой части побережья тамошние обитатели построили из соли грубые стены. Солнце выжигает влагу, и местные жители собирают оставшуюся чистую соль для продажи проходящим караванам. Они также солят рыбу, на всякий случай. Эти странные люди живут в причудливых шатрах с каркасами из китовьих скелетов.

И часа не прошло, как мы подняли парус и ко мне подошел Карака: пора-де, как обычно, заниматься индийским языком; в действительности же у него были другие намерения.

— Господин посол, — сказал он, и мне понравилось такое обращение, хотя мое новое достоинство являлось не более чем надвигающейся на Индию тенью Дария. — Я обследовал корабль. — Карака понизил голос, словно опасаясь,

что услышит Сцилакс, но наш капитан разговаривал на носу с начальником матросов.

— Хороший корабль, — сказал я, словно сам его построил.

С самого начала я полюбил море, и если сейчас жалею о чем-нибудь, так это о том, что никогда уже не услышу песни гребцов, не почувствую соленых брызг на лице, не увижу восхода или заката над вечно меняющимся и неизменным морским горизонтом.

— Да, господин. Но в корпусе полно *гвоздей*.

Я удивился:

— А как же иначе скрепить корабль?

Я имел смутное представление о кораблестроении. Если не считать мимолетного посещения Галикарнасского порта, я никогда не видел корабельных работ.

— Но гвозди из металла, господин! — Карака трясся от страха.

— Но деревянные шипы не годятся для моря, — со знанием дела отвечал я.

В действительности все, что я знал, — это что деревянные шипы имеют преимущество перед железными гвоздями. Говоря с Каракой, я озаботился встать, расставив ноги, изображая из себя опытного моряка.

— Господин, я уже один раз проделал этот путь. Но я путешествовал на индийском корабле, а мы не используем гвоздей. Не смеем. Это смертельно опасно.

— Почему?

— *Магнитные скалы*.

На круглом черном лице был написан искренний испуг. У Караки был приплюснутый нос и толстые губы исконного индийца — их иногда называют нагами, иногда дравидами. Этот темнокожий народ до сих пор преобладает на юге Индии, их язык и обычаи сильно отличаются от языка и обычаев высоких светлокожих ариев, в незапамятные времена захвативших северные индийские царства и республики.

— Что еще за магнитные скалы? — спросил я, искренне заинтересованный, если не встревоженный.

— Там! — Карака махнул рукой в сторону голых, отшлифованных ветром береговых холмов. — Эти холмы сложены из камней, имеющих силу притягивать металл. Если корабль подойдет слишком близко, гвозди вылетят из корпуса, притянутые скалами, корабль развалится, и все мы утонем.

Хотя я не видел причин не доверять ему, но послал за Сцилаксом и спросил его насчет опасности. Сцилакс успокоил нас:

— Да, есть такие скалы, способные притягивать металл, но если железо замазать дегтем, то магнитная скала на него не действует. Поскольку наши гвозди надежно защищены, опасаться нечего. Да и потом, это мое третье плавание вдоль здешнего берега, и я обещаю, что по прибытии в Индию все гвозди останутся на месте.

Позже я спросил его, правду ли говорил Карака. Сцилакс пожал плечами:

— Кто знает? Возможно, другие скалы, на других берегах действительно вытягивают гвозди из кораблей, но не на этом побережье. Это я знаю.

— Тогда зачем же ты замазал гвозди дегтем?

— Я и не замазывал. Но я всегда так говорю индийцам, иначе они сбегут с корабля. Между прочим, я заметил странную вещь: никто ни разу не проверил, действительно гвозди замазаны или нет.

Мне до сих пор любопытно узнать, существуют ли такие магнитные камни. Но я не встречал ни одного индийского моряка, который бы не был убежден, что, если при постройке корабля использовать хоть один гвоздь, его вытящит демоническая сила и корабль пойдет ко дну. Индийцы скрепляют свои корабли канатами.

— Это не худший способ кораблестроения, — признался Сцилакс. — Какие бы ни были волны и ветер, все равно не утонешь, потому что вода свободно входит и уходит через щели.

От дельты Тигра и Евфрата до дельты Инда около девяти-десяти тысяч миль. Полоса пустыни между морем и персидскими горами, наверное, самое суровое место на земле. Из-за нехватки пресной воды на берегу горстка рыбаков, соледобытчиков, ловцов жемчуга и пиратов кое-как сводит концы с концами.

На исходе третьего дня за группкой коралловых островков я увидел огненный алтарь Бактры, увидел моего деда, нападение туранцев, резню. Это волшебное видение длилось всего минуту, но оно пригвоздило меня к месту, как послание Зороастра. Он лично напомнил мне, что все люди должны следовать Истине, и я почувствовал себя виноватым, потому что пустился в путешествие, не следуя Истине, а как посланец беркута Ахеменида. Потом, в Индии, мне

приходилось и более серьезно нарушать заветы Зороастра. Хотя я и никогда не терял веры в его учение, индийские мудрецы вызвали во мне тревожное ощущение, что теорий сотворения мира не меньше, чем вавилонских богов, и многие из этих теорий показались мне весьма захватывающими, если не истинными. Или самой Истиной?

Демокрит хочет узнать самую нелепую из теорий. Могу рассказать. Она гласит, что никакого сотворения мира не было, что мы не существуем, что все это лишь сон. Кому же все снится? Тому, кто проснулся и вспоминает.

За несколько недель пути к реке Инд мы то попадали в штить и прибегали к помощи гребцов, которые под палящим солнцем слабели с каждым днем, то ветер относил нас на северо-восток. Под наполненными ветром парусами наша жизнь постоянно находилась в опасности: от скалистого кораллового берега мы не удалялись, и внезапный порыв ветра мог разбить корабль. Но Сцилакс был опытным моряком, за свою жизнь он не потерял ни одного судна. Или только так говорил, и это вызывало у меня беспокойство. Тем, кто не перенес мелких несчастий, обычно судьба припасает большее.

И все же я смог обернуть эти недели на море к своей пользе. В юности я быстро схватывал новое, а Карака оказался превосходным учителем. Когда вдали показалась сине-черная муть дельты Инда, я уже освоил основы индийского языка или так мне казалось. Потом выяснилось, что Карака учил меня дравидскому диалекту, который ариям шестнадцати государств почти так же непонятен, как и персидский.

К счастью, Карака знал достаточно арийских слов, чтобы помочь мне понять не только новый язык, но и новый мир — ведь язык народа говорит нам очень много о том, каким богам этот народ поклоняется и что за люди его составляют или какими они хотели бы быть. Хотя язык индоариев совсем не похож на речь дравидов, но в чем-то схож с персидским, что подтверждает древнюю теорию, что-де некогда все мы принадлежали к одному северному племени и поклонялись — до Зороастра — одним богам. Теперь же арийские боги стали для нас демонами.

Сцилакс много рассказывал мне о своем первом путешествии по Инду.

— Сначала Дарий хотел овладеть всей Индией. Он и сейчас хочет, конечно, хотя, между нами, он уже слишком стар для длительного похода. Ему бы следовало отправиться на восток сразу, как только я разведал для него долину Инда.

— Но он не мог. Восстание в Вавилоне. И потом...

— Дела всегда найдутся. Но если хочешь овладеть миром, нужно забыть о всяких незначительных местечках вроде Вавилона.

Я рассмеялся. От двора удалиться всегда приятно.

Как и на Сцилаксе, на мне была одна набедренная повязка и индийская хлопчатая накидка от солнца. Мы ничем не отличались от гребцов. Хотя Сцилаксу к тому времени было уже за пятьдесят, тело его оставалось крепким и жилистым, как у молодого. Соль сохраняет человека, как и рыбу. Моряки всегда кажутся моложе своих лет.

— Вавилон — величайший город в мире, — сказал я.

— Может быть, когда-то и был, — возразил Сцилакс. — Но индийские города богаче и производят большее впечатление.

— Ты разве их видел?

— Только Таксилу. И Таксила больше Сард и гораздо богаче. Но индийцы скажут тебе, что это всего лишь приграничный городок.

— Почему же тогда Дарий так долго ждал?

Сцилакс пожал плечами:

— Как фараоны со своими гробницами, я думаю. Он считает, что когда завладеет Индией, то умрет, потому что в мире будет нечего завоевывать.

— А Китай?

— Разве это часть мира?

Для профессионального моряка Сцилакс иногда казался слишком рассудительным, не хватало тяги к приключениям. И все же надо признать, он первым снял точную карту Индийского океана до самого острова Цейлон. Я сказал «первым», но это не совсем так. Через несколько лет, когда я подарил Великому Царю подробную карту Индии, он показал мне схожую карту, которую нашли в Вавилоне, в архивах храма Бел-Мардука. Очевидно, вавилоняне и индийцы имели постоянные связи между собой задолго до Дария и Сцилакса. В этом старом мире нет ничего нового, кроме нас самих.

Всю широкую дельту Инда покрывают всевозможные ручьи и протоки. Черноземные участки дельты засевают рисом, а участки солоноватых болот годятся лишь для разведения водоплавающей птицы вроде индийских уток — превосходная дичь, если ее достаточно долго готовить. Там и сям на фоне свинцового неба живописно раскинулись иво-

вые роши. Ежегодные дожди в тот год задержались на месяц, и индийцы только об этом и говорили. Без дождей полстраны вымрет. Но в тот год им не пришлось долго беспокоиться: как только мы выгрузились в порту Паталена, выше по течению, хлынул невероятный ливень, и потом мы три месяца не могли высохнуть. Первым моим впечатлением от Индии осталась вода. Греческие сказания о сотворении мира имеют свою привлекательность для тех, кто пережил индийские сезоны дождей.

По пути до Паталены Сцилак показывал мне окрестности.

— Оба берега персидские, — говорил он с видимым удовлетворением.

— Благодаря тебе, — вежливо заметил я.

— Да, — ответил он без тени тщеславия. — У меня это заняло тринадцать месяцев. К счастью, местный народ предпочитает иметь верховного владыку за тысячи миль, а не рядом. Им лучше, когда ими управляет Ахеменид из Суз, чем местный царь.

— Но здесь есть сатрап.

Сцилак кивнул и нахмурился:

— Первого я подобрал сам. Он был арием из Пенджаба. Потом он умер, и теперь правит его сын.

— Он предан нам?

— Сомневаюсь. Но по крайней мере, он вовремя платит ежегодную дань. Ты нигде не увидишь столько золотого песка, как в этой части мира.

Откуда ни возьмись, вокруг появились дуги лоснящихся дельфиньих спин. Один дельфин даже выпрыгнул из-под самого носа корабля, на мгновение завис в неподвижном воздухе и бросил на нас задорный взгляд.

— Хорошая примета, — сказал Сцилак.

— Это пресноводные дельфины? Я не знал, что такие бывают.

— Да. Но насколько мне известно, они водятся лишь в индийских реках, — добавил он.

Сцилак был прирожденным исследователем, он ничего не принимал на веру и всегда скептически относился к услышанному. Если чего-то он не видел сам, то и не утверждал, что это существует — в отличие от некоторых дорийских греков, пишущих так называемую историю.

Мы высадились в Паталене, большом, но ничем не при-

мечательном порту. От дождя и сырости было трудно дышать, низкое небо все затянули тучи.

Здесь я должен заметить, что в Индии существуют три времени года. С ранней весны до начала лета солнце палит безжалостно, и, если бы не большие реки и искусно построенная ирригационная система, земля вскоре превратилась бы в пыль и люди вымерли. Затем с приходом лета начинается дуть муссон, и треть года идет дождь, а реки разливаются. Потом следует совсем коротенькая зима, чередой идут прохладные дни, и небо невообразимо синее, а цветы разрастаются так буйно, что розовые цветники Экбатаны покажутся рядом с ними убогими.

Только я ступил на паталенскую пристань, как сильный порыв ветра ударил нашу триеру о причал, и две лошади упали с нее в реку. Затем небо словно разверзлось, и на раскаленную землю обрушился ливень. Совершенно мокрых нас встретил «царево око».

— Сатрап остался в Таксиле и шлет свои извинения, — сказал он.

Нас проводили в административное здание — старую деревянную развалюху с совершенно негодной крышей. Никогда еще я не страдал одновременно от жары и сырости — странное сочетание, характерное для сезона дождей в этой части света.

На следующий день мы расстались со Сцилаксом. Он отправился вверх по реке в Таксилу, а я начал свое путешествие по суше в царства Кошалу и Магадху. Я жаждал самостоятельности и был рад остаться один. Все мне казалось нипочем. Я был глуп. Я был молод. Демокрит считает, что нужно поменять местами «глуп» и «молод» — дескать, первое вытекает из второго. Но с моей стороны было бы невежливо связывать одно с другим.

К нашему отправлению «царево око» приготовил верблюдов, провизию, проводников. Кроме того, кое-как знал дорогу Карака.

Чувствуя себя сродни Великому Царю, я под проливным дождем пустился в путь, рядом со мной ехал Карака. Вся моя свита насчитывала триста воинов, пять наложниц, и ни одного евнуха. Еще в Сузах Карака предупредил меня, что индийцы испытывают такое отвращение к кастрации, что не кастрируют даже животных. Из-за этой их причуды индийские гаремы охраняют старики и старухи. Хотя это кажется не очень удачным выходом из положения, но на самом деле престарелые люди обоих полов обычно не только



бдительны, но и неподкупны. Ведь в отличие от честолюбивых молодых евнухов у них нет планов на будущее — за отсутствием такового.

Я ехал верхом, так же как Карака и мои телохранители. Остальные передвигались или на верблюдах, или шли пешком по дороге, от дождя превратившейся в густое желтое месиво. Мы продвигались медленно, держа наготове оружие. Но хотя Индия кишит шайками разбойников, во время дождей они обычно сидят по домам. В такую погоду только невежественный и излишне ревностный посол может попытаться преодолеть тысячу миль по так называемой суше.

Каждый раз при приближении к границе, что случалось не менее раза в день, нас останавливали вооруженные отряды. В этой части Индии не только множество государств, но каждое еще делится на полуавтономные владения, живущие в основном за счет поборов с проходящих караванов. Как посол Великого Царя, я был освобожден от такого рода дани, но я взял за правило всегда что-нибудь платить. В результате нам часто предоставляли почетный эскорт, который сопровождал нас до следующей границы. Предполагалось, что это отпугивает разбойников.

Только сильный монарх может сделать проселки безопасными для путешественников, а в то время во всей Индии был лишь один сильный царь — Бимбисара, при чьем дворе в Магадхе я и был аккредитован. Хотя Пасенади Кошальский правил более обширной, древней и богатой страной, как правитель он был слаб, и Кошала представляла опасность для путешественников.

Мы пробирались через джунгли, вокруг кричали попугаи, а безгривые львы, увидев нас, убегали. Как-то я взглянул вверх и увидел прижавшегося к дереву тигра. Я смотрел в его яркие солнечно-желтые глаза, а он смотрел в мои. Я испугался. Тигр — тоже. И исчез в зеленой влажной темноте, как мираж или страшный сон.

Самые опасные среди индийских зверей — дикие собаки. Они бегают стаями и никогда не лают. И с ними нельзя бороться. Даже более проворные животные становятся их жертвами, потому что собаки способны неуклонно, день за днем преследовать оленя, тапира или даже льва, пока тот не изнеможет от усталости, а затем бесшумно нападают.

В окрестностях заброшенного города Гандхаи я заметил несколько нор, расположенных правильным полукругом в стороне от вязкой дороги. Я спросил Караку, что это, и он ответил:

— Каждая собака вырывает себе нору. Она забирается туда и спит. Или подглядывает. Видишь, сверкают глаза?

Сквозь ливень я различил горящие глаза диких собак. Они следили за каждым нашим движением.

В тот вечер довольно неожиданно эскорт покинул нас у ворот города Гандхаи.

— Они говорят, что город населен призраками, — сказал Карака.

— И это в самом деле так?

— Даже если и так, — улыбнулся он, — это призраки моего народа. Так что нам нечего бояться.

Мы проехали по широкой центральной улице к главной городской площади, построенной древними индийцами за тысячи лет до прихода ариев. Город очень напоминает Вавилон, с домами из необожженного кирпича и прямыми улицами. К западу от города остались руины цитадели, скрытой ариями. Потом по каким-то причинам арии изгнали местных жителей, и с тех пор город пуст.

— Построившие этот город люди звались хараппами. Думаю, те, кто уцелел, ушли на юг, — с горечью проговорил Карака.

— Но это случилось так давно!

— Тридцать пять поколений — это у нас не много.

— Ты говоришь словно вавилонянин, — сказал я, и он воспринял это как комплимент.

Незадолго до захода солнца мы зашли в большое здание, некогда служившее зернохранилищем. Хотя древняя черепичная крыша сохранилась лучше, чем новая в паталенском административном здании, потолочные балки угрожающе просели. Мы выгнали колонию рассерженных обезьян, и я приказал поставить в конце зала мой шатер. Затем разожгли огонь и приготовили ужин.

Тут Карака принялся знакомить меня с индийской пищей. Это не быстрый процесс, поскольку я едок осторожный. Если первое знакомство с манго не удовлетворило меня, то ананасы сразу же получили восторженное признание. Мне также пришлось по вкусу индейки — это птицы с нежным белым мясом и совсем ручные. Индийцы держат их не только ради яиц и мяса, но и ради перьев, которыми набивают подушки. Эти птицы сродни тем, которых греки называют «персидской птицей» и недавно завезли в Афины.

Как правило, я обедал отдельно от других, вдвоем с Каракой. Во-первых, персидские офицеры предпочитают не

питаться со всеми, а, во-вторых, я в некотором роде представлял Великого Царя и поэтому был окружен частью его величия.

— Видишь, какой высокой культурой мы обладали. — Карака обвел рукой огромное помещение.

— Да, впечатляет, — согласился я, хотя думал только о просевших балках.

— Мы построили этот город за тысячу лет до прихода ариев. — Карака говорил так, будто сам был архитектором. — Мы были строителями, купцами, ремесленниками. А они — кочевниками, живущими в шатрах скотоводами, разрушителями.

Когда я просил Караку — или кого-нибудь еще — рассказать мне доступно, кто же такие были харappy, то не получил ответа. Цари и купцы их оставили круглые отпечатки на влажной глине, создав нечто часто принимаемое за прелестные картинки, но текстов харappов никто так и не прочел.

— Они поклонялись матери всех богов, — сказал Карака несколько туманно. — И рогатому богу.

Кроме этого я от него мало что узнал. Спустя годы я услышал еще кое-что о таких богах, как дракон Нага, бык Нанди, обезьяна Хануман, и многих прочих богах-животных и богах-деревьях. Очевидно, самым могущественным считался бог-змея, поскольку у самого грозного индийского человекообразного божества из каждого плеча выходит по змее, как у Ахримана.

Без особой помощи со стороны Караки я вскоре научился говорить с правителями индоариев на подобающем индоарийском языке и с удивлением обнаружил, что они для обозначения своей древней родины используют то же слово, что и персы. Оттуда даже в Грецию пришли ахейцы и дорийцы. Земли эти находятся где-то на самом севере мира, и поэтому Полярная звезда священна для всех ариев. Должен сказать, мне всегда с трудом верилось, что мы действительно близкая родня тем белокурым безжалостным кочевникам-скотоводам, которые до сих пор нападают на смуглые южные народы, чтобы грабить и сжигать их города, — как туранцы поступили с Бактрой.

Тысячу лет назад, по давно забытым причинам, какие-то из арийских племен решили не рушить южные города, а воздвигнуть новые. Это случилось в Мидии, Аттике и Магадхе, и тут арийские кочевники переняли культуру своих

рабов. Кроме того, несмотря на всяческие табу, стали заключаться смешанные браки, и самые дикие из диких стали похожи на культурный народ, ими завоеванный. Можно видеть, что такое продолжается и теперь, когда приграничные районы Персии постоянно подвергаются набегам тех диких племен, какими были и мы сами и которые тоже станут такими, как мы, — культурными.

Между прочим, Кир прекрасно сознавал опасность, исходящую от превращения своих персидских горцев в такой же изнеженный народ, как покоренные черноволосые. Чтобы обезопаситься от этого, Кир настаивал на строгом военном обучении всех молодых персов. Нам никогда не полагалось забывать своего арийского происхождения. Но Ксеркс меланхолически заключил, что персы уже не отличаются от того народа, которым правят, и в значительной степени упразднил образовательную систему Кира. Я говорил, что считаю это ошибкой. Но он был Ахеменид.

Хотя арии заселили Северную Индию задолго до Кира, я верю, что предки и мидийцев, и персов пришли в нынешнюю Персию примерно в одно время. Но арии-персы обосновались в горах, а арии-мидийцы усвоили ассирийскую и эламскую культуру. В конце концов мидийцы настолько ассимилировались со смуглой древней расой, некогда ими покоренной, что ко временам Кира арийского царя Мидии можно было принять за правителя Ассирии или Элама. Благодаря географическим особенностям страны, персидские племена сумели сохранить твердый воинственный арийский дух, но так было до тех пор, пока Кир не сделался вселенским монархом, как говорят в Индии.

Индоарии же, в отличие от мидийцев, почти сорок поколений сопротивлялись ассимиляции с нагами, или дравидами, или хараппами. Они гордятся своей светлой кожей, прямым носом, светлыми глазами. И к тому же весьма разумно делят себя на четыре касты. Первая — жрецы, так называемые брахманы, очень напоминают наших магов; вторая — воины; третья — торговцы; четвертая — крестьяне и ремесленники. И еще есть исконные жители этих мест, они темнокожи, замкнуты, угнетены — вроде Караки. Миллионы их по-прежнему живут на севере, неохотно служа своим пришлым хозяевам.

Теоретически индоарии могут заключать браки только внутри своей касты, а браки с исконным населением запрещены категорически. Однако за тысячелетие со своего прихода в Индию здешние арии гораздо больше потемнели ко-

жей и глазами, чем их персидские родичи. И тем не менее они совершенно серьезно заверят вас, что черны из-за палящего в сухое время года солнца. И я всегда соглашаюсь.

Я уже собирался удалиться на ночь к себе в шатер, когда в дверях зернохранилища возник высокий обнаженный человек. На мгновение он замер, шурясь на свет. Волосы его свисали с головы чуть ли не до лодыжек, ногти на руках и ногах были такими длинными, что загибались, как клюв у попугая. Похоже, дорастая до определенной длины, они сами обламывались. В руках пришелец держал метлу. Когда глаза его привыкли к свету, он медленно двинулся ко мне, метя пол перед собой.

Те, кто еще не спал, ошеломленно, как и я, уставились на незнакомца. Наконец один из моих телохранителей выхватил меч, но я жестом велел пропустить странного пришельца.

— Это еще что за чудо? — спросил я Караку.

— Он вроде как святой. Наверное, это джайн. Или сумасшедший. Или и то и другое сразу.

Незнакомец встал передо мной, поднял метлу, словно салютуя, и произнес что-то, чего я не понял, но разобрал Карака.

— Это сумасшедший, — пояснил он. — И джайн. Джайны — одна из наших самых древних сект.

— И все джайны сумасшедшие?

— Совсем наоборот. Но этот говорит, что он переправщик, а никакой он не переправщик. Этого не может быть. С начала времен их было всего двадцать три.

Все это для меня звучало полной бессмыслицей.

— Что за переправщик? И почему он голый? И зачем эта метла?

Незнакомец без спроса тщательно вымел пол вокруг себя и передо мной, а затем сел, скрестив ноги, и забормотал какую-то молитву. Карака был настолько потрясен появлением своего соотечественника, что отказывался отвечать на вопросы, пока я не напомнил ему, что Великий Царь, в частности, интересовался индийскими религиями, и это соответствовало истине. Понадобись Дарию для завоевания Индии разгуливать нагишом с метлой в руках, он бы не раздумывал.

— Переправщик — это самый святой из людей. Последний раз такой появлялся на земле около двухсот лет назад. Я слышал, что теперь появился новый, но, несомненно,

этот голый не переправщик. Прежде всего, голыми ходят только экстремисты, или, как говорят джайны, голыши.

— А метла?

— Сметать насекомых. Джайны не должны убивать никаких живых существ. Они даже часто носят маску, чтобы случайно не вдохнуть какую-нибудь мошку. Они не возделывают землю, потому что при пахоте гибнут букашки; не едят меда, чтобы не голодали пчелы. Они не могут...

— Ладно, а что они *могут*?

— Они прекрасные предприниматели, — улыбнулся Карак. — Мой отец был джайном. Но я — нет. Это очень древний культ... Еще доарийский. Джайны не признают арийских богов. Они не верят в Варуну, Митру, Брахму.

— Потому что это демоны. — Тут я вкратце процитировал Зороастра.

— Для Зороастра это, может быть, демоны, а для нас это просто ничто. Мы очень не похожи на ариев. Они верят в жизнь после смерти: для праведников — на небесах, для грешников — в аду. Мы — нет. Мы верим в переселение душ от одного человека к другому, или в дерево, в камень, в животное. Мы считаем высшим состоянием нирвану, то есть угасание, как свеча. Остановку длинной цепи бытия. Это окончательное существование на самом потолке Вселенной — в совершенстве и спокойствии. Но чтобы этого достичь, нужно, как сказал бы джайн, переправиться через реку — избавиться от земных желаний, подчиниться вечным законам.

Много лет я пытался выяснить, имел ли Пифагор какие-либо контакты с джайнами. Свидетельств этому я не нашел никаких. Если он ни от кого не узнал о новых воплощениях и до мысли о переселении душ дошел сам, то, возможно, это доарийское воззрение и верно.

Лично у меня эта мысль вызывает содрогание. Вполне достаточно родиться и умереть один раз. После смерти, учит Зороастр, каждого из нас ожидает суд. Праведники попадут в рай, грешники — в ад. В конце концов, когда Истина уничтожит Ложь, все превратится в Истину. Мне это кажется не только разумной, но и полезной религией. Вот почему я не представляю ничего более ужасного, чем перескакивание из тела в тело или из змеи в осу, а потом в дерево. Конечно, никто — как Пифагор — не помнит прошлых воплощений. Но в действительности это не важно. Лично я целиком за нирвану — это слово трудно перевести на грече-

ский. Нирвана — это что-то вроде задувания свечи, но слово имеет некоторые аспекты, и не только не поддается переводу, но и непостижимо для неверующего вроде меня.

— Как возникла земля? — задал я традиционный первый вопрос.

— Мы не знаем, да и не интересуемся этим, — ответил Карака за святого, продолжавшего бормотать молитвы. — Правда, арии говорят, что некогда была пара близнецов, мужчина и женщина.

— Яма и Има? — Я был поражен: эту пару знал и Зороастр, и в деревнях им до сих пор молятся.

Карака кивнул:

— Они самые. Яма хотела ребенка. Но Има боялся кровосмешения. В конце концов она уговорила мужчину, что ему нужна пара, и так возникли люди. И все же кто создал близнецов? Арии говорят о яйце, которое разрубил бог Брахма. Хорошо, но кто снес яйцо? Мы не знаем, да нас это и не волнует. Все мы похожи на шестерых слепцов, пытавшихся узнать, что такое слон. Один нащупал ухо и сказал, что это не зверь, а просто кожистый лист. Другой ощупал хобот и сказал, что это змея. И так далее. Какая разница, откуда и как все взялось, если тебя не интересуют вещи, способные сделать жизнь не только жалкой, но и нечестивой?

Разумеется, Карака не произносил такой речи, я просто попытался выделить вкратце все знания по этой теме, добытые мной за много лет.

Но я сохранил яркие воспоминания о том зернохранилище в древнем хараппском городе. Во-первых, голый джайн вдруг заговорил, и благодаря Караке, научившему меня не тому языку, я смог понять обращенные ко мне слова, которые меня крайне изумили и до сих пор звучат в ушах:

— Когда родился девятый от конца переправщик, у него был брат, столь же злой, насколько сам он был добр. Змеи выросли из плеч злого брата, и не было злодейства, какого бы он не совершил. Как один брат был воплощенная доброта, так второй — совершенное зло. И так продолжалось, пока наконец свет не поглотил тьму и повсюду возобладал свет. И так будет, когда последний переправщик переведет нас с темного берега реки на залитую солнцем сторону.

Я попытался расспросить святого, но он не смог или не захотел ответить, а просто повторял истории, пел песни и молитвы. От Караки тоже было мало толку, но теперь уже я

сам горел желанием разрешить вопрос, ответ на который должен быть на земле. Неужели Зороастр просто восстановил религию, которую мы исповедовали до завоевания Мидии Персией? Определенно Зороастр не был арием. Как я уже говорил, по моему убеждению, Спитамы происходят от халдеев, но этот народ уже так перемешался с остальными, что наша исконная вера совершенно забылась и перепуталась. Тем не менее если так называемая реформа Зороастра не более чем восстановление первоначальной истинной человеческой религии, то непонятно, почему Зороастр с такой яростью набросился на богов, принесенных ариями с севера. «Для нас это не боги, а демоны», — говорил он. И раз столь многие простолюдины приняли его завет, значит, тайное видение божества никогда не покидало их душ. Это объясняет также, почему Ахемениды никогда не воспринимали всерьез учения Зороастра. Кроме Гистаспа, они только притворялись, что чтят моего деда, потому что, как вожди ариев, по-прежнему верны своим племенным богам, предавшим их власти мир к югу от степей.

Должен признаться, мое религиозное образование началось в Гандхай. Дождь стучал по черепичной крыше, а голый святой с риторическими отступлениями рассказывал нам, что душой обладает все, даже камни.

Кстати, используемое им для обозначения души слово почти совпадает с греческим, а утверждают — его придумал Анаксагор... Он тоже утверждает, что все точки зрения, кроме одной, ложны. Поменяй точку зрения, и одна и та же вещь видится совсем по-другому — отсюда и история про слепых и слона. И все же есть абсолютная правда, которую может увидеть лишь переправщик, спаситель. К сожалению, наш святой довольно путано объяснил, как стать спасителем. Сам он такой, по его словам, потому что выполняет пять заповедей: не убивать, не лгать, не красть, сохранять целомудрие, не искать удовольствий.

Это последнее представляет некоторую трудность, как я на следующий день заметил Караке, когда мы снова пустились в путь.

— А что если кто-то находит удовольствие в разгуливании нагишом и чтении лекций персидским послан? Это ведь будет нарушением пятой заповеди?

— А может быть, он терпеть не может говорить с персидскими посланцами?

— Нет. Он был очень доволен собой. Я чувствую, что это не настоящий переправщик.



— И даже не джайн.

Карака был смущен этим нашим приключением. Ему почему-то казалось, что я увидел дравидскую культуру, к которой он был равнодушен, не с той стороны. Хоть Карака и ненавидел арийских завоевателей, но всю жизнь провел среди них — и в Индии, и в Персии. В итоге он оказался ни тем ни другим — похожее состояние я часто испытываю сам. Ведь я наполовину перс или халдей, а наполовину грек-иониец. Я служу Великому Царю, но я внук Зороастра. Я отвергаю арийских богов, но не арийских царей. Я верю в истинный путь, но, честно говоря, не знаю, каков он и где его искать.

## 2

Милях в четырехстах к востоку от Инда течет река Джамна, на ней расположен богатый город Матхура. Там нас принял градоначальник, маленький толстячок с желто-фиолетовой бородой. Наши цирюльники из кожи вон лезут, пытаясь возвратить стареющим мужчинам юношеский цвет волос, их же индийские собратья замечательны в своей фантазии. Иметь четырехцветную бороду даже весьма желательно. И нет более странного зрелища, чем когда собираются индийские придворные, каждый с радужной бородой, в туфлях на толстой кожаной платформе, с ярким зонтиком.

Хотя градоначальника назначил кошальский царь Пасенеди, Карака заверил меня, что Матхура практически независима, как и большинство кошальских городов.

— Пасенеди никто не боится. Царство его разваливается, а ему и дела нет.

— А до чего ему есть дело?

— До угревертов и расщепителей волос.

— Это еще кто такие?

— Чудодеи. Мудрецы, или так они себя зовут.

Как видишь, Индия пятидесятилетней давности напоминала нынешние Афины, где процветают такие угреверты и расщепители волос, как Протагор и Сократ, и нет ни правды, ни лжи.

На склоне лет я начал наконец понимать, через что прошел наш мир. Какое-то время исконное население Греции и Персии пыталось свергнуть арийских богов, или демонов. В каждой из стран Зевс — Варуна — Брахма отрицаются. Но поскольку афинская толпа в своих предрассудках остается

арийской, не многие осмеливаются подвергать сомнению официальных государственных богов, хотя втайне греки обращаются либо к доарийскому культу, либо к таким радикальным пророкам, как Пифагор, то есть к атеизму. В Индии все открыто. Арийских богов осмеивают со всех сторон. Такие древние верования, как переселение душ, снова популярны, и в деревнях полно аскетов, променявших арийских богов на старую веру. Даже арийские цари порой отказывались от трона, чтобы жить в джунглях, медитировать там и укреплять плоть.

Я высоко чту Зороастра за то, что он показал человечеству не только единственность бога, но и одновременно его двойственность — необходимый атрибут истинного божества. Истина не может быть истиной без Лжи, а Ложь не может быть опровергнута без Истины. Следовательно, человеческая жизнь суть поле боя между тем и другим.

Демокрит видит противоречие в том, что мне кажется предельно ясным. Но он проводит дни с софистами.

В Матхуре мы остановились в маленьком очень удобном домике, похожем на миниатюрную копию мидийского дворца в Экбатане. К сожалению, в сезон дождей ничем, кроме мокрого дерева, не пахнет и, сколько ни кури фимиамам, во всех комнатах стоит гнилостный дух.

Мы пробыли в Матхуре две недели. За это время прибыли гонцы от царей Кошалы и Магадхи. Каждый хотел, чтобы я посетил его царство первым. Поскольку мы уже находились в Кошале, Карака считал, что мне лучше сначала представиться Пасенади. Но поскольку Дарию прислал письмо Бимбисара, я счел, что следует оказать ему честь в Раджагрихе. Кроме того, Бимбисара владел железными рудниками, столь заинтересовавшими Дария.

Я послал гонца в Сузы с докладом о своем прибытии, затем приготовился к следующему этапу путешествия: переправе через Джамну и спуску по Гангу до Варанаси. Я боялся, что если Ганг выйдет из берегов, то нам придется ехать по суше или даже дожидаться в Матхуре конца сезона дождей. Как оказалось, вышли из берегов и Ганг и Джамна, и нам пришлось ждать. Дождь хлестал безжалостно, я мрачнел, а Карака прямо-таки расцветал от дождя. Дождь несет жизнь этому народу.

В Матхуре я встретился и с самой ненавистой — и самой почитаемой — религиозной фигурой Индии.

Я попросил градоначальника показать мне городские храмы и религиозные институты. Он был очень любезен и

даже сделал вид, что знает, кто такой Зороастр. Благодаря его усилиям я провел несколько дней перебегая из храма в храм. Не знаю, зачем я так суетился. Арийские боги везде одинаковы, как бы их ни называли. Есть бог огня Агни и бог бури Индра. Есть очень популярная богиня-мать, ее изображения в святилищах очень бы пришлось по душе Атоссе. И так далее.

Однажды ранним утром, вооружившись зонтиками от дождя, мы с Каракой предприняли поход на базар. Перед балаганом со змеями в плетеных корзинах меня вдруг остановил какой-то старик. У него был деревянный посох и не было зонтика, и хотя старик весь промок, он словно не замечал, что вода заливает его черные глаза, стекает с длинного носа. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Я заметил, что борода у него белая, не раскрашенная. Наконец я спросил:

— Тебе нужна милостыня?

Старик покачал головой.

— Пойдем со мной, — сказал он так, как говорят арии высшей касты.

Пересекая рыночную площадь, он ни разу не обернулся, очевидно не сомневаясь, что мы идем следом. Мы в самом деле шли за ним, и на этот раз народ глазел не на нас, а на него. Одни жестами отгоняли злого духа, другие целовали край его мокрой накидки. Сам же он никого не замечал.

— Святой, — сказал Карака с обычной прозорливостью.

Мы прошли вслед за стариком по узкой, запруженной людьми улице к широкому зданию, построенному вокруг двора, где за верандами скрывался ряд больших черных нор. Это были входы в кельи монахов. Так я увидел первый из множества индийских монастырей.

Старик провел нас в длинную пустую комнату. Опустившись на корточки на утоптанном земляном полу, он жестом пригласил нас сделать то же самое. Земля оказалась неприятно сырой — как и все в Индии в это ужасное время года.

— Я Госала, — сказал старик. — Ты из Персии. Мне говорили, что Великий Царь хочет научиться у нас мудрости. Это хорошо. Но должен предупредить, что в этой стране много угревертов, выдающих себя за завоевателей, просветленных, переправщиков. Ты должен быть бдителен и докладывать Великому Царю только то, что соответствует истине.

— И что же соответствует истине, Госала? — Я тактично воздержался от объяснения ему, что такое Истина.

— Я могу сказать тебе, что не соответствует истине.

Я понял, что встретился с заядлым учителем. Понятно, я не знал, кто такой Госала. Знай я тогда это, может быть, больше бы извлек из нашей единственной встречи.

— Джайны верят, что можно достичь святости или приблизиться к ней, если не убивать никаких живых существ, не лгать, не стремиться к удовольствиям.

Он привел обычный перечень, но мог бы и не приводить: этот перечень един для всех религий, желающих очистить душу, или, проще, улучшить человека. Это, кстати, не одно и то же, благодаря исходной двойственности всего сущего. Душа приходит прямо от Мудрого Господа. Тело материально. Хотя первое напоминает собой второе, между ними есть различие: душа вечна, тело тленно.

— Но ты сам, Госала, джайн. — Карака точно распознал, кто такой Госала.

— Я джайн. Но я разошелся с тем, кто зовет себя Махавирой. Он считает себя одним из двадцати трех переправщиков. Он не переправщик.

— А ты? — Карака искренне заинтересовался.

— Не знаю. Мне все равно. Я любил Махавиру. Мы были как братья. Мы были как один. Мы вместе соблюдали заповеди. Мы возродили древнюю мудрость. Но потом я стал изучать то, что люди забыли, и нам пришлось расстаться. Потому что я точно знаю, что есть истина, и я должен говорить истину всем, кто хочет слушать.

— Но только что ты говорил, что можешь сказать лишь то, что не соответствует истине. — Быстренько напомнил я ему.

— Утверждения происходят от отрицания. — Госала был терпелив. — То, что любое существо может приблизиться к святости или нирване через праведную жизнь или соблюдая все наши заповеди, не соответствует истине. Что касается истины... — Госала взглянул на меня строгим и, как мне показалось, бесстрастным взглядом; старый джайн был одновременно безмятежен и безжалостен. — Что касается правды, то все мы ведем начало от атома, или от монады. И каждая монада должна подвергнуться серии из восьмидесяти четырех тысяч возрождений, начиная от первоначального живого атома, пройти через каждый из четырех элементов — воздух, огонь, воду и землю, — а затем также че-

рез сложные циклы из камней, растений и всех видов животных. Когда серия из восьмидесяти четырех тысяч возроджений завершится, монада освобождается, затухает.

Наверное, я не производил впечатления умника, потому что Госала, будто бы играя с ребенком, вдруг встал и вынул из пояса клубок ниток:

— Подумай об этой нити как о полном пути монады. А теперь смотри, как она поднимается.

Госала подбросил клубок к стропилам. Клубок размотался в воздухе на всю длину и упал на пол.

— Вот и все. И такова история нашего существования, — сказал Госала. — Мы превращаемся из атома в воздух, в огонь, в воду, в землю, в камень, в траву, в насекомое, в пресмыкающееся, в человека, в бога — и в ничто. Под конец все маски, что нам пришлось надевать и снимать, становятся ненужными, и это наше истинное состояние. Но мой бывший брат Махавира скажет, что этот процесс можно ускорить, ведя праведную жизнь, исполняя пять заповедей. Он лжет. *Каждый из нас должен пережить полный цикл от начала до конца. И выхода нет.*

— Но откуда ты знаешь, Госала, что это правда?

— Я всю жизнь изучал святую мудрость. Она открывалась нам столетиями. Процесс ясен, как эта нить на полу. Никто не может ускорить или изменить свою судьбу.

— Но Махавира учит добродетели. Разве это нехорошо? — Карака, как и я, был озадачен суровой бескомпромиссностью Госалы.

— Махавира находится в этой стадии развития, — смягчился старик. — Он, очевидно, приближается к концу своей нити. Ведь некоторые ближе к нирване, чем другие. Но добро они творят или зло, не имеет значения. Они просто есть. Они делают, что им назначено делать, и переживают то, что им назначено пережить, и каждый в свой срок достигает конца — не раньше.

— Тогда зачем же ты учишь? — Чтобы успокоиться, я подтянул к себе ближний конец нити. — Зачем же ты хочешь рассказать мне, что правда, а что ложь?

— Я близок к выходу, мальчик. Это моя обязанность. И это доказывает, что конец мой близок. По сути дела, у меня нет выбора. — Он улыбнулся. — Я обязан играть на своей струне.

— Ты знаешь Зороастра?

Госала кивнул:

— Из слышанного мной могу заключить, что он был очень молод. — Старик выкрутил свою мокрую накидку, и я, глядя на него, почувствовал себя промокшим. — Это признак чрезвычайной молодости — заботиться о правильном соблюдении обрядов, придумывать небеса и преисподнюю и судный день. Я не считаю, что это нехорошо, — добавил он. — Тысячи лет назад я тоже прошел подобную стадию. Это неизбежно.

Неизбежно.

Такова была безжалостная проповедь Госалы, и я никогда ее не забуду. За свою долгую жизнь я пришел к тому же неумолимому взгляду на мир. Хотя многие в Индии поносили Госалу, огромное число верили, что он приблизился к выходу, и верили каждому его слову. Я, естественно, не верил.

Ведь на практике, если бы возобладала его точка зрения, это привело бы к крушению всего человеческого общества. Если добро и зло — всего лишь характеристики места данного индивидуума на разматывающейся нити, нет нужды в правильном поведении, если человек, скажем, находится в начале цикла, а без правильного поведения не может быть никакой цивилизации и никакого спасения, когда Истина повергнет Ложь. И тем не менее мне все это показалось весьма любопытным, и не проходило дня в моей жизни, чтобы я не вспомнил о Госале и его нити.

### 3

В Индии огромное количество рек и совсем нет мостов, поэтому паромы совершенно необходимы. Я это понял по настоящему, лишь когда мне пришлось переправиться через вздувшуюся реку Джамна. Когда мы вверили свою жизнь двум сомнительного вида паромщикам, меня вдруг осенило, почему двадцать три спасителя у джайнов называются переправщиками. Джайны воспринимают мир как бурную реку. Мы родились на одном берегу, который есть мирская жизнь, но потом, если подчиним себя переправщику, сможем перейти на другую сторону, к избавлению от страданий и даже к полному освобождению. Духовный паром — эмблема очищения.

Мирской паром в Матхуре оказался попросту большим плотом, который от одного берега к другому толкали шестами два тщедушных спасителя. Я так толком и не изучил ре-

лигию джайнов и не знаю, обогатили ли они свою метафору упоминанием о несчастных, которые утонули, что чуть было не случилось с нами по пути на другой берег. Но мы уцелели в желтых водоворотях и должным образом очистились.

Затем мы по суше добрались до Ганга, где нас ждало несколько плоскодонок, чтобы доставить на двести миль ниже по течению в древний священный город Варанаси, находящийся в царстве Кошала, но неподалеку от границы с Магадхой.

Поездка от одной реки к другой прошла без происшествий. Местность там ровная. Большая часть джунглей сведена, и на их месте разбиты рисовые поля. За последнее столетие население долины Ганга удвоилось: слишком легко выращивается рис. И не только сезоны дождей питают влаголюбивую культуру: когда дожди проходят, крестьяне на плоской равнине без труда орошают поля водой из немелеющего и на удивление холодного Ганга.

Как нас и предупреждали, дороги никуда не годились. В сельской местности мы передвигались увязая в грязи, а в джунглях вверяли себя проводникам, которым платили по-денно. В итоге мы провели слишком много времени в знойных зеленых диких лесах, где в кустах полно змей и кровь путников пьют фантастических размеров москиты. Хотя персидский наряд закрывает все тело, кроме лица и кончиков пальцев, это не спасает: индийские москиты прокусывают трехслойный тюрбан.

Деревенские жители показались нам робкими, но приветливыми. Если верить Карাকে, в деревнях живут потомки древних доарийских племен, а города — обиталище арийских завоевателей. Две эти группы редко смешиваются.

— То же самое и на дравидском юге, — сказал Карака.

— Но ты говорил, что на юге нет ариев.

Карака пожал плечами:

— Может быть. — Он страдал врожденной индийской склонностью к неясности. — Но деревенские жители отличаются от городских. Они не хотят бросать свою землю и скотину.

— Кроме тех случаев, когда бросают, — заметил я.

В Индии распространены сказки про деревенского парня, который отправился в большой город, подружился там с волшебником, женился на царской дочке и стал умащивать себя ги — так называют здесь топленое масло из молока буйволицы, тошнотворное вещество, обожаемое богачами.

Время от времени жрецы в храмах окунают изображения богов в эту дурно пахнущую тягучую жидкость.

Варанаси — большой город на берегу Ганга. Его жители говорят, что это древнейший из ныне существующих городов. Но поскольку мир очень стар и велик, не знаю, как они могут утверждать это. Однако я понимаю их чувства. Вавилоняне тоже хвастают древностью своего города. Но в Вавилоне от древних времен сохранились письмена, а в Индии ни в одном городе не найдешь ни одной надписи. Как и персы, индийцы — по крайней мере, до последнего времени — предпочитали устную традицию.

В течение тысяч лет арийские завоеватели повторяли свои песни и гимны, так называемое божественное знание — здесь оно известно как Веды. Язык Вед очень стар и совсем не похож на современные диалекты. Вероятно, это тот самый язык, на котором говорят исконные персы, и многие легенды напоминают те персидские сказки, что старики до сих пор рассказывают на базарах. Они повествуют о таких же героях и чудовищах, об искусных воинах и внезапном откровении божества. Любопытно, что индийское божество часто называют Агни — богом огня.

По всей Индии брахманы бережно хранят эти гимны. Но среди брахманов наблюдается существенное разделение труда. Одни славятся знанием Вед, касающихся, скажем, бога Митры или героя-полубога вроде Рамы; другие следят за правильным принесением жертв и так далее.

Хотя брахманы относятся к высшему арийскому сословию, воины посмеиваются над ними, да и низшие касты открыто дразнят брахманов в своих песнях и театральных представлениях. Как мне это знакомо! Персы так же относятся к магам. И все же богов, которым служат брахманы, многие воспринимают всерьез. Агни, Митра, Индра имеют своих поклонников, особенно среди простых ариев.

Мне не верится, что кто-нибудь может разобраться во всех хитросплетениях индийских религий. Столкнувшись с подобной божественной путаницей, Зороастр просто объявил все множество богов злыми демонами и смел их в священный огонь. К сожалению, они возвращаются в виде дыма.

Под проливным дождем мы причалили к деревянной пристани Варанаси. Градоначальник был предупрежден о нашем прибытии, и нас встретила делегация насквозь промокших официальных лиц. Нас поздравили с благополучным прибытием и очень вежливо намекнули, что в сезон



дождей никто не путешествует. Очевидно, мы угодили богам.

Затем принесли лестницу, чтобы я смог забраться на слона. Это было мое первое знакомство со слонами, и погонщик постарался заверить меня, что животные эти умом не уступают человеку. Подозреваю, он был не самого высокого мнения о людях, но слоны определенно понимают многие устные команды, они к тому же очень ласковы и одновременно ревнивы. По сути дела, каждый слон считает погонщика своим, и если тот проявляет хоть малейший интерес к другому слону, раздражается скандалом. Слоновые стойло весьма напоминает гарем в Сузах.

Я уселся на нечто вроде деревянного трона под зонтиком. Погонщик что-то сказал слону, и мы тронулись. Я никогда раньше не путешествовал, пребывая на такой высоте, и прошло немало времени, пока я решился опустить взгляд вниз, на покрытую жидкой грязью улицу, где собралась большая толпа поглазеть на посла с далекого запада.

До самого недавнего времени название Персия было в долине Ганга совершенно неизвестно. Но постепенно разрастающемуся царству Магадха перестало хватать собственных университетов, и самых одаренных молодых индийцев стали посылать в Варанаси или Таксилу для получения образования. Естественно, предпочтительнее считалась Таксила, поскольку она дальше от Магадхи, а молодые люди всегда любят уехать подальше от дома. В результате молодые магадханцы не только узнали о могуществе Персии, но и стали встречаться с персами из двадцатой сатрапии.

Наместник встретил нас у себя во дворце. Смуглый, как дравид, он принадлежал к арийской касте воинов. При моем приближении он низко поклонился. Произнеся подготовленную приветственную речь, я заметил, что наместник трясется, как ива на ветру. Он был прямо-таки в ужасе, что меня изрядно обрадовало. «Пусть боится Дария, — думал я про себя, — а заодно и его посла».

Когда я закончил любезности, наместник обернулся и показал мне высокого бледного человека с видневшейся из-под золотистого тюрбана бахромой огненно-рыжих волос:

— Уважаемый посол, это наш почетный гость Варшакара — распорядитель двора магадханского царя.

С неуклюжестью верблюда Варшакара двинулся ко мне. Стоя друг перед другом, мы приветствовали друг друга в официальной индийской манере, включающей в себя мно-

гочисленные кивки головой и хлопки в ладоши — в собственные ладоши, никакого физического контакта.

— Царь Бимбисара с нетерпением ждет посла царя Дария. — Голос у Варшакары для такого крупного мужчины был на удивление тонкий. — Царь сейчас в Раджагрихе и надеется увидеть вас до окончания дождей.

— Посол Великого Царя с нетерпением ждет встречи с царем Бимбисарой.

К тому времени я мог вести церемониальную беседу без переводчика, а к концу моего индийского посольства уже я учил Караку принятому при дворе языку.

Сначала я называл Дария Великим Царем, но, когда придворные Бимбисары стали применять этот титул к своему монарху, я стал называть Дария Царем Царей. Они не нашли у себя соответствия такому титулу.

— Счастливейшее совпадение! — сказал Варшакара, дергая себя за зеленую бороду. — Мы оказались в Варанаси в одно и то же время. Мое величайшее желание и надежда — вместе отправиться в Раджагриху.

— Это доставит нам только радость.

Я обернулся к наместнику, приглашая присоединиться к беседе, но он в страхе смотрел на Варшакару. Очевидно, это не я, а магадханец вызывал такой ужас у него самого и его окружения.

Заинтригованный, я нарушил протокол и спросил:

— Что привело распорядителя двора в Варанаси?

Варшакара обнажил в улыбке ярко-красные зубы (он непрерывно жевал бетель):

— Я прибыл в Варанаси, чтобы быть рядом с жеребцом. Сейчас он в Оленьем парке, за городом. Он не больше нашего любит дождь, но продолжает свой священный путь и должен войти в Варанаси...

— Чей жеребец в Оленьем парке? — спросил я. — И почему его путь священный?

— По крайней мере раз в свое правление истинно великий царь устраивает жертвоприношение коня.

Мне не понравилось употребление им слова «великий», но я промолчал. Еще будет время его поправить. Мысленно я уже видел, как беркут Дария воспарил над всей Индией и падает вниз вместе с дождем.

— Жеребца метлой загоняют в воду. Затем сын шлюхи палкой забивает насмерть четырехглазую собаку. Как арий-

скому жрецу, вам должно быть понятно значение этого обряда.

Я принял важный вид, хотя нисколько ни в чем не разбирался.

— Затем тело собаки проплывает под брюхом коня на юг, где живут мертвые. Потом жеребца отпускают на волю — бродить, где ему вздумается. Если он уходит в другую страну, тамошний народ должен либо признать главенство нашего царя, либо воевать за свою свободу. Естественно, если они поймают коня, судьба царя будет серьезно... омрачена. Как видите, жертвование лошади не только наш древний обычай, но может принести и много славы.

Тут я понял беспокойство наместника Варанаси. Если конь войдет в город, жителям придется признать Бимбисару своим царем или воевать. Но с кем воевать?

Царский распорядитель двора с радостью объяснил мне. Он наслаждался страхом нашего хозяина.

— Естественно, мы не можем подвергать опасности судьбу нашего царя. За конем всегда следует три сотни наших лучших и благороднейших воинов. Все верхом, но ни в коем случае не на кобылах! Жеребцу в течение года запрещалось вступать в половые сношения, и также царю. Ночью царь должен целомудренно лежать в объятиях самой прелестной из своих жен. Однако мы отвлеклись. Если жеребец войдет в Варанаси, то этот добрый народ, — Варшакара сделал жест в сторону наместника и его свиты, — окажется под властью царя Бимбисары, который, я уверен, не будет возражать. В конце концов, наш царь женат на сестре их нынешнего правителя, царя Кошалы.

— Все мы во власти судьбы, — вздохнул наместник.

— И поэтому я приехал сюда убедить наших друзей, соседей, родных — вы видите, мы уже относимся к народу Варанаси как к части нашей магадхской семьи, — убедить их не сопротивляться, если жеребец решит войти в город и напиться из Ганга.

Довольно зловещее начало посольства, думал я, пока нам показывали дворец наместника. Война между Магадхой и Кошалою определенно подорвет торговлю железом. А с другой стороны, война между двумя могущественными державами часто решается вмешательством третьей силы. Много лет назад индийский царь предлагал посредничество между Киром и мидийским царем. Естественно, предложение было отвергнуто обеими сторонами. Западные цари мо-

гут идти на восток, но восточных никогда не поощряли идти на запад!

Ради торговли железом я надеялся, что жеребец остановится в Оленьем парке. А ради будущей славы Персидской империи я надеялся, что он захочет и напьется из Ганга. Через два дня жеребец повернул на юг, и Варанаси был спасен. Несмотря на внутреннее бешенство, Варшакара сохранил безмятежный вид.

— Мы должны вместе сходить в храм Агни, — сказал он мне через день. — Агни очень похож на вашего огненного бога, и я уверен, в Индии вы захотите поклоняться ему.

Я не стал объяснять этому царедворцу, что такое Мудрый Господь. Я уже принял решение говорить о религии только с брахманами, святыми и царями. Но мне было интересно узнать, распространилось ли влияние моего деда за пределы Персии.

Казалось, мы несколько миль проехали по узким, извилистым, невероятно людным улочкам. В золоченых носилках нас принесли к храму Агни — маленькому безобразному строению из дерева и кирпича. В дверях нас почтительно встретил сам верховный жрец. Голова его была чисто выбрита, лишь на макушке оставался клочок волос. На жреце было алое одеяние, он размахивал факелом.

У дверей храма стоял круглый каменный алтарь, защищенный от дождя балдахином. Верховный жрец непринужденно подпалил своим факелом частичку ги, и я побледнел от такого святотатства. *Священный огонь должен зажигаться в укрытых от солнца местах.* Но, пожалуй, то обстоятельство, что солнце несколько месяцев не показывалось над всей Индией из-за туч, позволяло считать ее укрытым от солнца местом.

Варшакара и я вошли в храм, где поблескивала деревянная статуя Агни, намазанная прогорклым ги. Бог сидел на баране. В одной из своих четырех рук он держал копье, изображающее огонь, а на голове его красовалась искусно разрисованная деревянная корона в виде дыма. Другие изображения в храме представляли Агни о семи языках и в прочих причудливых видах. Как большинство индоарийских богов, он имел много образов. В очаге — это огонь. В небе — молния. Во все времена посредник между человеком и божеством, поскольку огонь возносит сожженную жертву в небеса — вот в этом, и только в этом Агни похож на Зороастров огонь.

Я стал свидетелем многих обрядов, в большинстве своем

совершенно не понятных для небрахманов. Интересно, что жрецы пользовались не знакомым ни мне, ни Караке языком.

— Сомневаюсь, что они сами его понимают, — сказал мне потом Карака.

Хотя родители его были джайны, он любил называть себя поклонником Наги, дравидского бога-змеи — это на ее кольцах покоится мир. В действительности же Карака был очень далек от любой религии.

Через час невнятных песнопений нам предложили отве-  
дать из общей чаши неприятной на вкус жидкости. При-  
шлось чуть-чуть отхлебнуть. Эффект оказался скорым, и го-  
раздо сильнее, чем от хаомы. Но поскольку я не признавал  
ведических богов, привидевшиеся мне образы к церемонии  
не имели отношения. И все же в какое-то мгновение мне  
показалось, что четыре руки Агни зашевелились и копьё ка-  
ким-то образом воспламенилось.

Как посланник Ахурамазды, Мудрого Господа, я про-  
шептал молитву огню. Позднее я узнал, что одно из имен  
главного арийского бога Варуны — Ашура. Оно означает то  
же, что по-нашему Ахура, то есть Мудрый Господь. Тогда я  
понял, что мой дед признал основного арийского бога еди-  
ным создателем, а остальных богов отверг как лишних, как  
демонов. Но, кроме Ашуры-Варуны или Ахурамазды, у нас  
нет ничего общего с поклонниками ведических богов, разве  
что между творцом и творением должна создаваться гармо-  
ния через правильное выполнение обрядов и жертвоприно-  
шений. И еще не могу отвязаться от мысли, что все это бе-  
зумное множество индоарийских богов есть признак того,  
что арии движутся к признанию всеобъемлющего Зороаст-  
рова единства. Разве эта уйма богов — как в Вавилоне — не  
ведет к признанию, что никаких богов, кроме Одного, нет?

В конечном итоге жертвоприношения тому или иному  
демону рассматриваются Мудрым Господом как приноше-  
ния ему самому. Иначе он не допустил бы существования  
этих богов. Он же тем временем посылает к нам святых,  
объясняющих, как, когда и что жертвовать. Самым святым  
из них был Зороастр.

В Индии живут святые, или учителя, всевозможных ви-  
дов, и многие из них восхищают и возмущают одновремен-  
но. Большинство отвергает ведических богов и жизнь после  
смерти. Согласно ведической религии, творящие зло в кон-  
це концов попадают в ад, известный как дом из глины, а  
праведники поднимаются в так называемый мир отцов. Со-

временное поколение святых верит в переселение душ, придерживаясь доарийской точки зрения. Некоторые святые, архаты, верят, что этот процесс можно остановить. Другие не верят. Очень немногие совершенно безразличны к данному вопросу — они бы составили Аспазии превосходную компанию во время принятия пищи.

Но поскольку индоарийские поклонники демонов верили, что огонь суть благо, поскольку уничтожает тьму, у меня ни малейших возражений против участия в той церемонии в Варанаси не было. Индийцы называют вызывающую зрительные образы жидкость «сома», — очевидно, переименованное «хаома». К сожалению, брахманы, как и наши маги, не любят раскрывать свои маленькие хитрости, и мне не удалось узнать, как и из чего она готовится. Знаю лишь, что видел — то есть мне померещилось, — как Агни метнул свое огненное копьё прямо в потолок.

Слышал я также, как верховный жрец говорил о происхождении всех вещей. К моему удивлению, он даже не упомянул о космическом яйце, колоссе или близнецах, а вместо этого говорил, вполне внятно, о моменте, когда не существовало ничего, даже пустоты.

Меня поразили этот образ. Я никогда не мог представить себе ничто. По-моему, для сущего — для человека — невозможно вообразить отсутствие всякого существования, абсолютное ничто.

— Не было ни существования, ни отсутствия существования, не было ни воздуха, ни неба.

Закончив последнюю строку так называемого гимна сотворению, верховный жрец ударил в маленький барабанчик, который держал в одной руке.

— Что покрыло все? И где?

Затем гимн поведал о времени — бывшем еще до времени, — когда не было ни смерти, ни бессмертия, ни ночи, ни дня. Но потом от жара — я гадал, откуда взялся этот жар — появилось нечто, известное как Единый.

— Затем возникло желание, первичное семя и зародыш духа.

От Единого произошли боги и люди, весь наш мир, небеса и ад. Затем гимн принял весьма странный оборот.

— Кто знает, — пропел верховный жрец, — откуда все взялось и как сотворилось? Боги, включая Агни, не знают, потому что они появились позже. Так кто же знает? Высо-

чайший из небесных богов, знает ли он, как все началось, или он тоже не посвящен?

Для меня это звучало как святотатство. Впрочем, я так и не смог выяснить, во что же действительно верят брахманы, если они во что-то верят. Хотя наши маги изошренны, хитры, умеют все запутать, но они все же придерживаются чего-то определенного. Например, первоначальные близнецы для них существуют как первые мужчина и женщина. И я не могу представить, чтобы маг — во время религиозного обряда! — вдруг задался вопросом о самом существовании бога-творца.

В совершенном замешательстве я вернулся во дворец наместника, где Варшакара захотел потолковать со мной о политике. Но я упросил его отложить беседу. Сома, дождь и путешествие за тысячу миль совершенно измотали меня, и я проспал три дня подряд.

Разбудил меня Карака:

— Варшакара предлагает проводить нас до Раджагрихи. Сказать ему, что мы согласны?

— Да.

Хотя я и пребывал в полусне, но смог заметить: что-то изменилось. Затем до меня дошло: впервые за четыре месяца не было слышно стука дождя по крыше.

— Дождь...

— Перестал. Сейчас перестал. Сезон дождей идет на убыль.

— Мне снилась лошадь.

Это была правда. Во сне я видел себя в гробнице Кира в Персеполе. Я сидел верхом на жеребце. Передо мною стояли Атосса и Лаис, у каждой в руке меч.

— Это Персия! — кричала Атосса.

— И это не та лошадь, — твердо сказала Лаис.

Тут Карака разбудил меня. Мне следовало сразу повнимательнее разобраться в том сне. Индийцы большие мастера в толковании снов. Но я быстро забыл его, и только теперь, полвека спустя, вспомнил — ярко и безо всякой пользы.

— Лошадь вернулась в Раджагриху, — сказал Карака. — Все встревожены, особенно Бимбисара. Он рассчитывал присоединить Варанаси к своему царству. Или, если не удастся, одну из маленьких республик к северу от Ганга. Но получилось так, что конь не вышел за пределы Магадхи. Я подготовил тебе встречу с Махавирой.

— С кем? — Я еще не совсем проснулся.

— С переправщиком. С героем джайнов. Он в Варанаси и согласился встретиться с тобой.

Имя Махавира означает «великий герой». Действительное имя двадцать третьего и последнего переправщика было Вардхамана. Хотя он происходил из семьи воинов, родители его были так привержены учению джайнов, что серьезно последовали наставлению, будто лучшая из смертей — это самому загасить свою жизнь, постепенно, сознательно уморив себя голодом.

Когда Вардхамане исполнилось тридцать, его родители так и поступили. Должен сказать, они мне представляются героями, если не великими героями. На Вардхаману смерть родителей произвела столь сильное впечатление, что он бросил жену и детей и стал монахом-джайном. Через двадцать лет отшельничества и самоотречения он достиг состояния, называемого в Индии «кевала». Это значит, что он некоторым образом приобщился к космосу.

Вардхаману прозвали Махавира, и он стал главой секты джайнов. Когда я был в Индии, секта насчитывала до четырнадцати тысяч холостых мужчин и женщин. Женщины жили в женских монастырях, мужчины — в мужских. Многие обходились без одежды и были известны как «одетые в небеса». Женщинам столь возвышенные наряды носить запрещается.

На невысоком холме над Гангом несколько монахов-джайнов переоборудовали полуразрушенный склад под монастырь, где Махавира проводил дождливый сезон. Нам было сказано прийти после полуденной трапезы. Поскольку монахи не едят, а глотают выпрошенный в качестве подаяния рис, полуденная трапеза начинается и заканчивается в полдень. И вскоре после полудня два монаха провели нас в сырое, похожее на пещеру помещение, где вслух молились несколько сот членов секты. Я заметил, что большинство редко моются, а многие и вовсе казались калеками или больными.

Сопровождающие провели нас в нечто напоминающее по виду пристройку, отделенную от самого склада занавеской. За занавеской мы обнаружили героя собственной персоной. Махавира, скрестив ноги, сидел на роскошном лидийском ковре в золотистой хламиде. Одевание его не показалось мне очень аскетичным, Карака заверил меня, что все из двадцати трех переправщиков с начала времен имели



свой цвет и эмблему. Цвет Махавиры — золотистый, а эмблема — лев.

Когда мы встретились с Махавирой, ему, похоже, было далеко за семьдесят. Это был приземистый, толстый мужчина с высоким резким голосом. Он почти не смотрел на собеседника, когда говорил, и это меня смущало. Я вырос при дворе, где было запрещено смотреть на царственных особ, поэтому, если кто-то старается не смотреть на меня, я чувствую себя то ли царем, то ли... Кем? Самозванцем?

— Добро пожаловать, посол Великого Царя Дария. Добро пожаловать, внук Зороастра, говорившего от имени Мудрого Господа, если кто-то в самом деле говорил от его имени.

Мне понравилось, что Махавира знает меня, и не понравилось это его «если кто-то в самом деле...». Он что, хотел сказать, что Зороастр не был пророком? Вскоре все выяснилось.

Я жестом, в изощренной индийской манере, приветствовал Махавиру, а Карака в знак почтения облобызал ему ноги. Мы сели на край ковра. За занавеской в унисон пели какой-то гимн.

— Я пришел учить людей истине Мудрого Господа, — сказал я.

— Если кто-то способен к этому, уверен — это ты.

И снова полуулыбка человека, который знает или думает, что знает больше других. Сдержав раздражение, я спел для него один из Зороастровых гимнов.

Когда я закончил, Махавира произнес:

— Существует много богов, как есть много людей и много москитов.

И как раз большой москит медленно описал круг над его головой. Как джайн, Махавира не мог отнять у него жизнь. Как гость джайна, я решил, что тоже не могу. И как назло, москит в конце концов сел мне на тыльную сторону руки и напился моей, а не его крови.

— Все мы — единая субстанция, — говорил Махавира. — Мельчайшие частицы, или монады, собирающиеся и разлетающиеся, они складываются то в одну, то в другую форму. Одни восходят по жизненному циклу, другие нисходят.

По мнению джайнов, космос наполнен атомами. Я использую слово, введенное Анаксагором для обозначения бесконечно малых частиц материи, которые и создают все су-

шее. Однако монады джайнов не совсем то же, что атомы Анаксагора.

Анаксагор не считает, что мелкие песчинки содержат в себе жизнь. А у джайнов каждый атом — это монада. Некоторые монады перемешиваются между собой и проходят полный жизненный цикл от песчинки до высших существ, обладающих пятью чувствами, и в эту категорию входят не только люди, но и сами боги. Или монады распадаются и проходят нисходящий цикл. Сначала они теряют так называемые пять способностей и пять чувств, а затем постепенно распадаются на составляющие элементы.

— Но когда начался этот процесс развития или деградации? — спросил я, опасаясь услышать то, что и услышал:

— Ни начала, ни конца нет. Мы обречены продолжать этот процесс, вверх и вниз, как было всегда и всегда будет, пока не закончится цикл всего мира, чтобы начаться вновь. И между прочим, я — последний переправщик в этом цикле. Теперь мы все деградируем, все мы.

— И ты тоже?

— Как и все сущее, я тоже. Но я переправщик. По крайней мере, я смог очистить одушевившую меня монаду до чистоты алмаза.

Очевидно, монада напоминает кристалл, который мутнеет, или темнеет, или окрашивается в один из шести кармических — или судьбоносных — цветов. Если ты кого-нибудь убьешь, монада станет темно-синей и так далее. Но если верно соблюдать законы секты, то очистишься, однако переправщиком все равно не станешь. Для этого нужно им родиться.

Уверенность, с которой Махавира говорил, была результатом древней веры, чьи догматы он столь безоговорочно принимал, что не мог представить себе ничего другого. Когда я указал ему, что борьба между монадами и затемняющими их цветами напоминает борьбу между Мудрым Господом и Ахриманом, он с вежливой улыбкой произнес:

— В каждой религии, как бы развита она ни была, часто возникает противоречие между идеями добра и зла. Но молодые религии впадают в ошибку абсолютной истины. Они не могут принять конца человеческой личности и настаивают на глиняной пещере или каком-нибудь жилище предков, где человек остается собой вечно. Это очень по-детски. Разве не ясно, что не имеющее начала не имеет и конца? Разве не ясно, что восходящее должно опуститься? Разве не ясно,

что этого не избежать? Если только не стать совершенным, как я, слившись со Вселенной?

— А как этого добиться? — Я был вежлив и даже заинтересовался.

— Двадцать лет я был отшельником. Я жил без одежды, ел редко, сохранял целомудрие. Естественно, сельские жители били меня и закидывали камнями. Но я знал, что тело нечисто, преходяще, что это якорь, держащий паром на полпути, и не обращал внимания на требования плоти, пока наконец постепенно моя монада не очистилась. И теперь, будучи неподвластен ничему, я не возрожусь снова, даже царем или богом, которые всегда боятся чего-нибудь, потому что величие такого рода замутило не один кристалл. По сути дела, быть одним из высших божеств — это последний соблазн, самый необоримый, самый изощренный. Посмотри на своего Ахурамазду. Он избран быть Мудрым Господом. Но, обладая он в самом деле мудростью, он бы сделал следующий и конечный шаг и слился бы с космическим существом, частью которого являемся все мы, — с колоссальным человеком, в чьем теле мы — просто атомы, не перестающие перестраиваться снова и снова, пока, слившись друг с другом, не найдут освобождения от себя. Как пузырь, человек всплывает к поверхности звездного купола, и здесь конец — свершилось!

Нет, не уверенность завораживает меня в джайнах — ее хватает и в других религиях, — меня завораживает древность их веры. Возможно, их атомистическое воззрение на человека — древнейшая из известных нам религиозных теорий. Веками они изучали все стороны человеческой жизни и соотносили ее со своим видением мира. Хотя слияние со Вселенной признается целью каждого монаха-джайна, не многие достигают ее. И все же эти попытки приводят к лучшему возрождению, если таковое существует.

— Ты можешь вспомнить какое-нибудь из прошлых воплощений?

Впервые Махавира взглянул на меня:

— Нет. А зачем? Какой смысл? В конце концов, нетрудно представить себе, каково быть львом, богом Индрой, слепой женщиной или песчинкой.

— Один грек по имени Пифагор говорит, что помнит все свои прошлые жизни.

— О, бедняга! — Махавира, похоже, искренне состра-

дал. — Помнить восемьдесят четыре тысячи прошлых воплощений! Это действительно ад, если такое возможно.

Число восемьдесят четыре тысячи напомнило мне о Госале. Я сказал Махавиру, что встретался с его бывшим другом.

Махавиру прищурился. Он напоминал добродушную толстую обезьяну.

— Шесть лет мы были как братья, — сказал он. — Потом я перестал быть собой. Мне больше нет до него дела. Как и ни до кого другого. Я достиг слияния. А бедный Госала — нет, и не может. И мы расстались. Через шестнадцать лет, когда мы встретились снова, я уже был переправщиком. Он не мог этого перенести и возненавидел себя. Тогда-то он и оторнул саму веру джайнов. Если мы не можем — некоторые из нас — слиться со Вселенной, какой смысл в наших деяниях? В это мгновение Госала решил, что в нашем поведении нет смысла, потому что... Он бросал для тебя клубок?

— Да.

Махавиру рассмеялся:

— Интересно, что произойдет с теми мельчайшими частицами нити, которые отделяются друг от друга, когда клубок разматывается? Подозреваю, некоторые из них сольются в целое, как ты думаешь?

— Понятия не имею. Расскажи мне о конце цикла мироздания.

— О чем тут рассказывать? Он кончается...

— Чтобы начаться снова?

— Да.

— Но когда начался первый цикл? И почему они продолжаются?

Махавиру пожал плечами:

— То, что не имеет конца, не имеет и начала.

— А этот... колоссальный человек? Откуда он взялся? Кто его создал?

— Его никто не создавал, потому что он уже был, и все сущее есть его часть, всегда.

— А время...

— Времени не существует. — Махавиру улыбнулся. — Если тебе трудно это понять, — он взглянул на дравиду Карраку, — представь время как змею, заглатывающую свой хвост.

— Время — это кольцо?

— Время — кольцо. У него нет начала. У него нет конца.

Тут Махавира наклонил голову, и аудиенция закончилась. Встав, чтобы уйти, я заметил, что на обнаженном плече Махавиры примостился москит. Махавира не шевельнулся, пока тот пил его кровь.

Один из монахов уговорил нас осмотреть приют для больных и покалеченных животных. Их держали в нескольких развалах рядом и заботливо ухаживали. Никогда ни до того, ни после я не встречал такого зловония, воя, мычания.

— Вы так же ухаживаете и за людьми? — спросил я, зажав нос.

— Некоторые да, но не мы. Мы помогаем истинно беспомощным. Посмотрите на эту разрывающую сердце корову! Мы нашли ее...

Но мы с Каракой поспешили прочь.

Позднее в тот же день я встретился с одним из самых видных городских купцов. Хотя торговцы считаются ниже воинов и брахманов, купцы контролируют большую часть всех индийских богатств, и часто представители высших каст ищут их расположения.

Я бы назвал имя этого человека, да забыл его. Довольно любопытно, что он переписывался с вездесущими «Эгиби и сыновьями», вавилонскими ростовщиками. Несколько лет он пытался наладить с ними обмен караванами.

— Караваны — основа процветания.

Он произнес это так, словно цитировал религиозный текст. Когда я сообщил ему о желании Великого Царя ввозить в Персию железо из Магадхи, он сказал, что может оказаться полезным. По его словам, у него было много торговых партнеров в Раджагрихе. Мне следовало связаться с ними. Некоторые оказались ростовщиками, имеющими дело с деньгами.

Вообще-то индийцы мало чеканят монету. Они или торгуют посредством обмена, или используют грубо отбитые куски серебра, иногда меди, определенного веса. Весьма любопытно, что они совсем не чеканят золотых монет, хотя наши персидские дарики ценят высоко. И тем не менее индийцы производят немало золота, которое добывают для них гигантские муравьи. Хотя мне показалось странным, что эти высокоцивилизованные и древние страны так примитивны в отношении денег, их кредитная система произвела на меня большое впечатление.

Из-за воров и грабителей индийцы редко путешествуют с сундуками золота или других драгоценностей. Вместо этого

они у себя в городе отдают свои ценности какому-нибудь купцу, пользующемуся хорошей репутацией, а тот дает им письменное подтверждение, что товары определенной стоимости оставлены у него, и просит своих друзей-купцов в шестнадцати странах обеспечить владельца данного документа деньгами или товарами взамен денег или товаров, переданных ему. Путешественники охотно идут на такую сделку. Еще бы! Ведь деньги не только сохраняются, но дающий получает до восемнадцати процентов прибыли. А купец, берущий ваши ценности, платит вам и сам получает хороший процент за собственные вложения ваших денег.

Система надежна, удобна и очень эффективна. В самом деле, за время моего посольства доходы мои оказались даже выше расходов. Несколько лет назад я попробовал ввести такую же кредитную систему в Персии, но она вряд ли приживется. Персы честны и недоверчивы одновременно — не лучшие качества для предпринимательства.

Во время моей беседы с купцами в комнату вошла пожилая служанка с кувшином воды.

— Простите, я должен принести одну из пяти жертв, — сказал хозяин.

Он зашел в нишу, где на изящной изразцовой полочке располагалось в ряд множество грубо вылепленных глиняных фигурок. Полив пол перед ними, он прошептал несколько молитв и передал кувшин служанке, которая тихо удалилась.

— Это молитва моим предкам. Каждый день мы должны выполнять то, что называется пятью великими жертвами. Первая — Брахме, мировому духу. Мы читаем ему части из Вед. Потом мы совершаем возлияние водой в честь предков, а в честь богов поливаем священный огонь буйволиным маслом — ги. Потом разбрасываем зерно для птиц, зверей и духов. И наконец, воздаем честь человеку, оказывая гостеприимство чужестранцу. — Он низко поклонился мне. — Только что я имел честь выполнить две жертвы одновременно.

Я процитировал ему описание сходного арийского обычая еще дозораостровых времен.

Затем мой новый знакомый спросил, как персы обучают свою молодежь. Особенно его заинтересовала придворная система образования, введенная Киром.

— У наших царей то же самое, — сказал он. — Но мы очень ленивы. Наверное, из-за жары и дождей. Наша каста

воинов обучается стрельбе из лука, и некоторые из них в самом деле умеют воевать. Но только воевать. Если кто-то учит хоть немного из Вед, его считают высокообразованным. А я думаю, что мы, купцы, образованнее всех. Конечно, брахманы знают тысячи и тысячи строк из Вед, но они редко разбираются в вещах, которым мы придаем большое значение, например в математике, астрономии, знании языка. Нас очень занимает природа языка. На севере, в Таксиле, персидский язык стали изучать задолго до того, как Дарий завладел рекой Инд. Нас всегда околдовывали слова, разделяющие и связывающие людей. Сам я здесь, в Варанаси, помогаю местной школе, где изучают шесть метафизических учений и тайны календаря.

Хотя меня ошеломила запутанность индийского образования, я согласился до отъезда в Раджагриху встретиться со школьниками.

— Они с почтением и вниманием выслушают персидского посла, — заверил меня купец.

Школа занимала несколько комнат в старом здании сразу за базаром, где продавали изделия из металла. Доносившийся перестук молотков по меди не улучшил моей лекции, но ученики в самом деле слушали со вниманием. Большинство из них были светлокожими, некоторые относились к касте воинов, остальные — к торговцам. Брахманов не было.

Демокрит интересуется, как я определил, кто к какой касте принадлежал. А вот как: когда индийский мальчик вырастет для так называемого второго, арийского, рождения, ему вручают шнурок из трех перевитых нитей, и человек носит его на груди всю жизнь, через левое плечо под правой рукой. У воинов шнурок хлопковый, у жрецов пеньковый, у торговцев шерстяной. У нас в Персии существует схожий ритуал инициации, но без внешних признаков касты.

Я сидел на стуле позади учителя, который хоть и принадлежал к касте торговцев, но был очень религиозен.

— Я последователь Гаутамы, — торжественно объявил он мне при встрече. — Мы зовем его просветленным, или Буддой.

Ученики показались мне любознательными, вежливыми, застенчивыми. Их очень интересовала география. Где именно находится Персия? Сколько семей живет в Сузах? Индийцы измеряют население не количеством свободных граждан, а числом домашних хозяйств. В то время в Варана-

си жило сорок тысяч семей, или около двухсот тысяч человек, не считая иностранцев и местных неарийцев.

Я немного рассказал о Мудром Господе. Мальчики, похоже, заинтересовались. Я повторил рассказ в суровом стиле, характерном для проповедей моего деда. Поскольку индийцы признают всех богов, им оказалось легко принять и идею единого бога. Они даже допускают такую возможность, что никакого творца не было вообще, а арийские боги суть природные силы сверхчеловеческих существ, которые угаснут, когда цикл творения должным образом завершится и, как они считают, начнется новый цикл.

Я понимаю, что этот недостаток определенности в божестве и привел к внезапному расцвету такого множества теорий о сотворении мира. Сначала я безнадежно запутался. Меня воспитывали в вере, что Мудрый Господь заключает в себе все, и я был готов в споре уничтожить любого, кто отрицает истину, как ее понимал Зороастр. Но никто из индийцев ее не отрицал. Все признавали Ахурамазду Мудрым Господом. Они даже признавали, что их собственные божества Варуна, Митра, Рудра для нас демоны.

— Все развивается, все изменяется, — сказал молодой учитель, когда урок закончился.

Он уговорил меня посетить за городом Олений парк. Друг купца предоставил нам колесницу с четверкой лошадей, и мы с комфортом проехали по Варанаси. Как многие очень древние города, он тоже застраивался без всякого плана, и я не встретил ни одной прямой улицы. Город как бы жметя к реке. Многие дома имеют четыре, а то и пять этажей и вот-вот рухнут. День и ночь в узких извилистых улочках толкутся люди, скот, повозки, слоны. Никаких храмов или общественных зданий, представляющих хоть какой-то интерес, я в Варанаси не увидел. Резиденция наместника — это простой дом, чуть побольше соседних. Храмы маленькие, закоптелые, и в них воняет ги.

В Оленьем парке, насколько я мог судить, никаких олений не водилось. Это просто прекрасный, буйно заросший зеленью парк, полный необычных цветов и еще более необычных деревьев. Простые люди могут пользоваться парком в свое удовольствие, что они и делают. Люди сидят под деревьями, едят, играют, слушают профессиональных рассказчиков, а порой и мудрецов.

Благодаря четырем месяцам дождей парк зеленеет так ярко, что у меня заслезились глаза. Подозреваю, с тех пор



мои глаза каким-то образом сохранили повышенную чувствительность, что и привело меня к слепоте.

— Вот здесь сидел Гаутама, когда впервые пришел в Варанаси.

Молодой учитель показал мне ничем не примечательное дерево, отличающееся от остальных только тем, что никто к нему не подходил, разве что поглазеть, как мы.

— Кто? — Признаться, я уже успел забыть имя, услышанное часом раньше.

— Гаутама. Мы называем его Будда.

— Ах да! Ваш учитель.

— Да, *наш* учитель. — Мой собеседник придерживался сухих фактов. — Под этим деревом ботхи он достиг просветления. И стал Буддой.

Я слушал меньше чем вполуха. Сиддхартха Гаутама со своим просветлением не вызвал у меня интереса. Но я заинтересовался тем фактом, что царь Бимбисара — буддист, и, помнится, подумал: ага, это такой же буддист, как Дарий — зороастриец. Цари всегда следуют популярной религии.

Прощаясь с молодым человеком, я сказал ему, что отправляюсь в Раджагриху.

— Значит, вы идете по стопам Будды, — совершенно серьезно ответил он. — Когда дожди кончились, Будда покинул этот парк и отправился на восток, в Раджагриху, как и вы. И его принял царь Бимбисара, как примет вас.

— Но на этом сходство и заканчивается.

— Или начинается. Кто знает, когда и как придет просветление?

Этот вопрос остался без ответа. Как и греки, индийцы более горазды задавать вопросы, чем отвечать на них.

#### 4

Пышной процессией персидское посольство выехало из Варанаси. Обычно путешественники спускаются по Гангу на лодках до Паталипутры, где высаживаются и продолжают путь по суше до Раджагрихи. Но поскольку воды Ганга все еще не вошли в свое русло, Варшакара уговорил нас ехать на слонах.

Через день или два качки, сравнимой разве что с морской болезнью, не только привыкаешь к такому виду передвижения, но и начинаешь любить само животное. Не удив-

люсь, если выяснится, что слоны умнее людей. В конце концов, голова у них больше нашей, а то, что они не говорят, можно отнести к их достоинствам.

Когда у нас прохладная осень, у жителей Гангской равнины жаркий и изобилующий бурями сезон. Но вот дожди постепенно утихают, влажный воздух прямо-таки загустевает от жары, и чувствуешь себя так, будто плаваешь в воде. Странные, покрытые перьями деревья напоминают морской папоротник, а ярко расцветенные птицы мелькают среди их ветвей, как рыбы.

Дорога в Раджагриху никуда не годится. Когда я поделился этим наблюдением с Варшакарой, он удивился:

— Это одна из лучших дорог, досточтимый посол, — и засмеялся, чуть не забрызгав меня красной слюной. — Будь дороги лучше, каждый день по ним на нас шли бы войска.

Загадочная фраза, если не сказать больше. Коль Магадха — самая мощная держава в Индии, никакое войско не посмеет напасть на нее. Если только этот царедворец не хотел польстить Дарию. Хотя часто я с трудом понимал, что он говорит, сам Варшакара не представлял для меня загадки. Это был безжалостный человек с непомерным честолюбием, способный на все ради усиления Магадхи. Он бы пошел и... Впрочем, всему свой черед.

На меня произвело большое впечатление богатство так называемой Великой равнины. Ежегодно там собирают два урожая: один зимой, в еще довольно сносное время года, а второй — во время летнего солнцестояния. Сразу после летней страды сажают рис и просо, и засеянные поля показались мне желто-зелеными коврами, покрывающими плоскую равнину. Народу здесь не требуется особых усилий, чтобы прокормить себя. По сути дела, если бы не стояло задачи кормить еще и большие города, индийские крестьяне могли бы не работать. Плоды и орехи, домашняя птица, тысячи видов речной рыбы в состоянии обеспечить самое разнообразное питание.

Но города требуют развития сельского хозяйства. В итоге многочисленные стада арийских завоевателей намеренно сокращаются, поскольку пастбища превращают в поля, и многие спорят о переменах в жизни народа.

— Что такое арий без коровы? — вопрошают брахманы и, разумеется, не ждут ответа.

Сразу за лесами и джунглями на востоке от Варанаси появляется множество деревень. Каждое поселение огорожено

шатким частоколом — не для отражения вражеского войска, а для защиты скота и детей от тигров и прочих хищников. В центре каждого из этих разбросанных поселков располагается постоянный двор, где путники могут бесплатно переночевать на полу и почти бесплатно пообедать.

Я удивился, узнав, что большинство индийских крестьян — свободные и в каждой деревне есть свой выборный совет. Им, конечно, приходится платить подати всякому, кто окажется их владыкой, но кое-что и остается. Без сомнения, это объясняет высокую продуктивность индийской деревни. Ведь каждый землевладелец в мире знает: наемный работник или раб производит ровно половину того, что снимает свободный человек со своей земли, которую возделывает сам. Очевидно, индийская сельскохозяйственная система — древний, первобытный пережиток.

Дорога из Варанаси в Раджагриху заняла две недели. Мы ехали медленно. Если бы не дневная жара, путешествие было бы вполне приятным. Каждую ночь для меня и Варшакары разбивали шатры, а остальные ночевали на постоянных дворах в ближайшей деревне или прямо под открытым небом.

Каждый вечер я окуривал свой шатер едким дымом, чтобы отогнать насекомых, пьющих кровь у спящих. И еще одна проблема — индийские змеи. Их не прогонишь ни дымом, ни заклинаниями, и Варшакара дал мне маленького пушистого зверька, пожирающего змей. Таких зверьков называют мангустами. Если посадить мангусту на цепь у кровати, ни одна змея не нарушит твой сон.

Вечера стояли тихие. Мы с Караккой записывали все увиденное и услышанное за день. Мы также следили за составлением карт, поскольку карта Сцилакса оказалась столь же неточной в отношении внутренней части Индии, сколь точна она была для побережья. Потом, когда устанавливали шатры, я обычно ужинал с Варшакарой. Он так же интересовал меня, как и я его. Мы неизбежно много лгали друг другу, но я выловил и много полезных сведений об экзотическом мире, в котором оказался. Мы полулежали на диванах — это нечто вроде греческого ложа, но обшито материей, и сверху лежат подушки. У каждого дивана обязательно плевательница — индийцы постоянно жуют какие-нибудь наркотические листья.

Индийская кухня имеет сходство с лидийской. Широко используется шафран и острая смесь из пряностей под названием кэрри. Для жарки обильно используют ги, которое

долго не портится даже в жару. В конце концов я все же привык к нему. Что не поджарено на ги, то им пропитано. Я предпочитал постное масло, которое сами индийцы употребляют мало. Сделанное из зерна, называемого симсим, оно легче, чем ги, а по вкусу не хуже. Для индийцев симсимовое масло — то же, что оливковое для афинян.

Но на царском столе или на столе какого-нибудь богача может быть только ги, и поскольку я упорно ел все, чем меня кормили, то в первый и единственный раз в жизни разжирел, как евнух. Кстати, полнота в Индии — предмет восхищения как в женщинах, так и в мужчинах. Женщина не может быть слишком толстой, но шароподобный монарх считается блаженным и снискавшим благословение богов.

Сам Варшакара, правда, ел весьма умеренно. Но с другой стороны, он слишком много потреблял крепкого напитка, получаемого выпариванием сахарного тростника. Я тоже полюбил его. Но оба мы следили, чтобы не напиваться в присутствии друг друга. Варшакара ко мне относился так же подозрительно, как и я к нему. Мы непомерно, в индийской манере, льстили друг другу, и каждый ждал от другого какой-либо ошибки, но так и не дождался.

Помню одну беседу в шатре, когда после излишне сытного ужина мы продолжали пить вино из сахарного тростника, которое девушка-служанка наливала нам в глиняные чашки. Я совсем осоловел, как и Варшакара, но, помнится, спросил:

— И долго еще лошади гулять?

— До весны. Еще пять-шесть месяцев. У вас в Персии есть такой обычай?

— Нет. Но лошадь высоко почитается нашими царями. Раз в год жрецы приносят в жертву коня у гробницы Великого Царя Кира.

Индийское жертвование коня произвело на меня неизгладимое впечатление. Прежде всего, я был поражен той баснословной странностью, с какой могла быть развязана война — всего лишь из-за того, что лошадь решила попасть на луга соседней страны. Разумеется, я слышал эти нескончаемые стихи слепого Гомера, уверяющего нас, что некогда греки напали на Трою — нынешний Сигей в нашей части мира — только из-за того, что жена греческого вождя сбежала с троянским юношей. Для тех, кто знает греков, совершенно ясно, что греки всегда хотели контролировать вход в Черное море и богатые черноморские земли. А для этого нужно сначала завоевать Трою, или Сигей. Сейчас это

мечта Перикла. Желая ему удачи. Он очень в ней нуждается. И сбеги жена Перикла с сыном старика Гиппия, владельца Сигея, для греков нашелся бы неплохой повод начать войну, и ты, Демокрит, мог бы воспеть это в стихах.

Мы, персы, искреннее других народов. Мы открыто признаем, что строим империю, чтобы стать богаче и сильнее. Кроме того, не покори мы соседей, они бы покорили нас. Так уж повелось в мире. Несомненно, так было принято и у воспетых Гомером арийских племен и так же индийские брахманы воспевают героев своего арийского прошлого. Кстати, в Ведах есть повествование о молодом царе по имени Рама — длиннейший из когда-либо написанных гимнов. Мне говорили, что образованному брахману нужно не менее десяти лет, чтобы выучить все строчки. Думаю, день-два послушав этот гимн, каждый скажет — и будет не так уж неправ, — что это повествование еще скучнее гомеровского. Для меня в обеих этих арийских историях единственно интересным представляется то, что боги там предстают просто как сверхгерои. Арийские боги — те же самые мужчины и женщины, только бессмертные; у них тот же чрезмерный аппетит, которому они слишком потворствуют — обычно за счет людей.

Демокрит говорит, что образованные греки никогда не воспринимали гомеровских богов всерьез. Возможно. Но огромный храм Афины, строящийся сейчас в Акрополе у нас за спиной, — чрезвычайно дорогой памятник богине, и, несомненно, ее воспринимает всерьез не только народ, но и правители города, названного в ее честь. И до сих пор в Афинах считается смертельным преступлением глумиться над гомеровскими богами или отрицать их существование, по крайней мере публично.

Индийцы в те времена были — а может быть, и остались теперь — мудрее греков. Для них боги просто существуют или не существуют, в зависимости от вашего взгляда на них. Понятие кошунства совершенно чуждо индийскому уму. Арийские цари не только находят удовольствие в беседах с атеистами, открыто глумящимися над богами арийских племен, но ни одному арийскому правителю и в голову не придет запретить доарийских местных богов, которым поклоняются в деревнях.

Усилия моего деда превратить арийских богов в демонов поразили индийских ариев не так, как обвинения в кошунстве и упражнении в бессмыслице. Идея о Мудром Господе под именем Брахмы или Варуны и так широко распростра-

нена. Так зачем же, спрашивали меня индийцы, отрицать меньших богов? Я повторил Зороастровы заветы: каждый должен очиститься, отринуть демонов, обратить всех к истине. Но сам я никого не обратил. Правда, у меня была дипломатическая миссия.

Варшакара не знал, когда, как и с чего началась традиция жертвования коня.

— Она очень древняя. Очень священная. По сути дела, после коронации это самый значительный ритуал в жизни царя.

— Потому что добавляет царству новые территории?

Варшакара кивнул:

— Что может быть лучшим свидетельством благоволения небес? Если бы конь вошел в Варанаси, наш царь приобрел бы истинную славу. Но... — Он вздохнул.

— Не хочу показаться непочтительным к богам, почтеннейший Варшакара, — крепкое вино несколько развязало мне язык, — но те воины, что сопровождают жеребца... не могут ли они предопределить его путь?

Варшакара улыбнулся, и его окрашенные бетелем зубы показались кровавыми.

— Малейший намек, что коня может направить что-либо кроме судьбы, совершенно недопустим и нечестив... Но отчасти это верно. Коня можно тихонько направлять, однако до известного предела. Поскольку лошади боятся городов, мы обычно поощряем коня обходить вокруг города. Это нас вполне устраивает. Контролируя периметр, получаешь и сам город. Естественно, нашим воинам приходится одержать победу над местными, но это для нас не представляет труда. Кошала распадается, и мы бы с легкостью... Но конь свернул на юг. Единственная надежда, что он повернет на северо-восток, к Гангу, к республикам на другом берегу. Вот откуда идет угроза.

— Республики?

Варшакара снова показал свои красные зубы, но это была уже не улыбка.

— Есть девять республик. От Шакья в северных горах до Личхави, что сразу за Гангом от Магадхи. Все девять заключили союз и люто ненавидят Магадху.

— Как же девять маленьких республик могут угрожать великому царству?

— В этот самый момент они собираются в федерацию,

которая мощью не уступит Магадхе. В прошлом году они избрали верховную сангху.

Полагаю, лучшим переводом этого слова будет «собрание». Но в то время как Афинское народное собрание открыто и для простолюдинов, и для знати, сангха индийских республик состоит из представителей от каждой из девяти стран. Как выяснилось, лишь пять республик объединились в федерацию, пять самых близких к Магадхе, вот это-то и напугало царя Бимбисару и его распорядителя двора Варшакару. Основания у них для этого были. Эти республики относились к Магадхе так же, как ионийские греческие города к Персии. Единственное различие: во времена Дария города эти были не республиками, а тираниями.

И все равно аналогия мне показалась уместной, и я привел ее:

— Из нашего опыта известно, что никакая республика не устоит против популярной монархии. Взять хотя бы греков...

С таким же успехом я мог говорить о жителях луны. Варшакара имел смутное представление, где находится Персия, кое-что слышал о Вавилоне и Египте, запад же для него просто не существовал.

Я попытался объяснить ему, что не найдется двух греков, которые могли бы долго вместе проводить общую политику, в итоге их либо побеждает дисциплинированное войско извне, либо они становятся жертвами внутренней распри между демократическими партиями.

Варшакара понял достаточно, чтобы прояснить, что именно они в Индии понимают под республикой.

— Этими странами правит не народное собрание. Собрания исчезли задолго до нашего прихода. Нет, этими республиками правят советы, собранные из глав знатных фамилий. То, что мы зовем республиками, на самом деле... — Он употребил индийское слово, означающее олигархию.

Позднее я узнал, что упомянутые им древние собрания племен имели не доарийские корни; напротив, они являлись в большей степени частью исконно арийской племенной системы, когда на свободном собрании избирали вождей. Но такие собрания постепенно сошли на нет, как это происходит повсюду, и место их заняла наследственная монархия, опять же как везде.

— Верно, нам нечего бояться никакой из республик. Но

федерация республик представляет серьезную опасность. По сути дела, лишь Ганг отделяет нас от их южных пределов.

— А Кошала?

Хотя мои знания индийской географии никогда не отличались полнотой, тогда я уже имел в голове картину той части света, и эта картина во многом соответствовала действительности. На севере стояли высокие горы. Наверное, они оказались бы высочайшими в мире, измерь кто-нибудь их и все остальные горы на этой необъятной земле. Гималаи, несомненно, впечатляют, особенно когда видишь их из низкой долины Ганга. На этих горах обитают арийские боги и, что еще важнее, там берет начало Ганг. У подножия Гималаев расположились девять маленьких республик. Они лежат на плодородной равнине между рекой Рапти на западе и лесистыми холмами на востоке. Примерно посредине протекает река Гандак, приток Ганга, служащего северной границей Магадхи. Самые важные торговые пути начинаются из восточного порта Тамралинга, идут через эти республики в Таксилу и дальше в Персию. Магадха всегда домогалась контроля над этими путями.

К западу от республик располагалась Кошала, невероятно богатая и населенная страна. К несчастью, царь Пасенади был слабым монархом и не умел поддерживать порядок. Он не мог даже собрать дань со многих своих городов, потому что главы их часто против него восставали. И тем не менее в то время и арии, и дравиды соглашались, что в мире нет города, сравнимого со Шравасти, столицей Кошалы. Благодаря накопленным в прошлом богатствам и высокой культуре царя Пасенади, Шравасти был великолепен, в чем я убедился лично. На некоторое время он стал для меня домом. Там живут мои сыновья, если они живы.

— Кошала представляет для нас опасность. — Для Варшакары весь мир представлял опасность. — Естественно, мы проводим политику поддержки этого царства против федерации. Но в конечном итоге искусство государственного мужа — это искусство концентрических колец: даже в отношениях между суверенными государствами индийцы придумали замысловатые законы. Сосед всегда враг. Это в природе вещей. Поэтому нужно искать союз со страной, граничащей с соседом. Это следующее концентрическое кольцо. Так мы смотрим на Гандхару...

— И на Персию.

— И на Персию. — На мгновение он показал мне свои красные зубы. — У нас повсюду есть агенты и доброжелате-



ли. Но федерация гораздо хитрее нас. В Магадхе нет уголка, куда бы не пробрались их люди.

— Шпионы?

— Хуже. Хуже! Впрочем, вы сами знаете. Вы же сами говорили с ними, господин посол.

Сердце мое неровно забилося.

— Мне еще только предстоит провести очень непростые переговоры с врагом Магадхи, почтенный Варшакара.

— О, я уверен, вы не знали, с кем говорите. Но тем не менее говорили с нашими врагами. И они куда опаснее шпионов, потому что ослабляют нас вредными идеями, как уже ослабили Кошалу.

Я начал понимать.

— Вы имеете в виду джайнов?

— И буддистов. И последователей Госалы. Господин посол заметил, что так называемый Махавира и так называемый Будда — не арии? И хуже того, они пришли из республик.

— Но я думал, ваш царь покровительствует Будде...

Варшакара высморкался двумя пальцами. Вообще-то, индийцы в своих манерах почти столь же деликатны, как и мы, но вот сморкаются и мочатся прилюдно.

— О, наша политика — позволять этим людям свободно приходить и уходить, но мы не спускаем с них глаз, и очень скоро, надеюсь, наш царь поймет, что это враги Магадхи.

Я представил Госалу с его нитью, Махавиру, отстраненного от окружающего мира.

— Не могу представить себе, что этим... аскетам есть какое-то дело до возвышения или падения царств.

— Они притворяются. Не будь джайнов, еще вчера Варанаши был бы нашим городом.

Жевание бетеля в конце концов ослабляет ум, как и хаома. Если хаому пить слишком часто, она стирает барьер между сном и явью. Вот почему Зороастр наложил строгие ограничения на употребление священного напитка. Жевание бетеля в конечном итоге производит такой же эффект, и в тот вечер я решил, что Варшакара опаснейшим образом повредился в уме. Я говорю опаснейшим, потому что, несмотря на искаженное видение реальности, мысли свои он продолжал излагать вполне разумно.

— Когда конь вошел в Олений парк, то направился — совершенно добровольно — прямо к городским воротам. Я знаю. Там были мои осведомители. И вдруг из ворот вы-

бежали два небесно одетых джайна. Конь испугался. И убежал в другую сторону.

— Вы не допускаете, что их появление было простым совпадением?

— Совпадением? Нет! Федерация не хочет, чтобы Варанаши оказался в наших руках. А Махавира родился в столице республики Личчхави. Но ничего, все не так плохо. Например, теперь мы имеем новый и драгоценный союз с Персией.

Мы выпили за союз.

Я надеялся, что осведомители Варшакары не доложили ему, как тщательно географы в моей свите снимают карту долины Ганга. Я думал только о завоевании Индии. Мне снились коровы! Персидское войско вошло в Таксилу. Опираясь на эту северную базу, войска могут обрушиться на равнину. Кошала, вероятно, не окажет сопротивления, но Магадха будет сражаться. Мы столкнемся с грозными, законными в броню слонами. Не внесут ли они паники в ряды персидской конницы? Не важно, я был уверен, что Дарий все равно победит. Он всегда побеждает.

Пока мы говорили о шпионах и угрожающих Магадхе врагах, я гадал, сознает ли Варшакара, что я и есть главный шпион опаснейшего врага. Думаю, сознавал. Он был далеко не дурак.

---

Испокон веков в Раджагрихе, в нескольких десятках миль к югу от Ганга, было поселение. Этому способствовали пять холмов, превращающих место в естественную крепость. Но в начале царствования Бимбисары город начал распространяться на равнину, и царь построил массивную стену из грубо обтесанного камня, чтобы защитить не только народ, но и сельские угодья, сады, парки, озера. И теперь в случае осады в городе всегда хватит воды и продовольствия. Сначала это меня беспокоило, но потом Карака подсказал, что столицы всегда сдаются, оказавшись отрезанными от остальной страны, как голова от тела.

Когда мы подъехали к Раджагрихе, солнце садилось, и в полумраке стены с неуклюжими башнями казались скалами, разбросанными через неравные интервалы. Индия очень богата лесом и глиной, поэтому в этой стране мало искусных каменщиков. Важнейшие сооружения строят из дерева или дерева и кирпича.

Когда мы въехали в город, небо было усеяно звездами. В нашу честь затрубили в морские раковины, вокруг столпился народ, как всегда, чтобы поглазеть на гостей, не говоря уже о слонах.

Построенный Бимбисарой город имел ту же прямоугольную планировку, какой я восхищался в Вавилоне и в заброшенном хараппском городе. Длинные прямые улицы идут параллельно, каждая начинается от городских ворот, а кончается на центральной площади, над которой возвышается огромное здание, сюда путешественников за плату пускают переночевать и поесть.

Сразу за новым городом возвышаются пять холмов-стражей и начинается старый город — путаница узких улочек, — как в Сардах и Сузах.

Мы с сопровождавшим меня архитектором часто спорили, имели ли первые города такие прямые, пересекающиеся под прямым углом улицы. Он считал, что первые города были просто разросшимися деревнями, как Сарды, Сузы, Экбатана или Варанаси. Потом города разрушались, большие проспекты теряли свою прямизну, и между новыми улицами появлялись извилистые переулки, огибающие старинные развалины. Ответа мы не узнаем никогда.

Новая часть Раджагрихи впечатляет. Есть даже пятиэтажные дома, и построены они прочно. Царь установил множество стандартов для постройки домов, и они строго соблюдаются. Вообще, царя слушаются беспрекословно, потому что, благодаря Варшакаре, секретные службы развиты здесь как нигде. Нет ничего, о чем бы царь не знал. А если не царь, то распорядитель двора.

Восседая на слоне, я имел возможность заглядывать в окна вторых этажей, где из-за резных решеток женщины могут наблюдать за городской жизнью, сами оставаясь невидимыми. На многих крышах возвышались очаровательные воздушные беседки, где владельцы домов спят жаркими ночами.

Под многими окнами на верхних этажах есть балконы, заставленные горшками с цветами. Когда мы проезжали мимо, мужчины и женщины бросали нам под ноги цветы. Все было внешне доброжелательно.

Воздух был пропитан запахами, которые теперь всегда напоминают мне об Индии: жасмин, прогорклое ги, сандаловое дерево и, конечно, запах гнили, нет, это не гниение человеческого тела, это гниет город. У деревянных домов

короткий срок и там, где дожди редкость, а в Индии обычно потоками хлещут ливни.

Царский дворец стоит посреди большой немощеной площади, где нет никаких статуй или памятников, — наверное, потому, что город совсем новый. Довольно любопытно, что в Раджагрихе нет ни одной аркады. В климате, где всегда либо мокнешь под дождем, либо жарись на солнце, аркады, казалось бы, необходимы, но в Магадхе их не знают. Местные жители довольствуются ярко расцвеченными навесами по бокам улиц или совершают свои сделки прямо под палящим солнцем. Большинство жителей темнокожие, некоторые черны буквально до синевы.

Если не считать кирпичного основания, весь четырехэтажный дворец построен из дерева. Но в отличие от дворца в Экбатане, сделанного из однообразного кедра, на постройку изящного строения Бимбисары пошли всевозможные сорта полированного дерева: эбеновое, тиковое, шелковая акация; стены многих комнат покрыты перламутром или пластинами резной слоновой кости. Каждая часть дворца имеет свой характерный аромат — результат тщательно подобранных душистых пород дерева в сочетании с запахом цветов. Благодаря сводчатому потолку во дворце довольно прохладно даже в самые жаркие дни.

Дворец имеет четыре внутренних двора. Два из них отведены дамам гарема, одним пользуются придворные. Дворик царя полон деревьев, цветов и фонтанов. Поскольку все выходящие туда окна, кроме окон из царских покоев, запечатаны, никто не может подглядывать за царем, когда он гуляет по саду. По крайней мере, так задумано. Вскоре я понял, что секретная служба устроила множество слуховых отверстий и постоянно следит за царем, чьими глазами она должна была бы быть. Я никогда не видывал двора, более опутанного интригами, а я ведь служил в Сузах Ксерксу до самой его кончины.

Нас с Каракоей поселили на третьем этаже дворца, в так называемых комнатах принцев. Это большая честь, — во всяком случае, все без устали напоминали нам об этом. Наши апартаменты состояли из шести комнат с видом на придворный сад с одной стороны и городскую площадь — с другой. Остальное посольство расположилось в близлежащих домах.

Меня предупредили, что страна кишит шпионами и каждое слово может быть подслушано. Никто не допускал мысли, что те, кто подслушивает, не знают персидского. Между

тем мне предстояло определить истинный военный потенциал Магадхи. Я говорю истинный, потому что еще не встречал страны, которая не искажала бы представления о своей мощи и богатстве, что в свой срок приводит государство к краху, поскольку оно обманывает само себя.

В Афинах и дня не проходит, чтобы мне не рассказали, будто две или три тысячи — или сотни? — греков разбили персидское войско и флот числом в два или три миллиона воинов. Греки так искажают эти войны, что уже сами запутались. Все было не так. Не умеешь считать — не ходи на рынок, и на войну тоже.

## 5

Должен сказать, никогда я не видел столько наготы, как в Индии. Но в отличие от греков индийцы обнажаются не для того, чтобы возбуждать друг друга, а просто потому, что живут в жаркой стране. У них существует два вида одежды. И мужчины, и женщины носят нечто вроде юбки, подпоясанной причудливым ремнем или кушаком, а также накидку, завязанную или заколотую у шеи. Придворные наряды отличаются от обычных лишь более дорогой материей.

Придворные дамы не считают зазорным выставлять напоказ высшему свету груди с раскрашенными сосками, выщипанные подмышки, пупки, украшенные драгоценными камнями. Не слишком толстые дамы бывают необычайно красивы. У них очень хорошая кожа, особенно когда чуть покраснеет от ароматной помады.

И мужчины, и женщины раскрашивают лицо. Глаза аккуратно обводят на мидийский манер. Став Великим Царем, Кир тоже принял такой обычай, и его продолжают придерживаться все Великие Цари и их придворные. По теории Кира, персы должны как можно более походить на богов, особенно показываясь перед подданными из других стран. К счастью, персы выше и мускулистее других народов и поэтому с накрашенными глазами и нарумяненными щеками в самом деле выглядят роскошно, как изображения богов-воителей.

Индийские мужчины и женщины красят также губы веществом, называемым лак, в рубиново-красный цвет. Несомненно, косметика украшает всех, но очень утомительно носить ее и удалять. При индийском дворе мне приходилось краситься — или давать себя раскрашивать — два раза в

день. Как любому персу моего поколения, такое внимание к собственной внешности казалось мне смешным и недостойным мужчины, да и утомительным. Тем не менее в этом есть какая-то томная привлекательность: тебя купают и умашают хорошенькие девушки, а потом важный старик особым раствором промывает тебе глаза, подвечивает бороду и делится последними сплетнями. Между прочим, индийцы отращивают лишь клочок волос на подбородке, на щеках у них волосы не растут.

На следующий день после моего обустройства во дворце я был приглашен царем Бимбисарой. В длинном высоком зале собралось несколько сот придворных. Решетки в верхних окнах были столь частыми, что солнечные лучи с трудом пробивались сквозь них и мелкими брызгами падали на бледно-зеленые плитки пола.

В дверях тронного зала меня встретил Варшакара. На нем был алый тюрбан и полупрозрачная накидка, поддерживаемая ниткой необработанных рубинов. Как и у многих жирных индийских придворных, грудь его напоминала женскую. Подобно многим индийцам, он казался выше благодаря туфлям на высокой платформе.

Очевидно, Варшакара предпринял все, чтобы произвести на меня впечатление. Но после двора Ахеменидов магадханский двор выглядел по меньшей мере провинциальным. Мне он напомнил Сарды.

Распорядитель двора держал в руке трость из слоновой кости. Он произнес короткую речь для меня и моей свиты из семи человек. Я произнес такую же короткую ответную речь. Затем Варшакара подвел нас к высокому трону из слоновой кости, где, скрестив ноги, восседал Бимбисара, царь магадханский. Над его золотым тюрбаном возвышался балдахин из страусовых перьев.

Старая царица сидела на табурете слева от царя. В отличие от персидских и афинских женщин индийские дамы свободны — в известных пределах — ходить куда им вздумается. Например, индийская женщина может пойти за покупками в сопровождении одной старухи. Но сделать это она должна на рассвете или в сумерках, чтобы лавочник не мог ее хорошо рассмотреть. И в то же время — парадоксально! — она может показаться практически голой перед мужчинами своей касты.

На голове у старой царицы был причудливый убор из жемчуга, нанизанного на серебряные нити, искусно перевитые с седыми волосами. На ней была мантия из павлиньих

перьев. Царица выглядела незаурядной, даже умной женщиной. Некоторое время я принимал ее за индийский вариант Атоссы, ведь она была главной женой Бимбисары и сестрой Пасенади. Но при дворе, где женщины не совсем изолированы и где — что, возможно, еще существеннее — нет евнухов, власть целиком осуществляется самим царем и его советниками. Гарем практически не имеет влияния.

По правую руку от царя сидел принц Аджаташатру. Наследник трона был несомненно и восхитительно (по индийским понятиям) толст. Лицо у него было как у огромного ребенка, а из трех мягких подбородков пробивался пучок светло-зеленой бородки. Принц все время умильно улыбался. Мочки его ушей оттягивали бриллиантовые серьги, а необъятную талию перехватывал широкий пояс из золотых звеньев. Руки были на удивление мускулисты.

Царь Бимбисара был старик с длинной фиолетовой бородой. Я никогда не видел его шевелюры — если таковая была, — поскольку никогда не видел его без причудливого тюрбана из золотых нитей — аналога персидского цидариса. Бимбисара был высок и жилист, и можно было догадаться, что в свое время воином он был сильным и грозным.

Поскольку я представлял собой тень — не важно, сколь слабую тень — Великого Царя, то ниц не простерся. Но колена преклонил. Тем временем мой эскорт открывал сундуки с дарами Бимбисаре от Дария. Там было много среднего размера драгоценных камней и несколько изысканных ковров из Лидии и Мидии.

Закончив вступительную речь, я передал Варшакаре письмо, написанное индийским евнухом от имени Дария. Произнеся цветистую фразу, распорядитель передал письмо царю; тот даже не взглянул. Мне сказали, что Бимбисара не умеет читать. Но говорил он действительно хорошо, и не на староарийском, каким пользуются при дворе и в храмах, а на современном диалекте.

— Мы приветствуем в твоём лице нашего брата Дария, деяния которого дошли до нас даже с такого удаления. — Голос Бимбисары звучал грубо, как у командиров конницы. Он говорил прямо и слов не подыскивал. — Мы рады, что он получил наше письмо. Мы рады, что он прислал тебя, святого человека и воина.

В действительности, будь я индийцем, я бы не принадлежал к касте воинов. Я был бы брахманом. Но я с удовлетворением воспринял причисление к воинам, поскольку, хотя и не без исключения, из этого сословия происходят индий-

ские правители, постоянно соперничающие с номинально высшей кастой — брахманами.

— Мы покажем тебе все, что ты захочешь увидеть. Мы обменяем наше железо на ваше золото. Мы будем относиться к тебе как к настоящему брату, словно нас разделяет только река, а не целый мир.

Это был не просто оборот речи.

Долгий день закончился рядом религиозных жертвоприношений арийским богам, наделенным магической силой и таинственными функциями, а также лишними головами и конечностями.

Потом нас пригласили в царские апартаменты на пир. Первая перемена блюд совпала с восходом полной луны над высокой черепичной крышей дворца. Луна блестела, как чудесный золотой щит.

Ужинали мы на просторной веранде, выходящей на царские сады. Это была большая честь, и Варшакара не преминул заметить:

— Сюда приглашают только членов царской семьи и потомственных министров. Царь в самом деле почитает вашего господина Дария как своего младшего брата.

Я дипломатично не упомянул о том, что многие из двадцати Дариевых сатрапий богаче и обширнее, чем Магадха. С другой стороны, ни одна из них не имела столько железа или слонов. Признаюсь, я уже видел себя сатрапом шестнадцати индийских царств — и девяти республик тоже! Почему бы нет? Я даже думал, как назвать свою сатрапию. Большая Индия? Гангские земли? Как и все в юности, я мечтал о власти. Я также понимал, что человек, объединивший все эти страны в одну державу, станет соперником Великого Царя. Одним из результатов моего посольства стало то, что Персия теперь не допускает усиления какого-либо одного из индийских государств, иначе оно может поглотить остальные, а в этом Великий Царь не заинтересован. В конце концов, пока Дарий и Ксеркс мечтали о завоевании Востока, в Индии тоже мог появиться император, с завистью поглядывающий на Запад...

Во время моего посольства Бимбисара был не только самым могущественным царем во всей Индии, он был близок к тому, чтобы стать владыкой всех индийских стран. Через жену он получил во владение значительную часть Кошалы — Каси и надеялся, что жертвование коня оправдает за-



хват древнего города Варанаси. Теперь требовался другой повод.

Я возлежал на диване напротив Бимбисары. По бокам от него снова расположились жена и наследник. Вместе с мужчинами на ужине присутствовало много дам, и, более того, они спустили — очень непринужденно — верхнюю часть своих одежд. Позже я понял, что искусство публичного раздевания в Индии разработано еще тщательнее, чем искусство наряжаться. Многие из дам нарумянили соски, некоторые причудливо разрисовали живот. Сначала я принял это за татуировки, но оказалось, что рисунки нанесены краской из сандалового дерева. Никогда я не был так шокирован.

И еще одна несуразность — нам прислуживали женщины. Естественно, для перса странно не видеть евнухов, но до прибытия в Индию я не замечал, насколько привык считать их присутствие само собой разумеющимся.

Мне поднесли дюжину различных вин, соков, фруктов. Рыба, дичь и овощи сменялись через равные промежутки времени, наводя на мысли о бесконечности. В саду полдюжины музыкантов, сидя в свете полной луны, играли странные заунывные мелодии, изредка невпопад начиная бить в барабан. Как и к греческой, к индийской музыке нужна привычка. Главный инструмент здесь напоминает лидийскую арфу, но имеет десять струн. Распространены также флейты и кимвалы.

Царственные особы за ужином почти не говорили, разве что отец с сыном обменялись короткими фразами. Царица хранила полное молчание. Ела она очень много, но толстой не была, и я заключил, что царица страдает какой-то тяжелой болезнью. Мое предположение подтвердилось. Карака, впервые ее увидев, заметил то же самое.

— Она не доживет до следующего сезона дождей, — сказал он доверительно, как врач, не желающий брать ответственность за больного.

Но царица прожила еще два года.

Рядом со мной расположилась очень миловидная женщина. На голове у нее красовался убор высотой, наверное, фута в четыре — фантастическое сооружение из волос и драгоценностей. Волосы частично были собственными, частично нет. Она сбросила накидку, и я увидел, что груди у нее разрисованы венками из красных цветов, и, я не мог не отметить, весьма искусно. Это была жена министра войны и мира. Она осторожно начала флирт, несомненно выполняя указание:

— Мне говорили, что в вашей стране женщин держат взаперти и их никто не видит.

— Да, никто, кроме мужей и их евнухов.

— И их кого?

Я объяснил ей, кто такие евнухи. Было странно видеть, как голая ого лба до пупа женщина краснеет.

Женщина, как и я, была смущена.

— Я не уверена, что это может быть подходящей темой для беседы, — сказала она и тут же сменила ее: — Нам позволено обедать с мужчинами своего сословия. Естественно, женщины в каждой семье имеют собственное жилище, где и пользуются некоторым уединением. В старые времена, конечно же, молодые мужчины и женщины имели возможность видеться когда угодно. Девушки даже сражались. Еще во времена моей бабушки дамы учились поэзии, танцам, музыке. Но теперь только женщинам низших сословий, угождающим прихотям мужчин, разрешается упражняться в шестидесяти четырех искусствах, и это весьма несправедливо. Но вы знаете брахманов...

— Они предписывают, как жить?

— Предписывают, как жить, и жить запрещают. Они только тогда будут счастливы, когда последнюю из нас запрут, как монахиню-джайну.

Как странно — и очаровательно — говорить с умной женщиной и не проституткой. Индийский двор полон женщинами такого сорта, но вне Индии мне довелось встретить только трех действительно умных женщин — Эльпинису, царицу Атоссу и Лаис. Двух последних я узнал благодаря случаю, а воспитывайся я как положено благородному персу, то по достижении семилетнего возраста никогда бы их больше не увидел.

— А не возникает осложнений с... — Я хотел поговорить о незаконнорожденных, основной причине изоляции женщин. Мужчина должен быть уверен, что его сын действительно от него. Если существуют какие-то сомнения, то собственность, не говоря уж о престоле, может оказаться в опасности. Я перебрал свой небогатый словарный запас в поисках подходящего индийского слова... — с ревностью? Я имею в виду придворных дам, вот так ужинающих с мужчинами.

Она рассмеялась. Это была веселая молодая женщина.

— О, мы слишком хорошо знаем друг друга. Кроме того, нас хорошо охраняют. Если в комнатах женщины найдут

чужого мужчину, как бы ни был знатен его дом, пусть даже дворец, мужчина будет тут же посажен на кол, чего и заслуживает. Естественно, другие сословия нас не видят, в том числе и брахманы. Мы их глубоко презираем, — добавила она твердо.

— Они очень образованны, — заметил я как бы между прочим.

Я понял, что, несмотря на свой экзотический персидский наряд, не произвел на эту женщину большого впечатления. К тому же я весь вспотел. Потом, пока не кончился жаркий сезон, персидский посол одевался по-индийски.

— Вы женаты? — спросила она.

— Нет.

— А это правда, что у вас на Западе принято иметь много жен?

— Как и у вас.

— Но у нас не так. В самом деле. Царю, правда, приходится часто жениться из политических соображений, но в нашем сословии редко женятся больше одного раза.

— Тогда что же за женщины в ваших гаремах?

— Служанки, рабыни, наложницы. Для нас идеальные отношения между мужчиной и женщиной — это отношения между Рамой и Ситой.

Она назвала героя и героиню их священной книги. Рама похож на греческого Одиссея, разве что он всегда честен по отношению к другим. Но как Одиссей и Пенелопа, Рама и Сита преданны друг другу, и потому представители индийского правящего класса редко имеют больше одной жены.

После подачи роскошного молодого павлина, украшенного собственными перьями, царь Бимбисара пригласил меня прогуляться с ним по саду.

Когда мы спустились с веранды, слуги унесли столы, и все гости перемешались. Было много битой посуды — в Индии я начал привыкать к этому звуку. Слуги здесь столь же неуклюжи и неумелы, сколь покладисты и сообразительны.

Придворный сад был полон красок даже в лунном свете. В теплом воздухе витал запах жасмина. На высоких деревьях пели ночные птицы. Дворец напоминал серебряную гору с аккуратно спрямленными углами. Закрытые окна усиливали сходство.

Бимбисара, взяв меня под руку, повел по дорожке, которая в свете луны казалась сделанной из чистейшего серебра.

— Хорошо, что ты здесь.

— Для меня большая честь...

Старик слышал, не слушая, — царственная привычка.

— Мне не терпится больше узнать о Дарии. Сколько у него воинов?

Я оказался не готов к такому прямому вопросу.

— За тридцать дней, владыка, он может собрать миллионное войско.

Это в какой-то мере соответствовало истине. Я не стал уточнять, что большинство войска составит неотесанная деревенщина. В действительности в те дни войско Великого Царя насчитывало не более ста тысяч хорошо обученных воинов.

Очевидно, в уме Бимбисара поделил мое число, как принято, на десять.

— И сколько у него слонов?

— Слонов нет, владыка. Но его лидийская конница...

— Нет слонов? Нужно послать ему несколько. У меня их тысяча.

Я в уме поделил на десять.

— И на каждом, — продолжал царь, — в железной башне сидит по шесть лучников. Они так защищены, что их никто не убьет. Они разгромят любое войско.

— Но ведь самих слонов можно убить?

— На них тоже броня. Они неуязвимы.

Через меня Бимбисара предупредил Дария.

В середине сада стояла небольшая беседка с широким диваном, на который и возлег Бимбисара, а я примостился на краешке. Через зарешеченные окна проникал лунный свет — и грел, как я заметил. Индия — единственная страна, где полная луна греет. К счастью, по ночам в Раджагрихе с холмов дует ветерок.

— Я часто прихожу сюда. — Бимбисара обеими руками расчесал свою фиолетовую бороду. — Здесь нас не подслушают. Видишь? — Он указал на четыре полукруглых окна, составлявших стены беседки. — Никто не подойдет незамеченным.

— Кто посмеет шпионить за царем!

— За царем шпионят все! — Бимбисара улыбнулся, в свете луны он казался серебряным. — А царь следит за всеми. В Магадхе и Кошале ничего не происходит без моего ведома.

— А в Персии?

— Ты будешь моими глазами и ушами. — Он сделал уч-

тивный жест. — Меня очень интересует царь, способный собрать сотысячное войско за столь короткий срок.

Так он выдал, что в самом деле делил на десять. Я не стал поправлять, а принялся рассказывать о землях, которыми правит Дарий, но Бимбисара прервал меня:

— Такое же послание, как я послал Дарию, мой дед послал Киру. Но ответа не последовало.

— Возможно, посольство не дошло.

— Возможно. Но следующее поколение персов во главе с Дарием подошло к реке Инд. Может быть, это и был несколько запоздалый ответ, уважаемый посол?

— Нет, нет!

Я рассказал о миролюбии Дария. О его восхищении Бимбисарой. О его бедах с греками. И во всем этом было немало правды. Пока я бубнил, старик неподвижно сидел в лунном свете, с полуулыбкой на обращенной ко мне стороне лица.

Поблизости продолжали играть музыканты. Через окно виднелась веранда, где мы ужинали. Там танцевали обнаженные девушки. В конце концов я полюбил индийские танцы, не похожие ни на какие в мире. Во-первых, голова танцующей двигается взад-вперед таким образом, что, не увидев это собственными глазами, будешь клясться, что такое невозможно. Тело же танцующей кажется движущимся совершенно самостоятельно, а волнообразные движения бедер и живота зачаровывают, влекут. Многие танцовщицы достигают богатства, славы, власти. По сути дела, магадханская танцовщица может сделать себе состояние и распорядиться им, так и не став ничьей женой или наложницей. Приглашения в ее дом будут искать так же, как в дом подруги Демокрита проститутки Аспазии.

— Дарий в самом деле так хочет стать нашим другом, что мог бы даже послать войска против федерации республик?

— Уверен, что да.

Меня охватила дрожь. Бимбисара давал удобный повод. Я уже прикидывал, как бороться со слонами. Они боятся мышей. В решающий момент наши воины выпускают тысячи грызунов. Слоны в панике, я становлюсь сатрапом Большой Индии. Так мне представлялось.

— Возможно, я обращусь к нему. — Бимбисара поиграл своей бородой. — Ты также предполагаешь посетить нашего дорогого брата Пасенади Кошальского.

— Да, владыка. У Великого Царя послание к царю Кошала.

— Пасенади хороший человек, но слабый. Моя жена — его сестра. Она всегда говорила, что он когда-нибудь лишится своего царства, потому что правление его не интересует. Это в самом деле печально. Когда я был мальчиком, Кошала была величайшей державой в мире. Теперь осталось одно название. Царство раздираемо надменностью вельмож и безрассудством рабов. Это трагедия. — Полуулыбка превратилась в полную улыбку. Чужие трагедии всегда производят на царей приятное воздействие.

— Царь Пасенади ждет от вас помощи?

— Нет. Он не видит опасности. Не видит или, быть может, не придает ей значения, ему все равно. Видишь ли, он буддист. Будда обычно проводит сезон дождей в Шраваси. Потом на месяц-два появляется у нас. Как ты, должно быть, знаешь, в Раджагрихе много буддийских монастырей. Мы считаем его святым.

Я не мог не заметить контраста между Бимбисарой и Дарием. Индийский владыка был искренне околдован Буддой, в то время как Дарий не испытывал никакого интереса к Зороастру.

— Кто произвел на тебя большее впечатление — Госала или Махавира?

Я не спросил царя, как он узнал о моих встречах с этими святыми. Я достаточно быстро схватываю, что к чему. За мной следили с самого прибытия в Индию.

— Оба, — ответил я искренне. — Но воззрения Госалы несколько мрачны. Если надлежащим поведением свою судьбу не изменить, почему бы не пуститься на самые низкие злодеяния?

— Я говорил ему то же. Но он, похоже, думает, что выполнение заповедей хорошо само по себе и свидетельствует, что ты близок к выходу. Он также верит, что человеческая жизнь напоминает пруд: если не добавлять воды, он высохнет. Но Госала отрицает, что судьба — карма — может быть изменена добрыми поступками. Все предопределено. Ты достигнешь выхода в свою очередь, не раньше. Согласно ему, боги и цари этого мира очень далеки от выхода. — Бимбисара погрузнел. — Боюсь, в своей следующей жизни я опущусь еще ниже. По некоторым признакам, я стану Марой, богом зла — владыкой этого мира. Я молю избавить меня от этого. Стараюсь соблюдать заповеди. Следую четырем буд-

дийским правдам. Но судьба есть судьба. Хуже, чем быть царем вроде меня, — быть богом.

Я, конечно, не мог не согласиться, но думаю, сам бы нашел мысль о превращении в бога крайне соблазнительной, хотя и непонятной. Если бог бессмертен, как кто-то может стать уже существующим богом? Когда я задал этот вопрос одному брахману, ответ его занял полдня. А я с тех пор забыл обе половины того дня.

— Меня удивляет, владыка, понимание времени вашими святыми. Они меряют существования тысячами.

— Более чем тысячами, — ответил Бимбисара. — Некоторые брахманы говорят, что действительно злая карма может быть преодолена путем тридцати миллионов миллионов миллионов перерождений и это число нужно еще умножить на число песчинок на дне Ганга.

— Долго.

— Долго, — сурово проговорил Бимбисара. Не знаю, верил ли он сам в то, что говорит. Он имел привычку повторять последние слова, а потом менять тему. — Кто сейчас царь Вавилона?

— Дарий, владыка.

— Я не знал этого. Много лет назад мы торговали с Вавилоном. Но много кораблей гибло. Торговля не стоила этого.

— Есть пути по суше, владыка.

— Да, и я от души желаю, чтобы скоро их истоптали в пыль. Хочешь жену?

Я был слишком ошарашен, чтобы ответить. Царь повторил вопрос, добавив:

— Мы надеемся, что Раджагриха станет твоей родиной, и будем рады, если ты женишься на одной из наших знатных дам, я женюсь на одной из дочерей вашего царя, а он женится на одной из моих.

— Думаю, я не заслужил такой чести, — ответил я. — Но с радостью готов жениться.

— Хорошо. Мы все устроим. У тебя есть другие жены?

— Ни одной, владыка.

— Хорошо. Некоторые брахманы имеют глупое мнение насчет того, сколько жен можно иметь, хотя наша религия в этом вопросе весьма терпима.

Бимбисара встал. Аудиенция закончилась.

Мы прошли сквозь благоухающий, серебриющийся воздух на веранде. На мгновение Раджагриха показалась мне родной.

Я женился в конце недели после жертвования коня. Обе церемонии состоялись поздней зимой, в прекрасный промежуток времени, схожий с ранней весной в Экбатане.

В отличие от женитьбы жертвование коня прошло не так успешно. Через год блуждавший жеребец умудрился убежать от республиканской федерации, как раньше от Кошалы. Говорили, что Варшакара в отчаянии пытался загнать коня на паром, который перевез бы его в Личчхави. Но в последний момент жеребец испугался и не переправился через Ганг.

С почти человеческой изощренностью он целый год не покидал пределов Магадхи. Для Бимбисары это был плохой знак. Но с другой стороны, коня не захватили враги, и то хорошо. В конце года его привели обратно в Раджагриху, чтобы после трех дней празднований принести в жертву.

Жертвование коня — это самое странное действие из всего мною виденного. Происхождение ритуала неясно. Все брахманы соглашаются, что он имеет арийские корни, по той простой причине, что, пока в эту часть мира не пришли с севера кочевники, лошадей здесь не знали. Но больше брахманы ни в чем не сходятся. Почти вся церемония выполняется на столь древнем языке, что сами брахманы, читающие священные гимны, не имеют представления, что значат произносимые ими слова. Тут они похожи на магов, следующих Лжи. Однако высокопоставленные брахманы при дворе расспрашивали меня о персидских жертвоприношениях, и я только смог рассказать, что в Персии коня приносят в жертву Солнцу лишь служители Лжи. Так что сам я знаю о происхождении наших обычаев не больше, чем индийцы о своих.

Для индийского монарха жертвование коня имеет огромное значение. Во-первых, оно символизирует возобновление его царствования. Во-вторых, если царь сможет расширить пределы своей державы, он прославится как великий царь, махараджа, — некоторые честолюбивые индийцы хотели приравнять этот титул к нашему «Великий Царь», но я тактично объяснил, что махараджа больше соответствует египетскому фараону или вавилонскому царю, тоже титулам Дария.

Жертвование коня состоялось на базарной площади внутри городских стен. В центре построили четырехэтажную золотую башню, перед ней квадратом расставили трис-



та флагов. Поскольку ветра не было, флаги вяло висели на древках.

Одурманенного и покорного жеребца привязали к одному деревку, а к остальным брахманы привязали по животному или птице. В этот день в жертву приносили лошадей, коров, гусей и даже разинувших рот дельфинов. Тем временем играла музыка, выступали жонглеры и акробаты. Казалось, на площади собралась вся Раджагриха.

Я, в окружении придворных, стоял в дверях башни. Царская семья готовилась к церемонии в башне.

Ровно в полдень царь со своими пятью женами вышел наружу. Все были в белом. Над площадью не раздавалось ни звука, только рвались привязанные животные, да бились птицы, и почти по-человечески хрипели дельфины.

Верховный жрец подвел к царю жеребца. Бимбисара обошел вокруг коня. Одна из жен умастила жеребцу бока маслом, а другая надела ему на шею венки. Рядом несколько брахманов выполняли свои роли — нечто вроде притворного бракосочетания, со множеством непристойных телодвижений. Языка их я не понимал.

На площади царило торжественное настроение. Обычно индийская толпа бывает шумной и оживленной, но в этот день люди, наверное, ощущали магию события, случаемся, как правило, не чаще раза в царствование, несмотря на древнее предание, что первый земной царь, отпраздновавший сто жертвований коня, свергнет бога Индру и займет на небесах его место.

Вряд ли есть что-нибудь скучнее, чем бесконечно долгая церемония, посвященная незнакомому богу или богам, проводимая к тому же на непонятном языке.

Но завершал эту игру весьма интригующий ритуал. Коня снова отвели туда, где он был привязан. Затем верховный жрец накрыл ему морду платком и потихоньку придушил. Жеребец со стуком упал в пыль и несколько минут дергал ногами в предсмертной агонии. Потом к телу подошла старая царица. Толпа затихла. Царица осторожно легла рядом с мертвым телом. Верховный жрец накрыл жеребца и старую царицу простыней.

Когда они скрылись под шелком, жрец громко и ясно произнес:

— Вы скрылись на небесах, вы оба! И да внесет свое семя плодотворный жеребец, производитель семени!

Я не сразу понял, что происходит. После ритуалов Иш-

тар в Вавилоне я думал, что ничто меня уже не удивит и не шокирует. Я ошибался. Под шелковым покровом старая царица, похоже, засовывала в себя половой член мертвого жеребца.

Ритуальный диалог был непонятен и непристойен. Начинаясь он душераздирающим воплем о помощи:

— О, мать моя, мать моя! Никто меня не берет! Бедный коник спит. Меня, малышку, одетую в листья и кору дерева пампила!

Верховный жрец кричал:

— Я возбуду продолжателя рода! И ты тоже должна возбуждать его!

Царица говорила мертвому жеребцу:

— Иди сюда, вложи свое семя в лоно той, что раздвинула для тебя свои бедра! О, символ мужественности, приведи в движение орган, который для женщин есть делатель жизни, который входит в них и выходит, быстро, во тьме, как тайный возлюбленный!

Под покрывалом велось судорожное копошение. Потом старая царица завывала:

— О, мать моя, мать моя! Никто меня не берет!

За этим последовала непристойная сцена с участием одной дамы и верховного жреца. Он указал на ее половой орган:

— Эта бедная курочка так возбуждена и голодна! Смотрите, как ей хочется, чтобы ее накормили.

Дама указала на половой орган жреца:

— Он болтается почти как твой язык. Молчи, жрец!

Тем временем царица не переставала выть:

— Мать моя, мать моя! Никто меня не берет!

Верховный жрец обменялся с каждой из царских жен загадочными непристойностями. Сам царь не проронил ни слова. Наконец то, что должно было случиться, случилось. Вероятно, старой царице удалось засунуть член жеребца себе во влагалище. Покрывало сдернули. Царские жены в унисон затянули гимн летучему небесному коню. Когда им принесли тазы, они в соответствии с ритуалом омыли руки и лицо и запели гимн воде. Затем всех животных, птиц и рыб зарезали и разожгли костер.

Старая царица села в кресло рядом с мертвым жеребцом и следила, как четверо брахманов его четвертуюют. Верховный жрец собственноручно зажарил кости. Когда зашипел костный мозг, царь Бимбисара вдохнул дым и тем самым

очистился от греха. Шестнадцать жрецов поджарили по порции конины, и, когда это было сделано, народ завопил. Теперь Бимбисара считался вселенским монархом.

Я слышал про всевозможные культы плодородия в диких районах Лидии и Фракии, но жертвование коня превосходит все своей необычностью и, если верить брахманам, древностью. Говорят, что сначала обряд являлся поручительством за плодovitость царя и его жен, но наверняка никто не знает и не узнает, потому что никто из ныне живущих не понимает всех тех слов, что брахманы разучивают и поют последние две тысячи лет. Могу лишь сказать, что смотреть на обряд страшно, словно все мы вернулись в первобытное время.

Празднества и танцы продолжались всю ночь. На рассвете царское семейство удалилось к себе в золотую башню. Как и большинство присутствовавших при жертвоприношении, я спал в открытом поле.

На следующий день мне сказали, что мне предстоит жениться на дочери принца Аджаташатру, и, как всегда, напомнили, что это большая честь. С одной стороны, как представителя Великого Царя меня причислили к классу воинов, но поскольку я все же не был Великим Царем, то не мог жениться на дочери Бимбисары. Тем не менее я оказался достоин взять в жены одну из двадцати трех дочерей Аджаташатру.

Сначала я испугался, что по какому-нибудь ведическому закону мне придется выкупить жену у ее семьи. Но оказалось совсем наоборот: по древнему ведическому закону мне же еще и заплатили, и весьма щедро, за то, что я беру в жены двенадцатилетнюю Амбалику, у которой, как солгал ее любящий папаша, еще не начались менструации. Индийцы считают эту деталь очень важной на том восхитительном основании, что, раз женщине дана такая свобода, ни одна достигшая брачного возраста девушка в таком климате и при таком дворе не может долго сохранять девственность.

Предварительные, очень официальные переговоры вели Варшакара, представлявший царскую семью, и Карака, представлявший мою особу, но окончательное соглашение было достигнуто между мной и Аджаташатру в очень дружеской, прямо-таки чарующей атмосфере, когда мы сидели в игорном доме «Пять Холмов», самом большом из многочисленных столичных заведений такого рода.

Индийцы — страстные игроки. И к тому же безрассудные. За один бросок костей или неугаданную цифру отда-

ются состояния. При царе Бимбисаре все игорные дома оказались под строгим надзором государства. Пять процентов ставок идет на поддержание игорного дома. Поскольку игрокам не разрешается пользоваться собственными костями, кости даются напрокат, и казна также получает от этого неплохой доход. А поскольку сами игорные дома никогда не проигрываются в пух — то ли кости залиты свинцом, то ли в ход идет другое тайное жульничество, а может быть, законы больших чисел покровительствуют игорным домам, — царский доход столь велик, что действительная его величина держится в строжайшей тайне. Разумеется, мое посольство не смогло в нее проникнуть.

Хотя сам царь Бимбисара питал отвращение к азартным играм и старался не поощрять их при дворе, наследник его был завсегдатаем «Пяти Холмов» — самого изысканного из столичных игорных заведений. Поговаривали, что Аджаташатру сам был владельцем этого игорного дома и напропалую обманывал правительство при дележе дохода.

Мой будущий тесть был всего на несколько лет старше меня. Мы и сначала прекрасно ладили, но потом, когда он решил меня очаровать, то стал просто бесподобен. Тем вечером в «Пяти Холмах» Аджаташатру прямо-таки излучал обаяние, он даже нарумянил соски, что придворные щеголи делают лишь по случаю праздника.

Взявшись за руки, мы вошли в главный зал — длинное узкое помещение с игорными столиками по обе стороны. У дальнего конца в занавешенном алькове стояли покрытые шелком диваны. Здесь принц мог расслабиться, невидимый для других, но все видя через несколько дырочек, проделанных в пыльной занавеске.

Я заметил, что, пока управляющий вел нас к алькову, никто из игроков не взглянул на принца.

— Видите, — шепнул мне Аджаташатру, тяжело дыша от благовоний, — я невидим.

Я решил, что здесь считается дурным тоном замечать принца, когда он отдыхает среди простого народа. Потом я узнал, что это было хуже, чем дурной тон: тому, кто посмеет взглянуть на принца, когда тот развлекается, грозила смерть.

Задернув занавески, мы развалились на диванах. Затем молоденькие девушки принесли нам в серебряных кувшинах крепкого вина. Одна была совсем девочка, что возбудило интерес принца. Разговаривая со мной, он поглаживал

ее, как маг ласкает собаку, важно рассуждая о правильном употреблении хаомы или сотворении мира.

— Вы принесете нам радость и удачу.

Принц улыбался. В отличие от Варшакары он сохранил белизну зубов, поскольку жевал какую-то косметическую смолу, вытягивающую все частички пищи. Я сидел совсем рядом и мог заметить, что все тело принца выбрито, все волоски выщипаны. Если бы не мускулистые предплечья и огромные лапы, я бы подумал, что сижу не с будущим тестем, а с будущей тещей.

— Вы оказали мне честь, которую не оценить золотом и серебром. Мой господин Великий Царь будет доволен.

— Мы должны пригласить его в Магадху. Конечно, не на свадьбу, — добавил Аджаташатру несколько поспешно.

Я всегда догадывался, что секретные службы в Раджагрихе более или менее в курсе персидских намерений, и все же верил, что мы достаточно осторожны в своей шпионской деятельности. Те пятеро, кому я поручил оценить магадханскую военную мощь, ничего не записывали. Каждый должен был запомнить одни и те же факты в расчете, что хотя бы один вернется в Сузы.

В отношении же торговых путей, изделий и сырья наша деятельность была совершенно открыта, и вскоре мы получили полное представление о замечательном богатстве этой страны. Большую часть доходов государство получало через пошлину, взимаемую с проходящих через Магадху караванов; в частности, очень прибыльной была знаменитая тропа с юго-востока на северо-запад — я говорю «тропа», потому что слово «дорога» просто неприменимо к Индии.

Государство имело монополию на производство тканей и оружия. Управляющему ткацкой фабрикой потребовалось три дня, чтобы показать мне все множество цехов, где пряжи и ткачихи работают от восхода до заката. Экспорт готовой хлопчатой ткани — главный источник дохода магадханских царей. Хотя мне не показали арсеналов, кое-кому из моей свиты удалось проникнуть в некоторые секреты. Насколько я узнал, выплавка железа шла на удивление неэффективно, но изготовление оружия и сельскохозяйственных орудий было налажено весьма ловко.

Одна группа рабочих отвечает за изготовление, скажем, деревянных черенков для мотыг, другая отливает железные части. Третья насаживает мотыгу на черенок, а четвертая ответственна за погрузку готовых изделий в фургоны.

И огромное количество мотыг может быть сделано и перевезено с удивительной быстротой.

К сожалению, в Сузах я не интересовался подобными вещами. Во-первых, персидская знать презирует торговлю, а во-вторых, как придворный, я не имел знакомых, стремящихся что-либо производить в больших количествах.

— Вы найдете мое дитя совершенным сокровищем. Она будет вам предана, как Сита Раме.

Избитая фраза.

— Она ваша дочь, и для меня этого достаточно.

— Из всех моих детей она мне ближе всех.

Из ярко накрашенных глаз покатались слезы. В действительности, как потом рассказала сама Амбалика, отец так и не удосужился узнать имя хоть какой-нибудь из своих дочерей. Интересовали его только сыновья.

— Я боялась его, — говорила потом Амбалика. — Мы все боялись. Он, по сути дела, никогда со мной не разговаривал до того, как объявил, что выдает меня за персидского вельможу. Когда я спросила, где это — Персия, он ответил, что не мое дело.

— Вы, конечно, захотите встретиться с дедушкой моей дочурки, моим дорогим принцем Джетой. Он также родственник моему нежно любимому дяде — царю Кошалы. Наша семья живет в полном согласии и любви, и я всегда говорю, что разделяет нас лишь Ганг. И известная вам федерация, — добавил он, и лицо его вдруг сморщилось от плача. — Ох, мой драгоценный, вы должны дать мне мудрейший совет.

Огромная лапа на мгновение накрыла мою руку, пальцы принца горели. Пальмовое вино здорово разогревает тело и путает мысли.

— Мы сильнее. Но они хитрее. Они беспокоят нас на границах. Они просачиваются в религиозные секты. В джайнистских и буддийских монастырях полно республиканских агентов. Но поскольку мой отец — да живет он вечно! — сам предан Будде, мы ничего не можем поделать. Хуже того, за последний год республиканцы проникли в гильдии. В настоящий момент они контролируют совет гончарной гильдии здесь, в Раджагрихе. В совете ткачей у них тоже два республикански настроенных члена. И хуже всего, старшина гильдии сапожников — явный республиканец. Нас постепенно разъедают изнутри. О, мой драгоценный друг, что же нам делать?

— Очистить гильдии, достойный принц. Изгнать республиканцев.

— Но, драгоценнейший, вы не знаете нашего маленького мирка. Наши гильдии почти так же стары и почитаемы, как и монархия. Очистить их... Лично я разорвал бы их на куски. У моего отца такое же желание, разумеется тайное. Но они слишком могущественны. И слишком богаты. Они ссужают деньги под сумасшедшие проценты. У них собственное ополчение...

— Но это опасно, достойный принц. Только монарх должен иметь власть набирать войска.

Я был потрясен, узнав, что магадханские гильдии не только контролируют деловую жизнь страны, но, поскольку рабочие каждой профессии живут вместе в определенном квартале, они образуют крохотные государства со своим судом, казной, войсками.

— Учтите, мы до определенной степени контролируем гильдии. В военное время ополчение гильдий автоматически становится частью царского войска. Но сейчас нет никакой войны...

— И они практически независимы?

— Почти. Конечно, гильдии приносят нам пользу. Никакой царь, никакие секретные службы не смогут контролировать такое большое население, как наше. А гильдии поддерживают порядок. К тому же, когда дело касается цен, они обычно лучше нас знают требования рынка.

— Но как вы их контролируете? Если бы я был... скажем, старшиной сапожников, я бы постарался установить цену за пару туфель как можно выше. Я бы удвоил цену, а людям пришлось бы все равно покупать, потому что только моей гильдии позволено делать и продавать туфли.

Принц несколько слашаво улыбнулся. Начинало сказываться выпитое.

— Во-первых, только мы имеем власть казнить и милловать. Мы редко пользуемся ею против гильдий, но она никуда не исчезает, и они знают об этом. Практически наша власть основывается на том, что мы контролируем все сырье. Мы покупаем дешево и продаем с малой выгодой. Например, коров режут в определенное время года. Тогда мы скупаем шкуры и храним на складах. И когда кожи не хватает, продаем гильдиям по приемлемым ценам. Если сапожники пытаются взвинтить цены на свою обувь, мы придерживаем шкуры, пока гильдия не образумится.

Нигде в мире я не видел столь тонкой и сбалансированной монархической системы, способной с минимальным принуждением получать максимальный доход.

— Вы пойдете войной на федерацию? — Я до того напился, что задал принцу вопрос, державший в напряжении всю Индию.

Аджаташатру развел руки ладонями вверх. Кончики его пальцев были выкрашены красным.

— Война — всегда самое последнее дело. Обернись, однако, жертвование коня иначе, у нас был бы хотя бы знак небес, что пора сражаться за выживание. А так... Не знаю, мой драгоценный.

Принц ласкал лежащую у него на коленях девочку лет девяти-десяти. У нее были огромные внимательные глаза. Я заключил, что она агент секретной службы. В Магадхе их вербуют с детства, особенно среди бездомных сирот.

Если девочка и была агентом, она в ту ночь ничего не узнала. Принц, как всегда, соблюдал осторожность. Хотя я не раз видел его напившимся до потери сознания, но ни разу не слышал от него ничего такого, чего бы он не хотел объявить всему миру. От вина принц становился слезливым, сентиментальным и сбивчивым. Его «драгоценнейший» следовали подобно греческим фалангам. Одной горячей рукой он сжимал мою, другой влюбленно обнимал за плечи. Той ночью я был затискан, заласкан, тысячи раз назван «драгоценнейшим» и в какой-то степени принят в члены магадхской царской семьи, отделенной от своих родственников в Кошале лишь Гангом... и зловредной федерацией республик. В ту ночь в игорном доме «Пять Холмов» у меня сложилось впечатление, что решение о войне уже принято.

— Вы знаете, в мире нет воина, равного моему отцу, — рыдал от вина Аджаташатру. — Даже Кир Великий не сравнится с ним. Поверьте, Бимбисара был великим царем и до жертвования коня. Ведь это он покорил народ Анги, что дало нам порт Чампа, господствующий над путем вниз по Гангу до моря, а это дорога в Китай. Да, это Бимбисара создал мощнейшую в мире державу. Это он построил тысячу тысяч дорог и тысячу тысяч гатей через болота. Это он...

Я бросил слушать. Когда индийцы начинают называть числа, остановиться уже не могут. Бимбисара действительно проложил множество пыльных троп, которые дожди превращают в жижу, но не мог прилично содержать даже великий караванный путь из Чампы в Таксилу. К тому же дово-



льно любопытно: нигде в Индии нет никаких мостов. Вам будут говорить, что мосты бесполезны из-за сезонных наводнений, но, по-моему, индийцы просто не способны связать два берега даже вереницей плотов. Конечно, одну из самых влиятельных гильдий в Магадхе создали паромщики, а, как говорят индийцы, ни одна гильдия не уничтожит себя сама.

Позднее тем же вечером, когда принц заснул, мы с Караккой немного поиграли в кости. Но я, как только начал проигрывать, сразу бросил игру, Карака же не мог остановиться. В конце концов я приказал ему уйти. До того я не понимал, до какой степени желание играть сводит людей с ума. Это вроде хаомы или половой страсти. Но хаома и половое чувство со временем слабеют, а потребность играть нет.

Должен сказать, меня восхитило, как Бимбисара сумел столь безболезненно извлечь из человеческих пагубных привычек такой доход. Одно время мы тоже пробовали устроить в Сузах игорный дом. Но персы не игроки — потому что не торговцы? И туда ходили только греки, а поскольку греки неизменно проигрывали больше, чем могли заплатить, заведение пришлось закрыть.

## 7

Убедившись в схожести всех людей, я понял и различия между разными расами. Индийцы — игроки, персы — нет. Ведические боги Индии — демоны для зороастрийцев. Почему одни думают, что космос — это единственное и единое существо, а другие верят, что это множество разных вещей? Или много вещей в одной? Или вообще ничего. Кто или что создали космос? Существует он или нет? Существовал ли я, пока не задал этот вопрос Демокриту? Существоваю ли я сейчас? Существовал ли я в иной форме до своего рождения? Буду ли я рожден еще в каком-нибудь виде? Если бы в мире не было людей, чтобы смотреть на солнечные часы, то существовало бы время?

Обсуждение того, что мы называем первоэлементами, доставило принцу Джете еще больше удовольствия, чем мне. Он приехал в Магадху из Кошалы на свадьбу своей внучки. При первой встрече он пригласил меня к себе в загородный дом в северном пригороде Раджагрихи. Мне было сказано прийти в полдень и не беспокоиться о жаре — обычно в это время года в гости ходят к вечеру.

— В полдень, — сказал принц, — вам будет так же прохладно, как в снежной стране.

Это такое старомодное выражение, оно восходит еще к первым ариям. Сомневаюсь, что хотя бы дюжина магадханских придворных когда-нибудь видела снег.

Мы с Каракой ехали в затененном фургоне, запряженном волами. Карака только что вернулся с осмотра железных рудников на юге страны и был под впечатлением от их размеров.

Возница наш был шпионом и понимал по-персидски, и мы говорили загадочными фразами. Как мы узнавали, кто говорит по-персидски, а кто нет? Во-первых, те, кто знаком с персидским, с северо-запада, из Гандхары или из долины Инда, а жители северо-запада выше и светлее магадханцев. Кроме того, у них, как и у нас, трудности с местным диалектом. Варшакара оказал мне честь, привезя с северо-запада несколько дюжин шпионов специально для нашего посольства.

Владения принца Джеты окружала стена из необожженного кирпича с единственным входом — деревянными воротами прямо у главной дороги. Ни стена, ни ворота не представляли собой ничего особенного, внутри же мы ожидали увидеть нечто вроде штаб-квартиры гильдии мельников. Но то, что мы увидели внутри, потрясло даже настроенного против ариев Караку.

В конце длинной цветущей аллеи находился искусно сделанный павильон, его полукруглые окна затенялись бледно-голубыми занавесями из материи, на ощупь напоминавшей шелк, но оказавшейся какой-то новой разновидностью хлопчатой ткани.

Аромат цветов и трав менялся от одного участка сада к другому. Местность между Гангом и Раджагрихой совершенно равнинная, но принц Джета нарушил монотонность пейзажа, велел насыпать множество холмиков и миниатюрных горок. Склоны искусственных холмов были покрыты цветочными клумбами и низкорослыми деревцами, а крошечные горы напоминали седые Гималаи в миниатюре. Зрелище удивительно прекрасное.

Внутри павильона царил полумрак и, как было обещано, прохлада. Воздух периодически охлаждался водяными брызгами с намоченных веток из-за окон. В конце концов одному члену моего посольства удалось разгадать гидравлический принцип, на котором основывалась эта система охлаждения, и впоследствии он был использован в новых са-

дах в Вавилоне. Но новшества в этом городе не прививаются, и новую систему охлаждения вскоре забросили. Все новое, сделанное после новатора Навуходоносора, считается непочтительностью к богам. Думаю, не ошибусь, сказав, что вавилоняне — самый консервативный народ на земле.

Принц Джета был не молод и не стар. Кожа его казалась светлее, чем у магадханцев его возраста, а над глазами были необычные складки, характерные для гималайских горцев и жителей Китая. Для знатного индийца в летнее время принц Джета двигался на удивление проворно, — без сомнения, давала себя знать прохлада от проточной воды, тенистых деревьев и магических крутящихся вееров.

Принц Джета чинно поздоровался с нами, высказал свою радость, что я женюсь на его внучке, которая, по общему признанию, легконога, как газель, плодovitа, как свежий латук, и так далее. Мне понравилось, что он не притворялся, будто знает девочку.

Когда церемонии закончились, нам был дан легкий, но изысканный обед.

— Я не ем мяса, — сказал принц, — но вы, если хотите, можете себе позволить.

— Нет, нет, — с облегчением ответил я: в жаркий день от сочетания мяса и ги я тупел, как объевшийся брахман.

Я спросил нашего хозяина, не по религиозным ли соображениям он воздерживается от мяса.

— Я хочу истинного просветления. — Принц Джета сделал изящный оправдывающийся жест. — Но мне его не достичь. Я, по мере сил, соблюдаю заповеди, но сил у меня не много. И до нирваны мне далеко.

— Возможно, Мудрый Господь приравняет ваши желания к деяниям и позволит перейти по мосту искупления в рай.

Сам не знаю, что меня дернуло бестактно заговорить о религии в доме человека, близкого с Буддой. Хотя меня и учили, что из всех религий только наша истинна и нести ее следует всем людям независимо от того, нравится это им или их демонам или нет, но я был придворным и, что еще важнее, послом. Дарий весьма недвусмысленно наказал мне не отвергать чужих богов и не направлять Мудрого Господа против иноземцев.

Но принц Джета вполне дружелюбно воспринял мои слова:

— Со стороны Мудрого Господа в самом деле было бы

весьма любезно помочь столь недостойному перейти в его...  
гм, рай.

Вообще-то понятие рая как мира праотцов для индоариев довольно туманно и совершенно непонятно, в частности, для тех, кто заменил своих ведических богов концепцией долгого чередования смертей и рождений, которое заканчивается, когда остановится цикл мироздания, чтобы начаться вновь, или когда на тебя снизойдет просветление.

Я решил больше не говорить о Мудром Господе и с сожалением отметил, что принц Джета тоже. Он завел речь о Будде:

— Вы встретитесь с ним во время визита в Кошалу, и мое сердце будет разбито, если нам будет отказано в вашем — как бы это сказать? — в вашем лучезарном присутствии в Шравастии не только как посланца Великого Царя, но, что важнее, как внука Зороастра.

Как все индийцы, принц Джета умел плести венки из цветистых фраз. Как все персидские придворные, я тоже. Но после обеда мы дали цветам увянуть и перешли к более насущным вопросам.

— Прогуляемся, — предложил принц, беря меня под руку.

Он привел меня к искусственному озеру, столь искусно обсаженному камышом и лотосами, что его можно было принять за удивительно удачное творение природы. Благодаря некоторой хитрости с перспективой, озеро, уходя дальним краем к горной гряде, казалось очень широким и глубоким.

У воды принц Джета снял верхнюю одежду.

— Вы плаваете? — спросил он.

— Это одна из первых вещей, чему нас учат.

В действительности я так толком и не научился плавать. Но мне удалось не отстать от принца, пока тот аккуратными гребками плыл по мелководью к миниатюрной горной гряде. Под ногами металась какие-то рыбы ярких цветов, а издали на нас взирали фламинго. Все это в самом деле напоминало рай.

Когда мы оказались в нескольких футах от искусственного утеса, принц Джета сказал:

— Теперь зажмите нос и ныряйте под скалу, — и через мгновение, как чайка, бросающаяся за рыбой, исчез под водой.

Я не умел нырять, но погрузил голову и начал изо всех

сил дрыгать ногами. Когда, по моим расчетам, я достаточно ушел под воду, то впервые в жизни открыл под водой глаза и был очарован яркими рыбами, колышущимися зелеными водорослями, стремящимися к поверхности стеблями лотосов. Почувствовав, что сейчас задохнусь, я вдруг увидел вход в пещеру. Из последних сил дрыгнув ногами, я втокнул себя туда и вылетел на поверхность.

Принц Джета помог мне выбраться из воды. На песке там и сям были расставлены кресла, столы, диваны. Кроме белого песка, все было голубым, и все в пещере сияло ярким голубым светом, словно под водой горел огонь. Этот природный эффект создавали несколько маленьких окошек, прорубленных у самой поверхности воды. Хотя вода и воздух проникали в пещеру, заглянуть внутрь не мог никто.

— Нас и подслушать не могут, — сказал мой хозяин, усаживаясь на диване. — Это единственное место в Магадхе, где Варшакара нас не услышит.

— Это вы построили пещеру?

— И гору тоже. И озеро. И парк. Конечно, я тогда был молод. Не соблюдал заповедей и был привержен всем удовольствиям этого мира, а такая приверженность есть причина боли, не так ли?

— Но без сомнения, приносит больше радости. Взгляните на ваше чудесное творение...

— ...За которое мне придется расплатиться в своем следующем воплощении, когда я буду бездомной собакой.

Принц Джета, как воистину высокороденный, говорил так невозмутимо и безмятежно, что я не мог понять, хранит ли он серьезность или шутит.

Принц, однако, умел быть и прямым.

— Насколько я понимаю, вы заключили договор с моим родственником Бимбисарой.

— Да, мы провели некоторые переговоры. Насчет железа для Персии в обмен на золото. О цене мы не договаривались. Я должен вернуться в Сузы, прежде чем сообщу окончательное решение Великого Царя.

— Понятно. А когда вы отправляетесь в Кошалу?

— Понятия не имею.

— Я здесь не только ради вашей свадьбы с моей внучкой, я от имени царя Пасенади уполномочен пригласить вас как можно скорее посетить его двор.

Выдержав дипломатическую паузу, я спросил о причине подобной спешки:

- Вы считаете, будет война?
- Да. Скоро. Войска уже поднимаются по реке.
- Для вторжения в федерацию?
- Да...

Глаза принца стали синими, как подземный бассейн. В действительности при нормальном освещении они были, как я обычно называю, гималайского цвета — цвета серых теней, свойственного природе только в этой высокогорной части света.

— Какова будет позиция Кошалы?

— А какова будет позиция Персии?

Я не был готов к такой прямоте.

— От Таксилы до Магадхи тысячи миль.

— Мы слышали, что войско Великого Царя передвигается быстро.

— Тогда вы должны знать, что войско Великого Царя занято на западе с греками, это...

Я счел излишним объяснять такому культурному человеку, кто такие греки. Если ему нужно было знать, кто это, он уже узнал. Как потом оказалось, принц Джета вообще ничего не знал о Европе.

— Другая часть войска — на северных границах, — сказал я. — Сражается с кочевниками.

— С нашей родней, — улыбнулся принц.

— В тридцатом или сороковом колене. Но каковы бы ни были наши древние узы, сейчас они реальные враги.

— Да, конечно. Но несомненно, у Великого Царя есть войска в его сатрапии на реке Инд.

— Только для обороны. Он никогда не пошлет их в Магадху.

— Вы уверены?

— Великий Царь владеет долиной Инда на протяжении менее одного поколения. Без персидского гарнизона...

— Понимаю. — Принц вздохнул: — Я надеялся...

Он сделал изящный и неопределенный жест, но я еще не научился понимать язык жестов, как говорят индийцы. В самых тонких вопросах они прибегают к жестам — эта форма общения восходит к первобытным танцам.

— Как вам понравился мой зять?

— О, весьма. Он кажется очень изысканным и... сентиментальным.

— Он определенно сентиментален. Однажды он неделю проплакал над смертью своей птички.

— Но распорядитель двора не заплачет! — сказал я и подумал: «Теперь проверим, проникла ли магадханская секретная служба в этот грот принца Джеты».

— Да. Это жесткий человек. Он мечтает о захвате Варанаси. И падении Кошалы.

— И это его единственная мечта?

— Пасенади — святой человек. Ему нет дела до этого мира. Он архат. Это значит, он близок к просветлению, окончательно исчезновению, слиянию с миром.

— И поэтому его страна также близка к исчезновению и слиянию, хотя и не к просветлению?

Принц Джета пожал плечами:

— Почему царства должны отличаться от царей? Они рождаются. Живут. Умирают.

— Почему же вас волнует, что Кошала напоминает тело человека месяца через три после смерти?

— О да, волнует. Из-за сангхи.

Слово «сангха» обозначает секту или общину буддистов. Но слово «сангха» и это понятие появились за века или даже за тысячелетия до Будды. В индийских республиках сангхой называют совет глав родов. В некоторых республиках каждый член совета называет себя раджей или царем — очень милое нарушение главного монархического принципа: если все цари — царя нет. В те дни ни в одной республике не было настоящего правителя.

Поскольку сам Будда был сыном члена совета в республике Шакья, его часто называли принцем. Но его отец был всего лишь одним из сотен так называемых царей, которые собирались для совместного управления республикой. Но в то время как в республиканской сангхе решение принимает половина ее членов плюс один, буддийская сангха не может принять никакого решения, если хоть кто-то возражает. Когда Будда окончательно угас, это правило причинило секте немало бед.

— Вы боитесь царя Бимбисары?

— Нет. Это наш друг.

— Варшакары?

Принц Джета начертил на белом — нет, голубом — песке звезду.

— Это типичный распорядитель царского двора. Ему представляется опасной любая секта.

— Республик?

— Именно. И поскольку Бимбисара стар, а Варшакара

молод, то разумно предполагать худшее. — Принц Джета рассмеялся: — Знаете, почему я не могу стать настоящим буддистом? Я должен одновременно заниматься политикой и соблюдать заповеди.

— И какие же заповеди вы *не* соблюдаете?

В те дни я придавал большое значение словам. К тому же тысяча и одна религия в Индии повергли меня в полное замешательство. Индийцы признавали все, а это то же самое, что не признавать ничего. Когда я разжигал священный огонь в затененном месте, ко мне подходили любопытные брахманы. Они были неизменно вежливы и задавали вопросы, но никогда не приходили снова. Ума не приложу, как моему деду удалось бы их обратить.

— Я слишком связан с этим миром, — сказал принц Джета.

Он бросил камешек в сияющий голубизной бассейн у наших ног, и через мгновение к нам выплыла стайка дельфинов. Но когда дельфины вынырнули, то оказались молодыми девушками. Каждая держала завернутый в водонепроницаемую шкуру музыкальный инструмент.

— Я подумал, вам захочется послушать музыку. Я так спроектировал гору и грот, чтобы музыка звучала здесь наилучшим образом. Боюсь, я недостаточно практикуюсь во всех шестидесяти четырех искусствах, но музыка — единственное искусство, которое считаю близким к...

Он мудро не стал ни с чем сравнивать то, что считал несравненным.

Не скажу, что концерт мне понравился так же, как голубой свет над водой, от которого все предметы становятся бестелесными, как от хаомы.

Теперь я гадаю, не было ли все это подстроено намеренно. Но многое из того, что принц Джета рассказал тогда о Будде, запало мне в память. Может быть, освещение в сочетании с музыкой каким-то образом вызывает такие же видения, как хаома или демоническая сома? Ответить мог бы только принц Джета, но он уже давно сменил тело, что сидело рядом со мной, на... На что? На тело младшего индийского божества, имеющее по меньшей мере две руки и почти вечное блаженство перед окончательным ничем.

Пока играла музыка, принц Джета описал мне четыре буддийские благородные истины:

— Первая истина — жизнь есть страдание. Если ты не получаешь желаемое, то страдаешь. Если получаешь — тоже



страдаешь. Между получением и неполучением человеческая жизнь подобна потрескивающему огню. Ведь вы согласны?

— Да, принц Джета.

Я всегда говорю «да», чтобы узнать побольше. Настоящий угреверт — вроде Протагора или Сократа — захотел бы выяснить, что такое страдание. Страдание от получения. Страдание от неполучения. Если этим расщепителям волос дать достаточно острый нож, сам факт человеческой жизни окажется иссечен в ничто. Я считаю это пустой тратой времени. В голубой пещере под искусственной горой мне хотелось поверить хотя бы на мгновение, что жизнь — это потрескивающий огонь.

— Мы привыкли восхищаться пятью чувствами. Определенно мы стремимся избегать боли и страдания. Что причиняет их? Чувства, которые только добавляют масла в огонь, заставляя его ярче пылать. И вторая истина заключается в том, что стремление к удовольствию или, еще хуже, желание его сохранения в мире, где все течет, делает огонь только жарче, и это значит, что, когда он погаснет — а он погаснет, — боль и сожаление станут лишь сильнее. Ведь вы согласны?

— Да, принц Джета.

— Значит, ясно, что страдания не прекратятся, пока питаешь огонь. Ведь вы согласны, что во избежание страданий нужно прекратить подбрасывать в огонь топливо?

— Да, принц Джета.

— Хорошо. Это третья истина. Четвертая истина учит, как загасить огонь. Это достигается отказом от желаний.

Он замолк. Какое-то время я слушал музыку, и она показалась мне странно притягательной. Я говорю «странно», потому что тогда еще не привык к индийской музыке. Но все вокруг было столь чарующим, что все доставляло мне удовольствие, и я больше чем когда-либо отрешился от четырех буддийских истин! Я совершенно отделился, освободился от внешнего мира, и гаснуть совершенно не хотелось.

Внезапно до меня дошло, что четвертая истина принца Джеты — не что иное, как правда некоторых афинян, и даже абдерцев. Я повернулся к моему хозяину. Он улыбался. Он ответил на мой вопрос раньше, чем я успел задать его:

— Чтобы задуть пламя, несущее боль существования, нужно идти извилистым путем с восьмью поворотами. Это четвертая высокая истина.

Рано или поздно индийцы начинают называть цифры. Поскольку они слабы в математике, я всегда снижал называемые мне числа, как, например, тридцать миллионов миллионов миллионов раз, умноженных на число песчинок на дне Ганга.

— Восемь? — Я постарался казаться заинтересованным. — Но я думал, истин всего четыре.

— Четвертая истина требует следовать восьми изгибам пути.

— Но что же это за путь, принц Джета?

Меня отвлекла одна из флейтисток. Она то ли сфальшивила, то ли специально вывела нечто такое, чего я еще не слышал.

— Должен тебе рассказать, Демокрит, что включает в себя путь с восьмью изгибами. Первое — правильные воззрения. Второе — правильные цели и намерения. Третье — правильные речи. Четвертое — правильные поступки. Пятое — правильный образ жизни. Шестое — правильные усилия. Седьмое — правильная занятость ума. Восьмое — правильная сосредоточенность.

К концу перечисления принц Джета понял, что мне скучно.

— Все это может показаться вам очевидным...

— Нет, нет! — Я был вежлив. — Но все это так общо, ничего конкретного. Например, Мудрый Господь очень четко объяснил моему деду, как следует правильно приносить в жертву быка.

— Будда приносит в жертву не животных, а животное в себе.

— Понимаю. Но что такое конкретно... ну, например, правильный образ жизни?

— Есть пять моральных принципов.

— Четыре высокие истины, восемь изгибов, пять моральных принципов... По крайней мере, Будда не оперирует такими огромными числами, как Махавира.

Это с моей стороны было очень грубо. Но принц Джета не рассердился.

— Мы находим взгляды Махавиры близкими к нашим, — сказал он мягко. — Но Махавира всего лишь переправщик. А Будда уже переправился. Он просветленный. Он совершенный. Он не существует.

— Если не считать, что сейчас он живет в Шравасти.

— Там его тело. Но самого его там нет.

Раз уж ты хочешь знать, Демокрит, что это за пять моральных принципов, я перечислю их. Сфальшивившая флейтистка запечатлела в моей памяти каждое слово принца. Вот эти правила: не убивай, не кради, не лги, не пей, не предавайся похоти.

Я переспросил о последнем правиле:

— Что же ждет человеческую расу, если все в самом деле начнут соблюдать эти пять правил?

— Человеческая раса прекратит свое существование, а в глазах Будды это и есть совершенство.

— Несмотря на то, что исчезнет и буддийское учение?

— Цель учения — погасить себя. К несчастью, только крохотная часть человечества вовлечена в секту и из них лишь бесконечное малое число за тысячи лет достигнет просветления. Вам нечего бояться, Кир Спитама, — пошутил принц Джета. — До конца нынешнего цикла человеческая раса будет пребывать на земле.

— Но какой же смысл в религии, которая обращается лишь к нескольким людям? И из этих нескольких, как вы только что сказали, почти никто не достигнет окончательного состояния нирваны?

— Будда не интересуется религией. Он просто помогает тем, кто на берегу. Он покажет им паром. Достигнув другого берега, они обнаружат, что нет ни реки, ни парома, ни даже двух берегов.

— И Будды тоже?

— И Будды тоже. Огонь погаснет, сон об их существовании будет забыт, а просветленный проснется.

— Где?

— Я не просветленный. Я слишком связан с этим берегом.

Вот что я запомнил об этом чарующем, хотя и странном дне в гроте принца Джеты. Позднее, когда я увиделся и поговорил с Буддой, мне стало яснее его учение, которое по сути своей даже и не учение.

Демокрит говорит, что видит сходство между буддийскими и пифагорейскими истинами. Я не вижу. Пифагор, Госала и Махавира верили в переселение душ из рыбы в дерево, потом в человека или во что-нибудь еще. Но Будду не интересовало переселение душ, потому что в конечном счете он не верил в существование вообще. Нас здесь нет, говорил он. И там тоже нет. Нам только кажется, что горит огонь.

И все-таки человек существует... Не вызывает ни малейшего сомнения, что я слепой старик, сидящий в холодном, продуваемом сквозняками афинском доме, и почти оглох от шума стройки, которую ведут сзади нас. Без сомнения — по крайней мере у меня нет сомнений, — я обсуждаю старые времена со своим молодым родственником из Абдеры. Следовательно, я существую, хотя и с трудом — больше золы, чем огня.

Для Будды идея существования представлялась чем-то очень болезненным. Как прав он был! — исчезнуть, избавившись от всех желаний, включая и желание избавиться от всех желаний. Очевидно, не многим это удастся — даже за вечность. Но я убежден, что следующие по пути, указанному Буддой, лучше подготовлены к этому миру, чем остальные.

Странно. Никогда не думал, что приду к такой точке зрения. И принц Джета не думал.

— Все, о чем я говорил, не имеет значения, — проговорил он, готовясь покинуть светящуюся пещеру.

— Потому что целью природы является саньята, — сказал я, к его удивлению и к собственной гордости, что оказался таким умным. — А саньята — это ничто, которое и есть ваш мир, потому что круг, означающий ничто, сам все же существует.

Принц Джета на мгновение замер у бассейна. Лучи, отраженные от голубой воды, зайчиками играли у него на лице, как светящиеся паутинки.

— Вам надо встретиться с Татхагатой, — сказал он тихо, словно не хотел, чтобы даже вода услышала его.

— Кто это?

— Это другое имя Будды. Тайное имя. «Татхагата» означает: «Тот, кто пришел и ушел».

И с этими словами принц Джета нырнул в воду. Я неуклюже бултыхнулся за ним.

Годы спустя я узнал, что некий агент магадханской секретной службы старательно запомнил каждое слово, произнесенное в гроте под горой. Каким-то образом Варшакаре удалось проделать отверстие в горе... К счастью, принц Джета был слишком важной персоной, чтобы его арестовать, а посол Великого Царя — личность неприкосновенная.

Путь обратно в Раджагриху был невыносим. На пыльной дороге толклись люди, телеги, отряды солдат, верблюды,

слоны. Каждый стремился попасть в город, пока солнце не село и ворота не заперли.

Должен сказать, я так и не смог привыкнуть к манере индийцев облегчаться прямо на людях. Нельзя пройти и пары шагов, не увидев дюжину мужчин и женщин, восседающих на корточках у обочины дороги. И самые зловредные — джайны и буддисты. Монахи могут есть лишь то, что получили как милостыню, а им в миску часто кладут гнилье, порой специально. А если пища в миске, ее приходится есть. В результате этой лютой диеты многие монахи страдают всевозможными желудочными расстройствами — на глазах у всех.

Я увидел, пожалуй, дюжину буддийских монахов. Каждый был в еле держащемся на нем рванье и держал миску для подаяний. Ни на ком не было желтых одежд, по которым узнают нынче представителей этой секты: в те времена большинство ревностных буддистов еще жили в пустыне, вдали от искушений. Но в конце концов отшельническая жизнь пришла в противоречие с необходимостью записывать и передавать сутры своей секты — слова, когда-либо произнесенные Буддой. Постепенно мужчины и женщины, приверженные Будде, образовали общины. Даже к концу моего первого посещения Индии секта уже насчитывала гораздо меньше странников-бродяг, чем в начале.

Первые ученики странствовали вместе с Буддой. Он, за исключением сезона дождей, всегда переходил с места на место. В поздние годы он стал ходить по кругу, всегда возвращаясь в Шравасту, где пережил дожди в парке, переданном секте принцем Джетой, а не местным купцом Анахтапиндикой, который часто заявлял, что заплатил принцу Джете за парк огромную сумму. Поскольку принц всегда старался избежать похвал и славословий в свой адрес, Анахтапиндику теперь превозносят как самого щедрого покровителя Будды. Я не видел человека благороднее принца Джеты.

Когда дожди кончались, Будда иногда возвращался в родную Шакью у подножия Гималаев. Потом он шел на юг через республики, заходя в города Кушинару и Вайшали. Потом он переправлялся через Ганг в порт Паталипутра и шел на юг до Раджагрихи, где в бамбуковой роще сразу за городской стеной проводил не меньше месяца. Он всегда спал под деревом. Будда предпочитал выпрашивать пропитание в деревнях, а не на шумных улицах Раджагрихи. Во время знойного сезона он медитировал под деревом, и все-

возможный люд сходился туда посмотреть на него, в том числе и сам царь Бимбисара.

Должен заметить, что в Индии святой, сидящий на корточках под деревом, — самое обычное дело. Многие прославились, пребывая в такой позе годами. Поливаемые дождем, палимые солнцем, обдуваемые ветрами, они живут на подавание. Одни никогда не говорят, другие никогда не молчат.

Из Раджагрихи Будда шел в Варанаси. Здесь его всегда встречали, как героя-победителя. Тысячи любопытных сопровождали его в Олений парк, где он впервые привел в движение колесо своего учения. Из-за скоплений народа он редко задерживался в Оленьем парке. С первыми лучами солнца он покидал Варанаси и направлялся в северо-западные города Каушамби и Матхура, а затем, перед самым сезоном дождей, возвращался в Шравастии.

Будду почитали все, в том числе и брахманы, которые могли бы считать его угрозой своему престижу. В конце концов, он принадлежал к касте воинов. Но он был больше чем воин, больше чем брахман. Он был Золотой. И брахманы боялись его, потому что он не был ни на кого похож. Но, строго говоря, он и был никем. Он пришел и ушел.

## 8

Заплатив мне приданое, Аджаташатру сказал:

— Теперь вы должны купить себе дом. Он должен быть не слишком большой и не слишком маленький. Он должен находиться на полпути из моего дома в царский дворец. Он должен иметь дворик, а во дворике колодец с чистой водой. Там также должно расти десять видов цветущих кустов. Меж двух деревьев должны висеть качели, чтобы двое могли бок о бок качаться на них много-много счастливых лет. В спальне должна быть широкая кровать с шелковым балдахином. Там еще должен быть диван рядом с окном, выходящим на дерево в цвету. — Перечислив все, что должно быть у меня в доме, он выгнул дугами брови и спросил: — Но где, где найти такой прекрасный дом? Мой драгоценный, мы должны сейчас же отправиться на поиски, нельзя терять ни минуты!

Не стоит и говорить, Аджаташатру уже подыскал нам идеальный дом. По сути дела, это был его дом, и все кончилось тем, что я вернул тестю половину приданого, чтобы

купить у него довольно милый, хотя и ветхий особняк, к тому же стоящий на шумной улице.

К моему удивлению, перед свадьбой никто не пытался обратить меня к поклонению демонам. От меня потребовалось лишь исполнить роль жениха в древнем арийском обряде, чем-то схожем с нашим. Как и в Персии, религиозную часть ритуала выполняют представители жреческой касты, а значит, не обязательно следить за тем, что они говорят и делают.

К вечеру я прибыл в длинный и низкий деревянный дом Аджаташатру. У входа меня дружелюбным гомоном встретила толпа народа. От меня веяло роскошью. Несмотря на жару, на меня надели златотканую накидку и тюрбан, который слуга наматывал и прилаживал целый час. Личный царский цирюльник подвел мне глаза черным и покрыл губы лаком. Затем он расписал мне тело светлой пастой из сандалового дерева, превратив грудь в листья и ветви, а ствол деликатно опускаться по животу к половым органам, раскрашенным на манер корней. Две блестящие змеи, обвиняя каждую ногу, спускались к коленям. Да, цирюльник был дравид и не избежал влияния доарийской культуры. В жару индийские щеголи часто покрывают себя сандаловой пастой — это якобы предохраняет от жары. Ничуть не бывало! Потеешь, как лошадь, но пот, по крайней мере, пахнет экзотическими благовониями.

Меня сопровождал Карака со всей моей многочисленной свитой. К тому времени все уже переоделись в индийский наряд. Погода взяла верх над патриотизмом.

В дверях дворца нас приветствовали Аджаташатру и Варшакара. Они были разодеты еще пышнее меня. На Варшакаре сияли бирманские рубины цвета его зубов, а наследник трона разукрасил себя, как сказали бы индийцы, тысячей тысяч алмазов. Алмазная нитка висела на шее, алмазы покрывали пальцы, спадали каскадами с ушей, обвиняли огромное пузо.

По древнему обычаю, Аджаташатру предложил мне мед и кислое молоко в серебряной чаше. Когда я выпил этой приторной смеси, меня провели в центральный двор, где был натянут ярко расцвеченный шатер. В дальнем конце шатра, пока еще невидимая мне, сидела со своей матерью, тетками и служанками моя невеста. На нашей стороне расположилась мужская часть царской семьи во главе с самим Бимбисарой, который величаво и приветливо поздоровался со мной:

— Этот день увидит соединение ариев далекой Персии с ариями Магадхи!

— Ты отражаешь, о владыка, как и Великий Царь, истинный свет ариев, и я счастлив стать скромным мостиком между двумя сиятельными владыками всего мира!

Всю эту галиматью я подготовил заранее, и еще многое другое, что можно спокойно забыть. Главное было создать впечатление, что Персия и Магадха теперь объединились против федерации республик и, если понадобится, против Кошалы.

Меж Бимбисарой и Аджаташатру я вошел в шатер. Горели серебряные лампы. Цветов было тысяча тысяч. Заметь, Демокрит, я действительно думаю на цветистом индийском диалекте и перевожу мысли на твердокаменный греческий такими, как они есть. Эти два языка совершенно противоположны по стилю, хотя есть много схожих слов. Как бы то ни было, цветочных гирлянд там было множество, и в спертом воздухе благоухало жасмином и сандалом.

Землю покрывали китайские ковры. Один был замечательно красив: голубой дракон на фоне белого неба. Позже, когда Аджаташатру спросил дочь, чего она хочет больше всего, она выбрала этот ковер. Принц расплакался от радости. Ничто, сказал он, не может доставить ему большего счастья, чем видеть этот ковер с драконом в доме своей любимой дочери. Но ковра мы так и не получили. Принц решил отказать себе в этом счастье.

Шатер был разделен надвое розовым занавесом. С одной стороны занавеса брахманы пели ведические тексты, бесконечно долго пересказывая историю нерушимой любви между Ситой и Рамой. Мне было забавно, что индийцы даже не притворялись, что слушают. Они были слишком поглощены разглядыванием нарядов и росписей друг на друге.

Наконец верховный магадханский жрец разжег на жаровне огонь. Затем к жрецу присоединились три брахмана. Один держал миску риса, другой миску ги, третий миску с водой.

В шатре стало уже так жарко, что я почувствовал, как с дерева у меня на груди опадают листья. Я вспотел так, как предписывал то Кир каждому персидскому воину перед единственным за день приемом пищи.

За розовым занавесом женские голоса распевали мантры. Потом Бимбисара шепнул что-то верховному жрецу. Через



мгновение занавес поднялся, и царственные дамы увиделись с мужчинами.

Поначалу мне показалось, что прически у дам — в их собственный рост. Потом моя жена рассказывала, что такая прическа требует целого дня и ночи кропотливой работы, и женщине приходится спать на наклонной доске, чтобы не разрушить чудо, созданное у нее на голове.

Между старой царицей и главной женой Аджаташатру стояла маленькая хорошенькая девочка. Дать ей от роду можно было лет шесть... или двадцать шесть. Меж ее бровей виднелся красный кружок, какие так любят индийские дамы. Наряд невесты был прост, символизируя девственность.

Мгновение мужчины смотрели на женщин, а женщины притворялись, что на мужчин не смотрят. Мне понравилось, что и у тех, и у других грудь прикрыта — дань древней арийской скромности, столь легко преодоленной томным климатом Гангской равнины.

Наконец верховный жрец приступил к своим обязанностям. Он взял у служанки корзину сухого риса и сделал на ковре семь маленьких кучек. После этого Аджаташатру пересек разделяющую мужчин и женщин линию и взял дочь за руку. Варшакара подтолкнул меня и шепнул:

— Идите к ним!

Я присоединился к отцу с дочерью у священного огня. Что отвечать, я уже выучил, — к счастью, слов было немного.

— Кир Спитама! — сказал Аджаташатру. — Арийский воин, посол персидского царя, возьми мою дочь Амбалику и обещай, что будешь соблюдать арийские заповеди и принеешь ей богатство и радость!

Я сказал, что приложу для этого все усилия. Тогда Аджаташатру привязал мой кушак к ее. Вместе с Амбаликой мы бросили рис и ги в огонь. Меня порадовала эта часть церемонии — ведь мы были с сыном Мудрого Господа в затененном месте. Затем я взял девочку за руку и несколько раз обвел вокруг огня, пока кто-то не положил перед ней маленький жернов. Амбалика встала на него, а я не мог взять в толк, что означает этот жернов.

Связанные вместе, мы неуклюже сделали семь шагов, следя, чтобы обе ее ноги и мои на мгновение оказались на каждой кучке риса. Я знаю, что они обозначали: семь матерей-богинь доарийской Индии. Эти дамы вечны и вездесущи.

Когда мы кончили прыгать по ковру с драконом, верховный жрец обрызгал нас водой, охлажденной ровно настолько, чтобы я понял, как мне жарко, и все — мы поженились.

Но брак считался заключенным лишь после того, как мы проспим три ночи бок о бок. В свое время мне объяснили смысл этого воздержания, но я уже забыл. Мы также должны были в первую ночь в нашем доме вместе смотреть на Полярную звезду — это напоминание новобрачным ариям, откуда пришли их племена... И куда они когда-нибудь вернуться?

Амбалика мне понравилась, чего я не ожидал. Я взял за правило предполагать худшее, и, когда предположения не оправдываются, даже получаешь некое тайное утешение.

Время шло к полуночи, ушли последние гости. Тесть мой совершенно напился.

— Драгоценный мой, — всхлипывал он, — эти слезы вызваны тем, что уже никогда, никогда в жизни я не испытаю такой радости!

Он заморгал, и краска с век стала щипать ему глаза, вызвав настоящие слезы. Нахмурившись, принц потер глаза сверкающей алмазами рукой:

— О, мой дражайший из дражайших, заботься о лотосе моего сердца, любимейшей из моих детей!

Царская семья отбыла в шуршании надушенных одежд и сверкании самоцветов, и я остался наедине со своей первой женой.

Я посмотрел на нее, не зная, что сказать. Но мне не стоило беспокоиться. Амбалику на женской половине хорошо вышколили. Она напоминала светскую даму, проведшую полвека при дворе.

— Думаю, — сказала она, — что, когда вы зажжете священный огонь, нам лучше подняться на крышу и посмотреть на Полярную звезду.

— Разумеется, — ответил я и добавил: — Огонь и для нас священен.

— Естественно.

Амбалика не проявила ни малейшего интереса к Мудрому Господу и Зороастру. Но рассказы о персидской придворной жизни влекли ее необычайно.

Я зажег огонь на жаровне. С полдюжины слуг, явившихся в тот же день, для нас уже все приготовили. Считалось, что это подарок от старой царицы. На самом деле это были агенты секретной службы. Как я узнал? Если в Магадхе слу-

га послушен и расторопен, значит, это секретный агент. Обычные слуги ленивы, болтливы и нечисты на руку.

Мы вместе забрались по скрипучей лестнице на крышу, к звездам.

— Термиты, — тихо сказала Амбалика. — Мой господин и хозяин, надо постараться их выкурить.

— Откуда ты знаешь, что здесь термиты?

— Это первое, что мы обязаны знать, — ответила она с затаенной гордостью. — Как шестьдесят четыре искусства, которым меня обучала старая царица. Сама она по-настоящему владеет ими. Царица — из Кошалы, а там верят, что женщина действительно может научиться этому. В Магадхе не так. Здесь только шлюхи изучают эти искусства, а жаль: ведь рано или поздно мужьям становится скучно со своими женами, и они дни напролет проводят в игорных домах или со шлюхами. А эти девушки, наверное, очень милые. Одна из моих служанок работала раньше шлюхой, она говорила мне: «Думаешь, в твоём дворце хорошо? погоди, вот увидишь дом такой-то хозяйшкы!» Но мне придется ждать вечность, потому что все равно не смогу туда сходить. А мужчины могут. Но я надеюсь, что стану совсем старухой, когда вы начнете ходить в такие места.

На крыше был натянут шатер. При свете луны мы видели пять гладких холмов старого города.

— Вон Полярная звезда!

Амбалика взяла меня за руку, и мы вместе посмотрели на то, что Анаксагор считает камнем. Я уже тогда заметил, что часто думаю, откуда мы пришли. Где арии впервые собрались вместе? В северных лесах, где Волга? Или на бескрайних равнинах Скифии? И кем были темноволосые народы, которых мы нашли в шумерских и хараппских городах? И откуда пришли они? Или они просто появились из-под земли, как возникают цветы лотоса, когда приходит время?

Демокрит хочет знать, почему восточные народы считают лотос священным? Вот почему: когда лотос пробивается через грязную жижу на поверхность воды, он образует почку бутонов. Когда бутон выходит из-под воды на воздух, он распускается, цветет и умирает, а на его место выходит следующий из бесконечной вереницы. Думаю, если достаточно долго смотреть на лотос, то сама собой возникнет мысль о смерти и одновременном возрождении. Конечно, может быть и наоборот: тот, кто верит в переселение душ,

решил, что образ лотоса соответствует цепи новых существований.

Насмотревшись на звезду, мы зашли в шатер. Я скинул накидку. Дерево на моей груди плохо перенесло катившийся градом пот.

Но Амбалику оно очаровало.

— Наверное, это было прелестное дерево!

— Увы — было. А у тебя есть дерево?

— Нет.

Она тоже скинула накидку. Я не разделял склонности ее папаши к малолетним и с удовлетворением отметил, что Амбалика уже вполне сформировалась как женщина. Вокруг маленьких грудей были нарисованы листья и цветы. На пупке, под цветущими грудями, простерла красные крылья белоголовая птица.

— Это Гаруда, — сказала Амбалика, похлопав себя по животу. — Птица солнца. На ней летает Вишну. Гаруда приносит удачу всем, кроме змей. Она враг всем змеям.

— Посмотри! — Я показал ей обвитую змеей ногу.

Амбалика звонко, непринужденно рассмеялась:

— Это значит, вы должны следовать нашим законам, а то мой Гаруда заклюет ваших змей.

Я обеспокоился:

— Значит, три дня мы должны спать вместе, но не прикасаться друг к другу?

Амбалика кивнула:

— Да, три дня. Но это не долго. Ведь я владею всеми шестьюдесятью четырьмя искусствами — ну большинством, какая разница? — и не дам вам соскучиться. Правда, я не слишком сильна в этих искусствах, то есть я хочу сказать, что я не шлюха. Я умею играть на лютне, очень хорошо танцую. Пою не так хорошо. Играю в старых пьесах очень хорошо, особенно роли богов вроде Индры. Я предпочитаю играть богов-мужчин. Еще я умею писать стихи, я сочиняю их в уме, хотя и не могу сочинять моментально, как старая царица. Я не фехтую палкой и мечом, но хорошо стреляю из лука. Я умею делать искусственные цветы, их не отличить от настоящих. Умею плести церемониальные гирлянды, украшать цветами...

Амбалика описала различные степени своего владения всеми шестьюдесятью четырьмя искусствами. Я уже давно забыл весь этот перечень, но до сих пор удивляюсь, как человек, тем более женщина, может быть одинаково сведущ

во всех перечисленных занятиях и искусствах и к тому же уметь колдовать, плотничать, придумывать шарады и учить птичек говорить — особенно последнее. У каждой индийской дамы есть хотя бы одна птичка с яркими перьями и скрипучим голосом, которую хозяйка учит словам «Рама» или «Сита». Стоит мне вспомнить об Индии, тут же начинаю думать о говорящих птичках, о реках и дожде, о солнце, подобном богу.

Амбалика сдержала слово. Она развлекала и занимала меня все три дня и три ночи, и, хотя мы спали рядом в шатре на крыше, я сумел соблюсти ведический закон.

Когда я сказал Амбалике, что Аджаташатру назвал ее любимой дочерью, она рассмеялась:

— Я его вообще не видела, пока он не решил выдать меня за вас. На самом-то деле меня выбрала старая царица. Я ее любимая внучка. Разве жертвование коня прошло не чудесно? Старая царица так волновалась! «Теперь я могу умереть спокойно», — сказала она потом. Знаете, она скоро умрет. Последний гороскоп был несчастливым. Смотрите! Падающая звезда! У богов пир. Они бросают друг в друга звезды. Загадаем желание!

Я тогда еще не познакомился с Анаксагором и не мог сказать ей, что звезда, кажущаяся ей пригоршней чистого света, на самом деле всего лишь летящий вниз кусок раскаленного металла.

— У твоего отца есть любимая жена?

— Нет. Он всегда любит новых. Не жен, конечно. В конечном счете жены обходятся слишком дорого, а отец уже женился на троих. Он может взять еще одну или даже двух, но только став царем. Сейчас он не может себе позволить новую жену. Но все равно он спит с красивыми шлюхами. Вы с ним не ходили в такие дома?

— Нет. Ты сказала, у него нет денег...

— Мы с сестрами часто говорим, что хорошо бы переодеться в мужское платье и пробраться в публичный дом, когда там веселье, и посмотреть, как правильно занимаются искусствами. Или мы могли бы надеть вуали и прийти туда как танцовщицы. Конечно, если бы нас поймали...

— Я схожу и все тебе расскажу.

— Не думаю, что вы должны говорить так вашей первой жене до того, как познали ее.

— Но не будет ли еще хуже сказать потом?

— И правда. А что у моего отца нет денег...

Девочка была бойкая. Она слышала, что я сказал, и пыталась отвлечь меня, а когда это не удалось, начала говорить искренне, но осторожно. Амбалика прикоснулась к уху, показывая, что нас могут подслушать, затем нахмурилась и накрашенным пальцем коснулась сжатых губ. Она была прекрасным мимом. Меня предупреждали, что не следует говорить о таких вещах дома, даже на крыше в полночь.

— Он слишком щедр со всеми, — громко произнесла Амбалика. — Он всем хочет счастья и раздает слишком много подарков. И поэтому не может себе позволить взять новую жену, чему мы очень рады, потому что хотим, чтобы он был наш. Мы ни с кем не хотим его делить.

Этот маленький монолог был шедевром двадцать восьмого искусства — актерства.

На следующий день, когда мы бок о бок качались на качелях во двореке, Амбалика шепнула мне на ухо:

— Все деньги отец тратит на войско против республик. Считается, что это секрет, но все женщины знают.

— Но разве не царь снаряжает войско?

— Старая царица говорит, что царь на самом деле хочет мира. Ведь после жертвования коня он вселенский монарх. Так зачем же воевать?

Я не сказал ей, что это Дарий, а не Бимбисара вселенский монарх, сразу заключив, что для Амбалики на первом месте родня, а не муж, и считал само собой разумеющимся, что обо всех моих словах будет доложено отцу или Варшакаре.

— А что думает царь о планах твоего отца?

— Он не знает. Откуда? Старая царица ему не скажет, она боится моего отца. Не знаю почему. Ведь она его мать.

— Ему может сказать распорядитель двора.

— Никто не знает, что говорит распорядитель по секрету. — Амбалика вдруг показалась вдвое старше. — Но республики он ненавидит.

— Он и мне так сказал.

— Да, что он говорит, все знают.

Это звучало двусмысленно. Я тогда задумался, что же будет шестьдесят пятым искусством. Дипломатия? Или конспирация? Нашу беседу прервало прибытие деда Амбалики, принца Джеты. Поскольку шел третий день, он принес нам подарки, и мы развлекали его в главной комнате. Как ни изящна была мебель и драпировки, было совершенно ясно,

что дом скоро рухнет от ветхости и термитов. Как всегда, мой тесть заключил выгодную сделку.

Когда Амбалика собралась оставить нас вдвоем, принц Джета остановил ее:

— В конце концов, часто ли человек видится со своей внучкой?

Амбалика повиновалась. Принц Джета обратился ко мне:

— Вы официально приглашены ко двору Пасенади. — Он говорил спокойно, без напряжения, которое, несомненно, испытывал. — Царь хотел бы принять вас до начала дождей.

— Это большая честь, — по обыкновению, ответил я и добавил: — К сожалению, я должен подождать до отправки в Персию первой партии железа.

— Это будет в конце следующего месяца, уважаемый посол.

Принц Джета улыбнулся, а я изо всех сил старался не проявить своего смущения тем, что он знает о совершенно секретной сделке между мной и Варшакарой. Мы договорились о цене и решили, что железо будет обменено на золото в Таксиле. В общем и целом я остался доволен моим первым торговым соглашением, но не тем, что о нем знает принц Джета.

— Поскольку ваш караван идет через Шрвасти, надеюсь, вы могли бы отправиться с ним.

— И у вас будет надежная охрана, — сказала Амбалика, вдруг заинтересовавшись. — Вы знаете, по всей Кошале рыщут банды, а на реках пираты. И все равно мне очень хочется повидать Шрвасти. Старая царица говорит, нет города красивее.

— Я согласен с ней, — ответил принц Джета. — Правда, я видел лишь земли между двух рек — так мы называем наш маленький мир, — добавил он, обращаясь ко мне.

— Разумеется, я постараюсь совершить эту поездку... — начал было я.

— О, скажите «да»! — Амбалика обладала детским талантом упрашивать. Ей все было нужно тут же. Лаис обладает тем же свойством.

Принц Джета улыбнулся внучке:

— Твой муж хочет также встретиться с Буддой, о котором на женской половине ты слышала столько ужасного.

— Неправда, принц Джета. Многие наши дамы восхища-

ются господином Буддой. — Амбалика вдруг превратилась в воспитанную принцессу.

— А ты?

— Не знаю. Не скажу, что мне нравится мысль быть задутой, как свечка. Пожалуй, Махавира куда интереснее.

— Ты видела и слышала Махавиру? — заинтересовался принц Джета.

Амбалика кивнула:

— Когда мне еще не было шести, нянька взяла меня на совет джайнов, недалеко от вашего дома, у дороги к реке. Махавира сидел прямо в грязи перед советом. Никогда не видела такой толпы!

— А ты помнишь, что он говорил?

Казалось, принц Джета обнаружил во внучке нечто любопытное. Потому что она стала моей женой?

— Ну, мне понравилось, как он рассказывал, откуда взялся мир. Вы знаете, на самом деле все является частями гигантского человека, и мы находимся где-то у его поясницы. Конечно, география по Махавире отличается от того, чему нас учили в школе, но мне понравились все эти круги океанов — один из молока, один из прозрачного масла, один из сахарного тростника. О!.. — У нее была привычка замолкать. — Особенно мне понравилось, как он говорил о первом круге мироздания, когда все были шести миль роста и имели брата или сестру-близнецов, и каждый должен был жениться на сестре, как сейчас принято в Персии, и никто не работал, потому что было десять деревьев, на которых росло все, что можно пожелать. Листья одного становились горшками и сковородками, на другом росли всевозможные яства, уже готовые, — это дерево мне понравилось больше всех. Боюсь, я чересчур жадная. Было дерево с одеждами, а на одном дереве росли дворцы, хотя я не представляю, как это можно сорвать дворец будто банан. Но наверное, когда дворцы созревали, они сами падали на землю, которая была из сахара, а вода — из вина... — Амбалика снова запнулась. — Но я это серьезно. Я просто говорю, что запомнила. Он был очень старый. Я еще запомнила, что он был прилично одет, не в небесных одеяниях.

Наша брачная ночь прошла прекрасно. Я остался доволен, и Амбалика тоже. Наверное, и ведические боги остались довольны, потому что через девять месяцев родился мой первый сын.

Вскоре после свадьбы, в разгар засушливого сезона, я



был приглашен на неофициальную аудиенцию к царю Бимбисаре. Он принял меня в маленькой, полной цикад комнате, занавешенной пыльными занавесками.

Бимбисара сразу приступил к делу. Пусть он был и не вселенским монархом, но царем-воином несомненно. Кстати, до своего путешествия в Китай я считал, что идея о вселенском монархе присуща только ариям, видевшим нашего Великого Царя. Но в Китае мне рассказали, что некогда всем Срединным Царством — так они называют свою страну — правил один монарх в полном согласии с небесами и когда-нибудь он придет снова как Сын Неба. Поскольку существует только один бог, должен быть и один вселенский монарх. В действительности, разумеется, на небе и на земле столько же ложных богов, как и монархов. И все же мне ясно, что человечество жаждет единства. Китайцы никоим образом не связаны с ариями, но думают так же, как мы. Ясно, их вдохновил Мудрый Господь.

Я испросил у Бимбисары позволения отбыть с караваном в Шравастии.

— Ты свободен ехать, сын мой. — Бимбисара обращался со мной как с членом семьи, каким по ведическим законам я и являлся.

— Мне хочется встретиться с Буддой.

Естественно, я не упомянул о настоятельных приглашениях царя Пасенади.

— Я бы отдал все мое царство, чтобы следовать за Буддой, — сказал Бимбисара. — Но мне нельзя.

— Вселенский монарх может делать все, что пожелает. — При дворе все лицемерят.

Бимбисара дернул себя за фиолетовую бороду.

— Никакого вселенского монарха нет, — улыбнулся он. — Тебе это известно. А если бы такой и был, то им, вероятно, стал бы Дарий. Конечно, это между нами. Твой Дарий — владыка многих великих стран. Но он не владыка всей земли, как себя называет. Как ты сам понимаешь...

— Как я сам понимаю, повелитель...

— Как ты сам понимаешь, — повторил он задумчиво, — если Будда спросит тебя о жертвовании коня, скажи, что я был обязан засвидетельствовать почтение арийским богам.

— Он осуждает это?

— Он ничего не осуждает. И ничего не одобряет. Но в принципе все живое для него священно, поэтому жертвование коня порочно, как всегда порочна война.

— Но царь — воин и арий. Царь должен приносить коня в жертву своим богам, он должен убивать своих врагов во время войны и злодеев в мирное время.

— И поскольку я делал все это, мне не познать просветления в этом воплощении. — В глазах его блеснули неподдельные слезы, в отличие от тех, что всегда готовы пролиться потоками из глаз его сына. — Я часто мечтал, что когда-нибудь смогу отринуть все это. — Он коснулся своего украшенного самоцветами тюбана. — И потом, став ничем, смогу последовать по восьми изгибам пути Будды.

— Что же мешает? — искренне заинтересовался я.

— Я слаб.

Со всеми Бимбисара был во всеоружии, настороже, скрытен. Но со мной часто бывал на удивление откровенен. Думаю, потому, что я не принадлежал к его миру, и он чувствовал, что может свободно говорить со мной о делах, не касающихся политики. Хоть я и женился на его внучке, но оставался послом Великого Царя, и когда-нибудь мое посольство должно было закончиться.

Из деликатности никто при дворе не упоминал о моем неминуемом отъезде. Однако мысль о возвращении в Персию не выходила у меня из головы, и при нашей последней встрече она посетила и Бимбисару. Он прекрасно понимал, что я могу решить вернуться с караваном в Персию. Я прекрасно понимал, что вполне могу так и сделать. Моя миссия выполнена — связь между Персией и Магадхой установлена, и ей нет причины рваться, пока у одних есть золото, а у других — железо.

Но во время аудиенции у Бимбисары я еще не принял решения. Я определенно не собирался бросать Амбалику. С другой стороны, я не знал, как ей понравится мысль о разлуке с Индией. Не хотелось также думать, что скажет и сделает Аджаташатру, когда я скажу, что уезжаю в Персию, — ведь утопит в слезах, если не в Ганге.

— Я слаб, — повторил Бимбисара, вытирая глаза краем накидки. — У меня еще есть дела здесь. Я стараюсь устроить сангху всех деревенских старейшин. Сейчас я хочу, чтобы они собирались все вместе хотя бы раз в год и рассказывали о своих затруднениях.

— Магадха станет республикой.

Я улыбнулся, показывая, что шучу. Признаться, меня обеспокоило, что царь собирается обсуждать внутреннюю

политику с иностранцем. Но Бимбисара просто думал вслух.

— Деревенские старейшины — вот секрет нашего процветания. Управляй ими — и ты богат. Подави их — и тебя нет. Я первый магадханский царь, знающий лично каждого старейшину. Вот почему я вселенский монарх. Нет, я не собираюсь устроить республику. — Оказывается, он меня слышал. — Я презираю страны, где каждый состоятельный человек считает себя царем. Это противостоестественно. В стране может быть только один царь: на небе ведь одно солнце, а у войска один полководец. Скажи Пасенади, что наши чувства к нему неизменны.

— Да, повелитель.

Казалось, Бимбисара собрался приступить к главному, и я предчувствовал неловкость.

— Скажи ему, что с его сестрой все хорошо. Скажи, что она выполнила жертвование коня. Скажи, пусть не доверяет тем, кто... кто хочет нас посорить. Пока я жив, у них ничего не выйдет.

Я смотрел на него выжидающе. На индийских царей можно смотреть прямо, и даже невежливо не смотреть на них, но взгляд должен выражать смирение.

— Иди к Будде. Пади ниц перед Золотым. Скажи ему, что через тридцать семь лет после нашей встречи я по-прежнему шесть раз в месяц упражняюсь в морали восьми изгибов. Скажи ему, что недавно я начал понимать истину, некогда им сказанную: абсолютное достижение в абсолютном уходе. Скажи ему, что я втайне поклялся когда-нибудь оставить земные дела и последовать за ним.

Никто не узнает, всерьез или нет говорил царь Бимбисара о своем уходе от мира. Мне кажется, сам он считал, что говорит серьезно, а в религиозных делах это значит чуть больше, чем ничего.

Аджаташатру попросился со мной в канцелярии своего отца, в царском дворце. Для любителя наслаждений он проводил уйму времени в переговорах с царским тайным советом и главным советником.

В Магадхе главный советник действительно выполняет работу по управлению страной, и ему помогают тридцать советников; многие из них потомственные, и большинство ни на что не годны. Как распорядитель двора, Варшакара отвечал не только за двор, но и за тайную полицию. Разумеется, он обладал большей властью, чем главный советник, и

могуществом превзошел бы царя, не правь Бимбисара в тесном сотрудничестве с деревенскими старейшинами, которые смотрели на царя не просто как на друга при продажном, погрязшем в интригах дворе, но от его имени собирали налоги, оставляя часть себе, а остальное передавая в казну. Царя редко обманывали.

Как и в Сузах, разные советники выполняли разные государственные обязанности. По традиции во все царствования верховный жрец приближен к царю. Но буддист Бимбисара редко советовался с официальным стражем ведических богов. Для жреца единственным моментом славы было недавнее жертвование коня. Из числа тайного совета царь назначает министра войны и мира, а также верховного судью, который главенствует над всеми судебными органами страны и выслушивает жалобы, не направленные лично царю; кроме того, из числа тайного совета назначаются казначей и главный сборщик налогов. Эти чиновники обладают большим весом и традиционно умирают в богатстве. Но при Бимбисаре их держали на коротком поводке. Заключив союз с деревенскими старейшинами, царь несколько обошел их.

Над всеми чиновниками ниже министров есть хозяин, известный как суперинтендант. Поскольку вся руда принадлежит царю, железными рудниками распоряжается суперинтендант, из чистого патриотизма потребовавший с меня лишь пять процентов за экспорт принадлежащего его хозяину железа. И я заплатил. Поскольку все леса принадлежат царю, слонами, тиграми, экзотическими птицами, строительным лесом и дровами тоже распоряжается суперинтендант. По сути дела, почти все приносящие доход стороны жизни в Индии находятся под контролем государства. Есть даже суперинтенданты, отвечающие за азартные игры, за торговлю крепкими напитками, за публичные дома. И в конечном счете система работает не так уж плохо. Если монарху не сидится на месте, он может, если захочет, ускорить ход событий. Если нет, то управление государством — процесс медленный и постепенный. Ничего не делая, не совершишь большой ошибки. Это, Демокрит, политическое, а не религиозное наблюдение.

Тридцать членов тайного совета сидели на низеньких диванах в комнате с высоким сводом на первом этаже дворца. Судя по всему, комната эта соответствует Второй палате нашей канцелярии. Когда я вошел, Аджаташатру поднялся

мне навстречу. Я низко поклонился — тестю и принцу. Он подошел и обнял меня за плечи:

— Вы покидаете нас, драгоценнейший! О, пожалуйста, скажите, что это не так!

Но на этот раз в глазах у него не было слез. Его глаза сверкали, как у тигра, когда он смотрит на тебя с дерева.

Я произнес цветистую и учтивую, заранее подготовленную речь. Потом Аджаташатру увлек меня в дальний конец комнаты и понизил голос, как это делают во дворцах по всему свету:

— Мой драгоценный, скажите царю Пасенади, что его племянник печется о нем, как родной сын.

— Скажу, мой принц.

— Скажите ему, — Аджаташатру уже шептал мне в ухо, дыша кэри, — скажите ему как можно деликатнее, что нашей полиции стало известно: скоро на его жизнь произойдет покушение. Очень, очень скоро. Вы понимаете — и он поймет, — что мы не можем предупредить его открыто. Нам было бы неловко признать, что у нас в Кошале есть агенты. Но вы — вы человек нейтральный. Вы приехали издалека. Вы можете сказать ему: пусть будет настороже.

— Но кто замышляет против него? — Тут я позволил себе придворное вдохновение: — Федерация республик?

Аджаташатру был, очевидно, благодарен за подсказку. Самому ему такое не сразу пришло в голову.

— Да! Они хотят повергнуть Кошалу в руины — она и так уже почти в руинах. Вот почему они вошли в сговор, тайно и, о! столь коварно. — Аджаташатру беззвучно произнес имя: — С Вирудхакой, сыном царя.

Не знаю, почему меня это так потрясло. В конце концов, человек, в честь которого мне дали имя, убил своего тестя. Но тесть — не отец, а священное почитание отца является одной из основ арийского морального кодекса. Поверил ли я Аджаташатру? Не помню, это было так давно. Но подозреваю, что нет. Его манера говорить напоминала птичье пение: много трелей, щебетания, и воздух прямо-таки звенит от бессмысленных звуков.

В полдень следующего дня Варшакара проводил меня до самых ворот Раджагрихи. Передовая часть каравана отбыла еще до рассвета, и голову от хвоста отделяло около двух миль. Я ехал в середине, с горсткой членов своего посольства. Я так и не решил, возвращаться мне с караваном в Персию или нет. Два года отделяли меня от настоящей жизни,

два года, в течение которых я не получил ни одной весточки из Суз. Я чувствовал себя брошенным, если не сказать большего.

— Мы считаем Пасенади нашим добрым союзником.

Варшакара плюнул бетелем в собаку какого-то парии, оставив на ухе пса малиновый след. На севере, насколько хватало глаз, медленно ползли тысячи запряженных быками повозок с железом, поднимая облака желтой пыли. Металл был исключительно высокого качества благодаря одному из членов моего посольства, сумевшему научить магадханцев выплавлять железо по персидскому способу.

— Потому что слабый союзник — добрый союзник? — Шутить с Варшакарой было все равно что дразнить тигра в ненадежной клетке.

— Иногда так, а иногда и нет. Но мы определенно предпочитаем старика сыну.

Мы находились в середине шумной индийской толпы, и вряд ли кто-то мог нас подслушать.

— Это правда? — спросил я.

Варшакара кивнул:

— До конца дождливого сезона в Кошале будет новый царь.

— Надеюсь, в это время меня там не будет.

— Надеюсь, вы сможете это предотвратить.

— Каким образом?

— Нужно предупредить старика. Я уверен, сильный царь в Кошале нужен Персии не больше, чем нам.

— Как там может быть сильный царь, когда страной управляют буддисты?

Варшакара удивленно взглянул на меня:

— Но это не так. А даже если и так, какая разница?

Очевидно, он забыл свои же слова об опасности существующему порядку со стороны буддистов и джайнов. Я решил, что он не в себе, и осторожно напомнил:

— Насколько я понял, монастыри полны республиканцев и они ведут целенаправленную деятельность на ослабление Кошалы — и Магадхи тоже.

— Совсем наоборот! — Варшакара опроверг все, что говорил мне по дороге в Варанаси. — Джайны и буддисты оказывают нам неоценимую помощь. Нет, это сам Пасенади заблуждается. Он святой человек и думает только о следующем мире... или вообще не о мире, а уж не знаю, о чем это люди думают. Этим можно восхищаться, но не в царе.

Старому дураку давно пора бы отречься. Тогда бы мы могли... усмирить сына.

Меня не интересовал анализ характера Пасенади, прежде всего, потому, что я не верил ни единому слову Варшакары во всем, что касалось политики, но я с любопытством отметил, что теперь распорядитель двора одобряет буддизм. И я спросил почему.

— Всякая религия, утверждающая, что этот мир — страдание, от которого нужно избавиться молитвами, уважением ко всему живому и отказом от земных желаний, оказывает правителю огромную помощь, — произнес Варшакара, и ответ показался мне искренним. — Ведь если человек не стремится к материальной собственности, он не желает того, что имеем мы. Если люди чтят все живое, они не попытаются убить нас и свергнуть наше правительство. Честно говоря, через нашу тайную полицию мы пытаемся поощрять джайнов и буддистов. Естественно, если мы увидим в них угрозу, то...

— Но их добродетели совершенно неприемлемы. Они не работают. Живут милостыней. Как сделать из них солдат?

— Мы и не пытаемся. И потом, это относится к монахам. Большинство джайнов и буддистов просто почитают Махавиру и Будду, а в остальном продолжают заниматься своим делом, как и другие, — с одним отличием: они приносят меньше хлопот.

— Потому что в душе сочувствуют республикам?

Варшакара рассмеялся:

— Пусть и так, что они могут? Все равно земные дела их не интересуют, и это очень устраивает тех, кто целиком предан земным делам.

Подъехала моя повозка, и мы распрощались с Варшакарой. Затем мы с Караккой протолкались к моей охране. Войны были одеты по-индийски, но вооружены по-персидски. Я настоял, чтобы повозку снабдили навесом и мягкими сиденьями. К моему удивлению, это было исполнено. Когда мы с Караккой уселись, возница хлестнул быков, повозка дернулась, и мы пустились в двухсотдвадцатимильный путь до Шравасты.

Амбалика со мной не поехала, потому что ее лихорадило. К тому же она могла быть беременна, и мы решили, что путешествие может оказаться для нее опасным.

— Но вы вернетесь, ведь правда? — Амбалика выглядела несчастной девочкой.

- Да, — сказал я. — Как только кончатся дожди.  
— Тогда вы увидите, как я рожу вам сына.  
— Буду молить Мудрого Господа, чтобы быть к тому времени дома. — Я обнял ее.  
— Следующей зимой мы все втроем поедem в Сузы, — твердо сказала Амбалика.

## 9

Караван переправился через Ганг в речном порту Паталипутры, чьи паромщики славятся своей неуклюжестью и к тому же приходят в восторг при разных несчастьях. В нашем случае они дважды имели возможность повеселиться, и каждый раз при этом мы теряли по повозке с железом, хотя дни стояли такие, что гладь реки напоминала полированное зеркало.

Из-за палящего зноя мы передвигались по ночам, а днем спали. Грабители нам не встречались, пока мы не въехали в лес на юге от Вайшали. Здесь на нас напало несколько сот хорошо вооруженных бандитов, они произвели много шума, но никакого вреда не причинили. Эта банда пользовалась уважением по всей Индии, принимали в нее только законных сыновей членов воровской гильдии в третьем колене. Грабеж так прибылен, что эта гильдия не хочет подрывать свое ремесло, допустив к нему любителей.

Вайшали, столица Личхави, является и столицей союза республик, известного также как Ваджианская федерация.

Приветствовал нас местный градоначальник, он показал нам зал съездов, где собирались делегаты из других республик. Поскольку съезд сейчас не заседал, зал был пуст. Нас также сводили на место рождения Махавиры — ничем не примечательный пригородный дом, в котором уже безошибочно угадывалась усыпальница.

Мне потребовалось немало времени, чтобы понять, что и Будда и Махавира представлялись своим поклонникам чем-то большим, чем просто учителя и пророки. Они воспринимались как нечто более великое, чем все боги. Такая идея кажется мне столь же головокружительной, сколь и ужасной. Хотя обычно буддисты и джайны продолжают молиться Варуне и Митре и прочим ведическим божествам, богов этих они считают ниже двадцати трех просветленных и двадцати трех переправщиков, поскольку боги не могут достичь нирваны и кевалы, не возродившись в человеческом образе.



Я повторяю, Демокрит. Никакой бог не станет просветленным и не достигнет угасания, не родившись сначала человеком.

Удивительно, что миллионы людей в мое время — да и сейчас тоже — действительно думают, что в данный исторический момент два человеческих существа оказались на более высокой ступени развития, чем все прежние и будущие боги. Греки называли бы это титанизмом. А это безумие.

Пока я был в Вайшали, у меня сложилось впечатление, что хотя республики и ожидали нападения со стороны Магадхи, войска им было бы собрать трудно. Так всегда случается в странах, где каждый состоятельный человек считает себя царем. Нельзя вести войну, имея десять тысяч военачальников. Отдавая неизменную дань народной мудрости, не стоит забывать о том, что известно каждому дураку: народ не только легко подвержен влиянию демагогов, он склонен к подкупу. Хуже того, люди редко стремятся к дисциплине, без которой нельзя воевать, а тем более победить. Я предрекаю возвращение в Афины тиранов. Демокрит со мной не согласен.

Уже на закате мы выехали на северный берег реки Равати. Шраваста находится на южном берегу. Поскольку медленная, мутная, пересохшая от жары река делает в этом месте широкую дугу, Шраваста имеет форму полумесяца. С суши его окружает кирпичная стена с грозными сторожевыми башнями. Со стороны реки построены пристани, доки и склады — обычный кавардак речного порта. Порт отделен от города шатким частоколом, — очевидно, местные жители не боятся нападения с реки. В стране без мостов и боевых кораблей вода — отличная защита. Я с удовлетворением отметил, что Великий Царь сможет захватить Шравасту за один день. Такое же удовольствие мне доставил вид высоких городских башен в свете раннего утра — они казались сложенными из роз.

Поскольку караван шел дальше на север в Таксилу, ему не было смысла переправляться через реку, и я распрощался со всем своим посольством, кроме моей личной охраны и неопцеваемого Караки.

Сам же я, переправляясь через реку, начал отчасти понимать тягу буддистов и джайнов к рекам, паромам, переправам и дальнему берегу. На середине реки, увидев, как быстро караван на северном берегу уменьшается в размерах, а городские башни и храмы растут на глазах, я живо представил образ, нарисованный принцем Джетой. Приближаясь к

резиденции просветленного, я ощутил себя видящим этот образ наяву. Покинутый мною берег был знакомой обыденной жизнью. Река — потоком существования, где легко утонуть. Передо мной был не столько город Шравасты, сколько «отчий берег от рождения до смерти», как говорят буддисты.

В Шравасты моего прибытия ждали, и на пристани меня встречала блестящая делегация. Принц Джета лично представил меня градоначальнику и свите. Встречавшие нас особы отличались от своих магадханских собратьев более светлой кожей и волосами. И еще они распространяли вокруг себя атмосферу самоуверенности, редкой при магадханском дворе. Но царь Пасенади не претендовал быть вселенским монархом, к тому же у него не было Варшакары, чья секретная полиция и внезапные аресты держали всех в постоянном напряжении. Какие бы беды ни испытывало государство Кошала, жизнь здесь протекала вполне приятно для тех, кто мог себе позволить комфортное пребывание в Шравасты, роскошнейшем из городов этого мира.

— Почетные гости обычно прибывают с юга, и мы в их честь устраиваем подобающую церемонию, но здесь, у реки... — извинялся градоначальник за огромную толпу портовых рабочих, рыбаков, лодочников.

Несмотря на попытки городских полицейских оттеснить толпу, они толкали и пихали нас. Хотя все выражали доброжелательность, всегда тревожно оказаться в бушующем море темных, пахучих индийских тел. Полицейский кордон был смят, и толпа прижала нас к деревянному частоколу. Только благодаря моим персидским телохранителям меня не раздавили насмерть. Толпа отхлынула. Градоначальник громким голосом приказал открыть ворота. Но ворота не открывались. Мы оставались в опасности между бушующей толпой и частоколом.

— В Кошале всегда так, — сказал принц Джета, ударив по чьей-то воровской руке, умудрившейся украдкой просунуться между двумя телохранителями.

— А народ, кажется... веселый, — сказал я.

— О, народ здесь очень веселый.

— И людей так много, — добавил я бессмысленно.

— О да! В Шравасты живет пятьдесят семь тысяч семей.

Между тем градоначальник продолжал кричать во всю глотку и стучать кулаками в ворота. Казалось, прошел полный цикл ведического мироздания, пока деревянные створ-

ки со скрипом не отворились и прямо за ними не появился строй воинов с копьями наперевес. Толпа отпрянула, и мы вошли в Шравастии скорее торопливо, чем степенно и с достоинством.

Нас ждала запряженная лошадьми повозка, но я сказал, что предпочел бы пройти пешком, потому что «за три недели у меня одеревенели ноги». И я совершил весьма утомительную прогулку, пройдя от начала до конца самую короткую из четырех прямых улиц, идущих на караванную площадь. Три длинные улицы идут от площади к юго-западным, юго-восточным и южным воротам, и каждая является началом или концом караванного пути.

Своими несметными богатствами Шравастии обязан географическому положению — город находится на пересечении торговых путей с запада на восток и с севера на юг. В результате им правят богатые магнаты. На практике это означает, что брахманы и воины занимают на иерархической лестнице вторую и третью ступень после касты торговцев — аномалия в ведическом мире, очень обижающая свергнутый, а точнее, оставленный без внимания правящий класс. В мирное время царь, знать и брахманы полностью зависят от торговцев, которые, как и везде, заинтересованы в торговле, прибыли и мире. Только во время войны правящий класс занимает подобающее ему место, потому что торговцы прячутся и ждут, пока война закончится.

Принц Джета считает, что потому-то класс торговцев и поддерживает буддистов и джайнов: обе секты почитают все живое и осуждают войну. Две эти секты привлекают также на свою сторону сельских жителей, молящихся доарийским богам. Во-первых, в деревнях предпочитают войне мир; во-вторых, они питают отвращение к закланию быков, лошадей и ягнят, жертвуемых брахманами ведическим богам. Крестьяне не хотят никому отдавать свою скотину, будь то арии или не арии, люди или боги. Думаю, благодаря усилиям торговцев и неарийского местного населения буддийские и джайнийские верования когда-нибудь заменят культ арийских богов — это вполне возможно.

До приезда в Индию я представлял себе города как слепые стены разной высоты, беспорядочно разбросанные вдоль извилистых улочек. Даже в Вавилоне дома вдоль длинных прямых проспектов такие же слепые, без окон, как в любом персидском или греческом городе. Если бы не случайные греческие галереи, монотонность архитектуры здесь

подавляла бы, особенно учитывая климат, где простолудины чуть ли не круглый год проводят на улице.

Но Шраваста не похож на западные города. Каждый дом выставляет на улицу свои окна и балконы, а крыши украшены фантастическими башенками. Стены расписаны сценами из бесконечной жизни Рамы. Многие из этих картин пишутся весьма искусно — или переписываются, потому что каждый год их смывает дождем. Некоторые домовладельцы нынче покрывают стены своих домов барельефами — получается прекрасно.

Пока повозка прокладывала нам путь, мы с градоначальником медленно двигались по людной улице к центру, а богатые купцы разглядывали нас со слонов. В отличие от толпы в порту, горожане держались степенно. Они привыкли к иностранцам и встречали персов, не говоря уж о вавилонянах, египтянах, греках, и видели даже гостей из-за Гималаев, желтокожих китайцев.

— Слева — базары и мастерские, — сказал принц Джета, наш радушный гид.

Он мог бы и не говорить. Я различал специализацию каждой улочки или переулка, отходящих от главной улицы, по их виду и запаху. От одних поднимались ароматы цветов, другие воняли прокисшими кожами. В некоторых кварталах с шумом грузили железо, из других доносился птичий гам (птиц продавали как пищу или чтобы держать дома в клетке).

— Справа — правительственные здания, шикарные дома, царский дворец. А сюда, — мы проходили по огромной центральной площади, — сходятся караваны со всего мира.

Караванная площадь в Шраваста впечатляет. Тысячи верблюдов, слонов, быков и лошадей заполняют самую большую из когда-либо виденных мной городскую площадь. День и ночь караваны прибывают и уходят, загружаясь и разгружаясь. Три больших фонтана дают воду скоту и людям, а вокруг в полном беспорядке раскинуты шатры и установлены навесы. Невозмутимые купцы все продают и все покупают. Они деловито снуют от одного воза к другому, сверкая цепкими глазами, как стервятники перед началом битвы.

От караванной площади царская дорога ведет в зеленый парк, в центре которого расположен причудливый бревенчато-кирпичный дворец. Может быть, он не так внушительен, как новое творение Бимбисары, но гораздо красивее.

К тому времени я уже изнемог, и мой эскорт тоже. Им эта долгая пешая прогулка по жаре была совсем ни к чему, просто пришлось исполнить мой каприз. Но во дворце они отыгрались.

— Царь сказал, чтобы вас привели к нему, как только придете. — Взмокший распорядитель сиял от радости. В отличие от меня.

— Но я весь в пыли...

— Сегодня царь не обращает внимания на протокол.

— В таком случае, может быть, царь не будет возражать, если я сменю эти одежды и...

— Царь может не обращать внимания на протокол, но ожидает послушания во всем.

— Но я привез дары Великого Царя...

— В другой раз.

— Мне очень жаль, — прошептал принц Джета.

Пока распорядитель вел меня через высокие комнаты, разукрашенные серебром, перламутром и слоновой костью, я физически ощущал, какой контраст представляю с окружающей роскошью.

Наконец, безо всяких церемоний, я вошел в маленькую комнату со стрельчатыми окнами, выходящими на деревья, цветущие виноградники и пересохший мраморный фонтан. На фоне окон вырисовывались силуэты двух бритоголовых буддийских монахов.

На мгновение я подумал, что не туда попал, и в замешательстве уставился на двух стариков. Они улыбались мне. Старики походили на братьев. Меньший из них сказал:

— Добро пожаловать, Кир Спитама, к нашему двору!

Я хотел упасть на колени, но царь Пасенади остановил меня:

— Нет, нет! Вы святой человек. Вы должны опускаться на колени только перед теми, кто поклоняется... огню, не так ли?

— Мы поклоняемся только Мудрому Господу. Огонь — всего лишь его посланец.

Я слишком устал, чтобы проповедовать, и больше ничего не добавил, да и слащавость царя показалась мне безобидной.

— Конечно, конечно. Вы молитесь небесному богу. Ведь и мы тоже, правда, Шарипутра?

— Да, в самом деле. У нас есть все боги, которых только

можно вообразить, — сказал высокий тщедушный Шарипутра.

— Включая и тех, которых вообразить *нельзя*, — добавил Пасенади.

— Мудрый Господь — единственный бог! — сказал я.

— Наши боги тоже единственные. Правда, Шарипутра?

— Многие из них, мой драгоценный.

К тому времени я уже привык к манере индийских святых обращаться со своими приверженцами как... как с маленькими любимыми детьми. Это «мой драгоценный» звучало нежно, в отличие от угрожающих «драгоценных» в устах Аджаташатру, который только и думал, как усыпить бдительность собеседника.

— Мне видится здесь противоречие, — произнес я плохо повинующимся языком.

— И нам тоже, — ласково ответил царь Пасенади.

— По сути дела, сама жизнь есть противоречие, — хихикнул Шарипутра, — хотя бы потому, что рождение всегда является прямой причиной смерти.

Старики весело рассмеялись.

Поскольку я был совершенно не расположен к веселью, то взял официальный тон:

— Я прибыл от Ахеменида Дария, Великого Царя, владыки всей земли, царя царей!

— Мой драгоценный, мы знаем, знаем! И вы расскажете нам о Дарии, когда мы примем вас при дворе со всей подобающей пышностью. Тогда и только тогда мы примем посланца — нет, посла! — персидского царя, чье присутствие в долине Инда так обеспокоило нас всех. Но сейчас мы просто два старика, желающие следовать по пути восьми изгибов. Как царь, я не могу пройти по нему столь далеко, как мне того хочется. Но к счастью, теперь я архат, а вот Шарипутра необыкновенно близок к просветлению.

— Мой драгоценный, вовсе нет! Я служу Будде и нашей секте, понемножку...

— Слушайте его, Кир Спитама! Это Шарипутра создал секту. Это он создал все правила. Это он следит, чтобы все сказанное Буддой не было забыто. И Шарипутра сам помнит каждое слово, произнесенное Буддой с того дня в Оленьем парке в Варанаси.

— Мой драгоценный, вы преувеличиваете! Это Ананда, а не я помнит *каждое* слово. Все, что сделал я, — это переложил слова в стихи, этому может научиться и маленький ре-

бенок. — Он обернулся ко мне: — Вы поете, мой драгоценный?

— Нет. То есть плохо.

Я чувствовал, что схожу с ума. Мне не верилось, что один из этих стариков правит страной, по величине равной Египту, а другой — глава всех буддистов. Они поразили меня своей простоватостью.

— Я вижу то, чего вы не видите, — сказал Пасенади. — Но вы устали. И все равно вы захотите узнать эту историю. В свое время в Шравастии приехала молодая дама. Она сказала, что из рода Гаутамы, как и сам Золотой. О, я затрепетал! Когда мы поженились, просветленный открыл мне, какую милую шутку со мной сыграли. Очевидно, правители Шаки не хотели смешивать свою благородную кровь с царским домом Кошалы. И в то же время они не хотели меня обидеть. И послали мне обычную проститутку. И я на ней женился. Но когда все раскрылось, рассердился ли я, а, Шарипутра?

— Вы были в ярости, драгоценнейший!

— О нет, не был! — Пасенади был уязвлен.

— Да, были. Вы так бушевали, что мы за вас испугались.

— Наверное, вам *показалось!*

— Мой драгоценный, вы рассердились!

— Мой драгоценный, нет!

Чья-то милостивая рука стерла из моей памяти окончание этой сцены. Наверное, я упал в обморок.

Персидское посольство заняло маленький особнячок в конце дворцового сада. От дворца нас отделяли фонтаны, цветы, деревья — и тишина. Даже павлины не издавали ни звука, — им подрезали языки? — а компания священников обезьян безмолвно взирала на нас с ветвей. В центре великого города царь создал лес отдохновения.

Мне дали неделю, чтобы подготовиться к официальному представлению царю. Принц Джета не отходил от меня. Он пригласил меня к себе домой — в высокое здание с видом на реку. В культурном обществе принца встреча с двумя выжившими из ума стариками стала казаться горячечным бредом. Но когда я рассказал ему о приеме у царя Пасенади, его это позабавило и встревожило.

— Это похоже на старика, — сказал принц.

Мы сидели на крыше. Когда солнце село за смутно вырисовывающиеся голубые холмы, облака приняли странную форму: они полосками расположились на небосклоне —

предвестие сезона дождей. Небесный купол над Индией таинственным образом стал выше — обман освещения? Не знаю причины, но эффект устрашающий, унижающий человека.

— Распад государства объясняется поведением Пасенади?

— Все не так страшно, — уточнил принц Джета. — Коща по-прежнему великая страна. Пасенади остается великим царем.

Я одними губами спросил:

— Шпионы?

Принц Джета кивнул. Но, возвращаясь к теме, пояснил:

— Дело в том, что Пасенади одновременно и архат, и царь, а одно с другим очень трудно сочетается. Я знаю это по собственному скромному опыту.

— Что такое архат?

— Само слово означает «убивший врага», в данном случае — свои человеческие желания.

— Как Будда.

— Если не считать того, что архат продолжает существовать, а Будда пришел и ушел. Некоторые считают, что раз Шарипутра не уступает Гаутаме в святости, то он тоже достиг нирваны. Но это невозможно. Будда всегда единственный — в данный момент времени. В прошлом было двадцать три будды. В будущем будет еще один будда, последний в этом временном цикле.

— Шарипутру в самом деле считают... святым?

— О да! Насчет Пасенади могут быть сомнения, но насчет Шарипутры — нет. После Будды он ближе всех к освобождению. И потом, он сам создал секту. Это он дал монахам правила. Теперь он и Ананда собирают все высказывания Будды.

— Они записывают его слова?

— Разумеется нет. Зачем?

— В самом деле, незачем.

Тогда я верил, что если святые слова записать, они потеряют свою силу. Я верил, что слова Мудрого Господа должны жить не в письменах на коровьих шкурах, а в умах истинно верующих. К сожалению, мне не удалось объяснить это моим бактрийским родственникам-зороастрийцам, перенявшим у греков манеру все записывать.

Демокрит считает, что первые религиозные трактаты появились в Египте. Кто знает? Да и кому до этого дело?



Я по-прежнему думаю, что, записывая гимны и святые повествования, неизменно снижаешь религиозное чувство. Определенно нет ничего более волшебного, чем религиозные повествования, заповеди и молитвы, твердимые в уме, как нет ничего лучше человеческого голоса, когда он вызывает из уголков памяти слова Истины. С годами, правда, я изменился. Теперь я хочу полностью записать слова моего деда по той простой причине, что, если мы, еще живущие, не сделаем этого, это сделают другие и истинный Зороастр исчезнет под кипами исписанных воловьих шкур.

Безо всяких церемоний к нам на крышу забрался статный мужчина лет сорока. Он был в полном вооружении и шлеме, казавшемся золотым. Принц Джета упал на колени, я опустился на одно колено, догадавшись, что это Вирудхака, наследник трона.

Вирудхака поспешил поднять нас. Грациозным жестом он усадил нас на диван.

— Официально мы встретимся завтра, уважаемый посол. Но я подумал, что было бы приятно увидеться вот так, вместе с нашим благородным другом.

От имени Великого Царя я согласился, а краем глаза рассматривал принца. Мой ум занимало три вопроса: в самом ли деле он замышляет отцеубийство? Если да, то удастся ли оно? Если удастся, что это будет значить для Персии?

Не догадываясь о моих тревожных мыслях, Вирудхака задавал множество умных вопросов о Персии. После Бимбисары он был первым высокопоставленным индийцем, понимающим степень могущества Великого Царя.

— Судя по всему, Дарий близок к тому, чтобы стать тем самым вселенским монархом, о котором так долго твердят.

— Мы и считаем его вселенским монархом, достойный принц.

Небо уже утратило всякий цвет. В высоте парили и ныряли ночные птицы. В воздухе пахло дождем.

— Но включает ли его вселенная и Кошалу? А республики? А Магадху? А юг Индии? А земли там, за горами? — Он указал на темнеющие вдаль Гималаи. — Есть еще Китай — целый мир, более обширный, чем Персия и все западные страны, вместе взятые. Должен ли и Китай подчиниться вселенскому монарху?

— Говорят, они провозгласили собственного вселенского монарха. — Я был тактичен.

Вирудхака покачал головой:

— В Китае много стран, но не хватает монарха, который бы их объединил.

— Монарха? Или бога? — спросил принц Джета. — Думаю, истинный вселенский монарх должен быть подобен богу.

— Мне казалось, что вы, буддисты, не верите в богов, — рассмеялся Вирудхака, чтобы подчеркнуть серьезность своих слов.

— Нет, мы признаем всех богов. Они неотъемлемая часть космического ландшафта. — Принц Джета сохранял невозмутимость. — Естественно, Будда не придает им значения. Естественно, боги почитают его.

— Я не вникаю в эти вопросы, — сказал Вирудхака. — Меня интересует одно: Кошала. — Он повернулся ко мне: — У нас трудности.

— У какого царства их нет, достойный принц.

— У некоторых меньше. Бимбисару объявили вселенским монархом. Вы были на жертвовании коня. Так что все видели. И слышали.

— Но не скажу, что все понял. В конце концов, все владения Бимбисары не больше и не богаче, чем, например, Лидия — одна из двадцати сатрапий Великого Царя.

С самого начала я придерживался политики не лебезить перед индийцами, но и не пугать их. Не уверен, что мне всегда это удавалось.

— Возможно, — сказал Вирудхака. — Но в этой части Индии только долина Инда подвластна Персии, и эта сатрапия... очень далеко от Кошалы. К тому же ваш царь должен знать, что нас никогда не побеждали ни в одной войне. А беспочвенно нас вот что: Бимбисара требует признать себя вселенским монархом. Но жертвование коня прошло плохо. Он надеялся присоединить к себе Варанаси. Не получилось. Теперь мой двоюродный брат Аджаташатру собирает войско. Это значит, что, как только кончатся дожди, он перейдет Ганг и начнется война.

— Насколько я понимаю, принц Аджаташатру опасается только республик. — Я действовал, как водолаз.

— Он их опасается не больше, чем мы. А нас они ни капли не беспокоят, — резко возразил Вирудхака. — Нет, война будет не с республиками, а с нами. Конечно, мы победим.

— Конечно, достойный принц. — Я ждал неизбежной просьбы.

— Персия контролирует долину Инда.

— Но, как принц сам только что сказал, сатрапия Индия очень далеко от Кошалы.

Пока мы беседовали, опустилась безлунная ночь, наши бесплотные голоса смешивались с доносившимся снизу шумом реки. В какой-то момент наш разговор угас, и я вдруг ощутил, что угасли мы сами. Нирвана?

Но Вирудхака вернул нас в реальный мир. Для индийского принца он был очень прямолинеен. Он сказал, что хочет союза с Персией против Магадхи. Когда я спросил, что выиграет от этого Персия, принц ошаршил меня своим ответом:

— Мы контролируем путь в Китай. У нас монополия на торговлю шелком. У нас пересекаются все важные пути на Дальний Восток. Из Бирмы мы ввозим рубины и нефрит. Через нас вы можете достичь юга Индии не только по суше, но и по воде, поскольку порт Чампа снова будет наш.

Его планы шли очень далеко. Он рассказал мне, сколько в точности войск нам потребуется, когда и где. Речь была тщательно подготовлена.

Пока принц говорил, я представил, какое лицо будет у Дария, когда я расскажу ему обо всех богатствах, увиденных мной на средоточии караванных путей в Шравастии. Я также представлял, какие мысли возникнут у него в голове, когда он узнает о предлагаемом союзе. Вот превосходный повод для вторжения в Индию! В Кошале гостеприимно встретят персидское войско. Затем Магадха будет сокрушена, а Кошала безболезненно поглотится Персией.

Дарий был мастер в тонком искусстве присоединить к себе чье-нибудь царство. Впрочем, каждый персидский школьник знает наизусть знаменитую речь Кира к мидийцам:

«Своей покорностью вы сохранили себе жизнь. А в будущем, если будете вести себя так же, никакая беда не падет на вас — только управлять вами будет не тот человек, что раньше. Но вы будете жить в тех же домах и обрабатывать те же земли...»

Эта речь определила неизменную политику Ахеменидов: для покоренных народов не изменяется ничего, кроме господина; а поскольку Ахеменид всегда господин справедливый, его обычно принимали с радостью, как Кира в Мидии. К тому же при всякой возможности Ахемениды старались сохранить хотя бы сходство с властью прежней правящей

династии. И вроде бы не было никаких причин, почему бы Аджаташатру и Вирудхаке не остаться сатрапами... кроме одной: только идиот оставил бы у власти таких ушлых принцев.

— Я сделаю все возможное, достойный принц. — Я произнес это загадочно и многообещающе — в лучшей сузской манере.

— У нас мало времени. Вот-вот начнутся дожди, тогда по морю отправляться нельзя. А сухопутный путь... Где останавливается ваш караван на время дождей?

— В Таксиле. Я оставил три месяца на завершение переговоров.

— Но вы сможете вернуться в Персию, когда дожди кончатся?

— Да. Однако, если вы считаете... что время не ждет, я могу послать проект нашего соглашения сатрапу Индии, он перешлет его в Сузы, и мы получим ответ до начала сухого сезона.

Излишне говорить, что ничего подобного я делать не собирался. Я выжидал. Сначала должен прийти караван. Потом я доложу обо всем Дарию. Потом... Кто знает?

Вирудхака был уже на ногах. Мы тоже встали; наши силуэты еле виднелись на фоне темного неба. Вирудхака, как того требует ритуал, заключил меня в объятия.

— Тайный совет подготовит соглашение, — сказал принц. — Надеюсь, вы отнесетесь к нему со вниманием. Также надеюсь, вы лично переведете текст на персидский. Это чрезвычайно важно.

— Царь... — Принц Джета только начал фразу.

— Царь одобрит, — успокоил его Вирудхака. — Он еще не совсем отошел от своего царства.

Вирудхака ушел, а мы с принцем Джетой сделали несколько шагов вдоль парапета и посмотрели вниз. В темноте горели тысячи огоньков, словно упавшие на землю звезды, — это живущие у реки готовили себе ужин. Я шепнул принцу на ухо об услышанном в Магадхе.

Он неуклюже замахал обеими руками:

— Они хотели, чтобы вы сказали это мне.

— Без сомнения. Но это правда?

Он покачал головой:

— Сын предан своему отцу. Да и как же иначе? У сына и так развязаны руки. Пасенади редко вмешивается... Он... — После паузы принц Джета произнес: — Нам посылают пре-

дупреждение. Но что оно значит? Чего от нас хотят в действительности?

— Магадха хочет войны с республиками.

— И с Кошалой. Поэтому, посеяв рознь между отцом и сыном...

Продолжать не стоило.

— Умно, — сказал я.

— Но что если мы никому не скажем? — Принц Джета взглянул на меня, словно хотел рассмотреть в темноте мое лицо. — В таком случае никакой розни не возникнет, не так ли?

Мы договорились никому не сообщать о предупреждении принца Аджаташатру. Но конечно, каждый намеревался использовать свое знание в собственных интересах, как это водится при любом дворе да и вообще в мире. И все же я был в замешательстве, потому что в замешательстве оказался принц Джета. Аджаташатру солгал мне? Если да, то зачем?

## 10

На следующее утро, пока меня для представления царю облачали в персидский наряд, на крыши Шравасты обрушились первые ливни. Через мгновение ко мне вошел весь мокрый и растрепанный Карака.

— Что-то случилось, — объявил он, не обратив внимания на наострившего уши цирюльника. — Все утро царь заседал со своим советом. Принц на стенах с лучниками... — Карака запнулся, наконец заметив цирюльника.

— Это может быть?.. — Я не закончил фразу, но Карака должен был понять.

— Не знаю. Не думаю, — ответил он.

Цирюльник, улыбаясь, покрывал мои губы лаком. Как высокопоставленный чин кошальской секретной службы, он знал то, что было неизвестно нам.

В полдень меня ввели в заполненный приемный зал. Хотя у подножия трона были разложены дары Великого Царя, сам трон был пуст. Обычно невозмутимые и холодные кошальские вельможи казались встревоженными, голоса их сливались с шумом дождя по крыше. Я стоял в дверях, но никто не замечал меня.

Наконец распорядитель двора увидел меня. Поспешив навстречу, он уронил свой жезл, потом схватил его совер-

шенно неподобающим образом, кое-как отсалютовал и, запинаясь, пробормотал:

— Прошу прощения, досточтимый господин посол. Вы могли принять нас за дикарей. Но случилось... Пожалуйста, пойдите со мной. И ваша свита тоже.

Мы втиснулись в комнатку рядом с приемной. Дверь за нами не закрылась, а захлопнулась. Мы с Караккой обменялись взглядами. Дождь стучал по крыше так громко, что мы с трудом расслышали крики «Да здравствует царь!».

— Какой царь? — шепнул Карака.

Я развел руками. Я был готов иметь дело как с Пасенади, так и с Вирудхакой и боялся лишь, что война между Магадхой и Кошалай начнется раньше, чем Дарий сможет воспользоваться создавшейся ситуацией.

Внезапно раздался троекратный звук трубы, точнее, кто-то дул в морскую раковину. Поскольку это традиционный сигнал к бою, я впервые встревожился. Свергнута правящая династия? Во дворце вражеские воины? Тут, еле дыша, словно бежал, появился распорядитель двора.

— Царь на троне, — сообщил он. — Сюда, господин посол.

Мы поспешили в зал аудиенций, где в серебряном кресле восседала блестящая фигура с мечом в одной руке и скипетром из слоновой кости в другой.

Распорядитель объявил о прибытии посольства от Великого Царя Персии. Затем, сопровождаемый эскортом, я подошел к трону, на котором застыла совершенно сиятельная личность, не имеющая ничего общего с тем тщедушным монахом, что я встретил в первый день по прибытии в Шравасту. Только отсалютовав монарху, я осознал, что этот надменный, усыпанный драгоценностями владыка в самом деле Пасенади. Его лицо было так же ярко раскрашено и так же ничего не выражало, как у ведических богов. Где тот хихикающий монах, которого я видел с Шарипутрой?

Холодно и официально царь произнес:

— Мы надеемся на добрые отношения с нашим братом в Персии. — Голос звучал громко, отчетливо, бесстрастно. — Мы будем стремиться к этому. Мы посылаем ему наше отеческое благословение. Мы...

Пасенади замолк. Казалось, он потерял нить. Воцарилась продолжительная, несколько неловкая пауза. Мы смотрели на царя, а он смотрел нам за спину, на двери. Я услышал позади себя шаги, но не посмел повернуться к царю

спиной. Затем мимо меня проследовал Вирудхака, с него катилась дождевая вода. У подножия трона он по-сыновьи отсалютовал и тихо, так, что слышали только царь и я, сказал:

— Это правда.

Пасенади опустил скипетр. Обеими руками он взял за рукоятку меч, словно держал факел, освещая какой-то кровавый путь.

— Мы только что узнали, что наш возлюбленный брат царь Бимбисара свергнут своим сыном принцем Аджаташатру, который просит нашего благословения. Мы не даем его. Проклятие сыну, поднявшему руку на породившего его! Проклятие стране, чей владыка захватил отцовский трон! Проклятие на Аджаташатру!

С неожиданной проворностью старик соскочил на пол, принц и государственные советники быстро удалились вместе с ним. Затем распорядитель столь же быстро удалил нас. Официальная церемония при дворе в Шравастии, очевидно, не состоялась, и дары Великого Царя остались непринятыми. Карака помрачнел: в конце концов, мы ташили эти сундуки с коврами и камнями чуть ли не через полмира.

— Как нехорошо! — сказал он. — Оставить без внимания дары Великого Царя!

— Война важнее, — произнес я с трезвостью государственного мужа. — Но поскольку до окончания дождей бои вряд ли начнутся, нам нужно как можно скорее повидаться с царем.

Но ни царя, ни принца мы не видели еще два месяца. Каждый день, невзирая на дождь, ко двору прибывали делегации со всех концов страны. Постоянно заседал тайный совет. Тем временем улица кузнецов закрылась для всех (кроме шпионов), и Карака проник в тот квартал как шпион.

— Мечи, наконечники для копий, доспехи, — доложил он. — Они работают день и ночь.

Война в самом деле оказалась важнее всего и отодвинула в сторону все остальные дела.

О событиях в Раджагрихе мне рассказал принц Джета. На собрании совета Аджаташатру просил разрешения перейти Ганг и напасть на республики. Бимбисара хотя и признал, что федерация не устоит против магадханского войска, заметил, что, учитывая последующие сложности в управлении этими склочными государствами, войну развя-

зывать не стоит. Кроме того, разве он и так не вселенский монарх? Царь очень серьезно отнесся к жертвованию коня. Как оказалось, слишком серьезно. Через несколько дней, не посоветовавшись с отцом, Аджаташатру объявил Варанаси владением своей матери. Бимбисара пришел в ярость и сказал, что Варанаси — неотъемлемая часть Кошалы. И с этим распустил совет.

Следующим вечером, после захода солнца, личная охрана Аджаташатру вошла в царский дворец и арестовала царя. Все было сделано быстро и неожиданно, поэтому сопротивления не оказал никто.

— Сейчас Бимбисара заточен на Горе Стервятников. Это такая башня в старом городе. — Принц Джета не выказал ни удивления, ни сожаления: он знал жизнь. — Говорят, отсюда еще никто не ускользал.

— И что теперь?

— Мой зять и ваш тесть — безжалостный и решительный человек, и он хочет войны. А раз хочет, то и получит.

Мы сидели на внутренней веранде в доме принца Джеты. Напротив под косым дождем гнулись банановые деревья.

— Никто бы не подумал, — сказал я. — Аджаташатру всегда... так легко плакал.

— Он играл роль. А теперь будет самим собой.

— Нет. Он просто будет играть другую роль, без этих слез, а может быть, и со слезами. Большинство живущих при дворе проводят жизнь снимая и надевая разные маски, — проговорил я с уверенностью брахмана.

Принцу Джете мои слова показались забавными.

— Вы говорите как один из нас. Только вместо масок мы меняем воплощения.

— Но в отличие от придворных вы не помните предыдущих воплощений.

— Будда помнит. Он может вспомнить каждую из предыдущих жизней.

— Пифагор тоже.

Принц Джета пропустил мимо ушей непонятную реплику.

— Но Будда как-то сказал, что если в самом деле возьмется вспоминать прежние жизни, то не останется времени на нынешнюю, а она важнее всех, потому что последняя.

Внезапный порыв ветра оторвал от ветки гроздь неспелых бананов. Дождь хлестал.



— Бимбисара говорил, что через год собирается стать монахом.

— Будем молиться, чтобы ему позволили.

Какое-то время мы смотрели на дождь.

— Интересно, — произнес я. — Ведь Аджаташатру хотел, чтобы я предупредил Пасенади насчет его сына.

— И как тонко! Пока мы следили за заговорами в Шравасти, он привел в исполнение свой в Раджагрихе.

— Но какой смысл сбивать с толку меня?

— Чтобы убрать вас со сцены. В конце концов рано или поздно ему придется иметь дело с Персией. Мы знаем это с тех пор, как ваш царь захватил одну из наших богатейших стран.

— Не захватил, принц Джета. Правители долины Инда сами попросили Великого Царя принять их в свою империю. — Я говорил как восьмидесятилетний внук Кировых времен.

— Простите меня. Я допустил бестактность, — улыбнулся принц Джета. — Но как бы то ни было, Аджаташатру хочет нанести Кошале как можно больше ущерба. Что он не сможет захватить извне, то попытается разделить изнутри и поэтому старается настроить сына против отца.

— Он пытался?

— В этом нет нужды. Пасенади хочет быть и царем, и архатом. Это невозможно. И оттого Вирудхака... несчастлив. И кто упрекнет его?

Через несколько дней Карака принес мне личное послание Аджаташатру, написанное на коровьей шкуре красными чернилами — очень подходящий цвет. Вместе мы разобрали замысловатые буквы:

«Вы так же близки нашему сердцу, как были всегда. Вы любезны нашему взгляду, словно наш собственный сын. Вы оплакиваете, как и я, смерть моего отца, вселенского монарха Бимбисары. Ему шел семьдесят восьмой год жизни и пятьдесят первый год славного царствования. Двор будет соблюдать траур до конца сезона дождей, когда мы ожидаем увидеть нашего любимого сына Кира Спитаму на нашей коронации».

Само собой, никакого упоминания о том, как Бимбисара умер. Через несколько дней мы узнали, что Аджаташатру собственноручно задушил отца шелковым шнурком, как того требует протокол при свержении монарха.

Я провел не одну беспокойную неделю в душных, зарос-

ших зеленью садах Пасенади. Ни царь, ни принц не присылали за мной. Из Суз тоже ничего не было. Никаких известий из Таксилы о караване. Мое отшельничество наконец было нарушено прибытием принца Джеты и монаха Шарипутры. Они без предупреждения появились на веранде. Я помог им отжать одежду.

— Я случайно увидел Шарипутру в саду, — сказал принц, — и сообщил ему о вашем желании поговорить с ним.

Я простил эту ложь. Мне так не хватало общества, что даже буддийский архат с черными деснами казался милостью судьбы.

Карака пошел за вином, Шарипутра уселся на пол, принц Джета на подушку, а я пристроился на табурете.

Старик наградил меня гримасой, которую я счел улыбкой.

— Мой дорогой... — начал он и замолк.

— Наверное, вам лучше задавать ему вопросы, — выжидательно глядя на меня, подсказал принц Джета.

— А может быть, лучше я буду отвечать на вопросы? — вывернулся я, вспомнив о своей духовной миссии.

— Известно, что Будда только задает вопросы, — тактично заметил принц. — Как и Шарипутра.

— Хорошо. — В старике было какое-то неиссякаемое благодушие, вызывавшее во мне образ сытого младенца, но холодный немигающий взгляд напоминал змеинный. — Вы любите игры, дитя мое?

— Нет, — ответил я. — А вы?

— Вечные игры — да. — Шарипутра засмеялся, но смех его прозвучал одиноко.

— Но почему вы совсем не интересуетесь Мудрым Господом и его пророком Зороастром?

— Все в мире интересно, дитя мое. И если вам интересно рассказать мне о вашем Мудром Господе, вы должны это сделать. Сейчас же! Говорят, истина не может ждать — не знаю почему. Все остальное ждет. Расскажите!

Я рассказал. Когда я закончил, Шарипутра обратился к принцу Джете:

— Этот Мудрый Господь пытается выдать себя за перса, но говорит точно как Брахма. Ох уж эти боги! Они меняют имена от страны к стране и думают, что мы не заметим. Но нас не проведешь! Они нас не одурачат, а? И не спрячутся от нас. Но этот Брахма! Он самый честолюбивый, осталь-

ным далеко до него. Считает себя создателем — подумать только! О, вы бы его послушали, когда он в первый раз явился к Будде! Нет, не в первый — во второй. В первый раз он упрашивал Будду привести в движение колесо его учения. О, Брахма умеет убеждать и спрашивать! Он знает, что прежде чем достичь нирваны, ему придется вновь родиться человеком, а единственный способ для этого — стать Буддой. Он ведь не глуп. Только говорит глупо. Как бы то ни было, Будда позволил себя уговорить, поскольку Брахма лучший среди богов и к нему можно снизойти, правда? И Будда согласился (после первого визита) привести колесо в движение. Для Будды это было большой жертвой, поскольку сам он уже достиг нирваны и его уже нет ни здесь, ни там, ни где бы то ни было — в отличие от бедняги Брахмы.

Затем Брахма пришел во второй раз. Это было в Раджагрихе. Как это происходило точно, нужно спросить у Ананды — он помнит все, даже самые незначительные подробности. Все это случилось до меня. И Брахма сказал Будде: «Я Брахма! Я великий Брахма, царь богов! Меня никто не создал — это я создал мир! Я владыка мира! Я могу создавать, изменять и дарить жизнь. Я отец всего сущего!» Теперь-то мы знаем, что все это полная чепуха. Но Будда всегда вежлив. И всегда возвышен. «Если ты существуешь, Брахма, — сказал он смиренно, — значит, ты создан. Если ты создан, ты будешь развиваться. Если ты развиваешься, то твоя цель — освободиться от огня и постоянного движения, вложенных в тебя. Поэтому ты станешь тем, что я сейчас. Ты сделаешь последний шаг по пути восьми изгибов и прекратишь свое развитие и существование».

— И что ответил Брахма?

Никогда ни до, ни после этого я не слышал такого кощунства!

— О, он растерялся! А вы бы не растерялись? Представьте его — точно как ваш Мудрый Господь, такой же самодовольный и всемогущий, или мнит себя таким. Однако будь он в самом деле всемогущим, то смог бы и *не существовать*, а как ни старается, не может этого достичь. Вот потому-то он и упросил Будду запустить колесо своего учения.

— А вы вполне уверены, что это в самом деле Мудрый, то есть Брахма, говорил с Буддой?

— Конечно не уверен! Это ведь все сон, дорогой мой, а во сне что-то имеет смысл, а что-то нет. Я хочу сказать, много зависит от того, где спишь, не так ли?

Я признал про себя, что в самом деле ощущаю, будто то ли сплю, то ли схожу с ума.

— Зороастр сам слышал голос Мудрого Господа... — начал я.

— ...Как и Брахма слышал ответы Будды.

Шарипутра одобрительно кивнул мне несколько раз как тупому ученику, которому удалось к одному прибавить один.

— Должен заметить, что Зороастр почтительно слушал ответы Мудрого Господа, а не наоборот.

— Я говорю наоборот, потому что Брахма почтительно слушал Будду. Ведь в каждый момент существует только один Будда.

— Существует только один Мудрый Господь.

— Кроме случаев, когда он перебирается в Индию и выдает себя за Брахму. Но все равно это не единственный бог. Просто самый тщеславный.

Я изо всех сил старался сохранить свою придворную маску.

— Вы отрицаете, что Мудрый Господь — единственный творец всего сущего?

— Конечно, мой дорогой. И вы тоже. — И тут этот вредный старикашка повторил мне мою же цитату из священного текста: — «Ахурамазда до акта сотворения не был Мудрым Господом, жаждущим расширяться, мудрым, свободным от несчастий, ясным...» Я забыл, о чем еще вы столь любезно только что нам говорили. Моя память уже не та.

Я мрачно продолжил:

— «...Всегда правым, щедрым, всепроникающим...»

— Да, да. «И прозорливый Ахурамазда увидел, что разрушительный дух никогда не прекратит своих нападков...» И потому он ходит и устраивает ловушки для разрушительного духа и изобретает вне бесконечного времени, времени долгого владычества. Мой дорогой, как это надуманно! Если он всемогущий создатель, зачем он придумал этого разрушительного духа? Чего ради? А если уж придумал, зачем же бороться с собственным творением? Не очень мудро с его стороны, правда? И потом, настаивать, чтобы человеческая раса, другое его творение, постоянно боролась с его самым первым творением... Нет, это определенно не очень хорошо.

— То, что существует зло, нехорошо, Шарипутра. Но зло

существует, равно как и добро, и борьба между ними продлится до торжества добра в конце долгого владычества.

— Если добро все равно победит, зачем же бороться? К чему беспокоиться?

— Потому что такова воля Мудрого Господа. Из себя он породил все человеческие души. И эти вечные души существуют в нем, пока им не настанет пора принять человеческий облик. Тогда они делают выбор: следовать Истине или Лжи. Если они следуют Истине, то заслуживают награды. Если Лжи...

— Да, дитя мое. Как ни неповоротлив мой ум, идею я уловил. Но зачем заставлять всех так страдать?

— Как же иначе победить зло?

— Уничтожить сначала мир, потом себя. Или, если хотите — и можете, — сначала себя, потом мир.

— Мир существует. И сам он существует. И зло существует. И добро существует. И борьба существует — неизбежно, предопределенно.

— Тогда лучше *не* существовать, не правда ли? И достичь этого можно, следуя по пути восьми изгибов.

Старик сводил с ума лучше злейшего из здешних софистов.

— Все борется... — начал я.

— ...Кроме того, что не борется, — закончил Шарипутра. — Но ваш Мудрый Господь, как и наш гордый, хотя и лукавый Брахма, так же находится во тьме, как и остальные его творения. Он понятия не имеет о том, куда идет, как и не знает, откуда взялся.

— Мудрый Господь знает, что поймает и уничтожит злого Ахримана, когда кончится время долгого владычества. Когда он это сделает, все души будут спасены.

— Так он *говорит*. Но он тоже развивается. Было время, когда его не было. Потом он был. Теперь он есть. Но *будет* ли он?

— До Мудрого Господа был Мудрый Господь.

— А до того? Он говорит, если вы верно процитировали: «До акта сотворения я не был Господом». Если не был Господом, то кем же? И откуда взялся этот творец?

— Время...

— Ах время! Но откуда взялось оно?

— Время было. Есть. Будет.

— Возможно. А возможно, нет. Я говорю об изначальных вещах, дитя мое, потому что они вас интересуют. Мы не

любопытствуем о природе вещей, о мироздании. Нам не дано знать, что было сначала и есть ли что-то первое во времени и пространстве или вне времени и пространства. Все едино. Боги, люди, призраки, звери, рыбы, деревья... Это все проявления мира, где страдание постоянно, потому что все течет и ничто не остается собой. Разве не так?

— Есть единый источник... — начал я.

Но Шарипутра уже не слушал меня.

— Первое, что я делаю с нашими учениками, — веду их на кладбище, где показываю разложившееся тело. Мы рассматриваем новую жизнь, возникающую из мертвеца, смотрим, как черви откладывают яйца в гниющую плоть. Потом яйца лопаются, и новое поколение червей наедается, пока через какое-то время — время очень-очень короткого владычества, мой дорогой — не остается ничего, кроме костей, и бедные черви умирают от голода. Но из их праха произрастают растения, насекомые, невидимые зернышки жизни, и цепь продолжается дальше и дальше. И кому не захочется прервать эту цепь страданий?

— Цепь прервется, когда Мудрый Господь возобладает над тьмой и все станет светом.

— Должен сказать, это очень похоже на речения Брахмы. Но как он признает сам — когда не лжет, — ему не ведомо, как все закончится, так же как и откуда все взялось. Он на середине реки, как и все мы. Естественно, его река шире нашей, но по сути — все реки одинаковы. Как вы сами так прекрасно спели... нет, нет, действительно прекрасно: «Время сильнее, чем все созданное — созданное Мудрым Господом и созданное духом разрушения». Для нас, дитя мое, время — только часть сновидения, от которого ты очнешься, если испытаешь просветление.

— И угаснешь?

— Вы усвоили урок, Кир Спитама!

Вредный старик наградил меня рукоплесканиями. Многие аргументы Шарипутры можно бы было опровергнуть, но я помнил наказ Дария. Я должен учиться и учить, а нельзя учить, не поняв сперва, что другие считают истиной. В те дни я не сомневался в своей миссии — наставлять всех на путь Истины. Но в то же время меня глубоко интересовала природа мироздания, и каким-то непонятным образом Шарипутра привлек мое внимание к любопытному пробелу в Зороастровой концепции божества. Да, Демокрит, ты тоже его заметил. Но ты заметил оттого, что интересуешься

сущностью материального. А мы интересуемся сущностью божественного.

Согласен, всегда казалось неясным, когда и почему Мудрый Господь родился из неопределенного времени, что непонятно уже само по себе, поскольку неопределенное, по определению, — это не то, что еще не определено, а то, что неопределенно. Но до встречи с буддистами я думал, что религии, философии или мировоззрению при всей их сложности невозможно обходиться без теории мироздания, пусть даже самой туманной. Но тут нашлась секта или религия, захватившая ум двух могущественных царей и многих мудрецов, которая даже не задалась единственно важным вопросом: как возник космос?

Хуже того, буддисты относятся ко всем богам столь же дружелюбно-пренебрежительно, как и образованные афиняне. Но афиняне боятся общественного осуждения, а буддисты безразличны к предрассудкам брахманов. Их даже не очень взволнует, если их богов объявят демонами, как это сделал Зороастр. Буддисты принимают мир таким, какой он есть, и пытаются уничтожить его.

Между тем они признают, что для простых буддистов-обывателей, возможно, лучше быть веселым, доброжелательным, спокойным и преисполненным сочувствия к окружающим. Членам же секты, однако, надлежит отрешиться не только от печалей мира сего, но и от радостей тоже.

— Когда мы насмотримся на гниющие трупы, я напоминаю ученикам, как отвратительно живое тело. Поскольку многие из них молоды, женщина еще влечет их и, конечно, привязывает к цепи существования. И поэтому я показываю, что тело самой прекрасной женщины подобно ране с девятью отвратительно сочащимися отверстиями и покрыто липкой, холодной кожей...

— При всей скудости моего ума, суть я уловил, — сказал я, в какой-то степени отыгравшись.

— Мой дорогой, если вы в самом деле поняли, то теперь сами вращаете колесо учения! Какой умный мальчик.

Шарипутра взглянул на принца Джету. Лицо у монаха по-прежнему улыбалось, но глаза оставались ясными и немигающими, как у попугая. Он приводил меня в замешательство.

— Думаю, нашему другу пора посетить Будду, — сказал принц.

Демокрит хочет знать, кто такой Будда и откуда он

взялся. На первый вопрос, пожалуй, ответа нет. В Индии я часто спрашивал об этом и получил удивительное множество ответов. Индийцы, в отличие от нас, не придают значения фактам, ощущение времени у них не такое, как у нас, а понимание реальности основано на глубокомысленном заключении, что мир не имеет большого значения, поскольку лишь непостоянный образ. Они считают, что мир им снится.

## 11

Вот что я могу рассказать о Будде. В то время, когда мы с ним встретились — более полувека назад, — ему было семьдесят два — семьдесят три года. Он родился в республике Шакья, что лежит у подножия Гималаев. Происходил из рода воинов Гаутама. При рождении его назвали Сиддхартха. Воспитывался Сиддхартха в городе Капилаваштру, столице той страны. Одно время отец Гаутамы имел в республике высокую должность, но я бы не назвал его царем, как это делают некоторые снобы в Шравасти и Раджагрихе.

Сиддхартха женился. У него родился сын, Рахула, что значит «звено» или «связь». Подозреваю, ребенок начинал жизнь под другим именем, но я так и не выяснил, под каким. Но определенно он оказался для Сиддхартхи связью с тем миром, который Будде предстояло для себя уничтожить.

В двадцать девять лет Сиддхартха начал так называемые «благородные искания». Он остро ощущал свою подверженность страданиям жизни как таковой и, понимая опасность жизни для всех подверженных страданиям от рождения, начал искать радикальное избавление от связей с жизнью — нирваны.

Поиски продолжались семь лет. Он жил в лесу. Умерщвлял плоть. Медитировал. В свой срок, благодаря усилиям, — или просто потому, что прошел путь всех своих рождений? — Сиддхартха не только понял причины страдания, но и нашел лекарство. Он увидел все, что было и что будет после. В магическом поединке он победил злого бога Мару, владыку этого мира.

Сиддхартха стал просветленным, или Буддой. Поскольку он устранил не только себя, но также и осязаемый мир, то стал выше всех богов: они продолжают свое развитие, а он нет. Они еще существуют в мире, который он полностью развеял. А раз просветление есть конец самого себя — вели-



*кий* конец, — уничтоженный мир не должен волновать Будду. Но мир, от которого он очнулся, вернулся к нему, когда с небес спустился великий бог Брахма и попросил указать путь другим. Однако Будду это не заинтересовало. Зачем говорить о том, чего нельзя описать? Но Брахма был настойчив, и Будда согласился пойти в Варанаси и привести в движение колесо своего учения. Там он открыл людям четыре истины и указал путь восьми изгибов. И в то же самое время, парадоксально, все это не имело смысла, потому что он упразднил этот мир, как и все остальные.

— Все, причиняющее страдание, подобно миражу, — говорил Будда.

Для него человеческая личность напоминает дурной сон — лучше избавиться от него, очнувшись к... к чему? Дальше я не воспринимаю учение Будды. Но ведь он просветленный, а я нет.

Как ни крути, это учение противоречит учению Мудрого Господа. Для буддистов и джайнов мир ухудшается, поэтому целью для мудрого является угасание. По Зороастру, каждый человек должен идти следуя Истине или Лжи, а спустя вечность его будут судить за все, что он сделал или не сделал в течение своей единственной жизни. В конце концов, проведя какое-то время на небесах или в аду, все человеческие души разделят победу Мудрого Господа над Ахриманом, и все мы достигнем совершенного состояния, не столь отличного от буддийской саньаты, сверкающей пустоты, — так можно перевести это слово, буквально передав смысл необъяснимого.

Для индийцев все существа обречены постоянно возрождаться. Наказание и награда в каждой данной жизни есть результат предыдущих деяний в предыдущей жизни. Каждый полностью во власти своей кармы, то есть судьбы. Для нас существует страдание и радость во время долгого владычества, а потом слияние с Ахурамаздой на вечное время. Для них существует бесконечная череда смертей и рождений, и лишь очень немногие вырываются из нее посредством нирваны, которая есть ничто, и саньаты, которая есть саньята, если она есть.

Демокрит считает, что одно не так уж далеко от другого. Я же знаю, что между ними нет ничего общего. Признаю: в буддийском понятии саньаты есть что-то светящееся и скользкое; получается так, что чем больше я думаю о буддийской истине, тем сильнее ощущаю, что пытаюсь ухватить одного из тех скользких угрей, которые извиваются по но-

чам в южных морях, испуская холодное сияние. В сердцевине буддийской системы находится пустота, и это не просто какая-то там нирвана. Это самый настоящий атеизм.

Насколько я знаю, Будда никогда не спорил о существовании богов и их заповедях, разве что мимоходом. Он никогда их не отрицал, он просто не придавал им значения. Но несмотря на ужасное самомнение, Будда не ставил себя на их место, потому что к тому времени, когда он привел в движение колесо своего учения, сам уже перестал существовать, что есть высшая степень развития. Но поскольку он сам еще не покинул тела Гаутамы, то позволил людям создать сангху, дабы облегчить страдания немногих избранных.

Сначала в секту принимались только мужчины, но потом Ананда убедил Будду, что для женщин не надо делать исключения. Они тоже должны жить своей общиной и следовать пути восьми изгибов. Несмотря на свою обычную любезность, Будда отпустил шутку, и женоненавистники часто вспоминают ее.

— Если бы секту составляли одни мужчины, Ананда, — сказал он, — ей бы осталось существовать тысячу лет. Когда в нее допустили женщин — лишь пятьсот лет.

Подозреваю, он был излишне оптимистичен.

В конце дождливого сезона принц Джета сопровождал меня в парк, который он то ли продал, то ли все-таки не продавал купцу Анатхапиндике для Будды. Здесь живут тысячи монахов, учеников и почитателей Будды. Многие аскеты спят под открытым небом, паломники ночуют на постоянных дворах, а члены секты — в большом здании с тростниковой крышей.

Неподалеку от этого монастыря на низком основании воздвигли деревянный навес. Здесь на циновке сидел сам Будда. Поскольку навес не имел стен, святой жил на виду у всего мира.

Шарипутра провел нас в монастырь. Старик двигался как мальчишка, то и дело подпрыгивая. Зонтика у него не было. Теплый дождь, казалось, не беспокоил архата.

— Вам повезло: Татхагата в настроении поговорить. Мы так рады за вас! С полнолунием он обычно замолкает. Но не сегодня. — Шарипутра похлопал меня по плечу: — Я рассказал ему о вас.

Если он и ожидал вопросов, что сказал Будда о персидском после, то тщетно.

— Я с радостью жду этой встречи, — церемонно проговорил я, используя слово из упанишад, означающее не только встречу, но и серьезную дискуссию на духовную тему.

Шарипутра проводил нас с принцем Джетой к навесу, воздвигнутому над основанием, к которому вели восемь пологих ступеней, — по одной на каждый изгиб пресловутого пути? На нижней ступени Шарипутру приветствовал высокий, желтокожий человек мощного сложения, и архат представил его нам:

— Это Фань Чи. Он приехал из Китая учиться у Будды.

— Не учиться у Будды невозможно.

На кошальском диалекте Фань Чи говорил лучше меня, хотя и с сильным акцентом. В дальнейшем мне было суждено близко подружиться с этим человеком, а пока я лишь замечу, что прибыл он в Индию не учиться у Будды, а с торговой миссией из одной маленькой страны на юго-востоке Китая. Позже Фань Чи признался мне, что пришел в тот день в парк, чтобы встретиться с персидским посланцем. Его так же влекла к себе Персия, как меня Китай.

Вслед за Шарипутрой мы ступили под навес. Все встали навстречу нам, только Будда остался сидеть на своем коврике. Я понял, почему его называли Золотым, — кожа его была желтой, как у китайца. Будда был не только не арием, но даже и не дравидом. Очевидно, род Гаутамы происходил от племени, перебравшегося через Гималаи из Китая.

Будда был маленьким, худым, гибким. Он сидел очень прямо, поджав под себя ноги. Раскосые глаза были такими узкими, что не сразу поймешь, открыты они или закрыты. Кто-то сравнил глаза Будды со сверканием ночного летнего неба. Не знаю. Я их так и не рассмотрел. Светлые брови срослись, образовав над переносицей пучок. В Индии это считается божественным знаком.

Кожу старика покрывали морщины, но она была блестящей, что свидетельствовало о его хорошем здоровье, голый же череп сверкал желтым алебастром. Вокруг старика пахло сандалом, что показалось мне неподобающим для аскета. За все то время, что я провел с ним, старик ни разу не пошевелился, разве что несколько раз повел правой рукой. Голос Будды звучал тихо и мелодично и, казалось, никак не связан с дыханием. Вообще создавалось впечатление, что Будда каким-то таинственным образом просто не дышит.

Я низко поклонился. Он жестом предложил мне сесть.

Я произнес подготовленную речь. Когда я закончил, Будда улыбнулся. И все. Ответом не удостоил. Получилось неловко.

Потом какой-то молодой человек спросил:

— О, Татхагата! Это правда, что мир вечен и все остальные взгляды ложны?

— Нет, дитя мое, я не считаю, что мир вечен, а остальные взгляды ложны.

— Тогда считаешь ли ты, что мир *не* вечен и другие взгляды неверны?

— Нет, дитя, я не считаю, что мир не вечен, а другие взгляды неверны.

Затем молодой человек спросил Будду, конечен или бесконечен космос, похоже или не похоже тело на душу, существует или нет святой человек после смерти и так далее. На каждый вопрос Будда давал юноше такой же ответ-неответ, что и на вопрос о вечности мира. Наконец молодой человек спросил:

— В таком случае какие недостатки всех этих теорий мешают Будде принять их?

— Дело в том, дитя, что теория, будто мир вечен, — это джунгли, пустыня, кукольное представление, корчи и цепь, навечно прикованная к бедности, боли, отчаянию и борьбе. Такая точка зрения не способствует отстранению, отсутствию желаний, спокойствию, знанию высшей мудрости и нирване.

— И это ответ Татхагаты на все вопросы?

Будда кивнул: .

— Вот что мешает мне принять эти очевидно противоречащие одна другой теории, и поэтому я не придерживаюсь ни одной из них.

— Но у Татхагаты есть собственная теория?

Повисла пауза. Признаюсь, кровь вдруг прилила к моим щекам, я почувствовал словно приступ лихорадки. Мне отчаянно хотелось услышать ответ или не ответ.

— Будда свободен от всяких теорий. — Голос старика звучал мягко. Глаза, казалось, смотрели не на нас, а в какой-то мир-немир, для нас не познаваемый. — Конечно, есть вещи, известные мне. Я знаю природу материи. Я знаю, как вещи возникают, знаю, как они исчезают. Я знаю природу чувств. Я знаю, откуда берутся чувства, и знаю, как они проходят. Я знаю, как приходит понимание и как оно заканчивается. Как начинается сознание — только

чтобы прекратиться. Поскольку я знаю все это, то смог освободиться от любой привязанности. Моя сущность ушла, отринулась, освободилась.

— Но Татхагата, ты... Жрец, который достиг состояния, подобного твоему... сможет ли он возродиться?

— Неверно сказать, что он возродится.

— Значит, он не возродится?

— Это тоже не будет верно.

— Так он одновременно и возродится, и не возродится?

— Нет. Одновременность не соответствует истине.

— Я не понимаю, Татхагата. Он или одно, или другое, или одновременно и то и другое, однако...

— Довольно, дитя. Ты не понимаешь, потому что человек часто не видит того, что перед ним, когда смотрит не в ту сторону. Я задам тебе вопрос. Если перед тобой зажечь огонь, ты заметишь это?

— Да, Татхагата.

— Тогда скажи, куда он уходит, когда гаснет? На восток? На запад? На север? На юг?

— Но твой вопрос не имеет смысла, Татхагата. Когда огонь гаснет из-за недостатка горючего, он... ну он просто гаснет.

— Вот ты сам и ответил на свой вопрос, возрождается или нет святой. Это вопрос ни о чем. Он затухает, как огонь, гаснущий из-за недостатка горючего.

— Понятно, — сказал молодой человек. — Теперь я понял.

— Возможно, ты начал понимать.

Будда смотрел в мою сторону. Не могу сказать, что он посмотрел на меня.

— Мы часто возвращаемся к этому спору, — сказал старик. — И я всегда использую образ огня, потому что нагляден.

Повисла долгая пауза. Вдруг Шарипутра объявил:

— Все, что имеет причинность, — мираж.

Снова воцарилась тишина. К тому времени я позабыл все вопросы, что хотел задать. Мое сознание затухло, как пресловутый огонь. За меня спросил принц Джета:

— Татхагата, посол Великого Царя Персии интересуется, как был создан мир.

Будда обратил ко мне свой странный, невидящий взор. Потом улыбнулся:

— Возможно, ты расскажешь мне сам.

Зубы Будды были желтыми, в черных точках, и почему-то напоминали змеиные. Не помню, что я говорил. Наверное, я описал ему одновременное рождение добра и зла, пересказал учение моего деда, и все это под наставленными на меня — не могу найти другого слова — узкими глазами. Когда я закончил, Будда вежливо произнес:

— Поскольку никто не узнает, правильно его собственное мнение о сотворении мира или нет, то совершенно невозможно утверждать, что чье-то мнение ложно.

И он обошел единственно важный из всех существующих вопрос. Следующая пауза была самой длинной. Дождь стучал по камышовой крыше, в ветвях шумел ветер, из монастыря доносилось пение монахов. Наконец я вспомнил один из множества вопросов, что собирался задать:

— Скажи мне, Будда, если жизнь этого мира есть зло, то зачем же *существует* этот мир?

Будда взглянул на меня. Думаю, на этот раз он действительно меня увидел, хотя под навесом стало тускло и зелено, как под водой, когда нырнешь с открытыми глазами.

— Мир полон боли, страдания и зла. Вот первая истина, — сказал он. — Пойми эту первую истину, и остальное станет очевидным. Следуй пути восьми изгибов, и...

— ...И нирвана затушит тебя, или не затушит. — От такой выходки многие разинули рты — я перебил Будду! Тем не менее я был настойчив в своей бестактности. — Но я спрашиваю, *кто* или *что* создало мир, единственное назначение которого, согласно тебе, без всякой цели причинять страдание.

— Дитя мое, допустим, ты сражался в бою. И тебя ранило отравленной стрелой. Тебе больно. У тебя жар. Ты боишься смерти — и последующего возрождения. А рядом я. Я искусный хирург. Ты приходишь ко мне. О чем бы ты попросил меня?

— Удалить стрелу.

— Сразу?

— Сразу.

— Ты не захочешь узнать, из чьего лука она вылетела?

— Конечно любопытно. — Я понял, куда он клонит.

— Но захочешь ли ты *до того*, как я удалю стрелу, узнать, высоким был тот стрелок или низким, был он воином или рабом, красивым или уродливым?

— Нет, но...

— И вот что тебе даст путь восьми изгибов: избавление

от стрелы и боли, противоядие от яда, каким является этот мир.

— Но когда стрела будет вынута и я исцелюсь, я могу поинтересоваться, кто меня ранил.

— Если ты в самом деле прошел лечение, вопрос становится для тебя несущественным. Ты увидишь, что жизнь — всего лишь сон, мираж, плод твоего воображения. И когда ты исчезнешь, исчезнет и он.

— Вот ты Татхагата — тот, кто приходит и уходит. Когда ты здесь — ты здесь. Но когда ты уходишь, куда ты уходишь?

— Туда же, куда уходит погасший огонь. Дитя мое, нирвану нельзя определить словами. Не пытайся поймать ее в сеть привычных фраз, что она есть и ее нет. В конце концов, даже понимание сути нирваны есть лишь доказательство, что ты еще на этом берегу реки. Кто достиг этого состояния, не пытается найти имя безымянному. Давай сначала вынем стрелу. Вылечим плоть. Давай взойдем, если сможем, на паром, отправляющийся на другую сторону. Так мы пройдем половину пути. Так будет правильно?

В сумерках я еле различал улыбку Будды. Потом он проговорил:

— Мудрость, превосходящая эту жизнь, бездонно глубока, как пространство Вселенной, наполненное кружением бесчисленных звезд.

— И понять ее трудно даже тем, кто проснулся, — сказал Шарипутра.

— Вот почему, Шарипутра, никто не может понять ее путем *пробуждения*.

Оба старика рассмеялись, очевидно, знакомой шутке.

Больше я из той встречи ничего не запомнил. Кажется, прежде, чем покинуть парк, мы зашли в монастырь. Похоже, там я впервые встретился с Анандой. Это был маленький человек, делом жизни которого было заучить наизусть все услышанное о словах и деяниях Будды.

Помнится, я спросил у принца Джеты, сказал ли Будда что-нибудь такое, чего не говорил уже тысячу раз.

— Нет. Он снова и снова повторяет одни и те же образы. Единственно новым — для меня — был парадокс с пробуждением.

— Но для Шарипутры это было не ново.

— Да. Шарипутра видится с ним чаще всех, и они обмениваются замысловатыми шутками. Они много смеются

вместе. Я не понимаю, над чем. Хотя я продвинулся достаточно, чтобы улыбаться в этом мире, смеяться над ним я еще не могу.

— Но почему он так безразличен к идее мироздания?

— Потому что он считает мир несущественным в буквальном значении этого слова. Конечная цель для человека — дематериализоваться. Самому ему это удалось. Теперь он вращает колесо своего учения для других, чтобы они, по мере возможности, обратились. Сам же он пришел — и ушел.

Демокриту эти идеи, кажется, даются легче, чем мне. Я еще могу допустить, что все сущее находится в движении и что мы принимаем за реальный мир какой-то изменяющийся образ, воспринимаемый каждым по-своему, причем восприятие каждого отлично от реальности. Но отсутствие божества, начала и конца, добра и его борьбы со злом... А отсутствие цели делает учение Будды слишком странным для моего восприятия и чуждым мне.

## 12

В последнюю неделю дождливого сезона река вышла из берегов. Желтая вода поглотила причалы, пробилась за деревянный частокол и затопила полгорода.

Владельцы высоких домов вроде принца Джеты, просто перебрались на другие этажи, но живущие в одноэтажных были вынуждены залезть на крышу. К счастью, дворцовый ансамбль находился на возвышенности и мои комнаты залило лишь по щиколотку.

На второй день наводнения я обедал с Каракой и Фань Чи. Вдруг обед прервали трубные звуки — кто-то трубил в раковину. Затем послышался зловеющий звон железа. Поскольку наводнения и гражданское неповиновение ходят в Индии рука об руку, мы все пришли к заключению, что пострадавшие от разбушевавшейся реки напали на дворец.

В сопровождении персидских стражников мы поспешили туда. Помню, что горячий ветер заливал дождем глаза. Помню скользкую грязь под ногами. Помню наше удивление, когда мы обнаружили, что вход в дворцовый сад не охраняется.

С мечами наголо мы вошли в вестибюль, где вода стояла по пояс. Там никого не было, но из другой части здания слышались приглушенные крики. У входа в приемный зал нам открылось странное зрелище: царские стражники сра-



жались друг с другом, но очень медленно, так как вода затрудняла движения. Пока мы смотрели на это напоминающее сон сражение, двери в зал распахнулись и появилась шеренга копьеносцев с оружием наперевес. При виде копьеносцев стражники вложили мечи в ножны. Сражение закончилось в тишине. В тишине же из дверей вышел царь Пасенади, на шее у него болталась длинная цепь, конец ее держал офицер его собственной охраны. Ритмичное позвякивание цепи над водной гладью создавало некую суровую музыку, которая пришлось бы по душе ведическим богам.

Царь проследовал мимо нас, и я поклонился. Но он меня не заметил. По сути дела, на персидское посольство никто не обращал никакого внимания. Когда царь скрылся, я по пояс в воде пробрался к двери приемного зала и увидел с дюжину мертвых воинов, плавающих в окрашенной кровью желтой воде. В дальнем конце помещения валялся перевернутый трон, и несколько человек пытались вернуть его на возвышение. Одним из них был Вирудхака.

Завидев меня, он предоставил другим устанавливать серебряное кресло и медленно двинулся по воде ко мне, вытирая лицо краем мокрой накидки. Помню, мне показалось странным, что человек, бредущий по пояс в кровавой воде, хочет вытереть лицо мокрой материей.

— Как видите, уважаемый посол, мы совершенно не готовы к церемонии.

Я как мог припал на колено. Увиденного было достаточно, чтобы понять, чего от меня ждут.

— Да хранят боги царя Вирудхаку долгие годы!

Карака и Фань Чи тоже выразили эту праведную надежду.

— Я приложу все усилия, чтобы стать достойным того, что боги даровали мне в сей день, — торжественно возвестил Вирудхака.

Раздался треск, и трон снова упал с возвышения. Да, не лучшее начало царствования.

— Мой отец уже несколько лет хотел отречься, — как ни в чем не бывало проговорил Вирудхака. — Сегодня утром он вызвал меня и упросил освободить его от бремени сего мира. И вот по его настоянию, как послушный сын, я исполнил просьбу отца и занял его место.

Очевидно, утверждение Будды, что этот мир — лишь сон, оказало влияние не только на Вирудхаку, но и на весь двор. Никто не вспоминал, по крайней мере в моем присут-

ствии, кровавого свержения Пасенади. В редких случаях, когда упоминалось его имя, говорили, что царь удалился в долгожданное отшельничество, в лес. Говорили, что он всем доволен; ходили слухи, что он достиг нирваны.

На самом деле в тот же день Пасенади изрубили на мелкие кусочки и принесли в жертву речному богу. Поскольку река скоро вошла в обычное русло, жертва, судя по всему, была принята.

Немного времени спустя я встретил на людной улице принца Джету. От высохшей речной грязи в воздухе стояла пыль, и мы натянули на лицо отсыревшую одежду, стараясь не дышать глубоко.

Мы направились к караванной площади, и принц Джета сказал:

— Пасенади обещал уйти, но в последний момент передумал. Он сказал: «Еще месяц». Очевидно, этот месяц оказался лишним.

— Очевидно. Но он был очень стар. Почему... не подождет он? — В Индии всегда лучше заменять известные имена местоимениями.

— Из страха. Он благочестивый человек, и, хотя ясно видел, что отец разрушает Кошалу, терпеливо ждал. Но когда в Магадхе власть захватил Аджаташатру, понял, что грядет война. И поступил так, как велел ему долг, для спасения остатков царства.

Мы остановились у лавки с причудливыми глазированными китайскими горшками, какие недавно завез в Индию Фань Чи.

— Вы одобряете его поступок?

Принц Джета вздохнул:

— Как я могу одобрить? Я буддист. Я не могу одобрить поступок, причиняющий вред живому существу. К тому же этот... покойный был моим старым другом. Но... — Принц Джета лениво указал на кувшин с драконьей головой: — Говорят, в Китае много таких чудовищ.

— Мне то же говорил Фань Чи. Из драконьих костей делают самые лучшие лекарства.

Я ждал ответа на свой вопрос.

Принц Джета купил кувшин.

— Если кто-то и может спасти страну от Аджаташатру, то это новый царь, — сказал он.

— А как отнесся к этому Будда?

— Будда рассмеялся — как лев.

— В нем нет сострадания.

— Откуда? Он пришел и ушел. Царь — всего лишь часть этого сумасшедшего кукольного представления, в котором совершенный больше не участвует.

---

Во время жаркого сезона из Раджагрихи приехала Амбалика с нашим сыном. Принц Джета отвел своей внучке и правнуку крыло в своем речном особняке. Тем временем через Таксилу пришло послание из Суз. Великий Царь упрекал меня за слишком высокую цену, уплаченную за железо, но, поскольку я открыл торговый путь между Персией и Магадхой, в целом он был доволен своим рабом, и при дворе я стал героем, во всяком случае так сообщал письмом секретарь. Мне предписывалось немедленно возвращаться домой.

Я тщательно приготовился. Караке я велел вернуться в Раджагриху, где ему надлежало стать торговым агентом Великого Царя. Ему следовало также подготовить второй караван с железом из Магадхи, по более разумной цене, чем заплатил я. Амбалике с нашим сыном предстояло остаться в Шравастии, пока я не пришло за ней или не вернусь сам.

Ко всеобщему удивлению — приятному удивлению, — война между Раджагрихой и Кошалой так и не началась. Хотя Аджаташатру и послал войска в Варанаси, он не делал попыток захватить город. Тем временем Вирудхака повел кошальское войско не на юг, к своему осажденному городу Варанаси, а на восток, в республику Шакья. Через несколько дней республика пала, и ее территорию поглотила Кошала. Но федерация республик привела свои войска в боевую готовность.

В конечном итоге я был рад вернуться в Персию, где бои шли вдалеке от Суз, а страшное преступление отцеубийства было неизвестно среди наших ариев. Мне казалось отвратительным, что два самых могущественных арийских царя были убиты своими сыновьями, но принца Джету это вроде бы не смущало.

— У нас есть старая пословица: принцы, как крабы, пожирают своих родителей.

В конце концов, мое столь богатое на кровавые события посольство в Индийские царства проходило под созвездием рака.

А рассуждая практически, иметь дело с Вирудхакой мне

казалось даже проще, чем с его отцом. Во-первых, он был превосходным администратором, и в скором времени Кошале предстояло стать тем, чем, по всей видимости, она была в далекие славные дни, о которых все с такой ностальгией рассказывали.

Правда, в каком бы городе я ни был, мне говорили, что я немного опоздал, а то бы застал его золотой век. Судя по всему, мне не суждено успевать вовремя.

На коронации Вирудхаки я был почетным гостем. Древний ритуал состоялся на ярмарочной площади у стен города. Я не запомнил сложной церемонии; помню только, что несколько спешили.

Помню также магический момент, когда новоиспеченный царь сделал три шага по тигровой шкуре, имитируя шаги бога Вишну, когда тот пересек мир и наполнил Вселенную светом. Ананда говорит, что и Будда сделал то же самое после просветления. Но насколько я могу судить, сам Будда вроде бы никому, кроме Ананды, не говорил о своем странствии по Вселенной. У меня осталось впечатление — возможно, ошибочное, — что Будда не был склонен к таким преувеличениям.

Хотя Вирудхака просил Будду присутствовать на церемонии, совершенный нашел уместным покинуть Шравастии накануне ночью. Последний раз его видели на дороге в Шакью. Потом говорили, что Будда знал о намерении царя напасть на его родину и хотел встретить начало войны вместе со своим народом. Но годы спустя, когда я спросил принца Джету, правда ли это, он покачал головой:

— Будду не заботили события. Все попытки вовлечь его в политику провалились. Он лишь продолжал смеяться над кукольным представлением. Правда, люди в Шакье думали, что он может спасти их, потому что вроде бы одобрял их сангху. Может быть, и так. Но его интересовала не сангха Шакьи, а буддийская сангха, — если вообще что-нибудь интересовало.

Эта беседа состоялась во время моего последнего визита в Индию. Если повезет, то ты тоже, Демокрит, сможешь говорить о чем-то как о последнем, зная наверняка, что не ошибаешься. Я больше не увижу алых попугаев, желтоглазых тигров, небесно одетых безумцев. Никогда не проеду по жаркой плоской равнине, где быстрые светлые реки разливаются и снова входят в свои берега и где всегда нужно устраивать переправы.

Почему Вирудхака напал на Шакью?

Сначала принц Джета высказал официальную версию. Я никогда не верю официальным объяснениям. Во Второй палате сузской канцелярии я сам придумал немало благородных оправданий необходимым, но весьма неблагоприятным поступкам.

— Вирудхака, так же как и Аджаташатру, боялся республик. Наверное, он думал, что, напав на них первым, станет сильнее своего двоюродного брата. Как знать? Вирудхаке не везло.

Но в день коронации боги, казалось, благоволили ему. Во-первых, как только Вирудхака сделал последний шаг по тигровой шкуре, все боги спустились с небес и поднялись из преисподней приветствовать его, и толпа радостно встретила этот спектакль.

— Вот идет Вишну, — сказал принц Джета. — Как всегда, первый.

Вдвое выше обычного человека, бог Вишну маячил над головами возбужденной толпы. Его красивое, мужественное лицо было иссиня-черным, а голову украшал высокий причудливый убор. В одной руке бог держал лотос, как Великий Царь. В другой была морская раковина. К моему удивлению, в тот день он не надел свои дополнительные руки. Пока Вишну медленно шествовал к тигровой шкуре, где стоял Вирудхака, народ пал ниц. Многие ползли к богу, чтобы коснуться края его одежды. Казалось, площадь вдруг заполнилась ползучими гадами с человеческими головами.

За Вишну следовала его жена Лакшми, ее сосцы были раскрашены киноварью, а золотистая кожа лоснилась от ги, как ее статуи у городских ворот. Когда два высших божества украсили Вирудхаку венками, толпа в экстазе завывала и пустилась плясать, как напившиеся хаомы маги.

— Боже, кто это? — спросил я принца Джету.

— Боже? Но это и есть арийские боги.

Его забавляло мое недоумение. Карака тоже рассмеялся.

— Ваш Вишну уже давно в Индии, — сказал он принцу Джете. — Он принял цвет наших старых богов.

— Конечно, они же родственники. — Из вежливости принц Джета сменил тему. — Естественно, это очень редкий случай. Лишь раз или два за поколение боги являются к царю.

Тем временем в дальнем конце площади появился краснотелый Индра. В одной руке он держал молнию, в другой сжимал глиняную бутылку сомы, из которой то и дело отхле-

бывал. Рядом, весь в черном, на запряженной четверкой огненно-красных коней колеснице стоял бог Агни, глаза его горели.

Сверкающие, грозные, со всех сторон появлялись ведические боги и торжественно подходили к Вирудхаке.

Принц Джета не понял, как я ко всему этому отнесся. Я и сам до сих пор не понимаю. Поверил ли я хоть на мгновение, что это настоящие боги? Возможно. Определенно, представление было потрясающим. Но это было всего лишь представление, как объяснил мне принц Джета.

— Боги вселились в актеров, — сказал он.

— Но какие гиганты эти актеры!

— Дело в том, что каждый бог вселился в двух актеров. Один сидит на плечах у другого, а одежды скрывают обоих. Выглядит, однако, убедительно, правда?

— И даже пугающе. — У меня было чувство, будто я грежу от хаомы. — И люди в самом деле верят, что это боги?

Принц Джета пожал плечами:

— Некоторые верят. Некоторые — нет.

— Большинство верит, — сказал Карака. Он обратился к принцу Джете: — Вы, арии, взяли эту идею у нас. На Новый год, когда наш народ в храмах приносит жертвы, тоже появляются боги. Они сулят людям голод и мор. И чтобы избежать беды, жрецы просят народ нести в храм жертвы. Если наши актеры-боги хорошо преображаются, храм удваивает свой доход.

— В таком случае, может быть, под видом бога Брахмы Будде явились два актера? — решил я подразнить принца Джету.

— Не знаю. Меня там не было, — невозмутимо ответил он. — Да ведь и Будды не было, он тогда уже угас. И поэтому Брахма — или его воплощение — зря потерял время.

Должен признаться, эти огромные божества, двигавшиеся по заполненной людьми площади, лишили меня присутствия духа. Я увидел во плоти всех главных демонов моего деда и понял, на что похож зороастрийский ад.

Но Амбалике все это понравилось чрезвычайно.

— Как живые! Лучше, чем живые, правда?

Она была на коронации в свите старой царицы. С тех пор как родила сына, Амбалика несколько раздалась.

— Я не слишком толстая на ваш вкус, нет? — так она поздоровалась со мной, когда я встретил ее у городских ворот.

Как-то раз я бестактно пожаловался, что при магадхан-

ском дворе все слишком разжирели и я сам в том числе. За три года я чуть ли не удвоил вес.

— Нет. Все в порядке.

— Если да — скажите.

Мы были в саду у дома принца Джеты.

— Скажу.

Я восхищался Амбаликой, и сказал ей об этом.

— И вы возьмете меня в Сузы?

— Если смогу.

— Я уверена: вы никогда не вернетесь.

Амбалика выглядела грустной, но говорила весело. Я сказал, что обязательно вернусь, хотя бы по такой прозаической причине, что «обязан расширять торговлю между Персией и Магадхой. И Кошалой тоже».

И это было правдой. Ведь до отъезда из Шравасты я наладил отношения со всеми самыми видными городскими купцами. Каждый добивался особых торговых льгот. Хотя я и отклонил несколько баснословных взяток, но принял предварительный гонорар от гончарной гильдии в форме беспроцентной ссуды. Эту сумму гильдия обязалась заплатить, если я прослежу, чтобы индийские гончарные изделия не облагались налогом. Я взял деньги, чтобы Амбалика и мои дети — она снова была беременна — имели должный уход, если принц Джета умрет или окажется в опале. Естественно, я предполагал снова увидеть жену и детей, уже явившись вместе с владыкой всей Индии Дарием, Великим Царем.

Осенью того же года я присоединился к направлявшемуся на запад каравану. В дополнение к личной охране со мной следовал Фань Чи. Остальные члены его первоначальной экспедиции или были убиты, или умерли от болезней, или вернулись на родину.

— Китайцы не любят путешествовать. — Фань Чи улыбался своей постоянной, но не надоедающей улыбкой. — Если Китай — это целый мир, зачем куда-то ехать?

— Персы считают так же.

Поскольку день был сухой и прохладный, мы ехали верхом. Стояла чудесная погода, и казалось совершенным счастьем жить и быть молодым — редкое ощущение.

За время пути на запад я много узнал о Китае, куда в свое время мне довелось попасть. Я предполагал поразить Фань Чи роскошью и величием Персидской державы. Вместо этого он поразил меня величием — конечно, с его слов —

китайского мира, бывшего некогда единой империей, известной как Срединное Царство. Но как это бывает с империями, держава распалась, и сегодня Китай представляет собой множество соперничающих меж собой государств, как Индия. Кроме того, опять же как в Индии, эти государства не только воюют друг с другом, но там нет ни одного мало-мальски значимого властелина, который не мечтал бы стать единым владыкой возрожденного Срединного Царства.

— Но такое может случиться, лишь если правитель — кто бы он ни был — получит небесное право.

Помнится, я впервые услышал эту фразу, когда вдали, как сон, в фиолетовой дымке показались башни Таксилы. Обычно прежде, чем увидеть город, путешественник ощущает его запах. На этот раз сначала появились башни, а потом донесся пахнувший домашней стряпней дымок.

— Мы называем это небесное право грозным величием владыки, — сказал я. — Его единственным дарителем был один из наших прежних демонов. И отнять его мог он и только он. Теперь-то мы знаем, что не бог-демон, а Мудрый Господь дарует владыке грозное величие.

— Учитель Кун сказал бы, что дарителем является небо, — ведь это одно и то же, не так ли?

Через несколько лет мне было суждено встретиться с Учителем Куном, и это был мудрейший из людей, каких я когда-либо знал. Поверь мне на слово, Демокрит. Впрочем, у тебя и нет особого выбора. Ведь, наверное, я единственный в западном мире, кто знал этого замечательного мудреца.

Нет, Учитель Кун, или Конфуций, как его часто называют, не похож на Пифагора. Конфуций не был умным человеком. Он был мудрым. Когда-нибудь я постараюсь объяснить разницу. Но вряд ли мне это удастся. Греческий язык хорош для расщепителей волос и спорщиков. Это не язык Бога, это язык безбожников.



## Книга V

### ПЕРЕХОД ГРОЗНОГО ВЕЛИЧИЯ ВЛАДЫКИ

#### 1

Я снова прибыл в Сузы. Прошло без трех дней четыре года после отправки моего посольства в шестнадцать индийских царств — совершенно неверное название даже на момент моего отбытия. Царств на Гангской равнине было меньше шестнадцати, а сколько народов жило к югу от нее, никто не считал. В канцелярии согласились, что послов следует назначить лишь в Магадху и Кошалу.

Хотя двор оставался в Сузах, сам Дарий переехал в зимнюю резиденцию в Вавилоне. Канцелярия тоже готовилась к отъезду, а гарем уже тащился в фургонах на запад. Из царской семьи в столице остался только Ксеркс.

За время моего отсутствия внутренняя война в гареме закончилась великой победой Атоссы, хотя вначале такой исход вызывал серьезные сомнения. Если не считать неудачной попытки сделать меня главным зороастрийцем, поражений она не знала, за что ни бралась. Атосса таки вынудила Дария сделать Ксеркса наследником престола.

Принц принял меня в личных покоях. Я уже собирался пасть ниц, как Ксеркс подхватил меня левой рукой, и мы по-братски обнялись.

Оглядываясь назад, я теперь вижу, как мы были счастливы. Мы были в расцвете лет, но, к несчастью, не сознавали этого. Я устал от путешествий, Ксеркс устал от Мардония. Никто не замечает счастья, когда оно есть, и только потом вспоминает, что был счастлив.

Мы пили гельбонское вино, и я рассказывал о своих индийских приключениях. Принц был увлечен.

— Я должен вести туда войско! — Светло-серые глаза горели, как у кошки. — Великий Царь слишком стар. Ему придется послать меня. Но... — Брови, обычно сросшиеся в

прямую линию, разошлись. — Он пошлет не меня. Он пошлет Мардония.

— Вы можете пойти вместе. Мардоний будет заместителем.

— Если бы меня отпустили! — Свет в серых глазах погас. — Он получает все, я — ничего! Он одержал десятки побед, я — ни одной.

— Принц покорил Вавилон, — сказал я. — Во всяком случае, собирался, когда я уезжал.

— Я подавил мятеж, не более того. Но когда я попросил назвать меня царем Вавилонским, как Камбиза, Великий Царь сказал — нет. Он сказал, что с меня хватит управления Вавилоном, что я и делаю. Еще я построил там новый дворец, где мне разрешено жить в отсутствие Великого Царя.

Я так и не понял, любил Ксеркс своего отца или нет. Подозреваю, что нет. Определенно, его обидела вся эта возня с наследованием, а то, что ему не поручали командования войсками хотя бы в мало-мальски существенных делах, принц воспринимал как намеренное оскорбление. И все же он был до конца предан Дарию и боялся его, как сам Дарий Атоссу.

— Ты почему здесь так припозднился? — спросил я.

Наедине мы говорили запросто и смотрели друг другу в глаза.

— Что, холодно?

В комнате было морозно. В мире нет города, где бы так резко менялась погода, как в Сузах. Накануне было прямо-таки знойно, но утром, когда я направился из своих покоев в северную часть дворца, где жил Ксеркс, дворцовые пруды были покрыты толстой коркой переливающегося на солнце льда, и мое дыхание дымком поднималось в свежем воздухе. Я знал, как стареющий Дарий ненавидел холод; при первом же намеке на мороз он удалялся в теплый Вавилон.

— Я главный каменщик Великого Царя. — Ксеркс протянул мне руки. Под короткими ногтями застрял раствор. — Ему так понравился построенный мной в Вавилоне дворец — а я его строил для себя, не для него, — что Великий Царь велел мне достроить и этот. Он также дал мне полную свободу в Персеполе. И вот я строю и строю. Трачу и трачу. Я заменил большинство строителей-египтян ионийскими греками. Они лучше кладут камень. Еще я взял несколько твоих индийских резчиков по дереву. Собрал почти все, кроме денег. Дарий дает неохотно, по капельке. Вряд ли с Греческих войн мне перепал хоть один «лучник».

Тогда я впервые услышал жаргонное «лучник» — так греки называли золотую монету с изображением Дария в короне и с луком в руке. Нынешние персы шутят: нет грека, непробиваемого для персидского лучника.

Ксеркс изложил мне свое видение событий, происшедших в мое отсутствие. Я говорю «свое видение», потому что не существует такой вещи, как изложение истины. Каждый видит мир по-своему, и, понятно, трон — лучшее место лишь для обозрения спин простершихся перед владыкой рабов.

— Милет после долгой осады пал. Мы перебили мужчин, а женщин и детей на кораблях перевезли в Сузы. Великий Царь предполагал поселить их где-нибудь поблизости. Так что теперь тут несколько тысяч хорошеньких милетянок в старых бараках. Подбери себе. Многие уже бросили плакать и голосить. Одну молодую вдовушку я взял к себе в гарем. Она учит меня греческому, по крайней мере пытается. Умная, как все милетянки.

Эта умная дама, между прочим, — тетка Аспазии. Мы должны держать это в тайне, Демокрит. Афиняне подвергнут Перикла остракизму, если узнают, что мать его внебрачного сына — племянница наложницы Великого Царя. Демокрит сомневается, что у собрания хватит ума выявить это родство. Конечно. Но у Фукидида хватит.

Холодный ветер трепал еще не убранный на зиму навес. Через открытый портик я видел кружащиеся сухие листья. Вспомнились школьные дни в этом же дворце, и я поежился. В дни моего детства в Сузах, казалось, стояла вечная зима.

— Когда мы взяли Милет, группа мидийцев — кто же иначе? — подожгла храм Аполлона в Дидимах, и все сгорело дотла, вместе с оракулом. Потом этот болван Артафрен разослал в греческие города послание, что храм сожжен в отместку за храм Кибелы в Сардах.

— А разве нет?

— Брат моей юности, жрецы Аполлона в Дидимах, жрецы Аполлона в Дельфах — все поддерживают Великого Царя. Каждый день он посылает им полки лучников.

Демокрит хочет знать, продолжаем ли мы платить греческим оракулам в Дельфах. Нет. Война кончилась. Кроме того, жрецы усвоили урок. Теперь оракулы редко касаются политики.

— И все равно Великий Царь с тех пор старается заглядывать вину. Кроме того, ему пришлось оплатить восстановление храма. А это значит — меньше денег для Персеполя.

В те дни Ксеркс мог выпить полдюжины бутылок неразбавленного гелльфонского вина и сидеть как ни в чем не бывало. А я даже в дни моей юности разбавлял вино водой, как грек.

Ксеркс велел виночерпию принести еще вина. Затем описал подавление Карийского бунта.

— Когда Милет пал, для этой черни все было кончено. Что оставалось? Гистиэя поймали, и этот болван в Сардах казнил его, чем очень разгневал Великого Царя. Дарий любил Гистиэя и никогда не винил его за милетские пакости. Правда, его любимца обвинили в пиратстве, а не в измене, а уж пиратством-то в последние годы жизни Гистиэй занимался. Твоя мать была очень расстроена, узнав о казни.

Ксеркса всегда забавляли интрижки моей матери.

— После Милетского восстания они больше не дружили. Так мне говорили, во всяком случае. Точно не знаю. Я всегда старался сторониться греческой партии.

— Только в том смысле, что не встречались. Но сохраняли привязанность друг к другу. — Ксеркс ослабился. — Я знаю.

И он, конечно, знал.

Ксеркс имел с дюжину шпионов в гареме — в отличие от Дария, который не придавал значения тамошней возне, если в ней не участвовала Атосса. Разумеется, за ней он следил постоянно, как и она за ним. Они напоминали двух соседствующих монархов.

— После Милета мы послали флот на Ионийское побережье. Греческие города сдались. Потом наш флот — в основном финикийский — прошел через проливы и так перепугал местного тирана, что тот сбежал в Афины. Не могу представить зачем: как самому преданному вассалу Великого Царя, ему ничего не грозило. А так он стал изменником.

Между прочим, Демокрит, Ксеркс говорил о Мильтиаде, младшем персидском вассале, которого менее чем через три года греческий союз избрал своим главнокомандующим. Ему приписывают так называемую победу греков при Платеях. Демокрит говорит, что Мильтиад был не при Платеях, а под Марафоном. Такая деталь, несомненно, важна для греческой истории. Но я говорю об истории Персии.

— Потом, прошлой весной, командование и флотом, и армией поручили Мардонию.

Ксеркс любил Мардония, как брата, и тем более успех его был для царевича невыносим.

— Не прошло и шести месяцев, как он завоевал Фракию и Македонию. С тех пор как Камбиз покорил Египет, никто не присоединял к империи столь обширных территорий. Мое счастье, что он племянник, а не сын Великого Царя.

— А почему тебе не дали такой возможности?

Ксеркс поднял к небу правую ладонь — традиционный жест повиновения Великому Царю в государственных делах.

— Говорят, моя жизнь слишком значительна. Но как я стану Великим Царем, если не на поле брани? О, мне нужны победы! Мне нужно быть как Мардоний! Но...

Ксеркс уронил руку на стол. Пальцы сжались в кулак.

— Царица Атосса?

— Да. Я наследник благодаря ей. И благодаря ей я ничтожнее, чем мой двоюродный брат, чем родные братья, чем ты.

— Ну, уж меня-то ты определенно выше.

— Да, конечно. Но я не видел Индии, как ты. А благодаря тебе мы готовы к присоединению остального мира. Что ж, помолимся, чтобы это стало делом моих рук! И помолимся, чтобы Дарий позволил Мардонию продолжать войну с греками, как тот хочет. Не знаю почему. На западе хотеть нечего.

— Разве Великий Царь не хочет отомстить за сожжение Сард?

— Есть десятки военачальников, кто справится с этим. Это нетрудно. И бессмысленно. Но Индия!

От выпитого вина Ксерксу стало легче. Он сжал мой локоть; его пальцы загубели от военных упражнений.

— Когда будешь докладывать Великому Царю, скажи, что он должен, — ну да, конечно, ты не можешь сказать, что он что-то *должен*, однако...

— Я могу намекнуть. Я также могу переговорить с царицей Атоссой.

— Не надо. Она захочет удержать меня в безопасном Вавилоне.

— Если она решит, что завоевание индийских царств не составит труда, то не будет возражать против твоего похода. Она не глупая женщина, если не сказать большего.

Кончиком кинжала Ксеркс вычищал из-под ногтя строительный раствор.

— Она может помочь. Впрочем, трудно сказать. Посмотрим. — Он улыбнулся. — Я пойду туда, и ты пойдешь со мной.

Мы радостно строили планы, что свойственно молодым. Старикам отказано в этом удовольствии, для них все планы закончены, как паутина, когда паук умер.

— Если повезет, мы начнем все это, пока Мардоний болен.

Он вдруг укололся. На большом пальце выступили две алые бусинки. Ксеркс слизнул их.

— Мардоний нездоров?

— Ранен. — Ксеркс старался скрыть радость. — По пути из Македонии ему устроили засаду. Фракийцы. Повреждено сухожилие на ноге. Теперь он хромотает и жалуется на жизнь, хотя каждый день обедает с Великим Царем. Когда меня нет, сидит по правую руку и Дарий кормит его со своего блюда.

— Но если он ранен, значит, с греческими делами покончено.

Я всегда старался отвлечь Ксеркса, когда он начинал жаловаться на отцовское невнимание. Нет, невнимание — не совсем то слово. Дарий считал Ксеркса продолжением Атоссы, дочери Кира, и не только любил жену и ее сына, но и побаивался их. Вскоре я узнал почему.

— Это должно кончиться. Определенно, нас ничто не держит на западе, кроме претензий Мардония стать сатрапом над всеми греками. К счастью, он не готов к весенней кампании. А я готов. И, если повезет, — Ксеркс воспользовался греческим выражением, — этой весной персидское войско возглавлю я. И мы пойдем на восток, а не на запад.

Затем он завел разговор о женщинах. Ксеркс питал к ним нескончаемый интерес. Он хотел больше разузнать об Амбалике, и я удовлетворил его любопытство. Мы согласились, что мой сын должен воспитываться при персидском дворе. Потом Ксеркс рассказал о своей жене Аместрис.

— Ты знаешь, мне ее подобрала Атосса. Сначала я не понимал почему.

— Наверное, из-за денег Отана.

— Такое соображение было. Но Атосса смотрела глубже. — Ксеркс улыбнулся, довольно невесело. — Аместрис учитывает все расходы. Она управляет моим хозяйством. Часами просиживает с евнухами, а ты понимаешь, что это значит.

— Суется в политику?

— Да. Атосса хочет быть уверена, что, когда умрет, за

мной будет присматривать другая Атосса. Естественно, я почитаю свою мать. Благодаря ей я наследник.

— Старший из живущих внуков Кира — законный преемник Великого Царя.

— У меня два младших брата.

Ксерксу не было нужды продолжать. Он всегда опасался, что его обойдет не Артобазан, а один из младших братьев. В конце концов, когда Дарий стал Великим Царем, у него было три старших брата и живые отец и дед. Да, такое отклонение вряд ли могло повториться в персидской истории, но все же есть немало примеров, когда предпочтение отдавалось младшему, и свидетельством тому наш нынешний господин Артаксеркс.

— Нужно женить тебя на персиянке. — Ксеркс сменил опасную тему. — Ты должен жениться на одной из моих сестер.

— Я не могу. Я не принадлежу к Шести.

— Не думаю, что это правило касается царевен. Спросим законников. — Прикончив последнюю бутылку, он удовлетворенно зевнул. — Им также надо подобрать жену для этого индийца... как его?

— Аджаташатру.

Ксеркс оскалил зубы.

— Я лично поеду на эту свадьбу.

— Это будет большой честью для Магадхи.

— И я буду присутствовать на его похоронах. Это еще большая честь.

Когда на следующий день мы выехали из Суз, шел град. В Индии я так привык к непогоде, что меня это ничуть не смутило, но Ксеркс считал плохую погоду проявлением небесного гнева и всегда искал способ наказать дождь или ветер.

— Какой смысл быть владыкой Вселенной, — говаривал он, — если из-за грозы не можешь выехать на охоту?

Я пытался научить его не придавать значения таким вещам, но без особого успеха. Однажды я даже дошел до того, что рассказал о Будде. Ксеркс посмеялся над четырьмя благородными истинами.

Меня это задело. Сам не знаю почему. Будда и мне казался отталкивающей и даже опасной личностью, но вряд ли можно осуждать его благородные истины, которые очевидны.

— Они такие смешные?

— Нет, смешон твой Будда. Как он не понимает, что желание не хотеть — это тоже желание? Его истины не благородны. Нельзя перестать быть человеком, не умерев.

Ксеркс целиком принадлежал этому миру.

Когда мы подъехали к изломанному ряду красных песчаных холмов, естественной границе Сузского округа, погода улучшилась, потеплело, и Ксеркс сразу повеселел, а подъезжая к Вавилону, даже он не мог придрачиться к небесам.

Вскоре после полуночи мы были у городских ворот. Почтительно, но не совсем точно стража приветствовала Ксеркса как вавилонского царя. Затем огромные кедровые ворота со скрипом открылись, и мы вошли в спящий город. По сторонам широкой улицы, ведущей к Новому дворцу, светились огоньки бедняков, как земные звезды. Пока ты на земле, они всегда сопровождают тебя.

## 2

Поскольку я побывал в мире, о котором никто при дворе не слышал, а уж подавно и не видел, я думал, что мое возвращение вызовет большой интерес, и я ожидал стать центром внимания. Мне следовало знать двор лучше. Он живет тем, что касается двора. Моего отсутствия не заметили, на возвращение не обратили внимания.

А вот появление Фань Чи вызвало смех. К счастью, он не обиделся.

— Они для меня тоже выглядят нелепо, — сказал он невозмутимо. — И от них пахнет, как от несвежего ги. Наверное потому, что они такие волосатые — как обезьяны.

У желтых людей из Китая на теле почти нет волос, и поэтому их пот пахнет необычно — вареными апельсинами.

Я доложил о прибытии в Первую палату канцелярии. Там ничто не изменилось. Меня послали во Вторую палату, где те же евнухи сидели за теми же длинными столами, сверяя счета, составляя письма от имени Великого Царя, ведя нудную работу по управлению империей. То, что я побывал в Индии, ничуть их не заинтересовало. Помощник распорядителя сказал, что Великий Царь очень скоро может дать мне аудиенцию. Но потом... Персидский двор вечен в своей неизменности.

Лаис тоже не изменилась.

— Ты очень возмужал, — сказала она.



Мы обнялись. Как обычно, она не задавала вопросов о моей жизни. Индия ее тоже не интересовала.

— Тебе нужно повидаться с твоим старым другом Мардонием. Прямо сейчас. Это, несомненно, самый влиятельный человек при дворе. — Лаис ощущала влиятельность, как изгибающийся прут лозоходца чувствует малейшую подземную влагу. — Дарий от него без ума. Атосса в ярости. Но что она может поделать?

— Отравить, — предположил я.

— Она бы и отравила, кабы знала, что это сойдет ей с рук. Но я не устаю повторять, что Мардоний не опасен. Чего бояться? Он не сын Великого Царя. «Случалось, наследовали и племянники», — говорит она. В этом году она лишилась четырех зубов. Просто выпали. Но если не поймешь, что она говорит, не подавай виду. Притворись, что понял каждое слово. У нее большое самомнение, и она не любит повторять. Как тебе понравился дворец Ксеркса?

Мы были на крыше Нового дворца над покоем Лаис. На севере, сразу за зиккуратом маячило, сверкая золотом, роскошное строение Ксеркса.

— Да, понравился, насколько смог рассмотреть. Я только что из канцелярии.

— Внутри прелестно. И удобно. Дарию так понравилось, что бедняге Ксерксу приходится переезжать сюда, когда двор в Вавилоне, а двор проводит здесь все больше и больше времени. — Лаис понизила голос. — Он постарел.

Лаис бросила на меня таинственный взгляд. В ее мире *ничто* не происходит естественным путем, и если Дарий постарел, то это результат не времени, а колдовства или яда.

Шурша одеждой, в дверях появился знакомый древний евнух. Он взглянул на Лаис. На меня. И исчез. Они так хорошо понимали друг друга, что могли общаться без знаков.

— У меня новый друг, — несколько нервно проговорила Лаис. — Надеюсь, ты его полюбишь, как и я.

— Я всегда любил твоих греков. Откуда этот? Из Спарты?

Лаис всегда не нравилось, что я вижу ее насквозь, как она якобы видела других. Но ведь я внук святейшего человека из когда-либо живших и к тому же сын колдуньи. Я обладаю способностями, каких лишены обычные люди.

Демокрит просит продемонстрировать эти способности. Пожалуйста: моя память.

Грек был не намного старше меня. Да ведь и моя мать не

намного меня старше. Это был высокий мужчина с бледным лицом и голубыми дорийскими глазами. Если не считать сандалий вместо туфель, одет он был по-персидски, и чувствовалось, как это его стесняет. Я угадал: он был спартанцем. Как я узнал? По темно-рыжим волосам до плеч, ни разу не мытым, разве что под дождем.

— Демарат, сын Аристона, — почтительно представила грека Лаис. — Спартанский царь.

— Больше не царь. Больше не сын Аристона. Благодаря Дельфам.

— Прорицательницу сменили.

Лаис говорила так, словно это она была причиной замены.

— Для меня слишком поздно.

Я тогда не понял, о чем они говорят. Потом я с лихвой узнал о так называемом Спартанском скандале — довольно нелепое название, если учесть, сколько скандалов случается в Спарте ежегодно. Обычно они связаны со взяточничеством должностных лиц. Из всех греков спартанцы самые алчные до лучников.

Спартанское государственное устройство предполагает не одного, а двух царей — глупейший обычай. Демарат пал жертвой второго царя, Клеомена, подкупившего дельфийскую прорицательницу, чтобы та сказала, будто Демарат — не сын Аристона. А раз Демарат оказался незаконнорожденным, то и царем быть перестал. Гиппий нам так и говорил в охотничьем домике, но ему не поверили. Великий Царь не думал, что через столько лет даже Дельфийский оракул может доказать, кто кого зачал. Но оракул справился, и, подобно всем низложенным греческим тиранам и полководцам, Демарат тут же отправился в Сузы, где его и приветил Великий Царь. Демарату пожаловали земли в Троаде и высокую военную должность.

Мы обменялись обычными любезностями. Потом с чувством, что все это уже было мною видно в исполнении Гистиэя, я произнес:

— Теперь вы попытаетесь убедить Великого Царя напасть весной на Афины. Когда Афины падут, вы захотите, чтобы Великий Царь захватил и Спарту?

— Только Афины, — ответил Демарат. Я заметил, что его холодные голубые глаза имели тот же оттенок, что и голубые изразцы на воротах Иштар. — Спартанское войско сильнее персидского.

— Нет войска сильнее, чем у Великого Царя! — нервно выкрикнула Лаис.

— Кроме спартанского, — сказал Демарат. — Это так.

Меня восхитило хладнокровие бывшего царя. Но ноги его меня повергали в ужас. Он носил открытые сандалии, выставлявшие наружу его пальцы, черные, как у вавилонских крестьян. Стараясь не смотреть на них, как и на волосы, я стал рассматривать его бороду. Она была такой густой, что застаревшая в ней пыль казалась обожженной глиной.

— Без союзников Спарта уязвима, — заметил я. — Спарта зависит от афинского флота. А если Афины падут...

Я не стал утверждать очевидное. Демарат бросил на меня убийственный взгляд и в раздражении потянул себя за персидские рукава.

— Эретрия, Эвбея и Афины — вот цели Великого Царя на следующий год. Спарта — другое дело. Спартянцы сами решат свои проблемы. А тем временем Мардоний снова возглавит войско.

Лаис взглянула на меня, словно я должен обрадоваться. Я взглянул на нее, напоминая, что наша партия — не партия Мардония и греков, а Ксеркса и Атоссы.

— Вы уверены?

Но заданный Демарату вопрос на самом деле относился к Лаис.

— Нет, — сказала она. — Врачи говорят, он уже никогда не будет ходить.

— Мардоний — лучший полководец Великого Царя. — Демарат говорил прямо. — Если понадобится, он поведет войско и лежа на носилках. Но до этого не дойдет. Я видел его ногу. Она заживет.

— А если нет, — Лаис вдруг напустила на себя торжественность и таинственность, — то почему бы спартанскому царю самому не возглавить войско.

Демарат подогнул свои черные пальцы на ногах. Я отвел глаза.

— Есть одна веская причина, по которой я не могу возглавить войско. — Голос его звучал неестественно мягко. — Я не перс — пока еще.

В тот же день мы с Лаис бурно повздорили. Я говорил, что самое худшее, чего нам следует опасаться, — это еще одна греческая экспедиция.

— *Наше* будущее на западе! — объявила Лаис. — Пусть Мардоний затмит Ксеркса на год-два. Что это изменит?

Ксеркс все равно когда-нибудь станет Великим Царем, и тогда, благодаря Мардонию и Демарату, он будет владыкой над всеми греками от Сигея до Сицилии и всех морей тоже.

Мы с Лаис оказались на разных сторонах. По сути дела, с того дня в течение нескольких лет мы с ней не разговаривали. Поскольку я поддерживал Ксеркса, то старался направить персидскую политику на восток, а Лаис продолжала принимать всех греков, оказавшихся при персидском дворе, и поддерживала их многочисленные жалобы. И тем не менее сохраняла теплые отношения с Атоссой. Годы спустя, когда мы с Лаис помирились, она рассказала, как ей удавалось оставаться своей в обеих партиях.

— Я убедила Атоссу, что даю Мардонию яд. Очень понемногу, конечно, так что, когда он умрет, все будут считать причиной незаживающую ногу.

— И что Атосса сказала, когда Мардоний не умер?

— Когда у него отняли войско, я сказала ей: «Какой смысл его убивать?» — и она согласилась, что никакого. И я прекратила так называемое отравление.

Вскоре после моей встречи с Демаратом меня приняла Атосса, сожалеющая о моем разрыве с Лаис.

— В конце концов, мать спасла тебе жизнь.

— Это вы спасли мне жизнь, Великая Царица!

— Верно. Но я сделала это для Лаис. Как мне ненавистен этот город!

Хотя Третий дом гарема во дворце Ксеркса был пышнее, чем в Сузах, Атосса постоянно жаловалась на жару, шум, вавилонян — будто когда-нибудь видела вавилонян, кроме тех, что всегда служили при дворе.

— Разумеется, тобой я довольна.

С потерей нескольких зубов речь Атоссы действительно ухудшилась. Царица компенсировала потерю, постоянно чмокая и отвратительнейшим образом поджимая губы.

— Я знаю, что ты делаешь для Ксеркса. Знаю, что с матерью ты поссорился из-за греков и Мардония. Мардоний...

Она вовремя спохватилась. Подозреваю, она чуть не сказала, что ее блистательный племянник стараниями Лаис скоро будет мертв. Но если и было минутное искушение заявить об этом, Атосса сдержалась и лишь топнула по пестрому ковру ногой в яркой серебристой туфле. Куда бы царица ни отправлялась, старый ковер путешествовал с ней. Думаю, она имела какой-то предрассудок насчет него. У ме-

ня-то точно были связаны с ним определенные воспоминания.

Атосса обратилась к ковру:

— Говорят, Мардоний этой весной не сможет воевать. — Оторвав взор от ковра, она посмотрела прямо на меня. — Расскажи мне об Индии.

Я рассказал об Индии. В глазах старухи блеснула жадность.

— Богатство! Богатство! — повторяла царица.

— И легко достижимое, — сказал я, — для Ксеркса.

— Ему нельзя рисковать.

Атосса сохраняла твердость.

— Он должен доказать свое умение вести войска, прежде чем умрет Великий Царь.

— Слишком опасно. Особенно сейчас. В такое время. Все мы такие старые! Ох, гробница!

Из-за невнятной речи за царицей было особенно трудно уследить, когда она меняла тему разговора. Я тупо уставился на Атоссу.

— Гробница. Гробница Дария. — Перед каждым слогом она предусмотрительно складывала губы. — Она меня бесит.

— Из-за эмблемы луны?

Фасад гробницы украшала демоническая эмблема луны в противовес солнцу Мудрого Господа. Гистасп умер возле этой гробницы в гневе на такое кощунство. Теперь Гистасп лежит внутри, а на фасаде продолжает красоваться луна.

— Так и должно быть. — Атосса оторвала цветок от гирлянды у себя на шее и бросила в образ Анахиты в углу. — Луна — ее символ, и я не хочу лежать ни под каким другим. Нет, случилось еще кое-что. В гробнице есть место лишь для двенадцати из нас. Старый Гистасп и два Дариевых брата уже заняли одну полку. Потом Дарий, я и моя сестра Артистона займем другую, а шестеро племянников — две оставшиеся. Все это оговорено между мной и Дарием. И вот теперь, только сегодня утром, Дарий отдал место молодого Артафрена Пармис! Она умерла на прошлой неделе. Мне говорили, в страшных муках!

Атосса прижала худую желтую руку к месту, где раньше была грудь.

— Да, та же самая болезнь. Но у меня есть Демоцед. И я выжила. А у нее только египтяне. И она умерла в муках. Говорят, перед концом она весила меньше годовалого ребенка. — Приятные мысли быстро развеялись прежним напо-

минанием. — Пармис вечно будет с нами в этой каменной комнате! О, это невыносимо! И тут какая-то загадка. Правда, ходит слух, что... Но вопрос в том, *зачем* он совершил немислимое? Кроме как досадить мне, что ему всегда удается. Невыносимо думать, что целую вечность мне придется лежать рядом с дочерью убийцы, изменника и самозванца!

Должен сказать, я тогда совсем забыл о Пармис, дочери мага-узурпатора Гауматы. Лаис говорила мне, как удивился двор, когда Дарий объявил, что женится на ней. И еще более загадочным было объяснение: «Самозванным или нет, но этот маг в течение года был Великим Царем. Поэтому его дочь Пармис — дочь Великого Царя Персии. Поэтому ей пристало быть моей женой».

— Ты должен обещать мне именем Анахиты — то есть Мудрого Господа, — что, когда Дарий умрет и я умру, ты убедишь Ксеркса убрать из гробницы эту ужасную женщину. Поклянись!

Пока я клялся, Атосса подозрительно наблюдала за мной.

— Если ты нарушишь клятву, я сама ничего не смогу поделать. Но богиня сильна. Богиня вездесуща.

Красные глаза Атоссы впились в меня.

— Я сделаю все возможное. Но, конечно, ваше слово Ксерксу...

— Он уже слышал это слово. Но он забывчив. К тому же его занимают другие мысли. — Она не уточнила. — Так что я рассчитываю на тебя. На тебя одного.

У Атоссы были и другие жалобы. Она редко видится с Ксерксом. Когда двор в Сузах или Экбатане, он — в Вавилоне или Персеполе.

— У него мания строить. — Атосса нахмурилась. — Конечно, таким был и мой отец. Но это очень дурное увлечение, как оказалось. И бесконечное.

Спустя годы, я увидел творение Ксеркса в Персеполе — прекраснейший в мире комплекс недостроенных зданий. Когда в Персию приехал Каллий для мирных переговоров, я свозил его в Персеполь. Эльпиниса говорит, что он был так потрясен постройками Ксеркса, что велел одному из рабов срисовать основные сооружения. В этот самый момент афиняне заняты копированием творений Ксеркса. К счастью, я видел оригиналы. К неменьшему — не увижу грубых подделок Фидия.

Атосса призналась, что одинока и ни с кем не видится.

— Конечно, у меня есть Лаис. Но она помешалась на греческой политике. Обычно мне хватало евнухов. Они были моими глазами и ушами с самого детства. Но новое поколение не похоже на прежнее. Они или слишком похожи на мужчин, или на женщин. Не пойму, что тут не так. Во времена моего отца они были вполне уравновешенны и абсолютно преданны. Без слов понимали, чего от них хотят. Нынешние евнухи дерзки, тупы и нерадивы, и обе палаты канцелярии еле чешутся. Ничего не делают, как следует. Похоже, это все греки с Самоса. Они смазливы, конечно. Даже умны. Но из них хорошие евнухи не получаются. Из них вообще не выходит ничего путного, только и умеют, что устраивать неприятности. Ты знаешь, что Лаис снова им потворствует.

— Да, я встретил спартанского царя.

— В гареме Лаис зовут греческой царицей. Нет, я не возражаю. Не будь ее, я бы не знала, что затевает этот пакостный народишко.

— И что же он затевает?

В серьезных делах я задавал Атоссе прямые вопросы, и она иногда прямо отвечала.

— Они затевают весенний поход. Афины должны быть разгромлены и тому подобное. Все это совершенная глупость, но Гиппий...

— Вечно этот Гиппий!

— Не перебивай!

— Я только повторил, Великая Царица.

— Не повторяй! Гиппий убедил Дария, — в который раз! — что афиняне снова хотят его, Гиппия, к себе тираном. Дарий стареет.

В отличие от Лаис Атосса не шептала крамольные слова, а выкрикивала, зная, что секретная служба передаст Дарию все в точности. Так они общались друг с другом. До самой смерти Дария я не понимал, почему она не боится его, а он ее боится.

— Дарий запутался. Он действительно думает, что Афины хотят восстановить у себя тиранию, когда остальные греческие города стали демократиями.

Я был изумлен:

— Но ведь в ионийских городах...

— ...Теперь установились демократии. Тиранов прогнали, всех до одного. Благодаря Мардонию. Сначала Дарий пришел в ярость. Но потом понял, как умен оказался Мар-

доний. — Глаза Атоссы напоминали в свете факела запыленную глазурь. — Мардоний умен... Иногда мне кажется, слишком умен. Как бы то ни было, идя от города к городу, он понял, что тираны непопулярны, потому что верны Персии.

— Прекрасная причина их поддерживать.

— Я бы тоже так решила. Но Мардоний хитрее нас. Он взял за правило встречаться с первыми греческими купцами. Ты знаешь этих людишек, управляющих сбродом, когда тот собирается и начинает голосовать. И вдруг Мардоний от имени Великого Царя прогнал всех тиранов. Вот так. Теперь среди ионийских демократов он герой. Поистине дух захватывает.

— Хотя тиранов и прогнали, я уверен, что в Галикарнасе царица осталась.

Такие вещи забавляли Атоссу.

— О да! Артемизия осталась царицей. И к тому же она красавица вдова.

— Ну, вдова-то она не слишком привлекательная.

— Все царицы — красавицы, — твердо сказала Атосса. — Только не для своих мужей. Но как бы то ни было, теперь Персия оказалась в смешном положении: насаждает демократии в ионийских городах и пытается свергнуть демократию в Афинах, чтобы установить там тиранию.

— Мардоний очень самонадеян.

— Во времена моего отца с него живого содрали бы кожу у городских ворот за то, что осмелился присвоить prerogative Великого Царя. Но нынче не те времена, как я часто себе напоминаю. — Атосса пощупала один из оставшихся зубов и сморщилась от боли. — Мардонию посчастливилось завоевать Фракию и Македонию. Иначе Дарий бы разгневался на него. А так Великий Царь слушает Мардония, и больше никого. Во всяком случае, весь этот год. И значит, будет новый поход в Грецию, с Мардонием или без него. Если только... Расскажи мне еще об Индии.

Атосса была очень трезвым и реалистичным политиком и сознавала, что рано или поздно Ксеркс проявит себя на войне, и в свете побед Мардония лучше рано, чем поздно. Она не опасалась, что Ксерксу не удастся добиться побед, — разве он не внук Кира? — но боялась покушений со стороны партии Гобрия. Атосса понимала, что гораздо легче убить полководца во время битвы, чем окруженного охраной принца при дворе.



Когда я закончил, она произнесла грозные слова:

— Я поговорю с Дарием.

За все годы нашего знакомства фразу эту я слышал, думаю, раза три, не более. Как объявление войны. Я благодарно поцеловал царице руку. Мы снова были сообщниками.

Несколько раз я пытался повидать Мардония, но он был слишком слаб, чтобы меня принять. В ноге началась гангрена, и шли разговоры об ампутации. Все говорили, как стыдно, что Демощеда уже нет в живых.

Фань Чи был в восторге от Вавилона.

— Там живет, по крайней мере, шесть китайцев, и один из них ведет дела с Эгиби.

Известно всему миру — за исключением Демокрита, — что «Эгиби и сыновья» — богатейшие банкиры в мире. На протяжении трех поколений они финансируют караваны, флоты, войны. Я никого из них не знал достаточно хорошо, но Ксеркс был с ними слишком близок. Из-за своей страсти к строительству ему всегда не хватало денег, и Эгиби неизменно помогали, и порой не без выгоды для себя. Обычно они ссужают деньги под двадцать процентов, но для Ксеркса снизили учетную ставку до десяти, что позволило ему заложить, правда так и не завершить до конца жизни, с дюжину дворцов, да еще вести Греческие войны. Жена Ксеркса Роксана была внучкой Эгиби. Она очень стыдилась этого родства, что весьма забавляло Ксеркса.

— Они не могут отказать в деньгах родственнику, — любил говорить он.

Дарий презирал банкиров, что довольно любопытно, так как он по своей сути был человеком с рынка. Вероятно, он хотел устранить посредника. Во всяком случае, Великий Царь финансировал державу за счет налогов и грабежей. Если верить Ксерксу, Дарий никогда не брал ссуд.

— Да и вообще, не думаю, что отец когда-нибудь понимал эту систему, — говорил он мне.

Я не сказал Великому Царю Ксерксу, что в области финансов было очень мало вопросов, в которых его предшественник не разбирался. Все знали о возвращенных в казну Дариевых денежных векселях. Хотя считается, что краткосрочным займам у граждан он научился от Гиппия, думаю, все было наоборот. Но, с другой стороны, чеканка золотых монет во времена Дария проводилась честно.

— Я и есть этот лучник, — любил говорить он, катая по

стола монету. — Это мое лицо, моя корона, мой лук. Люди должны ценить мой истинный вес.

И они ценили. И ценят. Только недавно качество золотых монет снизилось.

Я смог устроить Фань Чи несколько встреч с Ксерксом. Я был переводчиком и видел, что они хорошо поладили. Не только мне удалось заинтересовать Ксеркса Индией, рассказы Фань Чи о Китае взволновали нас обоих.

— Как велик мир! — воскликнул как-то Ксеркс.

Мы разбирали карты, и, когда дело касалось путей в Китай, Фань Чи всегда говорил как-то путано. Он рассказал, что есть два пути. Один проходит через горы на востоке от республики Шакья, другой пересекает обширную северную пустыню за Амударьей. Сам Фань Чи прибыл морем в магадханский порт Чампа.

— Но это заняло у меня больше года, — сказал он, — и я не хочу возвращаться этим путем. Я хочу найти хорошую сухопутную дорогу — шелковый путь, который соединит нас с вами.

Потом, в Китае, Фань Чи признался мне, что намеренно темнил насчет путей в так называемое Срединное Царство, так как был поражен необъятностью империи Дария.

— Я думал, что Персия будет вроде Магадхи, а вместо этого увидел вселенского монарха, который, к нашему счастью, не имеет представления, как велика Вселенная. И я решил, что будет не очень хорошо, если он захочет посетить Китай. Персидское войско на Желтой реке вызвало бы у нас большое беспокойство.

Обрати внимание на разницу между китайцем и греком. Грек из оскорбленного самолюбия всегда готов предать свою родину. А хотя Срединное Царство разбито на десятки воюющих между собой государств, никто в Китае — кроме, может быть, так называемого Сына Неба — не мыслит попросить помощи у войска чужой расы. Желтые люди не только исключительно умны, но совершенно убеждены, что во всем мире они — единственные в своем роде. В их глазах это мы — варвары! Вот почему только ищущие приключений души, как Фань Чи, порой покидают Китай. Остальным безразлично, что лежит за пределами Срединного Царства.

Фань Чи быстро заключил множество сделок с «Эгиби и сыновьями». Искусно воспользовавшись их страстью к шелку и китайским тканям, он продал все, что при нем было,

купил все, что мог себе позволить, и еще взял ссуду под залог будущей прибыли.

Пока я ждал личной аудиенции у Великого Царя, Фань Чи удалось найти средства на конвой грузовых кораблей, чтобы доплыть до Индии, где он собирался нанять караван, пересечь ее и пройти длинным и рискованным путем через горы в Китай, на что, не подумав, решаются лишь молодые люди.

После недолгого траура по Пармис, Дарий выдержал паузу и наконец устроил утренний прием. Я воспользовался возможностью представить двору Фань Чи. Сначала это вызвало достаточно возражений со стороны Второй палаты канцелярии. Действительно ли желтый человек посол? Если да, то от какого царя? Если он просто купец, то не может быть принят. Ни в коем случае. В конце концов вмешался Ксеркс, и послу Фань Чи было велено явиться на аудиенцию и от имени правителя Лу признать главенство Великого Царя.

В полдень мы прибыли в колонный зал нового дворца. Ксеркс только что отстроил это великолепное здание на северо-западе от старого дворца. Меня почтительно встретил распорядитель двора. Персидские вельможи, не знавшие, как следует воспринимать меня, держались напыщенно. Вообще-то, они не любили жрецов. Но я был не более жрецом, чем вельможей. Однако, так или иначе, к царской семье я был близок, и знатные персы встречали меня вежливыми улыбками, подставляли щеки для поцелуя, шептали комплименты — все, кроме Гобрива. Он даже не кивнул мне. Как сторонник партии Атоссы, я был врагом. Я заметил, что бакенбарды старика подверглись новой метаморфозе: из ярко-красных они, как осенние листья, стали тускло-золотыми.

Мардоний не показывался, но присутствовало более ста сыновей и племянников Великого Царя. Впервые я увидел Артафрена, сына лидийского сатрапа. Он был очень похож на отца, только лицо его окаменело от заносчивости. Рядом стоял мидиец Датис, известный полководец, которого я видел много лет назад в охотничьем домике на дороге в Парсагады.

Слева от трона собрались сочувствующие греческой партии. Гиппий совсем постарел, но выглядел решительно. Он жался к Милону, который стал теперь статным мужчиной. Я поклонился Гиппию и обнял Милона.

— Ты совсем почернел! — удивленно заметил он.

— Слишком много глотаю огня, — ответил я, отступая: мне не хотелось говорить со спартанским царем.

Рядом со мной стоял Фань Чи. Вельможи смотрели на него, как на какое-то диковинное животное. Он смотрел на них так же. Персидская архитектура ему не понравилась, но роскошью нарядов Фань Чи восхищался.

— А где же Эгиби? — вдруг спросил он.

— Мы при дворе, — ответил я, считая, что сказал достаточно.

— Знаю. Но я также знаю, что они ссужают деньгами наследника трона. Почему же их нет здесь?

— Мы при дворе, — повторил я. — А Эгиби — ростовщики, торговцы. Великий Царь не может принять их.

— Но царская семья ведет с ними дела.

— Да. Однако неофициально. При дворе лишь знать может видеть Великого Царя. Разве в Китае не так?

— Говорят, так было в прежние дни. Возможно, это правда.

Фань Чи умел давать ни о чем не говорящие справки, обычно приписывая их своему Учителю Куну.

В каждой столице придворный церемониал следует протоколу, возникшему еще до становления Персидской империи. В Мемфисе Великий Царь — фараон и бог. В священных Пасаргадах он — предводитель кланов. В Вавилоне — халдейский царь, чья власть опирается на жречество, которое делает вид, что, хотя город может управляться смертным персидским царем, придворный церемониал должен по-прежнему служить лишь земным отражением величия Бел-Мардука. Потому музыканты играли нечто более подходящее для вечеринки со шлюхами, чем для приема у Великого Царя, и храмовые танцовщицы выделявали явно непристойные фигуры, воздавая честь Иштар (она же Кибела, она же Анахита, она же Диана, и она — везде!).

Хозяином всей церемонии в Вавилоне выступает верховный жрец Бел-Мардука. В тот день он был в голосе и, стоя у входа в колонный зал, завывал на старохалдейском языке.

— Великий Царь Дарий, владыка всей земли, царь Вавилонский, царь царей! — проревел начальник стражи.

В дверях появился Дарий, за спиной у него сияло солнце. Когда он ступил на длинный лидийский ковер, ведущий к трону, мы простерлись ниц.

На Великом Царе был пурпурный мидийский халат, какой имел право носить лишь монарх. На голове красовался высокий войлочный цидарис, обвитый бело-голубым шнуром Кира. В правой руке Дарий держал золотой скипетр, в

левой — золотой лотос. Распорядитель двора нес церемониальное опахало и сложенную пополам салфетку. Начальник стражи — подставку для ног. Член вавилонской царской фамилии держал над головой Великого Царя традиционный золотой зонтик. Этот зонтик принадлежал древним царям Ассирии. Отстав от Дария на несколько шагов, шел наследник престола.

Пока Дарий медленно и величаво перемещался к середине зала, жрецы Бел-Мардука затянули торжественную песнь. Хотя считалось, что все мы смотрим на красный пол, все смотрели на Великого Царя.

Дарий теперь был белым, как скиф. Я выискивал у царя признаки старости и нашел — это всегда легко, только не тогда, когда смотришь в зеркало. Дарий чуть приволакивал левую ногу: несколькими месяцами раньше его постигло нечто вроде паралича, и левая рука, в которой он держал лотос, так и не обрела свободы движения. Потом мне сказали, что Великий Царь совсем не владел левой половиной тела, и лотос был просто привязан к пальцам.

Тем не менее лицо Дария оставалось красивым и мужественным и, казалось, раскрашено не больше обычного. Голубые глаза смотрели ясно. Но контраст между ним и Ксерксом был разителен. Сын был на полголовы выше отца, и он был молод. В левой руке Ксеркс держал золотой лотос, правая рука оставалась пустой.

Подозреваю, Дарий вполне сознавал, что в зале нет человека, который бы не прикидывал, сколько еще осталось ждать нового владельца львиного трона, — правда, в Вавилоне таким тронем не пользовались. По настоянию жрецов, Великий Царь обязался сидеть на довольно невыразительном золоченом кресле, которым на протяжении тысячелетий пользовались аккадские цари, то есть так утверждал верховный жрец. Когда Вавилон восстал в последний раз, Ксеркс изрубил это кресло на куски и сжег.

— Видите, я был прав: дерево не старое, — произнес он, глядя на дым. — У них тут кругом надувательство.

Вавилоняне всегда были помешаны на старине. Заслуга тут принадлежит Набониду, последнему вавилонскому царю. Когда в Вавилонию вторгся Кир, Набонид был очень занят раскопками одного храма, которому к тому времени уже было тридцать три века, и даже не заметил, что уже перестал быть царем. Но, вернувшись как-то вечером в город, он обнаружил в своей резиденции, Новом дворце, Кира. Во всяком случае, черноволосые любят эту историю. Набонид

в самом деле был схвачен, заключен в темницу, однако потом освобожден и снова вернулся к своим раскопкам.

Между владениями Набонида и его друга Амасиса, египетского фараона, всякое старье не только постоянно выкапывают, но и пытаются утвердить это старье в правах. Для истинного любителя древностей нет ничего слишком старого и безобразного. Возрождаются даже, кажется, уже забытые религиозные ритуалы, особенно в Египте. К неизбывному стыду Кира, он поощрял антикварную страсть своих вавилонских и египетских подданных; более того, его политикой было отождествление Ахеменидов со всеми угасшими династиями, когда-либо упоминавшимися в записях. Кроме Ксеркса, все его преемники продолжали это сумасшествие. Более двадцати лет дюжина магов работала в задней комнате Сузского дворца, изобретая для Дария приемлемую генеалогию. В конце концов он оказался потомком всех богов от Зевса до Амона-Ра, и неизменно по прямой линии!

Дарий занял свое место. Ксеркс встал сзади. Мы стояли, спрятав руки в рукава и почтительно склонив головы. Вавилонский верховный жрец нараспев прочел все титулы Великого Царя, потом последовал эротический танец женщин из храма Иштар. Вся церемония выглядела отнюдь не по-персидски.

Распорядитель двора, вооружившись свитками, начал шептать Дарию то, что Великому Царю следовало знать. Дарий с годами стал глуховат, и это было причиной многих казусов. Бывало, несуществующим военачальникам поручалось командовать несуществующими пограничными крепостями. Тем не менее Дарий, в отличие от Ксеркса, который рутинные назначения оставлял канцелярии, настаивал на своем исключительном праве распределять должности и никогда не терял контроля над правительством. Ксеркс же никогда не владел этим искусством.

Дарий произнес пространную речь. Время от времени он не мог выговорить простейших слов, как это случается с перенесшими частичный или полный левосторонний паралич. Демощед когда-то рассказывал, что в таких случаях почти ничем нельзя помочь. Но если больной — деятельный и упрямый человек, ему можно прописать припарки из трав, «поскольку они не причинят пациенту практически никакого вреда». Это был редкостный врач.

— На северных границах все в порядке, — сказал Дарий. — Кочевники ведут себя тихо. Были беспорядки в Армении. Великий Царь пресек их. В Египте обычные волне-

ния. Но Египет вроде Вавилона: там полно религиозных фанатиков, сумасшедших и авантюристов. Великий Царь там уже восстанавливал порядок.

Пока Дарий говорил, я наблюдал за греками. Демарат с Гиппием возглавляли группу примерно из двадцати изгнанников. Кроме Гиппия, при дворе теперь не было ни одного тирана. Та эпоха кончилась. Обиженные полководцы, флотоводцы, должностные лица, считающие — часто не без основания, — что демократии дурно с ними обошлись, — вот кто составлял эту группу. Особенно свирепствовали афиняне. Но афинское народное собрание в самом деле очень своенравно. Прогнать можно любого гражданина, если большинство горожан время от времени прибегает к подкупу, но легкомысленное собрание всегда голосует за остракизм. Рано или поздно чуть ли не каждый незаурядный государственный деятель оказывается в изгнании. Демокрит считает, что я преувеличиваю. Я так не думаю. Когда-нибудь они избавятся и от стратега Перикла просто потому, что он им наскучит.

— Насчет западных дел. — Дарий скрестил руки; скипетр и лотос поменялись местами, как посох и цеп в руках египетского фараона, когда тот хочет показать свою власть над обоими царствами. — Мы очень довольны нашим племянником Мардонием. Он пошатнул могущество греков. Фракийцы прислали нам землю и воду. Царь македонский Александр тоже прислал нам землю и воду. Он наш раб навеки. С западными греками дело улажено. Весенней кампании не будет.

Ксерксу полагалось стоять за спиной отца, не выражая своих чувств, но я заметил, что губ его коснулась улыбка.

Греки же не улыбались. Великий Царь говорил с трона, а греки только в частных беседах могли убеждать его продолжить войну, и, конечно, своих замыслов они не оставят. На спокойную зиму Дарию нечего надеяться.

— Сегодня мы принимаем нашего посла, отправленного с миссией в шестнадцать царств за Индом. Мы хвалим Кира Спитаму за открытие торгового пути между нашей сатрапией Индией и государствами... государствами...

Дарий и распорядитель двора начали интенсивно перешептываться. Распорядитель с трудом выговаривал слова «Кошала» и «Магадха», а Дарий к тому же плохо слышал. В раздражении Великий Царь велел распорядителю замолчать, ткнув в него скипетром.

— ...И шестнадцатью государствами, — твердо сказал Да-

рий. — Первый караван с большим грузом железных слитков прибыл в Бактру перед полнолунием. В следующем году к нам еще придут металлы, ткани и драгоценные камни из... из этих отдаленных мест. Подойди, Кир Спитама!

Ко мне приблизились два стражника и проводили к трону. Я простерся у золотой подставки для ног.

— Отныне ты мое око, — сказал Дарий.

Советник Великому Царю уже говорил мне, что я стану «царевым оком». Это означало, что, как высокое должностное лицо, я смогу получать из казны приличное жалованье. Я также смогу останавливаться во всех царских дворцах и ездить куда захочу за казенный счет в сопровождении почетной охраны и глашатая, чей крик «Дорогу «цареву оку»!» может половину населения империи повергнуть в страхе на землю. Каждая сатрапия регулярно инспектировалась «царевым оком». Любые жалобы граждан на сатрапа и его администрацию приносят «цареву оку», и он имеет право восстановить справедливость на месте. Во время исполнения своих обязанностей «царево око» представляет монарха. Поскольку многие сатрапии необыкновенно богаты, а порядка в них нет — думаю, это особенно касается Египта, Лидии и Индии, — продажные «царевы очи» умирают в богатстве. Я не был продан. Правда, меня и не посылали в богатые провинции. Я совершил поездку по ионийским городам, не отличающимся богатством, и в Бактрию, совсем бедную.

Я выразил благодарность Великому Царю и Мудрому Господу, направившему его. Наконец Дарий, наслушавшись благодарностей, милостиво пнул меня в плечо. Встав, я заметил, каким дряхлым было раскрашенное лицо. Но глаза смотрели ясно, даже озорно.

— На востоке от востока лежит страна, известная как Китай, — проговорил Великий Царь.

Дарию определенно доставляло удовольствие дразнить греков, не имевших ни малейшего интереса к моему посольству. Любопытно, что большинство персидской знати тоже оставалось безразличным к соблазну завоевать новые миры. Им казалось, что Персия и так достаточно велика. Им всегда не хватало любознательности.

— Эта далекая страна полна городов и рек, золота и коров. — Теперь Дарий говорил для собственного и, возможно, моего удовольствия. — Тамашний народ происходит от какого-то желтого бога, живет по берегам какой-то желтой реки, которая никогда не пересыхает. Некогда у них был посланный небесами правитель. Но с тех пор как он умер,



тамошняя знать только и делает, что ссорится между собой, как раньше было и у нас. То, что некогда было богатым единым царством, теперь жалкое скопление маленьких беспокойных государств. Им нужен великий царь, который защитит их, даст звонкую монету и справедливый порядок. Владыка одной из этих стран на востоке от востока готов прислать нам землю и воду. Он прислал к нам посла.

Все это не совсем соответствовало истине, если не сказать большего. Фань Чи прибыл с торговой миссией, а вовсе не с посольством. Но Дарий знал, что делает. Он хотел разжечь в персах интерес. Он хотел убедить их в том, что сам знал всегда: будущее Персии на востоке и к востоку от востока.

К счастью, Фань Чи ни слова не понимал по-персидски, и я перевел ему то, что мне хотелось до него донести. Потом я сказал Великому Царю то, что хотел услышать *он*. Поскольку никто из присутствующих не понимал индийского диалекта, на котором мы с Фань Чи общались, я мог запросто переводить все по своему усмотрению.

Фань Чи простерся ниц перед Великим Царем. Наш валяющийся в собственном соку двор был смущен внешностью посла. Все уставились на высокого гостя. Хотя желтокожие люди встречаются во всех главных персидских городах, никто из знати не видел их вблизи, если не занимался торговлей, а такого быть не могло, поскольку персидской знати не позволено торговать и занимать деньги, по крайней мере теоретически. При дворе о желтых людях только ходят слухи, как про двухголовых африканцев, которых якобы видел Сцилакс.

С головы до ног Фань Чи был облачен в малиновые китайские одежды. Видный мужчина примерно моих лет, он был воином одной из самых знатных фамилий земель правителя Лу. В отличие от большинства молодых людей своего возраста и сословия ему хотелось повидать внешний мир. И для этого он затеял торговлю с западом как повод отправиться в Индию и Персию.

— Я выражаю почтение Великому Царю, — сказал Фань Чи. В переводе я заменил «Великому Царю» на «вселенскому монарху». — Я приехал, чтобы возобновить торговый путь по суше между Китаем и Персией.

Это я перевел точно, но добавил:

— Я приехал как посол от правителя Лу, владыки такой же богатой и обширной страны, как Лидия. Мой господин говорит, что если Великий Царь придет к нему со своим

войском, Лу-гун предложит ему землю и воду и подчинится, как раб.

Это вызвало оживление в колонном зале, греки, однако, сохраняли невозмутимость. Для греков все негреческое просто не существует.

Дария вроде бы весьма порадовало услышанное.

— Передай своему господину, что я приду к нему со всем моим воинством. Передай, что я собственными руками приму от него землю и воду. Передай, что я сделаю его сатрапом над... над всем Китаем.

Дарий был великолепен. Он не больше моего представлял, что такое Китай. С таким же успехом мы могли говорить о луне. Но для двора Дарий казался знающим, невозмутимым, всемогущим.

Фань Чи был озадачен нашим разговором, который оказался значительно длиннее его собственного ответа о возобновлении торгового пути.

Я перевел Фань Чи:

— Великий Царь будет охранять караваны, идущие из Персии в Китай. Он велит вам написать перечень товаров, какие ваша страна может поставить в обмен на персидское золото или другие товары.

— Передайте Великому Царю, что я подчиняюсь его повелению. Передайте ему, что он ответил на чаяния моего сердца.

Я перевел Дарию:

— Если Великий Царь придет в Лу, то ответит на чаяния тамошнего правителя, который обещает преданно служить в качестве сатрапа всего Китая.

О представлении, что устроили мы с Дарием, при дворе говорили всю зиму. Даже тупейшие из благородных персов заинтересовались возможным походом на восток и на восток от востока.

На следующее утро вошло в моду одеваться на манер Фань Чи. В результате весь шелк на рынке был продан до последнего лоскута, к восторгу Эгиби, которые тогда — да и сейчас — контролировали всю торговлю шелком. Персидское золото было потрачено на китайский шелк, а «Эгиби и сыновья» получили двадцать процентов со ссуженной Фань Чи суммы, да еще дополнительную прибыль от продажи шелка на рынках.

На следующий день после приема Великий Царь вызвал меня к себе. Дарий всегда предпочитал маленькие комнат-

ки. Здесь он напоминал горного льва в своем логове среди скал и, как большинство виденных мной владык этого мира, неизменно сидел спиной к стене.

Я застал Дария разбирающим стопку счетов. С годами он мог читать, лишь поднеся написанное к самому лицу. Я выразил свою покорность. Несколько минут Дарий не обращал на меня внимания. Прислушавшись к тяжелому царскому дыханию, я услышал в его груди что-то вроде львиного рыка.

— Встань, «царево око», — наконец сказал Дарий. — Будем надеяться, ты не так близорук, как царь.

Я снизу внимательно подсматривал за ним. Неравномерно покрашенные волосы и борода были в обычном беспорядке. Лицо без краски казалось изможденным. В своем запачканном и мятом халате царь выглядел, как какой-нибудь грек, содержатель конюшни. Бессильная левая рука была в естественном положении уложена на столе, и другой бы не догадался о параличе.

— Ты переплатил за железо.

— Да, Великий Царь.

С Дарием не спорили.

— Но я хочу повторить сделку. На этот раз мы заплатим не золотом, а товарами. Ты знаешь, что нужно тому народу?

— Знаю, владыка. Я подготовил список и передал во Вторую палату канцелярии.

— Где он пропадет навеки. Скажи советнику по востоку, что я хочу видеть перечень сегодня же.

Дарий положил документ, который держал в здоровой правой руке, сел в кресло и широко улыбнулся. Зубы его оставались крепкими и желтыми — да, как у льва. Вид Великого Царя всегда вызывал у меня этот образ.

— Мне снятся коровы, — сказал «лев», как и подобало.

— Они есть в самом деле. Миллионы. И только ждут пастуха.

— Сколько понадобится времени, чтобы загнать их в стойло?

— Если войско отправится в долину Инда следующей весной, оно может переждать лето — индийский сезон дождей — в Таксиле. Потом, осенью, когда погода наладится, останется четыре месяца на захват Кошалы и Магадхи.

— То есть от начала до конца нужен год.

Дарий отодвинул в сторону документ, открыл медную

пластину со снятой мною картой Индии, и позвенел по металлу указательным пальцем с золотым перстнем.

— Поясни расстояния. Характер местности. Что с этими реками? Никогда не видел столько рек в одной стране. Насколько они бурные? Понадобится флот? Или там достаточно леса для наведения мостов? Если нет, нам понадобится подвозить бревна? Или лодки? Какие?

Мне никогда не задавали за час столько вопросов. К счастью, на большинство я смог ответить. И к счастью, у Великого Царя была отличная память, так что он ни разу не повторил ни одного вопроса дважды.

Особенно Дария заинтересовал принц Аджаташатру. Его развеселило, когда я сказал, что прихожусь его будущему вассалу зятем.

— Превосходно! Мы сделаем тебя сатрапом Магадхи. Ведь ты член их царской семьи, а наша политика — минимум перемен. Наверное, тебя придется малость подкрасить, а? Они ведь все черные?

— Простолюдины — да. Но правящий класс лишь немного темнее, чем мы. Они тоже арии.

— Пусть будут кто угодно. Все равно мы окунем тебя в хну. Впрочем, подумаем: ты и так довольно черный. Ладно, а что насчет того народа в Китае? Они такие же желтые, как тот, кого ты привел на прием?

— Так я слышал, владыка.

— Никогда раньше не видел их столь близко. Очень странные глаза, правда? А как попасть в Китай?

Дарий уже грезил о китайских коровах.

Я указал на северо-восточный угол карты.

— В этих горах есть проход. Но он открыт только в жаркий сезон. Говорят, по нему можно добраться за полгода.

— А морем?

— Это займет не менее трех лет — из Персии.

— Значит, из Индии один год. Надо полагать, мы пройдем мимо множества островов. Богатых островов.

— Островов, полуостровов и вдоль материка. Фань Чи говорит, что на юге Китая одни джунгли. Но он также говорит, что там много удобных портов — и много жемчуга.

Чтобы привлечь внимание Дария, всегда рекомендовалось упомянуть о чем-нибудь вроде жемчуга.

— Что ж, мы соберем китайский жемчуг, когда загоним в стойло индийских коров.

Нахмурившись, Дарий взял левую руку правой и убрал

со стола. Во мне это вызвало странное чувство. Я десятки раз видел такой жест у его отца. Дарий вдруг осознал, что совершил в моем присутствии.

— Я по-прежнему ездю верхом.

Он придерживался фактов.

— И Великий Царь ведет за собой войска.

— И веду за собой войска. В Индию захочет идти Ксеркс. — Улыбка Дария напоминала мальчишескую, несмотря на квадратную спутанную бороду, почти скрывавшую нервные губы. — Знаю, он тебе жаловался.

Я ощутил, как к щекам прихлынула кровь. Так, обвинение в измене.

— Владыка, он *никогда* не жаловался...

Но Дарий был в добром расположении духа.

— Глупости. Кроме преданных глаз, — он указал на меня, — у меня есть и преданные уши. Я не упрекаю мальчика. Стоило бы его упрекнуть, если бы он не жаловался. Он ровесник Мардония и смотрит, сколько всего уже совершил тот. Это царица виновата, что мой сын ведет такую жизнь. Она хочет, чтобы он был в безопасности. И соответственно направляет меня. — На Дария нашел короткий приступ кашля, после чего царь произнес: — Я не слишком стар и еще могу сам вести войско.

То, что он почувствовал необходимость повторить это заявление, для меня явилось первым признаком: он сам понимает, насколько сдал.

— Я не вмещивался в эти Греческие войны, потому что они не стоят моего времени и усилий. К тому же я не выношу греков. На последнем приеме в колонном зале я их насчитал больше, чем персов. — Возможно, Дарий с трудом читал, но считал он с величайшей легкостью. — Я окружен греками, алчущими «лучников». — Меня всегда слегка шокировал этот жаргон в устах Великого Царя. — «Лучников» обоих видов, — добавил он. — Но теперь у меня хватает и тех, и других. Весеннего похода не будет. Мардоний сердится. Но я сказал ему, что он не сможет вести войско, даже если бы поход состоялся. Он мне произнес речь о битвах, выигранных полководцами на носилках. Глупости. Я еще могу не слезать с коня от восхода до заката.

Этой непоследовательностью Дарий окончательно убедил меня, что уже никогда не выйдет в поход. Меня это обрадовало. Скоро свой шанс получит Ксеркс.

— Ты неплохо поработал. — Дарий отодвинул карту. —

Скажи в канцелярии, что, по твоему мнению, следует послать в Китай. Напиши этим двум царям — ты понял, индийским, — что Великий Царь с улыбкой смотрит на своих рабов. Все как обычно. И скажи, что до конца следующего года мы отправим караван. — Дарий улыбнулся. — Не упоминай, что караванщиком буду я сам. И что нашим товаром будет металл — мечи, щиты, копыя! До смерти я успею стать... Как, ты сказал, тот человечешко себя называет?

— Вселенский монарх.

— Я стану *первым* вселенским монархом. Мне снится шелк и жемчуг с островов и из Китая.

Будь Дарий лет на десять помоложе, а я лет на десять постарше, убежден: весь известный и стоящий того мир принадлежал бы сейчас Персии. Но, как я догадался, Дарию уже было не суждено повести племена в бой. Не прошло и пяти лет, как он уже лежал рядом со своим отцом в вырубленной в скале гробнице на окраине Персеполя.

### 3

Мардоний принял меня на борту пришвартованного у Нового дворца судна. Главнокомандующий войском и флотом Великого Царя выглядел бледным и хрупким и еще моложе своих лет. Он лежал в гамаке, подвешенном между бимсами. Судно покачивалось на речных волнах, и гамак покачивался в такт.

— От качки боль утихает, — сказал Мардоний, когда я взобрался к нему по трапу.

Гноящаяся нога почернела и распухла. Два раба отгоняли мух. Горящее на кадьльнице сандаловое дерево не могло перебить заполнявшего помещение запаха гниющей плоти.

— Отвратительно, правда?

— Да, — честно ответил я. — Отрежь ее.

— Нет. Мне нужны две ноги.

— Ты можешь умереть...

— Худшее позади. Во всяком случае, говорят. Если это не так...

Мардоний пожал плечами и тут же сморщился от боли.

Вокруг слышались обычные звуки хлопотливого порта: крики людей, скрип клюзов, плеск преодолевающих течения круглых вавилонских лодок.

— Шум тебя не беспокоит?

Мардоний покачал головой:

— Я люблю его. Когда закрываю глаза, я представляю, что снова на флоте. Не хочешь отплыть со мной следующей весной?

— Во Фракию?

Сам не пойму, как я набрался бестактности упомянуть место, где он не только был ранен, но и потерял во время шторма часть флота.

— Да, и во Фракию тоже. — Мардоний нахмурился. — Где сейчас бунтуют твои родственники.

— Абдера, может быть, бунтует, но не семья Лаис. Они все настроены проперсидски.

— Я встретил твоего деда. Я и не представлял, какой он богач.

— Я никогда с ним не виделся. А жаль. Точно знаю, что он всегда был предан Великому Царю.

— Он грек. — Мардоний заворочался в своем гамаке, стараясь раскачать его. — Зачем ты завлекал Ксеркса своими сказками об Индии? — В его голосе слышался упрек.

— Он сам попросил. И я рассказал. Если хочешь, могу и тебе повторить: наше будущее на востоке.

— Ты так говоришь, потому что вырос у восточных рубежей, — раздраженно сказал Мардоний. — Ты не представляешь, что такое Европа. Как она богата — серебром, зерном, людьми.

— Дарий пытался завоевать Европу, помнишь? И потерпел серьезное поражение.

— Это крамола, — сказал Мардоний, не пытаясь смягчить выражения. — Великий Царь никогда не терпел поражений.

— А его полководцы никогда не бывали ранены?

Я всегда разговаривал с Мардонием, как с равным. Не думаю, что ему это нравилось, но поскольку мы много лет были неразлучны с Ксерксом, он не мог особенно выражать недовольство. Да и вообще Мардоний был больше привязан ко мне, чем я к нему, а это всегда дает преимущество. Поскольку я не был полководцем, то не представлял для Мардония угрозы. К тому же он считал, что сможет переубедить Ксеркса.

— Это глупое недоразумение.

Мардоний пошевелился в гамаке. Я старался не смотреть на его ногу и, конечно, только на нее и смотрел.

— Не вижу причины, почему бы тебе не повести войско в Индию.

Я целиком был поглощен так называемой восточной политикой и никогда от нее не отклонялся до сего дня. Но Мардоний был проводником западной политики, единственным. За легкие задачи он не брался. Великий Царь утратил интерес к Европе после поражения на Дунае; он проводил дни в заботах из-за северных кочевников и придумывал новые способы извлечения доходов. Однако, пока я не распалил воображение Дария рассказами об Индии и Китае, серьезного желания продолжить свои завоевания на Восток он не выказывал.

Несколько часов мы с Мардонием спорили. Зловоние и постоянное покачивание судна вызывали тошноту. Хотя Мардоний знал о моей аудиенции у Дария, он был слишком умен, чтобы прямо спросить, о чем там шла речь. При персидском дворе не так уж много секретов. Все знали, что в Вавилоне я был у Ксеркса.

— Я хочу, чтобы следующую греческую экспедицию возглавил Ксеркс. А я буду заместителем.

Я видел, что Мардоний считает себя хитрецом.

— Атосса не хочет его отпускать.

Я совсем не хитрил.

— Но Аместрис заставит его пойти в поход, — улыбнулся Мардоний. — Она имеет большое влияние на нашего друга.

— Да, я слышал. Но хочет ли она, чтобы он пошел?

— Конечно. Она не может смотреть, как вся слава достается мне. И я ее не осуждаю. Вот почему я хочу разделить с ним честь завоевания Европы.

— И какую же именно часть Европы ты хочешь завоевать?

Это был в самом деле вопрос. В те дни о размерах и разнообразии западных стран мы знали еще меньше, чем теперь. Финикийцы подали нам хорошую мысль о возможности использовать старые или построить новые порты вдоль северного побережья Средиземного моря. Но территория этого густо заросшего лесом и малонаселенного континента оставалась, да и сейчас остается загадкой, не стоящей того, чтобы ее разгадывать, — конечно, с моей точки зрения.

— Главное сокрушить Афины и Спарту и переселить жителей сюда, как мы сделали с милетянами. Потом я бы захватил Сицилию. Это огромный остров, где можно выращивать достаточно зерна, чтобы прокормить всю Персию, — это избавит нас от привязанности к дурацкому ячменю. — Мардоний скорчил гримасу. — Если хочешь понять вавилонян, только представь ячмень... и пальмовое вино. Они только этим и питаются, взгляни на них.



— Они очень даже ничего...

— Я говорю не о красоте. Меня не интересуют проститутки. Меня интересуют воины, а их здесь нет.

Но вскоре появились. В каюту ввалилась вся греческая партия при персидском дворе. Мы обнялись с престарелым Гиппием.

— Это будет последний поход, — шепнул он мне на ухо.

Несмотря на старость и нехватку зубов, он по-прежнему сидел на коне как влитой.

— Прошлой ночью мне приснилось, что моя мать держит меня на руках. Это хорошая примета. Теперь я уверен, что скоро буду в Афинах приносить жертву Афине.

— Будем надеяться, тиран.

Я соблюдал протокол. Демарат, однако, этим себя не утруждал.

— Будем надеяться, поход состоится.

Спартанец с неприязнью взглянул на меня, и остальные последовали его примеру. Даже розовая физиономия Милона погрузстнела при мысли, что я, возможно, враг.

Я стал прощаться. Мардоний настоятельно приглашал приходить снова.

— В следующий раз я приготовлю для тебя карту Европы, такую, что порадует «царево око».

Он рассмеялся. Греческие заговорщики — нет.

Солнце палило вовсю, пока я взбирался по ступеням, ведущим от причала к низким воротам в конце улицы Бел-Мардука. Здесь меня ожидали мои стражники и глашатаи. Я чуть не забыл про них. Я тогда еще не привык к преимуществам и неудобствам высокого положения. Одно дело — в чужой стране вроде Магадхи, где никто не обращает внимания на незнакомцев, и совсем другое дело идти или скакать по главной улице Вавилона в сопровождении стражников с обнаженными мечами и глашатая, который звонким голосом выкрикивает: «Дорогу «цареву оку»!» И дорогу дают. От взгляда «царева ока» люди сжимаются, как от огня, способного их опалить.

Когда двор в Вавилоне, город переполнен людьми. Храмы заняты не только религиозной службой и ритуальной проституцией, но, что важнее всего, обменом денег и раздачей ссуд. Говорят, банки изобрели в Вавилоне. Может быть, это и правда. Но также правда и то, что в других местах, и совершенно независимо, индийцы и китайцы создали собственные банковские системы. Меня всегда поражало, что

проценты во всех уголках мира обычно одни и те же, хотя регулярных контактов между тремя странами не было. Мне это кажется поистине загадочным.

Я пешком проследовал по узкой, извилистой боковой улочке. Благодаря глашатаю и охране я смог попасть в контору «Эгиби и сыновей» без особой толкотни — и плевков. Черноголовые мстят своим персидским хозяевам, плюя в них. Правда, делают они это среди достаточно большой толпы, когда можно мгновенно скрыться.

Фасад величайшего в мире банковского дома представлял собой невыразительную глинобитную стену с простой кедровой дверью и маленьким окошечком в ней. При моем приближении дверь отворилась. Черные рабы с ритуальными шрамами на лицах, кланяясь, ввели меня в маленький внутренний дворик, где я увидел главу семейства — улыбающегося маленького человечка по имени Ширик. Когда мой глашатай объявил о присутствии «царева ока», Ширик пал на колени. Я почтительно помог ему встать.

Он держался доброжелательно и внимательно, но мое появление не произвело на него никакого впечатления. Он провел меня в длинную высокую комнату, где стены были покрыты полками со стопками глиняных табличек.

— Некоторые из этих записей сделаны более века назад, — сказал Ширик, — когда наша семья впервые приехала в Вавилон. — Он улыбнулся. — Нет, мы не были рабами. Существует легенда, что мы были пленниками иудеев, пришедших сюда после падения Иерусалима. Но рабами мы не были. Мы обосновались в Вавилоне задолго до их прихода.

К нам присоединились Фань Чи и еще один китаец, служивший у Ширика. Мы сели за круглый стол, а отовсюду немо взирали на нас глиняные таблички, представлявшие собой миллионы овец, тонны ячменя, груды железа и почти всех отчеканенных «лучников».

Думаю, из меня бы вышел неплохой ростовщик, не получи я такой подготовки как жрец и воин. Хоть у меня и было свойственное знати пренебрежение к торговле, я не питаю положенной ей страсти к войне, охоте и винопитию. Как жрец, я обладаю большими познаниями в религии, но не уверен, что есть истина. Хоть я и слышал однажды голос Мудрого Господа, теперь, с годами, могу признаться, что слышать и слушать — две вещи разные. Меня смущал вопрос мироздания.

Ширик приступил к делу:

— Я готов профинансировать караван в Китай. Фань Чи произвел на меня впечатление, как и на моего коллегу из соседнего с землями Фань Чи княжества Вэй.

Ширик указал на своего желтого помощника, невыразительную личность с невидящими глазами, бледными, как лунный камень. Ширик был точен. Он знал, что Вэй не царство, а княжество. Когда он получал сведения, в которых нуждался — нет, которых жаждал, — то всегда узнавал правду. Если не считать Дария, я не встречал человека с таким страстным и внимательным интересом к этому миру.

— Естественно, есть трудности, — сказал Ширик, предлагая получающим ссуду защищаться.

— Множество, но они преодолимы, почтенный Ширик.

Фань Чи уже начинал говорить по-персидски, и его речь мило дополняла речь Ширика — ростовщик говорил по-персидски свободно, но с характерным акцентом. Ширик был вавилонянин, но в то время народ Вавилона избегал учиться персидскому на том не высказываемом вслух основании, что рано или поздно персы либо уйдут, либо будут поглощены более древней и богатой вавилонской культурой.

Какое-то время мы обсуждали путь в Китай. Безопаснее всего казалось идти из Шравасты через горные перевалы. Мы все согласились, что путь по морю бесконечно долг, а из Бактрии на восток не пройти из-за скифских племен. Пока мы говорили, Ширик передвигал костяшки абака с такой быстротой, что они мелькали, как крылышки колибри.

— Естественно, вести один караван не имеет смысла.

Ширик предложил нам вина в кубках из литого золота. Их блеск и великолепие резко контрастировали с запыленными табличками вдоль стен, столь похожими на необожженные кирпичи какого-нибудь мертвого города. Однако эти невзрачные таблички и позволили отлить золотые кубки.

— Допустим, караван доберется до Лу или Вэя. Допустим, другой караван благополучно вернется в Вавилон с товарами, чья стоимость окупит все расходы. Допустим, все так и будет. И все равно вероятность семь к одному, что первый караван не дойдет, и одиннадцать к одному, что второй караван не вернется в Вавилон.

Я заключил, что все это он каким-то образом подсчитал на своем абаке.

— Но я готов рискнуть. Пять поколений нашей семьи мечтали проложить путь между Вавилоном, то есть Персией, и Китаем. Мы всегда поддерживали связи с индий-

скими царствами. — Ширик обратился ко мне: — Ростовщик-торговец, с которым вы имели дело в Варанаси, наш важный партнер. Конечно, мы с ним никогда не встречались в этом мире, но нам удастся обмениваться письмами разик-два в год и, по мере возможности, заключать сделки.

Не прошло и часа, как Ширик сформулировал мне свое предложение:

— Мы верим, что предприятие достигнет полного успеха, если вы отправитесь с караваном как посол Великого Царя в Срединное Царство. Как вы знаете, китайцы делают вид, что их империя еще существует.

— Она существует, — сказал Фань Чи, — и в то же время нет.

— Наблюдение, достойное Будды, — заметил Ширик.

Меня поразило упоминание этого имени вавилонским ростовщиком в двух тысячах миль от берегов Ганга. В мире, с которым ему приходилось вести дела, было мало такого, о чем бы Ширик не знал.

— Я также со всем смирением предлагаю вам отправиться до начала весенней кампании.

— Весенней кампании не будет, — сказал я.

Ширик улыбнулся своей тонкой, загадочной улыбкой.

— Я не могу возражать «цареву оку»! Я слишком смиренен, владыка. Но если все-таки предположить, что одновременное нападение каким-то чудом произойдет на Эретрию и Афины с суши и моря, затраты окажутся огромными. Если такое вторжение произойдет, «Эгиби и сыновьям» придется внести свою долю — мы внесем с радостью, с радостью! — дайте договорить. Но, принимая в расчет эти значительные расходы, я бы предложил «цареву оку», почтившему нас своим присутствием, шепнуть славному монарху, чьим оком является он, что посольству следует отправиться в Китай до того, как персидский флот покинет Самос.

— В этом году в Греции войны не будет. — Я уперся в своем невежестве. — Я говорил...

Я чуть было не совершил ошибку, непростительную для придворного: повторить публично содержание личной беседы с Великим Царем.

— ...С командующим флотом Мардонием, да. — Ширик ловко исправил мою оплошность. — Вашим дражайшим другом после самого дорогого друга наследного принца Ксеркса, заместника в Вавилоне... Да, да, да.

Он говорил со мной, как греческий философ говорил бы

с сыном своего хозяина: одновременно услужливо и дерзко, учтиво и пренебрежительно.

— Верно, — согласился я. — Я только что от Мардония. Войны не будет. Он физически не может возглавить экспедицию.

— Последнее слишком верно. Достославный Мардоний не поведет войско Великого Царя. Но война *будет*. Решение принято. Командование будет поделено. Я не открываю вам никакой государственной тайны, ведь если бы это действительно было важной тайной, откуда бы ничтожному Ширику из дома Эгиби ее знать? Одним полководцем будет Артафрен, сын лидийского сатрапа, другим Датис Мидиец. Шестьсот триер имеют точкой встречи Самос. Затем идут на Родос, Наксос, в Эретрию и Афины. Но вам все это известно, владыка. Вы просто изволите шутить над смиренным стариком, заставляя его выставляться дураком и рассказывать вещи, известные всем, кто присутствует на советах у Великого Царя.

Я постарался сделать вид, будто в самом деле владею государственными тайнами. В действительности же Ширик застал меня врасплох. Меня не удивило, что ростовщик может знать больше меня, но я был почти уверен, что Мардоний ничего не знал о весеннем походе, и совершенно уверен, что Ксеркс о планах своего отца не догадывался. Если сведения Ширика точны, то по неизвестным причинам греческая партия еще раз уговорила Великого Царя заняться на западе войной.

Я согласился с Шириком, что посольство должно отправиться вместе с караваном, и сказал, что предложу Великому Царю себя в качестве посла. Мы строили планы, но у меня не выходило из головы двуличие Дария. Он же обещал мне вторжение в Индию! Разумеется, Великий Царь не обязан сдерживать обещания, данные своим рабам. Однако, как сам он признал, интересы Персии лежат на востоке. Почему же он передумал?

---

В те дни Ксеркс любил, переодевшись, бродить по Вавилону. Он надевал широкий халдейский плащ, так что капюшон скрывал выдающуюся благородного перса квадратную бороду, и в таком одеянии напоминал не слишком удачливого молодого купца из какой-нибудь деревни в верховьях реки. Когда Атосса в разговорах с ним касалась этих вылазок, он отвечал:

— Если уж меня захотят убить, то убьют. Чему быть, того не миновать.

И в конце концов это его не миновало. В юности благодаря Атоссе Ксеркс никогда не оставался без опеки. Куда бы он ни шел, рядом была охрана. И тем не менее должен сказать, эти экспедиции всегда вызывали у меня беспокойство.

— Зачем так подставлять себя? — спрашивал я.

— А мне это нравится. Все равно заранее никто точно не знает, и я сам в том числе, когда мне захочется исчезнуть. Как тут меня подстережешь?

Мы с Ксерксом исчезли через день после моей беседы с Шириком. Я отпустил свою охрану и глашатаев, а телохранители Ксеркса переоделись идущими на базар крестьянами. Ксеркс самодовольно провел меня по малоизвестным борделям, далеко превосходящим подобные заведения при храмах. В хорошем частном доме можно хорошо пообедать, послушать музыку, насладиться тамошними девушками, свезенными со всего мира, причем девушки неизменно прелестны и опрятны.

Любимым местом Ксеркса был дом на одной из аллей между задней стеной храма Иштар и верблюжьим рынком. Хозяйкой была усатая женщина, не догадывавшаяся, кто мы такие. Но она всегда с теплотой вспоминала красивого сероглазого молодого перса, щедро платившего и не доставлявшего неприятностей. Женщина приветствовала нас в дверях обычной фразой:

— Прекрасные принцы, вы подобны солнцу во тьме! Заходите, заходите!

Несколько неуместно, она говорила на языке, принятом при старом вавилонском дворе, где, по ее собственному признанию, провела юность в качестве наложницы Набонида. Правда, хозяйки других веселых домов в том квартале уверяли, что она была не наложницей, а кухаркой. Вавилонские насмешки всегда изощренны и забавны, если не ты являешься их мишенью.

— К настоящему времени, — как-то говорила одна пожилая соперница нашей хозяйки, — эта старая тварь сама поверила, что была вавилонской царицей. Но на самом деле она была низшей из низших. Не понимаю, почему ваши милые ребятки вообще приближаются к ее дому. У нее полный букет всякой заразы, и к тому же сама она бесполоя. Вы не знаете? Вы разве не заметили бородку?

Как всегда, мы заплатили вперед, что очень нравилось

Ксерксу. Он любил прикидываться простым смертным. Как всегда, платил я. Наследник трона не может ходить с кошельком. Потом нас проводили в большой зал наверху, где мы возлегли бок о бок на низенький диван.

Зная пристрастие Ксеркса к гельбонскому вину, наша хозяйка прислала нам дюжину глиняных бутылок, и каждую бутылку несла новая девушка — милый способ показать товар. В соседней комнате играла фригийская музыка. Когда последняя девушка поставила последнюю бутылку и удалась, я рассказал Ксерксу о своем визите к Ширику.

Ксеркс с кубком в руке откинулся на подушку.

— Нет, — прикрыв глаза, пробормотал он.

— Разве Великий Царь тебе не говорил?

В комнате было тепло. Все, в том числе и вино, пропитывал запах ладана. Не пойму, почему люди так привязаны к этому приторному аромату. Наверное потому, что он столь редок. Сатрап Аравии поставляет Великому Царю в качестве дани более шестидесяти тысяч фунтов в год.

— Отец мне ничего не говорил. Мы говорили о строительстве. Говорили о... — Ксеркс широким жестом обозначил вавилонскую сатрапию, — обо всем этом. Как следует всем этим управлять, в отличие от того, как делаю это я. Он придирается. — Ксеркс вздохнул. — Датис не опасен. Но вот мой двоюродный брат Артафрен... — Голос его сорвался.

— Будем надеяться, он унаследовал доблесть своего отца. Когда по оплошности сатрапа горели Сарды, я был там.

— Гобрий никогда не был силен в военном деле, а посмотри на его сыновей. — Ксеркс вдруг улыбнулся, впервые с тех пор, как я сообщил ему новость. — Что ж, по крайней мере командовать будет не Мардоний. — Ксеркс хлопнул в ладоши, и в низком дверном проеме появилась девушка. — Я хочу лидийской музыки. И лидийских блюд.

В то же мгновение мы получили и то и другое. Пока нам приносили яства за яствами, за стеной двенадцатиструнная арфа играла мелодию за мелодией. Между переменами блюд мы продолжили беседу.

— Я приложил все усилия, чтобы убедить Дария, что следующей весной мы должны пойти на восток, — сказал Ксеркс.

Он запустил руку в горшок с почками в меду и кедровыми орехами.

— И что он ответил?

— Согласился. Сказал: «Да, нужно идти на восток». Ко-

нечно, это в его духе: говорит «нужно», и я думаю, что он так и сделает. Но... Что-то случилось. Он был действительно захвачен твоим рассказом.

— Так почему же...

— Не знаю. Никогда не знаю. Очевидно, греки при дворе оказали влияние. Гиппий, например. Он имеет какую-то власть над отцом. Всякий раз, как этот старик говорит: «Именем Афины и Посейдона клянусь, я снова принесу жертву в Акрополе!» — Ксеркс передразнил звучный голос Гиппия, лишь недавно начавший по-стариковски дребезжать, — у Дария выступают на глазах слезы и он клянется помочь.

— А что спартанский царь?

— Спроси свою мать. — Ксеркс смотрел невесело. — Я с ним не имел дела. Наверное, он хочет с нашей помощью вернуть власть. Чего же еще? Он считается хорошим воином. Будем надеяться, Лаис приучит его время от времени мыться.

— Мы с Лаис поссорились.

— Из-за греков?

Я кивнул:

— И из-за тебя. И Мардония.

Ксеркс привстал на локте и притянул меня так близко, что моя щека коснулась его курчавой бороды. Я ощутил исходящий от его одежды запах сандалового дерева и теплоту губ, когда принц прошептал мне в ухо:

— Она в самом деле дает Мардонию яд?

Я отпрянул:

— Нет. — Голос мой звучал ровно. — Не думаю, что эта девица вообще его любит.

— Но мне говорили, что она сохнет по нему и каждый день по капле добавляет в чашу яд.

Ксеркса забавляла наша игра.

— Думаю, она хочет, чтобы кое-кто думал, будто она влюблена.

— Понятно. — Ксеркс кивнул. — И все же...

К моей радости, индийские танцовщицы начали для нас свой танец. Близняшки из Таксилы очень удивились, когда я обратился к ним на их языке. Я попросил исполнить знаменитый танец живота. Ксеркс был очарован, следя, как их животы двигаются туда-сюда. В перерывах между танцами он сказал, что по-прежнему не уверен в наследовании престола.

— Чепуха. Иного быть не может, — сказал я.



Признаться, меня несколько утомляли эти, с моей точки зрения, беспочвенные страхи. Ксеркс уже несколько лет считался наследником и соперников не имел

— Гобрий по-прежнему хочет, чтобы наследником стал его внук. — Ксеркса не оставляли сомнения. — И Артобазан не забывает, что когда-то наследником считался он.

— Должен сказать, я об этом почти забыл.

Двор был в Экбатане, когда Дарий вдруг объявил, что отправляется на северо-западные рубежи, а поскольку персидский (на самом деле — мидийский) обычай требует, чтобы во время отбытия монарха из страны объявлялся его преемник, Великий Царь выбрал старшего сына, Артобазана. В то время мне и Ксерксу было по тринадцать или четырнадцать лет. Я совсем не думал об этом объявлении, пока Лаис не спросила, как отреагировал Ксеркс. Когда я сказал, что никак, она покачала головой. Год спустя Ксеркс признался, чего ему стоило скрывать свой ужас.

— Ведь не вернись Дарий из-за границы, Великим Царем стал бы Артобазан и всех остальных сыновей ожидала бы казнь.

Мы опустошали бутылку за бутылкой, и Ксеркс рассказывал о своем брате Ариамене как о возможной угрозе. Ариамен был сатрапом Бактрии, территории, склонной к бунтам.

— Шпионы мне донесли, что он собирается занять мое место.

— Каким образом?

— Яд. Переворот. Не знаю.

— А что думает Атосса об этом... своем сыне?

— Это Атосса меня и предупредила. — Ксеркс задумчиво покачал головой. — Ты знаешь, из всех моих родных и сводных братьев я любил одного Ариамена, который хочет меня убить.

— Если ты не убьешь его раньше.

Ксеркс кивнул.

— К несчастью, Бактрия далеко. Вот почему я надеялся... — он положил руку мне на плечо, — что ты отправишься в Китай через Бактрию.

Ксеркс подмигнул мне кощачьим глазом. Я похолодел как лед.

— Это... страшное поручение.

«Каким образом, — думал я, — возможно убить сатрапа Бактрии в его собственной столице?»

— Ну, пока тебе еще это не поручается. Но держи в уме, что когда-нибудь придется продемонстрировать любовь к своему шурину.

Сквозь пьяный туман я ошеломленно смотрел на него, а он — на меня. Он ликовал.

— Я говорил с законниками, — Ксеркс обнял меня, — и убедил их. На Новый год ты женишься на моей сестре.

— Я недостоин.

Отвечать так — принято. Но в тот раз я в самом деле так считал. Кто я такой, чтобы жениться на дочери Великого Царя? Я высказал это и еще кое-что добавил. Но Ксеркс пропустил мои возражения мимо ушей.

— Мы должны принять тебя в свою семью. По крайней мере, я должен. Атосса в восторге.

— А что говорит Великий Царь?

— Сначала он был недоволен. Но потом начал говорить о Зороастре, о том, как разочаровал последователей твоего деда, которых ценит выше магов. Ты знаешь его красноречие, когда он хочет получить что-то задаром. Как бы то ни было, когда он закончил, то уже убедил себя, что женить тебя на одной из своих дочерей была его собственная идея. Смешать кровь Кира Великого и святого Зороастра. То есть смешать мою кровь, поскольку сам он к Киру имеет отношения не больше, чем ты.

Остаток того дня в борделе несколько расплылся у меня в памяти. Помню, мы поделили с Ксерксом близняшек-индианок. Помню, меня стошнило. Помню, хозяйка дала мне какое-то сильное снадобье, которое сразу прочистило мне мозги, вызвав головную боль.

На закате мы с Ксерксом нетвердой походкой вернулись через толчею улиц в Новый дворец. У подножия зиккурата я спросил:

— На какой из твоих сестер мне предстоит жениться?

— На... м-м-м... — Ксеркс остановился и тяжело задумался, затем покачал головой. — Не помню. Из пяти я сам видел только двух. Все равно, Атосса говорит, что твоя — лучшая из всех. Спроси Лаис. Она знает гарем.

— Я с ней больше не разговариваю.

— Ладно, спроси Атоссу. Или просто подожди и сам увидишь. — Ксеркс ухмыльнулся в свете заката. — В конце концов, какая тебе разница? Ты женишься на внучке Ахемена, а остальное в этом мире не важно.

По неизвестным причинам Великий Царь снова обратил свой взгляд на запад. В его царствование экспедиции на восток не будет. Я с грустью проводил Фань Чи, с радостью женился на дочери Великого Царя и следующие пять лет пользовался удовольствиями различных высоких придворных должностей, включая желанный многими статус царского друга — титул, который я по-прежнему ношу, но которым при нынешнем дворе не смею пользоваться. Я всегда считал, что титул и действительное положение должны более-менее совпадать.

В качестве «царева ока» я совершил инспекционную поездку по ионийским городам. Мне очень понравилась эта командировка. Во-первых, я очень подходил к такому делу по своему высокому рангу, а кроме того, я наполовину грек. Во-вторых, я посетил Абдеру, где встретился со своим дедом, принявшим меня, как единственного сына. Он был богат. И умен. Он был софистом еще тогда, когда про них в Греции и слыхом не слыхали. Протагор был, правда, тогда в Абдере резчиком по дереву, имел свою мастерскую и, возможно, повлиял на моего деда. А возможно, дед повлиял на Протагора. Встретился я также с моим дядей — твоим дедом, Демокрит. Он тогда был восемнадцатилетним юношей, и его интересовали только деньги. Я не буду распространяться на тему, которой ты владеешь лучше.

Из Абдеры я отплыл домой. Плавание прошло без происшествий и закончилось в Галикарнасе, где мы и причалили в свете утренних лучей, хотя на западе еще виднелись звезды. Сойдя на берег, я чуть ли не ожидал увидеть самого себя — молодого, разинувшего рот от впервые увиденного моря и от вида внушительного «царева ока». Однако вместо призрака своей молодости я увидел возмужавшего Мардония. Он сидел на краю мола в окружении разгружавших сети рыбаков.

— Дорогу «цареву оку»! — выкрикнул глашатай.

— Дорога свободна. — Мардоний встал и низко поклонился. — Добро пожаловать в Галикарнас!

— Владыка морей!

Мы обнялись, и я ощутил под толстым халатом бесплотное тело. Прошло два года с тех пор, как Мардония ранили, но он и до сих пор не оправился. Лицо было бледным, по-детски ясные голубые глаза отражали яркий свет морского утра.

— Я совсем удалился от мира, — сказал он, когда мы шли от линии прибоя к стоящему на холме дворцу Артемиды. — Никто меня не видит. Никто не помнит.

— Никто не видит, но помнят все. Чем ты тут занимаешься?

Мардоний остановился у подножия холма. Он тяжело дышал, на висках блестел пот.

— Когда меня отстранили от командования, я сказал Великому Царю, что хочу удалиться от двора.

— Навсегда?

— Как знать? Думаю, навсегда бывает только смерть. Не так ли, дорогой родственник? — Он странно посмотрел на меня. — Кто мог подумать, что ты возьмешь жену из нашей семьи?

— Их семьи. — И я передразнил его: — Дорогой родственник.

— По крови, и моей тоже. И твоей — через женитьбу. И через неизменную любовь Ксеркса.

Мы стали взбираться к Приморскому дворцу, и Мардоний взял меня под руку. Он даже не хромал, а шатался: все тело раскачивалось из стороны в сторону, когда он старался не переносить весь свой вес на покалеченную ногу. На пути Мардоний отпустил мою руку.

— Взбираться хуже всего, — проговорил он и опустился на известняковый выступ.

Я сел рядом. Городские дома внизу напоминали игральные кости, разбросанные вдоль пурпурного пролива, отделяющего материк от зеленых гор острова Кос. Я подумал о пиратах, живущих в его живописных горах, о бедных представителях власти на острове, о недобираемых налогах. Как строгий надзиратель, как неподкупное «царево око».

— Как только молодой Артафрен и Датис отправились в Грецию, я уехал в Галикарнас. И с тех пор здесь...

— Собираешься с силами?

— Да. — Мардоний несколько вызывающе взглянул на меня. — В будущем году я собираюсь командовать войском.

— Но будет ли в следующем году поход? Афины разгромлены, какой смысл?

Я ткнул пальцем в маленькую окаменевшую рыбку, застрявшую в известняке, — реликт времен вавилонского потопа.

— Смысл? Большая Греция. Сицилия. Италия. — Мардоний оскалил зубы. — Я не показывал тебе карту?

— Нет. Да и я не показывал тебе мою — индийских царств.

— Мы никогда не сойдемся.

— Да. Но тебе-то к чему волноваться? — сказал я с еле уловимой горечью. — Ты всегда побеждаешь... Ты обладаешь какими-то чарами. Говоришь Великому Царю: нападём на Грецию — и он нападает.

— Чарами обладает Гиппий, — серьезно проговорил Мардоний. — Я только молю, чтобы они продолжали действовать. Такой старик, а отправился с флотом. И все греки тоже, кроме Демарата. Он остался в Сузах вместе с Великим Царем.

— Чего же хочет Демарат?

— Власти над миром! Чего еще можно хотеть?

Мардоний прямо-таки прокричал это мне в ухо, его бледное лицо вдруг порозовело, как коралл. И только тогда до меня дошло, что он собирается не просто выздороветь, но добиться если не власти над миром, то хотя бы командования войсками Великого Царя.

К нам приблизился пастух со стадом коз. Он низко поклонился, что-то проговорил на своем диалекте и двинулся дальше, очевидно и не догадываясь, кто мы такие. Просто иноземцы на пути в Приморский дворец.

Мардоний отнесся к этому так же, как я.

— Мы правим миллионами людей, — сказал он, словно удивляясь, — а они даже не знают наших имен.

— наших, возможно, не знают. Но знают, что Дарий — Великий Царь.

Мардоний покачал головой:

— Этот пастух не знает и кто такой Дарий.

Я не согласился, и мы поспорили. Пока Мардоний отдыхал на камне, я пробрался сквозь стадо к пастуху, чем весьма напугал его. Я заговорил с ним, он что-то отвечал. Его дорийский диалект показался мне древним и примитивным, а его поставил в тупик мой ионийский. В конце концов мы нашли какой-то общий язык и я смог спросить:

— Кто твой хозяин?

— Деметрий, молодой господин. Он владеет всем склоном по ту сторону горы. И стадо тоже его.

— А кто хозяин Деметрия?

Нахмурившись, пастух задумался. Пока он тужился воспринять новую для себя мысль, воспользовавшись его неподвижностью, из волос показалась вошь и поползла от лево-

го уха к спутанной бороде, начинающейся от середины щеки. Вошь нашла убежище в зарослях бороды, чем меня порадовала: кто по своей природе не охотник, всегда принимает сторону дичи.

— Не знаю, — наконец сказал пастух.

Я указал на серый дворец наверху:

— А царица?

— Царица? — Он произнес это слово, словно никогда его не слышал.

— Госпожа, живущая там.

— Ах, *госпожа!* Да, я видел ее. Она скачет верхом, как мужчина. Очень богатая.

— Она царица Галикарнаса.

Пастух кивнул, очевидно не поняв моей фразы.

— Да, да, — сказал он. — Козы разбегаются, молодой господин.

— А кто *ее* хозяин?

— Ее муж, наверное.

— Она вдова. Но над ней есть господин, ее владыка. — И снова я употребил непонятное слово.

— Владыка? — повторил пастух. — Нет, я редко хожу на этот склон. Здесь многих не знаю.

— Но ты, конечно, знаешь имя Великого Царя. Он твой владыка, как и мой, и его имя знает весь мир.

— И как же его зовут, молодой господин?

Мардоний был в восторге. Я — нет.

— Должен же быть какой-то способ достучаться до этих людей!

— К чему беспокоиться? Он смотрит за козами и платит что-то землевладельцу, а тот платит налог царице, которая платит дань Великому Царю. Чего еще хотеть от этой деревенщины? Зачем забивать им голову, кто мы такие и кто такой Дарий?

Мы продолжили свой путь к вершине. Лицо Мардония заливал пот, как теплый индийский дождь.

— Двор — это не мир, — вдруг сказал Мардоний.

— Да. — Я весь был «царево око». — Но мир принадлежит нам — и их мир тоже. Знают они о том или нет.

— Ты никогда не был в море.

Его слова звучали непонятно. Я напомнил, что пересек южное море, но Мардоний покачал головой:

— Я не об этом. Ты никогда не командовал кораблем. Это совсем другое дело.

— Да, владыка морей.

Я дружески поддразнил его. Но он не ответил, задыхаясь от усилий. Мы присели на разбитую колонну напротив дворца и смотрели, как приходят и уходят просители.

— Что нового о Ксерксе?

Мардоний вытер рукавом пот со лба. Солнце уже утратило утреннюю свежесть, и казалось, жар исходит прямо от земли.

— Он в Персеполе, — ответил я. — Строит.

— Строит? — Мардоний подобрал кедровую шишку. — Это не жизнь. — Он встопоршил чешуйки в поисках орехов и, ничего не найдя, швырнул шишку об дерево, на котором она выросла. — Я говорил Великому Царю, что Ксеркс должен вести войско на Афины. — Это была ложь, но я промолчал. — Он согласился.

— Однако идти в поход Ксерксу не разрешил.

Мардоний потер рукой шершавую поверхность гранитной колонны.

— Ксерксу нужны победы, — сказал он, лаская камень, как коня. — В прошлом году, когда я понял, что для войны не окрепну, я посоветовал Дарию отменить наступление на западе и послать войско в твои обезьяньи страны.

— Правда?

Вопрос был грубым. Потому что я не знал ответа.

— Благородный перс не способен лгать, — ответил Мардоний и добавил: — Даже когда лжет. — Казалось, ему больно. — Да, это правда. Я хочу одного — покорить греков и не желаю делить победу ни с Артафреном, ни с Датисом. Поэтому было бы неплохо, чтобы Ксеркс с войском в этом году перешел реку Инд.

— А на следующий год ты бы повел войско на запад?

— Да, я хотел этого. Но получилось не так.

Я поверил Мардонию. В конце концов, не секрет, что он хочет стать сатрапом европейской Греции. А теперь выходило, что эта высокая должность достанется Артафрену, и я сменил тему:

— А как царица Артемизия, довольна своим положением?

Мардоний рассмеялся:

— Которым? У нее их несколько.

— Я говорю как «царево око». Она не считается с сатрапом, имеет дело напрямую с Великим Царем. Сатрапу это не нравится.

— А Артемизии нравится, и ее народу тоже. Это дорий-

ский город, а дорийцы склонны боготворить свои царские семьи. И потом, как я заметил, она популярна в своих владениях. Когда я разогнал ионийских тиранов, то прогнал и ее тоже. И вскоре получил от нее послание, где говорилось, что если я хотел свергнуть династию, древностью не уступающую арийским богам, то должен был победить ее в бою.

— Один на один?

— Был такой намек, — ухмыльнулся Мардоний. — В общем, я послал ей успокоительный ответ в сопровождении моей собственной сиятельной персоны с еще не поврежденной ногой.

— И она приветствовала тебя на полу?

— На троне. Потом на ложе. Пол — для юных. Она страшная женщина, и я бы отдал... Я бы отдал мою покалеченную ногу, чтобы жениться на ней. Но это невозможно. И я совершенно открыто живу с ней, словно консорт. Удивительно. Эти дорийцы не похожи на остальных греков, да и вообще ни на кого. Женщины делают все, что им вздумается. Наследуют имущество. У них даже свои игры, как у мужчин.

Кроме Галикарнаса, я не бывал в дорийских городах. Подозреваю, что Галикарнас — лучший из них, как Спарта — худший. Независимость дорийских женщин всегда раздражала Ксеркса. В конце концов он развелся со всеми женами-дорийками и прогнал дорийских наложниц на том основании, что не выносит их унылости. Они действительно тосковали, попав в гарем. Я открыл, что нет таких чудных нравов, с какими человек рано или поздно не встретится, если заедет достаточно далеко.

Артемизия приняла нас в длинном низком зале с маленькими окошками, выходящими на море и темно-зеленый Кос. Она стала дородней, но волосы сохранили свое золото, и лицо выглядело сносно, несмотря на намечавшийся второй подбородок.

Мой глашатая, как положено, объявил о моем прибытии. Царица поклонилась не мне, а моей должности, опять же как положено. Потом она сказала: «Добро пожаловать в Галикарнас!» — а я сказал о милости Великого Царя к своим вассалам. Она громко поклялась повиноваться персидской короне. Затем наша свита удалилась.

— Кир Спитама — неумолимый надзиратель. — Мардоний пришел в доброе расположение духа. — Он поклялся наполовину увеличить дань с вас.

Он вытянулся на узком ложе, поставленном так, чтобы



видеть в окне залив. Мардоний говорил, что целые дни проводит, рассматривая приходящие и уходящие корабли. В то утро, с первым лучом солнца, только завидев мой парус, он поковылял вниз поприветствовать меня.

— Моя казна принадлежит Великому Царю.

Артемизия соблюдала протокол. Она сидела, выпрямившись на высоком деревянном кресле. Я почти так же прямо сидел в кресле пониже.

— А также мое войско и я сама.

— Я доложу об этом владыке всей земли.

— «Царево око» может добавить: когда Артемизия говорит, что принадлежит ему, это в самом деле так. Но не для гарема. Для поля боя.

Должно быть, я выразил все свое удивление. Но Артемизия невозмутимо продолжала воинственные речи:

— Да, я готова в любое время вести мое войско в любое сражение, какое Великий Царь сочтет нужным выиграть. Я надеялась принять участие в весеннем походе на Афины, но Артафрен отверг мое предложение.

— И теперь мы утешаем друг дружку, — сказал Мардоний. — Два полководца, которым не с кем воевать.

На мой вкус, Артемизия была слишком мужеподобна. Физически это была женщина в теле, но обращенное ко мне красное жесткое лицо напоминало лицо скифского воина. Не хватало только усов. Однако Мардоний говорил, что из сотен женщин, которых он знал, ни от одной не получал такого удовлетворения. Никогда не знаешь, в ком что кроется.

Мы поговорили о войне в Греции. Никаких новостей от Артафрена не поступало с тех пор, как он сжег город Эретрию и продал в рабство тамошних жителей. Предполагалось, что он уже вошел в Афины. Благодаря тому что Мардоний прогнал ионийских тиранов, демократическая партия в Афинах была настроена проперсидски и серьезного сопротивления не ожидалось. По сути дела, большинство видных афинян были или за персов, или подкуплены персами, или и то и другое.

Пока я говорил о нашей победе в Эретрии, Мардоний молчал, а Артемизия была сдержанна и мрачна. Эта тема не могла доставить удовольствия нашему раненому льву. В конце концов царица прервала мой пристальный анализ военной ситуации в Греции:

— Мы слышали о вашей недавней женитьбе на дочери Великого Царя.

— Да, теперь он мой родственник. — Мардоний оживился. — Когда-то был вроде мага, хлестал хаому, а теперь член царской семьи.

— Я не маг.

Меня всегда раздражало, когда меня называли магом, и Мардоний знал это. Друзья детства всегда ведут себя подобным образом, если не становятся открытыми врагами.

— Это он так говорит. А только подведи его к огненному алтарю, тут же схватит священный хворост и запоет...

— И какая же из благородных дам мать вашей жены? — перебила Мардония Артемизия.

— Царица Атосса, — официальным тоном ответил я, — дочь Кира Великого, в честь которого я назван.

Я был слегка удивлен, что Артемизия не знает имени моей жены. Но возможно, она знала и только притворялась.

— Мы так далеко тут, у моря, — сказала царица. — Знаете, я ведь ни разу не была в Сузах.

— Мы поедем вместе, когда я вернусь ко двору.

Мардоний тихонько поднимал и опускал больную ногу, упражняя мышцы.

— Не думаю, что это будет прилично. — Артемизия подарила нам одну из своих нечастых улыбок. На минуту она показалась женственной, даже красивой. — И как же зовут вашу благородную жену?

— Пармис.

Демокрит хочет узнать побольше о моей женитьбе. Его заинтриговало имя моей жены. В свое время меня оно тоже заинтриговало. Наслушавшись злобных излияний Атоссы на жену Дария Пармис, я не поверил своим ушам, когда распорядитель двора сказал, что моей женой будет Атоссина дочь Пармис. Помнится, я попросил евнуха повторить, что он и сделал, добавив:

— Это самая прекрасная из дочерей Атоссы.

Так принято выражаться при дворе, и означают эти слова, разве что она не совершенно уродлива. Когда я спросил, не в честь ли дочери узурпатора ей дали такое имя, распорядитель не смог, а может быть, не захотел ответить.

Атосса не многое прояснила.

— Пармис — принятое у Ахеменидов имя, вот и все. Увидишь, характер у нее скверный, но она не глупа. Я бы не хотела такого сочетания в жене, будь я женщиной. Но я женщина, к несчастью. Но все равно не важно, какова она, а важно, кто она. Бери ее. Если будет совсем несносна, бей.

Я взял и как-то раз побил. Ни к чему хорошему это не привело. Пармис была женщиной со злобным характером и сильной волей, и совет Атоссы оказался совершенно ошибочным. Физически Пармис напоминала Дария, но черты, красивые у Великого Царя, совершенно не шли к ее лицу. Когда мы поженились, ей было восемнадцать, и она была в ужасе от этого брака. Дочь Великого Царя предполагала выйти, в худшем случае, за кого-нибудь из Шести, а в лучшем — за царя соседнего государства. Вместо этого ее выдали за «царево око». К тому же Пармис была убежденной поклонницей демонов и затыкала уши при одном упоминании Зороастра. Однажды жена так меня разозлила, что я со всей силы ударил ее тыльной стороной руки. Она упала на низенький столик и сломала себе левое предплечье. Говорят, женщины любят мужчин, которые к ним жестоки. В случае с Пармис это оказалось не так, и с тех пор она возненавидела меня, как никогда.

Несколько лет я жил собственным хозяйством в Сузах, и Пармис делила женскую половину с Лаис, которая, конечно же, очень ее полюбила. Причуды Лаис безграничны. Я не держал в доме наложниц из-за нехватки места и не заводил новых жен, так что две дамы жили вместе. Я никогда не пытался узнать, о чем они говорят. Я и без того прекрасно представлял их беседы.

После того как Пармис родила мертвую дочку, я перестал с ней встречаться, а когда Великим Царем стал Ксеркс, я попросил его забрать ее обратно, что он и сделал. Пармис умерла, когда я был в Китае. Это невеселая история, Демокрит, и я не вижу необходимости на ней задерживаться.

Я спросил Артемизию о ее отношениях с сатрапом. Как «царево око», я собирался загладить обиды и подвести какой-то итог тому, чего не удалось избежать. Артемизия отвечала на вопросы невозмутимо и добродушно.

— У нас прекрасные отношения. Он не заходит ко мне, я не хожу к нему. Я плачу дань прямо в Сузы, и казначей вроде бы доволен. Он несколько раз навещал меня.

— Кто там теперь казначей?

Мардоний любил притворяться, что не знает имен должностных лиц канцелярии, он-де выше простых чиновников. Но он знал, как и все мы, что империей управляют чиновники канцелярии и евнухи гарема.

— Барадкама, — ответил я. — Он считается честным. Я знаю, он требует полного отчета о расходах в Персеполе,

и, если хотя бы одна сделка по кедровым бревнам не учтена, катятся головы.

— Хотела бы я, чтобы мне так служили в моих малых делах, — сказала Артемизия.

Вдруг за стеной раздались звуки лиры. Мардоний застонал, а Артемизия выпрямилась в своем кресле.

В дверях стоял высокий рыжеволосый мужчина в нищенской одежде. В одной руке он держал лиру, в другой — посох странника. Идя к нам, он стучал палкой по полу, как это любят делать слепцы, но не я. Кажется, не все знают, что слепые могут на расстоянии чувствовать препятствие. Не могу этого объяснить, но это так. В результате я редко спотыкаюсь и еще реже натываюсь на стены. Тем не менее некоторые слепцы, обычно нищие, любят выставлять свою немощь, стуча перед собой палкой при ходьбе.

— Приветствую тебя, царица! — Голос слепого звучал громко и крайне неприятно. — И вас, благородные мужи! Позвольте смиренному певцу-сказителю доставить вам радость песнями его предшественника, слепого Гомера, который пришел с того покрытого горами и полнящегося благословенными быстрыми реками острова Кос. Да, во мне течет кровь того, кто пел об ахейцах, пливших в высоковатную Трою. Да, я тоже пою те песни, что пел Гомер, сказания о прекрасной Елене и лживом Парисе, об обреченном Патрокле и его возлюбленном мальчике — капризном Ахилле, о гордом Приаме и его горестном падении! Внемлите же!

С этими словами сказитель под аккомпанемент расстроенной лиры затянул нечто нескончаемое. Голос певца был не только дурным, он был еще и оглушительным. Но самой несуразной была его песня. Как все говорящие по-гречески, я знаю наизусть множество стихов Гомера и распознал немало отрывков, вылетающих — нет, извергавшихся — из уст слепого, как камни из пращи. Сначала он пел из Гомеровы «Илиады», грубо подчеркивая шестистопный размер. Затем спел что-то совершенно новое в семистопных строках, что прямо противоречило спетому ранее. У меня было чувство, что я вижу сон, какие случаются после слишком сытного лидийского обеда.

Когда наконец сказитель смолк, Мардоний застыл на своем ложе, как труп, Артемизия неколебимо сидела в кресле, а «царево око» вылупилось — о, возможно, «установилось» более подходящее слово — на певца.

— Почтенный Кир Спитама, позвольте представить моего брата, принца Пигра, — сказала Артемизия.

— Смиранный сказитель с удовольствием споеет ахейскому благородному мужу. — Пигр низко поклонился мне

— В действительности я перс, — отвечал я в некотором оступении. — То есть, конечно, я наполовину грек...

— Я знал это! Глаза! Брови! Властные манеры! Какое сходство с Ахиллом!

— Так вы не слепой?

— Нет. Но я истинный бродячий певец, потомок Гомера, который жил за тем проливом. — Он указал в окно. Правда, Гомер родился не на Косе, а на Киосе, но я промолчал. — Его музыка течет через меня.

— Да, я слышал, — вежливо сказал я и вдруг вспомнил его характеристику Ахилла. — Несомненно, Ахилл был старше Патрокла и, конечно, не был его мальчиком. Разве они были любовниками на греческий манер?

— Вы должны дать некоторые права моему вдохновению, благородный муж. К тому же мой предок считал, что Ахилл был моложе, но не посмел этого сказать.

— Пигр — это вновь рожденный Гомер, — сказала Артемизия.

Я не понял, шутит она или говорит серьезно. Мардоний повернулся к нам спиной и всю хралел.

— Персидский Одиссей спит, — прошептал Пигр. — И мы должны говорить потише, — добавил он, повысив голос. — Но как долог путь отсюда до его дома на Итаке, где жена Пенелопа замышляет предать его смерти, потому что ей нравится быть царицей Итаки и содержать гарем мужчин!

— Но Пенелопа несомненно была рада возвращению Одиссея...

Я замолк, с запозданием поняв, что к чему. Передо мной стоял сумасшедший, и все речи его были бредом. Поговаривали, что Пигр только притворяется сумасшедшим из страха перед Артемизией, которая после смерти отца захватила корону, по праву принадлежащую брату. Если это правда, то начавшееся представление постепенно перешло в реальность. Если слишком долго носить маску, станешь сам походить на нее.

За время правления Артемизии Пигр переработал всю «Илиаду». На каждую строку Гомера он написал собственную. Результат получился убийственный, особенно в его исполнении. Пигр также написал необычайно умное повествование о войне лягушек с мышами и как-то летним днем спел мне это произведение приятным, чистым голосом, и меня

очень позабавила его резкая сатира на претензии арийского военного сословия — сословия, к которому я и принадлежу, и нет. Я от души наградил певца аплодисментами.

— Чудесное сочинение!

— Как ему и подобает быть, — ответил он, мотнув головой назад и прикидываясь слепым. — Это сочинил Гомер. Я лишь спел. Я только его голос.

— Вы рожденный вновь Гомер?

Пигр улыбнулся, приложил пальцы к губам и на цыпочках удалился. Потом я часто думал, что же стало с ним в сыром Приморском дворце Артемизии?

В Галикарнас к нам пришла весть из Греции. Не помню, кто ее доставил, — наверное, какой-нибудь купеческий корабль. Не помню точно, что там говорилось, но мы с Мардонием так встревожились, что на следующее же утро покинули Галикарнас и вместе отправились в Сузы.

## 5

До сих пор афиняне считают битву при Маратоне величайшей победой в истории военного искусства и, как обычно, преувеличивают. На самом деле было вот как. До того как Датис разграбил Эретрию и сжег городские храмы, Афины готовы были сдать. Афинскую демократическую партию возглавляли Алкмеониды, клан нашего благородного Перикла, и они недвусмысленно намекали: если Персия поможет им изгнать аристократическую партию, они более чем охотно признают власть Великого Царя. Что они собирались сделать с Гиппием, точно не известно. Хотя демократическая партия часто вступала в союз с Писистратидами, век тиранов подходил к концу, и даже само слово «тиран» звучало ругательством, а некогда оно означало тень бога на земле.

Я никогда не понимал, почему тираны оказались в такой немилости. Однако греки — самый непостоянный и изменчивый из народов, им так легко надоесть! Они не выносят законоположенного порядка вещей. По их мнению, старое не может быть хорошим, а новое — плохим, пока не составится. Они любят радикальные перемены во всем, неизменно лишь их мнение о себе, как о глубоко религиозной нации, каковой на самом деле они не являются. Персы совсем другие. Великие Цари могут приходить и уходить, часто в

результате кровавых событий, но государственное устройство не изменяется, в Индии и Китае также.

Разгромив Эретрию, Датис проиграл войну. Заключи он союз с эретрийскими демократами, они бы предложили ему землю и воду, а потом, имея в тылу Эретрию, Датис спокойно мог идти на Афины, где ему был бы обеспечен радужный прием.

Демокрит думает, что Афины оказали бы сопротивление даже в том случае, если бы Эретрия осталась неприкосновенной. Сомневаюсь. Годы спустя, когда величайший афинский полководец Фемистокл был изгнан им же спасенным народом, он бежал в Сузы. Я часто говорил с ним о грехах вообще и афинянах в частности. Фемистокл признал, что, уцелей Эретрия, Марафонской битвы бы не было. Но, узнав о разгроме Эретрии, афиняне в панике призвали на помощь всех своих союзников. Как обычно, спартанцы прислали свои сожаления. Этот воинственный народ весьма изобретателен в поисках оправданий, когда нарушает обязательства перед ненадежными союзниками. Очевидно, тогда луна была полной — или не полной, или что-нибудь еще. Я не проверял, но не удивлюсь, если окажется, что персидская казна заплатила спартанским царям, чтобы они сидели дома. Бардакама, казначей, не раз жаловался, что из всех получавших секретные выплаты спартанцы — самые ненадежные.

На отчаянный призыв афинян откликнулись только платейцы. И вот, прямо напротив узкого пролива, отделяющего Эретрию от Аттики, афинские и платейские войска под командованием бывшего тирана Мильтиада заняли позиции на Марафонской равнине. С большой политической ловкостью этот бывший вассал Великого Царя умудрился добиться назначения афинским стратегом, в интересах консерваторов. Естественно, демократы его ненавидели. Но благодаря ошибке Датиса с Эретрией обе партии сплотились вокруг этого человека, и наши войска были остановлены. Нет, я не буду снова описывать эту битву, которую сейчас, в этот самый момент, старики смакуют во всех подробностях. Скажу только, что афиняне потеряли не меньше, чем персы. Но кто в Афинах поверит, что такое могло быть?

Наши войска в боевом порядке погрузились на корабли, и Датис приказал держать курс прямо на Пирей: он надеялся достичь Афин раньше, чем греческое войско вернется из-под Марафона. Когда флот огибал мыс Суний, Алкмеониды дали ему знак, что город пуст и можно идти на штурм.

Но у самого Фалера Датиса задержал встречный ветер, когда же ветер стих, афинское войско уже было в городе и персидская экспедиция закончилась. Датис отправился домой. В Галикарнасе мы узнали только, что Датис и Артафрен вернулись назад.

Никогда я не видел Мардония в таком приподнятом настроении. Он стал набирать вес и время от времени даже забывал про хромоту.

— В будущем году командовать буду я, — сказал он мне, когда мы верхом выехали из Галикарнаса.

В воздухе стоял тяжелый запах забродившего винограда, на земле толстым слоем валялись маслины.

— У них был шанс! — ликовал Мардоний. — И они не сумели им воспользоваться! Мне следовало этого ожидать. Год назад сивилла в Делосе сказала, что я умру хозяином Греции. — Он обернулся ко мне, лицо его пылало. — Можешь пойти со мной. Я сделаю тебя наместником в Афинах... Нет, не стоит: ты не захочешь быть наместником развалин. Я отдам тебе Сицилию.

— Я бы предпочел Индию.

Не исполнилось, однако, ни то, ни другое. Дарий был разгневан поражением Датиса. Из привязанности к старшему, Артафрену, он не упрекал младшего, он просто включил его в список отстраненных от активной жизни — к радости Ксеркса. Но когда наследный принц попросил разрешения возглавить следующую экспедицию против Афин, Великий Царь отказал, сославшись на нехватку денег. Требовалось время пополнить казну, построить новый флот, подготовить новые войска.

Последние дни жизни Дарий провел на удивление мирно. Он смирился с тем, что больше не возглавит войско сам. И еще пришел к заключению (ошибочному), что у него нет надежных полководцев. Хотя Мардоний и оставался фаворитом, Великий Царь обращался со своим честолюбивым племянником, как с ровесником, страдающим теми же недугами.

— Ну что мы за пара! — говорил Дарий в экбатанских садах, прогуливаясь под руку с Мардонием. — Два старых воина, уже повидавших свое. Посмотри на свою ногу! Я бы на твоём месте ее отрезал. Чем плоха деревянная, раз дни битв позади? А для нас они позади. О, это печально!

Дарию нравилось мучить Мардония. Не пойму почему. Ведь своего племянника он любил больше всех из нашего



поколения. Возможно, поняв, что самому ему уже никогда не сражаться, Дарий хотел разделить с Мардонием свой уход от дел — и свою печаль. Да, в глазах Великого Царя была печаль, когда он смотрел на упражнения молодых офицеров.

Мардония удаление от дел совсем не обрадовало. Я даже был однажды свидетелем того, как он, смертельно побледнев, отплясывает перед Дарием, желая показать, что нога его в полном порядке. В действительности Мардоний так и не смог избавиться от хромоты. Правда, на коне он держался неплохо и не имел трудностей на боевой колеснице, где натягивал ремень, чтобы перенести вес с больной ноги на здоровую.

Двор в последние дни Дария был прелестен — и весьма опасен: сплошные заговоры и контрзаговоры. Не могу сказать, что вспоминаю о тех днях с большим удовольствием. Во-первых, мне было нечего делать. После похвалы за исполнение обязанностей «царева ока» от должности я был освобожден и назначен на новый пост. Но из милости не вышел. Я по-прежнему оставался зятем Дария и по-прежнему носил титул царского друга. Произошло то, что часто случается при дворе: я был больше не нужен монарху. К тому же, думаю, при моем появлении Дарию вспоминались снывшиеся ему некогда коровы, но не ему теперь их было пасти... Кому понравится напоминание о том, что не удалось выполнить в жизни?

Двор ясно видел, что век Дария подходит к концу. То есть теоретически мы понимали, что протянет он недолго, и все же никто из нас не мог представить мир без него. Дарий всю нашу жизнь был Великим Царем. Другого мы не знали. Даже Ксеркс не мог по-настоящему представить себя на месте Дария, а никто не скажет, что Ксерксу не хватало веры в свое величие.

В гареме продолжала верховодить Атосса. Она старалась продвигать восточную политику, но неудачно. В те последние дни Дария не увлекали никакие рискованные планы. Большую часть времени он проводил со своим тайным советом, часто встречался с начальником стражи Астафином и казначеем Барадкамой. Великий Царь приводил в порядок домашние дела.

Внезапная смерть Гобрия разогнала тучи. Через несколько недель после нее бывший наследник трона Артобазан удалился от двора и переехал в Сидон. В Сузах он больше не появлялся. Атосса увидела-таки полное поражение партии Гобрия при своей жизни.

Хотя греки реже, чем раньше, появлялись на глаза, Демарат стал наперсником Дария. Без сомнения, колдовство Лаис оказалось действеннее, чем обычно. Очевидно, к ее же заслугам следовало отнести и то, что спартанец стал чище и от него уже не пахло, как от лисы в клетке. Остальные греки либо умерли, либо вышли из милости.

Ксеркс продолжал строить дворцы. Ему ничего не оставалось, разве что тайно набирать среди придворных и евнухов себе сторонников, которые понадобятся после смерти Дария. Примерно в это время Ксеркс нашел Артабана, молодого персидского офицера, отдаленно связанного с кланом Отана. Артабан был беден и честолюбив. В свой срок Ксеркс сделал его начальником личной охраны, а из Второй палаты канцелярии подобрал личного управляющего — Аспамитра, необыкновенно обаятельного евнуха.

Ксеркс и Мардоний снова были близки, как... Я чуть не сказал «как братья», но в царских семьях родство не говорит о близости. Как бы то ни было, они снова сдружились, и никто не сомневался, что Мардоний будет главнокомандующим. Так, с большой хитростью и осторожностью, Ксеркс подбирал людей себе на погибель. Но глядя со стороны, я не мог сказать, что его назначения были сами по себе ошибочны. В конце концов, бывает везение и невезение. Моему другу не везло — и он знал об этом, а я нет.

В последний год жизни Дария я несколько раз встречался с Эгиби, чтобы отправить наш караван в Индию. Но что-то неизменно шло не так. Примерно в то же время я получил послание от Караки. Он отправил второй конвой из Магадхи в Персию. К несчастью, где-то между Таксилой и Бактрой караван исчез. Я заключил, что его захватили скифы. До моего отъезда из Индии мы с Каракой разработали секретный шифр, и в результате я смог узнать из вроде бы сухого коммерческого отчета, что Кошалы больше не существует, что Вирудхака мертв, а Аджаташатру завладел всей Гангской равниной. Поскольку принц Джета пользовался милостью Аджаташатру, моя жена и два сына — второй ребенок тоже оказался мальчиком — жили в безопасности. Больше я ничего не знал. Мне не хватало Амбалики, особенно в тех редких случаях, когда я бывал с Пармис.

Через пять лет после своего отъезда Фань Чи прислал мне письмо. Он по-прежнему был в Китае, но сообщал, что собирает караван, что нашел новую дорогу в Китай и надеется открыть шелковый путь между Китаем и Персией. Я прочитал письмо Ксерксу, который заинтересовался и

снял копию для Великого Царя. Через месяц я получил официальное уведомление от советника по востоку, и — тишина.

В каком-то смысле в смерти Дария был виновен Мардоний. Выздоровев, он снова оказался в центре внимания греческой партии при персидском дворе. В частности, его обхаживал Демарат. Я как-то запретил Лаис принимать греков у меня в доме, и, пока я был дома, она слушалась. Но стоило мне только уехать из Суз, как все греки, ошивавшиеся при дворе, стали собираться у нас, и я ничего не мог поделать, разве что прогнать Лаис — не слишком подходящий способ избавиться от фракийской ведьмы.

Мардоний хотел завершить Греческую войну, а Ксеркс хотел одержать победу в сражении — в любом сражении. Мардоний искушал Ксеркса воинской славой. Они вместе собирались в поход на Грецию: Ксеркс — в качестве верховного главнокомандующего, Мардоний — как его заместитель. Об Индии не заходило и речи, и меня удалили с их советов. Я был опечален. Греческих войн я никогда не одобрял: греков я знал, Ксеркс — нет.

У меня сложилось впечатление, что Дарий хотел мира. Хотя в то время он сердился на Датиса за неудачный поход на Афины, но вообще-то не принимал это близко к сердцу. По сути дела, Дарий никогда не воспринимал Афины всерьез, как и прочие греческие города. Да и как могло быть иначе, если их вожди вечно приезжали в Сузы с просьбами помочь в борьбе против их же собственных городов? Хотя Дарий восхищался греками как солдатами, их междоусобные дразги его утомляли. Наконец Великий Царь сказал:

— Двух кампаний хватит.

Первая имела безоговорочный успех, а вторая оказалась не только сомнительной, но и очень дорогой. В третьей не было нужды.

Но Мардония это не остановило. Он только увеличил на всех свое давление, в том числе на царицу Атоссу, которая наконец согласилась, что Ксерксу пора выйти на поле брани. Удаление Артобазана в большой степени успокоило ее, и казалось, у Ксеркса нет соперников. А так как на Дария тоже давили, усилия Мардония оказались катастрофически успешными.

Великий Царь собрал нас в Сузах в зале с семьюдесятью двумя колоннами. У меня не было предчувствия, что это последнее его появление на людях, но, помнится, я подумал, как он изменился с тех пор, когда я видел его в том же

зале молодым, энергичным победителем. Вместо прежнего льва мимо нас к трону проковывлял дряхлый старик. Великому Царю шел шестьдесят четвертый год.

Демокрит хочет знать, сколько лет в то время было Ксерксу. Ксерксу, Мардонию и мне было по тридцать четыре года. Геродот считает, что Ксерксу было всего восемнадцать. Характерно для так называемого историка. Хотя мы уже вышли из юности, старость была так же далеко, как детство.

Ксеркс помог отцу взойти на золотой трон; все глаза следили за потрясающим монархом и его преемником. На Дарии была кованая военная корона. В правой руке он сжимал золотой скипетр. Незаметно, насколько это возможно, Ксеркс взял бессильную левую руку отца, положил на подлокотник трона и спустился вниз.

— Царь царей! — Его голос заполнил зал. — Ахеменид!

Мы стояли прямо, пряча руки в рукава — правая в левый, левая в правый. Взглянув на ряд молодых принцев и знати, я вспомнил Ксеркса, Мардония, себя и Милона, стоящих точно так же много лет назад. Теперь нас сменила новая компания молодежи, как Ксеркс скоро сменит угасающую фигуру на троне. Ничто так не напоминает о беспристрастном ходе времени, как неизменность персидского двора.

Когда Дарий заговорил, голос его звучал слабо, тон он, однако, старательно выдерживал.

— Мудрый Господь требует наказать афинян, сжегших наш священный храм в Сардах.

Для оправдания экспедиций против западных греков всегда использовалась эта формулировка. Я не раз спорил по этому поводу с распорядителем двора. Говорил с Ксерксом. Я делал все возможное, чтобы убедить их изменить формулировку, но канцелярия подобна общеизвестной горе, которую не шевельнешь. Когда я говорил, что Мудрому Господу было угодно разрушить этот храм руками греков или чьими-либо еще, никто в канцелярии даже не удосужился взглянуть на меня. И зороастрийская община тоже не пришла на помощь. Чтобы сохранить положение самых почитаемых жрецов при дворе, они радовались, да и сейчас радуются, когда удастся остаться самыми незаметными. Они не спешили выполнять наказ моего деда обращать к Истине всех последователей Лжи. Честно признать, я тоже не спешил. Только в Бактре зороастрийская община сохранила относительную чистоту, а также воинственность.

— Мы повелели построить шестьсот триер. Мы собираем войска со всех концов империи. Мы увеличиваем дань со всех сатрапий.

Дарий скипетром указал на Барадкаму, и тот прочел полный список налогов. В зале то и дело раздавались вздохи, когда тот или другой вельможа замечал, что повышение налогов касается его лично или его сословия. Персидские кланы освобождались от всех налогов, но от них ждали пополнения войсковых частей, составлявших костяк персидского войска. В некотором смысле именно персы платили самую дорогую цену за войны Великого Царя. Когда казначей закончил, Дарий подвел итог:

— Экспедицию возглавит наш сын и наследник Ксеркс.

Этого приказа Ксеркс ждал всю жизнь, но лицо его ничего не выразило.

— Наш племянник Мардоний будет командовать флотом.

Это был сюрприз. Все ожидали, что Мардония назначат заместителем Ксеркса. Возможно, пост командующего флотом значил то же, а возможно, нет. Великий Царь предпочел не вдаваться в подробности. Я посмотрел на Мардония, стоявшего справа от трона. Его губы растянулись в улыбку под пышной бородой. Он был счастлив. Я — нет. Мне придется идти с Ксерксом в Грецию. Если переживу кампанию, то смогу разве что когда-нибудь вернуться в Индию, чтобы навестить Амбалику и сыновей. Признаюсь, я был глубоко расстроен. Я не видел на западе будущего для Персии. Более того, теперь и на востоке я не видел будущего для себя. Неудачный брак с Пармис делал Амбалику еще желаннее. Демокрит хочет знать, почему я не брал новых жен. Ответ прост: не хватало денег. К тому же в глубине души я всегда верил, что когда-нибудь или поселюсь с Амбаликой в Шравастии, или привезу ее и, главное, сыновей к себе в Персию.

Под конец аудиенции Дарий, помогая себе правой рукой, встал и мгновение стоял покачиваясь. Вся тяжесть его тела приходилась на одну правую ногу. Ксеркс хотел помочь, но Дарий жестом отстранил его и начал медленно, нерешительно, преодолевая боль, спускаться с трона.

На последней ступеньке возвышения он качнул бессильную ногу, думая, что ставит ее на последнюю ступень, но просчитался — больше ступенек не было. Как закрывается высокая золоченая дверь, Великий Царь повернулся к нам на правой ноге и медленно — очень медленно, как показалось ошеломленному двору, — упал лицом вниз на пол. Скипетр остался зажатым в руке, но корона упала с его го-

ловы, и я с ужасом увидел, как золотой обруч неотвратимо катится прямо на меня.

Я бросился ниц. Поскольку случай был беспрецедентный, все изобразили мертвых, не смея пошевелиться, пока Ксеркс и распорядитель двора помогли Дарию подняться на ноги.

Когда Великого Царя полувели, полуволокли мимо меня, я услышал его тяжелое дыхание. На гладком красном полу атели следы свежей крови. Дарий рассек себе губу и сломал здоровую руку. Великий Царь начал умирать.

В тот год Греческой войны не было, как не было и на следующий. Война откладывалась не из-за немощи Дария, а потому что Египет предпочел восстать, чем платить новые налоги. Поэтому собранное Великим Царем для покорения Греции войско теперь было использовано для умиротворения и наказания Египта. От края до края земли глашатаи объявляли, что весной Дарий возглавит войско и Египет будет разгромлен.

Но три месяца спустя, когда двор пребывал в знойном Вавилоне, а Сузы засыпало снежной бурей, какой не помнили старожилы, Великий Царь умер. Ему было шестьдесят четыре года, и из них он царствовал тридцать шесть.

Смерть застала Дария — выбрала же! — в спальне царицы Атоссы. Они поругались. То есть он хотел поругаться с Атоссой, — во всяком случае, так она говорила.

— Я, как всегда, старалась избежать ссоры.

Я был у нее в покоях в Вавилоне. Это случилось за день до того, как все мы отправились в Пасаргады на похороны Дария и коронацию Ксеркса.

— Я знала, чем он болен. И он тоже знал. И все равно страшно сердился — якобы на меня, а в действительности на себя. Он не мог смириться со своей слабостью, и я не упрекну его за это. Я сама не выношу своей слабости. Так или иначе, он приехал ко мне тайно, в женских носилках с задернутыми занавесками. Ходить он уже не мог. Он не владел собой. Ему было больно. И лег *там*. — Атосса указала на пространство между своим креслом и мной. — Я знала, что он умирает. В какой-то момент болезни ощущение хода времени исчезает и думаешь, что никогда не умрешь, потому что все еще здесь, живой. Ты есть, и все. Ничто не изменится.

— Я пыталась отвлечь его. В молодости мы, бывало, играли в загадки. Как ни странно, он любил словесные игры, и чем сложнее, тем больше. И я пыталась отвлечь его, предла-

гала разные игры. Но он не отвлекался. Он упрекал Ксеркса. Я молчала. Он упрекал меня. Я молчала. Я знаю свое место.

Для пушего эффекта Атосса прибегла к явной гиперболе.

— Потом Дарий начал хвалить нашего сына Ариамена. «Это лучший из моих сатрапов. Благодаря ему северные племена удалось отогнать от Бактры». Ты знаешь, как Дарий любил говорить об этих дикарях. «Я хочу, чтобы в Египет вел войско Ариамен. Я уже послал за ним». Боюсь, в этот момент мне не удалось сохранить спокойствие, и я сказала: «Этой весной командование обещано Ксерксу. И Ксеркс ваш наследник». Тогда Дарий закашлялся. До сих пор слышу эти ужасные звуки.

К моему удивлению, из глаз Атоссы текли слезы, в то время как голос звучал ровно.

— Я бы хотела сказать, что наша последняя встреча прошла мирно. Но это не так. Дарий не мог забыть, что единственное законное признание получил через меня, и ненавидел свою зависимость. Не знаю почему. Может быть, он добился короны собственной хитростью, но вместе с короной получил меня, а через меня стал отцом Кирова внука. Чего еще может желать человек? Не знаю. Мне всегда было трудно в него проникнуть. И потом, мы мало виделись в последние годы. Конечно, его ум был расстроен болезнью. Я понимаю. И все равно, я не могла подумать, что он пошлет за Ариаменом. «Вы развяжете гражданскую войну, — сказала я. — Ариамен захочет стать наследником. Но мы не позволим. Это я обещаю». Так я сказала. О, я была тверда! Дарий пришел в ярость. Он пытался угрожать мне, но не мог. Его душил кашель. Но он смотрел на меня и изображал, что ножом перережет горло. Этот жест о многом мне сказал, и я пригрозила ему: «Если вы поощрите Ариамена, клянусь: я сама пойду в Пасаргады, я собственными руками подниму знамя Ахеменидов, я созову все кланы, и мы сделаем внука Кира нашим Великим Царем!» Тогда... — Атосса откинулась в своем кресле, — Дарий поднял правую руку и сжал кулак. Потом рука упала рядом с носилками. Он вытаращил глаза. Посмотрел на меня, как на незнакомку. Помнишь? Вежливо, но как-то очень отстраненно. Потом перестал дышать, все так же очень вежливо глядя на меня.

Атосса моргнула, ее глаза уже были совершенно сухими. Ее поглощали дела.

— Ариамен идет в Сузы. Будет гражданская война.

Но благодаря Ксерксу гражданская война не разгорелась. Через день после смерти Дария Ксеркс во главе десяти ты-

сяч «бессмертных» вышел из Вавилона и завладел Сузским дворцом и сокровищницей. Из Суз он послал своего тестя Отана на переговоры с Ариаменом. Я так и не узнал подробностей этой встречи. Знаю только, что Ариамен был побежден без кровопролития. Как бы то ни было, в доказательство доброй воли он согласился присутствовать на коронации в Пасаргадах. Должен сказать, к чести Ксеркса, он не казнил своего самонадеянного брата. Как правило, в таких делах снисходительность ошибочна, поскольку редко найдешь человека, способного простить простившего его. Но Ариамен оказался исключением. Он был предан брату. Позднее он погиб в Греческих войнах.

Поначалу Ксеркс понимал людей со всем их тщеславием.

## 6

Ясным холодным днем тело Дария положили в каменную гробницу рядом со старым Гистаспом и несчастной Пармис, чьи останки вскоре были вынесены оттуда по настоятельному требованию Атоссы.

Одетый простым воином, Ксеркс вошел в маленький огненный храм напротив гробницы Кира. Остальные ждали снаружи. Никогда я так не мерз. Стоял один из тех дней, когда мороз склеивает волоски в носу, а лучи сверкающего солнца не несут ни капли тепла. Помню, что небосвод был совершенно чист, если не считать перышек дыма, поднимавшихся от костра, у которого тысячи быков ждали жертвоприношения Мудрому Господу.

Внутри храма маги преподнесли Ксерксу простое блюдо с кислым молоком, травами и финиками. Попробовав этой традиционной пищи, он надел расшитую золотом мидийскую мантию Кира. Затем Ариамен преподнес Ксерксу военную корону Кира, которую Ксеркс держал в руках, пока архимаг не указал точный момент зимнего солнцестояния. В тот священный момент Ксеркс водрузил корону себе на голову и стал Великим Царем. В действительности зимнее солнцестояние было раньше того дня, но маги редко соблюдают точность — к сожалению.

Когда Ксеркс появился в дверях храма, мы приветствовали его громкими криками, чуть не сорвав голос. Никогда я не был так взволнован, как в тот зимний день, когда мой друг детства стоял перед нами в мантии Кира, высоко подняв лотос и скипетр. Помнится, я подумал, что златозубая



корона на голове у Ксеркса напоминает земную — нет, неземную — частичку самого солнца. Так началось новое царствование.

Двор оставался в Персеполе еще месяц. За это время я подготовил первое воззвание Великого Царя. Оно высечено на скале неподалеку от гробницы Дария. Ксеркс хотел начать с самовосхваления, подражая древним царям Элама, всегда угрожавшим читателю или слушателю своим могуществом. Но я убедил его взять пример с отца, который начал свое первое воззвание восхвалением Мудрого Господа. Разумеется, на меня давила вся зороастрийская община.

Когда Ксеркс наконец согласился признать верховенство Мудрого Господа, я в первый и единственный раз за всю жизнь оказался очень популярным среди своих многочисленных дядюшек, племянников и прочих родственников. Через несколько лет они еще больше обрадовались, когда я убедил Ксеркса отказаться от притворства, что он правит Вавилоном и Египтом по воле местных богов.

«Великий бог — это Мудрый Господь, создавший землю, создавший мир и покой для человека... — Эта последняя фраза принадлежит самому Ксерксу, не мне. В отличие от большинства монархов он никогда не воевал ради самой войны. — ...Сделавший Ксеркса царем, одним из многих царей, одним из многих владык...» и т. д.

Затем он перечислил все страны, которыми правил. В несколько угрожающем тоне упоминалось о последних волнениях в Бактрии, но о бунте в Египте умалчивалось. Дело было слишком деликатное. Мне удалось также убедить Ксеркса отречься, в сильных выражениях, какими всегда пользовался Дарий, от демонов и их поклонников. Но Ксеркс смазал эффект, возвеличив Мудрого Господа словом «Арта» — то есть «праведный». Теперь, когда Арта считается одним из проявлений единого божества, никакого кощунства тут не усматривается, но еще недавно простолюдины считали различные проявления Мудрого Господа разными богами — и маги потворствовали такому заблуждению. Боюсь, Ксеркс и сам склонялся к этой ереси. Он так же молился Арте, как и Мудрому Господу, и даже назвал своего сына, нашего нынешнего монарха, Арта-ксеркс.

Когда Ксеркс объявил, что двор на месяц останется в Персеполе, я удивился: неужели он собирается на столь долгий срок разлучиться с гаремом? Когда я вскользь упомянул об этом, Великий Царь улыбнулся.

— Ты не представляешь, что за радость быть вдаль от Атоссы и Аместрис, от их вечных советов.

Ксеркс также считал знаменательным, что его царствование началось в самом сердце родины персов, в окружении вождей кланов.

На пиру по поводу коронации присутствовало пятнадцать тысяч виднейших персов. Пир состоялся в главном зале Дариева Зимнего дворца. Я как-то видел список зарезанного скота для того пира. Думаю, в горах не осталось ни одной овцы, ни одного быка, ни одного гуся. Но что говорить о затратах — событие было слишком значительным, или так мы думали. Вельможи обжирались и напивались в течение девяти часов. Многим стало плохо. Все одурели. Грозное величие владыки перешло — и самым естественным образом — к несомненному Ахемениду. Такое случается нечасто. Сам Ксеркс сидел со своими братьями в занавешенном алькове рядом с залом, где пировали сто царских друзей. От пирующих Ксеркса отделял плотный бело-зеленый занавес. Позже занавес убрали, и Великий Царь пил вместе с нами. Еще позже он вышел во двор, и там раздались ритмичные, подобно морскому прибою, крики. Да, Демокрит, во внешних морях бывают мощные приливы, каких не случается в Средиземном море, где волны вызываются изменчивыми ветрами. Нет, я не знаю причины этого. Но каким-то образом океанские приливы следуют за прибытием и убыванием луны, подобно циклам у женщин.

Я сидел между Мардонием и Артабаном. Мы были пьяны, как и все. Только Ксеркс оставался трезвым. Он разбавлял вино водой, что делал нечасто. Ксеркс был начеку, ведь у подножия его золотого ложа сидел Ариамен. Возможный узурпатор был коренастым молодым мужчиной с руками кузнеца. Я имел сильные подозрения насчет него, да и не только я. Только Ксеркс их не имел.

Артабан мне показался вполне сносным. Не могу сказать, что я отнесся к нему очень серьезно, хотя и знал, что Ксеркс собирается назначить его начальником дворцовой стражи, а эта должность дает огромную власть, поскольку начальник стражи не только охраняет Великого Царя, но и наблюдает за повседневным порядком при дворе. Дарий всегда держал своего начальника стражи на коротком поводке, и я решил, что Ксеркс последует его примеру.

Артабан был светловолосый голубоглазый гирканец на год или два старше Ксеркса. Поговаривали о его любви к выпаренному ячменному вину, которое он пьет из челове-

ческого черепа. Не знаю насчет скрытых привычек, но на людях он держался вполне прилично. Ко мне он явно проявлял почтение. Боюсь, мне он показался туповатым, и такое впечатление он произвел на всех. Как потом выяснилось, туповатыми были мы, а не он.

Обычно при персидском дворе за начальником стражи надзирает распорядитель двора. Мудрый владыка всегда стремится держать этих двух должностных лиц в постоянной ссоре, что не так трудно. Поскольку распорядитель должен иметь доступ в гарем, это всегда евнух. А поскольку мужественные воины презирают евнухов, необходимая враждебность между начальником стражи и распорядителем двора обеспечена. По рекомендации Аместрис распорядителем Ксеркс уже назначил Аспамитра. В общем и целом, двор это устраивало. Все знали, что когда Аспамитр берет взятку, то берет ее не просто так. Он также был превосходным администратором, в чем я убедился в день коронации.

К третьей смене блюд я и Мардоний были уже в сильном подпитии. Помню, что подали оленину, приготовленную самым моим излюбленным способом: с петушиными гребешками и политую во время жарки уксусом. Я попробовал и с полным ртом повернулся к Мардонию, который напился больше моего. Он, как всегда, говорил о войне.

— Лучше Египет, чем ничего. Я не против. В самом деле. Я хочу служить Великому Царю.

Мы еще не свыклись с тем, что этот величественный титул теперь навсегда принадлежит нашему другу юности.

— Однако уже год потеряли, как... — Мардоний рыгнул и потерял мысль.

— Как вернулись из Греции. Понятно. Но Египет важнее Греции. Египет богат. И он наш — или был наш.

Я потянулся к блюду с олениной просто проверить, на месте ли она, но оленины уже не было. Я выругался вслух. Мардоний тупо уставился на меня и вдруг расхохотался:

— Не ругай рабов за объедки.

— А я ругаю!

Тут откуда-то возник Аспамитр. Он был молод, бледен, быстроглаз. Борода у него не росла. Это означало, что его кастрировали до возмужания. Так получают самые лучшие евнухи. Он следил за всем, сидя у подножия Ксерксова золотого ложа.

— Господин еще не наелся?

— Да. И командующий флотом тоже.

— Виновные будут наказаны.

Аспамитр оказался очень серьезной фигурой. Через мгновение оленина стояла на столе, а позже той же ночью шестеро слуг были казнены. В итоге весьма прибыльной торговле объедками с царского стола был в значительной мере положен конец, хотя и не полностью. Старые обычаи трудно искоренить. Но по крайней мере в первые годы правления Ксеркса можно было почти всегда съесть больше половины поданного, и все благодаря Аспамитру.

Поговаривали, что, когда ему исполнилось семнадцать, он был любовником царицы Аместрис. Не знаю. Я только повторяю слухи. Хотя дамы гарема — и даже царские жены — имели сложные отношения со своими евреями, сомневаюсь, что почтенная царица-мать Аместрис имела что бы то ни было с Аспамитром, хотя его половой член славился необычайными размерами для мужчины, кастрированного в возрасте десяти-одиннадцати лет.

Демокрит сообщил мне последние сплетни с Агоры. Очевидно, грекам хочется верить, будто царица-мать находится в постоянной связи с нынешним распорядителем двора, двадцатитрехлетним евнухом с накладными усами и бородой. Могу заверить падких до скандалов афинян, что царице-матери идет семидесятый год и она равнодушна к плотским утехам. К тому же она всегда предпочитала власть, как и ее предшественница Атосса. Думаю, молодая Аместрис могла пофлиртовать с евнухом, но это был другой мир, ныне уже ушедший.

Тот ушедший мир был для нас прекрасным. В частности, та зима в Персеполе, когда все казалось достижимым. Все, кроме комфорта. Дворцы оставались недостроенными. Собственно, о городе говорить не приходилось: здесь стояли только лачуги ремесленников и новенький комплекс зданий вокруг сокровищницы Дария. Его кладовые, парадные залы, портики и служебные помещения временно заняли чиновники канцелярии.

Мы с Мардонием разделили маленькую, душную и холодную комнатку в Зимнем дворце. Поскольку женская половина дворца была рассчитана на относительно скромную коллекцию жен и наложниц Дария, первое повеление Ксеркса как Великого Царя относилось к архитекторам. Им надлежало расширить женские помещения в сторону сокровищницы. В конце концов первоначальную сокровищницу пришлось снести, чтобы разместить новый гарем.

Как-то днем меня вызвал Ксеркс.

— Пошли посмотрим гробницу твоего тезки, — сказал он.

Верхом мы проехали значительное расстояние до гробницы Кира Великого. Маленькая известняковая усыпальница на высоком фундаменте имела портик с тонкими колоннами. Каменная дверь была покрыта резьбой под дерево. За дверью на золотом ложе лежал Кир Великий.

Хотя обслуживающий гробницу маг явно был поклонником демонов, ради нас он затянул гимн Мудрому Господу. Кстати, этот служитель живет в домике рядом с гробницей и раз в месяц приносит в жертву духу Кира коня — древний арийский обычай, не одобряемый Зороастром.

Ксеркс велел магу открыть гробницу. Вместе мы вошли в затхлое помещение, где на золотом ложе лежало залитое воском тело Кира. Рядом стоял золотой стол, заваленный драгоценностями, оружием, одеждами. Они сверкали в неровном свете факела, который держал Ксеркс.

Должен сказать, при виде великого человека, умершего более полувека назад, я испытал сложное чувство. На Кире были алые шаровары и мантия, вся покрытая золотыми бляхами. Чтобы скрыть рану от варварского топора, мантию натянули до подбородка. Ксеркс стянул ее, открыв темную пустоту на месте шеи.

— Ему перерубили позвоночник, — сказал он. — Не таким уж он был красавцем, а?

— Он был уже старик, — прошептал я.

Если не считать сероватой кожи, Кир поистине казался спящим, и я не хотел будить его. Я трепетал. Ксеркс же держался как ни в чем не бывало.

— Я бы предпочел, чтобы меня забальзамировали египтяне. — Он очень скептически отнесся к бальзамировщикам Кира. — Цвет никуда не годится. И запах. — Ксеркс втянул носом воздух и скорчил гримасу, но я чуял только специальные мази. — Спи спокойно, Кир Ахеменид! — Он шутиливо отсалютовал основателю империи. — Ты заслужил отдых. Завидую тебе.

Я никогда точно не знал, когда Ксеркс шутит, а когда нет.

---

Ксеркс устроил себе резиденцию во дворце, известном как Дариева Пристройка, хотя его полностью выстроил Ксеркс, будучи еще наследником. Каллий говорит, будто этот изящный дворец сейчас копирует Фидий. Желая ему

успеха. Пристройка была первым в мире строением, имеющим с каждой из четырех сторон по портику. Демокрит сомневается, что это так. Я бы тоже сомневался, проводя дни с философами.

Вскоре после визита в гробницу Кира Ксеркс вызвал меня официально. В вестибюле Пристройки меня встретил Аспамитр. Он был, как всегда, любезен и услужлив. Благодаря Аспамитру наглость и грубость чиновников канцелярии исчезла, по сути дела, за одну ночь. Чиновники стали услужливыми и угодливыми почти на год. Да, через год они снова были наглыми и грубыми. Такова, однако, природа чиновников, не говоря уж о евнухах.

Меня провели мимо письменных столов, поставленных рядами между ярко оштукатуренными деревянными колоннами, — это самый дешевый способ строить колонны; к тому же штукатурку легче раскрашивать, чем камень. Говорят, Фидий собирается сделать свои колонны из чистого мрамора. Если он поддастся этой глупости, я предрекаю Афинам опустошение казны. Даже гранитные колонны в главных зданиях Персеполя до сих пор не оплачены.

Жаровни с углями распространяли по комнате Ксеркса уютное тепло, а от фимиама на двух бронзовых треножниках стоял надоедливый дым. Но фимиам всегда вызывал у меня головную боль — несомненно, в связи с тем, что сопровождает поклонение демонам. Зороастр обличал употребление сандалового дерева и ладана, так как это священные благовония служителей демонов. Хотя наши Великие Цари исповедовали веру в Мудрого Господа, другим они позволяли считать себя земными богами. Мне не нравилось это противоречие. Но легче повернуть солнце вспять, чем изменить протокол персидского двора.

Ксеркс сидел за столиком в комнате без окон. На мгновение в свете лампы он предстал перед моим раболепным взглядом живой копией Дария. Я пал ниц. Аспамитр, быстро перечислив мои имена и титулы, выскользнул.

— Встань, Кир Спитама!

Это был голос прежнего Ксеркса. Я встал и, как положено, устоял в пол.

— Царский друг может смотреть на своего друга. По крайней мере наедине.

Я поднял на него глаза, он смотрел на меня. Он улыбнулся, я тоже. Но все было не так, как раньше, и прошлого уже не вернуть. Он был царь царей.

— До отъезда в Египет я должен придумать себе жизнеописание. — Ксеркс сразу приступил к делу. — А значит, у меня мало времени. Я хочу, чтобы ты помог мне написать текст.

— Что в мире желает знать царь царей?

Пододвинувшись ко мне, Ксеркс постучал по связке папирусов:

— Это единственная копия жизнеописания Кира, больше в книгохранилище нет. Видишь, она почти изорвана. Очевидно, он не собиравался ее переписывать. Текст не изменился с года моего рождения. Кстати, обо мне там упомянуто. Все равно нам нужно переписать это как можно лучше.

Я взглянул на эламский текст:

— Язык очень устаревший.

— Тем лучше. Я хочу, чтобы все звучало, как у Дария, который говорил, как Камбиз, а Камбиз говорил, как Кир, который подражал индийским царям, и так далее, до самого начала, когда бы и где бы оно ни было.

Помнится, я подумал, что, хотя Дарий неизменно считал своим предшественником лже-Бардю, Ксеркс никогда о нем не упоминал.

Великий Царь и я три дня и три ночи сочиняли его официальное жизнеописание. Закончив, мы разослали копии во все города империи как осязаемое выражение воли и характера монарха. Вначале Ксеркс описал своих предков, их деяния и стремления. Последнее имело особое значение, потому что личные заветы Великого Царя могли использоваться в любом суде для дополнения к официальному своду законов.

Работали мы так: Ксеркс говорил, что бы он хотел написать. Затем я вносил свои замечания. Когда я был готов диктовать, вызывались секретари. Говорил я по-персидски, и мои слова тут же переводились на эламский, аккадский и арамейский — три письменных языка канцелярии. В те дни редко писали по-персидски. Должен сказать, я поражаюсь скорости, с какой секретари воспроизводили персидские фразы на других языках. Позднее текст надлежало перевести на греческий, египетский, индийский и прочие языки.

Когда весь труд был записан, его снова прочитали Ксерксу на каждом из трех языков канцелярии. Он внимательно выслушал и затем внес исправления и пояснения. В конце концов, для Великого Царя это самая важная задача — уметь вслушиваться в каждое слово канцелярского текста.

В начале царствования Ксеркса ни одно слово не выходило от его имени без тщательной проверки: оно действительно должно было нести отпечаток замысла Великого Царя. Потом он уже ничего не слушал, кроме музыки и гаремных сплетен.

К ночи третьего дня Ксерксу прочитали окончательный текст, и он лично приложил свою печать к каждой версии. В конечном итоге, я думаю, этот наш труд превзошел Дариев тщеславный и неточный отчет о своем захвате власти.

Когда Аспамир и секретари удалились, Ксеркс хлопнул в ладоши, и, как призрак или мираж, откуда-то возник виночерпий. Он налил вина, отпил из кубка Ксеркса и исчез столь же проворно, как появился. Ксеркса всегда забавлял этот ритуал с отпиванием.

— Все думают, что если вино отравлено, то попробовавший тут же и умрет. А если яд действует медленно? До его и моей смерти пройдет месяц.

— Но разве ритуал не предостережет виночерпия от отравления своего господина?

— Да, если у него нет противоядия. Но умный злоумышленник убьет нас обоих так медленно, что никто и не поймет. — Ксеркс улыбнулся. — Посмотри, как Лаис убивает своими фракийскими снадобьями.

Меня всегда смущало упоминание о Лаис как о ведьме и отравительнице. В действительности не думаю, что она самолично отравила хоть одного человека. Но знаю, что для Атоссы она готовила всевозможные зелья, и не секрет, что все дамы гарема, неугодные старой царице, рано или поздно заболели какой-нибудь загадочной смертельной болезнью, что и требовалось.

— Как странно, — проговорил Ксеркс с неожиданной грустью. — Я не верил, что это случится.

— Но ведь было ясно, что Дарий умирает.

— Верно. И все же не верилось, что он... — Ксеркс, как самосский гончар, вертел в руках красно-черный кубок. — Я слишком стар.

Я уставился на него, удивленный, безмолвный. Ксеркс снял с шеи тяжелый золотой воротник, уронил на кедровый стол и лениво почесался.

— Да, я слишком стар, чтобы... — Он снова замолк. Казалось, он говорит не со мной, а сам с собой. — У меня нет побед. То есть ни одной настоящей. — Он постучал по нашему рукописному труду. — Я подавлял восстания, но не



прибавил ни горстки земли, ни чаши воды к владениям моего отца. Вся моя деятельность — это строительство.

— Ты величайший строитель из когда-либо живших, владыка!

Я не преувеличивал. Я верил, что Ксеркс являлся — нет, и до сих пор является — самым великим зодчим и градостроителем из всех когда-либо живших на земле, в том числе и из тех африканских дикарей, что много-много веков назад воздвигли столь глубокомысленно тупые египетские пирамиды и пилоны.

— Это не в счет.

Ксеркс задумался. Я никогда не видел его в таком подавленном состоянии. Казалось, получение в дар всех этих стран принесло ему не радость, а боль и мрачные предчувствия.

— Думаю, жизнь прошла зря. Все, что я делал — только ждал и ждал, а теперь мне тридцать пять...

— Разве это старость? Взгляни на Мардония!

— Я и взглянул. — Ксеркс улыбнулся. — Он шатается, как старик. Нет, вот это... — он быстрым жестом изобразил в воздухе корону, — должно было прийти лет десять назад. Я был в том возрасте, что и Дарий, когда он убил Великого Царя.

— Великого Царя? — Я уставился на Ксеркса. — Ты хочешь сказать, узурпатора Гаумату?

— Я хочу сказать, Великого Царя. — Ксеркс допил кубок и вытер губы расшитым рукавом. — Ты не знаешь?

Я покачал головой.

— Я думал, знаешь. Мне известно, что Атосса говорила Лаис. Очевидно, твоя мать осмотрительнее моей. Но все равно тебе пора узнать страшную тайну нашей семьи.

Доверяя секрет, монархи часто одновременно подписывают приговор слышавшему. Мне вдруг стало холодно. Я не хотел ничего слышать. Но остановить Ксеркса не мог. Ему не терпелось поделиться со мной знанием, известным в то время лишь горстке людей.

— Дарий никогда не был Ахеменидом. Он их очень дальний родственник. Как и глава любого из персидских кланов. Когда Камбиз пошел на Египет, он оставил за себя своего брата Бардью. Было условлено, что, если Камбиз умрет, Великим Царем станет Бардья. В Египте Камбиза отравили. Не знаю кто. Сам Камбиз считал, что кто-то из местных жрецов. Как бы то ни было, яд медленно делал свое де-

ло. Камбиз очень мучился. Он стал невменяем. Но когда приходил в себя, то соображал вполне ясно. — Ксеркс помолчал, теребя пальцем край золотого воротника. — Вопреки всему, чему нас учили, Камбиз был не менее великим монархом, чем его отец Кир.

Я слушал затаив дыхание.

— Когда в Сузах узнали, что Камбиз болен, Бардья провозгласил себя Великим Царем. Услышав об этом, Камбиз тут же обвинил брата в захвате власти и двинулся домой. По дороге его снова отравили, на этот раз кто-то из близких. Если помнишь, считалось, что он сам ранил себя мечом. Думаю, в этой части официальная версия не врет. Но меч был смазан смертельным ядом, и Камбиз умер. Теперь Бардья был Великим Царем по закону. У него не было соперников. Его любили.

Но тут поползли слухи: Бардья — на самом деле не Бардья. Говорили, что Бардью убили два брата-мага, и один из них, Гаумата, выдает себя за убитого. Как всему миру известно, Дарий с Шестью убили лже-Бардью, и Дарий сделался Великим Царем. Потом он женился на Атоссе, дочери Кира, сестре и жене Камбиза, жене и сестре так называемого лже-Бардья, и в итоге сделал своего сына, меня, законным Ахеменидом.

Ксеркс хлопнул в ладоши. Появился виночерпий. Если он и подслушивал, то не подал вида. Да он бы не посмел.

Когда виночерпий ушел, я задал очевидный вопрос:

— Кого же убил Дарий?

— Великого Царя Бардью, брата Камбиза, сына Кира, убил мой отец.

— Но, конечно, Дарий думал, что убивает мага Гаумату, лже-Бардью.

Ксеркс покачал головой:

— Никакого мага не было. Был только Великий Царь, и Дарий убил его.

Мы в молчании пили вино.

— Кто же, — спросил я, зная ответ, — был тот человек, что отравил меч Камбиза?

— Оруженосец Великого Царя, — сказал Ксеркс без всяких эмоций. — Дарий, сын Гистаспа. — Он отодвинулся от стола. — Теперь ты знаешь.

— Я не хотел этого знать, владыка.

— Но теперь знаешь. — И снова меня поразила печаль в голосе Ксеркса. — Теперь ты знаешь, что я стал тем, чем

стал, потому что мой отец убил одного моего дядю, а затем — другого.

— Как же еще получают трон, владыка? — пробормотал я. — В конце концов, Кир тоже убил *своего* тестя, и...

— Тогда была война. А тут — кошунственное преступление. Предательство с единственной целью — захватить власть. Перс убил вождя своего клана. — Ксеркс улыбнулся, не разжимая губ. — Когда ты рассказал мне о тех двух индийских царях, убитых своими сыновьями, я подумал об отце. Я подумал: что ж, меж нами нет разницы. Мы тоже арии. Но мы знаем, как должны знать и индийцы, что преступивший священный закон навеки проклят сам, как и его потомки.

Ксеркс твердо верил, что будет наказан судьбой за преступление своего отца. Я не согласился. Я сказал ему, что если сам он будет следовать Истине, то Мудрый Господь не придаст значения тому, что отец его следовал Лжи. Но Ксеркса преследовали все те демоны, которых мой дед пытался изгнать из этого мира. Ксеркс верил, что все кровавые долги отца будет вынужден заплатить сын. Рано или поздно, считал он, старые боги отомстят за убийство Великих Царей, и только священной кровью можно смыть пятна священной крови.

— Гистасп знал? — спросил я.

— Да. Знал. Он был в ужасе. Он верил, что, посвятив себя Зороастру, сможет искупить вину Дария. Но ведь это невозможно, правда?

— Да, — сказал я. — Это мог сделать только Дарий с помощью Мудрого Господа.

Я был слишком потрясен для утешений.

— Я так и думал.

Ксеркс поставил на стол свой кубок и перевернул его вверх дном. Вино он допил, но оставался трезвым.

— Да, мой трон запятнан кровью. Атосса считает это естественным. Но она наполовину мидийка, а мидийцы в этих вопросах отличаются от нас.

— Откуда ты все это узнал?

— Еще ребенком. В гареме. Старые евнухи не раз шептались об этом. А я слушал. В конце концов спросил Атоссу. Сначала она солгала. Но я настаивал. «Если я не узнаю правды, — говорил я, — как я замечу, когда и на меня снизойдет грозное величие владыки?» Тогда она рассказала.

Она жестокая женщина. Но я не должен говорить так: она спасла тебе жизнь. И спасла жизнь мне, и посадила сюда.

— Но как ей удалось спасти *свою* жизнь?

— Хитростью, — ответил Ксеркс. — Убив Бардью, Дарий вызвал Атоссу. Он собирался казнить ее, потому что она одна точно знала, что убитый был в самом деле ее мужем и братом, истинным Бардьею.

— Но разве остальной гарем не знал?

— Откуда? Пока Камбиз был жив, его брат оставался за него на троне, но не в гареме. Но когда стало известно, что Камбиз в конце концов умер, Бардья быстренько женился на Атоссе, к ее радости. Он был ее любимым братом. А через год, когда Дарий пришел в Сузы, она распустила слух, что Бардья был вовсе не Бардья, а маг-самозванец. Дарий убил этого так называемого самозванца. И теперь на земле оставался лишь один человек, знающий правду, — Атосса.

О том, что случилось после, я слышал три версии: от самой Атоссы, от Лаис и от Ксеркса. Все они немного разнятся друг от друга, но основной смысл таков.

Когда Дарий вошел в гарем, Атосса в диадеме царицы сидела перед статуей Кира Великого. Атосса держалась уверенно, или так казалось. Грациозным жестом она велела своим слугам удалиться, а затем, как индийская кобра, напала первой.

— Ты убил моего мужа и брата — Великого Царя Камбиза!

Дарий не ожидал такого. Он думал, Атосса бросится к его ногам и будет умолять сохранить ей жизнь.

— Камбиз умер от раны, — сказал Дарий, переходя в защиту, — ошибка, какой он не позволял себе на войне. — Случайно сам себя поранил.

— Ты был царским другом. Ты был его оруженосцем. Ты смазал ядом лезвие меча.

— Твои слова не сделают это правдой, — сказал Дарий, начиная приходить в себя. — Камбиз мертв. Это так. А как он умер — это не твое дело.

— Все, что касается Ахеменидов, — мое дело, и только мое. Потому что я — последняя из них. У меня есть доказательство, что ты убил моего мужа и брата — Великого Царя Камбиза...

— Что за доказательство?

— Не перебивай, — прошипела Атосса. Когда хотела, она умела шипеть, как настоящий питон. — Я царица из рода

Ахеменидов. И мне известно, как и тебе, что ты убил моего мужа и брата — Великого Царя Бардью.

Дарий попятился было от опасной женщины, но остановился.

— Он был твоим мужем, но не братом. Это был маг Гаумата.

— Он был магом не больше, чем ты. Но в отличие от тебя он был Ахеменид, которым тебе не бывать.

— Я Великий Царь. — Дарий уже отгородился от Атоссы креслом (я цитирую версию Атоссы). — Я убил мага, самозванца, узурпатора...

— Ты сам узурпатор, Дарий, сын Гистаспа. Одно мое слово кланам, и восстанет вся Персия.

Это привело Дария в чувство. Он отодвинул кресло и двинулся к сидящей царице.

— Никакого слова не будет, — сказал он, приблизив свое лицо к ее лицу. — Понятно? Ни единого. Потому что все, кто хочет верить, будто этот маг был действительно Бардией, умрут.

— О, жалкий авантюрист! Убей теперь меня! И посмотрим, что получится.

Атосса подарила ему очаровательную улыбку (в те дни это в самом деле могло быть так: белый жемчуг вместо черного). И вот в этот момент голубоглазый узурпатор с темно-рыжими волосами показался царице необычайно привлекательным — так она рассказывала Лаис. То, что они с Дарием были ровесниками, скорее усиливало вдруг возникшее чувство, чем ему мешало.

Атосса сделала самый смелый в своей жизни шаг.

— Я уже разослала своих людей в Вавилон, Сарды и Экбатану. В случае моей смерти они откроют военачальникам в преданных нам городах, что Дарий совершил двойное царевубийство. Вспомни, как восхищались Камбизом. Вспомни, как любили Бардью. Вспомни, что они были последними сыновьями Кира Великого. Города восстанут. Я обещаю. Ты просто дерзкий молодой авантюрист — и больше ничего. Пока.

Это «пока» положило начало сложному мирному договору, чьи основные условия выдвинула Атосса. Если Дарий женится на ней и сделает их первого сына наследником, она заявит всем, что он в самом деле убил мага, за которого она была вынуждена выйти замуж. Хотя оба сделали друг

другу кое-какие уступки, основной пункт договора признала и та и другая сторона.

Демокрит хочет знать, действительно ли Атосса разослала своих людей в Вавилон и прочие города. Разумеется, нет. Она была великолепно все в импровизациях, направленных к достижению великой цели. Поверил ли ей Дарий? Этого никто никогда не узнает. Нам известно лишь, что и после этого рискованного договора он не переставал бояться Атоссу и восхищаться ею. В течение последующих тридцати шести лет он старался отстранить царицу от государственных дел и, нужно сказать, добился своего. Со своей стороны, Атосса была очарована молодым царевичем и видела в нем прекрасного управляющего для империи ее отца. Результатом этого замешанного на крови договора явился Ксеркс. К несчастью, сын оказался человеком с чувством равновесия в вещах. Если положить на бревно доску, то один ее конец опустится, если другой поднимется. Раз Дарий не страдал от своих преступлений, страдать предстояло сыну.

Я раскрыл все это, Демокрит, не ради посрамления того галикарнасца. Совсем наоборот: его версия — прекрасная сказка для детей, где Дарий предстает блистательным героем. Действительная история грязнее и не придает славы нашему царскому дому. Но мне кажется необходимым сказать правду, чтобы объяснить натуру столь любимого мною Ксеркса. С первого момента он знал историю возвышения своего отца и ясно видел собственную кровавую кончину. Это предвидение и объясняет, почему он был таким, каким был, и почему поступал так, как поступал.

К счастью, не прошло и месяца, как Ксеркс забыл о своей меланхолии. Он заставил обе палаты канцелярии работать день и ночь. Он лично пересчитал все золото и серебро в сокровищнице. Мы вместе проверили содержимое книгохранилища. Я читал ему всевозможные древние писания, в частности относящиеся к Индии и Китаю.

— Ты хочешь туда вернуться? — спросил он.

Мы были все в пыли от старых глиняных табличек, заплесневевших папирусов, бамбуковых лент.

— Да, владыка. Я хочу вернуться.

— Не в этом году, и не в следующем. — Ксеркс стряхнул с бороды пыль. — Обещаю, мы пойдем туда, когда Египет будет снова на коленях. Я забыл, что ты говорил мне. Я также забыл, что рано или поздно, как бы стар я ни был, я должен прибавить земель и богатства моему отечеству.

Мы оба улыбнулись. Тогда я не мог принять всерьез жалобы Ксеркса на свой преклонный возраст, однако, обращаясь назад, думаю, он сам убедил себя, будто его время быть воином пришло и ушло. Война — действительно дело юных.

Пока двор еще был в Персеполе, Ксеркс восстановил меня в должности «царева ока». Затем мне было приказано сопроводить Ариамена в Бактрию. Ожидалось, что я буду не только оком, но и ухом. Хотя Ксеркс терпимо относился к брату, но все же не доверял ему. Теперь я лучше понимал их семейство и не мог сказать, что его сомнения не имели оснований.

Ариамен отнесся к моей компании с понятной снисходительностью. Несмотря на сопровождавшую нас значительную свиту, нам пришлось платить унижительную дань разбойникам, хозяйничающим на пути через персидские высокогорья.

Бактру я не узнал. После страшного пожара весь город так перестроили, что теперь он скорее напоминал Шравастии или Таксилу, а не Сузы. То, что когда-то было простым пограничным поселком, теперь стало просто восточным, а не истинно персидским городом.

Сначала Ариамен смотрел на меня весьма подозрительно, но в конце концов мы неплохо поладили. Наши отношения еще улучшились, когда я не обнаружил никаких изъянов в его управлении сатрапией. Он показался мне фигурой совершенно загадочной. До сих пор не пойму, почему он, хотя и ненадолго, взбунтовался. Может быть, потому, что Бактрия лежит так далеко от Персии и так на нее не похожа? На юге за горами — Индия; на востоке через пустыню — Китай; на севере за холодными лесами и голыми степями — кочевые племена. До начала каких-нибудь цивилизованных мест нужно проехать триста миль на запад. Бактрия лежит между всем, то есть нигде.

Бактрия — это не только место, но и нравы, и нравы дикие, жестокие, необузданные. Бактрийские маги, следующие Лжи, — одни из самых странных людей на земле. Они постоянно одурманены хаомой и зверствуют невероятно. Несмотря на учение Зороастра и строгие предписания трех Великих Царей, они продолжают привязывать больных и умирающих на обочине дороги. Палимые солнцем, обмороженные, под снегом, умирающие молят о помощи, но никто не смеет помочь. Стервятники и собаки питаются здесь не только трупами, но и живыми.

Когда я указал на это Ариамону, он сказал:

— Я ничего не могу поделать. Бактрийцы боятся магов больше, чем меня. Почему ты не остановишь их? Ты же преемник пророка. Тебя они послушают.

Ариамон смеялся надо мной. Он знал, что, где оказался бессилен Зороастр, его внуку не видать удачи. И все же я поговорил с руководителями зороастрийской общины. Большинство из них состояло со мной в родстве, и многие сочувствовали. Почти все были... миряне — пожалуй, вот подходящее слово. Притворяясь, что следуют Истине, они стремились к богатству и почестям. Они уверяли меня, что умирающих и больных перестанут привязывать у дорог. Однако это продолжается и по сей день.

На месте, где был убит Зороастр, воздвигли большую усыпальницу. Стоя перед опаленным огнем алтарем, чьи пологие ступени некогда были залиты золотой хаомой и кровью, я пережил поистине странное чувство. Я произнес молитву. Мой двоюродный брат, глава зороастрийской общины, пропел ответ. Потом, стоя перед огненным алтарем, я рассказал дюжине моих родственников — невысоких, смуглых людей, обликом напоминающих халдеев, — о смерти пророка и тех словах, что Мудрый Господь счел нужным сказать мне его умирающими — мертвыми? — устами.

Родственники были глубоко тронуты. В общем, и я тоже. Однако, произнося знакомые слова, я в действительности не вспоминал, как они звучали, когда были впервые услышаны мною. Повторение давно стерло эти звуки из моей памяти. Тем не менее, стоя перед тем алтарем, я вдруг на мгновение ощутил себя маленьким мальчиком с глазами, ослепленными смертью и видением божества.

Потом мне показали комнату с воловьими шкурами. Здесь сидела дюжина писцов, слушая, как старые члены общины цитировали зороастрийские тексты. Старики пели стихи — гаты, а писцы записывали. Поскольку я сам слышал некоторые гаты из уст деда, то заметил несколько внесенных — сознательно? — изменений. В некоторых случаях я решил, что дедовы слова изменены для нового поколения, но чаще читающие просто забывали первоисточник. Вот почему я в конце концов пришел — очень неохотно — к тому, что тексты пора записать, пока ошибок еще сравнительно мало.

Благодаря нынешней повсеместной мании все записывать — где, когда и почему она возникла? — действительные слова Зороастра, Будды, Махавиры, Госалы, Учителя Куна



будут сохранены для будущих поколений. Парадокс: ведь письменный текст уничтожить проще, чем стереть его из памяти жреца, который выучил миллионы слов и не осмеливается изменить хотя бы одно из страха потерять все остальные. С другой стороны, совсем нетрудно записать на воловьей шкуре совершенно новый текст и выдать за древний, принадлежащий пророку.

Уже на протяжении моей жизни заветы Зороастра насчет неправильного употребления хаомы изменились в угоду традициям магов. Недавно понятие арты, или праведности, персонифицировали, и Арта стал богом, а демон Митра так никогда и не был полностью изгнан из зороастрийской веры, потому что, как сказал мой последний ныне живущий двоюродный брат, «разве Митра не есть солнце? А разве солнце — не знак Мудрого Господа?» Так, исподволь, один за другим, возвращаются демоны. Человек будет поклоняться тому, чему хочет. Мой дед сместил некоторые акценты. Вот и все.

Когда я сообщил общине, что Ксеркс пообещал не призывать никакого бога, кроме Мудрого Господа, все очень обрадовались и глава общины заключил:

— И это значит, что маги, следующие Лжи, не хотят следовать за Великим Царем.

Мне довольно подробно поведали о словесных баталиях между нашими магами и их. Мне также рассказали о бесконечных разногласиях между придворными зороастрийцами и теми, кто остался в Бактре.

Хотя я приложил все усилия, чтобы всего себя посвятить их службе, у меня осталось впечатление, что я разочаровал этих низкорослых смуглых людей, живущих на границе. Они ожидали, что я один из них, а вместо этого встретили голубоглазого человека, говорящего на придворном персидском. Как «царево око», я всем своим существом слишком принадлежал миру, и уверен, им это казалось так же странно, как мне по-прежнему кажется чудом, что из всех живущих на земле мне одному было суждено услышать голос Мудрого Господа. Из-за одного момента в детстве меня до сих пор считают святейшим человеком Персии. Нелепо. Но мы редко становимся тем, чем хотим. То, чем мы хотим быть, не дано нам — или изменяется вместе с временами года.

Разве я не мудр, Демокрит? Теперь, когда пришла зима и снег мне кажется черным, я точно знаю, кто я. Ждуший своего часа труп.

## Книга VI КИТАЙ

### 1

Через два года после восхождения Ксеркса на трон меня уполномочили быть послом во всех царствах и владениях тех удаленных, никогда не виданных ни одним персом земель, что мы называем Китай. Путь, который я надеялся проделать вместе с Фань Чи, теперь предстояло проехать с караваном, снаряженным «Эгиби и сыновьями». Ко мне были приставлены два китайца в качестве переводчиков, а также бактрийские конные и пешие воины как эскорт.

Излишне говорить, Вторая палата канцелярии противилась моему посольству, но Великий Царь сказал свое слово, и, чтобы оправдать пущенные на ветер деньги (с точки зрения казначея), мне было официально велено открыть торговый путь между Персией и Китаем — задача, схожая со строительством лестницы на луну. Но я более чем охотно взялся за нее. Я бы предпочел более долгий, но относительно безопасный путь через Индию — чтобы повидать Амбалику и сыновей, — однако в письме от Фань Чи говорилось, что северный путь через Амударью самый короткий, хотя и самый опасный. И я отправился на север. Это оказалось глупо. Но ведь глупость свойственна молодости. Демокрит говорит, что тоже отправился бы в Китай кратчайшим путем. Вот мое утверждение и доказано.

Фань Чи говорил, что, поскольку выплавка железа в Китае практически неизвестна, там открывается прекрасный рынок для превосходного персидского металла — и персидских металлургов. «Эгиби и сыновья» согласились. Они дадут денег на караван, хотя шансы на возвращение каравана удручали — Ширик рассчитал их на своем абаке. Тем не менее он изъявил готовность рискнуть.

— Если вы откроете северную дорогу, то мы получим — впервые — удобный шелковый путь, — сказал он.

По традиции все дороги в Китай называют шелковыми путями. В обмен на выплавленное железо «Эгиби и сыновья» собирались получить тысячу и одну вещь — от шелка для драконовой кости для медицинских нужд. К счастью для меня, желудочные расстройства Ширика лечились только настоем из толченой драконовой кости, поэтому кроме делового он имел в успехе моей миссии и личный интерес.

Ранней весной я выехал из Бактры на восход солнца. Мое описание этого долгого путешествия на восток хранится в железном сундуке в книгохранилище Персеполя, ключ есть только у Великого Царя, и приняты все меры, чтобы он не потерялся. Менее чем через год я открыл ранее никому на западе не известный путь в Китай, но, поскольку я перс и царский друг, у меня нет ни малейшего желания открывать грекам все подробности этого пути. К тому же без карт и наблюдений за звездами я могу лишь в общих чертах рассказать о путешествии, состоявшемся... по моим подсчетам, лет тридцать восемь назад.

Переправившись через Амударью, мы поехали по лугам. Там живут северные племена. Они не раз нападали на нас, но поскольку у меня была тысяча бактрийских воинов, кочевники вреда нам не причинили. Бактрийцы ведь и сами в близком родстве с теми лютыми всадниками, живущими в степях. И в пустыне.

Пустыня! Наверное, та восточная пустыня — величайшая в мире и определенно самая безжизненная. Все наши лошади пали. К счастью, большинство верблюдов выжило. Но многие из людей — нет. Из двух тысяч погонщиков, воинов и слуг, выехавших ясным утром из Бактры, всего двести вынесли переход через пустыню, не имевшую, казалось, конца и только иногда показывавшую нам удивительные и жестокие миражи. То вдруг мы видели впереди быстрый горный поток, или водопад, или прохладный снег в густых лесах. Неизменно некоторые бросались в живительное озеро или ручей и умирали, давась обжигающим песком.

Хотя в восточной пустыне много оазисов, чтобы их найти, нужен надежный проводник. Нам такого было не достать: пустынные племена следят за этим. По сути дела, не зная мы, что Китай находится на восходе солнца, мы бы безнадежно заблудились. И так наше путешествие продлилось на месяц дольше, чем предполагалось, и стоило нам многих жизней. К концу, чтобы избежать миражей и жары, мы двигались только ночью. Когда над прямым серым горизонтом появлялось солнце, мы закапывались в песок, как

индийские собаки, и, накрыв голову одеждой, засыпали мертвым сном.

Несмотря на долгие беседы с Фань Чи, я очень мало знал о географии Китая. Я знал, что большинство государств расположено между Янцзы и Желтой рекой, но не представлял, как далеко друг от друга находятся эти реки и в какое море впадают. Фань Чи говорил, что его родиной являются земли правителя Лу, расположенные в бассейне Желтой реки. И больше о Китае и его окрестностях мне было ничего не известно.

Пустыня снова перешла в луга, где с безопасного расстояния на нас взирали желтолицые пастухи. Они не делали попыток приблизиться. Там было много источников и дичи, и мы неплохо прожили в этой благодатной стране. Под конец, когда похолодало, мы достигли западного края долины и увидели Желтую реку — глубокую, темную, извивающуюся мимо низких, заросших хвойным лесом холмов, напомнивших нам дом арийских праотцов.

Мы разбили лагерь в бамбуковой роще на берегу. Пока мои люди купались и ловили рыбу, я подвел итоги. Мы потеряли много людей и лошадей, но благодаря несокрушимым верблюдам сохранили большую часть железа и достаточно оружия, чтобы защитить себя от кого угодно, кроме разве что настоящего войска. В течение недели, пока мы стояли лагерем у реки, я разослал с дюжину гонцов. Вернулся лишь один — пленником окружившего нас войска.

Сотни всадников на низкорослых лошадаках смотрели на нас с тем же изумлением, что и мы на них. Хоть я и привык к желтизне Фань Чи, кожа у этих людей была как темный мед. У них были круглые лица, плоские носы и раскосые глаза. Одеты они были в стеганные халаты и необычные шапки. Каждый, казалось, прирос к своей коротконогой лошадке. Так, пасмурным днем, во время года, когда выпадает первый снег, я познакомился с только что сформированной конницей Цинь, самого западного из китайских государств.

Около шести месяцев два моих переводчика учили меня основам своего непростого языка. В итоге я смог общаться с начальником всадников. Не скажу, что нам нашлось много о чем поговорить. Как пленников нас под конвоем отправили в Ян, столицу земли Цинь. Я не много запомнил из той поездки. Помню лишь свое удивление, что начальник конницы никогда не слышал о Персии. Помню еще, я сказал ему, что груз железа предназначен для Лу, а он рассмеялся и плюнул на землю, демонстрируя презрение к Лу.

Я представлял, что мир желтого народа будет примерно таким же, как и в долине Ганга. Вместо этого я с удивлением обнаружил, что жители Яна молчаливы, даже угрюмы, и одеты в одинаковые серые халаты. Городские улицы напоминали военный лагерь. Вся жизнь была строго регламентирована. Мужчинам предписывалось ходить по одной стороне улицы, а женщинам низшего класса — по другой. Женщины высшего класса там должным образом изолированы. Даже на центральной рыночной площади царил жуткая тишина: орда надзирателей постоянно проверяла веса продавцов и деньги покупателей. Нарушившего любой из множества законов ждали смерть или увечье. Казалось, у каждого второго не хватает уха, носа или руки. Я не увидел ни одной улыбки — и простой люд, и солдаты, которые были повсюду, хранили непроницаемую серьезность.

В первые дни моего пребывания в Китае я гадал, преднамеренно или нет Фань Чи ввел меня в заблуждение: это было совсем не похоже на тот Китай, какой он мне описывал. Мне еще предстояло открыть, что Цинь не похоже не только на остальные китайские государства, но и вообще ни на какие, за исключением, возможно, Спарты.

Моих людей заперли в пустом складе сразу за городской стеной. Самого меня более или менее почтительно отконвоировали в приземистое деревянное здание в центре города, где — скорее менее, чем более почтительно — заперли в маленькой клетке.

Никогда я не чувствовал такого одиночества и уныния. Хотя я и понимал чужой язык, никто со мной не говорил. Люди безмолвно приносили мне пищу, стараясь не смотреть на меня, потому что то, что они видели, вызывало явную тревогу. Их очень беспокоили голубые глаза. Светлая кожа вызывала отвращение. К счастью, мои волосы не были рыжими, а то меня бы тут же принесли в жертву так называемым звездным богам.

Не скажу, что со мной обращались плохо. Со мной просто никак не обращались. Один раз в день меня кормили или рисом, или каким-то мясным супом. Но когда я пытался заговорить со слугами, они, казалось, не слышали. Я даже было принял их за глухонемых.

В конце концов меня отвели не к правителю, у которого я был аккредитован, а к главному министру — вежливому старикашке, похожему на того помощника Ширика, что я когда-то встретил в конторе последнего. Главного министра звали Хуань — и как-то там дальше. Второе имя я забыл. Да

я никогда и не мог разобрать их имен. У каждого приличного китайца в дополнение к разным титулам есть публичное имя, частное имя, тайное имя и прозвище. Кроме того, каждый одевается в соответствии со своим рангом. Некоторые носят меха. Каждая видная персона носит пояс или ремень, к которому подвешены разные драгоценные украшения, обозначающие ранг, фамилию, страну. Очень хорошая система. Любой, взглянув на ранг незнакомца, сразу знает, как себя с ним вести.

Зал приемов Хуаня напоминал безупречно отполированный деревянный ящик. Большинство государственных строений в Китае деревянные, а дома бедняков — из необожженного кирпича, с тростниковыми крышами. Из камня строят только крепости, и очень грубо. Все здания строятся в соответствии с четырьмя сторонами света — севером, югом, востоком и западом. Каждая из сторон имеет свои особенности: например, если спишь головой на север, то непременно умрешь, и тому подобное.

Я тогда не знал, что заключен в доме главного министра. Как высшее должностное лицо Пин-гуна, Хуань возглавлял совет из шести министров, представлявших собой шесть знатных фамилий, управляющих землей Цинь. Пин-гун имел очевидное пристрастие к крепкому напитку из перебродившего проса. В итоге он провел большую часть своего правления, уединившись с наложницами и собутыльниками у себя во дворце. Раз в год он появлялся в храме своих предков и приносил жертву небесам; в остальном по влиянию на государственные дела его можно было бы приравнять к усопшим предкам.

Разумеется, при первой встрече с главным министром ничего этого я не знал. Министр принял меня, как я счел, со всей китайской изысканной любезностью. На самом деле он обращался со мной, как с дорогим рабом.

Хуань жестом пригласил меня сесть на коврик напротив себя. Хотя мне было суждено научиться говорить по-китайски, я так и не перестал путаться в китайских выражениях. Во-первых, глаголы не имеют времен. Никогда не знаешь, событие уже произошло, происходит сейчас или произойдет в будущем. Во-вторых, поскольку существительные не имеют единственного или множественного числа, никогда не знаешь, сколько фургонов с шелком получишь за железо. Однако, чтобы быть точным, нужно сказать, что языковые ухищрения ухищрениями, но китайские купцы не только

прекрасно знают свое дело, но и часто оказываются честными.

Когда я принялся перечислять все титулы Великого Царя и попытался описать, кратко, но ярко, его могущество, Хуань вежливо слушал. Потом сказал:

— Насколько я понял, вы приехали торговать с нами.

Каждый раз, утверждая что-то, он кивал головой, словно желая убедить, что мы согласны друг с другом.

— Торговать со всеми китайскими государствами, да.

Голова снова качнулась, но на этот раз кивок означал несогласие, и это меня испугало.

— Да. Да. И в то же время нет. Есть лишь один Китай. Есть лишь одно Срединное Царство. Как бы оно ни делилось — это явление временное, прискорбное и, — он взглянул победно, — несуществующее.

— Да. Да. — Подражая ему, я тоже стал кивать. — Но я знаю, что есть правитель Циня, и герцог Лу, и еще один — в Вэй...

— Правда. Правда. Но каждый из них правит только по милости Сына Неба, который только один имеет право на власть, как потомок Желтого Императора.

Я совершенно не понимал, о чем это он, но гнул свою линию:

— Да, почтенный Хуань. Мы знаем об этом могущественном императоре. И Великий Царь шлет ему привет через мою недостойную особу. Но могу я спросить, где его найти?

— Там, где он есть. Где же еще?

Голова снова качнулась вверх и вниз.

Хуань казался неестественно обрадованным.

— В таком случае, я пойду к нему. Туда, где он есть.

— Да. Да.

Хуань вздохнул. Мы смотрели друг на друга. В последующие годы мне пришлось услышать множество вариаций на тему императора, который есть и которого нет там, где он есть и где его нет. В действительности настоящего небесного императора не было уже триста лет. Хотя Чжоу-гун величал себя императором, все его презирали.

Когда дело касается прошлого, китайцев так же трудно понять, как индийцев. Но все они сходятся в том, что давным-давно существовала императорская династия Шан. В течение многих поколений эти императоры обладали небесным правом на власть или, как мы это называем, грозным величием владыки. Но семь или восемь веков назад это

право, как водится, было утрачено, и Срединное Царство захватили западные племена, основавшие династию Чжоу.

Первого императора этой династии звали Вэнь. Ему наследовал его сын У. Через два года после получения небесного права — то есть после того, как он вырезал своих противников Шанов — У серьезно заболел, и даже отвар драконьих костей помочь не мог. В конце концов его младший брат Дань, Чжоу-гун, предложил небесам свою персону на место императора. Китайские небеса, кстати, отличаются от арийских и любых других, о каких мне доводилось слышать, тем, что там правят не бог и не боги, а умершие предки, начиная с самого первого человека, так называемого Желтого Прародителя, или Желтого Императора. Следовательно, праведный Дань не молился китайскому аналогу Мудрого Господа, а обращался к трем предыдущим праведным предкам. Здесь следует отметить, что религия этого народа весьма своеобразна, если ее вообще можно назвать религией. Хотя тамошние так называемые звездные боги сродни нашим демонам, поклонение этим низшим божествам мало влияет на процветание страны, которое основано на поддержании гармонии между небесами и землей. А это достигается тщательным соблюдением церемоний в честь предков.

Три умерших царя были столь растроганы предложением Дая занять место брата, что позволили У оправиться от болезни и, что замечательнее всего, за свою милость не потребовали жизни Дая. Для многих китайцев Дань такой же герой, как и его отец Вэнь. Поскольку У прославился своей безжалостностью в войнах, им не всегда так восхищаются. Само собой, циньские правители называли себя прямыми потомками У и отказывали в праве на власть представителям династии Чжоу — потомкам Вэня. Циньские властители непрестанно твердили о гегемонии, якобы по праву принадлежащей им. В данном случае гегемония означает верховную власть над всеми воюющими между собой странами, ныне составляющими Срединное Царство.

Однако небеса так любят китайцев, что отказали в гегемонии циньским владыкам. Как позже выяснилось, правителей Цинь ненавидят все китайцы, в том числе и их собственные угнетенные подданные. Когда я говорю «правители», я не имею в виду гунов. Я имею в виду совет Шести, правящий Цинь, а из шести я выделяю Хуаня — определенно самого выдающегося из когда-либо виденных мною людей и одного из самых отвратительных.

Меня держали в плену шесть месяцев. Моих спутников



продали в рабство, железо конфисковали. Мне сохранили жизнь лишь по настоянию Хуаня, убедившего всех, что я один владею секретом выплавки железа. Я в самом деле многому научился, наблюдая за выплавкой магадхской железной руды. В те дни Персия была самой передовой страной в области выплавки железа, а Китай — самой отсталой. Нынче благодаря мне в Китае появились искусные металлурги.

Обращались со мной неплохо. Я часто обедал наедине с Хуанем. Порой я сопровождал его во время визитов к другим вельможам. Но властителю меня не показывали.

Когда я решил, что моей жизни ничего не угрожает, то начал задавать Хуаню почти столько же вопросов, сколько он мне. Ему очень нравилась моя варварская прямота, как он это воспринимал. Но сами вопросы нравились не всегда.

— Почему бы не свергнуть властителя, раз он все равно не правит?

— Как можно!

Хуань, казалось, был в ужасе. Он быстренько начертил у коврика, где сидел, какой-то магический знак — против демонов? Мы находились в комнате с низким потолком, окна которой выходили в сад, заполненный ароматом цветущих слив.

— О, какое варварство! Действительно варварство! Это чересчур даже для человека, приехавшего из-за пустыни.

— Прошу прощения, почтенный Хуань. — Я смиренно устался в полированный деревянный пол.

— Так ужасно услышать *выраженную* мысль, что я содрогаюсь, и — о! как больно моей душе! — Он хлопнул себя по животу, где, по мнению китайцев, она обитает. — Наш владыка священен, потому что происходит от императора У. Он, и только он, владеет небесным правом. Даже варвары должны это знать.

— Я знаю, почтенный Хуань. Но вы сами сказали, что Срединное Царство пока не принадлежит ему. Равновесие между землей и небесами — этими великими мехами, как говорят ваши мудрецы, — еще не достигнуто должным образом.

— Правда. Правда. Конечно, так.

Так — то есть правда, он это говорил. Я так и не смог привыкнуть, как китайцы в своем языке путают будущее, настоящее и прошлое. Вроде бы Хуань говорил о том, что небесное право уже принадлежит властителям Пин. На са-

мом деле Хуань имел в виду, что оно когда-нибудь будет принадлежать гуну, потому что уже принадлежит и принадлежало ему, поскольку он — тот, кто он есть. В китайском языке множество тонкостей, и он бесконечно запутан.

— Но ведь пока в Лояне есть император.

— Он не император. Это Чжоу-гун.

— Но он потомок отца У, Вэня. И Лоян — священная столица Срединного Царства.

— И все равно он — всего лишь один из пятнадцати правителей Срединного Царства. А из этих пятнадцати только одиннадцать являются потомками того или иного из сыновей Желтого Императора, придумавшего огонь, и это потомки Императора спасли мир от потопа, а потом получили от небес великий план с девятью разделами — план, попавший в конце концов к императору У, от которого через поколения перешел к нему, смотрящему на юг.

Хуань почтительно поклонился в сторону резиденции гуна. Выражение «смотрящий на юг» означает императора, облеченного небесным правом. Не знаю почему. Без сомнения, астролог нашел бы объяснение. Я часто думаю, что здесь есть что-то общее с арийской Полярной звездой. Появляясь перед народом, император всегда стоит на севере от подданных.

Облеченный правом император является земным отражением небес, призрачным представителем той вереницы императоров, что тянется к Желтому Прародителю, который раскрыл некое космическое яйцо, чья верхняя часть стала небом, а нижняя землей, и создал все сущее между ними. И только ублажением небес можно поддерживать гармонию между двумя половинами божественного целого. Что и говорить, религиозные ритуалы имеют для китайцев огромное значение. Как многие первобытные народы, китайцы верят, что осенью будет неурожай, если, скажем, весенний обряд возделывания земли будет выполнен неправильно — а это очень сложная церемония, в которой участвует множество актеров, танцоров, певцов и музыкантов. В ней также участвует император — он один может разговаривать с царственными предками, взирающими сверху на него и его деяния и улыбающимися — или хмурыщимися.

— Пин-гун уже получил небесное право.

Я низко склонил голову, произнося имя владыки, и еще ниже, упомянув небеса.

— Да, да, — улыбнулся Хуань.

Но, конечно, Пин-гуну не хватало небесного права, как и претенденту в Лояне. Из-за этого в Китае кризис власти постоянен. Там нет правителя, не мечтающего о гегемонии и небесном праве — в таком порядке. Однако не похоже, что кто-нибудь из них в обозримом будущем сможет подчинить себе соседей, как это сделал Кир или хотя бы Аджаташатру. Насколько я могу судить, Срединное Царство больше Гангской равнины, но меньше Персидской империи. Сто лет назад северное государство Цзинь чуть не добилось гегемонии; потом южное государство Чу сравнялось с ним могуществом, и небесное право так никому и не досталось. Такое положение вещей сохранялось, когда я был в Китае, и сомневаюсь, что оно с тех пор изменилось. Несмотря на утверждения в обратном, никто из жителей Срединного Царства не хочет объединения страны — разве что поставив себя во главе. Таково там политическое равновесие (или его отсутствие).

Еще в начале своего пленения мне удалось отправить послание Фань Чи в Лу. Он был моей единственной надеждой когда-нибудь вернуться в Персию, но я не представлял, обладает ли он властью освободить меня, потому что мне не говорили, в каком качестве я здесь пребываю. Если я раб, он бы мог меня выкупить. Но когда я заикался Хуаню о выкупе, тот говорил: «Что вы, ведь вы наш почетный гость!» — потом хлопал в ладоши, и меня вновь водворяли в мою клетку. Правда, дверцу не запирали, поскольку я все равно убежать не мог. Я был бы столь же заметен, как черный человек в Сузах. И даже более. В Сузах сотни черных, а насколько могу судить, здесь я был единственным белым человеком.

Когда я освоил язык, Хуань довольно подробно расспросил меня о системе власти в Персии. К Великому Царю он не проявил интереса, но более чем с нетерпением ждал рассказов о таких вещах, как твердые цены на рынке, установленные ссудные проценты, использование полиции и секретных служб в Персии и индийских царствах.

Помню один обед, где Хуань обращался со мной как с почетным гостем. Он всегда любил выставлять меня перед своими собратьями. В тот раз было приглашено большинство членов государственного совета. Мы сидели на коленях на ковриках, а слуги притащили в комнату табуреты и поставили рядом с каждым из присутствовавших. Мне так и захотелось сесть на табурет, но на званом китайском обеде такое непозволительно. К табурету можно только прислониться. Поскольку даже китайцам неудобно часами сидеть на

колених, табурет используется, чтобы хоть как-то переместить вес тела.

Перед каждым поставили строй блюд и чаш. Министрам предлагалось по восемь блюд, мне — шесть. Слева стояло блюдо с мясом на косточке, справа — с мясом, нарезанным ломтями, и чаша с супом. Такой порядок никогда не изменялся. За этими блюдами стояли другие: с жареным мясным фаршем, тушеным луком, пикулями и так далее. Вареную рыбу подают зимой брюхом направо от хозяина, летом — брюхом налево. Сушеное мясо складывают слева. Кувшины стоят носиком к хозяину. И так далее и тому подобное.

Ритуал китайского обеда почти так же замысловат, как религиозная церемония. Например, если кто-то из приглашенных рангом ниже хозяина (как, считалось, был я), то ему полагается взять блюдо с рисом, просом или каким-нибудь зерном, поклониться хозяину и отказаться, притворяясь, что уходит. Тогда хозяин встает и упрощает гостя остаться, что тот и делает. Я не слышал, чтобы кто-нибудь в самом деле ушел. Однако раз все, что может случиться, в конце концов случается, то такое, наверное, было. Но я бы не хотел оказаться гостем, покинувшим обед.

Были и другие тонкости, которые следовало соблюдать, но я их уже забыл. Однако не могу забыть прекрасную кухню во всех знатных китайских домах. Даже готовая пища на рынке всегда высочайшего качества, и в мире нет большего удовольствия, чем под летней луной обедать в лодке, привязанной к иве на берегу реки Вэй.

Из-за всех этих церемоний китайский обед может оказаться таким же замысловатым, как беседы здешних афинских софистов. Но, конечно, китайские манеры гораздо строже афинских. Впрочем, какие не строже? Тем не менее беседа в обеденном зале Хуаня оказалась резкой и деловой. Споры шли до самого окончания обеда, где просяного вина было выпито выше всякой меры.

Помню, какое удовольствие доставило мне первое, знаменитое блюдо — запеченный молочный поросенок. Этот поросенок стоит более подробного описания. Сначала его, откормленного финиками, пекут в траве и глине; когда он испечется, глину разбивают, мясо нарезают тонкими ломтями и поджаривают на топленом сале; потом ломтики варят с травами три дня и три ночи, после чего подают с нашпигованной говядиной и уксусом. Ничего подобного не найдешь во всей Лидии. Боюсь, что за столом у Хуаня я глотал

слишком жадно, — это считается неприличным, но все так делают.

Когда Хуань объяснил мне, как приготовлен поросенок, и я вполне искренне воздал хвалу результату, мой хозяин сказал:

— Но вы, наверное, ели нечто подобное у себя в стране, — и поощрительно кивнул.

— Нет, никогда. Вы достигли того совершенства, к которому мы только стремимся, — тоже кивнув, ответил я.

— О нет, нет! — Тут Хуань обратился к остальным гостям: — Кир Спитама, несмотря на свое странное имя и необычную бледность, является очень острым оружием.

Китайцы так выражаются, говоря об умном человеке.

Все посмотрели на меня с интересом, более чем просто вежливым. Да ведь и вряд ли кто-то из них раньше видел белого человека. Все неизменно удивлялись, когда я говорил на их языке. Как от варвара, от меня ожидалось услышать что-нибудь вроде поросячьего хрюканья.

Один из гостей вежливо спросил меня о Персии. Где это? Как далеко? Когда я объяснил, что это в тысяче миль к западу от Чампы — порта, о котором они все слышали, — дюжина голов недоверчиво закивала.

— Он говорит, — сказал Хуань, улыбаясь во весь рот, — что в его стране все люди принадлежат государству и только государство является мерой добра и зла.

Министры закивали и заулыбались, я тоже. Само собой, я *никогда* не говорил Хуаню ничего подобного.

— Но, конечно, — заговорил один старичок, — даже в варварской стране небесные законы имеют верховенство над государственными.

Хуань возвел очи к небу — точнее, к потолочной балке.

— Поскольку власть дана небом, воля владыки абсолютна. Разве не так обстоит дело в вашей благословенной стране? — улыбнулся он мне.

— Так, почтенный Хуань.

Я не собирался перечить моему хозяину.

— Но, конечно, — и старичок повернулся ко мне, радуясь возможности не обращаться к главному министру, — существуют определенные небесные законы, которым обязан подчиняться правитель?

За меня ответил Хуань:

— Нет. Таких законов нет, поскольку власть дана ему. Эти западные варвары верят, как и мы, что государство есть

цепь, первое звено которой — человек. Люди смыкаются в семью, семьи смыкаются в деревню, а те смыкаются в государство. В благословенной стране нашего досточтимого гостя, — кивок в мою сторону, — люди больше не живут так, как жили в начале, каждый сам по себе. Ведь это означало: если взять двоих, то получишь два разных мнения о том, что хорошо, а что плохо. А это очень плохо, поскольку никто не может отрицать, что всякое страдание начинается с несогласия между людьми о том, что хорошо, а что плохо. Да, персидские варвары мудрее нас. Да, да! Они верят, что, если каждому позволить действовать и думать, как кому нравится, не может быть никакого порядка, никакой гармонии, никакого государства. Стало быть, когда мудрый правитель получает от небес власть, то должен сказать своему народу, что он считает для всех добром и что считает злом. Но, конечно, всегда находятся такие, кто не слушается своего правителя, и тогда персидский царь сказал: «Если против официально принятого добра будет поднят чей-нибудь голос, всякий услышавший его должен доложить своему господину». Как мудро это правило! Поистине мудро! Каждый обязан докладывать правителю или его людям обо всех нехороших действиях или даже призыве или намеке на нехорошие действия. Результат? Полный успех! Потому что западные варвары уничтожили весь беспорядок и дисгармонию. Все служат государству, которое основано на... Как вы так чудесно сказали, Кир Спитама? Ах да! На принципе согласия с вышестоящим.

Хуань поклонился мне, словно я и был тот воображаемый персидский монарх, придумавший эту нечестивую систему управления страной. Несколько лет спустя я узнал, что тот обед у Хуаня оказался историческим. Более чем целое поколение спорило с циньской знатью, как следует управлять государством. Хуань считал, что управлять можно, лишь поработив народ до такой степени, какой еще не пытались достичь ни в Китае, ни в любой другой стране, включая Спарту. Семьи разбивались, чтобы здоровых мужчин вызывать из войска на сельскохозяйственные работы, строительство дорог и для прочих нужд. Поскольку ремесленники и торговцы склонны ходить сами по себе, куда им вздумается, Хуань предложил запретить законом эти профессии. Наконец, чтобы установить полное главенство государства, он по секрету предложил уничтожить свой собственный класс, аристократию.

Само собой разумеется, не все братья Хуаня по классу

были в восторге от его теории — не говоря уж о практике. На том обеде многие выражали вежливое несогласие. Несколько лет спустя несогласие стало менее вежливым и Хуань был убит противной партией. Но он хорошо поработал. Хотя торговцы и ремесленники процветают, а аристократия сохранила власть, простым мужчинам и женщинам приходится жить в казармах и их жизнь полностью регламентирована государством. Если кто-то противится небесному закону Хуаня, его разрубает на две части и выставляют по обе стороны городских ворот.

Пока мы ели поросенка, старичок через меня обратился к Хуаню:

— Во времена наших предков каждый человек жил под диктатом своей внутренней природы и в мире было много доброты и мало войн. Конечно, ваш персидский царь хотел бы, чтобы его подданные жили так, как их предки, в согласии с небом и собой.

Хуань весело хлопнул в ладоши:

— Но когда я задал этому варвару тот же самый вопрос, он ответил — и я надеюсь, что процитирую верно...

— О, конечно! Конечно, верно, почтенный Хуань!

Я уподобился индийским птицам, говорящим то, чему их научили.

— Вы сказали мне, что в давние времена люди были добры друг к другу, потому что их было мало, а всего много. Теперь же людей много, а всего мало. Даже в далекое время императора Ю жизнь была столь тяжелой, что сам Ю работал в поле, пока не потерял из бороды все волосы. А теперь людей в десять тысяч раз больше, чем тогда. И поэтому для общей пользы мы должны следить за ними, чтобы они не мешали друг другу. Как это сделать? Признаюсь, сам я не так умен, чтобы найти решение. Но ваш мудрый персидский царь подсказал мне ответ.

Хуань поклонился в мою сторону, вынудив и меня поклониться так низко, что в животе забурчало. Китайцы очень серьезно относятся к издаваемым животом звукам, и я молился, чтобы бурчание из моего набитого брюха не восприняли, как бунтарское.

— «Использовать человеческую природу, — говорит персидский царь. — Поскольку одно доставляет людям удовольствие, а другое страдания, то подданными можно управлять путем поощрения и наказания — вот рычаги, которыми правитель поддерживает свою власть».

— Но если эти... эти рычаги подведут правителя, что советуется этот мудрый перс?

Старичок смотрел на меня налитыми кровью глазами, на висках у него пульсировали жилки. Вне всякого сомнения, он ненавидел Хуаня.

— Мудрый перс употребляет термин «сила», — милостиво ответил за меня Хуань. — «Сила» — вот что держит массы в повиновении.

Несмотря на превосходную пищу, не помню более тревожного обеда. Через меня Хуань бросил вызов своим братьям. К счастью для жителей Цинь, министры не встретили горьких рецептов Хуаня с ликованием, а сам он не достиг большего, чем был много лет, оставаясь первым среди равных. Но своими попытками преобразований он так изменил жизнь простых людей, что только крушение государства могло спасти их от уготованного Хуанем рабства. Спартанцев, по крайней мере, учат любить свою страну, и страна обеспечивает им хотя бы скотскую жизнь. А народ царства Цинь не любит своих хозяев, если не сказать большего.

Обед закончился общим призывом к небесам о долгой жизни правителю. Я был несколько озадачен страстностью, с какой гости взывали к небесам. Ведь правитель не имел практической власти, и тем не менее при мысли, что он может умереть, министры лили настоящие слезы. Но через три месяца, когда Пин-гун в самом деле преставился, я понял искренность этих слез.

В тот роковой день я проснулся на рассвете от звона колоколов. Потом последовал беспорядочный бой барабанов. По всему городу слышались рыдания.

Я быстро оделся и поспешил во двор, где Хуань как раз забирался в колесницу. Он был одет в лохмотья и выглядел нищим. Возница с плачем хлестнул четверку лошадей, и колесница тронулась.

Как сказал один из экономов, «властитель умер перед самым рассветом. Говорят, он выпил слишком много вина и позвал евнуха, чтобы тот помог вызвать рвоту. Но вместо вина владыку стошнило кровью. О, ужасный для страны день! О, черный, поистине черный, черный день!»

— Вы так его любили?

— Клянусь небом, да! Иначе каким бы он был «смотрящим на юг»? А теперь его нет.

Эконом разразился рыданиями. Я ничего не понимал. Я знал, что Пин-гун не пользовался популярностью. Более



того, он представлял собой всего лишь церемониальную куклу, управляемую шестью семействами. Почему же все в такой печали?

Все прояснилось во время похорон. Я с челядью Хуаня стоял на площади, посреди которой находилась резиденция правителя. Если не считать ряда знамен напротив входа, дом Пин-гуна был ниже двorca главного министра. Знамена означали, что живущий внутри обладает небесным правом. В тот день знамена были черно-красными, очень зловещими. Ни ветерка — плотные полотнища неподвижно повисли под палящим солнцем. Казалось, воздуха просто нет. Я то и дело зевал в рукав и не мог глубоко вздохнуть. Я приписывал это не только жаре, но и тяжелому дыханию десяти тысяч мужчин и женщин, стоящих в торжественной тишине вокруг двorca, от ворот которого не отводили глаз. Хотя народ Цинь можно назвать тишайшим и самым покорным на земле, неподвижность казалась мне тревожной — как перед землетрясением.

Ворота распахнулись. Появился Хуань вместе с государственным советом, за ними двенадцать воинов несли на плечах высокий лакированный паланкин. На верху паланкина лежал умерший правитель. Тело было наряжено в алый шелк и украшено тысячей драгоценных камней. На груди лежал диск из темного нефрита — символ благоволения небес.

Длинная череда рабов вынесла из двorca сундук с шелком, золотые треножки, кожаные барабаны, фигурки из слоновой кости, золоченое оружие, ширмы из перьев и серебряное ложе. Всему этому великолепию предстояло украшать гробницу властителя, и стоимость этих сокровищ захватывала дух. Мне она была известна. Хуань попросил меня сделать такую оценку, чтобы включить сумму в бюджет для представления совету, когда дождутся нового правителя.

В дальнем конце площади Хуань со своими министрами заняли места во главе длинной, в милю длиной, похоронной процессии. За колесницей со знатью восьмерка белых коней тащила фургон. Тело Пин-гуна привязали к доске, и казалось, он сам правит лошаадьми. Эффект получился несомненно неприятный. Вещи для гробницы везли в других фургонах вместе с несколькими сотнями дам гарема, которые стонали и рыдали под вуалями.

Колесницы и фуруны больше часа ехали через город к южным воротам. Здесь Хуань принес жертву местному демону и повел процессию по извилистой улице к долине, где

под искусственными холмами, сродни тем, что я видел в Сардах, погребены цари.

Совершенно неожиданно какой-то высокий тощий человек пригласил меня в свой покрытый красным лаком фургон.

— У меня страсть к белым людям, — сказал незнакомец. — Когда-то у меня было их трое. Но двое умерли, а третий все время болеет. Вы можете поцеловать мне руку. Я Шэ-гун, родственник последнего циньского гуна, а также правителей Лу и Вэй. Правда, все мы, властители, в родстве друг с другом, ведь наш общий предок — император Вэнь. А вы откуда приехали?

Я попытался объяснить. Хотя Шэ-гун ничего не знал о Персии, он путешествовал по западу больше любого из виденных мною жителей царства Цинь.

— Я год прожил в Чампе, — сказал он мне. — Не скажу, что мне там понравилось. Там или страшная жара, или льет дождь. И люди слишком смуглые, на мой вкус. Я думал встретить там белых, как вы. Но мне сказали, что для этого нужно ехать еще по крайней мере полгода, а мне была невыносима мысль о столь долгом удалении от мира. — Он оттянул мне щеку и внимательно посмотрел на оттянутую складку. — Покраснело! — Шэ-гун был в восторге. — Точно как у моих бывших рабов. Мне никогда не надоедает смотреть, как появляется и исчезает краснота. Как вы думаете, Хуань не продаст вас мне?

— Я не уверен, что я раб, — очень осторожно ответил я.

— О, я вполне уверен в этом. Вы варвар, хотя и не запаиваете платье на левую сторону. На самом-то деле, должно быть, сами знаете. Нам это кажется очень забавно. И волосы должны быть растрепаны. Не надо стараться выглядеть цивилизованным, вы теряете прелесть новизны. Но все равно вы определенно раб. Вы живете в доме министра и делаете все, что вам говорят. Должен вам сказать, вы самый настоящий раб. Не представляю, почему Хуань сам не сказал вам. Очень нехорошо с его стороны, очень нехорошо. Но он очень деликатен. Наверное, ему кажется, что было бы дурным тоном прямо сказать вам, что вы раб.

— Я бы сказал, военнопленный.

— Военнопленный? Война? — Шэ-гун привстал и огляделся вокруг. — Не вижу никаких войск.

Серо-зеленые окрестности выглядели вполне мирно, только похоронная процессия извивалась меж изломанных

известняковых холмов подобно беззвучной, бесконечной змее.

— Я прибыл как посол Великого Царя.

Шэ-гуна слегка заинтересовала моя история. Хотя название Персия было для него пустым звуком, Магадху он знал прекрасно. Когда я рассказал, что женат на дочери Аджаташатру, это произвело на него впечатление.

— Я встречался с некоторыми членами этой семьи. В частности, с дядей царя Аджаташатру. Когда я был в Чампе, он был там наместником. — Шэ-гун воодушевился, даже развеселился. — Я уверен, кто вами владеет, может получить от царя великолепный выкуп — вот почему я должен забрать вас у Хуаня. И потом продам вашему тестю. Видите ли, мне вечно не хватает денег.

— Но я думал, что владетель Шэ богато одарен... небесами?

Я с трудом приучался к замысловатому стилю китайцев. Слова никогда не несут своего значения, в то время как движения рук и всего тела необычайно сложны. Я так с этим и не смог освоиться.

— Шэ, правителем которого я являюсь, уже давно не то Шэ, и я никогда не ступал на его землю. Я со своим двором предпочитаю путешествовать, навещать многочисленных родственников и собирать драконьи кости. Вы, возможно, слышали, что у меня богатейшая в мире коллекция драконьих костей. Что ж, это правда. Но поскольку я всегда вожу их с собой, мне приходится содержать десять тысяч фургонов, а это очень накладно. Но если я продам вас царю Магадхи, я поистине разбогатею!

Шэ-гун был фантастической фигурой, очень забавлявшей китайцев. От рождения он был Шэ Чжу-лян, незаконнорожденный сын Лу-гуна. Недовольный таким своим противоречивым положением, он величал себя Шэ-гуном. Но Шэ — это не страна. Слово означает святую землю — земляной холм, который есть в каждом китайском государстве. Шэ-гун придумал, что в некие времена где-то было государство Шэ, чьим наследным властителем он и является. Растащенное грабителями-соседями Шэ прекратило свое существование, и все, что от него осталось, — его странствующий правитель. Был ли он на самом деле гуном — через родство с Лу, — являлось излюбленной темой дискуссий среди китайской знати. С другой стороны, поскольку его происхождение от императора Вэня не вызывало сомнений, все китайские монархи были обязаны принимать своего

славного родственника. И так, постоянно переезжая от двора к двору, ему удавалось свести свои расходы к минимуму. Он содержал двадцать престарелых слуг, четырнадцать таких же престарелых кляч, шесть фургонов (десять тысяч — это китайская гипербола, означающая бесчисленное множество) и колесницу со сломанной осью.

Некоторые думали, что Шэ-гун необыкновенно богат, но очень скуп. Другие считали его бедняком, живущим за счет торговли драконьей костью. Он собирал эти огромные кости на западе Китая, где драконов водится довольно много, а потом продавал врачам с востока, где драконы редкость. Мне посчастливилось не увидеть этих чудовищ, но Шэ-гун говорил, что убил их более трех десятков.

— В юности, конечно. Боюсь, нынче я уже не тот.

Он постоянно рисовал этих страшилищ и картины продавал, где только можно.

Пока процессия ехала к высокому кургану, где якобы покоился император У, Шэ-гун все придумывал способ, как забрать меня у Хуаня.

— Наверняка вы имеете на него какое-то влияние. Я хочу сказать, иначе он уже убил бы вас. Ему все быстро надоедает, как и большинству таких деликатных людей.

— Не думаю, чтобы я имел на министра хоть малейшее влияние. Он использует меня для мелких поручений. Например, сейчас я веду его денежные счета.

— Вы искусный математик?

Шэ-гун искоса взглянул на меня. Заходящее солнце было на уровне глаз и, казалось, выжгло весь воздух. Никогда ни до, ни после я не чувствовал такой духоты, как тогда в Китае.

— Да, почтенный владыка. — Мне так хотелось, чтобы он меня купил, что я был готов на любую ложь. — Мой народ строит пирамиды, упражняясь в небесной математике.

— Да, я слышал о них. — Мои слова произвели впечатление. — Что ж, надо что-то придумать. И вы тоже подумайте. Жаль, что вы не преступник, а то, когда новый властитель восходит на трон, всегда объявляют амнистию. И даже тогда нам пришлось бы упрашивать правителя освободить вас, если бы Хуань допустил такое, что сомнительно. С другой стороны, если вы свободный человек, как он может держать вас в клетке? Головоломка, а?

Я согласился. Впрочем, я во всем соглашался с этим сумасшедшим. Это была моя единственная надежда выбраться

из Цинь, откуда мне так не терпелось вырваться. И нетерпение еще больше возросло, если такое возможно, во время похорон у кургана.

Колесницы и фургоны выстроились полукругом перед коническим холмом, где покоился если не сам император У, то несомненно какой-то очень древний монарх, так как на кургане выросли, как символ величия, карликовые сосны, которым требуется тысяча лет, чтобы принять свой ритуальный вид, коим так восхищаются китайцы.

Поскольку колесницы и фургоны выстроились в соответствии с рангом владельцев, Шэ-гун и я оказались вблизи от главного министра и прекрасно видели все происходящее. Позади нас на серебристо-серых холмах безмолвными рядами стояло несколько тысяч простолудинов, обмахиваясь от жары.

Не знаю, что я ожидал увидеть. Я догадывался, что будет жертвоприношение, и оно состоялось. На юго-западном склоне кургана развели костер и зарезали огромное множество лошадей, овец, свиней.

В части жертв, как и во всем остальном, тамошнее правительство весьма изобретательно. Каждому из присутствующих дали особую палку, по которой определяли, сколько ему положено мяса пожертвованной скотины и птицы. В итоге не только всем всего хватает, но и нет неподобающей суеты, столь портящей не только вавилонские, но даже и персидские церемонии. Мне сказали, что это новшество ввел Хуань, но после его приняли и все остальные китайские государства. Когда я попытался предложить подобный порядок магам, они его отвергли. В своих ритуалах с возлиянием хаомы они предпочитают суету и хаос.

Новый правитель стоял на севере от нас. Как того требовал ритуал, он был один и выглядел ровесником своего предшественника, если не старше. Но если верить Шэ-гуну, новый правитель был не сыном усопшего, а двоюродным братом. Министры отвергли всех сыновей Пина ради какого-то двоюродного брата, замечательного своей тупостью. С точки зрения министров, он очень подходил для престола.

— И всегда монарха выбирают министры?

— Получивший небесное право назначает министрами только своих верных рабов.

Голос Шэ-гуна вдруг стал визгливым. Узнав этого человека лучше, я понял, что даже если в нем не уживались две разные личности, он определенно обладал двумя совершен-

но разными манерами поведения. Шэ-гун был то хитрым и вкрадчивым, и тогда в его голосе слышались басовитые нотки, то чрезвычайно таинственным, и тогда говорил монотонным, тонким, высоким голосом. Мне стало ясно, что не время и не место спорить о ненормальности положения двоюродных братьев правителя. Как вскоре я узнал, они, за редким исключением, не имеют власти и их владениями управляют потомственные министры или самостоятельно, или вместе с потомственными же чиновниками. Небесное право — не более чем золотой сон о том, что могло быть, но чего нет и, наверное, не будет никогда.

Новый циньский гун громко обратился к своим предкам. Я не понял ни слова из сказанного. Пока он говорил с небесами, рабы тащили в пещеру — похоже, естественную — у подножия крутой известняковой скалы сундуки, треножки, мебель. Музыка играла не переставая. Поскольку сразу играло около трехсот музыкантов, звук для уха иностранца получался мучительный. Позже я нашел немало хорошего в китайской музыке. В частности, меня очаровало, когда бьют молотками по камням различной величины, — прелестные звуки.

Когда правитель закончил свое обращение к предкам, двенадцать воинов подняли на плечи паланкин с телом его предшественника. В тишине паланкин за спиной гуна внесли в пещеру. Когда тело скрылось из виду, все выдохнули. Атмосфера была тревожной и напоминала первое дыхание летней бури.

Я взглянул на Шэ-гуна. Как линяющая птица, он находился на краю фургона, не отрывая глаз от пещеры. Внешние тело не показывались. Вместо этого к пещере двинулась сотня женщин в вуалях. Одни были женами усопшего, другие наложницами, танцовщицами, рабынями. За женщинами двинулась вереница мужчин и евнухов во главе с благородным старичком, присутствовавшим на обеде с молочным поросенком. Среди мужчин было много офицеров стражи, других высокопоставленных вельмож. За ними последовали музыканты со своими инструментами, за теми повара и подавальщики с бамбуковыми столами, на которых несли изысканные яства. Один за другим мужчины и женщины входили туда, где, очевидно, в известняке был выдолблен огромный зал.

Всего вошло пятьсот человек. Когда внутри скрылся последний, новый правитель снова обратился к своим предкам на небесах. На этот раз я более-менее разобрал слова.

Он взывал к каждому предку по имени. Это заняло некоторое время. Затем он попросил предков принять его предшественника на небеса, называя Пин-гуна всежалостливым. В Китае к мертвому никогда не обращаются по собственному имени на том разумном основании, что если назвать его имя, то дух может вернуться, чтобы мучить и преследовать усопшего. Если всежалостливого примут на небеса, правитель поклялся, что не пропустит ни одного обряда, поддерживающего гармонию между небом и землей. Он просил благословения предков сироте. Я не мог взять в толк, о ком это он, и лишь потом узнал, что правитель часто называет себя сиротой или одиноким, поскольку его предшественник или предшественники умерли. Он называет свою главную жену «эта особа», в то время как народ называет ее «эта царская особа». Сама она называет себя «маленьким мальчиком». Не знаю почему. Странные они люди, эти китайцы.

Из пещеры донеслись звуки музыки. Очевидно, начинался пир. Целый час мы стояли лицом на север, а властитель — лицом на юг. Целый час мы слушали музыку из пещеры. Затем музыканты начали один за другим замолкать. Последним раздался звук бронзового колокольчика. Все взгляды устремились на вход в пещеру. Шэ-гун рядом со мной трепетал. Я было подумал, что он заболел, но он дрожал от возбуждения.

Когда звук колокольчика затих, Шэ-гун издал продолжительный вздох. Впрочем, вздохнули все, словно готовясь к чему-то. Из пещеры вдруг появились те, кто нес паланкин. У каждого в руке был меч и с меча капала кровь.

Выйдя, воины торжественно отсалютовали новому господину, который, подняв голову к небесам, издал вой наподобие волка. Все подданные, стоящие на юге от него, издали ответный вой. Никогда я не был так напуган. Я присутствовал на маскараде: те, кого я принимал за людей, оказались переодетыми волками. И теперь перед моими глазами они возвращались к своей истинной природе. Даже Шэ-гун присоединился к вою. Задрав голову к небу, он оскалил естественно длинные зубы.

Я до сих пор слышу этот вой во снах, вновь оживляющих момент, когда двенадцать забрызганных кровью воинов, выполнив свое дело, появились у выхода из пещеры. Пятьсот мужчин и женщин было убито, чтобы их тела могли навек остаться с господином.

Хотя человеческие жертвы случались и в нашей части мира, я никогда не видел такого, как в Китае. Мне говори-

ли, что, когда умрет истинный Сын Неба, смерть ожидает не менее тысячи придворных. Это объяснило непонятную мне ранее страстность в мольбах о здоровье правителя после обеда с запеченным молочным поросенком. Живого владыку презирали; мертвый он мог многих забрать с собой. На самом деле по циньскому обычаю лишь один из министров приносится в жертву, и его определяет жребий. Роковая палочка из тысячелистника — случай и коварство Хуаня уготовили ее старому министру, возражавшему на обеде главному. Пещеру опечатали. Танцы, музыка, пир остались там. Потом на месте входа будет насыпан холм. Что и говорить, могила правителя представляет такой соблазн для воров, что разложенные там прекрасные и дорогие предметы обычно появляются в обращении довольно скоро после похорон.

Хуань отказался продать меня Шэ-гуноу.

— Как я могу продать посла, свободного приходить и уходить, когда ему угодно? — сказал он.

— В таком случае, почтенный Хуань, может быть, мне пришло время уехать вместе с Шэ-гуном?

Такое нахальство вызвало улыбку моего хозяина.

— Вы, конечно, не захотите рисковать своей жизнью в компании человека, ищущего в диких местах драконов, сражающегося с разбойниками, якшающегося с ведьмами. О, знакомство с Шэ-гуном небезопасно! Я не могу позволить человеку, которого полюбил, встретиться в чужой стране с подобными опасностями. Нет, нет, нет!

Вот так. Но я решил бежать. Когда я сказал Шэ-гуноу о своем решении, он проявил удивительную изобретательность.

— Вам нужно изменить внешность, — шепнул он.

Мы были на еженедельном приеме у главного министра. Ходоки со всего царства допускались к Хуаню, стоящему в конце низкой комнаты. Золотые треножки справа и слева от него символизировали власть.

Главный министр принимал просителей спокойно и вежливо, что контрастировало с его жесткими политическими взглядами. Но он был достаточно умен и понимал, что непокорный народ не поработить, сперва не очаровав. Определенно, сначала людей нужно убедить, что ваши цели совпадают и цепи, в которые вы их заковали, являются необходимым украшением. В некотором роде и Великий Царь всегда сознавал это. Различным народам нашей империи от Кира до нашего нынешнего просвещенного монарха Артак-



серкса во многом позволялось жить, как они привыкли, они платили Великому Царю лишь ежегодный налог, а он, в обмен, обеспечивал законность и порядок. Хуаню удалось убедить варваров далекого Цинь, что хотя когда-то был золотой век, когда люди жили свободно, как им нравится, век этот кончился тогда, — как он любил эту фразу! — «когда стало слишком много людей и мало всего».

В действительности Китай населен негусто, и многие богатые земли пустуют. Кроме полудюжины городов со сотысячным населением, вся страна представляет собой обнесенные каменными стенами деревни, разбросанные меж двух рек. Большая часть страны покрыта лесами, особенно на западе, а на юге расстилаются джунгли, как в Индии. Вследствие этого, если не считать дисциплинированных и полностью контролируемых жителей Цинь, китайцы очень склонны к перемене мест.

Если хозяйство смоем наводнением, крестьянин с семьей просто забирает свою соху и дедовский очаг и переезжает в другое место, где все начинается сначала, платя дань новому господину.

Самые главные путешественники — это ши. Ни в греческом, ни в персидском языках нет соответствующего слова, как и нет такого сословия. Чтобы понять, что такое ши, нужно понять всю китайскую иерархическую систему.

На вершине находится император, или Сын Неба. Одно время таковые были и, возможно, будут еще, но сейчас его нет. Сказав это, я вдруг осознал, как умны китайцы, пользуясь языком без прошлого, настоящего и будущего. Ниже императора располагаются пять уровней знати. Самый высокий уровень — гуны. За редким исключением вроде сумасшедшего Шэ-гуна они соответствуют своему титулу и иногда в самом деле правят государством, что делает их равными нашим царям и тиранам, признающим Великого Царя своим владыкой и источником власти. Каждый гун, в теории, получил власть от Сына Неба, которого не существует. Если бы таковой был — то есть кто-то осуществлял бы гегемонию над Срединным Царством, — им бы стал скорее всего Чжоу-гун, прямой потомок императора Вэня, некогда установившего свою гегемонию. Циньский гун, потомок сына Вэня, грубого У, определенно бы не стал императором.

Старший сын гуна — хоу, и после смерти отца он сам становится гуном, если не случается слишком распространенного несчастья. Другие сыновья гуна тоже могут быть хоу, но пока старший или второй сыновья носят этот титул,

остальные получают следующий, более низкий, а их сыновья — следующий и так далее до титула нань. В течение шести или семи веков с установления гегемонии Чжоу появились десятки тысяч его потомков. Они не имеют ранга и являются ши, то есть обладают лишь одной наследственной привилегией: они могут отправляться на войну в собственной колеснице — если могут таковую себе позволить.

В последние годы развелось немало ши. Эти не слишком знатные люди, они — повсюду. Одни служат чиновниками, как у нас евнухи, другие — офицерами в войсках, третьи учительствуют. Есть и такие, кто посвящает себя поддержанию в чистоте религиозных обрядов, сохраняющих гармонию между небом и землей, как зороастрийцы. И наконец, именно ши осуществляют повседневное управление почти всеми китайскими государствами, служа тем потомственным государственным чинам, которым удалось отнять у гунов если не божественное право, то, по крайней мере, реальную власть.

Дороги Китая забиты честолюбивыми ши. Если кому-то из них не удастся занять пост, скажем, министра полиции в Лу, он едет в Вэй, где его служба может быть оценена администрацией выше, чем дома. Человеческая извращенность такова, что обычно чем дальше ши уезжает от дома, тем больше имеет шансов получить работу.

Поэтому-то тысячи ши постоянно куда-то переезжают. При этом они стремятся поддерживать между собой тесные связи и образуют из себя некое Срединное Царство. Вместо Сына Неба имеется десять тысяч ши, которые и управляют Китаем, и хотя тамошние государства постоянно друг с другом воюют, ши зачастую способны смягчать свирепость своих хозяев — за исключением государства Цинь, где они если и имеют, то очень малое влияние на Хуаня и других деспотов в совете.

И наконец, в иерархическую систему введен новый элемент. Теперь там есть категория, известная как «благородный муж». Благородным мужем может стать всякий, если придерживается небесных правил, — но это не совсем простое занятие. Я коснусь этих правил, когда буду рассказывать об Учителе Куне, или Конфуции, как его тоже называют. Ему приписывают введение понятия «благородный муж», пригодного для ши и вряд ли для кого еще.

Пока Хуань принимал прошения и выслушивал жалобы, мы с Шэ-гуном разрабатывали план побега.

— Вам нужно сбрить бороду. — Шэ-гун притворился,

что восхищается перьевой ширмой. — Мы оденем вас в женское платье. Вы поедете со мной как наложница.

— Белая наложница?

— Шэ-гун их больше всего любит, это известно всему миру. — Его рассмешила собственная мысль. — Но так ничего не выйдет. Вам нужно затемнить лицо. Я пришлю вам грим, которым пользуюсь сам. И конечно, понадобится вуаль.

— Вашу свиту будут осматривать.

Я знал суровую стражу, охранявшую не только городские ворота Яна, но и заставы по всему Цинь. Люди всегда старались обойти слишком рациональные правила Хуаня.

— Они не посмеют! Я родственник их монарха. Но если посмеют...

Шэ-гун сделал понятный повсюду жест, означающий взятку.

Неожиданно рядом возник Хуань. У него был дар возникать повсюду. Я часто представлял его тенью быстро несущегося облака.

— Почтенный владыка... досточтимый посол! Я вижу, вы восхищаетесь моей ширмой.

— Да, — как ни в чем не бывало ответил Шэ-гун. — И я хотел объяснить вашему гостю значение ее рисунка.

Я взглянул на ширму и впервые действительно увидел ее. Там были изображены восемь черных дроздов на фоне грозового неба.

— Вы должны знать его значение. — Хуань обернулся ко мне. — Нет ничего, чего бы Шэ-гун не знал о нашей правящей фамилии, которая является и его фамилией.

— Совершенно верно. Прадед последнего всежалостливого был дедом моего дяди. Его звали Пин. Однажды к нему пришли несколько музыкантов с севера и сказали, что знают всю музыку, когда-либо исполнявшуюся при дворе императора У. Пин-гун не поверил. Да и как поверить? Всем известно, что большая часть музыки истинного двора Чжоу либо безнадежно испорчена, либо полностью забыта. Он так и сказал им. Но старший из музыкантов — который не был слепым, и это подозрительная деталь, потому что всякий настоящий музыкант должен быть слепым, — так вот, он сказал: «Мы докажем, что можем приблизить небо вплотную к земле!» И они начали играть. Музыка была какой-то странной, потусторонней. Потусторонней, но не небесной. Откуда-то появились восемь черных дроздов и стали танцевать на террасе перед дворцом. Тут по городу про-

несся жестокий ураган. С крыши дворца полетела черепица. Ритуальные сосуды разбились. Пин-гун заболел, и три года в стране ничего не росло — ни травинки.

Хуань улыбнулся мне:

— Почтенный владыка прекрасно знает эту печальную, эту предостерегающую сказку. Знаете, я воспринимаю ее вполне серьезно. В общем-то, потому я и держу эту ширму всегда рядом, чтобы меня не постигло искушение сыграть не ту музыку. Мы не хотим снова увидеть восемь черных птиц, летящих на нас с юга.

В ту самую ночь эконоом Шэ-гуна подкупил одного из слуг Хуаня, чтобы в полночь тот проник ко мне в клетку. Я получил бритву, грим и женскую одежду. Быстренько преобразившись в необычно высокую китайскую даму, я последовал за слугой через тускло освещенный дворец; при каждом скрипе половицы я в страхе замирал, особенно когда мы крались мимо спящих — то есть накурившихся чего-то — стражников у дверей. За дверью начинался огражденный стеной сад. Там ждал меня эконоом Шэ-гуна. К счастью, ночь была безлунной и беззвездной из-за густых дождевых туч.

Как духи смерти, мы устремились по петляющим улочкам, при приближении ночной стражи прячась в дверных проемах. Бронзовые лампы стражников отбрасывали вперед блики света, как грозные пики. Поскольку гражданам не разрешалось выходить из дому от заката до рассвета, Ян казался вымершим. Эконоом имел разрешение на выезд за границу, но у меня такого не было. Не знаю, какое оправдание он приготовил на случай нашего задержания. К счастью, прогремел гром, словно грянули десять тысяч барабанов, и на город обрушился ливень.

Через дождевые потоки мы продолжили путь к городским воротам, где в готовности к отбытию дожидались фургоны Шэ-гуна. Эконоом поднял пол одного из фургонов и заставил меня втиснуться в пространство чуть меньше моего объема. Когда я втиснулся, доски снова забили гвоздями. Гроза так бушевала, что я не слышал приказа двинуться, но фургон начал подсакивать подо мной, возница хлестнул мулов, и мы прогремели через ворота.

Как я и ожидал, циньская полиция настигла нас через два дня, когда мы были на перевале Ханку. Там фургоны тщательно обыскали, и мое убежище обнаружили. Но меня там уже не было. Шэ-гун получил предупреждение от поставленных вдоль дороги дозорных. Он знал, что, когда обнаружится мое исчезновение, Хуань заподозрит в подготов-

ке побега его. Дозорные подавали друг другу сигналы при помощи до блеска отполированных бронзовых щитов, пуская солнечные зайчики от поста к посту.

Когда мы узнали, что нас вот-вот настигнут, я нашел убежище на дереве, а фургоны поехали дальше. При появлении полицейских Шэ-гуна был великолепен. Он напомнил им о своем родстве с новым властителем и своем происхождении от самого Желтого Императора, императора Вэня и прочих. Тем не менее он позволил обыскать фургоны, выразив надежду, что такое святотатство не останется без внимания его предков на небесах и виновные понесут наказание.

Полиция обыскала фургоны, внимательно осмотрела каждого из сопровождавших Шэ-гуна мужчин и женщин и, к своему большому удивлению, меня не обнаружила. В таком тотально зарегулированном государстве, как Цинь, никто не исчезает без молчаливого согласия властей. Наконец процессии было разрешено ехать дальше, но, к моему ужасу, в течение последующих пяти дней полицейские сопровождали фургоны и не покидали Шэ-гуна до самого каменного монумента, обозначающего границу между Цинь и Чжоу.

Мне пришлось остерегаться не только полицейских, но и нападения волчьих стай, которые с любопытством за мной следили. Их глаза горели в ночи желто-зелеными огнями. Я спал на деревьях, не расставался с тяжелой дубиной и проклинал женский наряд, не включавший в себя никакого оружия. Я видел бурого медведя. Если он и заметил меня, то интереса не проявил. Хотя считалось, что в том дремучем лесу водятся разбойники, я не встретил ни единой человеческой души. Если бы время от времени не слышалось, как стучат фургоны Шэ-гуна, я был бы полностью изолирован от людей.

Встречая ручей или лужу, я пил воду, как зверь, на четвереньках. Я ел незнакомые ягоды, корни, плоды. Часто меня тошнило. Однажды мне показалось, что я вижу дракона, поблескивающего чешуей в лесном полумраке. Но дракон оказался верхушкой светло-зеленой глыбы нефрита, пре-краснейшего из камней.

Стоя в рощице каких-то пушистых деревьев у слияния рек Вэй и Тай, я смотрел, как полицейские отсалютовали Шэ-гуна, и вернулся в лес. На другом берегу реки Тай виднелись обработанные поля Чжоу. Перейти из Цинь в Чжоу все равно что попасть из ночи в день.

На том берегу Шэ-гуна почтительно встретил начальник пограничной заставы, небрежно проверивший его разреше-

ние на въезд и грациозно махнувший в сторону Лояна, столицы Срединного Царства. Мое прибытие в Чжоу было менее формальным. Я переплыл Тай под грубым плотом из ивовых ветвей.

Увидев меня, Шэ-гун изумился.

— Какая радость! — Он захолопал в ладоши. — Теперь я получу денежный выкуп из Магадхи. О, я вне себя от восторга! И не менее удивлен. Я был уверен, что если вы не достались лесным волкам, то вас схватили волки двуногие.

Так впервые — разумеется, уже на земле Чжоу — я услышал, как цивилизованные китайцы называют циньских варваров.

Шэ-гун дал мне поесть из собственных запасов и подарил мне один из своих широкополых халатов, сшитый из тонкой добротной ткани, и почти новую черную мерлушковую безрукавку. Удалив его эмблемы, я принял вид настоящего ши — ни дать ни взять. И все же мне было как-то не по себе. Впервые с юных лет я оказался без бороды и выглядел как евнух. К счастью, многие китайцы не отпускают бороду, и я, по крайней мере, не вызывал подобных подозрений.

## 2

Впервые со своего прибытия в Срединное Царство я начал радоваться жизни. Хотя я и оставался пленником, если не рабом, Шэ-гун был прекрасным попутчиком и стремился показать мне настоящий Китай.

— Не следует судить о всем Срединном, увидев только Цинь. Хотя их правители в некотором роде и являются потомками императора У, Цинь трудно назвать частью Царства. И несмотря на это, тамошние грубияны жаждут гегемонии! Но небеса милостивы и никому не дают права на власть. А когда это все же случится, я уверен, властью наградят моего любимого родственника чжоуского гуна. Он произведет на вас впечатление. Правда, и он не лишен недостатков. Он ведет себя так, будто уже Сын Неба, а это большая самонадеянность. Впрочем, все правители Чжоу страдали таким недостатком — на том основании, что последний раз небеса остановили свой выбор на их предке. Но это случилось триста лет назад, а потом, когда нечестивые варвары, сговорившись с властями, убили императора, небесное право было утрачено. Тогда его сын бежал в Чжоу и объявил императором себя. Но, конечно, гегемонии больше

не было, и на самом деле он был уже всего лишь чжоуским гуном. Теперь у нас осталась лишь тень Сына Неба в Лояне, который представляет собой лишь тень столицы настоящего Срединного Царства. Чжоуский гун почти император. Но и это неплохо, правда? Особенно если учесть, что Чжоу — одно из самых слабых государств и рано или поздно кто-нибудь из соседей — возможно, эти двуногие волки — захватит его. А пока мы смотрим на Чжоу со слезами на глазах и надеждой в животе.

Потом Шэ-гун рассказал мне о своей прабабке, приходившейся прабабкой и правящему чжоускому гуноу. Женщина непомерного честолюбия, она всегда говорила о себе, как о маленьком мальчике. Однажды в дворцовом крыле, где она жила, случился пожар, и все дамы убежали, лишь этот маленький мальчик остался сидеть в зале приемов, безмятежно гадая о своей судьбе на палочках из тысячелистника. Служанка умоляла правительницу покинуть горящий дворец, но благородная старушка отвечала:

— Маленький мальчик не может выйти из дворца без сопровождения родственника-мужчины в ранге не ниже хоу, и, разумеется, маленький мальчик никогда не показывается за стенами дворца без придворной дамы старше себя, — и продолжала гадание на палочках (распространенное китайское времяпрепровождение).

Служанка поспешила разыскать какого-нибудь мужчину соответствующего ранга, чтобы проводить правительницу в безопасное место, но во дворце не нашлось никого достойнее. Поэтому в горящий дворец, обернув лицо мокрой тряпкой, пробрался племянник правительницы и служанка. Они нашли правительницу по-прежнему раскладывающей палочки.

— Пожалуйста, о воплощение Сына Неба, — сказал ее племянник, — пойдете со мной!

Правительница очень рассердилась.

— Это неслыханно! Я не могу выйти без сопровождения дамы старше себя и мужчины-родственника в ранге не ниже хоу. Получится неприлично!

И так правительница сгорела, во имя приличия — качества, значащего для китайцев все.

Смерть благородной дамы вызвала в Китае бесконечные споры. Одни видели в ней пример, достойный восхищения и подражания, другие считали это смешным.

— В конце концов, — говорил Фань Чи, — она не была

ни девицей, ни молодой замужней женщиной. Правительница была очень стара и не нуждалась в сопровождении. Это не скромность. По сути дела, она обладала тем же тщеславием, что и все представители дома Чжоу. А тщеславие в глазах небес не есть достоинство. Это не приличие.

Когда мы приблизились к пригородам Лояна, народу вдруг прибавилось. Множество мужчин и женщин направлялось в столицу. Богачи катили в колесницах или ехали в носилках. Бедные крестьяне несли свой товар за спиной. Зажиточные крестьяне и купцы восседали в запряженных быками крытых повозках. Простые люди были хорошо одеты и улыбались, в отличие от угрюмых жителей царства Цинь, чьи лица, кстати, внешне не похожи на лица восточных китайцев. В царстве Цинь люди имеют бронзовый цвет кожи и плоские носы, а жители Чжоу, как и других восточных государств, светлее остальных китайцев и с более тонкими чертами лица. Но все в Срединном Царстве черноволосые, черноглазые и почти без волос на теле. Довольно любопытно, что воины в Чжоу называют местных жителей черноволосыми, как мы вавилонян, а сами воины произошли от племен, завоевавших Срединное Царство примерно в то же время, когда арии пришли в Персию, Индию и Грецию. Откуда пришли те племена? Китайцы указывают на север. Интересно, если окажется, что у нас общие предки.

Мы въехали в Лоян через высокие каменные ворота в грубой кирпичной стене. И я сразу почувствовал себя дома. Толкучка напоминала толпу в Сузах или Шравасте. Люди хохотали, кричали, пели, торговались, плевались; покупали, продавали, играли и ели в маленьких ларьках, что стоят на каждой улице.

У рыночной площади Шэ-гун купил в ларьке вареного карпа.

— Лучший карп в Китае, — сказал он, оторвав кусок и протягивая мне.

— Никогда не ел рыбы вкуснее, — ответил я с изрядной степенью искренности.

Шэ-гун улыбнулся торговцу:

— Приезжая в Лоян, я всегда сразу прихожу к вам. Правда?

Даже с набитым ртом Шэ-гун отличался изяществом.

Торговец низко поклонился, пожелал ему долгих лет жизни и взял монету. Потом Шэ-гун купил большой лист с завернутыми в него пчелами, зажаренными в собственном



меду, и стал расхваливать мне это блюдо, но мне оно показалось странным. После Лидии я охладел к меду.

Шэ-гун всегда останавливался в большом здании напротив монаршего дворца.

— Когда-то этот дом принадлежал родственнику моей семьи, — сказал он несколько туманно. Ему почему-то все приходились родственниками. — Но потом дом продали одному купцу, который сдает комнаты очень дорого, но с меня, как с члена императорской фамилии, в виде исключения берет другую цену.

Хотя Шэ-гун обращался со мной не как с пленником, я прекрасно сознавал свое положение. Когда мы путешествовали, он держал меня либо у себя в комнате, либо в комнате эконома. С меня не спускали глаз.

После Цинь Лоян показался мне чудесным местом, и я даже не заметил, что в то время оба города находились на грани экономического краха. Большую часть Чжоу захватили соседние государства, и только двусмысленная священная фигура здешнего властителя удерживала правителей Цинь и Вэй от захвата самого Лояна. Как оказалось, все в той или иной степени поддерживали версию, будто властитель является Сыном Неба, что не мешало им разворовать его земли и насмеяться тайком над его претензиями.

Лоян имел всполошенный облик великой столицы, лишь недавно потерявшей питавшую ее империю. В Вавилоне царит тот же дух несобранности и какой-то растерянности. И все же в Лояне на каждом шагу слышалась музыка, город играл, устраивал церемонии, глазел на жонглеров.

Мы участвовали в церемонии празднования Нового года, которая проводилась в храме предков Чжоу-гуна. Когда его построили, здание, по-видимому, отличалось необычайной красотой. Это было три века назад, вскоре после приезда сына последнего императора.

Храм имел высокую пологую крышу, и покрытая глазурью черепица волнами переходила из зеленой в золотую. Деревянные колонны были украшены изображениями лепесточков, какие летом покрывают поверхность прудов. Эти знаки мог использовать только Сын Неба. Храм стоял на каменном фундаменте, а его стены из темного дерева были увешаны различным оружием, как древним, так и современным. Теоретически все оружие в стране хранится в храме предков правителя. На практике же оружие здесь только декоративное. Когда правитель был просто вождем племени, собственностью на оружие он утверждал свою власть.

Но это было давно, когда общество представляло собой не более чем семью, подчиняющуюся отцу семейства, который сам являлся сыном не только своего отца-вождя, но также и неба.

В одном конце обширного здания находится любопытная статуя. Человек, чуть больше чем в натуральную величину, одет, как воин времен династии, предшествующей Чжоу, а рот его запечатан тройной печатью. На постаменте написано: «Меньше сказано, скорее исполнено». Зачем в зале предков Чжоу стоит эта предостерегающая статуя, остается полной загадкой, если, конечно, смысл не лежит на поверхности и слова не значат только то, что они значат.

Сыном Неба оказался подвижный невысокий человечек лет сорока, с длинной остроконечной бородкой. На нем был роскошный церемониальный халат с вышитым на спине рельефным золотым драконом. В одной руке Сын Неба держал большой нефритовый диск на палочке из слоновой кости — высший символ непостоянного небесного права.

Чжоуский гун одиноко стоял в северном конце зала спиной к алтарю. Между ним и придворными справа и слева застыли военачальники — высшие должностные лица государства. За ними следовали потомственные жрецы, затем руководители музыкантов и церемоний, а дальше гости Чжоу. Благодаря высокому рангу Шэ-гуна — такому же сомнительному, как и у самого Сына Неба, — мы смогли детально рассмотреть церемониал, претендующий на бесконечность. Я слышал комментарии моего хозяина:

— Во всем напортачили! Какой скандал!

Особенно Шэ-гун возмущался, когда заиграла музыка наследования власти.

— Это можно играть *только* в присутствии обладателя и права, и гегемонии. О, какое кошунство!

Музыка наследования была сочинена более тысячи лет назад. Пока она звучала, причудливо разодетые танцоры изобразили мирное наследование трона после легендарного императора по имени Шунь. Должным образом исполненная и сопровождаемая пантомимой музыка якобы связывала в совершенную гармонию землю и небо.

Демокрит хочет знать, как музыку могли помнить в течение тысячи лет. Это же хотят знать и многие китайцы. Они утверждают, что музыка или изменилась, или за века совершенно забылась, и то, что сегодня слушают в Лояне, — лишь пародия на оригинал, и поэтому небесное право утра-

чено. Не знаю. Могу лишь сказать, она производит странное впечатление на иностранца.

Когда музыка и гримасы закончились, властитель Чжоу попросил у Желтого Императора небесного благословения на Срединное Царство. Затем Сын Неба продлил полномочия всех китайских владык. Эта часть церемонии была столь же впечатляющей, сколь бессмысленной.

Правитель Чжоу торжественно велел владыкам Срединного Царства приблизиться. К нему торопливо просеменили пятнадцать пышно разодетых людей. Должен заметить, что когда особа низшего ранга представляется высшему лицу, то всегда опускает голову, ссутуливает плечи, наклоняет все тело, сгибает ноги, чтобы казаться как можно меньше в присутствии великого мужа.

Подойдя к правителю, пышные фигуры остановились. Затем военачальники справа и слева преподнесли властителю пятнадцать бронзовых табличек с живописными письменами. Я так и не научился понимать китайскую письменность.

Правитель взял первую табличку и повернулся к первому человеку в серебристом халате.

— Подойди ближе, любезный родственник.

Старик по-крабьи придвинулся к гуну.

— Волею небес ты продолжаешь служить нам, как верный раб. Возьми! — Правитель вручил старику табличку. — Это небесный знак, что ты будешь по-прежнему служить нам и небесам как вэйский гун.

Это впечатляло. В пыльном зале с потемневшими, изъеденными термитами балками собрались все правители Китая, чтобы подтвердить свои полномочия у Сына Неба. Всего есть одиннадцать правителей внутренних государств и четыре в так называемых окраинных владениях. Пока каждый правитель получал символ подтверждения власти, звучала музыка, жрецы пели, а Шэ-гун тихо посмеивался. Я не посмел спросить над чем. Сначала я подумал, это со зла, что Шэ больше не принадлежит ему. Но когда символ власти, униженно благодаря, получил Цинь-гун, я с изумлением обнаружил, что это вовсе не тот человек, который был поволчь на кургане императора У.

— Это не правитель, — шепнул я.

— Конечно! — хихикнул мой чудаковатый хозяин.

— Но кто же это?

— Актер. Каждый год пятнадцать актеров изображают правителей и каждый год Сын Неба притворяется, что про-

длеает их полномочия. О, совершеннейшее неприличие! Но что остается моему бедному другу? Настоящие правители не приезжают в Лоян.

— Мне казалось, вы говорили, что они признают его Сыном Неба.

— Признают.

— Почему же они не оказывают ему почестей?

— Потому что он не Сын Неба.

— Я не понимаю.

— И он тоже. В самом деле. А дело-то простое. Пока они *прикидываются*, что считают его Сыном Неба, никто из соперников не может объявить себя обладателем небесного права. Вот почему это представление так необходимо. Поскольку каждый правитель мечтает когда-нибудь заполучить это право, все они соглашаются, что сейчас лучше делать вид, будто чжоуский гун в самом деле тот, кем себя называет. Но рано или поздно какой-нибудь правитель добьется гегемонии, и тогда Лоян исчезнет, как сон, и Желтая река покраснеет от крови.

Когда актеры-«властители» вернулись на место, Сын Неба провозгласил:

— Здесь, на севере от вас, стоит одинокий. Небесное право на власть *здесь!*

Музыканты произвели страшный шум, и сотня танцоров в фантастических головных уборах, прицепив звериные хвосты, исполнила нечто столь же необычное, что я видывал в Вавилоне, где *все* стоит того, чтобы посмотреть. В разгар разноцветного кружения и странных звуков Сын Неба удалился.

— Они играют в четырехтоновой гамме, — сказал Шэ-гун. — Ревнителям чистоты это не нравится. Но лично я предпочитаю новую музыку. В чем-то это ересь, но сейчас и время еретиков. Доказательства? Сейчас не существует владельца Шэ.

Не помню, сколько мы пробыли в Лояне. Помню только, что впервые со времени пленения я чувствовал себя почти свободным. Вместе с Шэ-гуном мы посещали многочисленные званые обеды, ему нравилось выставлять меня перед другими. Не скажу, что я пользовался большим успехом. Китайцы вообще и лоянские придворные особенно питают мало интереса к миру за так называемыми четырьмя морями. Хуже того, я выглядел нелепо и говорил с непозволительным акцентом — эти два непростительных недостатка не способствовали моей популярности. К моему удивлению

и к разочарованию Шэ-гуна, западный мир никого не интересовал. Что не Срединное Царство, того просто не существует. В глазах китайцев это мы — варвары, а они — культурный народ. Я обнаружил, что если заедешь достаточно далеко, то левое становится правым, верх — низом, север — югом.

И все же жалкий двор Лояна мне очень понравился. Придворные искали только развлечений. Они играли в словесные игры, к которым я присоединиться не мог, сплетничали друг о друге, ели из треснувших блюд, пили из выщербленных чашек и носили отрепья с большой элегантностью.

Поблуждав по Лояну, можно предположить, что когда-то это была величественная, хотя и довольно первобытная столица. Можно также понять, что дни ее прошли. Подобно призракам, слуги Сына Неба посещают церемонии, которые, если верить Шэ-гуну, выполняются совершенно неподобающим образом, и как призраки подражают чувственной плоти, так и придворные развлекаются, словно догадываясь, что дни их прошли и двор, которому они служат, всего лишь тень навсегда утраченного мира.

Мы посетили Зал Света — древнее здание, посвященное Мудрому Господу — я хочу сказать, небесам. Любопытно, что в двух учениях я нашел много общего, однако при упоминании о Мудром Господе китайским жрецам становилось слегка дурно, они меняли тему, начинали говорить о Желтом Императоре, о царственных потомках, о небесном праве... О, это вечное небесное право! Они не могут или не хотят понять, что в мире есть первый и главный закон. Они не признают борьбы между Истиной и Ложью. Они больше обеспокоены поддержанием гармонии между заоблачной волей небес и буйным земным безрассудством. Они верят, что церемонии — лучшее средство для достижения этого и тщательность их соблюдения — гарантия довольства предков.

Шэ-гун был шокирован, обнаружив, что Зал Света полон музыкантов, жонглеров, торговцев снедью. Зрелище открылось веселое, но вряд ли исполненное религиозным чувством.

— Не могу понять, почему это позволили!

— А что здесь должно происходить?

Я, как зачарованный, смотрел на группу карликов, выполняющих, к восторгу толпы, акробатические трюки. Люди бросали исполнителям монетки.

— Ничего. Здесь должно быть уединенное место, где че-

ловец может поразмыслить об идее света. И конечно, здесь проводятся религиозные церемонии. Думаю, правитель получает с этих торговцев арендную плату. И все равно зрелище шокирует, не правда ли?

Вместо меня ему ответил мелодичный голос сзади:

— Чрезвычайно шокирует, почтенный владыка! Возмутительно! Но такова человеческая природа, не так ли?

Обладателем голоса оказался седобородый старик с необычными для китайца *раскрытыми* глазами. В них светилась доброта — или грусть. Часто одно совпадает с другим, что этот замечательный человек и любил демонстрировать.

— Лао-цзы!

Шэ-гун приветствовал мудреца с тщательно выверенной долей уважения и снисходительности. Если я еще не говорил этого, «цзы» по-китайски означает «учитель» или «мудрый». Дальше я буду называть Лао-цзы Учителем Ли.

— Это зять царя богатейшей Магадхи, — представил меня Шэ-гун; он редко забывал о моем царском родстве, из которого надеялся извлечь для себя выгоду. — Он приехал к нам набраться культуры. — Шэ-гун повернулся ко мне: — Вы встретили мудрейшего человека в Срединном Царстве, держателя архивов дома Чжоу, мастера всех трех тысяч искусств...

Он щедро расточал похвалы Учителю Ли. Как многие из обедневшей знати, Шэ-гун чувствовал себя обязанным восполнить отсутствие войск и владений многочисленными комплиментами и вычурными манерами.

Учитель Ли проявил искренний, а не просто вежливый интерес к моему происхождению; он также оказался первым из китайцев, кто с первого взгляда понял, что я не уроженец Магадхи. Хотя о Персии он не слышал, но знал, что за рекой Инд есть земли, где живут люди с голубыми глазами. Желая узнать что-то новое для себя, Учитель Ли пригласил Шэ-гуна и меня отобедать с ним на краю места для жертвоприношений Земле.

— Одинокий с радостью разрешил мне пользоваться старым павильоном. Мы скромно поедим и побеседуем о дао.

Слово «дао» означает «путь». Как я открыл, оно имеет еще много и других тонких значений.

Мы проложили свой путь через группу полуобнаженных танцовщиц. Насколько я мог судить, они толком никогда не танцевали, а слонялись по Залу Света в ожидании, что кто-

нибудь купит их благосклонность. Шэ-гун был шокирован таким кощунством.

— Никогда не думал, что какой-нибудь Сын Неба, как бы... — Он мудро не закончил фразу...

Паузу невозмутимо заполнил Учитель Ли:

— ...Как бы ни сочувствовал им! Да, сирота глубоко им сочувствует. Он желает лишь счастья людям. Он не стремится к недостижимому. Он приверженец у-вэй.

По-китайски «у-вэй» означает «недеяние», «ничегонеделание», и для Учителя Ли искусство ничегонеделания являлось секретом не только правления, но и человеческого счастья. Подразумевал ли Учитель Ли неделание вообще ничего? Нет, Демокрит. Он подразумевал нечто еще нелепее. В свое время я постараюсь изложить его воззрения.

Мы прошли по оживленным аллеям Лояна. Не знаю почему, я чувствовал себя дома. Наверное, потому, что столько времени провел в пустыне, в лесу, в дикой стране Цинь. Народ Чжоу, пожалуй, самый жизнерадостный народ на земле. Если они и считают пребывание на земле печальным, то прекрасно умеют это скрывать. Кроме того, как и многие занятые люди, они практикуют у-вэй, сами того не сознавая. Да, Демокрит, это парадокс, который скоро будет подтвержден.

Место для жертвоприношений Земле — это парк на севере города, неподалеку от конического кургана, какие есть на окраине каждого китайского города. Эти курганы известны как шэ, или святая земля, и они символизируют государство. Шэ всегда располагается рядом с рощей деревьев, не только характерных для данной местности, но и считающихся священными. В Чжоу священными считаются каштаны.

В третьем месяце каждого года на этих землях исполняют так называемое весеннее террасное представление. На самом деле это не одно представление, а множество представлений, танцев и церемоний. Если весеннее представление оказывается неудачным — то есть ритуал выполнен неточно, — то урожай осенью будет плохой или его не будет вовсе. Терраса — это обрыв, где поклоняющиеся могут сидеть и наблюдать за церемонией. При этом мужчины и женщины могут свободно находиться рядом друг с другом. Поскольку для всех весеннее террасное представление — величайший праздник в году, разные магнаты заискивают перед небесами — и народом, — оплачивая празднества, как это нынче бывает и во многих греческих городах. Первоначально эти обряды плодородия напоминали те, что до сих пор устраивают в Ва-

вилоне, где мужчины и женщины ради будущего урожая занимаются проституцией. С годами китайское весеннее представление стало вполне пристойным, но в нем появилось много неточностей, как утверждали Шэ-гун и Учитель Ли. Я так и не узнал, правда ли это. По некоторым причинам за годы в Срединном Царстве я ни разу не присутствовал на этой церемонии, а если бы даже и присутствовал, все равно не определил бы, правильно или нет она исполняется.

Когда мы прошли мимо кургана, Шэ-гун с облегчением заметил, что там выросло не так уж много травы.

— Если святая земля не содержится в совершенной чистоте...

Шэ-гун сделал знак, отгоняя демонов, затем поклонился алтарю Земли, имеющему форму квадрата. Китайцы верят, что Земля имеет форму квадрата, а небо круглое. На юге от каждого города есть круглый алтарь Небу.

Учитель Ли провел нас через узкий каменный мостик в прелестный павильон на известняковом утесе, у подножия которого журчал и пенился быстрый ручей. Должен сказать, я никогда не видел ничего более прекрасного и ничего более необычного, чем китайский сельский пейзаж — по крайней мере, на прострaнстве между двух рек. Холмы там принимают самые фантастические формы, какие только можно представить, а деревья совершенно не похожи на что-либо, растущее на западе. Кроме того, когда путешествуешь, неожиданно встречаешь водопады, живописные ущелья, где синезеленая прохладная глубина манит к себе, несмотря на опасность встретить там драконов, призраков или разбойников, коими Китай изобилует. Хотя ни драконов, ни призраков я не встретил, но разбойников навидался. Прекрасный, кажущийся пустынным китайский пейзаж таит в себе немало опасностей для путешественников. И вообще, куда ни поедешь на земле, всегда оказывается, что все портят люди.

Павильон был сложен из желтого кирпича и имел пологую черепичную крышу. Трещины заросли мхом, на затянутых паутиной балках висели летучие мыши. Старые слуги, приготовившие нам поесть, обращались к Учителю Ли как к равному. Под звуки бьющегося о камни стремительного потока мы жадно набросились на свежую рыбу.

Мы сидели на грубой циновке, и Учитель Ли объяснил нам понятие — или понятия — дао.

— Буквально «дао» означает «путь» или «дорога», — сказал он. — Например, благоустроенная, высокая дорога. Или низкая дорога, низкий путь.



Я заметил, что руки у Учителя Ли были словно из хрупкого алебастра, и понял, что он намного старше, чем показался мне сначала. Позже я узнал, что ему уже перевалило за сто лет.

— И где же этот путь — *ваш* путь — начинается? — спросил я.

— *Мой* путь начинался бы со мною самим. Но нельзя сказать, что у меня есть путь. Я сам часть Пути.

— И что же это?

Шэ-гун удовлетворенно замурлыкал, ковыряясь в зубах зубочисткой. Он обожал подобные беседы.

— А вот что. Первичное единство всего сотворенного. Первый шаг, который человек делает по Пути, чтобы обрести гармонию с законами Вселенной. Эти законы мы называем вечно неизменными.

— И как же делается этот первый шаг?

— Представьте Путь водой. Вода всегда стремится вниз и проникает повсюду.

У меня появилось нехорошее чувство, что я снова в долине Ганга, где сложнейшие вещи объясняют так просто, что они становятся в высшей степени неясными.

К моему удивлению, Учитель Ли прочитал мои мысли:

— Мой дорогой варвар, вы думаете, что я намеренно напускаю мрака. Но я просто ничего не могу поделать. Ведь учение о Пути известно как учение *без слов*. И потому все мои слова не имеют смысла. Вы можете понять мои мысли не более, чем я — ощутить боль у вас в левом колене, которым вы елозите по циновке, потому что еще не привыкли сидеть по-китайски.

— Но вы поняли мое неудобство, не ощутив его. Так может быть, и я пойму ваш Путь, не следуя по нему?

— Очень хорошо, — сказал Шэ-гун, рыгнув, чтобы показать свое удовлетворение не только едой, но и нами. Китайцы считают отрывку выражением глубочайшей душевно-желудочной искренности.

— Тогда представьте Путь как состояние, в котором нет противоположностей и различий. Нет горячего. Нет холодного. Нет короткого. Нет длинного. Эти понятия бессмысленны в отрыве от других вещей. Для Пути все вещи суть одна.

— Но для нас их много.

— Так кажется. Да, в самом деле между вещами есть различия. Но, по сути, существует только пыль, из которой мы

сотворены. Пыль на время принимает разнообразные формы, но не перестает быть пылью. Важно понять это. И так же важно понять, что невозможно восстать против природы. Жизнь и смерть — одно и то же. Без первого не может быть второго. А без второго невозможно первое. Но в конечном итоге ничто не существует изолированно. И существует, таким образом, только вечно неизменное.

Его концепцию о первоначальном единстве я нашел приемлемой, но уследить за теми различиями, что Учитель Ли столь радостно топил в своем море вечно неизменного, не смог.

— Но, конечно же, человека можно судить за его поступки, — сказал я. — Есть хорошие поступки, а есть плохие. Истина и Ложь...

Я говорил как внук Зороастра. Когда я закончил, Учитель Ли ответил мне любопытной метафорой.

— Вы говорите мудро. — Старик вежливо склонил голову. — Естественно, относительно данной жизни есть поступки достойные и недостойные, и я уверен, мы сойдемся, что считать похвальным, а что нет. Но Путь — по ту сторону этих вопросов. Позвольте привести пример. Допустим, вы выплавляете бронзу...

— В действительности он выплавляет железо, Учитель Ли. Варвары преуспели в этом полезнейшем искусстве.

Шэ-гун взглянул на меня так, словно сам создал меня из первоначальной пыли.

— Вы выплавляете бронзу. Вы хотите отлить колокол и приготовили тигель. Но когда вы начинаете разливать жидкий металл, бронза отказывается течь и говорит: «Нет, я не хочу быть колоколом! Я хочу быть мечом, таким, как безупречный меч У». Как литейщик, вы бы были крайне недовольны капризным металлом, не правда ли?

— Да. Но металл не может выбирать себе форму. Выбирает литейщик.

— Нет. — Тихо произнесенное «нет» обдало меня холодом, как подброшенная нить Госалы. — Вы не можете восстать против Пути, как ваша кисть не может восстать против предплечья, а металл против формы. Все является частью Вселенной, которая вечна и неизменна.

— И каковы же основные вселенские законы? Кто их сотворил?

— Вселенная — это единство всего, и принять Путь — значит признать это единство. Живой или мертвый, ты

всегда часть вечно неизменного, чьи законы просто законы становления. Живым становишься лишь на время, и когда уходит жизнь — это естественно. Со спокойствием принимать происходящее — значит избавить себя от печали и радости. Вот что значит следовать Пути, принять у-вэй.

Меня снова поставила в тупик эта фраза, буквально означавшая «не делать ничего».

— Но как мир сможет существовать, если никто не будет ничего делать? Кто-то ведь должен отливать бронзу, чтобы у нас были колокола и мечи.

— Когда мы говорим «не делать ничего», значит, ничего неестественного или самопроизвольного. Вы стреляете из лука?

— Да. Меня обучали как воина.

— Как и меня. — На воина Учитель Ли походил менее всего. — Вы замечали, как легко поразить цель, если вы упражняетесь в свое удовольствие?

— Да.

— Но когда вы соревнуетесь с другими за золотой приз, разве вы не замечали, что попасть в цель гораздо труднее?

— Да, замечал.

— Когда вы слишком стараетесь, то напрягаетесь. А когда напрягаетесь, то не можете показать себя с лучшей стороны. Так вот, избегать напряжения — это мы и называем у-вэй. Или, другими словами, не сосредоточиваться на своей деятельности. Быть естественным. Вы когда-нибудь резали скотину?

— Да.

— Вам не показалось трудным разделять тушу?

— Показалось. Но я не мясник и не маг — то есть не жрец.

— И я тоже. Но я наблюдал, как работают мясники. Они всегда проворны, всегда точны. Что для нас трудно, для них легко. Почему? И однажды я спросил одного опытного мясника, как это получается, что он может разделить быка, пока я чищу маленькую рыбешку. «Я и сам не знаю, — ответил он. — Мой разум как будто останавливается, и начинает действовать душа — или что-то еще». Вот это и есть у-вэй. Не делать ничего неестественного, что нарушило бы гармонию в основах природы. Времена года приходят и уходят без борьбы и суеты, потому что следуют Пути. Мудрец, созерцая их смену, начинает понимать скрытую гармонию Вселенной.

— Я согласен, что принимать естественный мир мудро. Но даже мудрейший должен делать все возможное для поддержания добра и борьбы со злом...

— О мой дорогой варвар, эта мысль о деятельности порождает все беды! *Не делай ничего!* Это лучшее из деяний. Оставайся в состоянии ничегонеделания. Брось себя в океан существования. Забудь, что ты считаешь добром и злом. Поскольку ничего не существует в отрыве от вещей, забудь о связях. Пусть все само заботится о себе. Освободи свою душу. Стань безмятежным, как цветок, как дерево. Потому что все истинное возвращается к своим корням, само того не сознавая. Все истинное — бабочка, дерево — в своем незнании не покидает первозданной простоты. Но стань они сознательными, как мы, и они потеряют свою естественность. Они потеряют Путь. Для человека совершенство возможно лишь во чреве матери. Тогда он похож на глыбу, которой еще не тронул резец скульптора и не испортил ее. В жизни человек, нуждающийся в других, всегда скован. Кто сам нужен другим, всегда печален.

Но я не мог принять учение Учителя Ли о бездеятельности, как не смог в свое время постичь желанности буддийской нирваны.

Я спросил его о реальном мире — или о мире вещей, поскольку слово «реальный» могло вдохновить даосского мудреца на серию самодостаточных вопросов о природе реального.

— Я понял вас. Или *начинаю* понимать, — добавил я поспешно. — Я не могу следовать Пути сам, но вы дали мне его увидеть. Я ваш должник. А теперь давайте поговорим практически. Государством нужно управлять. Как это возможно, если правитель исповедует у-вэй?

— Существует ли такой совершенный правитель? — вздохнул Учитель Ли. — Суета мира вещей мешает сосредоточиться на Пути.

— Правители могут лишь мельком увидеть Путь, по которому идет мудрец. — Полусонный Шэ-гун был очень доволен собой. — И все же мы чтим ваш труд. И скорбим о собственном суетном положении. И ждем, когда вы поведадите нам, как править народом.

— Идеально, почтенный владыка, было бы мудрому монарху опустошить умы подданных и наполнить желудки. Нужно ослабить их волю и укрепить кости. Имея мало знаний, люди и желают мало. Если они мало желают, они не

будут делать ничего для человека неестественного. И добро распространится по миру.

Как государственная доктрина это мало отличалось от воззрений Хуаня.

— Но если человек приобретет знания, — с величайшим почтением заметил я, — и если он захочет изменить свой жребий — или даже изменить само государство, — что ответит ему мудрый монарх?

— О, монарху следует убить его, — улыбнулся Учитель Ли; между двумя длинными резцами виднелись лишь темные десны. Он вдруг напомнил мне спящих у нас над головой летучих мышей.

— Стало быть, следующие по Пути не возражают против лишения человека жизни?

— Почему они должны возражать? Смерть так же естественна, как жизнь. Кроме того, умерший не исчезает. Нет, совсем наоборот — уйдя, он становится недосягаем для всякого вреда.

— А его душа возродится вновь?

— Определенно пыль снова соберется в некую форму. Но, пожалуй, это нельзя назвать возрождением в вашем смысле.

— А что происходит, когда души умерших уходят к Желтым Родникам? — спросил я.

Когда кто-то умирает, простые китайцы говорят, что он ушел к Желтым Родникам. Но когда я пытался выяснить, что это такое и где находится это место, то получал довольно невразумительные ответы. Из этого я понял, что выражение о Желтых Родниках очень древнее; оно напоминает что-то вроде мест вечного заточения, как царство Аида у греков. И суда не будет. Добро и зло ждет одна участь.

— Мне кажется, что Желтые Родники повсюду. — Учитель Ли ударил левой рукой по правой. Магический жест? — А коль они повсюду, то никто не уходит к ним, поскольку уже там. Но, конечно, человек рождается, живет, умирает. Хотя он и является частью целого, факт краткого существования склоняет его сопротивляться целостности. А мы следуем Пути, чтобы не сопротивляться целостности. И теперь ясно всем, или почти всем, — он поклонился в мою сторону, — что, когда тело распадается, душа, — он похлопал себя по животу, — исчезает тоже. Тем, кто не исповедует Путь, эта мысль кажется невыносимой, даже ужасной. Но мы не пугаемся. Поскольку мы отождествляем себя

с космическим процессом, то не сопротивляемся вечно неизменному. Перед лицом и жизни, и смерти человек совершенный не делает ничего и точно так же истинный мудрец не порождает ничего. Он просто созерцает Вселенную, пока сам не станет Вселенной. Это мы называем таинственной погруженностью.

— Ничего неделание... — начал было я.

— ...Это безмерная душевная работа, — закончил Учитель Ли. — У мудрого человека нет стремлений. И поэтому он не терпит неудач. А кто не терпит неудач, всегда добивается успеха. А кто всегда добивается успеха, тот всемогущ.

— На это нет ответа, Учитель Ли, — сказал я.

Я уже привык к таким круговым доводам, которые для афинян то же, что колесо учения для буддистов.

К моему удивлению, Шэ-гун посмел возразить Учителю Ли в вопросе, как лучше всего управлять государством.

— Конечно, — сказал он, — кто следует Пути, тот всегда возражает против смертной казни на том основании, что никто не имеет права объявить другому такой страшный приговор. Это совершенно противоречит у-вэю.

— Многие следующие Пути согласны с вами, почтенный владыка. Но лично я не вижу здесь логики. В конце концов, природа безжалостна. Природа безразлична. Должен ли человек отличаться от природы? Конечно нет. Тем не менее во мне находит отклик замечание, что, может быть, лучше дать нашему миру идти своим путем и не управлять им вовсе, поскольку действительно хорошее управление невозможно. Всем известно, что чем больше хороших законов издает правитель, тем больше появляется воров, чтобы их нарушить. И всем известно, что, когда правитель берет слишком много налогов для своих нужд, народ начинает голодать. И все же он всегда берет, и народ всегда голодает. Так что давайте жить в совершенной гармонии с миром. Не будем издавать никаких законов и будем счастливы.

— Без законов не может быть счастья, — твердо сказал я.

— Возможно, — весело согласился Учитель Ли.

— Я уверен: должен быть какой-то правильный способ управлять, — настаивал я. — Определенно все мы хорошо знакомы с неправильными способами.

— Без сомнения. Но, в конце-то концов, как знать?

При каждом доводе старик гнулся, как тростник. Меня уже начало покидать терпение.

— А что человек *может* знать? — спросил я.

Ответ последовал мгновенно:

— Человек может знать, что быть на Пути — значит быть на небесах, то есть — неуязвимым. Человек может знать, что если он овладел Путем, то, хотя его тело и перестанет существовать, сам он уничтожен не будет. Путь вроде неиссякаемой чаши, которую не нужно наполнять. Все сложное становится простым. Все различия сливаются, противоположности приходят в гармонию. Путь — это спокойствие и сама вечность. *Лишь прильни к целому.*

Учитель Ли замолк. Вот так.

Шэ-гун сидел выпрямившись, высоко подняв голову. Дыхание его было ровным, он похрапывал. Вода внизу шумела, как поднесенная к уху раковина.

— Скажите, Учитель Ли, — спросил я, — кто сотворил Путь?

Старик взглянул на свои сложенные на коленях руки:

— Я не знаю, чье это дитя.

### 3

Сыну Неба меня так и не представили. Очевидно, протокол не предусматривал церемонии для приема посла из варварской страны, да еще к тому же невольника. Однако при нескольких церемониях с участием властителя Чжоу я присутствовал. Поскольку он всегда выступал в качестве божества, то и вел себя соответственно своей символической роли. И хорошо, потому что, по словам моего хозяина, он был «не так умен, как большинство людей».

Мы часто совершали прогулки с Учителем Ли и его учениками. Очевидно, обязанности архивариуса в Чжоу были не слишком обременительными, так как он всегда находил время для многословных бесед с нами о своем учении, не требующем слов. Учитель Ли изящно отверг догму моего деда о добре и зле на том основании, что первоначальное единство не имеет столь мелкого деления. Я предпочел не спорить, просто рассказывал ему о Госале, Махавире, Будде, Пифагоре. Его заинтересовал только Будда. Учитель Ли восхитился четырьмя благородными истинами и выдуманнным Буддой триумфом над чувствами, что переключалось с у-взем.

— Но почему он так уверен, что когда умрет — потухнет? — вопрошал Учитель Ли.

— Потому что он достиг полного просветления.

Мы стояли у алтаря Земле. Сильный ветер срывал с де-

ревьев листья: близилась зима. Дюжина молодых ши застыла в почтительном ожидании.

— Если он думает, что достиг, значит, не достиг: ведь он по-прежнему думает.

Это немудреная игра слов привела молодежь в восторг; они одобрительно захихикали.

— Мудрость! Мудрость! — воскликнул Шэ-гун.

Я не стал защищать Будду. В конце концов, меня не привлекали ни китайский Путь, ни четыре буддийские благородные истины. И то, и другое требовало уничтожения мира, каким мы его знаем. Я еще могу понять, как этого можно желать, но не пойму, как это выполнить. И все же я благодарен Учителю Ли, так как его служение у алтаря Земле ненароком повлекло за собой события, позволившие мне вернуться в Персию.

Учитель Ли сидел на скале. Молодые люди устроились вокруг. Один из них произнес:

— Учитель, когда Заоблачный Дух встретился с Хаосом, то спросил: «Каков лучший способ привести небо и землю в гармонию?» И Хаос ответил, что не знает.

— Мудро со стороны Хаоса, — одобрительно кивнул Учитель Ли.

— В высшей степени мудро, — подтвердил молодой человек. — Но Заоблачный Дух сказал: «Люди смотрят на меня, как на образец. Я должен что-то сделать, чтобы восстановить равновесие в их делах».

— Самонадеянно со стороны Заоблачного Духа, — сказал Учитель Ли.

— В высшей степени самонадеянно, — откликнулся молодой человек. — И Заоблачный Дух спросил: «Что же мне делать? Все на земле так плохо!» И Хаос согласился, что основные принципы мироздания постоянно нарушаются и истинная природа вещей приходит в упадок. Но Хаос сказал, что причина этого...

— В ошибочном управлении людьми, — закончил Учитель Ли, очевидно, какой-то древний диалог. — Да, это было и остается мудрым взглядом.

— Но Заоблачный Дух не удовлетворился этим, — продолжил молодой человек.

— И до сих пор не удовлетворен. — Плащ на Учителе Ли трепетал на ветру, а седые волосы встали дыбом. — Но его должны были убедить слова Хаоса о том, что все беды в мире приистекают из идеи *действия*. Прекратить!



Голос Учителя Ли вдруг загремел на ветру, как бронзовый колокол от удара молотом.

— Но разве мы следуем Хаосу, а не Заоблачному Духу, Учитель? — Молодой человек словно и впрямь спрашивал, а не участвовал в литании.

— В этом смысле, да. В частности, когда Хаос сказал: «Питайте свой ум. Оставайтесь в состоянии ничегонеделания, и вещи сами позаботятся о себе. Не спрашивайте имена вещей, не пытайтесь проникнуть в тайны природы. Все устроится само собой».

— Прекрасно, — прошептал Шэ-гун.

— Ваш призыв к Хаосу... — начал я.

— ...Является частью нашего обращения к небесам, — закончил Учитель Ли.

— Понятно, — сказал я, ничего не поняв.

Поскольку вещи не могут устраиваться без порядка, небеса вроде бы должны выступать как антитезис Хаосу. Но я не стал пускаться в дебаты со старым мудрецом. Он имел преимущество, зная, что означают слова его языка, — в этом секрет власти, Демокрит. Нет, я пока не буду его объяснять.

Один из молодых людей в отличие от остальных не был в восторге от превознесения Учителем Ли бездеятельности. Склонив голову, он вышел вперед. Хрупкий юноша весь дрожал то ли от ветра, то ли это был благоговейный трепет — не знаю.

— Но, конечно же, Учитель, нельзя не согласиться с желанием Заоблачного Духа достичь гармонии между небом и землей. В конечном счете о чем еще мы можем молиться?

Молодой человек склонился до самого алтаря.

— О, мы должны соблюдать соответствующие обряды.

Учитель Ли потуже запахнул свой плащ и втянул носом воздух, уже попахивающий снегом.

— Но одобрит ли Хаос эти обряды?

— Да, да. Хаос считает это естественным, как... как осень. Или зимнюю спячку корней в земле. Бездеятельность неестественна, ритуал же естествен, и все образуется к лучшему.

— В таком случае, Учитель, вы согласитесь, что если правитель хотя бы раз выполнит обряд, все под небесами откликнется на его праведность?

Учитель Ли, нахмурившись, взглянул на молодого человека. Остальные ученики молчали, широко раскрыв глаза. Даже Шэ-гун вдруг насторожился. Была произнесена какая-то ересь. Молодой человек нервно поежился, как в лихорадке.

— О какой праведности ты говоришь?

Обычно вкрадчивый голос Учителя Ли стал пронзительным.

— Не знаю. Я лишь знаю, что, правильно выполняя ритуалы, можно достичь праведности. А чтобы государство процветало, сам правитель должен быть источником праведности. Она не может исходить от других.

— Сын Неба — это отражение небес, как известно являющихся всем. А праведность — что же это, если не у-вэй?

— Это то, что делается и что не делается. Праведность — это не делать другим того, чего не хочешь терпеть от других. И если ты способен вести себя подобным образом, то не вызовешь противодействия себе или...

Учитель Ли довольно бесцеремонно расхохотался:

— Ты цитируешь Учителя Куна! А ты должен знать, что он и я столь же непохожи, как солнечный склон холма и склон темный.

— Но ведь солнечный и темный суть склоны одного холма, — мягко заметил Шэ-гун.

— Никаких благодарностей Учителю Куну, или попросту Конфуцию. Ты должен следовать Пути, мой мальчик.

Два ученика помогли Учителю Ли подняться. Трепещущий юноша молчал, потупившись.

— Где бы Конфуций ни появлялся, нигде он не задерживался надолго. Всегда его встречают с почтением, но потом он начинает разглагольствовать и раздражать власти, даже монархов. Подумать только — однажды он пытался поучать самого Сына Неба! О, это было оскорбительно! Но ведь он тщеславный и глупый человек, он только и думает, как бы занять государственный пост. Он домогается мирской славы и власти. Несколько лет назад он занимал второстепенную должность в полицейском управлении Лу. Но нынче он всего лишь ши и никогда не сможет стать тем, кем хотел, то есть министром. И поэтому уехал в Ци. Но там главному министру он показался — я цитирую собственные слова министра — «непрактичным, самодовольным, со многими странностями — в частности, с навязчивой идеей вникать в древние церемонии». — Учитель Ли обратился к Шэ-гуну: — Потом, кажется, ваш родственник, — он улыбнулся навстречу морозному ветру, — последний правитель Вэй, предоставил ему одну из низших должностей.

Шэ-гун кивнул:

— Мой несравненный родственник назначал его то на

одну, то на другую должность. Но потом несравненный умер. Его постигла примерно та же участь, — он повернулся ко мне, — что и всежалостливейшего в Цинь. Тоже не смог побороть своего пристрастия к просяному вину. Но несравненный был столь же мил, сколь всежалостливейший невоспитан и груб. — Шэ-гун обратился к Учителю Ли: — В действительности Конфуций покинул Вэй еще до того, как несравненный умер...

— Мы слышали, что Конфуций рассорился с одним министром несравненного.

Учитель Ли натянул на голову плащ. Все мы начинали замерзать.

— Если они и поссорились, то после помирились. Не далее как вчера Сын Неба говорил, что Конфуций снова в Вэй, где ваш молодой родственник Цзю-гун очень его ценит.

— Пути небес загадочны, — сказал Учитель Ли.

Я все больше замерзал, и разговоры о совершенно неизвестном мне человеке мне порядком наскучили. Хотя Фань Чи и любил цитировать Конфуция, я мало что запомнил из сказанного им. Трудно воспринимать мудреца из чужого мира, тем более в пересказе.

— Ай-гун пригласил Конфуция вернуться в Лу, — сказал трепещущий молодой человек; лицо его посерело, как облака на зимнем небе.

Темнело.

— Вы уверены?

Шэ-гун снизошел взглянуть на юношу.

— Да, почтенный владыка. Я только что из Лу. Я хотел остаться там и повидаться с Конфуцием, но пришлось ехать домой.

— Какая жалость! — прошипел Учитель Ли; его древнее лицо от злобы помолодело.

— Мне тоже жаль, Учитель, — прямо ответил юноша. — Я восхищаюсь Конфуцием за все, чего он не делает.

— Да, он замечателен именно тем, чего не делает.

Шэ-гун проговорил это совершенно серьезно, и мне стоило труда не рассмеяться. Учитель Ли поймал мой взгляд и заговорщически улыбнулся.

— Так расскажи нам, чем ты больше всего восхищаешься из того, чего он не делает.

— Я восхищаюсь четырьмя вещами. Он ничего не принимает как само собой разумеющееся. Он никогда не быва-

ет слишком категоричен. И упрям. И не бывает самовлюбленным.

Учитель Ли принял вызов молодого человека:

— Это правда, что Конфуций мало что принимает как само собой разумеющееся, но он несомненно самый категоричный, самый упрямый и самовлюбленный человек меж четырех морей. Я видел его только раз и нашел достойным уважения, но тут он как раз начал читать нам нотации о правильном исполнении церемоний. Слушая его, я думал про себя: при таком самодовольстве и спеси разве может ужиться этот человек с кем-либо под одной крышей? В его присутствии совершенно белое покажется замаранным, а вполне разумная власть — нелепой.

Под аккомпанемент северного ветра последние слова звучали стихами. Ученики захлопали в ладоши. Трепещущий молодой человек не хлопал. Тут небо совсем потемнело, наступила ночь — и зима.

По пути домой Шэ-гун восторгался Конфуцием.

— Конечно, сам я никогда не был его учеником — этого не позволяет мой ранг. Но я частенько слушал его, когда бывал в Лу. Я также заезжал к нему в Вэй. И пришел к мысли, что если бы я не видел его в...

Пока Шэ-гун перескакивал с одного на другое, меня не оставляла одна мысль: нам нужно ехать в Лу, где я найду Фань Чи, и если он еще жив, то освободит меня.

Последующие несколько дней я проявлял такой жгучий интерес к Конфуцию, что Шэ-гун загорелся.

— Это поистине мудрейший человек меж четырех морей. Да, вероятно, это божественный мудрец, а также мой близкий друг. Конечно, Учитель Ли великолепен, но вы сами могли заметить, он немножко не от мира сего, потому что уже сам стал частью Пути, а Конфуций — наш проводник в поисках Пути.

Шэ-гуну так понравилась последняя фраза, что он повторил ее. Я восторженно откликнулся:

— О, что бы я ни отдал, чтобы посидеть у ног божественного мудреца! — Я вздохнул. — Но Лу так далеко!

— Это совсем не далеко. Нужно дней десять ехать на восток вдоль реки. В общем-то, не обременительная поездка. Но мы с вами отправимся через великую равнину к реке Янцзы, а оттуда в морской порт Гуйцзи, а оттуда... в страну золота!

Но я бросил семя и каждодневно его возвращивал. Шэ-гу-но овладело искушение.

— В конце концов, — размышлял он, — в Лу множество морских портов. Меньше, чем Гуйцзи, но вполне подходящих. Очевидно, и там можно найти корабль, идущий в Чампу. Хотя путь из Лу по морю будет длиннее, зато до Лу по суше ближе.

Шэ-гун признался, что не рискнет пересечь великую равнину с грузом драконьей кости. Равнина кишела грабителями. К тому же ему пришлось признать, в Лу большой рынок для сбыта драконьей кости.

С каждым днем он все больше соблазнился мыслью о Лу.

— Я дядя Ай-гуну *по крови*. Это милый юноша, сейчас он на троне уже двенадцатый год. Мой сводный брат, его отец, был очень музыкален. Другой мой сводный брат, его дядя, совсем не смыслил в музыке. Этот дядя был правителем, пока, как вы знаете, его не прогнали. Но вы же не знаете! Откуда?

Мы беседовали в тутовой роще невдалеке от холма, где оставляли умирать нежеланных детей. Мы прогуливались под мяукающие крики умирающих младенцев, сливающиеся с криками летящих на юг птиц. Китайцы предают смерти уродливых мальчиков и большинство девочек. Таким образом, они поддерживают равновесие в численности населения, которое и так не кажется слишком большим. Я так и не смог понять, почему обычай бросать младенцев так решительно сохраняется в этой большой, богатой и малолюдной стране.

Правда, такая практика распространена повсеместно и в самом деле необходима: никакое общество не хочет иметь слишком много способных рожать женщин, особенно греческие города, где скудная почва не может прокормить большое население. Тем не менее рано или поздно всякий греческий город оказывается перенаселенным. И тогда лишних людей посылают осваивать колонии — в Сицилию, Италию или Африку, — куда только можно доплыть на корабле. В результате греческие колонии простираются от Черного моря до Геркулесовых столбов — и все из-за бесплодных земель Аттики и большинства островов Эгейского моря. Греки любят хвастать своей доблестью на войне и в спорте. Они приписывают ее отбору и поэтому-де убивают не только нежелательных девочек, но и несовершеннолетних мальчиков. Жить дозволяется только сильным — и, разумеется, красивым. По крайней мере, так они говорят. Но Демокрит считает, что

афиняне в последние годы явно ослабли. Он говорит, что большинство мужского населения города безобразны внешне и подвержены всевозможным болезням, портящим внешность, в частности кожным. Не знаю. Я слепой.

Когда я спрашивал Фань Чи, почему китайцы всегда притворяются, что в их благодатном безлюдном мире слишком много народа, он обычно прибегал к той же фразе, что и диктатор Хуань: «Когда нас было мало, а всего много, царило всеобщее счастье. Теперь же всего мало, а людей много...» Подозреваю, за всем этим кроется какая-то религиозная причина, но я так и не смог ее выяснить. Когда китайцы не хотят чего-то говорить, они очень изощренно и скудно пустословят.

Шэ-гун упомянул о своем сводном брате Чжао-гуне, которого изгнали из Лу тридцатью годами раньше.

— Он обладал очень скверным характером. Чжао-гун был много старше меня, и хотя наш отец не слишком любил его, это был законный наследник, как признавали все, даже потомственные министры. Чжао *всегда* уважал меня, он даже как-то раз — и этого не стоит забывать — в частной беседе признал, что у меня больше прав на престол, так как мой титул, полученный от моей матери из династии Шэ, — древнейший в Срединном Царстве.

К тому времени я уже знал, что мой хозяин сам придумал не только эту династию, но и саму страну. В действительности он был сыном не то третьей жены, не то первой наложницы старого луского гуна, никто точно не знает. Но все признают, что он имел полное право на титул хоу, если бы не предпочел стать самопровозглашенным правителем несуществующей страны.

Мой фантастический хозяин взглянул на холм, где среди тысяч тоненьких белых костей лежало с полдюжины иссиня-серых младенцев. В ярком зимнем небе лениво парили стервятники. Я подумал о смерти и умирающих в Бактре и произнес про себя молитву о них.

— Банальные вещи могут привести к большим катастрофам.

Шэ-гун промолчал. Я внимательно слушал. В Срединном Царстве никогда не знаешь, что — пословица, а что — бессмыслица. Для иностранного уха в них таится опасное сходство.

— Да, — продолжил Шэ-гун, поправляя нефритовые, золотые и слоновой кости украшения на поясе, — петушиный

бой изменил историю Лу. Петушиный бой! Небеса не перестают смеяться над нами. Один нань из клана Цзи приобрел боевого петуха. Представитель правящей фамилии приобрел другого. За Высокими Южными Воротами столицы состоялся бой. О, что за трагический день! Я там был. Я знаю. Конечно, я был очень молод, совсем мальчишка.

Позже я узнал, что Шэ-гун не был на знаменательном петушином бое. Но поскольку он так часто говорил о своем присутствии, то, несомненно, и сам поверил в свою выдумку. Мне понадобилось прожить немало лет, чтобы освоиться с людьми, лгущими без всякой цели. Поскольку персы не должны никогда лгать, они и не лгут — как правило. Перед сокрытием правды у нас прирожденный страх, восходящий к Мудрому Господу. У греков такого чувства нет, и они лгут вдохновенно. Китайцы лгут при случае. Большинство евнухов и Шэ-гун лгут для своего удовольствия. Но я несправедлив к Шэ-гуну. В нем так перемешались правда и выдумки, что я уверен: он сам уже не мог отличить одно от другого и жил в придуманном мире под прямым или острым углом к неизменному, как сказал бы Пифагор.

— Цзи-нань намазал шпоры своего петуха несильным, но быстро действующим ядом. После недолгой схватки петух правителя упал замертво. Не стоит и говорить, что в тот день за Высокими Южными Воротами царили распри. Там собралось полгорода, в том числе и сам правитель Чжао. Клан Цзи ликовал. Семейство правителя — нет. Пока Цзи-нань собирал кошельки с деньгами, произошло немало стычек. Коварный Цзи-нань на ночь удалился к себе во дворец. На следующее утро перед дворцом собралась толпа. За ночь яд был выявлен. Взбешенный правитель лично прибыл со своей гвардией и приказал арестовать преступника. Но, переодевшись слугой, тот ускользнул и бежал на север в Ци. Чжао-гун бросился в погоню. Тогда... — Мой хозяин вдруг с торжественным и напыщенным видом сел на пень. — Скверные времена для Срединного Царства. — Он понизил голос, словно кто-то мог нас подслушать, хотя рядом никого не было. — Клан Цзи пришел на помощь своему родственнику. А с ним кланы Мэн и Шу. Эти три фамилии незаконно правят Лу. На Желтой реке их войска напали на моего брата. Да, на волею небес властителя Лу, потомка Желтого Императора, потомка Даяня из династии Чжоу напали его собственные рабы и вынудили переплыть реку и искать убежища в земле Ци. И хотя Чжао-гун был всегда добр к тамошнему правителю, тот не помог ему вернуть законное

место. Клан Цзи слишком могуществен, их личное войско самое большое в Срединном Царстве, и Цзи хозяйничают во всем Лу. И мало того — о, я с содроганием произношу эти слова! — глава фамилии *неоднократно надевал высочайшие знаки отличия*. Кошунство! Кошунство! Небеса должны были сразу вынести свой приговор. Но небеса молчали. И мой несчастный брат умер в изгнании.

Шэ-гун потянулся рукавом к глазам, но стая черных птиц отвлекла его внимание. Он следил за их кружением, ища знамения, однако если и нашел, то ничего не сказал. Но его улыбку я принял за благоприятное знамение — для себя.

— И кто наследовал вашему брату, почтенный Шэ-гун?

— Наш младший брат, великодушный. Потом он умер, и ему наследовал его сын, мой милый племянник Ай-гун.

— А как же Цзи?

— Теперь они во всем слушаются своего правителя. А как же? Иначе они бы нарушили волю небес. Вы увидите, как раболепствуют эти Цзи перед наследником славного Даня.

Моя душа пела. Мы едем в Лу!

Когда мы выехали из Лояна, стояла весна. Только что зацвел миндаль, и поля меняли цвет с грязного красно-коричневого на желто-зеленый. Вокруг цвел кизил, словно на землю упали розовые облака. Когда распускаются первые листья, все кажется возможным. Для меня весна — лучшее время года.

Мы ехали по суше. Пару раз Шэ-гун попытался было спуститься по реке на барже, но течение было слишком бурным. Кстати, на баржах здесь не только спускаются вниз по течению, но и поднимаются по нему вверх. Для этого веревку с баржи цепляют за бычью упряжку, и быки тянут ее за собой вдоль берега. Они идут по специальной дорожке, вырубленной в мягком камне. Таким образом, в любое время года можно преодолевать даже узкие горловины. Но не весной, когда неожиданные разливы делают подобное путешествие небезопасным.

Сельские пейзажи меня очаровали. Тучные земли, колдовские роши, и прекраснее всего — сопровождающая нас серебрящаяся река. Ночью ее мягкое журчание вплеталось в приятные, спокойные сны.

Порой дорога подходила к самому берегу. Причудливой формы острова, казалось, были разбросаны в серебряной воде каким-то божеством или демоном. Многие напомина-



ли миниатюрные известняковые горы, покрытые соснами и кипарисами. На каждом острове есть хотя бы один небольшой храм местному божеству. Некоторые храмы очень красивы со своими изразцовыми крышами, другие построены грубо — как говорят, еще во времена Желтого Императора.

Среди желто-зеленой бамбуковой рощи эконоом Шэ-гуна издал страшный вопль:

— Мой господин! Дракон!

С мечом в руке Шэ-гун спрыгнул на землю и занял боевую позицию за задним колесом своего фургона. Все остальные скрылись в роще, кроме дюжины ши, набранных в Лояне сопровождать нас. Они обнажили мечи. Меня охватила тревога, но и разбирало любопытство.

Шэ-гун приняохался.

— Да, — шепнул он, — он где-то рядом! Очень старый. Очень злой. За мной!

И Шэ-гун бросился в бамбуковую рощу. Молодые побеги гнулись перед ним, как от небесного ветра. Затем мы потеряли его из виду, но неожиданно прозвучал пронзительный крик:

— Смерть!

Затем послышался шум и хруст, будто какой-то огромный зверь удирал от нас сквозь чащу. Через мгновение Шэ-гун уже стоял перед нами, его бледное лицо раскраснелось от пота.

— Убежал, какая жалость! Будь я верхом, получил бы уже его голову. — Шэ-гун вытер лицо рукавом. — Конечно, они все меня знают, и от этого завалить их еще труднее.

— Но это же всего лишь звери, — сказал я. — Как они могут знать репутацию человека?

— А как ваша собака узнает вас? Это ведь тоже зверь, не правда ли? А драконы — это особый класс. Не люди и не звери, нечто особенное. К тому же они живут практически повсюду. Говорят, среди них есть ровесники Желтого Императора. И они знают своего врага, как вы сами только что видели. Один взгляд на меня — и дракон в страхе бежал.

Позже один из ши рассказал мне, что видел этого так называемого дракона, который оказался водяным буйволом.

— Я стоял рядом с эконоомом на первом фургоне. То ли эконоом слепой, то ли он нарочно прикинулся, что видит дракона.

И молодой ши рассказал мне про Шэ-гуна смешную ис-

торию. Причем столь забавную, что до отъезда из Китая я слышал не менее дюжины ее версий.

— Как вы знаете, у Шэ-гуна страсть не только к драконьей кости, но и к самим драконам.

— О да! — ответил я. — Он убил их множество.

Молодой рыцарь улыбнулся:

— Так он говорит. Но в Срединном Царстве драконов осталось совсем мало, если остались вообще, — не считая тех, что обитают в голове Шэ-гуна.

Я удивился. В конце концов, драконы водятся почти во всех странах, и есть много внушающих доверие свидетелей, описавших встречи с этими чудовищами. Когда я был еще мальчиком, в Бактрии ходила слава об одном драконе. Он ел детей и коз. Потом он умер или куда-то делся.

— Но если их так мало, — возразил я, — как вы объясните такое количество драконьей кости, которую Шэ-гун собрал, в частности, на западе?

— Это старые, старые кости. Давным-давно меж четырех морей водились, должно быть, миллионы драконов, но это было во времена Желтого Императора. Кости, которые находят сейчас, так стары, что окаменели. Но ваш Шэ-гун, как известно, помешался на живых драконах.

— Вряд ли он помешанный. Он сделал неплохое состояние на торговле драконьей костью.

— Несомненно. Но его страсть к живым драконам — совсем другое дело. Несколько лет назад он ездил в Чу — дикую южную страну на реке Янцзы, где, кажется, еще можно встретить драконов. Естественно, прошел слух, что в столицу приехал знаменитый любитель драконов и остановился на третьем этаже маленького постоялого двора.

Однажды утром, на рассвете, Шэ-гуна разбудил толчок. Чувствуя, что за ним наблюдают, Шэ-гун встал, подошел к окну, открыл ставни и увидел дружелюбно оскалившегося дракона. Шэ-гун в ужасе сбежал вниз по лестнице и в главном зале споткнулся обо что-то вроде свернутого ковра. Это был хвост дракона — дракон приветствовал Шэ-гуна, хлопывая хвостом по полу. Наш Шэ-гун грохнулся в обморок. И это, насколько известно, была самая близкая встреча Шэ-гуна с живым драконом.

Я не посмел спросить Шэ-гуна об этой истории, но он сам упомянул о ней в первый же день по прибытии в Цюй-фу.

Столица Лу очень похожа на Лоян, но значительно древнее. Улицы там пересекаются под прямым углом, что харак-

терно для городов, основанных династией Чжоу. Но между четырьмя прямыми проспектами вьется бесконечное множество таких узеньких улочек, что два человека не могут разойтись, не прижавшись к стенам, рискуя при этом вымазаться содержимым ночных горшков. И все же запахи в китайских городах более-менее сносны, поскольку у каждого перекрестка на жаровнях готовят острую пищу, а в частных домах, как и в общественных заведениях, жгут ароматическое дерево.

От самих людей пахнет необычно, но я бы не сказал, что неприятно, — я об этом уже упоминал. В китайской толпе пахнет скорее апельсинами, чем потом. Не знаю почему. Возможно, их желтая кожа имеет что-то общее с этим запахом. Определенно, апельсинов они едят мало и моются куда реже персов, чей пот тем не менее пахнет гораздо резче. Но, конечно, ничто не сравнится с ароматом шерстяных подштанников, которые афинская молодежь надевает осенью и не меняет до следующей осени. Демокрит говорит, что юноши высшего сословия моются в гимназиях. Он говорит, что они не только умащают кожу маслом, чтобы она лоснилась, но и моются водой. Так почему же они, вымывшись, снова надевают эти вонючие шерстяные подштанники?! В таких вопросах, Демокрит, не спорь с оставшимися у слепого чувствами.

Дворец правителя смахивает на дворец Сына Неба — то есть он старый и ветхий, а знамена перед его главным входом рваные и пыльные.

— Правитель в отъезде. — Мой хозяин читал по знаменам с той же легкостью, как я читаю — читал — аккадские письма. — Что ж, доложимся распорядителю двора.

Я с удивлением обнаружил, что вестибюль дворца пуст, если не считать двух сонных стражников у дверей во внутренний двор. Вопреки уверенности моего хозяина в обратном, властитель Лу был так же безвластен, как и так называемый Сын Неба. Но правитель Чжоу играет хоть и символическую, но некую роль, и в его доме в Лояне вечно толпятся паломники со всего Срединного Царства. То, что обладание небесным правом — пустая фикция, простой народ не отпугивало. Они продолжали приходить и глазеть на одинокого, получали его благословение, предлагали ему свои деньги или добро. Жаль, что правитель Чжоу живет целиком на сборы верующих. А луский гун, хотя и богаче своего родственника в Лояне, близко не сравнится с любой из трех правящих в Лу фамилий.

Пока мы ждали распорядителя, Шэ-гун рассказал мне свою версию истории с драконом. Во многом она совпала с той, что я слышал, только главным действующим лицом выступал не сам герцог, а много о себе возомнивший придворный, и мораль заключалась в следующем: «Избегайте ложной восторженности. Выражая свою любовь к тому, чего на самом деле не знал, глупец был напуган до смерти. Во всем нужно быть преданным правде».

Возможно, рассказ Шэ-гуна был слишком назидателен, но я не встречал вдохновенного лжеца, который бы не воспевал добродетель правдолюбия.

Распорядитель двора приветствовал со всем почтением, удостоив меня вежливо удивленным взглядом. После приветствий он сообщил, что Ай-гун на юге.

— Но мы ждем его с минуты на минуту. Гонцы вчера разыскали его. Можете себе представить, почтенный Шэ-гун, как мы обезумели от горя!

— Из-за того, что мой прославленный племянник отправился на охоту?

Шэ-гун приподнял одну бровь в знак того, что требуется дополнительная информация.

— Я думал, вы знаете. Уже три дня, как у нас война. И если не доложить предкам о состоянии дел, мы проиграли. О, ужасный день, мой господин! Как видите, Лу в хаосе.

Я подумал о мирных будничных толпах, только что увиденных на улицах столицы. Очевидно, хаос — вещь относительная в Срединном Царстве, и, как я уже упоминал, китайское слово, означающее хаос, означает также и небеса — и мироздание тоже.

— Мы ничего не слышали. С кем война?

— С Ци.

Когда в Китае говорят о гегемонии, — а когда о ней не говорят? — эта страна, расположенная к северу от Желтой реки, всегда рассматривается как наиболее вероятный претендент на небесное право. Началось богатство Ци с поваренной соли, и сегодня это, несомненно, самое передовое из китайских государств. Кстати, первые китайские монеты были отчеканены там же, что делает Ци чем-то вроде Восточной Лидии.

— Войско Ци у Каменных Ворот. — Это граница между Ци и Лу. — Наши войска, конечно, в боевой готовности. Но победы не может быть, пока правитель не придет в храм предков и не доложит сначала Желтому Императору, а по-

том нашему основателю Даню. Пока он не доложит, мы не получим благословения.

— Вы посоветовались с панцирем черепахи?

— Панцирь приготовлен. Но только правитель может толковать послание небес.

В момент кризиса в любом из китайских царств внешнюю сторону черепашьего панциря заливают кровью. Затем главный авгур берет раскаленный бронзовый прут и протыкает им панцирь так, что на окровавленной поверхности появляется рисунок из трещин. Теоретически только император может толковать это послание небес. В действительности же лишь главный авгур знает, как толковать получившуюся фигуру, — это еще более сложная процедура, чем традиционное в Среднем Царстве гадание, когда раскидывают палочки из тысячелистника. Наугад бросают пять палочек, толкование их положения относительно друг друга ищут в древнем тексте так называемой Книги Перемен. Итоговый комментарий сродни тому, что дает пифия в Дельфах, с единственной разницей, что книга не требует золота за свои пророчества.

Распорядитель заверил нас, что как только Ай-гун выполнит ритуальные обязанности, он сразу примет своего дядю. Хотя дядя прозрачно намекнул, что приглашение остаться во дворце не будет им категорически отвергнуто, распорядитель предпочел этого не понять. Шэ-гун ретировался в дурном расположении духа.

Мы пошли за рыночную площадь, где экономайстер Шэ-гуна уже вел переговоры с продавцами драконовой кости. Сам не знаю, почему я так полюбил китайские рынки. В конце концов, рынок везде рынок. Но у китайцев воображение богаче, чем у остальных. Снедь здесь напоминает изощренные картины или скульптуры, а разнообразие товаров бесконечно: корзины из Цинь, ткани из Чжэн, шелковые нитки из Ци — десять тысяч наименований.

Шэ-гун был слишком важной персоной, чтобы говорить с торговцами, но он произвел полагающиеся традиционные жесты в ответ на их поклоны.

— Я понял, нам нужно было ехать на юг, — тем временем еле слышно говорил он. — Если это настоящая война, мы влипли. И хуже того, мой племянник будет слишком занят, чтобы должным образом принять меня. Не будет официального приема, знаков уважения, места для жилья.

Больше всего его беспокоило последнее. Шэ-гун не терпел платить за постой — как, впрочем, и за все остальное.

Я заметил, что народу на рынке нет никакого дела до войны.

— Почему они ничуть не взволнованы? — спросил я своего хозяина, когда мы прокладывали себе путь через толпу, а все вокруг цвело яркими красками под низким небом.

Почему-то китайское небо кажется ближе к земле, чем всякое другое. Без сомнения, оно наблюдает за правителями, решая, кого наградить небесным правом.

— А с чего бы? — сказал Шэ-гун. — Ци и Лу все время в состоянии войны. Для правителя и двора, конечно, страшное неудобство, но простой народ это мало волнует.

— Но ведь их могут убить, город могут сжечь...

— О, таких вещей у нас не бывает. Это не Цинь, где война — кровавое дело: ведь там волки, а не люди. Нет, мы не такие, мы люди культурные. Два войска встретятся у Каменных Ворот — как обычно; одна-две небольшие стычки, несколько сот убитых и раненых. Будут захвачены пленные для обмена и выкупа. Потом заключат договор. Наш народ любит договоры. В настоящее время между странами Срединного Царства заключено десять тысяч договоров, а поскольку каждый договор непременно нарушается, то вместо него заключается новый.

В действительности дела в Срединном Царстве обстоят не так плохо и не так хорошо, как уверял меня Шэ-гун. За шестьдесят лет до того главный министр слабого государства Сун устроил мирную конференцию. В итоге было заключено перемирие и в Срединном Царстве десять лет длился мир. Десять лет — очень долгий срок для человеческой истории. Хотя в последнее время и было множество малых войн, никто не решался совсем уж нахально нарушить принципы Сунского договора, и этим объясняется, почему ни один из правителей не счел для себя момент благоприятным, чтобы бороться за гегемонию.

Шэ-гун предложил зайти в огромный храм.

— Уверен, там вы увидите, как клан Ци чинит свои обычные святотатства. Только законный наследник Даньгуна может говорить с небесами. Но семейство Ци делает все, что им вздумается, и глава фамилии, Кан, любит вообразать себя гуном.

Великий храм Даньгуна впечатляет, как и Лоянский, но он гораздо древнее. Дань-гун основал Лу шесть веков назад.

Вскоре после его смерти в память о нем воздвигли этот храм. Конечно, о действительном возрасте любой постройки повсюду и всегда можно поспорить. Поскольку большинство китайских храмов деревянные, я почти уверен, что даже самые древние храмы воссозданы, как феникс, по давно утраченным оригиналам. Но китайцы настаивают — как и вавилоняне, — что раз они всегда тщательно копировали первоначальную постройку, то ничего на самом деле не изменилось.

Перед самым храмом выстроилась в боевом порядке тысяча пеших воинов. На них были кожаные панцири, через плечо — вязовые луки, на поясе — длинные мечи. Воинов окружали дети, уличные женщины, торговцы снедью. В дальнем конце площади на алтаре жарились жертвенные животные. Настроение царило скорее праздничное, чем боевое.

Шэ-гун спросил стражника в дверях храма, что происходит, и тот ответил, что Кан обращается к небесам. Шэ-гун вернулся ко мне по-настоящему опечаленным.

— Это действительно страшно. И кощунственно. Он не гун.

Мне было любопытно узнать, что происходит внутри храма, и мой хозяин постарался объяснить:

— Лжегун говорит предкам, которые не его предки, что на страну напали враги. Он говорит, что, если небеса и все праотцы с улыбкой взирают на него, он остановит врага у Каменных Ворот. И тем временем предлагает предкам все обычные жертвы, молитвы, музыку. Потом командующий войсками подстрижет ногти, и...

— Что-что? Что он сделает?

Шэ-гун с удивлением взглянул на меня:

— Разве ваши полководцы не подстригают ногти перед боем?

— Нет. Зачем?

— Затем, что, когда умирает кто-то из наших знакомых, мы перед похоронами подстригаем ногти, в знак уважения. Поскольку на войне люди погибают, командующий заблаговременно готовится к похоронам, надев траур и подстригая ногти. Затем он ведет войско через предвещающие несчастье ворота — здесь это Низкие Северные Ворота — и выходит на поле боя.

— Я думал, командующий хочет иметь дело только со счастливыми знаменами.

— Да, — сказал Шэ-гун несколько раздраженно. Как и

большинство людей, любящих объяснять, он не любил, когда его спрашивают. — Мы выходим через противоположные, в соответствии с небесным обычаем. Выходим через несчастливые, чтобы вернуться через счастливые.

За время своих путешествий я понял, что большинство религиозных воззрений кажутся бессмысленными, если ты не посвящен во внутренние таинства культуры.

— Он также обращает тринадцать молитв к числу тринадцать.

— Почему именно тринадцать?

Шэ-гун купил у уличного торговца маленькую жареную ящерицу и не предложил мне ни кусочка, что я счел плохим знамением, а он, без сомнения, хорошим.

— Тринадцать, — сказал Шэ-гун с набитым ртом, — знаменательное число, поскольку тело имеет девять отверстий, — я вспомнил, как отвратительно их описывал Шари-путра, — и четыре конечности. Девять и четыре — тринадцать — символизирует человека. После славословия числу тринадцать полководец вознесет молитву, чтобы этот человек был избавлен от точек смерти. Точка смерти, — поспешно проговорил он, пока я не задал вопроса, — это та часть тела, которая менее всего защищена небесами и поэтому наиболее восприимчива к смерти. Несколько лет назад мне сказали, где находится моя точка смерти, и я тщательно оберегаю ее от чужих глаз. По сути дела...

Но я уже не слушал. В этот момент бронзовые двери храма распахнулись, нефритовые палочки ударили в барабаны, нестройно зазвенели колокола, воины замахали яркими шелковыми знаменами. Все взоры обратились к выходу из храма, где стоял потомственный диктатор Лу.

Кан-нань был маленький толстый человечек с гладким, как яичная скорлупа, лицом. Он был одет в траур. Кан-нань торжественно повернулся к нам спиной и троекратно поклонился предкам внутри храма. Затем оттуда вышел высокий внушительного вида мужчина, тоже в трауре.

— Это Жань Цю, — сказал Шэ-гун, — управляющий клана Цзи. Он поведет войско к Каменным Воротам.

— А войска Лу не существует?

— Существует. Войско Цзи.

Как и у большинства китайцев, у Шэ-гуна не было понятия о национальной армии. Там почти во всех странах каждый клан имеет свои войска. Поскольку у самого могущественного клана самое большое войско, он и пользуется



наибольшей властью в государстве. Единственное исключение представляет собой Цинь, где Хуань-нань умудрился свести в одно войско не только дружины своих собратьев-аристократов, но и вообще всё население, способное носить оружие. Получившееся военное государство спартанского типа выделяется среди всего Срединного Царства.

— И кто победит? — спросил я.

— Ци богаче и сильнее Лу. Но Лу отличается святостью и древностью. Все доброе и хорошее народ Срединного Царства связывает с основателем этого города Дань-гуном.

— Но чтобы выиграть войну, вряд ли достаточно быть мудрым, добрым и древним.

— Несомненно достаточно. Такие вопросы решают небеса, а не люди. Если их оставить людям, циньские волки поработят нас всех. Но небеса держат волков в немилости. Подозреваю, война будет недолгой. Ци не посмеет нарушить мировое равновесие, захватив Лу, даже если бы могло, что сомнительно. Жань Цю — прекрасный полководец. И истинный последователь Конфуция. Он даже был вместе с ним в изгнании. Но семь лет назад Конфуций сказал, что его долг быть здесь, и с тех пор Жань Цю служит управляющим у Ци. По-моему, у него немало достоинств, хоть он и не родовит. И поэтому я *всегда* с ним вежлив. — (Шэ-гун выразил ему высшее признание).

Диктатор обнял своего полководца. Затем каждому воину была предложена священная плоть. Когда все проглотили по куску жареного жертвенного мяса, Жань Цю выкрикнул команду, которой я не понял, и с другой стороны площади к нам прогрохотала колесница с двумя воинами.

Излишне говорить, Шэ-гун узнал офицера в колеснице. Он всегда говорил, что никто в Срединном Царстве не имеет столько знакомств.

— Это заместитель командующего. Тоже ученик Конфуция. По сути, у клана Ци всем управляют ставленники Конфуция, вот почему Кан-нань вызвал его после всех этих лет. — Шэ-гун посмотрел на заместителя командующего, который отсалютовал диктатору. — Не могу вспомнить его имя. Но это опасный человек. Я как-то слышал его слова, что никто из нас не должен жить за счет других. Я был ошеломлен. Рад сообщить, что и Конфуций тоже. Помню его ответ, я процитирую часть: «Ты должен делать то, что тебе надлежит на твоём месте в жизни, как и простой народ должен делать то, что надлежит ему. Если ты мудр и справедлив, люди со своими младенцами за спиной будут смотреть

на тебя. Поэтому не трать понапрасну времени, взрашивая собственный рис. Оставь это крестьянам». Конфуций также сделал одно очень верное замечание...

Но я уже не слушал. Я узнал заместителя командующего. Это был Фань Чи. Я быстро соображал. Бежать к нему? Или подождать, когда он вернется с войны? А если его убьют? Тогда остаток жизни я проведу невольником сумасшедшего гуна святых земель. За время пребывания в Лояне я понял, что Шэ-гун слишком легкомысленный человек, чтобы предпринять далекое и опасное путешествие в Магадху. Я останусь его рабом на всю оставшуюся жизнь, следуя за ним с места на место, как ручная обезьянка, чтобы он выставлял меня перед знакомыми, показывая китайцам, как появляется и исчезает краснота. Между такой жизнью и смертью я выбрал смерть — или побег и на забитой людьми площади перед великим храмом Лу принял решение.

Я протолкался сквозь толпу, нырнул за шеренгу воинов, подбежал к Фань Чи и уже собирался заговорить, когда двое телохранителей Цзи схватили меня за руки. Я был всего в нескольких шагах от Кан-наня, чье лицо оставалось непроницаемо. Жань Цю нахмурился. Фань Чи хлопал глазами.

— Фань Чи! — крикнул я.

Мой старый друг отвернулся. Я был в ужасе. По китайскому закону теперь я считался беглым рабом. Меня могли казнить. Когда стражники поволокли меня прочь, я крикнул по-персидски:

— Так-то вы обращаетесь с посланцем Великого Царя?

Фань Чи резко обернулся, мгновение смотрел на меня, а потом сказал что-то Жань Цю. Тот сделал знак стражникам, и меня отпустили. По-китайски раболепно я приблизился к Фань Чи. Никогда больше я так не боялся, разве что когда мальчиком полз по ковру царицы Атоссы.

Фань Чи спустился с колесницы, и мое замершее сердце вновь начало биться. Он обнял меня и шепнул на ухо:

— Как? Что? Короче.

— Захвачен в Цинь. Теперь раб Шэ-гун. Вы получили мое письмо?

— Нет.

Фань Чи разжал объятия и, подойдя к Кан-наню, поклонился. Они обменялись несколькими словами. Хотя яйцеподобное лицо диктатора не выдало никаких чувств, он еле заметно кивнул. Затем Фань Чи снова поднялся на колесницу, а Жань Цю оседлал вороного жеребца. Прозвучала команда.

Полубегом воины Цзи пересекли площадь в направлении предвещающих несчастье Низких Северных Ворот.

Диктатор взглядом проводил свое войско. Я не знал, что делать, и боялся, что обо мне забыли. Когда последний воин покинул площадь, ко мне приблизился Шэ-гун.

— Что за выходка! — прошипел он. — Это унинительно! Вы ведете себя, как варвар. Пойдем. Сейчас же! — И он потянул меня за руку.

Но я стоял, словно ноги мои пригвоздили к утопанной красной земле.

Диктатор вдруг взглянул на нас. Шэ-гун тут же вспомнил о своих манерах.

— Дорогой Кан-нань, какая радость видеть вас в этот день среди дней! Когда в воздухе носится победа во имя моего любимого племянника.

Китайские манеры можно назвать какими угодно, но грубость в них совершенно исключена. Хотя мой хозяин был всего лишь обедневшим попрошайкой, при всяком китайском дворе его принимали как гуна, и хотя в Срединном Царстве вряд ли найдется правитель, которого не презирали бы потомственные министры, но и публично, и частным образом с каждым из них обращаются, как с персоной, «освященной небесами», истинным потомком Желтого Императора.

Кан-нань проделал минимальный набор движений и жестов, полагавшихся низшему по титулу — пусть даже фактически главному государству — в присутствии гуна. Когда Кан-нань наконец заговорил, его голос оказался таким же невыразительным, как и лицо.

— Ваш племянник, чьим рабом я являюсь, будет здесь до заката. Полагаю, вы остановитесь у него.

— В действительности я в этом не уверен. Я только что говорил с распорядителем двора. Он, кажется, очень взволнован, и я его понимаю. В конце концов, сегодня день черпахи — такое случается нечасто. Правда, и визит дяди тоже случается не каждый день, не правда ли, Кан?

— Кажется, небеса балуют нас, гун. Добро пожаловать в мою гостеприимную скромную хижину.

— Очень любезно с вашей стороны, Кан. Я сам разыщу вашего эконома. Не отговаривайте меня. Я справлюсь. — Шэ-гун повернулся ко мне: — Пойдем!

Я взглянул на диктатора Кана. Он смотрел мимо меня на Шэ-гуна.

— Ваш раб останется у меня.

— Вы очень любезны! Естественно, я надеялся, что вы позволите ему спать во дворце, но не собирался настаивать на этом.

— Он будет жить во дворце. Моим гостем.

Так я получил свободу. Шэ-гун был взбешен, но ничего не мог поделать. Кан был диктатор, и с этим приходилось считаться.

Почтительный помощник управляющего отвел мне комнату во дворце и сказал:

— Господин примет вас вечером после гадания на черепахе.

— Я раб? — поспешил уточнить я.

— Нет. Вы уважаемый гость господина. Вы можете приходить и уходить, когда вам вздумается, но поскольку Шэ-гун может попытаться заполучить вас обратно...

— Я не буду ни приходить, ни уходить и останусь прямо здесь, если можно.

Уже за полночь диктатор вызвал меня. Насколько я мог судить, он принял меня сердечно, хотя ни лицо, ни тело не выражали ни малейших эмоций. Когда я закончил серию полагающихся поклонов, подергиваний и движений руками, он жестом предложил мне сесть на коврик справа от себя. За перьевого ширмой две женщины наигрывали печальную мелодию. Я принял их за наложниц. Комнату освещала единственная бронзовая лампа, наполненная так называемым благовонным орхидеевым маслом.

— Как видите, я отвел вам почетное место справа от себя, — сказал Кан-нань.

Я склонил голову, но про себя недоумевал: в Срединном Царстве почетным считалось место слева от хозяина.

Кан-нань угадал мои мысли:

— В мирное время почетное место слева. Во время войны оно — справа. У нас война, Кир Спитама. — Он без труда выговорил необычное для себя имя. Позже я слышал, что у него лучшая в Китае память. — Вы больше не раб.

— Благодарю вас, почтенный... — начал я.

Грациозным взмахом руки он прервал меня:

— Фань Чи говорит, что вы родственник Великого Царя по ту сторону западной пустыни. Он также говорит, что вы друзья. И поэтому мы не можем сделать для вас меньше, чем вы сделали для нашего друга и родственника.

Глаза мне заволокли слезы. Я был переполнен впечатлениями, если не сказать больше.

— Я навек благодарен...

— Да, да. В этом отношении, как хозяин, я всего лишь следую мудрости Конфуция.

— Я слышал похвалы этому божественному мудрецу, куда бы ни поехал. Им восхищаются почти так же, как вами...

Кан-нань позволил мне льстить ему так долго, что даже я понял, какой искусной работы была та маска невозмутимости, что он постоянно носил на своем лице. Как и большинство владык, Кан-нань не мог насытиться похвалами и нашел во мне панегириста, превосходящего любого из когда-либо встреченных меж китайских четырех морей. Я доставил ему такое удовольствие, что он велел немедленно принести вина из перебродивших слив. Пока мы пили, Кан-нань задал мне бесчисленное множество вопросов о Персии, Магадхе, Вавилоне. Его пленили мои описания придворной жизни в Сузах. Он хотел знать в подробностях, как управляют сатрапиями. Его привели в восторг мои знания по выплавке железа, и он надеялся, что я научу его металлургов. Кан-нань просил описать персидские боевые колесницы, доспехи, оружие.

Вдруг он прервался и стал извиняться:

— Не к лицу двум культурным людям говорить так много о войне — ремесле, более подобающем мужланам.

— Но в данных обстоятельствах вполне понятно ваше стремление к такой беседе, почтенный повелитель. Ваша страна ведет войну.

— Тем более я должен направить мысли на вещи действительно важные. Например, как принести государству хотя бы день совершенного мира. Если такое когда-нибудь случится, сладкая роса со вкусом меда падет на землю.

— Случалось ли такое когда-нибудь, почтенный повелитель?

— Все когда-нибудь случалось. И все когда-нибудь случится. — Я верю, что именно так он сказал. В языке без времен никогда нельзя знать наверняка. — Надолго ли вы почтили нас своим присутствием?

— Я бы хотел как можно скорее вернуться в Персию. Естественно... — Я не закончил предложение, которое мог закончить только он.

— Естественно, — повторил Кан-нань, но не стал продолжать тему. — Вчера вечером при дворе я виделся с Шэ-

гуном. — Что-то вроде улыбки изменило нижнюю часть яйца. — Он очень расстроен. Он говорит, что вы не только его раб, но и друг. Он спас вас от двуногих волков и надеялся поехать с вами в Магадху, где царствует ваш тесть. Он надеялся, что вместе как партнеры вы смогли бы открыть постоянный торговый путь между Чампой и Раджагрихой.

— Он собирался получить за меня выкуп. О торговом пути речи не было.

Кан-нань дружелюбно кивнул.

— Да, — сказал он *неофициально*.

Надо заметить, в китайском языке существуют два разных «да»: одно официальное, другое — нет. Я счел хорошим знаком, что для меня он выбрал неофициальное.

— Меня очень интересует царь Аджаташатру. В начале своего царствования он написал Сыну Неба в Лоян. Копии его письма были разосланы всем гунам. Ваш грозный тесть говорил, что хочет торговать с нами. Думаю, он не изменил своих решений.

— О да. В общем-то, он и раньше надеялся, что я смогу оказаться звеном...

Я сам не верил в то, что говорил. Очевидно, слишком долгое и близкое знакомство с Шэ-гуном привило и мне любовь к фантазиям; кроме того, сливовое вино оказалось неожиданно крепким и путало мысли. Я пространно рассказал о своей миссии объединить в один мир Персию, Индию и Китай. Я подробно описал круговой караванный путь из Суз через Бактрию в Цинь, оттуда в Лу, Чампу, через Шравасты в Таксилу и обратно в Сузы. Во всем этом не было ни капли смысла. Но Кан-нань сохранял вежливость. В отличие от большинства владык он умел слушать внимательно. В своей невыразительной манере Кан-нань делал быстрые выводы во время медленных речей. Он всегда быстро улавливал невысказанные важные слова и прозвучавшие фальшивые ноты. Со временем я стал восхищаться этим человеком и даже по-своему полюбил. Но меня никогда не покидал страх перед ним.

Когда я наконец иссяк, к собственному облегчению, Кан-нань вежливо сказал, что описанный мною торговый путь является и его мечтой. В конце концов, это было мечтой многих путешественников на протяжении веков. По его собственным словам, Кан-нань мало знал о Персии и западе, но имел некоторые представления о государствах Ганг-

ской равнины. Затем он весьма подробно описал их и закончил словами:

— Аджаташатру теперь вселенский монарх. Он разгромил Кошалу. Кроме нескольких горных республик, он обладает гегемонией... — последовала пауза, после чего Кан-нань закончил: — ...над всей Индией.

— Аджаташатру поистине чудесный воитель и справедливый правитель!

Сливовое вино вызвало многочисленные эпитеты, более подходящие быть выбитыми на скале для поучения подданных, чем звучать в беседе с человеком, явившимся, что ни говори, моим освободителем.

— Мне кажется любопытным, — сказал Кан-нань, когда я наконец прекратил свое бормотание, — что Персия и теперь Индия получили по монарху с небесным правом.

— Я думал, небесное право может снизойти только на Сына Неба, господина Срединного Царства.

— Так всегда думали и мы. Но теперь начинаем понимать, как велик мир за четырьмя морями. И я начал подозревать, что мы всего лишь зернышко в огромном амбаре. Как бы то ни было, я счел хорошим знаком, что небесным правом снова кто-то наделен, хотя бы варвары в удаленных странах.

— Возможно, — сказал я слишком смело, — оно достанется правителю Лу.

— Возможно, — сказал Кан-нань и добавил: — Или кому-нибудь еще.

Слуги принесли нам яйца, выдержанные под землей в течение нескольких лет. Мы их ели крохотными ложечками. Яйца имели тонкий привкус плесени. Потом, в Сузах и Галикарнасе, я закопал немало яиц, но они просто протухли. Или китайская земля отличается от нашей, или китайцы знают какой-то секрет.

Мой собеседник следил, чтобы я больше отвечал на вопросы, чем задавал их. Его интерес к западу был неистощим. Кан-нань напоминал мне грека.

Когда я осмелился спросить о вечернем гадании на черепащем панцире, он покачал головой:

— Я не могу обсуждать это. Прошу меня простить. — Но по его тону я понял, что гадание прошло великолепно. — Обычно мы поддерживаем хорошие отношения с Ци. Но когда Ци предоставил убежище Чжао-гуну — боюсь, это не очень хороший человек, — между нашими странами возник-

ли трения. Мы решили, что с их стороны не очень хорошо держать нашего врага в такой близости от Каменных Ворот, где он может восстановить против нас всех недовольных. И мы выразили протест. Но старый властитель Ци был упрямым человеком и любил устраивать всякие неприятности. Поэтому он поощрял претензии нашего бывшего правителя. — Кан-нань тихонько вздохнул и громко рыгнул. — К счастью, Чжао-гун умер естественной смертью. После этого между нашими странами все шло хорошо. Или так нам казалось. Но потом... О, мы живем в интересное время! — Китайцы называют «интересным» то, что греки охарактеризовали бы как «катастрофическое». — Своему брату наследовал Дин-гун, и моему недостойному деду было велено занять пост главного министра — пост, к которому он подходил так же мало (и так же мало желал его), как я. — Китайские владыки любят выражаться, как евнухи при подготовке к набегу на кладовую гарема. — Когда мой дед умер, один из его секретарей, некто по имени Ян Ху, сам стал главным министром. Поскольку он был всего лишь ши, ему этого совсем не полагалось. О, мы были в большом замешательстве!

Кан-нань опустил свою ложечку, и мы вместе прислушались к замысловатым ходам его ума. Затем нам принесли консервированные абрикосы. Из всех китайских фруктов абрикосы самые почитаемые. Я их никогда не любил, но всем видом выражал удовольствие от всего, что мне предлагал диктатор.

Как обычно, истинную причину этого замешательства я узнал не от Кан-наня, а от других. Ян Ху захватил власть и в течение трех лет был абсолютным диктатором. Как и многие незаконные правители, он пользовался среди народа большой популярностью. Он даже пытался заключить союз с гуном против трех фамилий наней.

— Я служу Дин-гуну главным министром, — говорил Ян Ху, — чтобы династия Чжоу могла восстановить свое главенство в Лу. Когда это случится, небесное право снизойдет на нашего владыку, наследника богоподобного Даня.

У Дин-гуна хватило ума держаться подальше от узурпатора. «Подальше» в буквальном смысле: он вечно пропадал на охоте и в столицу приезжал, лишь когда приходилось обращаться к предкам. Должен сказать, я бы на его месте заключил союз с Ян Ху. Вместе они бы разгромили противников. Но Дин-гун был робок и к тому же не имел ни воображения, ни опыта, чтобы почувствовать себя настоящим правителем. Три известные фамилии подавляли семейство



Дин-гуна на протяжении пяти поколений. А тот уезжал на охоту.

В конце концов Ян Ху зарвался. Он попытался убить отца Кана. Но Цзи сплотились вокруг своего вождя, и Ян Ху бежал в Ци, захватив большую часть государственной казны. Правительство Лу потребовало выдать мятежника вместе с украденными сокровищами, и, когда требование осталось без ответа, отношения между Ци и Лу испортились.

Кан-нань заверил меня, что Ян Ху, по его выражению, даже злоумышляет вернуться, чтобы, по выражению узурпатора, создать «Восточное Чжоу» — то есть реставрировать истинного небесного императора. Должно быть, Ян Ху обладал даром убеждения. Определенно этим человеком в Лу многие восхищались, особенно среди тех, кто почитал так называемые старые традиции. Насколько мне известно, он так и не вернулся. Клан Цзи очень могуществен, а Кан-нань — человек умный и волевой, если он еще жив. Когда я встретился с ним, он уже третий год был главным министром. Но даже будучи абсолютным диктатором, он побаивался Ян Ху. Кроме того, он был потрясен недавним мятежом одного из самых способных своих военачальников — коменданта замка Би.

Со времен распада империи Чжоу знать всегда строила себе крепости. Сначала замки предназначались для защиты против грабителей и вражеских войск. Но постепенно, с годами, они стали видимым внешним признаком мощи той или другой семьи. Через браки, предательства, безжалостные бунты каждая семья, даже клан стремятся завладеть как можно большим числом крепостей. С тех пор как клан Цзи стал постоянно контролировать самое большое число укреплений в Лу, он вошел в союз с соперниками из семейств Мэн и Шу и управляет миллионным народом. Само собой, у правителя замков нет. По сути дела, он владеет только дворцом, на содержание которого постоянно не хватает денег. Ян Ху обещал изменить подобное положение вещей и даже говорил о разрушении замков Цзи. Подозреваю, именно угроза крепостям, а не покушение на старого наня, и привела Ян Ху к падению.

Лет за десять-пятнадцать до моего приезда в Лу комендант замка Би поднял мятеж против своих хозяев Цзи. Пять лет он удерживал крепость, но в конце концов ему пришлось сдаться и искать убежища в Ци. Не секрет, что Кан-нань считал коменданта главным подстрекателем войны между Ци и Лу, хотя другие отдавали эту честь Ян Ху. В любом случае, комендант коварно восстал как еще один сто-

ронник правителя. Он тоже хотел создать «Восточное Чжоу».

Кан-нань намекнул на этот мятеж. Как обычно, он изъяснялся более чем туманно:

— Ясно, что небеса желают отказать нам в абсолютно безмятежной жизни. И все же мы ублажаем небеса и выполняем все традиционные ритуалы. К несчастью, у нас есть недоброжелатели на севере... — Кан-нань помолчал, желая удостовериться, понял ли я двусмысленность. Я понял. Ци к северу от Лу, а слова «на севере» также означают «небесный император». — Вижу, вы знаете наши обычаи. Конечно, я подразумевал Ци, где укрывают наших врагов. Не пойму зачем. Мы никогда не принимали ни одного противника их правительства. Люди непознаваемы, не правда ли?

Я согласился. Люди действительно всегда казались мне непознаваемыми. Они следят исключительно о своей выгоде. И как они решаются излагать или объяснять, скажем, факт сотворения мира, всегда оставалось для меня загадкой.

Мы сидели в тускло освещенной комнате, в воздухе трепетала нежная музыка — скорее отголоски звуков, чем сами звуки, и я понял, что Кан-нань хочет воспользоваться мной. Диктатор испытывал меня в привычной ему манере — не договаривать до конца. Он как бы раскалял внутренность черепашого панциря, чтобы прочесть таинственные письмена, выступающие на внешней поверхности. Я оставался недвижим, как... как черепаший панцирь.

— Восстановление дома Чжоу — это наша мечта, — сказал диктатор довольно неожиданно.

— В ближайшем будущем?

— Кто знает? В любом случае сначала гегемония, потом право. — Две тонкие параллельные линии вдруг исказили верхнюю часть яичной скорлупы. — Некоторые верят, что процесс можно повернуть вспять. Я так не думаю, но многие мудрые и не очень мудрые люди считают, что можно. Они верят, что если законному правителю дать древнюю светскую власть, за этим последует и небесное право... Эти ложные идеи вдохновляют авантюристов. Вот почему наше войско стоит у Каменных Ворот. С авантюристами справиться нетрудно. — Верхняя часть яйца снова разгладилась. — Мы не боимся предателей. Но боимся — и уважаем — наших божественных мудрецов. Вы знакомы с учением Конфуция?..

— Да, почтенный правитель. Фань Чи мне много рассказывал о нем на западе. И конечно, все образованные люди

спорят о нем. Даже Учитель Ли, — добавил я с улыбкой, уже начав понимать, откуда дует ветер.

— Даже Учитель Ли, — повторил он.

Нижняя часть яйца ненадолго изобразила две морщинки. Диктатор улыбнулся.

— Они не любят друг друга, эти мудрецы, — негромко сказал Кан-нань. — Конфуций возвращается в Лу по моей просьбе. Он не был здесь пятнадцать лет. За это время Конфуций объездил почти все страны меж четырех морей. Ему нравится думать, что мой досточтимый отец, главный министр, изгнал его. Но уверяю вас, это не так. Это Конфуций изгнал нас. Он очень прям. Когда правитель Ци подарил моему отцу несколько религиозных танцовщиц — слова о религиозных танцовщицах смахивали на вавилонское выражение «храмовые проститутки», — Конфуций решил, что отец не должен был принимать дар на том основании, что это неприлично. Он привел традиционный довод: такие танцовщицы ослабляют решительность человека, который ими владеет. Очень вежливо мой отец сказал, что рассматривает подарок как стремление правительства Ци искупить свою вину за укрывательство изменника Ян Ху. Тогда Конфуций отказался от всех должностей. Он был высшим должностным лицом города Чжун-фу, прелестного местечка — вам нужно посетить его, пока вы здесь. Он также помогал надзирать за работами... нет-нет, я ошибся — он получил повышение и стал помощником министра полиции — это очень важная должность, и он исполнял ее весьма компетентно.

Кан-нань говорил, глядя в стену у меня за спиной. Куда дует ветер, не вызывало сомнений. Он знал, что я друг Фань Чи, а Фань Чи был учеником Конфуция, как и управляющий Жань Цю. Я стал связывать все это воедино. И связал.

— Конфуций ездил в Ци? — спросил я.

— Да.

Мы пили сливовое вино, слушали музыку, перекатывали нефритовый шар, чтобы охладить руки.

Я не знал никого ни в одной стране ни в какие времена, кто бы занимал такое место в жизни общества, как Конфуций в Срединном Царстве. Он родился в Лу в семье первого ши. Это означало, что по рангу он идет сразу за государственными министрами. Тем не менее семья Конфуция была небогатой. Говорили, что его отец служил низшим офицером в войске клана Мэн. Как и другие фамилии наней, этот клан руководил школой для сыновей своих сторонников.

Конфуций был самым блестящим учеником из всех, когда-либо учившихся в этой школе. Он изучил *Книгу Песен*, *Книгу Истории*, *Книгу Перемен* и сделался таким знатоком прошлого, что мог принести пользу в настоящем. Как сын первого ши, он также обучался военному делу и, пока возраст не замутил зрения, проявил себя превосходным стрелком из лука.

Женившись в девятнадцать лет, Конфуций, состоя на государственной службе, сам зарабатывал на жизнь себе и своей семье. Кажется, первой его должностью было место чиновника, прикрепленного к государственным амбарам. Вероятно, он аккуратно вел учет, поскольку в свой срок продвигался по служебной лестнице, где высшей ступенью для него как ши являлась та должность, которую он занял в министерстве полиции.

Было бы преуменьшением сказать, что Конфуций не пользовался большой популярностью. По сути дела, его ненавидели и всячески ему вредили не только собратья-чиновники, но и высокие должностные лица. Причина проста: он вечно ворчал и всех изводил своими придирками. Он в точности знал, что и как нужно делать, и не стеснялся выражать свое мнение перед старшими по должности. Тем не менее, при всей своей надоедливости, Конфуций был слишком значительной личностью, чтобы не обращать на него внимания, и потому достиг наибольшего, что возможно в его положении. К пятидесяти шести годам он стал помощником министра полиции, как того и следовало ожидать. В правительстве Конфуций сделал успешную карьеру. Если его и не любили, то вполне почитали. Во всем, что касалось Небесной Империи Чжоу, он пользовался авторитетом. Хотя сам Конфуций ничего не писал, именно он был главным толкователем чжоуских текстов. Говорили, что он столько раз перечитал Книгу Перемен, что ремни, стягивающие бамбуковые страницы, пришлось неоднократно заменять. Конфуций так же изнашивал кожу, как и терпение коллег в администрации Лу.

Примерно в то же время он сделался Учителем. Я так и не выяснил, с чего все началось. Наверное, это произошло постепенно. С годами он становился все умнее и образованнее, и молодые люди задавали ему вопросы о тех или иных предметах. К пятидесяти годам у Конфуция было тридцать или сорок постоянных учеников, молодых рыцарей вроде Фань Чи, которые слушали Учителя часами.

Хотя Конфуций кое в чем схож с теми, кого мы частенько видим в Афинах — а я скорее слышу, чем вижу, — он не

брал с молодежи практически никакой платы и в отличие от твоего друга Сократа, чтобы привести юношей к мудрости, не задавал вопросы, а *отвечал* на них, и многие ответы возникали благодаря его несомненно богатейшей памяти. Он знал все, когда-либо записанное, и помнил всю историю династии Чжоу. Он также знал историю их предшественников Шанов. Хотя многие китайцы считают Конфуция божественным мудрецом — одним из посланных небом Учителей, принесших столько бед, — сам он постоянно и твердо отрицал не только свою божественность, но и мудрость. Тем не менее Конфуций так прославился за пределами Лу, что к нему стали съезжаться люди со всего Срединного Царства. Он всех учтиво принимал, говорил с ними о том, что есть и что должно быть. И вот эти-то разговоры о том, что должно быть, и навлекли на него беду.

Конфуций начинал жизнь в семействе Мэн. Потом он получил должность от семейства Ци. Но несмотря на патронаж семей наней, он никогда не давал им забыть, что они присвоили прерогативы гунов, и хотел исправить положение: во-первых, восстановить чжоуские ритуалы в первоизданной форме и, во-вторых, заставить наней отказаться от власти в пользу законного властителя. После совершения этих двух дел небеса были бы удовлетворены и наградили бы монарха небесным правом.

Такого рода разговоры не вызывали восторга у семей наней. Но семейство Ци все спускало мудрецу и продвигало его учеников. Правда, нельзя сказать, что у него был большой выбор: все конфуцианцы получали у своего ментора прекрасную военную и административную подготовку. В конечном итоге, поскольку Конфуций старался поддерживать мир между странами, нани не выражали своего неудовольствия — по крайней мере открыто.

Конфуция часто посылали на мирные конференции, где он неизменно подавлял остальных участников своей небесной образованностью. Иногда он даже приносил практическую пользу. Но несмотря на годы административной и дипломатической работы, он так и не научился такту. Каннань привел мне вопиющий пример его бестактности:

— Незадолго до своего первого отъезда из Лу Конфуций присутствовал на праздновании в семейном храме наших предков. Увидев, что мой отец нанял шестьдесят четыре танцовщицы, он пришел в ярость и сказал, что, поскольку сам гун при обращении к своим предкам может себе позволить всего восемь танцовщиц, отец не должен использовать

больше шести. О, как Конфуций честил моего отца! И весьма его этим позабавил.

На самом деле в этой истории не было ничего забавного. Конфуций объяснил, что, поскольку нань бесцеремонно захватил монаршие прерогативы, его неизбежно постигнет небесная кара. Когда же нань велел Конфуцию не совать нос не в свое дело, мудрец удалился. Когда он вернулся к себе, некоторые слышали, как он произнес: «Если этого человека можно терпеть, то кого же тогда нельзя?» Должен сказать, мой дед никогда не заходил так далеко.

Конфуций пытался убедить Дин-гуна скрыть крепости трех фамилий наней. Без сомнения, Дин-гун так бы и сделал, если бы мог. Но он был бессилен. Как бы то ни было, хотя бы на словах, эти двое сговорились против трех семейств и определенно несут ответственность за мятеж в замке Би, принадлежащем клану Ци. Свидетельство? Вскоре после того, как комендант замка бежал в Ци, Конфуций подал в отставку со всех должностей и покинул Лу.

О том, что происходило в Ци, говорят по-разному. Но все сходится в том, что и Ян Ху, и комендант Би пытались привлечь Конфуция к себе на службу. И тот, и другой обещали свергнуть наней и вернуть гуна на его законное место, и тот, и другой предлагали Конфуцию должность главного министра. Говорят, предложения коменданта его соблазнили. Но ничего из этого не вышло, потому что Ян Ху и комендант так и не объединились. Фань Чи убежден, что иначе бы они прогнали наней и восстановили у власти гуна. Но оба авантюриста не доверяли друг другу.

Конфуций не долго оставался в Ци. Хотя его переговоры с двумя мятежниками закончились ничем, правитель Ци в Конфуции души не чаял и предложил ему место в правительстве. Предложение было соблазнительным. Но главный министр Ци не желал иметь у себя в правительстве такую звезду, и предложение было снято.

Несколько лет Конфуций странствовал из страны в страну, ища применения своим способностям. Он никогда не собирался сделать учительство своей профессией, но поскольку мы всегда становимся в жизни не тем, кем собирались, куда бы он ни шел, повсюду его осаждали желающие стать учениками. Молодые ши и даже знать рвались учиться у него. Хотя Конфуций вроде бы говорил о восстановлении старых порядков, на самом деле он возглавил ультрарадикальное движение, намеревавшееся — всего-навсего! — свергнуть продажные всемогущие власти и бесконечно размно-

жившуюся знать, чтобы снова был Сын Неба, смотрящий на юг, на своих верных рабов, среди которых явное большинство составляли бы хорошо обученные ши нового конфуцианского ордена.

Так обстояли дела, когда на семидесятом году жизни Конфуция пригласили вернуться в Лу. Хотя лично его не считали угрозой существующему режиму, его идеи так беспокоили знать, что Кан-нань решил положить конец странствиям ученого мужа и послал к нему посольство. Мудреца умоляли вернуться домой и намекали на ожидающую его высокую должность. Конфуций клянул и теперь был на пути из Вэй в Лу.

— Будем надеяться, — сказал мой гостеприимный хозяин, — что наша маленькая война с Ци до его приезда закончится.

— Да будет воля небес! — благочестиво отозвался я.

— О воле небес выслушаетесь от Конфуция. — Последовала долгая пауза. Я затаил дыхание. — Вы поселитесь здесь, рядом со мной.

— Большая честь... — начал я, но закончить мне не дали.

— Мы подумаем насчет вашего возвращения домой, то есть на родину. А пока... — Кан-нань посмотрел на свои гладкие маленькие ручки.

— Я буду служить вам, чем смогу, почтенный повелитель.

— Да.

Таким образом, без лишних разговоров было условлено, что пока я в Лу, то буду следить за Конфуцием и тайно докладывать обо всем Кан-наню, опасавшемуся Ян Ху и коменданта; кроме того, Кан-нань питал подозрения насчет командира собственной гвардии Жань Цю и был раздражен моральной силой Конфуция и его учеников. Порой мудро пойти навстречу тому, чего боишься, а не уклоняться от него. Вот почему диктатор послал за Конфуцием. Он хотел узнать худшее.

#### 4

Столица Лу напомнила мне Лоян. Конечно, все китайские города в известной степени похожи. На удивление узкие, извилистые улочки, шумные рынки, тихие парки с алтарями Небу, Дождю и Земле. Город Цюй-фу древнее Лояна и весь пропах горелым деревом — результат пяти веков постоянных пожаров. В то время я еще не знал, что Лу считается

захолустьем среди таких государств, как, например, Ци, чья столица вызывала у китайцев трепет, как у нас в свое время Сарды. Зато правитель Лу был потомком легендарного Даня, чье имя в Китае у всех на устах подобно имени Одиссея в разговорах греков. Но в то время как Одиссей прославился хитростью, на удивление благородный и самоотверженный Дань является не только образцовым китайским правителем, но и образцовым благородным мужем — эта категория придумана или введена в обиход Конфуцием. Хотя в большинстве своем благородные мужи относятся к сословию ши, не все ши — благородные мужи. Благородное или приличное поведение — вот конфуцианский идеал. В свое время я попытаюсь объяснить, в чем оно заключается.

Что бы важное Конфуций ни сказал, он неизменно приписывает это Даню. И всегда добавляет:

— Я только передаю то, чему меня научили. Сам я ничего не придумываю.

Полагаю, он сам верил своим словам, и в какой-то степени они, наверное, соответствовали истине. Ведь все уже было когда-то сказано, и если кто-то хорошо знает древние писания, то всегда может найти достойный повод для своего поступка — или афоризм.

Две недели спустя после моего переезда во дворец Ци война между Лу и Ци закончилась. Жань Цю и Фань Чи одержали замечательную, то есть неожиданную, победу. Они даже умудрились захватить город Лан по ту сторону границы. Докладывали, что и Ян Ху, и коменданта Би видели сражающимися во вражеском войске против своих соотечественников. В этом отношении китайцы похожи на греков. Верность своим интересам ставится выше патриотизма.

Демокрит дерзит мне. Он спрашивает о тех персидских авантюристах, что свергали Великих Царей, которым сами же клялись в верности. Это не совсем удачное сравнение. Правда, и мы отдали свой долг узурпаторам. Но я не припомню случая, чтобы обиженный высокопоставленный перс когда-либо присоединился к иноземному войску, вторгшемуся в его страну.

Меня принимали как гостя семейства Ци, я даже получил титул уважаемого гостя. И меня приняли при дворе правителя. Хотя Ай-гун не обладал реальной властью, Кан-нань не только в соответствии с ритуалом спрашивал его мнение, но и советовался о государственных делах. Правда, нет доказательств того, что Кан-нань хоть раз последовал



полученному совету, но его отношения с Ай-гуном внешне оставались безоблачными.

Когда победоносное войнство Ци вернулось в столицу, был устроен прием героев в Долгой Сокровищнице — здании прямо напротив дворца правителя. Сопровождая главного министра, я впервые надел придворный передник — любопытное шелковое одеяние, ниспадающее полукругом с широкого кожаного ремня, к которому прикрепляются знаки различия из золота, серебра, нефрита и слоновой кости. Что и говорить, на моем ремне не было ничего, кроме серебряной шишечки, означающей, что я уважаемый гость.

С Кан-нанем в главный зал Долгой Сокровищницы вошло человек пятьдесят. Ранее это здание служило для защиты не только сокровищ, но и самих правителей. Когда Чжао-гун попытался вновь обрести законную власть, то засел в Долгой Сокровищнице. Но войска трех семейств перебили защитников и сожгли здание. Чжао удалось спастись, сокровищнице — нет. Было много споров, стоит ли восстанавливать этот символ власти правителя. В конце концов Кан-нань дал свое согласие, и за год до моего приезда в Лу Долгая Сокровищница восстала из пепла.

В северной части зала стоял Ай-гун. Это был тощий, ухоженный человек с ногами заядлого охотника — то есть ноги услужливо изгибались, чтобы плотнее прижиматься к конским бокам. На нем был потрясающий сине-золотой халат, принадлежавший некогда легендарному Даню.

Семейства Мэн и Шу были уже на месте, так же как семейство Ай-гуна и его слуги. Среди родственников я увидел надутого Шэ-гуна. По крайней мере, он надулся, увидев меня.

Кан-нань поклонился Ай-гуну, пожелал ему долгих лет жизни, поздравил с победой над Ци. Затем он представил Ай-гуну Жань Цю, и Ай-гун ответил речью столь высокопарной и архаичной, что я мало что понял.

Пока Ай-гун говорил, я осматривал длинное высокое помещение, точную копию того, что когда-то сгорело. За его спиной стояла лишь высокая, грубоватая статуя Дань-гуна, то есть мебель в зале была только для придворных. В сверкающих халатах они представляли собой прелестное зрелище, и зал напоминал скорее весенний сад, чем сборище честолюбцев.

После речи с северной стороны зала заиграла музыка. Начались ритуальные танцы. Было огромное количество просяного вина, которым все перепились. Спустя какое-то

время Ай-гун тихонько исчез — печальный признак утраченной власти: по всему миру протокол требует, чтобы никто не покидал зала раньше владыки, и он спешил. Но в Лу правил Кан-нань, а не Ай-гун.

Когда Ай-гун удалился, народ разбрелся по залу. Было много поклонов, подергивания, топтаний. Китайский протокол всегда казался мне нелепым и мучительно нервирующим. С другой стороны, на Фань Чи произвели такое же впечатление наши вавилонские порядки. Наконец, как я и ожидал, меня нашел Шэ-гун. Он явно выпил просяного вина сверх меры.

— Если бы мне предстояло прожить десять тысяч лет...

— Молюсь, чтобы так оно и было! — быстро проговорил я, кланяясь и подергиваясь, словно передо мной стоял настоящий владыка.

— ...Надеюсь, никогда бы не встретил такой неблагодарности.

— Я ничего не мог поделать, почтенный владыка. Я был схвачен.

— Он был схвачен! — Шэ-гун указал на серебряную шпешечку у меня на ремне. — Уважаемый гость! Вы... Которого я спас от неминуемой смерти... Раб! *Мой* раб! За которого я платил. Обращался с ним, как с человеком. И теперь он предал своего благодетеля, своего спасителя!

— Никогда! Я навек вам благодарен. Но Кан-нань...

— Попал под влияние каких-то чар. Я вижу явные признаки. Что ж, я предупредил моего племянника. Он не спутит с вас глаз. Один неверный шаг, и...

Куда мог привести меня один неверный шаг, мне уже никогда не суждено было узнать, потому что между нами встал Фань Чи.

— Дорогой друг, — сказал он мне. — Почтенный владыка! — приветствовал он моего бывшего хозяина.

— Да будет славен этот день! — пробормотал Шэ-гун и пошел прочь.

Больше я никогда его не видел. Но я был искренен, говоря, что буду вечно ему благодарен за спасение от двуногих циньских волков.

Фань Чи хотел в подробностях знать все мои злоключения. Я постарался удовлетворить его любопытство. Пока я перечислял многочисленные превратности моей судьбы в Среднем Царстве, он только качал головой и бормотал:

«Как нехорошо! Нехорошо!» Когда я иссяк, Фань Чи произнес:

— Вы сделали так, чтобы я вернулся сюда. Теперь моя очередь проследить, чтобы вы уехали в Персию. Обещаю!

— Кан-нань тоже обещал помочь, благодаря вам.

Фань Чи принял торжественный вид — подобное выражение редко появлялось на его веселом лице.

— Это будет не так просто. Во всяком случае, не прямо сейчас.

— Я думал, что можно найти корабль, идущий в Чампу, и...

— Не так уж много кораблей снаряжается в Чампу. А те немногие, что отплывают, доплывают редко. Те же, что доплывают... Как бы это сказать: они доплывают без пассажиров.

— Пираты?

Фань Чи кивнул:

— Вас ограбят и бросят за борт первой же ночью. Нет, вам следует плыть на собственном или правительственном грузовом судне. К несчастью, у правительства нет денег. — Фань Чи растопырил пальцы и поднял руки ладонями вверх, затем перевернул их — китайский жест, означающий пустоту, ничто, бедность. — Во-первых, большую часть казны утащил Ян Ху. Потом, немало стоило отстроить это. — Он указал на длинный зал, где подобные цветам придворные словно бы начали вянуть. — Потом было много неприятностей, и вот еще эта война с Ци, которую мы умудрились не проиграть.

Китайцы очень сдержанны в выражениях, да и вообще. Попойки — загадочное исключение.

— Вы одержали чудесную победу и прибавили Лу новые земли.

— Но выигранное не стоит затрат. Кан-наню придется ввести новые налоги. Это значит, вам придется подождать, пока у нас найдутся деньги отправить вас в обратный путь. Может быть, в следующем году.

Я постарался изобразить удовлетворение. В действительности я ощущал отчаяние. Прошло уже пять лет, как я покинул Персию.

— Лично я, признаюсь, рад, что вы здесь, — улыбнулся Фань Чи; его лицо напоминало полную луну. — Теперь я смогу отплатить вам за все, что вы сделали для меня в Вавилоне.

Я сказал, что не сделал ничего, и все такое прочее. Потом спросил:

— А здесь, в Лу, есть какое-нибудь заведение вроде «Эгиби и сыновья»?

— Нет. Но у нас есть всевозможные купцы, судовладельцы, морские капитаны, просто алчные люди.

Так или иначе, в этой беседе неизбежно было упомянуто имя Конфуция. Не помню, в какой связи. Но помню, как радостно заблестели глаза Фань Чи.

— Вы помните мои рассказы об Учителе Куне?

— О да. Да! Как можно забыть?

Мой энтузиазм был неподдельным: мне предстояло выполнить задание Кан-наня.

Фань Чи взял меня за руку и провел через толпу придворных. Хотя их манеры сохранили неизменную изысканность, голоса звучали чуть громче обычного. Это очень напоминало персидский двор, за одним исключением: китайский правитель — или в данном случае правители — удалились при первом признаке опьянения, а Великий Царь всегда остается до конца. Из-за древнего персидского обычая Геродот теперь говорит, что Великий Царь строит политические планы только в состоянии сильного опьянения. В действительности дело обстоит совсем иначе. Каждое царское слово, произнесенное на таком собрании, тщательно записывается и потом, в ясном свете следующего дня, серьезно обдумывается. Если решение оказывается не совсем последовательным, о нем тихо забывают.

Я прошел вместе с Фань Чи через многолюдный зал и заметил, как диктатор Кан выскользнул через боковую дверь. Победу своих войск он воспринял так же бесстрастно, как принимал все. Во многих отношениях это был образцовый правитель. Я всегда буду им восхищаться, хотя он и показался мне странноватым — как и весь его мир.

У ног грозной статуи Дань-гуна стоял Жань Цю в окружении дюжины доброжелателей. С первого взгляда я понял, что все они принадлежали к военному сословию, в том числе и сам полководец. Фань Чи представил меня своему командиру. Мы обменялись обычными любезностями. Затем, в высшей степени учтиво, он подвел меня к высокому, худому старику с бледным лицом, большими ушами, выпуклым лбом, редкой бородкой и ртом, более подходящим какому-нибудь травоядному зверьку вроде зайца, чем питающемуся мясом человеку. Два передних зуба были такими

длинными, что, даже когда рот у старика был закрыт, их желтые концы виднелись на нижней губе.

— Учитель Кун, разрешите представить вам моего друга из Персии, зятя двух царей и...

— И нашего уважаемого гостя, — заключил Конфуций, взглянув на мой ремень и увидев скудный символ моего весьма неопределенного ранга.

— Первейший! — поприветствовал я его.

Я уже свободно читал по ремням. Мы обменялись любезностями. Хотя Конфуций в своей речи дотошно соблюдал учтивые обороты, он производил впечатление крайне прямолинейного человека. Кому довелось узнать китайский язык, поймет, как это нелегко.

Затем меня представили всем его ученикам. Они делили с ним изгнание и теперь снова вернулись домой. Все они выглядели очень довольными собой, особенно один сгорбленный старичок, оказавшийся сыном Конфуция, выглядел же он не моложе своего отца. Из той беседы я не запомнил ничего, достойного упоминания. Речь шла в основном о победе Жань Цю, которую он скромно приписывал учению Конфуция. Думаю, он говорил это серьезно.

Через несколько дней Фань Чи взял меня с собой к Учителю Куну, в его дом — трудно описуемое здание невдалеке от алтаря Дождю. Поскольку жена Конфуция давно умерла, за ним присматривала овдовевшая дочь.

По утрам Конфуций разговаривал со всеми, кто к нему приходил. В результате менее чем за мгновение дворик наполнился молодыми и не такими уж молодыми людьми, и Учителю пришлось отвести их в тутовую рощу у алтаря Дождю.

Днем Конфуций принимал друзей и учеников. Это одно и то же, потому что он не мог не быть учителем, а друзья не могли не быть учениками. Ему постоянно задавали вопросы о политике и религии, добре и зле, жизни и смерти, музыке и обрядах. Обычно он отвечал на вопросы цитатами, часто цитируя Дань-гуна. При необходимости он мог подобрать цитату для любого вопроса.

Живо помню этот свой первый визит к нему в дом. Я стоял у заднего края дворика. Между ученым мужем и мной сидело на земле с сотню учеников. Как я уже говорил, Конфуций не брал с них никакой — или почти никакой — платы. Но позволялись подарки, если они были скромными. Конфуций любил говорить: «Кто хочет моего совета, никог-

да не получит отказа, как бы ни был беден, — даже если может принести лишь кусочек вяленого мяса». Но это имело свои последствия — он не тратил времени на тупиц.

— Я учу только тех, кто зубрит с усердием, с интересом, кто хочет знать, что знаю я, — говорил Учитель.

И проходящих, и постоянных учеников он звал «маленькими», как детей.

Имея смутное представление о цитируемых Конфуцием текстах, я не был идеальным, усердно зубрящим учеником. И все же, когда Учитель говорил своим тихим, высоким голосом, я слушал внимательно, хотя половины не понимал. Но когда он брался толковать древние тексты, все было ясно, как воды Хоаспа.

Помню вопрос, заданный одним явно усердным и чересчур любознательным учеником:

— Если наш владыка попросит Учителя Куна поступить на службу в правительство, как поступит Учитель Кун?

Фань Чи шепнул мне:

— Мы можем услышать ответ.

Конфуций мгновение смотрел на юношу, затем процитировал одну из старых максим:

— Если тебя ищут, то иди; если тебя не замечают, то прячься.

Фань Чи пришел в восторг от такого изящного ухода от ответа. На меня это впечатления не произвело. Все знали, что Конфуций провел всю жизнь в поисках правителя, который в лучшем случае позволил бы ему управлять государством, а в худшем — внимал бы его советам. Даже в семьдесят амбиции старика управлять страной не ослабли.

— Не поясните ли вы эту цитату, Учитель? — Юноша нервничал. Я заподозрил, что это Кан-нань велел ему задать такой вопрос. — Многие верят, что вас для того и вызвали, чтобы вы направляли страну.

Конфуций улынулся; он сохранил большую часть зубов.

— Маленький, я понимаю, ты думаешь, что я скрываю какой-то секрет. Поверь, у меня нет секретов. Иначе я не был бы собой.

— Превосходно! — шепнул мне на ухо Фань Чи.

Я запомнил лишь один диалог того утра. Какой-то недалекий юноша с искренней наивностью сказал:

— В моей деревне говорят, что вы очень ученый, но удивляются, почему же вы не сделаете для мира ничего настоящего и не прославите свое имя?

Все разинули рты. Фань Чи окаменел. Конфуций рас- смеялся. Вопрос его поистине позабавил.

— Твои друзья совершенно правы. Я действительно не проявил себя ни в чем. Но никогда не поздно, не правда ли? Поэтому я начну упражняться. Сегодня же! Но в чем? В стрельбе из лука? Или гонках на колеснице? Гонках на колеснице! Да, при первой же возможности я должен занять гонками.

Все с облегчением рассмеялись.

В тот день я еще раз виделся с Конфуцием. На этот раз с ним было всего с десяток ближайших друзей. Казалось, старик не замечает моего присутствия. Помнится, я подумал, что, может быть, у него в самом деле нет секретов. Но если есть, то моя задача раскрыть их и доложить диктатору Кану.

Конфуций сидел на коврике в комнате для гостей. По бокам сидели его старейший ученик Цзы-лу и любимейший ученик, юный, но болезненный Янь Хуэй. Позади расположился преждевремененно постаревший сын Конфуция, а впереди — его внук Цзи-сы. Конфуций обращался с внуком, как с сыном, а с сыном, как просто со знакомым, потому что сын был глуп. Похоже, это закон: кем бы ни был отец, сын будет представлять собой нечто совершенно иное.

Ученики открыто обсуждали планы Кан-наня относительно Конфуция. В обсуждении участвовал и Учитель.

— Я вернулся, так как уверен, что нужен здесь, а быть нужным — значит служить государству всеми силами.

Янь Хуэй покачал головой:

— Зачем Учителю растрчивать свое драгоценное время на государственной службе? — Янь Хуэй всегда говорил так тихо, что нам приходилось наклоняться вперед и приставлять к ушам ладони. — Разве не лучше беседовать с нами, молодыми ши, приходящими к вам, с государственными чиновниками, нуждающимися в совете? Зачем обременять себя службой в министерстве полиции, когда вы один можете объяснить порядки наших предков и таким образом направить людей к добру?

Ему ответил Цзы-лу:

— Ты десять тысяч раз слышал слова Учителя: «Не имеющий государственной должности не может обсуждать государственные дела». Вот, Кан-нань вызвал Конфуция к себе. Значит, он ему нужен. Значит, то гармоничное состояние дел, о котором мы мечтаем со времен Чжоу, вот-вот наступит.

Затем состоялся длительный спор между сторонниками двух точек зрения. Конфуций слушал каждого говорящего, словно ожидал услышать слова поразительной мудрости. Но услышанное не удивило его, потому что не заключало в себе ничего неожиданного. Цзы-лу был злобный старикашка; никто бы не подумал, что подобный тип может связать свою жизнь с мудрецом — в отличие от Янь Хуэя, деликатного, задумчивого, замкнутого.

Фань Чи говорил, как высоко Кан-нань ценит Конфуция. В самом деле совсем незадолго до того главный министр упомянул о возможности назначить Конфуция главным законником государства. Большинство считало, что это место достойно ученого мужа. Никто не хотел замечать, что, будучи всего лишь ши, он не мог занимать *никакой* высокой должности.

Наконец заговорил Конфуций. Он не обратился напрямую к теме дискуссии.

— Вы знаете, когда мне было пятнадцать лет, я направил свою душу на учение. В тридцать я твердо стоял ногами на земле. В сорок я больше не страдал от... от растерянности. В пятьдесят я узнал, что означают веления небес. В шестьдесят я подчинился им. Теперь мне семьдесят. — Учитель взглянул на край коврика, где сидел, и тщательно разгладил невидимую морщинку. Затем поднял глаза. — Мне семьдесят, — повторил он. — Я могу следовать велениям своего сердца, потому что в нем нет желания переступить границы правильного.

Никто не знал, как это понимать. Но это оказалось ненужным, потому что тут в комнату вошел Жань Цю.

— Наш господин желал бы принять Учителя у себя во дворце, — объявил он.

Партия Цзы-лу ликовала. Определенно Конфуций получит должность. Янь Хуэй выглядел печальным. Но и все погрузнели, когда Жань Цю добавил:

— Я имею в виду нашего господина Ай-гуна.

Заметив разочарование учеников, Конфуций улыбнулся им.

— Мои маленькие, — ласково сказал он, — если бы из Книги Перемен мне пришлось взять одну фразу, объемлющую все мое учение, я бы сказал: «Пусть не будет никакого зла в ваших мыслях».

Я редко виделся с диктатором Каном наедине. Победа над Ци истощила государственную казну и нужно было



придумывать все новые налоги, которых с наименьшей изобретательностью гражданам Лу обычно удавалось избежать. Мне вспомнилась разорительная цена Греческих войн, заставивших Дария настолько повысить налоги, что Египет взбунтовался.

Наконец, после нескольких встреч с Конфуцием, я явился к диктатору Кану прямо в Долгую Сокровищницу. Он сидел во главе обширного стола, покрытого бамбуковыми полосками с государственными счетами. За вторым столом чиновники перебирали другие счета, делали какие-то исправления, складывали и вычитали. Позади уставилась в потолок статуя Дань-гуна.

— Извините меня, — сказал Кан-нань, не поднимаясь. — Сегодня день государственной инвентаризации. Боюсь, обескураживающий день.

В Китае, как и в Индии, каждое государство имеет зерновые запасы. Когда зерна не хватает, резервы продаются с минимальной прибылью. Во время его избытка на рынке зерно скупают. Государство также запасает оружие, сельскохозяйственные орудия, ткани, телеги, быков и лошадей на случай трудного — то есть «интересного» — времени. Не секрет, что в Лу сейчас не хватает всего, в том числе монет, которые к тому же не слишком тонко обрезали.

Когда я на цыпочках недоверчиво приблизился к Кан-наню, ссутулив плечи и кивая головой в наигранном унижении — обычный способ подхода к высокому лицу, — он жестом велел сесть рядом на низкий табурет.

— Уважаемый гость, я молюсь, чтобы ваши дни не оказались испорчены в этом недостойном городе.

Подобным образом китайцы могут выражаться часами. К счастью, Кан-нань никогда не растягивал эти ни к чему не обязывающие любезности, обычно он был слишком занят. Сродни Дарию, то есть Дарию-торгашу, а не Дарию — Великому Царю.

— Вы виделись с Конфуцием четыре раза. — Я кивнул, ничуть не удивившись, что за мной следили. — Его неоднократно принимал Ай-гун, что весьма нас устраивает.

— Но вы его не приняли, почтенный повелитель.

Я в виде утверждения задал вопрос — расхожее персидское искусство, еще не известное в Китае.

— Война.

Кан-нань указал на чиновников за соседним длинным

столом. Это означало, что он лично еще не беседовал с Конфуцием.

— У меня сложилось впечатление, что он думает, будто вы вызвали его, чтобы использовать.

— У меня сложилось такое же впечатление.

Кан-нань говорил с важным видом — верный признак, что он шутит. За три года в Лу я так продвинулся, что научился читать по его лицу с величайшей легкостью. Под конец мы редко обменивались словами. Не было необходимости, мы и так прекрасно понимали друг друга. И меня с самого начала приучали к мысли, что мне придется серьезно поработать, чтобы вырваться из этой прелестной клетки.

Я доложил. Я повторил все представляющие интерес высказывания Конфуция и почти все, что говорил Фань Чи касательно Учителя. Когда я закончил, диктатор сказал:

— Вы должны вызвать его интерес.

— Я не уверен, что это возможно.

Тут я непозволительным образом улыбнулся. В присутствии старшего придворный должен держаться робко и настороженно — не самая трудная задача при любом из переменчивых в своих пристрастиях китайских дворов.

Со стороны Чжоуской династии это было гениально — умерить разрушительную человеческую природу путем замысловатых ритуалов, церемоний, этикета и музыки. При дворе нужно знать и выполнять триста правил основного ритуала. Коврик, на котором сидишь, не должен иметь складок, постельное белье должно быть ровно в полтора раза длиннее спящего, нельзя упоминать настоящие имена недавно умерших и так далее. В дополнение к тремстам основным правилам истинно благородный муж должен также знать, уметь исполнять и постоянно пользоваться тремя тысячами малых правил. Провести время с китайским благородным мужем, по-настоящему пунктуально выполняющим предписания, — весьма непростое дело для иностранца. Ваш партнер будет делать таинственные жесты руками, возводить очи к небесам, опускать их к земле, вращать глазами из стороны в сторону, шептать молитвы. Он будет бросаться вам на помощь, когда никакая помощь не требуется, и предоставлять вам самому беспомощно барахтаться, когда его помощь весьма необходима. Так и молчание диктатора, его загадочная мимика, использование и неиспользование лицевых мышц были просто частью кодекса благородного мужа, чуть измененного для иностранца. Однако когда си-

льные мира сего собираются вместе — где бы то ни происходило на земле, — они стараются обходиться без условностей, соблюдаемых при появлении на людях. В частной жизни Дарий всегда плевал на пол и хохотал, как солдат.

— Вы должны вызвать его интерес.

Так Кан-нань приказал мне непосредственно шпионить за Конфуцием.

— И какие темы мне следует затронуть, чтобы... чтобы вызвать его интерес?

Так я принял поручение.

— Вы внук божественного мудреца. Его заинтересует это. — Перечислив долгий и нудный список так называемых интересных тем, барон приступил к сути: — Его очень интересует Ци, как и меня. Надеюсь, очень скоро мы получим оттуда не совсем обычные вести. Когда они придут, не представляю, какова будет его реакция. Ведь он близок к Цзянь-гуна. Он часто бывал в обществе коменданта Би...

— Изменника! — Я был должным образом возмущен.

— Называя вещи своими именами — да. Мне также известно, что комендант предлагал Конфуцию стать главным министром в Лу, если тот поможет ему предать свою родину.

Впервые я действительно заинтересовался:

— И Конфуций согласился?

— Вот это вам и нужно выяснить. Определенно комендант упирал на возвращение, как он это называет, всей власти правителю Лу, который, как мы знаем, не утратил ни крупинки истинной власти, данной ему его небесными предками.

Утверждение, что потомственный монарх обладает всей полнотой власти, является основой тридцати трех сотен ритуальных обычаев. Все, что диктатор делал, он делал от имени Ай-гуна.

— Это и стало причиной войны? Восстановление, как они это ложно называют, власти гуна?

— Да. Комендант убедил Цзянь-гуна, что настало время напасть. Естественно, Ци хотело бы уничтожить нас и поглотить. Однако более года назад Конфуций пересек Желтую реку и поселился в Вэй. Не знаю зачем. А хотел бы узнать. Поссорился с комендантом, как обычно ссорится со всеми? Или это была уловка, чтобы мы подумали, будто он не имеет отношения к нашим врагам в Ци и недавней войне?

Я никогда не слышал от диктатора таких прямых речей. И ответил с той же прямоотой:

— Вы думаете, Конфуций — тайный агент коменданта?

— Или Цзянь-гуна. Теперь, даже если бы и был, это уже не имеет значения, — диктатор посмотрел мне в глаза, чего китайский благородный муж никогда не позволяет себе, — потому что его ученики и последователи занимают все важные должности во всех министерствах нашего правительства. Мой лучший полководец — истый конфуцианец. Ваш лучший друг и мой второй управляющий Фань Чи отдаст жизнь за своего учителя. Вы меня понимаете?

— Да, почтенный повелитель.

Кан-нань опасался, что конфуцианцы в его собственном правительстве в сочетании с силами Цзянь-гуна могут привести его к падению, особенно теперь, когда на вторую войну не было средств. Диктатор вернул Конфуция в Лу только чтобы присматривать за ним, он хотел нейтрализовать его в случае новой войны. В каком-то смысле я был для диктатора идеальным агентом. Варвар, я не зависел ни от кого, кроме него самого, ведь только он один мог отправить меня домой. Хотя он доверял мне не больше, чем я ему, в этом деле ни у меня, ни у него большого выбора не оставалось. Я воспринял поручение, как милость судьбы. Заинтересовать Конфуция своей особой — не самая простая задача, поскольку мир за пределами четырех морей не волновал китайцев.

К счастью, Конфуций оказался не похож на других. Он был зачарован четырьмя варварскими мирами — то есть теми, что находятся на севере, юге, востоке и западе от Среднего Царства. В минуты неудач он обычно говорил: «Сяду-ка я на плот и уплыву в море». Так китайцы выражаются, когда хотят сказать о смене родины на дикую и нецивилизованную часть мира.

— Как же мне завладеть его вниманием? — спросил я Кан-наня.

— Сходите с ним на рыбалку, — сказал диктатор, возвращаясь к горестной задаче, как близкую к финансовому краху страну вывести к процветанию.

---

Как всегда, диктатор оказался прав. Конфуций питал страсть к рыбалке. Не помню точно, как я уговорил его пойти со мной к речушке, бегущей через ивовую рощу к северу от алтаря Дождю, но однажды ясным утром, в начале лета, мы были там вдвоем, каждый с бамбуковым удили-

шем, шелковой лесой, бронзовым крючком и плетеной корзиной. Конфуций никогда не ловил рыбу сетью.

— Что за радость в такой ловле? — говорил он. — Если, конечно, твоя жизнь не зависит от количества пойманного.

В старом клетчатом халате Конфуций сел, скрестив ноги, на сырой, заросший травой берег. Я сел рядом на камень. До сих пор вижу, как серебристая поверхность тихой речки отражает солнце. До сих пор помню, что в тот день на белом весеннем небе сияло не только затянутое дымкой солнце, но и виднелась, как череп призрака, половинка луны.

Речка принадлежала нам двоим. Впервые я увидел Учителя без учеников. Он показался мне милым и очень мирским. В общем-то, суровым он бывал, только когда кто-то из власть имущих вел себя неподобающим образом.

Конфуций оказался умелым рыбаком. Когда клевало, он очень нежно двигал леску так и сяк, и получалось, будто она движется не рукой человека, а самим течением реки. Потом, точно в нужный момент, он подсекал.

Как-то после долгого молчания Конфуций сказал:

— Эх, если бы можно было проводить вот так день за днем!

— На рыбалке, Учитель?

Старик улыбнулся:

— Это тоже неплохо, уважаемый гость. Но я имел в виду реку, которая никогда не останавливается и всегда есть.

— Учитель Ли говорит, что все есть часть вечно неизменного.

Нет лучшего способа дать человеку раскрыться, чем упомянув о его сопернике. Но Конфуция не увлек разговор об Учителе Ли. Вместо этого он спросил меня о Мудром Господе. Я ответил ему с привычной обстоятельностью. Он молча слушал. У меня сложилось впечатление, что его больше заинтересовала повседневная жизнь праведного зороастрийца, чем борьба между Истиной и Ложью. Он также проявил любопытство насчет различных систем правления, какие я встречал в своих путешествиях. Я рассказал о них, как смог.

Конфуций произвел на меня огромное впечатление, хоть я и не могу должным образом оценить его обширное учение, снискавшее ему славу в Срединном Царстве. Поскольку я ничего не знаю о ритуалах, Книге Песен, Книге Истории, которым он посвятил свою память, то не могу восхищаться той легкостью, с какой он цитировал эти древние труды. По сути дела, я не мог отличить, когда он цитирует,

а когда толкует древние тексты. Как правило, говорил он просто, в отличие от многих греков, которые перестановкой слов делают сложными простые вещи, а потом еще более сложной игрой слов с триумфом проясняют то, что сами умудрились запутать.

Я был поражен, как часто мнение этого следующего традициям ученого расходится с общепринятым мнением. Например, когда я спросил, что именно предсказало последнее гадание на черепашьем панцире, он сказал:

— Панцирь попросил снова воссоединить его с черепахой.

— Это поговорка, Учитель?

— Нет, уважаемый гость, шутка. — И он в улыбке показал мне два передних зуба. Как и многие люди с неровными зубами, Конфуций страдал желудком — чем сам очень восхищался. В Китае постоянное урчание в этой области тела говорит о неустанной работе мощного ума.

Конфуций размышлял о бедности государства:

— Только вчера Ай-гун спросил меня, что ему делать. Я поинтересовался, собрало ли государство всю годовую десятину, и он ответил: «Да, но война обошлась так дорого, что уже ничего не осталось».

— Налоги придется увеличить, — сказал я, вспомнив мрачную фигуру диктатора за расчетами в Долгой Сокровищнице.

— Но это будет крайне неразумно, — ответил Конфуций, — и к тому же нечестно. В хорошие времена правитель охотно делит избыток со многими, а в тяжелые он должен так же охотно смириться с необходимостью тратить меньше, чем ему хотелось бы.

Я доложил это соображение диктатору, думая, что оно может послужить свидетельством стремления Конфуция ослабить государство в случае нападения со стороны Ци. Кан-нань решил, что такое возможно, но маловероятно.

— Он всегда имел такое мнение. Он считает, что народ обязан отдавать государству определенную часть своего дохода, не более, и злится, когда правительство изменяет то, что он считает священным договором.

Конфуций рассказал мне о мудреце, которого знал в юности. Очевидно, этот государственный муж — он был главным министром одного из самых захудалых государств — собрал и свел воедино все законы Срединного Царства, высек их в бронзе, наподобие того, что сделал Дарий, даруя нам свой кодекс. Тот мудрец по имени Цзы-

Чань, к ужасу консерваторов, также провел ряд экономических реформ. Эти реформы оказались столь эффективны, что сегодня это самый знаменитый человек у китайцев, им все восхищаются. Разумеется, Конфуций щедро расточал похвалы своему учителю.

— Цзы-Чань обладал четырьмя добродетелями истинно благородного мужа.

Клюнула рыба. Конфуций плавно повел удилище по течению, затем, чуть порезче, против.

— На крючке! — сообщил он весело.

— Что за четыре добродетели? — я не дал ему отвлекаться.

К востоку от Инда все пронумеровано. Осторожно подтягивая леску, Конфуций перечислил эти драгоценные добродетели:

— Истинный благородный муж вежлив в личной жизни. Он корректен в отношениях с монархом. Он отдает простому народу не только причитающееся, но больше. И наконец, он совершенно честен с теми, кто служит ему и государству.

— Цзы-Чань говорит, как божественный мудрец, — учтиво заметил я.

В действительности мудрец смахивал на одного из тех мастеров банальностей, которых так любят пространно цитировать тупицы.

Конфуций дал рыбе устать, вода ее у берега.

— Сомневаюсь, увидим ли мы в наши дни божественного мудреца. Но мы всегда можем надеяться встретить истинно благородного мужа.

— Считается, что вы и есть такой благородный муж, Учитель. Если не более.

Я говорил с ним, как с монархом. Но Конфуций, в отличие от большинства выдающихся людей, казалось, не имел той самоуверенности.

— Кем меня считают и кто я есть — это вещи разные. Как рыба, которая в воде, и та, что на тарелке. Я учитель, потому что мне не позволяют заниматься государственными делами. Я вроде горькой тыквы, которую вешают на стену для красоты.

Он произнес это без видимой горечи. Затем вытащил рыбу — крупного окуня, — быстрым движением снял с крючка, снова насадил наживку и забросил удочку — все это заняло времени не больше, чем обычному человеку нужно для ответа на знакомый вопрос.

Когда я отпустил комплимент его мастерству удильщика, Конфуций, рассмеявшись, сказал:

— Я не занимаю высокой должности — вот почему я так много всего умею.

— Говорят, правитель Ци предлагал вам такую должность.

— Старый правитель. И много лет назад. Потом я говорил с его сыном. Цзянь-гун — серьезный человек. Но я не пользуюсь влиянием в Ци.

— Ясно, Учитель.

Я приступил к выполнению поручения диктатора. И между делом удил рыбу.

— Что ясно, уважаемый гость?

Конфуций был одним из тех редких людей, которые задают вопрос, чтобы узнать что-то еще неизвестное. Как правило, мудрецы сего мира используют тщательно продуманные вопросы в качестве наживки, чтобы получить ответ, лишний раз подтверждающий их непреложное мнение. Это совсем нетрудно, в чем ты убедишься, Демокрит, когда я заставлю Сократа отвечать на мои вопросы. Из темноты, в которой я пребываю, я слышу твою улыбку. Что ж, когда-нибудь ты убедишься в моей правоте. Мудрость начинается не в Аттике — хотя, возможно, здесь и кончается.

— Из-за недавней войны, которой вы воспротивились.

— Когда она началась, меня не было в Ци. — Конфуций взглянул на мою натянувшуюся леску и посоветовал: — По течению, тихонечко.

Я двинул удилищем, но слишком резко, и рыба сорвалась.

— Плохо, — сказал старик. — Требуется легчайшее прикосновение. Впрочем, я-то здесь рыбачу всю жизнь и знаю течение. Удивительно, что кто-то мог подумать, будто я одобряю войну.

Конфуций прекрасно понял, какую рыбу я ловлю. В таких делах его никто не мог одурачить, я даже и не пытался, но гнул свою линию:

— Многие думают, будто вы хотели, чтобы комендант замка Би восстановил власть гуна.

Конфуций кивнул и забросил удочку.

— Совершенно верно, я говорил с комендантом. Верно, он предлагал мне должность. И верно, что я отказался. Он авантюрист и несерьезный человек. — Старик быстро взглянул на меня. Глаза его были светлее, чем у большинства ки-



тайцев. — И так же верно, что не будет должного равновесия между землей и небом, пока мы не восстановим прежние церемонии, музыку, обычаи и династию. Мы живем в злые времена, потому что сами не добры. Так и скажите Кан-наню.

Его не беспокоило, что мне поручили шпионить за ним. Конфуций воспользовался мной для связи с главным министром.

— А что такое доброта, Учитель?

— Всякий подчиняющийся ритуалам праведен, то есть добр. — Вокруг собралось облачко мошек. — Не шевелитесь! — сказал Конфуций. — Они пролетят.

Мы сидели не шевелясь, но они не пролетали. Я потихоньку вдыхал мошек, но Учитель оказался целиком в их власти.

— Благородный муж или правитель, — Конфуций снова показал в улыбке передние зубы, — вы знаете, они могут совпасть в одном лице, — не должен делать ничего, противоречащего ритуалу. Он ко всем должен обращаться с одинаковой учтивостью. Он не должен делать другим ничего такого, чему не хотел бы подвергнуться сам.

— Но ведь когда правитель приговаривает к смерти за совершенное преступление, он делает то, чему не хотел бы подвергнуться сам.

— Допустим, приговоренный к смерти нарушил ритуал. В глазах неба он совершил зло.

— Но допустим, он сражался за свою страну?

К этому времени и я, и Конфуций уже отбивались от мошек. Он бил их веером, я — своей широкополой соломенной шляпой. Наконец мошки, разбившись на группы, начали отступать, как военные подразделения.

— Война включает свой набор ритуалов. Но в мирное время хороший правитель должен быть начеку, чтобы избежать четырех отвратительных вещей.

Опять числа! Поскольку ожидалось, что я спрошу об этих отвратительных вещах, я так и сделал. Тем временем последняя из определенно отвратительных мошек улетела.

— Первое: предавать человека смерти, не научив его, как поступать правильно. Это дикость. Второе: требовать, чтобы задание было выполнено в срок, не предупредив работника об этом сроке. Это угнетение. Третье: давать невнятные приказы и требовать точного исполнения. Это мучение. И наконец, давать причитающееся с недовольным видом. Это проявление внутренней мелочности.

Вряд ли кто-нибудь стал бы отрицать, что указанные вещи отвратительны, и я воздержался от комментариев. Конфуций и не ожидал их.

— А что именно вы называете ритуалом, Учитель?

Слово «ритуал» в Китае употребляется постоянно и значит гораздо больше, чем просто религиозный обряд.

— Древние чжоуские обряды очищают нас, а жертвоприношения предкам связывают небо и землю в совершенную гармонию, если правитель праведен и обряды выполняются точно.

— В Лояне я наблюдал за церемонией почтения предков. Боюсь, она показалась мне очень запутанной.

У Конфуция снова клюнуло. Бамбуковое удилище согнулось в дугу. Рыба оказалась тяжелой, но рука удилищика сохраняла легкость.

— Всякий, кто вник во все жертвоприношения предкам, может обращаться со всем под небесами так же легко, как я... поймал... — Мощным рывком Конфуций поднял удилище, и жирный лещ пролетел у нас над головами. Всегда приятно видеть безукоризненное мастерство. — ...Эту рыбу!

Конфуций закончил фразу, когда рыба упала в кусты сирени. Я принес ее, и Учитель сказал:

— Все посвященные предкам церемонии чем-то похожи на ловлю рыбы. Потянешь слишком сильно — и порвешь леску или сломаешь удилище. Потянешь слабо — и рыба уплывет вместе с удочкой.

— Значит, быть праведным — это действовать в соответствии с волей небес?

— Разумеется.

Старик положил в корзину свою последнюю добычу.

— А что такое небеса? — спросил я.

Конфуций дольше, чем обычно, наживлял крючок и не ответил, пока не забросил удочку. Я заметил, что дневная луна исчезла. Солнце на белом небе поднялось выше.

— Небеса — это распорядитель жизни и смерти, счастья и несчастья.

Он понимал, что не ответил на мой вопрос. Я молчал, и он продолжил:

— Небеса — это место, где обитает первый предок. Принося жертву небесам, мы приносим жертву ему.

Я поймал извивающегося угря и подумал, что угорь — прекрасный образ Конфуция, рассуждающего о небесах. Учитель так и не сказал ничего определенного — он верил в

небеса не больше, чем в так называемого верховного предка.

Конфуций был атеистом. Уверен. Но он верил в силу ритуалов и церемоний, заложенных давно вымершей династией Чжоу, потому что был привержен к порядку, равновесию, гармонии в людских делах. Поскольку простой народ верил во всяческих звездных богов, а представители правящих классов — в свое происхождение от череды небесных предков, внимательно наблюдающих за ними с небес, Конфуций старался использовать эти древние верования для создания гармоничного общества. Он поддерживал династию Чжоу, потому что — не прибегая к чарам высказываний Дань-гуна — последний Сын Неба принадлежал к этой династии. И чтобы создать единое Срединное Царство, было необходимо найти нового Сына Неба, желательно из той же фамилии. Но поскольку Конфуций справедливо опасался появления несправедливого правителя, то постоянно подчеркивал так называемые добродетели старой династии. Хотя я почти уверен, что изрядную часть своих цитат он выдумал, Фань Чи клялся, что Конфуций всего лишь толкует существующие тексты. На что я отвечал:

— Значит, толкует их в угоду текущему моменту.

Фань Чи не нашел в этом ничего предосудительного. Но когда я пересказал ему шутку Конфуция о черепашьем панцире, он нахмурился.

— Это неприлично.

— Почему?

— Искусство гадания происходит от предков. Они также дали нам Книгу Перемен, которую Учитель чтит.

— И все же он улыбался.

Фань Чи горестно вздохнул:

— Не секрет, что Учитель недостаточно интересуется гаданиями. Говорят, он как-то сказал, что человек сам творит собственное будущее, подчиняясь небесным законам.

— В существование которых он не верит.

Фань Чи был глубоко оскорблен:

— Если вы так думаете, то вы не поняли его. Конечно, вы же варвар. — Он ослабил. — Вы служите какому-то странному богу, создавшему зло, чтобы оправдать себя за мучения тех, кого сам же и создал.

Я не удостоил ответом такое богохульство.

Насколько мне известно, Конфуций был единственным китайцем, не интересующимся демонами, призраками и

миром духов. Можно было подумать, что он в них не верит. Я несколько раз спрашивал его, но он толком так и не ответил.

Помню, что, пытаясь снять утря с крючка, я спросил:

— А как насчет мертвых? Куда они деваются? Их судят? Воскресают они? Или вновь рождаются? — Угорь извивался и не давал вынуть крючок. — Существуют ли какие-нибудь заслуги, за которые на небесах нас ждет награда? А если нет, то зачем...

— Вы бы лучше не мешали мне снять утря с вашего крючка, — сказал Учитель.

Ловким движением старик отцепил его, бросил в корзину и вытер руки о траву.

— Хорошо ли вы знаете жизнь? — спросил он меня.

— Не уверен, что понял ваш вопрос. Я знаю свою собственную жизнь. Я путешествовал по чужим странам, встречался со всевозможными людьми...

— Но не со всеми людьми, не со всеми народами?

— Конечно, нет.

— Тогда, уважаемый гость, раз вы еще не до конца понимаете жизнь, как вы можете понять смерть?

— А вы знаете жизнь, Учитель?

— Конечно, нет. Я мало что знаю. Я люблю учиться. Я пытаюсь понять этот мир. Я всех слушаю. Откидываю в сторону то, что кажется сомнительным, и осторожно обращаюсь с остальным.

— Вы не верите в божественные откровения?

— Например?

Я рассказал ему, как слышал голос Мудрого Господа. Я также описал видение Пифагора, просветление Будды, видения другого мира нашими магами — пусть вызванные хаомой, но тем не менее истинные. Старик слушал с улыбкой — или так казалось из-за видневшихся кончиков зубов. Из-за этого Конфуций всегда словно вежливо посмеивался.

Когда я закончил, он вытащил удочку и аккуратно собрал свое снаряжение. Я сделал то же, правда не так аккуратно. На мгновение мне показалось, что он забыл, о чем мы говорили. Но поднявшись с моей помощью на ноги — у него плохо гнулись суставы, — Учитель сказал как бы между прочим:

— Я слышал немало подобных историй, и обычно они производили на меня огромное впечатление. Настолько, что я наконец решил всерьез заняться медитацией. Я провел

день без пищи и ночь без сна. Полностью сосредоточился. И что, ты думаешь, случилось дальше?

Впервые он обратился ко мне на ты. Меня приняли.

— Не знаю, Учитель.

— Ничего. Совершенно ничего. Мой ум был совершенно чист. Я ничегошеньки не увидел. И ничегошеньки не понял. И поэтому решил, что следует изучать реальные вещи в реальном мире.

Мы медленно шли через рожицу за алтарем. Конфуция узнавали и приветствовали встречные, он отвечал с достоинством, учтиво, отстраненно.

Внезапно перед алтарем появился какой-то неотесанный рыцарь.

— Учитель! — восторженно приветствовал он Конфуция.

— Цзы-Гун.

Приветствие Учителя было вежливо, но не более.

— У меня великая новость!

— Расскажи нам.

— Помните, я спрашивал вас, существует ли какое-нибудь правило, которое мне было бы можно и должно исполнять с утра до вечера каждый день?

Конфуций кивнул:

— Да, помню. И я сказал тебе: не делай другим того, чему не хотел бы подвергнуться сам.

— Так вот, с тех пор прошло больше месяца, и благодаря вам, Учитель, у меня нет желаний, — поверьте! — делать то, чего я не жду от других!

— Мой милый, — сказал Конфуций, похлопывая Цзы-Гуна по плечу, — ты еще не совсем дошел до этой стадии.

## 5

Я доложил обо всем диктатору. Не знаю, какое впечатление произвел мой отчет об этой первой беседе с Конфуцием. Кан-нань сурово выслушал, затем попросил меня вспомнить все, что было сказано о бывшем коменданте Би. Казалось, его больше заинтересовал комендант, чем правитель Ци.

Когда я рискнул сказать, что, по-моему, вряд ли такой человек, как Конфуций, решит когда-нибудь устроить государственный переворот, Кан-нань покачал головой.

— Вы не так хорошо знаете этого человека, как мы. Он не одобряет существующего порядка. Вы слышали, что он сказал о моем досточтимом отце, потомственном главном

министре? «Если этого человека можно терпеть, то кого же тогда нельзя?» Это было сказано открыто перед первым изгнанием.

— Почему же ваш отец не казнил его?

Кан-нань покрутил рукой в воздухе:

— Потому что это Конфуций. Мы смирились с его скверным характером. К тому же он знает небесный промысел. И мы должны почитать его. Но не должны спускаться с него глаз.

— В *семьдесят* лет, почтенный повелитель?

— Да. Анналы Срединного Царства полны вредных стариков, пытавшихся разорвать государство на куски.

Затем диктатор велел мне научить государственных металлургов выплавлять железо. Мне надлежало также как можно чаще встречаться с Конфуцием и регулярно докладывать о встречах. Диктатор обеспечил мне ежедневный доступ к своей персоне, и это означало, что я могу появляться при его дворе, когда захочу. На приемы семейств Мэн и Шу меня по некоторым причинам не пускали, но двери дворца были для меня всегда открыты.

Мне положили скромное жалованье, предоставили милый, хотя и холодный домик близ литейных мастерских, двух слуг и двух наложниц. Китайские женщины без преувеличения самые красивые на земле и самые ловкие по части доставления мужчинам удовольствия. Я чрезвычайно привязался к обеим. Когда Фань Чи поведал Конфуцию о моем сладострастии, Учитель произнес:

— Всю жизнь я искал человека, чье стремление к моральному совершенству было бы равно половому влечению, и я было подумал, что, возможно, этот варвар и есть такой человек. — Он рассмеялся. — Теперь я вынужден продолжить свои поиски.

Вообще говоря, в то время, когда я его узнал, Конфуций не много смеялся. Вскоре после его возвращения дела обернулись скверно. Я был при дворе, когда Ай-гун объявил:

— Мой дорогой, любимый родственник правитель Ци убит.

В нарушение протокола по залу пронесся вздох. Первый ши ни вздохом, ни жестом не выдал своих чувств, но весь побледнел.

Очевидно, семейство наней в Ци решило захватить власть по примеру семейства Цзи, отобравшего власть в Лу у местного правителя. Друг и покровитель Конфуция был

убит перед храмом своих предков. Когда Ай-гун закончил речь, Конфуций, как первый ши, попросил разрешения обратиться к трону и, получив таковое, сказал:

— Я прошу прощения, что предварительно не омыл голову и руки, как проситель. Но я не знал, что окажусь в таком положении в этот страшный день.

Хотя голос старика срывался от волнения, Конфуций объявил, что убийство законного правителя — это публичное оскорбление небес и должно быть наказано.

Ответ Ай-гуна был величествен:

— Я разделяю ужас первого ши от убийства моего родственника и сделаю все возможное, чтобы отомстить. — Ай-гун выглядел прямо-таки разъяренным, насколько это может себе позволить человек без власти. — Я предлагаю вынести этот вопрос на совет Трех.

Конфуций отправился прямо к диктатору, который грубовато сказал ему, что в Лу никому нет дела до убийства в Ци. Конфуций не мог сдержать ярости, но и поделаться ничего не мог.

В тот вечер в мой домик у литейных мастерских пришел Фань Чи. Пока девушки жарили рисовые лепешки — в те послевоенные дни мы жили бережливо, — Фань Чи сказал:

— После войны мы постоянно этого ждали.

— Убийства правителя?

Он кивнул:

— Цзянь-гун хотел восстановить власть Ай-гуна. Но, проиграв войну, он лишился поддержки наней. И с некоторой помощью извне они его убили.

— С помощью извне?

Я вдруг вспомнил слова диктатора о каких-то грядущих событиях. Фань Чи приложил к губам палец. Я жестом велел девушкам удалиться. Когда мы остались одни, Фань Чи поведал мне, что диктатор Кан сговорился с нанями в Ци убить правителя. Это объясняло, почему ему так не терпелось выяснить не только и не столько намерения и возможности Конфуция, а до какой степени на Жань Цю и Фань Чи повлияет несомненный гнев Учителя после убийства монарха и к тому же его близкого друга. Не без оснований Кан-нань постоянно опасался предательства. Определенно у него были причины держаться на чеку. На протяжении своей жизни сам он из вассала сделался диктатором Лу, комendant собственного замка поднял мятеж, а правитель Ци

вторгся в страну. Если в диктаторе накопилась подозрительность, кто упрекнет его?

— Я попытался успокоить Кан-наня, но не думаю, что он воспринимает меня всерьез, — сказал я.

— Мог и воспринять. Вы человек со стороны.

— И когда, вы думаете, я смог бы войти в круг своих?

Дни мои протекали не без приятности в этой прелестной, хотя и небезопасной стране, но часто меня удручало одиночество. До сих пор помню, каким чужим я почувствовал себя там одним осенним утром. Первая девушка хотела, чтобы я пораньше сходил на рынок и выбрал парочку дорогих фазанов. Помню холодный рассвет. Помню, что в воздухе еще носилась ночная мгла. Помню, что сам рынок был — да и остался до сих пор — охвачен непрекращающимся весельем. Всю ночь в город катят фургоны и повозки с товарами. Затем овощи *тщательно* сортируются — не по цене, а по цвету, размеру и красоте. В круглых трубах держат живую рыбу — и морскую, и пресноводную, а также осьминогов, креветок и крабов. Там можно купить и дорогие деликатесы: медвежьи лапы, студенистые птичьи гнезда, акулы плавники, павлиньи печенки, яйца, пролежавшие в земле со времен Желтого Императора.

Как только над рынком, разгоняя туман, встает солнце, купля-продажа сразу достигает пика интенсивности. Зрелище восхитительное, и я обычно с удовольствием окунался в него. Но в то утро, стоя перед рядом плетеных клеток с фазанами, я был вдруг оглушен одиночеством. Никогда не чувствовал я себя в такой дали от настоящего мира. Стоял, окруженный людьми чуждой расы, язык которой едва понимал, чья культура была столь далека от всего, что я когда-либо знал! Будь где-нибудь в самом деле дом праотцов или царство Аида, я уверен: человек чувствовал бы себя там примерно как я, когда глядел сквозь слезы на фазанов. Мне вспомнилась строка из Гомера, где тень Ахилла скорбит о прежней жизни в мире под солнцем, которого больше никогда не увидит. В тот миг я бы предпочел быть пастухом на холмах вблизи Суз, а не Сыном Неба. Хотя такие минуты слабости случались нечасто, от этого они не становились менее мучительными. Мне по-прежнему иногда снится, что я стою на рынке в окружении желтокожих людей, а когда пытаюсь убежать, путь мне преграждают клетки с фазанами.

Фань Чи утешал меня:

— Мы поедем вместе. Скоро. Диктатору нравится эта мысль. И он должен помочь. И потом, я нашел маршрут,



который, наверное, и есть древний шелковый путь в Индию. Мы могли бы выехать хоть завтра, да вот только...

— Нет денег?

Фань Чи кивнул:

— Все хуже, чем вы думаете. Казна Цзи почти пуста. Сокровищница правителя всегда пуста.

— А семейства Мэн и Шу?

— Они тоже страдают. В прошлом году был неурожай. Война стоила разорительно много, а не выиграли мы почти ничего, кроме Лана, беднейшего города в Ци.

— Вы говорили, что здесь нет банкиров, но наверняка есть богатые купцы, которые охотно одолжат казне денег.

— Нет. Наши богачи прикидываются бедными. В итоге никто не дает займы, потому что... Да, жизнь здесь переменчива.

«Не более переменчива, чем где-либо еще», — подумал я.

В действительности же долгие периоды относительного мира и стабильности в Вавилоне и даже в Магадхе сделали возможным существование сложных банковских расчетов. Но Срединное Царство слишком разобщено, и вряд ли там может возникнуть хоть какая-нибудь развитая система займов и кредитов.

— Завтра, — сказал Фань Чи, — Кан-нань собирается ввести новые налоги. — На столе перед ним стояло Блюдо Четырех Времен Года, на приготовление которого мои девушки потратили четыре дня и после которого еще четыре дня остаются воспоминания и привкус во рту, но мой друг был несчастен. — Их должен будет платить каждый. Без исключения. Это единственный способ собрать с богатых деньги.

— И разорить остальных.

Я встревожился. Всего несколькими месяцами раньше, к ужасу горожан, был собран военный налог, и уже тогда Конфуций предупреждал правительство, что налог чрезмерен.

— Более того, — говорил он, — взимая так много на государственные нужды, вы снижаете возможность каждого создавать новые богатства. Даже бандит в лесу никогда не обирает караван больше, чем на две трети. В конце концов, в интересах бандита, чтобы купцы процветали и чтобы всегда было кого грабить.

Я спросил Фань Чи, посоветовались ли с Конфуцием.

— Нет. Кан-нань не желает выслушивать поучений. Жань Цю собирается вывесить ставки налогов на стене

Долгой Сокровищницы, а потом с солдатами пойдет от дома к дому, собирая, что сможет.

— Надеюсь, диктатор понимает, что делает.

— Он понимает, что нужно делать.

Фань Чи совсем не радовался этому. Кроме общественных волнений, вызванных новыми налогами, все правительство беспокоила и реакция Конфуция. Я всегда удивлялся, с каким трепетом все относились к мнению не имеющего никакой власти старика. Хотя ни один правитель не давал ему желанной должности и не прислушивался к его политическим и религиозным советам, все государственные деятели хотели его одобрения. Я до сих пор не пойму, как какой-то ученый, не имея ни власти, ни богатства, смог занять подобное положение. Несомненно, пока никто не видел, небеса дали ему свое поручительство.

В день, когда закон о новых налогах входил в силу, я был у Конфуция. Перед ним полукругом расположилась дюжина учеников, а сам он сидел, прислонившись к деревянному столбу, подпирающему потолок. Казалось, старика беспокоила спина, и он то одной, то другой лопаткой прижимался к жесткому дереву. Никто не вспоминал о последнем повышении налогов. Мнение Конфуция всем было хорошо известно. Вместо этого мы говорили — под настроение — о похоронах и трауре, об умерших и долге перед ними. Слева от Учителя сидел Цзы-лу, справа — Янь Хуэй. В другой части дома умирал сын Конфуция. Смерть витала в воздухе.

— Определенно, — сказал Учитель, — никто не может быть слишком пунктуален, когда наступает траур. Мы обязаны отдать долг памяти об умершем. Я даже склоняюсь к древнему правилу, что человек, утром на похоронах оплакавший умершего, не должен подавать голоса во время ночных песнопений.

Хотя все согласились, что при выполнении похоронного обряда пунктуальность не может быть чрезмерной — например, нельзя совершать жертвоприношение, поев чеснока или выпив вина, — собравшиеся не пришли к единому мнению, как долго следует скорбеть о родителе, а как долго о ребенке, друге, жене.

Один молодой ученик сказал:

— Я убежден, что годовой траур по отцу вполне достаточен, но Учитель настаивает на трех годах.

— Я ни на чем *не настаиваю*, мой маленький. Я просто придерживаюсь обычая.

Хотя Конфуций был, как всегда, мягок, я заметил, что время от времени он бросает беспокойные взгляды на Янь Хуэя.

— Но разве обычай не требует отложить все дела во время траура по отцу?

— Обычай таков.

— Однако, Учитель, если благородный муж в течение трех лет не будет выполнять религиозных обрядов, обряды эти придут в упадок. Если он не будет заниматься музыкой, то утратит свое искусство. Если не будет возделывать поля — не получит урожая. Если не будет добывать огонь трением — он не сможет разжечь огонь, когда старый погаснет. Определено года без этих необходимых дел более чем достаточно.

Конфуций перевел взгляд с Янь Хуэя на молодого ученика.

— Будешь ли ты спокойно есть лучший рис и носить парчовые одежды всего через год траура? — спросил он.

— Да, Учитель, буду.

— В таком случае так и поступай. Непременно. Но помни, — он чуть повысил голос, — если истинно благородный муж во время траура слушает музыку, музыка ранит его уши. Изысканная пища не имеет вкуса. Мягкая постель становится каменным полем. Вот почему ему так легко выдержаться от подобной роскоши. Но если ты с легкостью можешь позволить себе все это — не раздумывай...

— Я знал, что вы поймете, — с большим облегчением нашел себе оправдание ученик.

Когда юноша ушел, Конфуций покачал головой:

— Как бесчеловечно! Всего год назад у этого молодого человека умер отец, и он уже хочет прекратить траур! А ведь, будучи ребенком, он три года провел на руках у родителей. Можно предположить, самое меньшее, что он может сделать, — скорбеть о своем отце такое же время.

Хотя Конфуций поощрял меня к вопросам, я редко спрашивал что-либо в присутствии других. Я предпочитал задавать вопросы ученому мужу, когда мы оставались одни. Я также обнаружил, что с удочкой в руке старик становится общительнее. Он даже спрашивал сам и внимательно выслушивал ответы. Поэтому я удивился, задав Учителю вопрос перед учениками. Наверное, на меня повлияло общее напряжение. Сын Учителя умирал, Янь Хуэй тяжело болел, сам Конфуций был так возмущен новыми налогами, что в

рядах учеников явно намечался раскол. Чтобы отвлечься, а заодно узнать что-то новое, я спросил:

— Я заметил, что в разных частях Срединного Царства, когда умирает владыка, вместе с господином предают смерти многих мужчин и женщин. Прилично ли это в глазах небес, Учитель?

Все взгляды разом обратились ко мне. Поскольку на земле нет общества, где бы не увековечивали древних обычаев, глубоко возмущающих вдумчивых современников, вопрос мой звучал неприлично.

Конфуций покачал головой, словно в осуждение того, что приходится если не оправдывать, то, по крайней мере, объяснять.

— Со времен Желтого Императора принят обычай, что когда великие люди умирают, то берут с собой своих верных рабов. На западе этот обычай по-прежнему процветает, как вы видели в Цинь. Мы на востоке не так верны традициям. Но это благодаря правителю Чжоу, чьи слова в данном вопросе представили дело несколько в ином свете.

Стоило Конфуцию упомянуть правителя Чжоу, у всех почти не оставалось сомнений, что сам ученый муж готов отменить обычай от имени легендарного основателя Лу, чьи взгляды, казалось, никогда не расходились с собственным мнением Конфуция.

— Поскольку наши правители желают, чтобы в гробнице им служили так же, как во дворце — законное желание и вполне соответствующее традициям, — возник обычай предавать смерти мужчин и женщин, лошадей и собак — всех, кто может там ему пригодиться. Это естественно, но до определенной степени, которую, как всегда прекрасно, разъяснил правитель Чжоу. Он заметил, что человеческое тело быстро разлагается и вскоре превращается в землю. В одно мгновение прекраснейшая наложница из когда-либо живших теряет свой облик и становится обычной глиной. И тогда правитель Чжоу сказал: «Когда эти убитые мужчины и женщины превращаются в глину, они теряют свою первоначальную форму и функции. Поэтому давайте заменим глениое тело изображением из настоящей глины, обожженной, чтобы остаться неизменной навеки. В любом случае великого владыку будет окружать глина, но если образы рядом с ним сделаны из глины, сохраняющей свою форму, дух его сможет вечно смотреть на своих верных рабов».

Ученикам понравился такой ответ. Говорил ли когда-ни-

будь правитель Чжоу что-либо подобное, значения не имело. Так сказал Конфуций, и этого достаточно.

Определенно всякий разумный китаец считает, что массовые жертвы расточительны, бессмысленны и, согласно Конфуцию, осуждаются Чжоуской династией.

— Конечно, — заметил Цзы-лу, — люди в Цинь мало ценят человеческую жизнь.

— Верно, — ответил я. — Знаете, когда я спросил циньского диктатора, почему он считает своей обязанностью казнить такое множество людей за незначительные проступки, он ответил: «Если моешь голову как следует, обязательно потеряешь несколько волосков. Если голову не моешь вовсе, лишишься всех волос».

К своему удивлению, я почувствовал, что большинство присутствующих согласно с Хуанем. Но во всем Среднем Царстве люди склонны одобрять смертную казнь преступников, которых мы бы наказали простым увечьем или даже побоями.

Тема похорон, траура и долга перед умершими занимает китайцев еще больше, чем нас. Я так до конца и не понимал почему, пока Цзы-лу вдруг не спросил Учителя:

— А знают ли умершие, что мы молимся им?

Я знал, — да и кто не знал? — что Конфуций питает глубокую неприязнь к вопросам, не имеющим ответа.

— Разве ты не согласишься, — спросил он, — что вполне достаточно того, что мы знаем смысл своих действий, когда воздаем им почести?

— Нет. — Как самый старый и ревностный ученик, Цзы-лу никогда ни в малейшей степени не противоречил ученому мужу. — Если духов и призраков не существует, то не вижу причины утруждать себя, улаживая их.

— А если существуют? — улыбнулся Конфуций. — Что тогда?

— Конечно, мы должны оказывать им почести...

— А раз мы не можем знать наверняка, не лучше ли вести себя так, будто они есть?

— Возможно. Но стоимость похорон может разорить семью, — настаивал Цзы-лу. — Должен быть какой-то другой, более разумный способ служить и духам, и живым.

— Мой старый друг, пока ты не узнал, как должным образом служить живым, как ты можешь надеяться послужить им после смерти?

Конфуций взглянул, должно быть непроизвольно, на

Янь Хуэя, который с улыбкой смотрел на него. И вдруг под дряблой кожей молодого человека явственно обозначился череп.

— Кроме того, — продолжал Конфуций, — мир, что-нибудь значащий в этом мире, — это мир живых. Но поскольку мы любим и чтим пришедших до нас, то выполняем обряды, напоминающие о нашем единстве с предками. И все же истинное значение этих обрядов нелегко понять даже мудрецу. Для простого же народа это сплошное таинство. Люди рассматривают эти церемонии, как оказание почестей и умиловивление страшных призраков. Но это не так. Небеса далеко. Человек близко. Ради живых мы воздаем почести умершим.

Меня всегда умиляло, как Конфуций уклоняется от разговоров о небесах. Я хотел продолжить расспросы, но нас прервало появление Жань Цю и Фань Чи. Они примостились позади всех, как опоздавшие на урок школьники.

Конфуций несколько долгих мгновений смотрел на них, затем спросил:

— Почему так поздно?

— Государственные дела, Учитель, — тихо ответил Жань Цю.

— Мне не дано должности, но если бы сегодня вечером были какие-то государственные мероприятия, я бы знал. — Конфуций покачал головой.

Повисла растерянная пауза. Затем Конфуций спросил:

— Вы одобряете новые налоги?

— Сегодня утром по приказу Кан-наня я вывесил ставки налогов на стене Долгой Сокровищницы, — ответил Жань Цю.

— Это всем известно. — На этот раз концы передних зубов скрылись из виду. Старик закрыл свой кроличий рот и принял необычно суровый вид — этаким мечущий молнии бог-демон. — Я не спрашиваю, вывесил ты или нет новые ставки налогов; я спрашиваю, одобряешь ли ты их.

— Как управляющий семейства Цзи я обязан подчиняться главному министру, — с отчаянием в голосе проговорил Жань Цю.

Конфуций был готов взорваться, если такое возможно.

— Во всем? — спросил он.

— У меня есть обязанности, Учитель. И это всегда было в ваших правилах — нужно служить законному владыке.

— Даже когда он требует совершить кощунство?

Жань Цю казался ошеломленным.

— Кошунство, Учитель?

— Да, кошунство. Прошлой весной Кан-нань ездил к горе Тай. И предложил духу горы нефритовый камень. Поскольку только монарх может делать это, он совершил кошунство. Ты прислуживал ему на церемонии у горы Тай?

— Да, Учитель.

— Значит, ты совершил кошунство. — Конфуций хлопнул свой веер. — Ты начал собирать новые налоги?

Потупившись, Жань Цю кивнул.

— То, что ты делаешь, несправедливо. Налоги чрезмерны. Народ будет страдать. Ты должен был остановить Кан-наня. Ты должен был предупредить его о последствиях.

— Я предупреждал его, что налоги... что ими будут возмущаться.

— Когда правитель отказывается быть справедливым к народу, его слуги должны подать в отставку. Твой долг был ясен. Ты должен был отказаться от должности управляющего.

По комнате пронесся внезапный вздох. Я оказался свидетелем небывалого: Конфуций изгонял ученика — ученика, ставшего одним из могущественнейших людей в государстве. Жань Цю встал и, поклонившись Учителю, удалился. Фань Чи остался. С приятной улыбкой Конфуций сменил тему.

---

На какое-то время Лу оказалось на грани революции. Мне вспомнилась реакция Египта на Дариево повышение налогов. Всегда существует черта, за которой народ становится неуправляем, и, когда эта черта достигнута, правитель должен или превратить народ в рабов, или найти какой-то умный способ отступить.

Теперь Конфуций стал лидером тех ши — противников Цзи, кто служил гуну или семействам Мэн и Шу. Хотя эти семейства противились налогам, выступать против диктатора Кана они не смели. Как и Ай-гун, они только отпускали загадочные замечания. Как и Ай-гун, ничего не предпринимали. Войско Цзи было не только сильным, но и преданным диктатору. К тому же за день до введения новых налогов Кан-нань увеличил жалованье своим воинам. В трудные времена верность стоит дорого.

Этот напряженный период я провел в литейных мастер-

ских. Диктатор меня не вызывал, и я не появлялся при дворе Цзи. Само собой, я не посещал и Конфуция. Я избегал также двора Ай-гуна, где всегда собирались несогласные. По сути дела, я не виделся ни с кем, кроме Фань Чи, который порой заходил ко мне. Он был единственным звеном, связывающим меня с придворным миром.

Фань Чи любил заходить в литейные мастерские и наблюдать за выплавкой железа. Процесс его зачаровывал. А меня очаровали китайские металлурги. Не знаю народа, который бы так быстро схватывал и осваивал новые технологии. Хотя я официально отвечал за выплавку железа в государстве, через несколько месяцев мне уже было почти нечего делать. Тамошние металлурги уже знали все, что было известно их персидским собратьям, так что я оказался лишним.

Через неделю после повышения налогов ко мне зашел Фань Чи. Я поручил наблюдение за работами моему главному помощнику и удалился от жары и сверкания расплавленного металла в туманный фиолетовый вечер, украшенный медленным кружением крупных снежинок. По пути к дому я выслушал последние новости. Налоги собирались, и государству особенно не грозили внутренние раздоры.

— Но Учитель отказался встречаться с Жань Цю. И Каннанем.

Мы шли по улице горшечников-шанов.

Шаны — это местные темноволосые жители, обитавшие в этих краях еще до прихода с севера племен чжоу и завоеванные последними. Пока в Срединное Царство не пришли чжоу, шаны были жрецами и чиновниками, мастерами в чтении и письме. Теперь они занимаются гончарным ремеслом. Но в последнее время из старого племени шанов вышло немало конфуцианских благородных мужей. Так, потихоньку, темноволосые возвращаются к власти, как и во всем мире. Зороастр, Будда, Махавира — даже Пифагор — возрождают религии доарийского мира, и конский бог постепенно умирает повсюду.

— Не опасно ли это, — спросил я, — что Конфуций бросил вызов диктатору?

Мы стояли перед гончарной лавкой. В шанских лавках всегда светит одна лампа, и глазированные изделия из глины играли желтыми, красными и синими огоньками, как угольки в ночи, отчего Фань Чи вдруг расцвел всеми цветами радуги.



Он улыбнулся:

— Мы живем в Восточном Чжоу. Или так объявляем. Нашему божественному мудрецу ничто не угрожает, что бы он ни сказал.

— Он говорит, что он не божественный мудрец.

— Он скромн, а это признак божества, если таковое когда-либо существовало. Но он жесток. Жань Цю страдает.

— Он мог бы положить конец страданиям, отказавшись от должности управляющего.

— Он не откажется.

— Значит, предпочитает страдать?

— Он праведности предпочитает власть. Это не редкость. Но он хочет быть и праведным, и могущественным — а вот это редкость. Он думает, это возможно. Учитель так не считает.

Фань Чи купил жареных каштанов. Когда мы их очищали — обжигали пальцы, когда ели — обжигали рты. С равнодушного серебряного неба на равнодушную серебряную землю не прекращали падать, как ледяные перышки, снежинки.

— Вы должны поговорить с ним, — с набитым ртом проговорил Фань Чи.

— С Жань Цю?

— С Конфуцием. Вы — фигура нейтральная, человек со стороны. Он вас послушает.

— Сомневаюсь. Да и что я скажу?

— Правду. Государство страдает, потому что между правителем и божественным мудрецом нет гармонии. А если Конфуций согласится принять Жань Цю...

Я пообещал сделать все возможное. Между тем я в очередной раз спросил о своем возвращении. Фань Чи не выразил оптимизма.

— В этом году ничего не выйдет. Казна скудна. Но я знаю, что диктатор интересуется путем в Индию по суше.

— Ваш шелковый путь?

— Да, мой шелковый путь. Но такое путешествие — очень серьезное предприятие.

— Я старею, Фань Чи.

До сих пор одиночество ассоциируется у меня с падающим снегом и обжигающими каштанами.

— Сведите Кан-наня с Конфуцием. Сделайте это и получите все, что хотите.

Я не поверил, но пообещал сделать все возможное.

---

Следующий день был последним днем старого года, и я пошел на место поклонения предкам Конфуция. Я не мог выбрать более неудачного момента. Прежде всего, ритуал изгнания был в самом разгаре. Наверное, на земле нет церемонии шумнее. Все носятся, рога трубят, барабаны бьют, погремушки гремят. Считается, что только оглушительным шумом можно изгнать злых духов старого года и открыть дорогу добрым духам нового. Во время ритуала изгнания Конфуций обычно надевал придворные одежды и вставал на верхнюю ступеньку усыпальницы. Когда шум становился просто невыносимым, он начинал успокаивать духов предков, говоря, что не нужно пугаться, не нужно удивляться страшному шуму и гвалту, и умолял оставаться там, где они есть.

Но, к моему удивлению, Конфуция на обычном месте не оказалось. Не болен ли он? Я поспешил домой к Учителю. Точнее, постарался поспешить: на каждом шагу меня, кривляясь, останавливали изгонители нечистой силы и их штатные сумасшедшие.

За определенную плату изгонители ходят от дома к дому, изгоняя злых духов. Каждого сопровождают четверо шумельщиков, называемых сумасшедшими. Сумасшедшие они или нет на самом деле, не имеет значения, но определенно ведут они себя самым неестественным образом. Каждый натягивает на голову и плечи медвежью шкуру, берет пику и щит. Зайдя в дом, оглушительными криками сумасшедшие доводят слуг до исступления, в то время как изгонитель шныряет вокруг дома и с завываниями выкрикивает эпитеты злых духов, обитающих в погребке, под крышей, в подсобных помещениях.

Побеленный фасад Конфуциева дома был размалеван шафраново-коричневой росписью. Я так и не выяснил значения этой мази. Дверь в переднюю оказалась открыта, и я вошел внутрь, ожидая увидеть какую-нибудь религиозную церемонию. Но в передней не было ни жрецов, ни даже учеников — здесь стоял могильный холод.

Я пересек комнату и услышал доносящиеся откуда-то из дома причитания. Приписав их изгонителю злых духов, я попытался вспомнить, какие существуют порядки, — допускается ли кому-либо входить в дом во время обряда изгнания?

Меня просветил выскользнувший откуда-то слуга.

— Сын умер, — шепнул он. — Нужно засвидетельствовать почтение отцу. — И он провел меня в личные покои.

Одетый в траур, Конфуций сидел на гладком коврике спиной к деревянной колонне. Комната была наполовину заполнена учениками. Все выглядели не просто печальными, а убитыми горем.

Я поздоровался с Учителем, и он ответил с обычной учтивостью. Мы оба сделали жесты, полагающиеся в самых печальных случаях. Когда я опустился на колени рядом с Цзы-лу, тот прошептал:

— Он безутешен.

— Какое может быть утешение во время глубочайшей скорби — потери старшего сына? — ответил я традиционной фразой.

— Он потерял больше, — сказал Цзы-лу.

Сначала я не понял. Принято считать, что у человека не может быть большего несчастья, чем потеря старшего сына. Я присоединился к пению, повторил молитвы, пытаюсь утешить старика. Но Конфуций уже искренне плакал, в то же время издавая ритуальные рыдания.

Наконец почтительно, но твердо Цзы-лу сказал:

— Учитель, вы утратили сдержанность. Приличны ли такие рыдания?

Конфуций прекратил завывать; слезы змейками блестили у него на щеках.

— Приличны ли? — повторил он и, пока Цзы-лу не успел ответить, зарыдал снова. В то же время удивительно ровным голосом старик проговорил: — Если чья-то смерть оправдывает чрезмерные рыдания, то это *его* смерть.

Я понял, что Конфуций не верит в загробную жизнь. Что бы он ни говорил по ритуалу о небесах как обиталище предков, сам он не верил в такое место. И тем не менее я был отчасти удивлен, что он так убит смертью сына, который не так уж много для него значил. Честно говоря, сын часто служил для отца источником расстройств. Не раз его обвиняли в поборах с учеников Конфуция и присвоении этих денег себе. И что хуже всего, он был тупицей.

Потом какой-то старик, которого раньше я никогда не встречал, сказал:

— Учитель, позвольте мне взять вашу колесницу под кафафалк для моего сына.

Я ничего не понимал. Кто этот старик? Конфуций резко прекратил рыдания и повернулся к нему:

— Нет, друг мой, нельзя. Вы лишились сына, это естественно. Я тоже понес утрату, потеряв своего сына, каким бы он ни был, а теперь потерял и вашего сына — лучшего и мудрейшего из молодых людей.

И только тут я понял, что Янь Хуэй тоже умер. Дважды, один за другим, на Учителя обрушились удары... небес.

Отец Янь Хуэя принялся противным голосом причитать:

— Вот, разве теперь не главное — воздать такому блестящему юноше все возможные почести? Ведь это был мудрейший ученик мудрейшего из людей!

Конфуций заморгал, и его скорбь сменилась раздражением. Вопреки расхожему мнению старики более непостоянны в своих настроениях, чем молодые.

— Ваш сын был подобен дереву, которое я взращивал, пока оно не зацвело. Но дерево не дожило до плодов. — Конфуций вздохнул и продолжил без видимых эмоций: — Я не дам свою колесницу под катафалк, потому что когда хоронил своего сына — не подумайте, что я их сравниваю, — то и ему не предоставил катафалка. Во-первых, потому, что это неприлично, и, во-вторых, потому, что я первый ши и, как таковой, не имею права идти к могиле пешком. Обычай требует ехать в колеснице. Это закон, и нам не дано выбирать.

Хотя отец Янь Хуэя остался недоволен, настаивать он не посмел. Но Цзы-лу осмелился:

— Несомненно, Учитель, мы должны похоронить Янь Хуэя со всеми почестями. Катафалк мы можем сделать, не отбирая у вас колесницу. Определенно мы должны оказать честь Янь Хуэю. Это наш долг перед небесами. Это наш долг перед предками. Это наш долг перед вами, его Учителем.

Возникла долгая пауза. Затем Конфуций, опустив голову, прошептал, словно самому себе:

— Небеса украли принадлежащее мне.

Но не успели замолкнуть его слова, как небеса ответили на это кощунство — в комнату ворвался изгонитель злых духов с четырьмя завывающими сумасшедшими. Пока они приплясывали, гремя погремушками, стуча в барабаны, выкрикивая оскорбления злым духам уходящего года, Конфуций выскользнул из комнаты, а я поспешил через город во дворец наней Цзи.

Я нашел Фань Чи в той части дворца, что соответствует Второй комнате канцелярии у нас в Персии. Здесь текущи-

ми государственными делами занимаются светлокожие чжоуские ши и черноволосые шанские благородные мужи. Мне не удалось выяснить, сколько среди них было конфуцианцев. Подозреваю, большинство.

Фань Чи уже слышал о том, что случилось.

— Конечно, это печально. Янь Хуэй был замечательным человеком. Нам будет не хватать его.

— А сын?

Фань Чи сделал уклончивый жест:

— По крайней мере, вся эта скорбь доставит нам передышку.

К нам присоединился Жань Цю. Он был озабочен и печален, но приветствовал меня, как положено по отношению к почетному гостю. Новость он слышал тоже.

— Я бы хотел пойти к нему. Понимаю, как он должен страдать. Что он сказал?

Я повторил фразу Конфуция о небесах. Жань Цю покачал головой:

— Это неприлично, и он сам же первый это признает, когда страдание отступит.

— В прежние дни он бы никогда не сказал такого, как бы ни был расстроен небесной волей.

И Жань Цю, и Фань Чи больше заботило необычное прегрешение Конфуция, чем смерть блистательного Янь Хуэя.

— Вы пойдете на похороны? — спросил я Жань Цю.

— Конечно. Это будет пышная церемония. Отец уже позаботился.

Я удивился:

— Но Учитель сказал, что похороны Янь Хуэя следует провести так же скромно, как и похороны сына.

— Он будет разочарован, — прямо заявил Жань Цю. — Я уже видел план церемонии. Отец показывал мне его сегодня утром. Как вам известно, уважаемый гость, — указательным пальцем он коснулся моего предплечья — жест доверия, — Учитель не хочет меня видеть. И тем не менее мне нужно с ним увидеться как можно скорее.

— Он будет в трауре не менее трех месяцев, — сказал Фань Чи. — И никто не сможет обсудить с ним... такие дела.

— Мы должны найти способ. — И снова указательный палец легко, как бабочка, коснулся моего предплечья. — Вы варвар. Вы жрец. Вы ему интересны. И главное, вы никогда

не злили и не расстраивали его. Если хотите оказать нам любезность — я имею в виду нашей стране, а не семейству, которому я служу, — постарайтесь устроить Кан-наню встречу с Учителем.

— Без сомнения, диктатор может просто вызвать его. Как первый ши, Конфуций обязан явиться.

— Но божественного мудреца не вызывают.

— Он отрицает... — начал было я, но Жань Цю не дал договорить.

— В Срединном Царстве он божественный мудрец. А то, что он столь яро это отрицает, лишь доказывает, что он именно тот, кем мы его считаем. Конфуций нужен Кан-наню.

Жань Цю посмотрел мне в глаза. Часто это служит признаком, что человек лжет. Но управляющему не было нужды лгать мне.

— У нас много, много бед, — сказал он.

— Налоги?

Жань Цю кивнул:

— Они чрезмерны. Но без них мы не сможем платить войску. А без войска...

Жань Цю обернулся к Фань Чи, и тот рассказал мне о последних угрозах государству.

— Рядом с замком Би есть одно священное место, называемое Чжуань-ю. Самоуправление там основал сам Даньгун. Хотя это место находится в границах Лу, оно всегда было независимо. Крепость Чжуань-ю почти так же неприступна, как замок Би.

Я начал понимать.

— И бывший комендант Би...

— ...подстрекает Чжуань-ю. — Непреодолимо веселое лицо Фань Чи не сочеталось с напряжением в голосе. — Скоро мы столкнемся с еще одним мятежом, это лишь вопрос времени.

— Кан-нань хотел бы скрыть эту крепость. — Жань Цю полировал украшения у себя на поясе. — Если мы не сделаем этого сейчас, это придется делать моему сыну или внуку. Мы не можем оставить грозную крепость в руках врага. Естественно, Конфуций воспротивится нападению на святую землю — на любую святую землю.

Фань Чи снова взглянул на меня. Я ощутил слабость. Как у многих чжоуских ши, у него были желтые тигриные глаза.

— Как министры диктатора, мы согласны с ним. Как ученики Конфуция, не можем согласиться.

— Неужели вы думаете, что кто-то может уговорить Конфуция поступить так... неприлично?

Я понимал их дилемму, но не видел выхода

— Мы должны попытаться. — Фань Чи улыбнулся. — Вы должны попытаться. Скажите ему, что он должен принять Кан-наня. Скажите, что ему предложат должность. А иначе...

— ...Иначе диктатор все равно сроем замок, — договорил я.

— Да, — сказал Жань Цю. — Но меня не так волнует замок, как последние дни Конфуция. Много лет мы работали вместе ради одной цели — дать власть божественному мудрецу, чтобы он мог установить справедливый порядок.

— А теперь вы хотите убедить меня, что он сможет добиться власти, лишь разрешив диктатору совершить нечто несправедливое.

Я не стеснялся в выражениях. Жань Цю моментально откликнулся на упрек:

— Справедливо или нет, но Кан-нань считает, что Конфуций способствовал свержению семейства Ци, когда связался с изменником — комендантом Би. Справедливо или нет, но Кан-нань считает, что недавняя война с Ци была спровоцирована Конфуцием. Справедливо или нет, но Кан-нань считает, что когда-нибудь Конфуций может воспользоваться своей славой в Среднем Царстве, чтобы объявить себя Сыном Неба.

— Если хоть что-то из перечисленного правда, ваш божественный мудрец виновен в государственной измене.

Я не забыл изобразить придворную улыбку.

— Да, — без улыбки сказал Жань Цю. — К счастью, мы выиграли войну, а наш старый враг правитель Ци мертв.

Теперь я понял истинный размах заговора.

— Диктатор... — я чуть было не сказал «убил герцога», но решил соблюсти осторожность и вяло закончил: — ...смог тогда спасти свою страну.

Фань Чи кивнул:

— И теперь осталось лишь искоренить бунт в Чжуань-ю. И тогда мы сможем спать спокойно. Поскольку мятежники в Чжуань-ю — последняя надежда врагов Кан-наня, между нами и окончательным миром стоит только эта крепость.

— Но сначала Учитель должен согласиться на ее уничтожение.

Жань Цю покачал головой:

— Согласится он или нет, стены Чжуань-ю будут скрыты. Но если он чистосердечно согласится, мечта десяти тысяч мудрецов сбудется. Конфуция пригласят вести государство за собой. Он всегда говорил: «Дайте мне три года, и я установлю справедливый порядок». Что ж, пока не поздно, я хочу дать ему эти три года. Мы все хотим.

Я никогда не мог понять Жань Цю. Верю, что он был искренне предан Учителю. В конце концов, он доказал свою преданность, когда за несколько лет до того вместе с Конфуцием отправился в изгнание. И все же Жань Цю был не меньше предан диктатору Кану. Он надеялся перекинуть мостик — да, между небом и землей, и, если я помогу ему построить этот мостик, меня отправят домой. К такому соглашению мы пришли во дворце Цзи в тот вечер после мрачного дня, когда Конфуций упрекнул небеса за смерть Янь Хуэя.

Пока Фань Чи провожал меня к выходу, я рассказал, как холодно Конфуций обошелся с отцом Янь Хуэя. Почему бы не устроить пышные похороны? И почему бы Конфуцию не нарушить обычай и не пойти к могиле пешком?

— Боюсь, вы не поняли мудрейшего человека из когда-либо живших, — сказал Фань Чи.

— Я же не мудрец... — Я изобразил принятые в Китае робкие сомнения.

— Для Конфуция важна лишь моральная сторона дела. Это значит, что когда личное желание или интерес приходят в противоречие с правильным поведением, этими желаниями и интересами нужно пожертвовать. По-человечески он хотел воздать честь Янь Хуэю, но, как блюститель правильного, не мог нарушить того, что считал правильным.

— И скромный Янь Хуэй получит скромные похороны?

— Да. Человек имеет определенные обязанности перед родителями, друзьями, человечеством. Конечно, не все равнозначно. Для Конфуция нашим законным монархом является Ай-гун. Для нас это Кан-нань. В каком-то смысле Конфуций прав. В каком-то смысле правы мы. Но он не хочет уступать, и мы уступать не обязаны. И результат — несчастье.

— Кто точно определит, что считать правильным?

Я уже стоял в дверях дворца.



— Небеса, уважаемый гость.

— А что считать небесами, помощник управляющего Фань Чи?

Мой друг улыбнулся:

— А небеса — это то, что правильно.

Мы оба рассмеялись. Думаю, что во всех практических делах конфуцианцы атеисты. Они не верят в загробную жизнь или судный день и не интересуются, как и зачем был создан мир. Вместо этого они действуют так, будто в мире существует только их жизнь, и единственно важным вопросом является, как прожить ее должным образом. Для них небеса — просто слово, обозначающее правильное поведение. Поскольку простые люди имеют всевозможные иррациональные представления о небесах — взгляд такой же древний, как сама их раса, — Конфуций разумно воспользовался идеей о небесах, чтобы придать магический авторитет своим толкованиям, как человек должен относиться к другим. Однако, чтобы повлиять на образованный слой — и чжоу, и шанов, — он позаботился стать величайшим в Среднем Царстве знатоком древних текстов. И теперь в Чжоу не найдется текста, который он не смог бы процитировать в подтверждение своей правоты. И все же, несмотря на мою неприязнь к атеизму и мое раздражение многими конфуцианскими странностями, я не знал человека с такими ясными понятиями, как нужно вести личные и общественные дела.

Даже Демокрита заинтересовали мои ущербные воспоминания об изречениях Учителя Куна. Если кто-то соберется обойтись без творца всего сущего, то пусть заменит его ясным понятием, что считать нравственным в человеческом представлении.

## 6

Я приложил все старания, чтобы свести вместе рассерженного ученого мужа и раздраженного диктатора. Сначала особого успеха я не достиг. Во-первых, Конфуций все еще пребывал в трауре по сыну и Янь Хуэю. Во-вторых, пошатнулось и его собственное здоровье. Тем не менее Учитель продолжал свои проповеди. Кроме того, его заинтересовала возможность написать историю Лу.

— Думаю, может оказаться полезным, — сказал он

мне, — показать, как и почему десять поколений правителей не имеют власти.

Я спросил Конфуция, что он считает главной причиной, почему гуны утратили власть, а возвысились потомственные министры.

— Все началось с того, что первые гуны поручили сбор налогов знати. — В своих размышлениях Учитель всегда придерживался фактов. — И в конечном итоге знать стала оставлять все собранное себе, а, как всем известно, кто распоряжается казной, тот распоряжается и государством. Известно также, что ни одна династия не продержалась дольше десяти поколений. Власть всегда переходила к наням, и это тоже все знают, — старик улыбнулся своей кроличьей улыбкой, — а они удерживали власть не дольше пяти поколений. У меня такое впечатление, что сегодня, после пяти поколений власти, Ци, Мэн и Шу уже не те, что были раньше.

Я не решился вести переговоры с Конфуцием напрямую. Вместо этого я обхаживал Цзы-лу, считая, что он единственный всегда говорит Конфуцию, что думает.

— Ведь не останови я его, — признался он мне, — Учитель присоединился бы к коменданту Би. Он действительно поверил этому проходимцу, когда тот пообещал создать Восточное Чжоу. Я сказал Конфуцию, что только глупец может иметь дело с комендантом. Если когда-нибудь и будет Восточное Чжоу, то произойдет это естественным путем, когда Учитель всем разъяснит, что это не только желательно, но и возможно.

Но Цзы-лу согласился со мной, что Конфуцию пора помириться с диктатором Каном.

— Не беспокойтесь, — сказал он мне. — Я справлюсь с Учителем.

После интенсивных переговоров Конфуций принял приглашение посетить диктатора в его так называемой Лесной Хижине. Ясным летним днем, в сопровождении роты солдат, мы в запряженной четверкой коней повозке выехали из города.

— Надеюсь, он не будет возражать, если я приму его в охотничьем домике моего отца, — сказал Кан-нань, когда были закончены последние приготовления. — Могу лишь молиться, чтобы эта сельская простота повлияла на его чувство меры. — Яйцеподобное лицо диктатора, как обычно, было бесстрастно, когда он добавил: — Вы, Кир Спитама,

уважаемый гость, сослужили нам службу, которая не скоро забудется.

Поездка через лес была прелестной. Вокруг порхали всевозможные птицы, только что вернувшиеся с юга, на деревьях пробивались молодые листочки, а лесные цветы наполняли воздух тем тонким ароматом, что и сейчас заставляет меня беспрестанно чихать.

В первую ночь мы по-царски отужинали дичью и свежесвыловленной рыбой. Спали в шатрах. Мы не встретили ни драконов, ни злых духов, ни разбойников. Но на следующее утро наткнулись на мудреца-отшельника, и, как большинство отшельников, он говорил не переставая. Только обет молчания и может заткнуть им рот.

Волосы и борода этого человека не знали ни гребня, ни мыла уже много лет. Жил он в лесу не так далеко от лесной дороги. В результате в этой части мира он был хорошо известен. Сродни индийским обезьянам, он шнырял вокруг, дразня прохожих. Отшельник радовался отличию своей жизни от мирской суеты остальных. Китайские отшельники столь же утомительны, как и те, что встречаются на Гангской равнине. К счастью, здесь их не так много.

— А, Учитель Кун! — приветствовал он Конфуция, который вылез из кибитки, чтобы размяться в живописной дикой туговой роще.

Конфуций вежливо поздоровался.

— Скажи мне, Учитель Кун, есть ли преступление больше, чем иметь много желаний?

— Преступление — иметь много *неправильных* желаний, — кратко ответил Конфуций.

Он привык к оскорблениям отшельников. Они хотели, как Будда, уничтожить мир, а он — только исправить. Они удалились от мира, а он нет.

— Есть ли горе больше, чем быть жадным?

— Смотря до чего жадным. Жадность к чему-то хорошему в глазах небес вряд ли считается несчастьем.

— Знаешь ли ты, что такое небеса?

— Для тебя, последователя Учителя Ли, — Конфуций знал своего противника, — это Путь, который нельзя описать словами. Поэтому я, с согласия Учителя Ли, не буду их описывать.

Этот ответ тоже не вызвал у отшельника восторга.

— Учитель Кун, ты веришь в исключительную важность совершения Сыном Неба жертвоприношений предкам?

— Да, я верю в это.

— Но Сына Неба больше нет.

— Он был. Он будет. Тем временем жертвоприношения продолжают, хотя в отсутствие одинокого они и не совершенны.

— Что означают жертвоприношения предкам?

Я удивился, что Конфуций был озадачен этим вопросом, оказавшимся для него редким и новым на этой старой земле.

— Что означают жертвоприношения предкам? — переспросил он.

— Да. С чего они начались? Что они знаменуют? Объясни мне, Учитель Кун.

— Я не могу. — Конфуций смотрел на дикого человека, как на упавшее на пути дерево. — Тот, кто истинно понимает значение жертвоприношений, может обращаться со всем под небесами с такой же вот легкостью. — И он приставил указательный палец правой руки к ладони левой.

— Раз ты не понимаешь сути жертвоприношений, как можешь ты понять волю небес?

— Я просто передаю мудрость мудрых предков. Не более того.

Конфуций начал обходить лежащее на пути дерево. Но отшельник не собирался уступать ему дорогу и схватил Учителя за локоть.

— Это неприлично, — сказал Фань Чи, стряхивая бесцеремонную руку.

Когда Конфуций занял место в повозке, лицо дикого человека выражало скорее злобу, чем холодное безразличие, как то предписано перевозносящим вечно неизменное.

Я не удержался, чтобы не поддразнить отшельника.

— А как все начало свое существование? — спросил я. — Кто сотворил Вселенную?

Сначала мне показалось, что он не слышал меня, — глаза его не отрывались от сгорбленной спины Конфуция. Но когда я уже собрался тронуться в дальнейший путь, он ответил или процитировал:

— Дух долины никогда не умирает. Это называется Тайнственной Женщиной. Ворота Тайнственной Женщины называют корнем Неба и Земли. Он всегда в нас. Сколько бы ты ни черпал из него, он не иссохнет.

— Значит, мы вышли из вод некоей первобытной матки?

Мой вопрос остался без ответа. Вместо этого отшельник вдруг крикнул Конфуцию:

— Учитель Кун, веришь ли ты, что за зло следует платить добром?

Конфуций хоть и не взглянул на него, но ответил:

— Если за зло платить добром, то чем же платить за добро? Злом?

Я уже сидел в повозке и слышал, как Конфуций пробормотал себе под нос:

— Идиот!

— Как Учитель Ли, — сказал Цзы-лу

— Нет, — нахмурился Конфуций. — Учитель Ли умен. Но он порочен. Он сказал, что раз ритуалы предков приходят в упадок, верность и вера в добро исчезают, значит, жди беспорядков. То, что он проповедует, — для меня истинно беспорядочное, неприличное учение.

Пожалуй, никогда в жизни я не видел частного дома, столь прекрасного, как Лесная Хижина отца Кан-наня. Любопытно, что никто из моих попутчиков не знал, что старый диктатор в пятидесяти милях к югу от столицы построил свое поместье.

На широкой лесной прогалине, образуя подъем к высокому павильону, было сделано несколько террас, и казалось, что павильон плывет над обширным зеленым морем, которое ограничивали с юга островки фиолетовых гор, все еще покрытых зимним снегом.

У подножия первой террасы нас встретил распорядитель и проводил на самый верх. Лесная Хижина — это комплекс комнат, залов, галерей и павильонов, возведенных на четырех искусственных террасах в окружении сказочных садов. Где ни встань, внутри или снаружи, увидишь небо, цветы, деревья. Сады и дворцы построил архитектор из Чу — государства на юге от реки Янцзы, которое славится по всему Срединному Царству своими постройками, садами, женщинами... и драконами, как, к своему ужасу, обнаружил Шэ-гун.

Декоративные пруды отражали водянистый свет бледной луны. Светло-зеленая ряска покрывала поверхность воды, как сеть, в тонкие ячейки которой попались лотосы. У кромки воды цвели желтые орхидеи, словно застывшие на лету бабочки. Все садовники были одеты в леопардовые шкуры. Не знаю почему. Но эффект и в самом деле получился не только причудливый и странный, но также таинст-

венно-прекрасный и, как мне сказали, совершенно в духе садов Чу.

На самом верхнем уровне стоит двухэтажный дом из тщательно отполированного красного камня. Учтиво лебезя, распорядитель провел нас в зал, занимающий целый этаж здания. Все мы были ошеломлены красотой и воздушностью интерьера — все, кроме Конфуция, который сохранял поистине горестный вид.

До блеска отполированный серо-зеленый камень интерьера живо контрастировал с красным экстерьером. В центре зала возвышалась огромная колонна из черного мрамора, высеченная в виде дерева и поддерживающая потолок, чьи расходящиеся лучами балки из тикового дерева были вырезаны в форме ветвей, отягощенных всевозможными позолоченными плодами.

Прямо напротив главных дверей гобелены с голубыми зимородками скрывали вход собственно во дворец. Пока мы стояли разинув рты, чьи-то невидимые руки отдернули гобелен, за которым стоял Кан-нань. Наш хозяин был одет просто, но не просто: бесконечные поклончики, подергивания руками, пожимания плечами и шумные вздохи. Это был в высшей степени официальный, торжественный и значительный прием — сомнений не оставалось.

Когда Конфуций соответствующим образом ответил, Кан-нань провел нас в длинную галерею, откуда открывался вид на засаженные садами террасы. Здесь был накрыт стол, и нам прислуживала дюжина изумительно прекрасных девушек из Чу. Они являлись частью мебелировки, если не архитектуры, и все мы были ослеплены, но не Конфуций. Он сидел на почетном месте и выполнял все требования ритуала. Но на девушек старался не смотреть. Никто из нас не подозревал, что где-то в Лу существует такая роскошь. Хотя дворец семейства Чи в столице представляет собой большое и внушительное здание, он далеко не роскошен и по своему виду скорее соответствует административному центру обедневшего государства. По каким-то причинам диктатор решил показать нам ту сторону своей жизни, видеть которую доводилось не многим. Мы были потрясены, как и ожидалось. Конфуций был напуган. Так и предполагалось? Я не смог прийти к окончательному заключению.

Застолье было великолепным, и мы без меры пили темно-зеленое медовое вино, поглощали одно за другим блюда, которые нам подавали по южному обычаю — то есть горь-

кое сменялось соленым, за ним следовало перченое и все замыкалось сладким. Помню вареную черепаху, гуся в собственном соку, тушеную утку, жареного козленка в бататовом соусе, вяленое журавлиное мясо с маринованной редиской... и знаменитый кисло-горький суп У.

Кроме диктатора и Конфуция, все напились безобразно. Ученый муж и диктатор ели осторожно и вино старались скорее пригубить, чем выпить.

Во время перемены блюд молодые женщины под аккомпанемент цитр, дудочек, колокольчиков и барабанов исполняли крайне соблазнительные чжэнские танцы. Потом очаровательная красавица из У спела несколько любовных песен, которые даже Конфуций был вынужден похвалить за утонченность и древность. Он вообще не терпел никакой музыки, написанной после эпохи Чжоу.

Беседа мне запомнилась отрывочно, ее затмил в моей памяти тот великолепный день, еда, музыка, женщины. На каком-то этапе Кан-нань обратился к Конфуцию:

— Скажите, Учитель, кто из ваших учеников больше всех любит учиться?

— Тот, что умер, главный министр. К несчастью, Янь Хуэй прожил недолгую жизнь. И теперь, — Конфуций сурово посмотрел на присутствовавших учеников, — никто не может его заменить.

Барон улыбнулся:

— Разумеется, вам судить, Учитель. И все же я бы отдал должное мудрости Цзы-лу.

— Вот как? — Конфуций показал кончики передних зубов.

— Я также подумываю, что он достоин занять государственную должность. Вы согласны со мной, Учитель?

Так, не слишком тонко, Конфуцию предлагалась взятка.

— Цзы-лу — толковый человек, — сказал он, — и поэтому ему бы стоило занять должность.

Цзы-лу для приличия изобразил смущение.

— А что вы думаете о Жань Цю?

— Он очень непостоянен, — прямо ответил Конфуций. — Как вам, впрочем, самому известно, поскольку он уже занят на вашей службе.

— А Фань Чи?

— Он исполнительен, как вам тоже известно.

Жань Цю и Фань Чи уже не так наслаждались пиршеств-

вом, и диктатор забавлялся за их счет. И одновременно вел переговоры с Конфуцием.

— Ваши ученики хорошо служат мне, Учитель.

— Хорошо бы, эта добродетель была так же хорошо вознаграждена, главный министр.

Диктатор предпочел не отвечать на колкость.

— Скажите, Учитель, как лучше сделать народ почтительным и преданным?

— На примере?

Я вдруг заметил, что Конфуций не просто в ярости, он уже жалел о том немногом, что съел. Диктатор внимательно слушал, словно Конфуций еще ничего не сказал.

— Нужно уважать их достоинство. — Старик нахмурился и рыгнул. — Тогда и они будут уважать тебя. Нужно поощрять тех служащих государству, кто достоин этого, и учить тех, кто не справляется.

— Прекрасная правда! — Кан-нань с преувеличенным восторгом воспринял эту банальность.

— Рад, что вы так считаете. — Конфуций выглядел мрачнее, чем обычно. — И уж определенно никогда не стоит поступать наоборот.

— Наоборот?

— Не следует учить тех, кто хорошо исполняет обязанности, и поощрять тех, кто не справляется.

К счастью, беседу прервала печальная баллада Цай. Но когда она закончилась, Кан-нань снова начал внешне почтительные, но по сути вызывающие вопросы.

— Как вы знаете, Учитель, преступность непомерно выросла с тех пор, как вы покинули пост помощника министра полиции, где исполняли свои обязанности выше всяких похвал. Сам я — покорный раб гуна — трижды пострадал от воров. Что бы вы предприняли, дабы остановить эту эпидемию беззаконий?

— Если народ ничего не может скопить, главный министр, вы даже силой не заставите грабителя кого-либо ограбить. По той простой причине, что с людей нечего взять.

Диктатор пропустил мимо ушей это, я бы сказал, хамство. Не могу найти другого слова для поведения Учителя. Конфуций был чрезвычайно оскорблен демонстрацией того богатства и роскоши, что Кан-нань счел уместным выставить перед нами, когда государство обнищало.

— И все же воровать нехорошо, Учитель. Так что же нам



предпринять, тем из нас, кто причастен к власти, чтобы заставить народ подчиняться закону?

— Если *сами* вы идете прямой дорогой, кто же последует за вами по кривой?

Нам всем стало неловко. К тому времени мы уже изрядно напились. Но Кан-нань продолжал как ни в чем не бывало:

— Полагаю, Учитель, все мы идем по дороге, которая нам кажется прямой. А кто выбрал кривую дорогу — как же правильно поступать с теми? Следует ли их казнить?

— Вас, главный министр, считают правителем, а не мясником. Если вы искренне хотите узнать, что такое добро, то и народ захочет это узнать. Благородный муж подобен ветру, а народ — траве. Когда над лугом дует ветер, трава пригибается.

Конфуций снова обрел свою обычную невозмутимость. Диктатор кивал. У меня сложилось впечатление, что он в самом деле слушал. Но что он хотел услышать? Признание в измене? Мне было чрезвычайно неловко. И всем остальным тоже, кроме Конфуция, чей ум в отличие от живота, казалось, обрел покой.

— Но поймет ли простой народ действия благородного мужа?

— Нет. Но народ будет увлечен примером.

— Понятно.

На диктатора напала икота, которую китайцы считают внешним проявлением внутренней мудрости. Даже Конфуций вроде бы смирил суровость, заметив, что оппонент внимательно его слушает.

— Скажите мне, Учитель, может ли правитель, не следующий прямому пути, принести своему народу мир и процветание?

— Нет, главный министр. Это невозможно.

— Тогда как же быть с прежним правителем Вэй? Он пользовался дурной репутацией, позволяя своей наложнице вертеть собой, — вы, я полагаю, однажды посетили эту женщину.

От этой крайне неприятной насмешки Конфуций нахмурился.

— Если я когда-то вел себя неподобающим образом, то прошу небеса простить меня, — сказал он.

— Уверен, небеса вас уже простили. Но объясните мне, почему небеса не наказали этого недостойного правителя?

Десять лет назад он умер в преклонном возрасте, в довольстве и роскоши.

— Препрежний правитель счел уместным пригласить на службу лучшего иностранного министра, назначил крайне благочестивого верховного жреца и нанял лучшего полководца в Срединном Царстве. В этом и кроется секрет его успеха. В своих назначениях он следовал небесному пути. Это редкость, — добавил Конфуций, многозначительно глядя на диктатора.

— Пожалуй, не многие правители имели в своем распоряжении таких достойных и добродетельных слуг, как тот недостойный правитель, — вкрадчиво заметил диктатор.

— Пожалуй, не многие правители умели различить достоинства и добродетели, когда встречали таковые.

Конфуций говорил с возвышенной и убийственной невозмутимостью.

Все мы страшно нервничали, кроме Учителя и диктатора. Они, казалось, наслаждались своим поединком.

— Что же такое хорошее управление, Учитель?

— Когда близкое улучшается, а далекое приближается.

— Стало быть, следует поставить нам в заслугу, что вы были далеко, а теперь приблизились. — Это звучало как лесть. — И мы молимся, чтобы ваше присутствие рядом означало одобрение нашей политики.

Конфуций довольно резко взглянул на главного министра и без особой изобретательности произнес свой стандартный ответ:

— Не занимающий государственной должности не обсуждает государственной политики.

— Ваши «маленькие» занимают высокие должности. — Барон указал на Жань Цю и Фань Чи. — Они помогли нам принять хорошие законы, разумные декреты...

Конфуций перебил диктатора:

— Главный министр, если вы собираетесь управлять народом посредством законов, декретов и наказаний, люди просто перестанут обращать на вас внимание и займутся своими делами. Однако, если вы будете управлять силой морали и личного примера, они сами придут к вам. И будут праведны.

— Что же такое праведность, Учитель?

— Это небесный путь, которому следуют божественные мудрецы.

— Но поскольку вы сами божественный мудрец...

— Нет! Я не божественный мудрец. Я несовершенен. В лучшем случае я благородный муж. В лучшем случае я одной ногой на Пути, не более. Почтенный главный министр, праведность — это умение распознать общность во всем; и тот, чье сердце хоть чуть-чуть ощутило праведность, сможет узнать эту общность и, таким образом, окажется неспособным не любить людей, всех и каждого по отдельности, до последнего человека.

— Даже дурных?

— Особенно дурных. Следование праведности — это работа всей жизни. По сути дела, главная черта истинного благородного мужа — это праведность, которую он воплощает в жизнь посредством ритуалов, скромно разъясняя их сущность и честно соблюдая. Определенно достижение богатства и власти неправедным образом так же далеко от идеалов благородного мужа, как проплывающие облака.

Диктатор был не праведнее большинства правителей, однако склонил голову якобы благоговейно.

— И все же, — сказал он шелковому коврику, на котором сидел, — что же на практике является праведностью для покорного слуги государства?

— Если вы еще не поняли, я скажу. — Конфуций выпрямился. — Но поскольку уверен, что в глубине своего живота вы, как всякий благородный муж, и так знаете, я лишь напомню, что она включает в себя две вещи: внимательность к другим и верность другим.

— И что же я делаю, Учитель, будучи внимательным?

— Вы не делаете другим того, чего не хотели бы себе. Это довольно просто. А что касается верности, то вы преданно служите вашему господину, если он праведен. Если нет, вы должны перенести свою верность на другого, невзирая на то, что можете от этого пострадать.

— Скажите мне, Учитель, встречали ли вы человека, глубоко преданного праведности и ненавидящего порок?

Конфуций посмотрел на свои руки. Я был поражен необычайной длиной его пальцев. Когда Учитель ответил, голос его звучал тихо:

— Не думаю, что кому-нибудь удавалось во всю силу стремиться к праведности хоть один-единственный день.

— Но сами вы, конечно, до конца праведны.

Конфуций покачал головой:

— Если бы я был до конца праведен, я бы не сидел здесь у вас, господин главный министр. Мы обедаем в роскоши,

когда народ голодает. Это нехорошо. Это несправедливо. Это неприлично.

В любом другом месте голова Конфуция немедленно слетела бы с плеч. Мы все были напуганы. Но, что любопытно, он сделал самое разумное из возможного. Открыто выступив против диктатора на почве морали, Конфуций дал понять, что не представляет политической опасности для семейства Ци. В худшем случае он был неудобен; в лучшем — служил украшением режиму. Свирепый мудрец, придирающийся ко всем и каждому, часто является безопаснейшим человеком в государстве, вроде придворного шута — с ним так же мало считаются. Кан-нань опасался, что Конфуций и его ученики действуют заодно с Ци, что они втайне собираются свергнуть фамилию наней и восстановить власть гуна. Но поведение Учителя в Лесной Хижине убедило диктатора, что конфуцианцев опасаться не стоит.

Диктатор Кан пространно объяснил Конфуцию, почему государство так нуждается в доходах. Он также извинился за расточительность своего поместья:

— Видите ли, все это построил еще мой отец, не я. И многое явилось подарком от правительства Чу.

Конфуций смолчал. Буря миновала. Беседа перешла на общие темы, а танцовщицы начали добавлять в свои танцы все больше эротики. Не помню, как в ту ночь я добрался до постели. Помню лишь, что проснулся на следующее утро в спальне с красными стенами и алой резной дверью, инкрустированной нефритом. Когда я сел на постели, красивая девушка раздвинула голубые шелковые занавеси вокруг ложа и протянула мне большую чашу, на дне которой был изображен золотой феникс, восстающий из пламени.

«Удачный символ», — подумал я, блюя туда.

Никогда я не был в таком ужасном состоянии — и таком прекрасном окружении.

Последующие дни прошли идиллически. Даже Конфуций казался беззаботным. Дело в том, что диктатор с большой помпезностью поручил ему возглавить министерство, и теперь, казалось, горькая тыква наконец снята со стены и пущена в дело.

Все так думали, кроме Цзы-лу.

— Это конец, — сказал он мне. — Долгий путь завершен. Учитель уже никогда не получит возможности управлять.

— Но он министр.

— Кан-нань милостив. И умен. Конфуцию публично оказана честь. Но его услуги никому не нужны. Это конец.

В последний день нашего пребывания в Лесной Хижине меня вызвали к диктатору. Он принял меня радушно.

— Вы нам хорошо послужили, — произнес диктатор, и на яичной скорлупе проступила улыбка. — В частности, благодаря вашей любезности наш божественный мудрец теперь с нами. В стране царит мир, и ее границы спокойны, как вечный сон горы Тай.

Как всегда, его недоговоренности требовали пояснения. Позднее Фань Чи сказал, что в то самое утро пришло сообщение о взятии священного города Чжуань-ю. Войска семейства Ци вошли в город, и стены цитадели были срыты. А самое лучшее, с точки зрения диктатора, заключалось в том, что никаких возмущений этим из-за границы не слышалось. Мятежный комендант был стар, мятежный Ян Ху, по слухам, умер. Новый правитель Ци был поглощен внутренними заботами. Лу и его диктатор на время получили передышку. Мы еще не знали, что, принимая нас в Лесной Хижине, Кан-нань после долгих и мучительных лет праздновал успех своей политики. Утверждение Конфуция в должности министра было символическим жестом, рассчитанным вызвать восторг у его поклонников и положить конец неудовольствию ши и благородных мужей, управляющих государством.

— И мы также в долгу перед вами за то, что вы открыли нам способ выплавки металла. Ваше имя — варварское — уже занесено в анналы Лу.

Он взглянул на меня, словно я получил из его рук золотое сокровище. Со слезами на глазах я поблагодарил Кан-наня за высокую честь. Он слушал, как я одну за другой накручиваю китайские фразы благодарности, подобно гончару, покрывающему тарелку глазурью. Когда я прервался, чтобы набрать в грудь воздуха, диктатор сказал:

— Я хочу снова проложить шелковый путь в Индию.

— Снова, почтенный господин?

Он кивнул:

— Да. Не все знают, что во времена Чжоу — когда Сын Неба смотрел на юг из Шенси — между нами и варварами на Гангской равнине велся постоянный торговый обмен. Затем последовал долгий... перерыв. Без истинного Сына Неба многое из того, что было, исчезло. Хотя шелковый путь никогда полностью не исчезал, регулярные сношения

прекратились около трехсот лет назад. Но я, как и мой безупречный отец, поддерживаю добрые отношения с Чу. Вы видите благосклонным взором здешние сады — это кусочек Чу. И ничто не может сравниться с этой страной, которая вся — огромный сад, орошаемый водами Янцзы.

Довольно подробно диктатор взялся рассказывать мне историю Чу. Мое сердце трепетало, как птица в силках, но я притворялся, что слушаю.

Наконец диктатор перешел к делу:

— Теперь, когда в нашем государстве мир — и отчасти благодаря вам, дорогой друг, — наш правитель заключит договор с правителем Чу, и вместе мы снарядим экспедицию в Индию. И вы вручите дары нашего правителя царю Магадхи.

Тут, как по волшебству, зал заполнился купцами. Двое из них были индийцы, один из Раджагрихи, другой из Варанаси. Они рассказали мне, что прибыли в Китай морем. Точно к югу от Гуйцзи они потерпели кораблекрушение и утонули бы, не спаси их две русалки, которых в южных морях множество. Эти существа могут жить как в море, так и на суше — по крайней мере, на удаленных от берега скалах, где плетут прекрасные одежды из морских водорослей. Русалки известны своей расположенностью к мужчинам, и когда плачут — обычно, если их покинет какой-нибудь моряк, — их слезы превращаются в прекрасные жемчужины.

Мы долго обсуждали экспедицию. Хотя диктатор Кан сделал вид, что путешествие затевается исключительно в награду за мои заслуги перед семейством Цзи, вскоре я обнаружил, что это не более чем китайская гипербола. В общем-то, не реже раза в год из Ци отправляется караван через Лу на юг, в Чу. На каждой остановке к нему присоединяются новые купцы. Очень скоро я с долей горечи понял, что мог бы покинуть Лу на несколько лет раньше. Но, надо отдать справедливость диктатору, он хотел, чтобы я заслужил отъезд. Когда я заслужил, он меня отпустил. В конечном счете это был превосходный правитель, вне всяких сомнений.

Остальные дни в Лесной Хижине я запомнил плохо. Помню, что в отличие от Жань Цю и Фань Чи самого Конфуция не радовало получение высокой должности. Цзы-лу был так же мрачен. Я не мог понять почему, пока мы не оказались у городских ворот. Когда наша повозка проследовала внутрь городской стены, часовой спросил одного из наших стражников:

— Кто этот важный старик?

— Государственный министр, — напыщенно ответил стражник. — Первый рыцарь Конфуций.

— Ах вот как? — рассмеялся часовой. — Который говорит, что нужно пытаться, даже если в этом нет толку?

Хотя лицо Конфуция осталось безучастным, он весь задрожал, как в лихорадке. Туговатый на ухо Цзы-лу не слышал слов часового, но заметил, что Учителя бьет дрожь.

— Вы должны следить за своим здоровьем, Учитель. Сейчас опасное время года.

— А какое время года не опасное? — Как оказалось, Конфуций в самом деле был болен. — Да и какое это имеет значение?

Он уступил не столько главному министру, сколько времени. В Лесной Хижине Учитель понял, что никогда не будет направлять государственную политику. Но надеялся, что сможет принести какую-нибудь пользу. Однако мечте о наведении на родине порядка пришел конец.

## 7

Остаток лета ушел на приготовления к отъезду. Купцам Лу, желавшим отправиться со мной в Индию, было велено собрать свои товары у центрального склада. Я встречался с ними и старался быть хоть чем-нибудь полезным. Я обещал добиться от Магадхи всевозможных привилегий на торговле теми или иными товарами, сырьем или изделиями. Хотя торговля с Индией оставалась делом необычным, китайские купцы прекрасно знали, что там ценится. Я всегда думал, что каждый народ каким-то образом хранит воспоминания помимо устных преданий и записей в анналах. Каким-то путем сведения передаются от отца к сыну. Несмотря на то что с окончания регулярной торговли между востоком и западом прошло три века, большинство китайских купцов, казалось, знали с рождения, что на западе высоко ценится шелк, жемчуг, меха, перьевые ширмы, нефрит и драконова кость и там можно найти в изобилии золото, рубины и специи, столь любимые на востоке.

Начальником экспедиции был один аристократ из Ци. До наступления осени он зашел ко мне. Я заметил, что на него произвело большое впечатление мое родство с Аджаташатру, который, по моим сведениям, стал владыкой всей Гангской равнины за исключением республики Личчхави. По просьбе начальника экспедиции я согласился служить

связующим звеном между экспедицией и магадхскими властями. Пользовался ли я милостью своего взбалмошного тестя — этот вопрос я считал разумным не поднимать. Из всего мне известного я запросто мог предположить, что Амбалика с сыновьями мертва, а Аджаташатру выжил из ума. Определенно, если ему вздумается, он может казнить меня за побег — или просто для своего удовольствия. Знающие китайцы всегда говорили о нем с тревогой в голосе.

— Никогда еще не было такого кровавого царя, — говорил Фань Чи. — За последние годы он сжег дотла дюжину городов, перерезал десятки тысяч мужчин, женщин и детей.

Поскольку я знал Аджаташатру меньше, чем думали китайцы, мне он представлялся не таким страшным, как им. Во всяком случае, думал я, мы могли ему пригодиться, и не имело смысла упускать подобную возможность. Я имел основания предполагать, что он захочет превратить открытый шелковый путь в постоянный торговый маршрут, и ни к чему подрывать торговлю, грабя и убивая честных купцов. Так я успокаивал себя и начальника экспедиции.

Вскоре после возвращения из Лесной Хижины Конфуций слег. Через неделю по Срединному Царству пошел слух, что божественный мудрец умирает.

Услышав это, мы с Фань Чи поспешили к Учителю. На улице перед его домом толпились молчаливые, печальные молодые люди. Цзы-лу велел допускать к постели умирающего лишь постоянных учеников. Я оказался в доме лишь потому, что был с Фань Чи.

В передней собрались тридцать одетых в траур учеников. Я ощутил аромат курящихся в спальне ароматических листьев. Хотя для людей этот запах не лишен приятности, злым духам, как верят китайцы, от него становится тошно. В спальне пели погребальную песню.

Услышав ее, Фань Чи заплакал.

— Значит, он в самом деле умирает. Эту песню поют, когда дух покидает тело.

В Китае, если не умолить небеса и землю присмотреть за умирающим, он вернется и будет преследовать тех, кто, со своей стороны, не захотел умиротворить две половины первоначального яйца. Китайцы верят, что у каждого человека внутри живут два духа. Один — дух жизни, который умирает вместе с телом; другой — дух личности, который продолжает существовать, пока человека помнят и воздают ему почести жертвоприношениями. Если этому духу не воздавать



должным образом почестей, месть призрака может быть ужасной. Даже в тот печальный момент я не удержался от мысли, сколь запутаны все религии. Сам Конфуций не верил в духов и призраков. Считалось, что и ученики не верят. И все же в момент смерти Цзы-лу настоял, что нужно выполнить все забытые древние обряды. Все равно как мой дед в момент своей смерти попросил бы вдруг богиню-демона Анахиту похоронить за него перед обитателями арийского дома праотцов.

Ученики во дворе присоединились к пению. Я ощутил неловкость и неуместность своего присутствия. Я также ощущал глубокую искреннюю печаль, поскольку восхищался этим мудрым непокладистым стариком.

Вдруг пение смолкло. В переднюю вышел мертвенно-бледный Цзы-лу, словно сам умирал. Позади него стоял Жань Цю.

— Учитель без сознания. Он при смерти. — Голос Цзы-лу сорвался. — Но если он придет в чувство, мы должны воздать ему честь. — Цзы-лу подошел к одному из учеников, державшему в руках большой узел. — Здесь старая одежда слуг великого министра. Мы должны надеть ее. Скорее!

Цзы-лу, Жань Цю, Фань Чи и еще четверо учеников натянули плохо подходящие по размеру халаты и гуськом вошли в спальню, распевая хвалы великому министру. Меня никто не остановил, и я последовал за ними.

Конфуций лежал на простой циновке головой на север, где обитают мертвые. Он был очень бледен и дышал неровно. На жаровне курились ароматические листья.

Когда Цзы-лу с остальными начали стонать и раскачиваться, Конфуций открыл глаза и удивленно осмотрелся, как человек, очнувшийся от обычного сна.

— Цзы-лу!

Его голос звучал на удивление твердо. Ученики прекратили причитать, и Цзы-лу сказал:

— Великий министр, мы здесь, чтобы служить вам в смерти, как при жизни. Мы выполнили ритуал искупления. Мы зывали к небесным духам в вышине и земным духам в глубине...

— Мое искупление началось давным-давно. — От возвращающихся сил бледное лицо начало приобретать цвет. — Мне не нужны эти ритуалы. Или мои деяния праведны в глазах небес, или нет. А все это... излишне. — Старик изум-

ленно заморгал, увидев наряды учеников. — Ради небес, кем это вы вырядились?

— Слугами великого министра.

— Но я не великий министр.

— Но вы министр...

— Как все мы понимаем, должность эта на самом деле ничего не значит. Только великий министр может иметь слуг в таких одеждах. — Конфуций прикрыл глаза. — Это пародия, Цзы-лу. — Глаза открылись снова, они стали яснее, взгляд тверже. В голосе тоже прибавилось твердости. — Представляя меня не тем, кто я есть, кого вы дурачите? Двор? Там прекрасно знают, кто я такой. Небеса? Нет! Лучше умереть в собственной скромной должности.

В уголке его губ появился намек на улыбку. Цзы-лу молчал. Гнетущую тишину прервал Жань Цю:

— Учитель, я принес вам особое лекарство. — Он протянул старику маленькую закупоренную бутылочку. — Это подарок Кан-наня, молящегося за ваше выздоровление.

— Благодарю его за молитвы. И за лекарство. — С некоторым усилием Конфуций протянул руку, словно за бутылочкой, но, когда Жань Цю попытался вложить ее, старик сжал пальцы в кулак. — Но я не знаю, что в этой бутылке, и не рискну взять ее. Кроме того, — наконец снова показались кончики передних зубов в знаменитой кроличьей улыбке, — главный министр должен знать, что благородный муж принимает лекарства только от врача, чьи отец и дед пользовали его семейство.

Конфуций не умер. К концу лета он обратился к диктатору насчет своего министерства. Когда ему сказали, что в настоящий момент ничего предложить не могут, Учитель понял, что горькую тыкву повесили на стену навечно.

С очевидной охотой Конфуций стал делить свое время между изучением чжоуских текстов и учениками. Говорят, его частная школа была первой в Срединном Царстве, не связанной ни с одной из знатных фамилий. Сам Учитель получил образование в частной школе семейства Мэн и теперь стал давать образование как представителям знати, так и всему классу воинов. И что важнее, он стал выпускать благородных мужей. Малоимущим ученикам это очень нравилось. Чжоуской знати — нет.

Конфуций также очень много времени посвящал работе над анналами Лу. Он считал важным узнать точно, что происходило в те годы, когда гуны утратили власть, и провел

много счастливых часов, роясь в пыльных рукописях, предоставленных ему Ай-гуном. В Китае только великие фамилии имеют книги. Согласно Конфуцию, большинство этих библиотек — совершенная мешанина, поскольку все записи ведутся на бамбуковых полосках — как правило, сверху вниз, а не в строку, — а потом связываются вместе кожаными ремешками, продаваемыми в отверстия у верхнего края полоски. Со временем ремешки рвутся, и полоски часто перемешиваются. Конфуций мечтал привести в порядок как можно больше чжоуской литературы. Для этого требовалось отделить древние гимны от придворных песен и тому подобное. В общем, внушительная задача. Не знаю, прожил ли он достаточно долго, чтобы выполнить ее. Сомневаюсь, что ему это удалось.

В последний раз я встретился с Конфуцием за алтарем Дождю. Он прогуливался с толпой молодых учеников. Увидев меня, старик улыбнулся. Я присоединился к группе и прислушался к их разговорам. Хотя ничего нового я не услышал, всегда интересно, как Конфуций приспособляет свое учение к разным людям и ситуациям. Учитель особенно не любил тех, кто просто повторял то, что запомнил, как те индийские птицы.

— Узнавать и не обдумывать то, что узнал, совершенно бесполезно. Думать, не получив знания, опасно, — говорил он.

С другой стороны, Учитель и не слишком хорошо относился к угревертам. Помню, как один молодой человек повернул слова Конфуция против него же самого. Учитель воспринял проявление такого рода ума с видимой невозмутимостью, но, когда мы отошли, простонал:

— Как ненавижу пустословие!

Ему бы не понравилось в Афинах. Наверное, Демокрит, твой учитель Протагор согласился бы с Конфуцием, как важно проверять, что именно усвоил ученик. Конфуций также считал, что учитель должен уметь пересказывать старое в новых выражениях. Это очевидно. Но, к несчастью, так же очевидно, что многие учителя умеют лишь повторять без пояснения старые догмы. Для Конфуция истинная мудрость заключается в том, чтобы знать пределы того, что ты знаешь, как и пределы неизвестного тебе. Испытай это на своем друге Сократе — или его духе, о котором он так любит говорить. Демокрит считает, что я несправедлив к Сократу. Если это так, то причина кроется в том, что я знал

великих и мудрых людей, каких не найти в этой стране — или в эту эпоху.

Когда Конфуций с учениками подошел к берегу реки, я сказал:

— Я уезжаю, Учитель. И хочу попрощаться.

Конфуций обернулся к ученикам:

— Идите домой, мои маленькие.

Затем взял меня за руку — жест близости; он редко проявлял такое даже по отношению к Цзы-лу. Мы вместе прошли точно на то место, где впервые ловили рыбу три года назад.

— Надеюсь, ты будешь иногда думать о нас там, где будешь.

Он был слишком вежлив, чтобы назвать это место соответствующим китайским именем — страна варваров.

— Конечно. Часто. Я многому научился у вас, Учитель.

— Ты так думаешь? Я был бы рад, конечно, если это так. Но ты так не похож на остальных.

— Над Персией и Китаем одно и то же небо.

Я был искренен в своих чувствах к этому человеку.

— Но *законы* не одни и те же. — Старик показал свои кроличьи зубы. — И поэтому ты продолжаешь верить в Мудрого Господа и судный день и весь этот огненный... конец света.

— Да. И все же праведные пути для нас — на земле — те же, что и ваши.

— Небесные пути, — поправил он меня.

Мы стояли на берегу реки. В этот раз он сел на тот камень, где когда-то сидел я. Я опустил на колени рядом.

— Я больше не ловлю рыбу, — сказал Конфуций. — Я утратил мастерство.

— Это пройдет?

— А что не проходит? Кроме понятия праведности. И ритуалов. Я знаю, ты втайне посмеиваешься над нашими тремя тысячами тремястами обрядов. Нет-нет, не отрицай. Я тебя понимаю. И поэтому хочу, чтобы и ты нас понял. Видишь ли, без ритуалов учтивость становится утомительной. Внимательность становится застенчивостью. Смелость становится опасной. Негибкость становится жесткостью.

— Я никогда не посмеивался над вами, Учитель. Но иногда бывал в недоумении. И все же вы дали мне понять, что такое истинно благородный муж или каким он должен быть. Таким, как вы.

Старик покачал головой.

— Нет, — грустно ответил он. — Истинно благородный муж добр. И потому не бывает несчастлив. Он мудр. И потому ничему не удивляется. Он храбр. И потому ничего не боится. Большую часть своей жизни я провел в страхе, удивлении, несчастье. Я не таков, каким хотел бы быть. Вот почему, говоря честно, у меня ничего не вышло.

— Учитель, вы знаменитый мудрец...

— Проезжий возница более знаменит, чем я. Нет, я неизвестен. Но я не корю небеса и даже людей. — Он смахнул прядь седых волос с выпуклого лба. — Мне хочется думать, что на небесах людям воздается за то, как они жили и к чему стремились. Если это так, я удовлетворен.

Из садов неподалеку раздавались крики птиц и крики женщин, отгоняющих голодных птиц.

— Учитель, вы верите в небеса?

— Земля существует несомненно. — Старик топнул по мху.

— А небеса?

— Так нас учат чжоу, а до чжоу учили шань.

— Но если отвлечься от их учений, их ритуалов, верите?

— Много лет назад, когда я впервые приехал в Ци, то увидел там танец наследования. Он потряс меня. До того я не понимал, что такое совершенная красота, что такое совершенное добро. Три месяца я был ослеплен. И понял, что небеса должны быть, поскольку на земле я был так близок к совершенству и высшему добру.

— Но откуда взялась та музыка? Кто ее сотворил?

Конфуций сложил руки, скрестив большие пальцы.

— Если я отвечу вам «с небес», вы спросите, кто сотворил небеса. И я не отвечу вам, потому что не следует знать то, что нам знать не дано. А существует многое, с чем нам приходится сталкиваться. Именем небес мы создали некие ритуалы, которые позволили нам превзойти себя. Именем небес мы должны соблюдать некие обычаи, выполнять обряды, придерживаться определенного образа мыслей. Все это способствует гармонии, добру, справедливости. Эти понятия не всегда легко определить. — Старик нахмурился. — Единственным препятствием на моем пути, как и на пути каждого человека, явился язык. Важные слова затуманиваются слишком многими значениями и отсутствием значений. Будь моя власть, я бы изменил все слова. — Он помол-

чал, потом лукаво улыбнулся. — Чтобы они совпадали с первоначальным чжоуским смыслом.

— Но все эти церемонии, Учитель! Что вы подумали, например, о поведении Цзы-лу, когда были так больны?

Конфуций нахмурился:

— Эти одеяния были кощунством.

— Я имел в виду молитвы небесам и земле за вашего духа — ведь вы не верите в духов.

— Это непростой вопрос. Я почитаю ритуалы, потому что они утешают живущих, показывают уважение к умершим, напоминают нам о связи с теми, кто уже ушел. В конце концов, их в миллионы раз больше, и потому я не верю в призраков. Если бы нас окружали духи умерших, для живых не осталось бы места. Мы бы видели призраков на каждом шагу.

— Но как же быть с теми, кто говорит, что видел их?

Конфуций искоса взглянул на меня, словно обдумывая, как далеко можно заходить в разговорах со мной.

— Вот что. Я говорил со многими, считавшими, что они видели духов умерших, и всегда задавал им один вопрос, неизменно сбивавший их с толку: призрак был голый? Неизменно мне говорили, что на призраке была одежда, в которой его хоронили. Но мы знаем, что шелк и лен, и овечья шерсть неодушевленны и не имеют духа. Мы знаем, что когда человек умирает, одежда его истлевает, как и он сам. Как же дух смог снова ее надеть?

Я не знал, что и сказать, и неуверенно предположил:

— Возможно, дух только казался одетым?

— Возможно, только казался. Сам дух. Возможно, он существует только в воображении испуганного человека. Прежде чем родиться, мы уже были частью первичной силы.

— Это близко к тому, что говорит Зороастр.

— Да, я помню, — рассеянно произнес Конфуций. Мне так и не удалось заинтересовать его Истиной. — Когда умираешь, ты присоединяешься к первичной силе. Поскольку до рождения у нас нет воспоминаний или сознания, то как же можно сохранить их, вернувшись к первичной силе?

— В Индии верят, что человек возрождается на земле кем-нибудь или чем-нибудь другим.

— Навсегда?

— Нет. Вы будете возрождаться снова и снова, пока не подойдет к концу настоящий цикл мироздания. Единствен-

ное исключение составляет тот, на кого снизошло просветление. Он сам гасит себя до окончания цикла.

— И когда он... погаснет, куда он девается?

— Это трудно описать.

Конфуций улыбнулся:

— Так я и думал. Мне всегда представлялось ясным, что дух, оживляющий тело, должен после смерти возвращаться к первоначальному единству, откуда вышел.

— Чтобы возродиться? Или предстать перед судом?

Конфуций пожал плечами:

— Для чего угодно. Но одно несомненно: нельзя зажечь свечу, когда она сгорела. Пока в тебе горит жизнь, твое семя может создать новое человеческое существо, но, когда огонь сгорел, ничто уже не вызовет тебя к жизни снова. Мертвец, дорогой друг, — это остывшая зола. У нее нет сознания. Но это не причина, чтобы не воздавать честь его памяти, нам самим и нашим потомкам.

Мы поговорили о гадании. Хоть он и не верил в это, но видел в обрядах и ритуалах пользу для людей. Во всем, что касается улучшения человеческих отношений, Конфуций напоминал мне садовника, подстригающего и обрезающего свои деревья, чтобы они принесли наилучшие плоды.

Мы поговорили о государстве.

— Я в отставке, — сказал Конфуций. — Я вроде вазы Дань-гуна в храме предков. Ты ее видел? — Я сказал, что нет, и он рассказал мне о вазе, поставленной туда самим владыкой во времена основания Лу. — Когда ваза пуста, она стоит прямо и очень красива. Но если ее наполнить, она опрокинется и все содержимое выльется на землю, что во все не красиво. Вот я такая же ваза. Я стою прямо, но меня нельзя наполнить властью и славой.

Под конец, в тени древнего алтаря Дождю, Конфуций ритуально — как же еще? — обнял меня, как отец, прощающийся с сыном, которого больше никогда не увидит. Когда я уходил, глаза мне застилала слезы. Не знаю почему. Я не верю в то, во что верил он. И все же я считаю его бесконечно праведным. Определенно во всех своих путешествиях я не встречал человека, сравнимого с Конфуцием.

## Книга VII

### ПОЧЕМУ ГАНГ ОБАГРИЛСЯ КРОВЬЮ

#### 1

Путешествие по шелковому пути из Лу в Магадху заняло около года, и большую часть этого года я проболел. Такая же участь постигла и остальных — все страдали от лихорадки, свирепствующей в тех влажных и жарких диких джунглях. Каждый третий умер в пути, но начальник экспедиции считал потери приемлемыми.

Я уже не помню подробно точный маршрут, которым мы шли, а если бы и помнил, не открыл бы его грекам. В свое время я написал отчет о своем путешествии и полагаю, он до сих пор хранится в книгохранилище Персеполя.

В тот страшный год меня нередко одолевали сомнения, что когда-нибудь я снова увижу Сузы. Временами мне становилось все равно. Таково воздействие лихорадки. Кажется, лучше умереть, чем день и ночь подвергаться мучениям от приходящих в кошмарах демонов. Конфуций считает, что мира духов не существует. В таком случае откуда же берутся эти кошмарные существа, преследующие нас в лихорадке? Во время кошмара они реальны, из чего можно заключить, что они реальны вообще.

Демокрит не видит логики в моих словах.

Но ты никогда не лежал в лихорадке, Демокрит, и тебя не преследовали призраки. Моя роль в экспедиции была не очень ясной. Хотя ко мне относились с почтением, как к уважаемому гостю Лу и зятю магадхского царя, в то же время я был отчасти рабом. Начальник экспедиции обращался со мной хорошо, и тем не менее я чувствовал, что он видит во мне что-то вроде мебели, от которой при необходимости легко избавиться.

Когда мы прибыли в речной порт Чампа, что на Ганге, я попросил начальника экспедиции отпустить меня в столицу. Сначала он отказал. Но мне повезло: с заместником



Чампы мы как-то встречались при дворе, и он оказал мне такие почести, что начальнику экспедиции показалось невозможным держать меня пленником вроде бы в моей собственной стране. Мы с ним договорились встретиться в Раджагрихе, и в сопровождении отряда магадхских воинов я выехал из Чампы. С одной стороны, мне совсем не хотелось встретиться с тестем; с другой — хотелось повидать в Шравастии жену и сыновей.

В двадцати милях от Чампы я расстался со своим эскортом. Они продолжили путь в Раджагриху, а я присоединился к другому магадхскому отряду, который направлялся к границам республики. Их командир более чем охотно взялся сопровождать царского зятя. На самом деле он меня боялся. Вскоре я понял почему.

Хотя даже до Китая дошли слухи о свирепости Аджаташатра, я не совсем им доверял. Конечно, я знал, что он безжалостен. Как краб, он сожрал собственного отца. Но на Гангской равнине это скорее правило, чем исключение. Определенно я не ждал от Аджаташатра бессмысленной жестокости. Но я ошибся.

Сначала я был поражен размерами опустошения на месте некогда гордой и процветающей федерации республик. Мы ехали на север через покоренные страны, и казалось, сама земля тут была подвергнута смертной казни. На месте бывших просяных полей, плодоносящих садов и пастбищ не росло ничего.

Когда мы подъехали к полю, заваленному обгорелыми кирпичами, командир произнес:

— Здесь стоял город Вайшали.

Разрушение было полным. Только собаки, кошки, хищные птицы, змеи, скорпионы и ящерицы жили в руинах некогда стоявших здесь домов. Всего десять лет назад я видел здесь цветущий город, мне показывали зал собраний и место поклонения Махавире.

— Естественно, царь собирается заново отстроить город. — Командир отряда пнул грудой костей.

— И тогда, я уверен, Вайшали будет соперничать с Раджагрихой, — верноподданнически сказал я.

Как я ни старался представить себя всего лишь преданным зятем человека, которого индийцы считали величайшим монархом из когда-либо живших на земле, любопытство порой брало верх над осторожностью.

— Здесь было оказано сильное сопротивление? Стоило ли уничтожать до основания целый город?

— О да, почтенный принц! Я был здесь и участвовал в битве. Она продолжалась восемь дней. Основное сражение развернулось вон там. — Командир указал на запад, где вдоль пересохшей речки стоял ряд пальм. — Мы оттеснили их к берегу. Когда они попытались укрыться в городе, мы настигли их у стен. Царь лично возглавил атаку на городские ворота. Он лично поджег первый дом. Он лично перерезал горло командующему республиканцев. Он лично облил кровью воды Ганга.

Командир уже не говорил, а пел. О победах Аджаташатру слагали стихи, чтобы последующие поколения могли воспеть его славу и кровожадность.

Двенадцать тысяч воинов республиканцев были посажены на кол по обе стороны дороги из Вайшали в Шравастии. Поскольку окончательное сражение произошло в сухое время года, трупы на жарком солнце превратились в мумии. В результате мертвые казались живыми. Они широко разевали рты, то ли хватая воздух, то ли крича: на этих деревянных колах смерть наступает очень медленно. Меня несколько удивило, что каждый воин был кастрирован: индийцы не одобряют такую практику. Потом, в Шравастии, я увидел на рынке множество искусно обработанных мошонок, и по крайней мере один сезон кошельки из них были в большой моде. Знатные дамы привязывали их к поясу в знак патриотизма.

Мы пересекли границу того, что осталось от республики Личхави. После разгрома столицы республика продолжала сражаться.

— Это очень порочные люди, — заявил мой спутник. — Царь очень сердится, что они не сдаются.

— Не могу упрекнуть его. Помолимся, чтобы он наказал их — и поскорее!

— О да, почтенный принц! Мы их ненавидим, ненавидим!

Но в голосе молодого человека не было злобы. Он был такой же жертвой кровожадного Аджаташатру, как и бесконечные ряды потемневших, скорчившихся трупов слева и справа от нас.

Когда мы двинулись дальше на север, на плечо одной из мумий сел отдохнуть стервятник. С почти человеческим любопытством, даже деликатностью, он заглянул в глазницу,

где когда-то был глаз, пробно клюнул и, ничего не найдя, улетел. Он опоздал на пир.

В прекрасный прохладный безоблачный осенний день я въехал в Шравасту. К счастью, Аджаташатру пощадил столицу Кошалы. Когда я покидал Шравасту, мне было двадцать семь—двадцать восемь лет. Теперь мне было сорок. Лицо мое, опаленное солнцем и ветром, напоминало маску из тикового дерева. Хуже того, обрамлявшие маску волосы совершенно побелели. А хуже всего — сам владелец маски уже не молод.

Речной дом принца Джеты, казалось, не изменился. Я постучал в парадную дверь. Через окошечко на меня подозрительно посмотрел слуга. Когда я назвал себя, он рассмеялся. Я пригрозил ему именем Аджаташатру, и слуга исчез, а чуть спустя дверь открылась и меня почтительно встретил управляющий. Мы были незнакомы, но он сказал, что все знает о человеке с запада, ставшем отцом двух сыновей Амбалики. Так я узнал, что моя жена и сыновья живы. Что касается принца Джеты...

Мой старый друг сидел во внутреннем дворике. Это был действительно старый друг. Я бы не узнал в этом тощем старике того полного жизни человека, которым когда-то восхищался.

— Подойдите ближе, — произнес он.

Принц оставался неподвижен, и мне пришлось пересечь садик, чтобы приблизиться к его кушетке. Только обняв принца, я понял, что тело его полностью парализовано.

— Это случилось в прошлом году, — словно извинился принц. — Я бы предпочел быстрое отбытие, но, видно, было решено дать мне умереть постепенно. Наверное, в последнем воплощении я был очень счастлив. Но я не жалуюсь. В конце концов, я прожил достаточно долго, чтобы снова увидеть вас.

Прежде чем я успел ответить, к нам подошла дородная женщина средних лет с двумя серьезными голубоглазыми мальчиками. Я не узнал Амбалику, пока она не заговорила.

— Взгляните на себя! — Амбалика сразу бросилась в атаку. — Вы *постарели!* О мой бедный муж и господин!

Мы обнялись. Я бы не сказал, что сцена напоминала встречу Одиссея и Пенелопы. К тому же и не было поклонников, чтобы я их убил, — по крайней мере, я их не видел.

Мой старший сын выглядел уже взрослым, младший был на пороге зрелости. На жарком солнце Гангской равнины

все зреет быстро, словно боясь, что не успеет дать потомства.

Мальчики удивленно разглядывали меня. Я — их. Сочетание северных голубых глаз со смуглой южной кожей получилось разительным, и оба были удивительно красивы.

— Мне они тоже кажутся прелестными, — сказала Амбалика, когда мальчиков отослала. — Но из-за этих голубых глаз все здесь смотрят на них, как на демонов. Им нелегко. Но раз уж они выросли...

Амбалика запнулась. Мы смотрели друг на друга. Я, как всегда, был заворожен чарами Амбалики. Я не знал женщины, в обществе которой мне было бы так хорошо. С ней можно было говорить, как с женщиной, но не государственным мужем, в отличие от Атоссы. Что касается внешности... Что ж, индийское солнце сделало свое дело. Амбалика явно перезрела. Тело потеряло форму, появилось множество подбородков. Только глаза остались те же и сверкали точно так же, как в давнюю ночь, когда мы смотрели на Полярную звезду.

— Начните с самого начала, — попросил принц Джета.

Так я и сделал. Я рассказал обо всем, что считал, может его заинтересовать. Меня удивило, что никто не хотел слушать о Персии. Когда я только женился, Амбалика лишь о ней и говорила. Правда, тогда она собиралась отправиться со мной в Сузы, а теперь потеряла интерес к западу — и ко мне.

Но Китай зачаровал их обоих. Как оказалось, принц Джета состоял в сообществе, принимающем участие в восстановлении шелкового пути.

— А теперь расскажите, что произошло здесь, — попросил я, когда во рту у меня пересохло от долгого рассказа.

Амбалика сделала неуловимый жест, предупреждая, что нас подслушивают, и восторженно проговорила:

— Мой отец теперь вселенский монарх. Мы восхищены его победами. Его мудростью. Его добротой.

Последовала череда таких же ничего не значащих эпитетов. Когда я спросил о Будде, принц Джета ответил:

— Он достиг нирваны четыре года назад.

— Съев очень плотный обед из свинины с бобами, — добавила Амбалика, вновь обретая свою беззаботность.

— Это всего лишь слухи. — Принцу Джете не понравилось ее легкомыслие. — Он покинул нас спокойно — это

мы точно знаем. Последними его словами были: «Все проходяще. Зарабатывайте свое спасение усердием».

— А Шарипутра все еще возглавляет секту?

Принц Джета покачал головой:

— Он умер еще раньше Будды. Теперь вместо него Ананда. Кстати, все они живут там же, где и раньше.

— Заняты спорами, что Будда говорил, а чего не говорил. — Амбалика, как всегда, не терпела иного мира и его приверженцев.

— Ананда — хороший хранитель, — сказал принц Джета без особой уверенности. — Он следит, чтобы монахи запоминали все речения Будды так, как они звучали при его жизни.

— Вот только больше нет самого Будды, чтобы их поправить, — заметил я, зная жрецов по собственному печальному опыту.

— Вы правы. И не мне вам говорить, что уже случаются серьезные разногласия в том, что он мог, а чего не мог сказать.

— И их будет все больше.

С годами я не перестал удивляться и возмущаться новым учением, порождаемым от имени моего деда. Незадолго до своего последнего отъезда из Суз я зашел к главному зороастрийцу. Когда он приписал деду несколько бессмысленных стихов, я достаточно резко возразил ему, что Зороастр никогда не говорил ничего подобного. Но шарлатан с каменным лицом ответил:

— Верно. Пророк не говорил так в свое время. Эти стихи он прочел мне недавно во сне и велел записать, когда проснусь.

Так Ложь побеждает Истину — по крайней мере, во время долгого владычества. Ну что ж, эти лживые жрецы ощутят расплавленный металл непременно.

Следующие несколько недель я провел прекрасно. Хотя раздобревшая Амбалика больше не привлекала меня как женщина, она показала мне не только приятной в общении, но и умной. В нашу первую ночь после разлуки она вывела меня на крышу, откуда открывался вид на реку. Помню, что луна убывала, помню пряные, как всегда, дымки кухонных очагов с причалов внизу. Казалось, в Индии ничего не изменилось.

— Теперь нас никто не услышит.

Мы сидели бок о бок на диванчике, и луна светила пря-

мо нам в глаза. Далеко на востоке смутно маячили Гималаи — темная громада на фоне неба.

— Где твой отец?

Я бы предпочел по возможности не встречаться с этой непредсказуемой личностью.

— В сухой сезон он всегда с войском. Значит, где-нибудь у границ Личхави. Республиканцы очень упрямы. Не знаю почему. Если бы они сдались, отец, может быть, пощадил бы кого-нибудь. А так убьет всех.

— Ведь он действительно вселенский монарх, правда?

Я не знал, до какой степени моя жена на стороне своего отца, и держался осторожно.

— Как сказать — жертвования коня не было... Но он самый выдающийся среди всех царей в нашей истории.

Мы смотрели на мерцающие звезды и слушали, как кто-то еле слышно играет внизу на цитре.

— Я полагаю, вы еще раз женились? — Она задала этот вопрос совершенно равнодушно.

— Да. Я женат — или был женат — на сестре Великого Царя. Она умерла.

— У вас были дети?

— Нет. У всех моих детей одна мать — ты.

— Большая честь.

Амбалика произнесла это серьезно, но очевидно, просто дразнила меня. Я пропустил это мимо ушей.

— Насколько мне известно, еще не было случая, чтобы у кого-то вроде меня были сыновья от дочери царя далекой страны.

— Это *Персия* — далекая страна! — резко откликнулась Амбалика. — Здесь *мы* дома.

— Я думал, ты хочешь поехать со мной в Персию.

Она рассмеялась:

— Будем считать, что я так же хочу отправиться в Персию, как вы — жить там со мной!

— Я бы хотел...

— Не будьте наивным! — Она вдруг живо напомнила мне девочку, на которой я женился. — Вы не будете знать, что со мной делать там, а я не буду знать, куда деться в стране, где среди снега и льда живут голубоглазые люди. — Она пережила от такой мысли.

— Но наши сыновья...

— ...Должны остаться здесь.

— Должны? — Я вдруг рассердился. В конце концов, это

были мои сыновья, и я очень хотел увезти их в Сузы, с матерью или без.

— Да, должны. Все равно у вас нет выбора. Как и у меня, — добавила она. — Такова воля моего отца. Ему нравится мысль о внуках-персах. Он думает, что когда-нибудь это может пригодиться.

— Послать с посольством? Но если они ни разу не съездят на родину, какой от них там будет прок?

— Отец найдет. Не беспокойтесь. Во всяком случае, он вызвал старика Караку — учить их персидскому.

Меня обрадовало, что Карака жив. По словам Амбалики, он стал суперинтендантом всех железных изделий в Магадхе.

— А что Китай? — спросила она, поправляя свою легкую накидку под теплым ночным ветерком. — Там вы тоже на ком-нибудь женились?

— У меня были две прелестные наложницы, но жены не было.

— А дети?

— Нет. Китайские женщины освоили искусство не иметь детей.

Амбалика кивнула:

— Да, я слышала об этом. Конечно, у нас тоже есть кое-какие заклинания, которые всегда действуют — когда действуют.

— Китайские женщины пьют какое-то снадобье. Но когда я спрашивал, что это, они только хихикали. Вообще народ там очень скрытный. Но все равно мои две девушки были восхитительны. Тебе бы они понравились.

— Мне бы здесь понравилось любое общество. Как единственная жена пропадающего где-то мужа, в доме деда, у которого нет наложниц моложе шестидесяти, я все время одна. А что вы сделали с девушками, когда уезжали из Китая?

— Одну отослал домой, в ее деревню, и дал ей денег, чтобы вышла замуж. А другую отдал другу, чтобы вела у него хозяйство.

Фань Чи был так очарован моей второй наложницей, что я с радостью сделал ему этот подарок. Он от души благодарил.

— Мне не суждено их общество. — Амбалика словно и вправду опечалилась. — Но ведь и ваше общество мне не суждено, правда?

— Я должен доложить Великому Царю.

— И когда вы это сделаете, то будете очень, очень старым. Слишком старым, чтобы вернуться сюда.

Прямота Амбалики всегда поражала меня — и очаровывала. Слушая в темноте ее чистый, дразнящий голос, я забыл о бесформенной туше, скрывшей под собой стройную девочку, на которой я женился — как будто в какой-то другой жизни.

— Ты хочешь, чтобы я остался?

— Не думаю. Разлука была слишком долгой.

— А что скажет царь?

Амбалика молчала. Я положил руку ей на плечи. Этого не следовало делать. Созданная темнотой иллюзия юности при прикосновении исчезла, но на какое-то время мы остались в объятиях друг друга, и Амбалика рассказала мне о кровавых событиях, постигших страны Гангской равнины.

— Мы особенно испугались после разгрома кошальского войска и уже собрались бежать, но получили от царя тайное послание. Он велел нам оставаться и сообщал, что помилует Шравасты — как место жительства Будды! — Она тихо рассмеялась мне в плечо. — Отцу до Будды такое же дело, как и мне. Но он знал, что Будда популярен, а буддийская община ненавидит Вирудхаку за разгром республики Шакья. Конечно, когда отец короновался в Шравасты, никто не подозревал, что он собирается уничтожить все республики. Как бы то ни было, здешний народ приветствовал отца как освободителя. Да и сам он вел себя соответственно.

— Вы с ним виделись?

— О да. Мы в очень добрых отношениях, и, конечно, он без ума от внуков. Он всегда спрашивает о тебе, надеется увидеть снова, плачет...

— По-прежнему плачет?

— По-прежнему. Но теперь для этого больше причин.

За этой фразой не крылось осуждения. Но женщин всегда привлекала сила и власть. Не думаю, что когда-нибудь найдется завоеватель столь кровавый, чтобы большинство женщин не захотели лечь с ним в надежде родить сына, такого же лютого, как отец.

## 2

Незадолго до ежегодного карнавала, налетающего на Шравасты ураганом и отдающего все дни удовольствиям, мы с принцем Джетой навестили в буддийском монастыре Ананду. Я пешком сопровождал носилки принца.

— Я редко выхожу из дома, — еле слышно говорил он,



когда мы пробирались через радостно шумящую толпу. — Но мне хочется присутствовать при вашем разговоре с Анандой. Его очень заинтересуют ваши китайские рассказы.

Принца Джету околдовали мои повествования о Конфуции и Учителе Ли, и он считал, что главе буддистов они тоже понравятся, — единственное проявление наивности, когда-либо замеченное мной в старом друге. Если что-нибудь может вызвать у профессионального жреца отвращение, то это рассказы о соперничающей религии или системе мышления.

Бамбуковый парк теперь был полностью отдан буддийской секте. Навес, где жил Будда, окружала невысокая стена, а рядом строилось новое здание.

— Женский монастырь, — пояснил принц Джета. — Его строит Амбапали. И она же станет первой монахиней.

— Куртизанка из Вайшали?

— Да. Когда Будда умер, она пришла сюда... Со всеми своими деньгами. Надо сказать, ей повезло.

— Да. Я видел развалины Вайшали.

— Остаток жизни она посвятила секте. Я искренне восхищаюсь этой женщиной. Она и вправду святая.

— И очень старая, — не удержался добавить я.

Удачливые куртизанки, когда красота уходит, очень часто обращаются к религии или философии. Интересно бы посмотреть, кем станет Аспазия.

Ананда чем-то напоминал Будду и не старался скрывать этого сходства. Со множеством поклонов глава сангхи сопровождал носилки принца Джеты в главный зал монастыря. Я шел следом. Несколько сот юных монахов цитировали слова Будды. Я заметил, что на многих новые желтые одежды. Это было новшество. В прежние дни монахи могли носить лишь лохмотья, выпрошенные в качестве подаяния.

Ананда провел нас в комнату с низким потолком, устроенную в задней части прежнего монастырского двора.

— Здесь я стараюсь вспоминать, — сказал он.

Когда носильщики принца Джеты удалились, Ананда обратился ко мне:

— Шарипутра очень хорошо отзывался о вас.

Принц рассказал ему о моих китайских приключениях, и святой выразил интерес. Но изложить китайскую мудрость попросил не он, а сам принц Джета. Я вкратце изложил. Ананда вежливо скучал, а под конец сказал:

— Учитель Конфуций поражает меня. Он слишком при-

надлежит этому миру, чтобы воспринимать его учение всерьез.

— Он верит, что мир людей — единственный из существующих миров, — ответил я. — Вот почему он придает такое значение нашему поведению в единственно существующем мире.

— Мы бы, конечно, согласились с последней частью, и его представления о благородном муже очень близки к тому, что мы знаем как истину. Вот почему мне кажется столь странным, что он не видит очевидного: нирваны. Будто, уже ступив было на путь четырех благородных истин, он вдруг останавливается. — Ананда, надув щеку, издал вульгарный звук.

— Не думаю, что он собирается идти куда-то дальше этого мира.

— И в этом его можно пожалеть.

— Думаю, Конфуций не нуждается в жалости, — сказал я резче, чем хотел, и принц Джета повернул ко мне голову.

— Наша жалость всеобща, дорогой мой. — Ананда улыбнулся. — Мы жалеем всех живущих. Быть живым — значит оказаться пойманным в круг непрерывных возрождений. Только о тех, кто был здесь и ушел, можно сказать, что они достигли того, что должно стать сознательной целью всех людей.

— Учитель Кун не согласился бы с вами.

Я с удивлением обнаружил, что говорю, как ученик Конфуция, а ведь ужасался его безразличию к Мудрому Господу! И он был безразличен не только к идее сотворения мира, но даже отказывался признать скрытую во всем двойственность. Хотя Конфуций целиком принадлежал этому миру, я защищал его от Ананды. Нет конца человеческой странности! Думаю, всегда соблазнительно бросить вызов тому, кто думает, что один знает правду, или истинный путь, или владеет ключом к тайне.

— А что Конфуций думает о смерти? — ради принца Джеты проявил интерес Ананда.

— Толком не знаю, но подозреваю, что он считает этот вопрос несущественным. Конфуций интересуется жизнью...

— Пойман жизнью! Бедняга!

— А кто не пойман? Просто Конфуций честен. Он часто грустит. Он признает свое несовершенство — как я заметил, редкость для святых сего мира.

Ананда воспринял мой намек с вкрадчивой улыбкой.

— Он хотел управлять страной для общего блага, — продолжал я. — Когда ему отказали в этом, он страдал и говорил, что это страдание и есть доказательство, что он вовсе не совершенный мудрец.

— Вотсе не совершенный мудрец, — повторил Ананда. — Вы уверены, что он не проявлял желания вырваться из круга рождений, смертей и возрождений?

— Не думаю, что он признавал этот круг.

— Боюсь, это невежество.

— Нет, не невежество. Просто другой вид знания. Он признавал первичное единство, из которого мы вышли и в которое вернемся.

— Это он очень, очень тонко подметил. — Ананда повернулся к принцу Джете. — Вот доказательство абсолютной мудрости Будды — даже в варварском Китае какой-то учитель смог заметить краешек истины — не понять, нет-нет, но ощутить ее. — Он улыбнулся мне. — Мы очень рады это слышать.

Этот коротышка утомлял своим самодовольством.

— Несомненно, Конфуций был бы рад узнать, что в далеких землях люди могут хотя бы смутно воспринять его истины, — сказал я.

Ананда не услышал ни смысла моих слов, ни звучащего в них вызова.

— Вы будете рады узнать, что мы наконец усовершенствовали нашу канализационную систему, — обратился он к принцу Джете. — Она уникальна, по крайней мере в Шравати. Мы отвели воду подземных потоков так, что теперь она бежит прямо под уборными. Мы также сделали...

Он еще много говорил о гигиене — вечной проблеме индийских городов. Наконец Ананда вежливо повернулся ко мне:

— Кажется, я припоминаю, что, когда вы были у нас впервые, ваши верования значительно отличались от нынешних. Тогда вы верили в верховного бога, единого творца Вселенной. Теперь же благодаря поучениям того китайца вы озабочены лишь... умением вести себя в повседневной жизни.

Я не ожидал, что он помнит мои слова о Мудром Господе, сказанные так много лет назад, и это было глупо с моей стороны. Когда дело касается памяти, профессиональный жрец еще хуже — или лучше — поэта.

— Я не изменился, — сказал я. — Я по-прежнему верю в

Мудрого Господа и упомянул об учении Конфуция, лишь чтобы показать... — Я запнулся, не в состоянии вспомнить, что же именно я хотел показать, цитируя принадлежащего этому миру Конфуция.

— ...Показать сходство между его Путем и путем Будды. Да, я так и понял. — Ананда улыбнулся, чем привел меня в бешенство. — Конечно, — продолжал он, — ваш китаец, отвергая идею о божестве-творце вроде Брахмы или Мудрого Господа, проявил зачатки истинного ума.

Я перенес это святотатство, надеюсь, с той же невозмутимостью, с какой он постоянно уклонялся от моих нападок.

— Истинный ум заключается в том, — ответил я, — чтобы осознать: ничто не может начаться из ничего. И следовательно, мир должен начаться с чего-то. Мир должен быть кем-то сотворен — а именно Мудрым Господом.

— А кто сотворил его самого?

— Он сам.

— Из чего?

— Из ничего.

— Позвольте, но вы только что сказали, что ничто не может начаться из ничего.

Да, Демокрит, я попался в древнюю ловушку и стал скорее выкручиваться:

— Ничто — не совсем то слово, которое нужно употребить. Скажем так: то, что было тогда, есть теперь и будет всегда, то есть это — вечно неизменное. — Не долго думая, я прибег к идеям Учителя Ли. — Из вечно неизменного Мудрый Господь сотворил землю, небо, человека. Создал Истину и Ложь...

— О мой дорогой! — вздохнул Ананда. — Это очень примитивно. Извините меня. Я не хотел задеть ваших чувств. Я уважаю вашу глубокую веру в то, что ваш дед считал истиной. Но даже ваш китайский друг пошел дальше понятия о всемогущем божестве вроде Мудрого Господа, или Брахмы, или неба, или как хотите назовите его или ее. Знаете, был один брахман, очень злившийся на Будду. И наконец он сказал: «Как может Будда отрицать Творца? Как вы не поймете, что и радость, и печаль, и все чувства человека приходят к нему от высшего божества?»

— И что на это сказал Будда? — спросил принц Джета; очевидно, он раньше не слышал этой части учения или это было недавним дополнением?

— Я процитирую ответ Будды, — сказал Ананда и, закрыв глаза, прочел нараспев: — «Вот так благодаря созданию высшего божества люди становятся убийцами, ворами, распутниками, клеветниками, оскорбителями, болтунами, завистниками, злобными и непостоянными во взглядах. И поэтому те, кто предпочитает опираться на придуманного бога, как первопричину, не имеют ни желания, ни необходимости совершать или не совершать те или иные поступки».

— Хорошо, — прошептал принц Джета.

— Чепуха! — рассердился я. — Это не все. Когда Мудрый Господь сотворил себя и свою тень — порок, он создал человека и дал ему выбор: служить Истине или Лжи. Те, кто служит Лжи, в судный день понесут наказание, а те...

— О, как запутанно! — сказал Ананда. — И как типично для этих высших божеств. Вся эта злоба, вся эта наивность! В конце концов, если он верховный бог, зачем же он позволяет существовать злу?

— Чтобы у каждого человека был выбор.

— Нет, если бы я был высшим божеством, я бы не связывался ни с сотворением зла, ни человека — ничего вообще, что мне бы не нравилось. Боюсь, что когда дело дойдет до объяснения сути вашего высшего божества, вы попадете впросак. Зло существует. И вы не можете объяснить зачем. И поэтому превращаете своего творца в какого-то игрока, играющего человеческими жизнями. Послушаются или не слушаются? Придется или нет их мучить? Дитя мое, это слишком примитивно. Вот почему мы давно отказались от учения о высшем божестве. И так же, насколько я понял, отказался и ваш друг Конфуций. Он понимает, как и мы, что признать такое чудовище — значит одобрить зло, поскольку зло — его творение. К счастью, мы смотрим дальше Брахмы, дальше Мудрого Господа. Мы смотрим на природу Вселенной и видим в ней кольцо без начала и конца, и тот, кто следует середине, может взглянуть сквозь кольцо и понять, что все — иллюзия, как и вечность. В конечном итоге, рассуждая практически, мы думаем, что человек лучше ведет себя в мире, где нет высшего божества, утверждающего зло и запутывающего простое. Как мудро сказал ваш Конфуций, «небеса далеко, а человек близко».

Я не стал продолжать спор. Атеисты всегда переговорят верующего в Мудрого Господа. Мы знаем, что истинно. Они нет. Конфуций нашел во мне понимание, потому что пытался удалить небеса сверху. Он принимал то, чего не

мог понять. Но Будда с безразличием отвергает небеса. Не думаю, что на земле был когда-либо еще столь высокомерный человек. Ведь что он заявлял: «Я существую. Но когда я перестану существовать и меня больше не будет, то не будет ничего и нигде. Что другие принимают за существование — лишь иллюзия». От такого захватывает дух.

Демокрит говорит, что у него дух не захватывает.

Он думает, что Будда имел в виду нечто иное. Мир остается, говорит Демокрит, и единственная аномалия в нем — это несовершенная личность, наблюдающая его. Удали эту личность, и материя останется неизменной, вечно неизменной. Вечно неизменное? Не могу слушать ничего подобного. Для меня что существует, то существует.

### 3

Следующие несколько недель я вел переговоры с разными купцами, желающими торговать с Персией. К тому времени я сам стал вроде купца. Я знал, что и почему можно продать в Сузах, и мне доставляло удовольствие часами торговаться в шатрах на главном базаре. Само собой, когда я оказывался в обществе видных купцов или казначеев гильдий, всегда упоминалось имя Эгиби. В каком-то смысле эта контора являлась вселенским монархом. Куда ни поедешь, ее агенты уже там и делают деньги.

Мне оказалось нелегко с сыновьями. Сначала они дичились меня. У меня было чувство, что они словно обижены своей непохожестью на других и обвиняют в этом меня. Тем не менее доверие старшего мне удалось завоевать. Он чрезвычайно гордился своим делом-царем.

— Это будет первый владыка всего мира! — сказал мальчик, когда мы шли через базар, где он был свидетелем того, как я брал ссуды от купеческих сообществ.

Надо сказать, он изо всех сил стремился скрыть свое презрение воина к торговцам, с которыми я вел переговоры.

— Что ты понимаешь под владыкой всего мира?

— Царь смотрит на запад. Царь смотрит на восток.

Очевидно, сын цитировал какой-то придворный текст.

— Ты думаешь, он замышляет поход на страну твоего отца? — спросил я.

Мальчик кивнул:

— Когда-нибудь весь мир будет принадлежать ему, пото-

му что еще не было на свете подобного царя. Раньше не было владыки над всей Индией

— Всей Индией? А Личчави? А царство Аванти? А наша провинция Индия? А юг?

Он пожал плечами:

— Это мелочи. Когда Аджаташатру выезжал на площадь — я был тогда ребенком, но помню это зрелище, — он был подобен солнцу! И народ приветствовал его, словно в самом деле вышло солнце после долгих дождей.

Я не стал разубеждать сына, люди ведь могли быть просто напуганы новым правителем — летнее солнце может и сжечь поля, превратив их в пустыни.

— Он любит тебя?

— О да! Я его любимец.

Ростом мальчик был уже с воина, каковым ему скоро предстояло стать. Несмотря на мои глаза — глаза фракийской ведьмы Лаис, — он выглядел для меня совсем чужим. Но я разглядел в нем честолюбие и энергию. Он собирался связать свою жизнь с магадхским двором, в этом не оставалось сомнений.

— Ты бы хотел увидеть Персию? — спросил я.

Его зубы были ослепительными, а улыбка чарующей.

— О да! Моя мать много говорила мне о Сузах, Вавилоне, Великом Царе. И когда приходит старый Карака, он тоже рассказывает мне разные истории.

— Ты хотел бы поехать со мной?

Я не посмел взглянуть на него. В стране, где все смуглые, ощущаешь странность, когда две пары голубых глаз смотрят одна в другую, как в зеркало... Правда, одно из зеркал выступает из темноты.

— Я должен закончить учиться, отец. Потом я отправлюсь в университет в Таксилу. Я не хочу туда ехать, но дед велел мне изучать языки. Я должен повиноваться.

— Возможно, он воспользуется тобой, как послом. Вроде меня.

— Это было бы двойной честью.

Мальчик уже был придворным.

Мой младший сын был мечтательным и застенчивым. Когда мне наконец удалось сблизиться с ним, он попросил рассказать о драконах и русалках, и я постарался угодить ему своими сказками. Он также интересовался Буддой. Позднее я, он унаследовал от прадеда склад ума, направленный на иной мир. Как бы то ни было, оба моих сына не за-

хотели покинуть Индию. Я не удивился, но был глубоко опечален.

За день до отправления моего каравана в Таксилу я сидел рядом с носилками принца Джеты на крыше Речного дома.

— Я скоро умру, очень скоро, — сказал мой старый друг, повернув ко мне голову. — Вот почему я так рад видеть вас снова.

— Почему? Когда вы умрете, то забудете меня.

Принц Джета любил смеяться над смертью, и я старался по возможности шутить на эту тему — признаться, не самая легкая задача. И до сих пор я не привыкну к мысли, что покину это изношенное тело и совершу долгий переход — мою об этом Мудрого Господа — по мосту Спасителя.

— Ах, разговор с вами в последние дни может существенным образом изменить мою судьбу. Благодаря вам в следующей жизни я могу оказаться ближе к выходу.

— Я бы сказал, что вы и так в одном шаге от nirваны.

— Боюсь, более, чем в шаге. Я подвержен печали. Моя следующая жизнь вполне может оказаться еще хуже, чем вот это. — Он посмотрел на свое парализованное тело.

— Мы рождаемся только раз, — сказал я и вежливо добавил: — Во всяком случае, мы в это верим.

Принц Джета улыбнулся:

— Не важно, во что вы верите, уж вы простите меня. Мы не можем признать бога, забирающего бессмертные души, позволяющего им рождаться снова, играющего с ними, а потом творящего над ними суд и осуждающего на вечную муку или вечное блаженство.

— Не вечное. В конце концов, в вечности все будут как один.

— Не уверен, что правильно уловил вашу идею вечности.

— Кто может ее понять? — Я сменил тему и заговорил о сыновьях. — Я надеялся, что они смогут вернуться со мной. И Амбалика тоже.

Принц Джета покачал головой:

— Это нецелесообразно. Там они чувствовали бы себя чужими, как вы чувствуете себя здесь. Кроме того...

Он замолк, увидев что-то за рекой. Я тоже взглянул туда. Равнину между горами и берегом, казалось, заполняла пыльная буря, хотя день был безветренным.

— Что это? — спросил я. — Мираж?



— Нет, — ответил принц Джета и нахмурился. — Это царь.

Я поежился под теплым солнцем.

— Я думал, он у границ Личчхави.

— Был. А теперь здесь.

— Думаю, мне лучше исчезнуть до его прибытия.

— Поздно, — сказал принц Джета. — Он захочет вас увидеть.

— Но пока он не знает, что я здесь, я мог бы...

— Он знает, что вы здесь. Он знает все.

Следующим утром, на рассвете, мне было велено явиться к царю за реку. Я попрощался с Амбаликой, словно в последний раз. Она утешала:

— Вы же его зять, отец любимых внуков. Вам нечего бояться!

Но что бы она ни говорила, я чувствовал, что и она прощается со мной в последний раз.

Ничто на земле не сравнится с индийским войском. Во-первых, это не войско — это город. Представь палаточный город с двумястами или тремястами тысячами мужчин, женщин, детей, слонов, верблюдов, лошадей, быков — и все это медленно движется по пыльной равнине, и можно вообразить, на что это похоже, когда индийский царь идет на войну. Греков шокирует, что Великий Царь отправляется в поход со своими женщинами, утварью и бутылками воды из Хоаспа; что бессмертным позволено идти в поход со своими женщинами и рабами. Но когда приходит время сражаться, слуг и обозы оставляют далеко в тылу. В Индии не так. Царский город просто поглощает противника. Сначала на врага бросаются слоны. Если у противника своих слонов нет, на этом битва и заканчивается. Если враг дает отпор, в дело вступают лучники и копейщики. Тем временем рынки, таверны, мастерские и оружие так заполняют всю территорию, что враг просто не в состоянии сопротивляться нахлынувшей на него плотной массе людей и вещей.

Когда друг на друга нападают два равных войска, в конце концов побеждает то, которому удастся убить вражеского предводителя. Если оба предводителя остаются живы, получается просто бесконечная давка — два города безнадежно перемешиваются. Существуют рассказы о двух войсках, которые так перепутались, что пришлось объявить перемирие, дабы понять, кто есть кто.

Моему вознице понадобился час, чтобы добраться от

первого часового за рекой до самого сердца лагеря, где стоял золоченый шатер Аджаташатру. Я чувствовал себя скорее на обширном базаре, чем в военном лагере. Медленно-медленно мы проехали через торговые ряды, мимо арсеналов и боен ко внутреннему городу, где возвышались шатры царя и его двора.

У входа в царский шатер возница остановил колесницу, и я сошел. Распорядитель провел меня в шатер рядом, где один из рабов поднес мне серебряный тазик с розовой водой. По обычаю, я омыл лицо и руки. Другой раб вытер меня льняным полотенцем. Со мной обращались почтительно, но все молчали, потом я остался один. Время текло медленно, но воображение работало быстро. Я считал, что меня ожидает смерть, и не осталось ни одного вида казни, который бы я не представил живо и во всех ужасающих подробностях. Я как раз размышлял о постепенном удушении, внушавшем мне особенный страх, когда у входа в шатер возник Варшакара. Наверное, схожее чувство переживает ныряльщик, поняв, что плавающее у берега бревно на самом деле оказалось крокодилом.

Но распорядитель двора успокоил меня.

— Вы почти не изменились, — сказал он, заключив меня в объятия.

— А вы все такой же!

Действительно Варшакара выглядел точно так же, как при нашей первой встрече в Варанаси много лет назад. Вечный мастер предательства, он с чрезвычайной легкостью сменил службу убитому отцу на службу убийце-сыну. Клочок бороды был выкрашен в ярко-красный цвет, компенсируя отсутствие красных зубов.

Мы поговорили о Китае. Он жадно ловил каждую кроху сведений. К счастью, у меня было более, чем крохи, чтобы насытить этого хищника.

— Вы должны изложить мне все это письменно! — сказал он под конец. — Мы очень интересуемся открытием шелкового пути — нам уже сообщил о нем ваш товарищ. Кстати, он все еще в Чампе.

Я не удивился, узнав, что Варшакара уже ведет переговоры с начальником экспедиции из Ци. «Что-то хоу рассказал обо мне?» — думал я. Ведь, по сути дела, я бросил его. Но об этом Варшакара ничего не сообщил.

Вдруг рядом загремел гром: барабаны возвещали о приближении Аджаташатру. Мы вышли наружу, и я с неволь-

ным трепетом увидел, наверное, величайшего на земле слона... Белый слон легким шагом двигался к нам, подобно разукрашенной драгоценностями горе. На спине у него был устроен серебряный павильон, в серебре сверкали алмазы. Внутри всего этого сияния колыхалась огромная золотая фигура.

— Аджаташатру!

Все вокруг выкрикивали имя царя и благословения ему. Музыканты создали невообразимый шум. На земле простерлись просители. Слон остановился, к нему приставили лестницу, и два профессиональных акробата стремительно взобрались наверх. Они с усилием подняли царя на ноги и помогли ему потихоньку спуститься.

Аджаташатру и раньше не отличался стройностью, но теперь это был самый толстый из когда-либо виденных мною толстяков. Он был так тяжел, что ноги не выдерживали веса раздувшегося тела. В результате он мог ходить либо, как сейчас, положив руки на плечи акробатов, либо опираясь на две толстые палки из слоновой кости. Царь медленно двигался вперед, его голова, плечи и шея слились воедино, и весь он напоминал жирного золотого паука.

Я усталился в землю, надеясь, что Аджаташатру остановится и узнает меня, но он без слов проплыл мимо. Я не отрывал глаз от алого ковра. Как и Великий Царь, Аджаташатру никогда не ступал на непокрытую землю.

Через несколько часов ко мне с заискивающей улыбкой явился Варшакара. Почему-то мне не хватало его окровавленных клыков, и я подумал: интересно, пришлось ли ему отказаться от жевания этой влияющей на ум жвачки из бетеля? Недавно один разбирающийся в этих делах человек сказал, что бетель можно просто держать за щекой — и наслаждаться умственным расстройством.

Варшакара подвел меня к монарху. Аджаташатру в окружении тысячи шелковых подушек расплылся по огромному дивану. В пределах его протянутой руки стояла дюжина столиков с яствами и вином. На таком же расстоянии располагалась дюжина девочек и мальчиков-подростков. С годами вкусы моего тестя не претерпели изменений. Правда, как я заметил, каким человек был в юности, таким и остается потом. Во всяком случае, не становится лучше.

Мальчик лет восьми-девяти нежно обтирал шею царя платком. Тело Аджаташатру лоснилось от пота. Пересечь зал стоило царю огромных усилий. Хотя, как я понял, жизнь его клонилась к концу, лицо оставалось прежним.

Удивительно, но из-за толстого слоя жира мой тесть выглядел гораздо моложе меня. Я заметил, что в жарких странах, где тело рано созревает и быстро стареет, мужчины и женщины намеренно толстеют, чтобы сохранить если не красоту юности, то хотя бы очарование пухлой инфантильности.

Аджаташатру просиял:

— Драгоценнейший!

Огромное младенческое лицо уставилось на меня в ожидании, будто я сейчас положу ему что-то в рот. Потом царь широко раскинул руки, отчего жир под шелком обвис, как сардские спальные валики.

— Подойди ко мне!

Я подошел, но, наклонившись, чтобы поцеловать руку, споткнулся и, как кукла, упал на диван. Дети захихикали. Я помертвел. В Сузах — да при любом дворе! — за такой подход к монарху человека бы убили на месте. Но меня простили.

Царь схватил меня под мышки и втащил на диван, как куклу. Жирные руки сохранили силу. Когда я уткнулся в обширную грудь, от которой разлило тысячей разнородных благовоний, накрашенные кармином губы покрыли мое лицо поцелуями со страстностью, с какой ребенок ласкает куклу — чтобы через минуту сломать.

— Мой дорогой! Без тебя жизнь мне стала обузой и я не знаю радости! Сколько ночей мы проплакали, не в силах уснуть, думая, почему наш драгоценный, любимый зять покинул нас. О, гадкий! Гадкий!

С этими словами Аджаташатру приподнял меня и усадил рядом. Я упал на спину в кучу подушек. Вблизи него я чувствовал себя хрупкой вазой рядом со слоном. Этикет не предусматривал такой ситуации, но я по возможности постарался выглядеть почтительным и внимательным, развляясь бок о бок с без преувеличения величайшим (по размерам) царем на земле.

— Милый Дарий!

Должен заметить, на протяжении нашего разговора он упорно звал меня Дарием. Разумеется, я не поправлял. Как многие абсолютные монархи, Аджаташатру плохо помнил имена. В Персии Великий Царь никогда не появлялся на людях без распорядителя, шепчущего ему на ухо имена приближающихся к трону.

— Как тосковало мое бедное дитя по своему мужу! Как

изголодалось по весточке от него! Как жаждало узнать, где он!

Выбор слов дал ключ к тому, что было у Аджаташатру на уме, и тут же дети начали подносить ему поесть и выпить. Я не знал человека, кто бы мог так отчетливо говорить с набитым ртом. Правда, рот царя редко бывал пуст, как и редко закрыт.

Когда мне наконец было позволено говорить, я поведал о своих многочисленных попытках вернуться в Магадху. Пока я говорил, царь с шумом вливал себе в горло вино. Рассказ о моем пленении в Китае он выслушал внимательно. Темные глаза за валиками жира сверкали, как всегда. Когда я закончил свое повествование, ритмично прерываемое восклицаниями восторга, изумления и сочувствия, Аджаташатру опорожнил кубок с вином и произнес:

— Ты опишешь шелковый путь Варшакаре.

— Да, владыка.

— Подробно.

— Да, владыка.

— Сделаешь карту.

— Да, с радостью.

— Ведь ты мой дорогой, не так ли? — Он сжал меня в объятиях. — Ведь ты покажешь мне путь в Китай, правда?

— Владыка пойдет на Китай?

— Почему бы нет? Следующий год собирается быть очень, очень скучным. Эта гадкая страна, Личчхави, будет разбита, а Пардиота, — помнишь его? Царь Аванти? — он стал нехорошим. Но не думаю, что на завоевание Аванти уйдет больше месяца-двух. Ты останешься и увидишь, как я преподам ему урок. Тебе понравится. Обещаю. Потому что я очень, очень хороший учитель.

— Я знаю, владыка. Я видел развалины Вайшали.

— О, я рад! — Его глаза загорелись. — Видел тех, что были людьми, вдоль дороги?

— Да! Это великолепно, владыка. Сказать по правде, я не видел еще столько пленных, казненных одновременно.

— И я тоже. Естественно, все говорят, что я установил своего рода рекорд, но ты знаешь, как неискренни бывают люди. И все же я от души надеюсь, что ни один из царей не сажал на кол столько гадких людишек, как я тогда. Это было потрясающе! Никогда не слышал такого воя. Особенно когда их кастрировали уже на колах. Думал, оглохну. У меня очень тонкий слух. Так о чем мы говорили?

— О Китае, владыка.

— Да. Да. Я хочу пойти туда сам с основным войском. Ты будешь проводником.

Когда я сказал ему, не без радости, что его войску понадобится не менее трех лет, чтобы достичь границ Срединного Царства, он начал терять интерес. Царь поежился от рассказов о знойных, влажных джунглях, высоких перевалах, лихорадке и прочих трудностях долгого пути.

— Если так, я не пойду туда сам. Без сомнения. Пошлю войско. В конце концов, я вселенский монарх или нет?

— Да, да, владыка!

— А поскольку Китай — часть Вселенной, они тут же поймут, что я обладаю... как они это зовут?

— Небесным правом.

— Да. Они поймут это навсегда. А в общем-то, разумнее пойти на запад, как ты думаешь? Это не так далеко, и никаких джунглей. И можно останавливаться в прелестных городах. Конечно же, Персия — неотъемлемая часть моей Вселенной. Не так ли, драгоценнейший?

— О да, владыка!

Мне становилось все тревожнее. Хотя войско Аджаташатру не представляло угрозы для Бактрии, а тем более для Персидской империи, я уже видел, как царь, ведя меня на веревочке, как обезьяну, медленно движется к Персии — и своему неминуемому поражению.

Я постарался отвлечь его от персидской авантюры, но слова «моя Вселенная» приводили Аджаташатру в эйфорию. Он клял республиканцев, мешающих ему «пойти на восход солнца, на закат солнца, к Полярной звезде».

— О, я понимаю, как велика моя Вселенная и как мало у меня времени, чтобы посетить всех моих подданных, но я постараюсь. Это мой долг... перед Небом.

Он очень быстро усвоил китайскую религиозно-политическую систему. Его прельщала мысль, что гегемония порождает истинное право. Считая, что уже обладает первым, он был готов получить и второе.

— ...Как только я нанесу визит моим желтым подданным и голубоглазым подданным. Представь, миллионы людей с глазами, как у моих внуков! Кстати, прелестные мальчуганы. Хотя бы за них мы перед тобой в долгу, Дарий!

Потом за изысканным и показавшимся мне бесконечным обедом нас настигла дурная весть. Войско Аванти пе-

решло границы Магадхи. Варшакара выглядел мрачным, Аджаташатру — раздраженным.

— О, гадкий, гадкий человек! Какой нехороший царь! Теперь нам придется его убить. Очень скоро. Мой милый! — Царь поцеловал меня, словно тарелку, затем наградил тычком, от которого я слетел с дивана. — Иди к своей прелестной жене. Дождись нас в Шравастии. Мы будем там до начала дождей. А пока мы превратим царство Аванти в пустыню. Обещаю. Я — бог на земле. Бог, равный Брахме. Я вселенский монарх. Передай мою любовь... э-э-э... моей дочери. — Он забыл имя Амбалики. — И поцелуй за меня двух голубоглазых мальчуганов. Я любящий дед. Иди.

---

Мое последнее свидание с Амбаликой оказалось на удивление теплым. Мы сидели бок о бок на качелях посреди двора у принца Джеты — в одном из немногих мест, где нас не могли подслушать. Я рассказал ей о своей встрече с царем.

— Он собирается воевать с Аванти.

— Это будет нелегкая победа, — сказала Амбалика.

— Ты думаешь, война может продлиться дольше сухого сезона?

— Она может длиться годами, как бессмыслица с этим надоедливым Личчхави.

— Тогда он вряд ли пойдет на Персию в этом году.

— Он сказал, что хочет пойти на Персию?

Я уклонился от ответа.

— Что ж... — задумчиво проговорила Амбалика. Мы качались вверх-вниз над цветущими кустами. — Будь он моложе, наверное, добился бы успеха. Как вы думаете?

— Персия — самая могучая империя на земле. — Я счел свой ответ достаточно нейтральным.

— Зато отец — величайший на земле полководец. Или был таким. Впрочем, этого мы никогда не узнаем. Эта война с Аванти будет тянуться и тянуться, отец умрет от несварения, а вы... Что вы собираетесь делать?

— Вернусь в Сузы.

— С вашим караваном?

Я кивнул. Я не сказал ей, что собираюсь улизнуть из города этим же вечером без каравана. Но она, кажется, подозревала нечто подобное, потому что вдруг сказала:

— Я хочу снова выйти замуж.

— За кого?

— За моего сводного брата. Мы с ним хорошо ладим. И он добр к моим сыновьям. Он сделает меня своей первой женой, и мы будем жить здесь, в Шравастии. Вы знаете, он здешний наместник. Вряд ли вы встречались. Все равно мне нужно поскорее выйти за него, потому что принц Джета со дня на день умрет, а тогда этот дом достанется его племяннику, человеку неприятному, и мы окажемся бездомными.

— Но ты уже замужем, — напомнил я.

— Знаю. Но ведь можно стать вдовой, а?

— Я должен сам покончить с собой? Или царь поможет своей дочке?

— Нет. — Амбалика очаровательно улыбнулась. — Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Мы вошли к ней в спальню. Амбалика открыла шкатулку из слоновой кости и вынула папирус. Я с трудом разобрал индийское письмо, и она прочла мне сообщение о прискорбной кончине Кира Спитамы в такой-то год царствования Великого Царя Ксеркса.

— Теперь ваша задача установить дату — это должен быть шестой месяц от нынешнего дня. Потом заполните верхнюю и нижнюю часть какими-нибудь персидскими записями, подтверждающими, что письмо послано канцелярией, — знаете, чтобы все вышло официально.

Но я знал и индийскую религию.

— Ты не можешь снова выйти замуж. Закон запрещает это.

Однако Амбалика все предусмотрела.

— Я говорила с верховным жрецом. Он скажет, что мы не были женаты по-настоящему. Брахманы умеют найти в церемонии ошибку, если захотят. А они захотят. И я тихонько выйду за брата.

— И мы больше никогда не встретимся?

— Надеюсь, никогда. — Своей веселой безжалостностью Амбалика неприятно напомнила своего отца. — Все равно вы не захотите вернуться сюда. Да вы просто уже будете слишком старым.

— Мои сыновья...

— Они останутся там, где положено, — твердо проговорила она.

Вот так я написал сообщение о собственной смерти, на котором подделал подпись первого делопроизводителя сузской канцелярии. Потом, за час до заката, вышел из дома.



Я не повидался с сыновьями и принцем Джетой. Все свои деньги я завернул в матерчатый пояс и обернул его вокруг талии. На рынке я купил старый халат, сандалии и посох и за несколько минут до закрытия на ночь городских ворот вышел из города.

Не знаю, что стало с моими сыновьями. Карака мог бы прислать сообщение, если бы знал, что я жив, но, наверное, он поверил Амбалике, когда она объявила о моей смерти.

От Эгиби я узнавал новости об Аджаташатру. Война с Аванти оказалась такой же долгой и нерешительной, как до того с республикой Личчави. В конце концов, на девятый год царствования Ксеркса, индийский царь умер — по слухам, естественной смертью. Поскольку вопрос с наследованием был очень запутанным, созданная Аджаташатру на Гангской равнине империя распалась.

Когда я думаю об Индии, за веками этих слепых глаз сверкает золото. Когда думаю о Китае, блестит серебро, и я снова вижу, как наяву, серебряный снег, падающий на серебристые ивы.

Золото и серебро. А теперь мрак.

Книга VIII  
ЗОЛОТОЙ ВЕК ВЕЛИКОГО ЦАРЯ КСЕРКСА

1

Весной в восьмой год царствования Ксеркса я приехал в Сузы, проведя шесть лет на востоке и на востоке от востока. Пылкого молодого человека, выезжавшего из Бактрии, больше не существовало. Через сузские ворота въехало в город привидение средних лет. Я даже удивился, что люди видят меня, и совсем не удивился, что никто не узнает. В свое время меня причислили к мертвым, и теперь для двора я был призраком. Хуже — я был призраком для самого себя.

Но мое чувство собственной нереальности вскоре развеялось или, скорее, сменилось чувством нереальности мира, в который я вернулся. Все изменилось. Нет, не совсем так. Как я обнаружил, канцелярия осталась той же. Во Второй палате меня принял помощник распорядителя, которого я знал, когда он еще был виночерпием в гареме. Это был сириец, любивший знать обо всем. Его часто дразнили за любовь задавать вопросы. И боялись, потому что он никогда не забывал ответы.

— Это чрезвычайно путает все планы, уважаемый царский друг. — Евнух воспользовался последним оставшимся у меня титулом. Чиновники Первой палаты не замедлили сообщить мне, что я больше не «царево око». — Разумеется, мы рады вас видеть, но... — Он не закончил.

За него закончил я:

— Я официально объявлен мертвым, и мое состояние передано в казну.

— Не в казну. То есть в очень малой степени. Большой частью владеет ваша уважаемая мать.

— Она жива?

— Более чем. Она со двором в Сардах.

— В Сардах? — Я удивился. — С каких это пор Великий Царь держит двор в Сардах?

— Вы что, *ничего* не слышали?

Окна Второй комнаты выходили в сад. Я заметил, что весна уже близится к концу.

— Очень мало. Я знаю, что Греческие войны продолжают. Знаю, что Великий Царь дотла сжег Афины. — Я узнал об этом в Шравасте от агентов Эгиби. — Вот, собственно, и все.

— Здесь много чего произошло, — сказал помощник распорядителя.

Как оказалось, он выбрал очень мягкое выражение. Вскоре после моего отбытия в Китай Ксеркс попросил жрецов Бел-Мардука подарить ему кое-какие золотые предметы из их сокровищницы.

— Я не просил ничего священного, — после говорил он мне. — И все равно они мне отказали. Я вообще был слишком снисходителен и никого не казнил. Но конфисковал много золота и переплавил его на дарки, чтобы оплатить Греческие войны. А потом уехал в Сузы.

Через несколько недель после отъезда Ксеркса из Вавилона один из бесчисленных претендентов на этот трон при подстрекательстве жрецов Бел-Мардука объявил себя царем Вавилонским. Он казнил нашего друга, безобразного Зомира, а затем его самого убил соперник, который затем более года сопротивлялся персидскому войску. В конце концов Вавилон сдался зятю Ксеркса и его лучшему полководцу Мегабизу, сыну убитого сатрапа Зомира.

— Мечь Великого Царя была ужасна, — сказал помощник распорядителя, благоговейно покачивая головой. — Он расплавил статую Бел-Мардука, и теперь никто никогда не сможет пожать ее руку. Потом он срыл все храмы Бел-Мардука и разогнал всех жрецов, кого не убил. Потом он срыл городские стены. Сровнял с землей зиккурат. Конфисковал земли и имущество самых видных купцов...

— В том числе и Эгиби?

— Нет. — Евнух улыбнулся. — «Эгиби и сыновья» теперь обосновались здесь, в Сузах. Потом Великий Царь разделил Вавилонию на две сатрапии и упразднил титул «царь Вавилонский». На сегодняшний день Вавилон — провинциальный город и его тысячелетняя история подошла к концу.

— И где же теперь зимует двор?

— В Персеполе.

— Но там зимой морозы.

Евнух вздохнул:

— Мы покорные рабы.

Он произнес традиционную формулу, и я тоже повторил ее. Когда я спросил, куда делись все те тонны вавилонского золота, то получил ответ, что все ушло на оплату вторжения в Грецию.

— Ушло, и ушло без следа, — сказал внуч. — Эти войны оказались разорительными!

— Но успешными. Афины разрушены.

— О да! Да!

Но энтузиазм внуха был явно наигранным. Дальнейшие расспросы раскрыли часть истории, столь хорошо известной здесь, в Афинах, и я повторю ее, Демокрит, только чтобы ты смог представить себе, как все это выглядело с другой стороны.

Ксеркс лично командовал вторжением. Он шел по суше из Сард. С ним были три армейских корпуса из шести, или шестьдесят тысяч воинов — не шесть миллионов, или какое там еще число придумал Геродот, дабы польстить афинянам. Войско сопровождал весь флот.

Греки были в панике. Все дельфийские и афинские оракулы были единодушны: Великий Царь непобедим, и они намекали, что со стороны афинян было бы мудро отдать свой город и бежать в Италию. Позже Дельфийский оракул оговорился, что деревянные городские стены могут принести пользу. И тогда не уважаемый и не любимый народом Фемистокл решил довольно хитро истолковать слова «деревянные стены» как «деревянные корабли».

Но канцелярский внуч знал лишь придворную версию войны, которую и изложил мне.

— Ровно два года назад, в этом же месяце, Великий Царь был в Трое, где принес в жертву троянской богине тысячу быков.

Для меня это был удар. Только что я радовался, что Ксеркс, упразднив титулы царя Вавилонского и египетского фараона, упразднил и богов этих стран. Однако скорее из драматических, чем из религиозных соображений он принес роковую жертву не Мудрому Господу, а какой-то троянской богине, чье имя даже этот внуч не смог вспомнить.

— Но место жертвы было выбрано удачно, господин царский друг. Как вам лучше всех известно, Великий Царь много знает наизусть из грека Гомера. Поэтому после жертвоприношения он, стоя один среди развалин, произнес: «Я отомщу за Трои, разгромленную вторгшимися греками.

Я отомщу за своего предка, царя Приама. Я отомщу за всю Азию, за все неисчислимые зверства греков. Как греки напали на Азию, чтобы вернуть свою спартанскую шлюху, так я нападу на них, чтобы смыть пятно бесчестья, лежащее на нас столько поколений. Афины будут сожжены, как некогда Троя. Афины будут сожжены, как некогда Сарды. Афины будут сожжены, и я сам поднесу факел. Я — возмездие! Я — справедливость! Я — Азия!»

Затем персидские войска пересекли Геллеспонт и вошли в Европу.

Для своего вторжения в Грецию Ксеркс придумал хитрый повод. Поскольку в мире нет грека, не гордящегося лично варварским нападением своих предков на азиатский город Трою, Великий Царь возложил на всех греков ответственность за грехи их предков. И он был искренен в этом. Ксеркс действительно верил, что рано или поздно боги — которых, конечно же, на самом деле не существует — сурово потребуют ответа за все совершенное когда-либо зло.

Поначалу война шла успешно. Флот и войско в строгом взаимодействии дошли до побережья Фессалии. По пути был убит спартанский царь Леонид со своими воинами. Через четыре месяца после своей речи в Трое Ксеркс был в Аттике. Афинский лидер Фемистокл приказал афинянам эвакуироваться. Большинство горожан погрузилось на корабли, которые, как он сказал, и есть «деревянные стены Афин». Фемистокл изощренно изменил букву, если не дух Дельфийского оракула, и афиняне предпочли согласиться с ним. У них не было выбора: поскольку персидские войска непобедимы, оставалось или отплыть в море, или умереть на суше.

В присутствии Ксеркса Афины были сожжены дотла, и Троя — не говоря уж о Сардах — была отомщена. Тем временем Фемистокл втайне связывался с Ксерксом. Афинский командующий, как это водится у греков, просил земель и денег, и Ксеркс более чем охотно согласился снизить к лукавому врагу. Демонстрируя добрую волю, Фемистокл сообщил Ксерксу, что поскольку греческий флот готовится отплыть в Сицилию, если Великий Царь хочет полной победы, ему следует напасть немедленно. Любопытно, что только царица Артемизия заподозрила ловушку. Кстати, ее желание сбылось, и она лично командовала галикарнаскими войсками, и хотя в военном деле смыслила мало, но тонко понимала греческую душу. Между прочим, выходя в бой, Артемизия нацепляла искусственную бороду по образ-

цу Мардониевой настоящей. Мардония очень раздражала эта пародия, но он молчал.

Не вняв предостережению Артемизии, Ксеркс дал приказ к атаке. В результате измены или некомпетентности финикийских капитанов треть флота была потеряна. Когда Ксеркс совершенно справедливо наказал виновных, оставшиеся финикийские и египетские капитаны дезертировали, и Персия осталась уже без половины флота. И все же на суше мы сохраняли превосходство. Тем не менее двурушник Фемистокл получил от греков всеобщее доверие за выдающуюся морскую победу. Что началось с его стороны предательством, закончилось так называемым спасением Греции.

Ксеркс не возложил ответственности за разгром на Фемистокла. Да и с чего бы? Греки не победили. Персы проиграли из-за финикийских капитанов. Затем Фемистокл предупредил Великого Царя, что передовой отряд афинского флота отплыл к Геллеспонту с приказом уничтожить мост между Европой и Азией. Чтобы защитить мост, Ксеркс поспешил по суше в Византий. По пути он остановился у моего деда в Абдере — большая честь, как и источник бесконечных бед для семейства Лаис. До сего дня они слынут мидофилами.

Ксеркс оставил в Греции один корпус под командованием Мардония. Второй корпус охранял протяженный путь по суше от Аттики до Геллеспонта. Третий использовался для поддержания порядка в ионийских городах.

Поскольку Мардоний продолжал контролировать материковую Грецию, все греческие вожди, находящиеся в оппозиции к афинским властям, прибыли в его штаб-квартиру в Фивах. Антиперсидски настроенные греки были полностью деморализованы. Тем не менее Мардонию пришлось вторично сжечь Афины, в качестве урока консервативной партии. Из всех афинян только консерваторы отказались признать Великого Царя своим господином. Упав духом, они все умоляли о помощи Спарте, но никто не пришел им на помощь. Спартанцы — традиционно ненадежные союзники. К тому же, и возможно именно поэтому, спартанские вожди всегда на жалованьи в Персии.

Какое-то время казалось, что Мардоний успешно выполнил свою миссию. Но потом спартанского правителя Павсания обуяла жадность. Как-то вдруг обнаружив, что луна в благоприятной позиции, он привел войско в Аттику и попросил Мардония подарить ему сундук золота, и тогда он уйдет. Но Мардоний хотел полной победы над Спартой и ее греческими союзниками. И золота не дал. Его тоже обуяла

жадность — жадность до славы. В другое время Мардоний не упустил бы своей выгоды, но, позволив жажде славы взять верх над корыстью, он погубил себя. Всегда ошибочно идти против своей натуры.

Мардоний напал на спартанское войско. Спартанцы были разгромлены. Но когда они попытались спастись бегством, то обнаружили, что дорога назад в Пелопоннес блокирована нашими войсками, и все их запасы провизии захвачены.

Мардоний добился своего. Греция принадлежала ему. Но ему захотелось сделать завершающий триумфальный жест. Верхом на белом коне он возглавил последнюю атаку на остатки спартанского войска. В толчее белый конь был убит, и Мардоний упал на землю. Не успел он встать на ноги — учитывая его хромоту, это оказалось не так быстро, — как какой-то грек разможил ему камнем голову. Так погиб мой друг Мардоний, мечтавший о господстве над всеми островами и стремившийся к владычеству над всеми греками. Если какую-нибудь смерть можно назвать хорошей, то смерть Мардония была таковой. Он умер не только мгновенно, но и с верой, что мечта сбылась и Греция принадлежит ему. Тело Мардония таинственным образом исчезло. Годы спустя его сын потратил целое состояние на поиски отцовских костей.

При Платеях лживого Павсания объявили спасителем Греции. Тем временем вспыхнуло восстание в Ионии, и корпусу Мардония под командованием Артабаза пришлось вернуться в Азию, где изрядная часть персидского флота была уничтожена на берегу у мыса Микале. Хуже того, два персидских корпуса были разбиты греками. По иронии судьбы решающая победа, которой греческие союзники не могли добиться на своей земле в Европе, неожиданно состоялась менее чем в ста милях от Великого Царя и его двора в Сардах.

Я в изумлении слушал отчет евнуха о свалившихся на Персию несчастьях.

— Так что Великий Царь не приедет в Сузы до начала лета, когда состоится свадьба его сына Дария, — закончил он, словно объясняя.

— Вот и закончились Греческие войны, — сказал я.

Что еще я мог сказать? «Мардоний мертв, — подумалось мне. — Молодость кончилась».

Помощник распорядителя пожал плечами:

— Говорят, Павсаний сам хочет стать царем всей Греции. Если это так, мы можем получить долгую войну.

— Или очень долгий мир.

К нам присоединился пожилой евнух, которого я знал, еще будучи ребенком в гареме. Мы тепло поздоровались, и он сказал:

— Вы можете пройти к ней.

— К ней? — Я тупо уставился на него.

— Да, к царице-матери.

— Она жива?

Мне не верилось. Да и самой Атоссе тоже. Она сжалась до размеров детской куклы — и как у детской куклы, голова казалась слишком большой для хрупкого, уменьшившегося тела.

Атосса лежала на серебряном ложе у ног статуи Анахиты. Когда я простерся на полу, царица на мгновение подняла руку и тут же снова уронила ее на покрывало. Это означало приветствие.

— Встань. — Голос звучал хрипло, как мужской.

Мы смотрели друг на друга, как два призрака, встретившихся в прихожей арийского дома праотцов.

— Удивлен?

Я молча кивнул. Атосса улыбнулась, показав единственный уцелевший зуб. Хотя я с трудом понимал ее речь, голос царицы был, как всегда, твердым, и старые глаза сверкали по-прежнему.

— Ты очень постарел, — сказала она.

— А вы, великая царица...

— ...Выгляжу как что-то, что забыли положить в могилу. Смешно жить так долго.

— Благословение для нас...

С удивительной легкостью я вернулся к придворному стилю, а то боялся, что потерял сноровку. Китайский и индийский так смешались у меня в голове с персидским и греческим, что я часто забывал простейшие фразы. Я и до сих пор путаюсь в словах. Когда я говорю с тобой, Демокрит, по-гречески, то думаю на персидском, к которому безнадежно примешались восточные языки. А мои сны нынче никуда не годятся. С тех пор как в жизни я перестал что-либо видеть, сны тоже стали редко приходить ко мне. Но голоса я слышу и часто не могу понять, что именно они пытаются мне сказать.

Движением головы Атосса прервала поток моего красноречия.

— Встань туда, — сказала она, указывая на место между



изголовьем ложа и статуей Анахиты. — Мне больно двигать головой. Впрочем, и всем остальным тоже.

Она закрыла глаза, и на мгновение я решил, что царица за-  
снула — если не умерла. Но она просто собиралась с силами.

— Не думал, что застанешь меня живой. А Мардония мертвым.

— Первое принесло мне такую радость...

— Что ты даже не знаешь, как ее выразить, — передраз-  
нила Атосса нас обоих. — Но второе — это серьезно.

— У меня сложилось впечатление, — я постарался выра-  
зиться потактичнее, — что Мардоний сам виноват во всем  
том... что случилось в Греции.

— Да. Грецию он завоевал. — Под толстым слоем потре-  
скавшейся штукатурки проявилось что-то вроде румянца. —  
И потом его убили.

— Греки?

Рот Атоссы сжался в прямую линию — не такая простая  
задача, когда имеешь всего один зуб.

— Будем надеяться. Но возможно, его могла убить изве-  
стная придворная партия. Тело не найдено, а такое не похо-  
же на греков. При всех их грехах, на греков можно положи-  
ться, когда речь идет о выдаче тела врага.

Даже на смертном одре Атосса продолжала вить свою  
паутину. Как древнему пауку, ей не терпелось поймать что-  
то серьезное.

— Ты обнаружишь, что двор очень не похож на тот, что  
был в наши дни. — Так, между делом, она причислила меня  
к своим современникам. — Нынче в центре всего — гарем.

— Но так было... и в наши дни.

Атосса покачала головой и зажмурилась от боли.

— Нет. Дарий правил через канцелярию. Я только могла  
как-то влиять. Но не через гарем. Мне тоже приходилось  
действовать через канцелярию. Теперь же в гареме пятьсот  
женщин. В Персеполе три дома так набиты, что гарем занял  
старые административные здания Зимнего дворца. Мой  
сын... — Атосса запнулась.

— Он был всегда восприимчив к чужому влиянию. —  
Я постарался быть как можно тактичнее.

— Теперь в силе Аместрис. Я поздравляю себя с удачным  
выбором жены для сына. Она понимает женщин, евнухов и  
Великого Царя. Но у нее нет дара к администрированию.  
Я имела хорошую подготовку. Она — нет. Ты понимаешь,  
что я последняя на земле, кто помнит моего отца Кира? —

К концу жизни Атосса стала часто отвлекаться от темы разговора и вслух произносила то, о чем раньше только думала. — И вряд ли кто-то помнит моего брата Камбиза. Но я помню. И знаю, кто его убил.

Она таинственно улыбнулась, забыв, а может быть и не зная, что Ксеркс уже рассказал мне истинную кровавую историю возвышения своего отца. Но тут царица вернулась к теме:

— Ты можешь помочь моему сыну. Я рассчитываю на тебя. Ты и я — вот все, что осталось от прежних дней. И меня скоро тоже не будет. Аместрис волнуют лишь три ее сына, и это естественно. И она ревнует, а вот это опасно и глупо. Меня никогда не заботило, с кем Дарий делит ложе. Правда, не скажу, что он очень увлекался женщинами. И конечно, я выделялась среди всех. Я была не только женой, я была товарищем Великого Царя, царицей. Но Аместрис — другое дело. Совсем другое. Она тайно — а иногда и не так уж тайно — предавала смерти фавориток моего сына...

— Почему он дал ей такую свободу?

— Не перебивай! Что за манеры! Впрочем, манерами ты никогда не блистал. Ты греческий маг. Или магический грек. Ты будешь рад узнать, что Лаис теперь имеет в гареме большую власть, потому что оказалась очень полезной для Аместрис.

— Магия? — прошептал я.

— Магия? Что за чушь! Яды. — Атосса вроде как оживилась. — Когда Великий Царь проявляет к какой-нибудь девице особую милость, та через неделю начинает блекнуть. Следующую неделю ее мучают спазмы в желудке. На третью неделю она теряет интерес к еде. На четвертую умирает — с виду, естественной смертью. Твоя мать определенно лучшая ведьма, каких я только знала, и меня теперь пользуют халдеи. Слишком много пьяных обещаний.

Меня сбил с толку этот скачок. Атосса жалела времени на объяснение связей, его и так у нее оставалось мало.

— Пьяные обещания? — повторил я.

— Да. Да. — В голосе слышалось раздражение. Атосса всегда ненавидела объяснять то, что самой ей казалось очевидным. — Ксеркс чаще пьяный, чем трезвый. И когда он пьяный, если Аместрис — или кто окажется рядом — о чем-нибудь его просит, он, конечно, обещает все, чего ни захотят. На следующий день он с запозданием понимает, что натворил, но Великий Царь не может изменить своему слову.

Вот этого, Демокрит, грекам не понять. Для персов не только невозможно лгать, но если перс что-либо пообещал, то всегда держит слово. И большинство обрушившихся на Персию бед я приписываю этой их благородной черте или обычаю.

Демокрит напоминает, что, отвечая Геродоту, я говорил, будто все решения, принятые на совете в подпитии, на следующий день утверждаются или отменяются на трезвую голову. Это в самом деле так. Но я говорил про государственные советы и собрания законников, а не про случаи, когда Великий Царь один и не в себе. К тому же, и я об этом тоже говорил, в определенных церемониальных случаях приближенные Великого Царя просят чего захотят, и он обязан пообещать исполнить их желания. Очевидно, умный — и трезвый — монарх умеет так маневрировать, чтобы никогда не пообещать того, чего не хочет. К тому же его близкие не так уж горят желанием вызвать неудовольствие своего владыки, злоупотребив этой привилегией. Но когда Великий Царь пьян, он теряет контроль над собой и случаются ужасные вещи. Когда Ксеркс отказался от мира ради гарема, женщины воспользовались его невменяемостью.

— Не знаю, какое влияние у тебя на него осталось. Полагаю, очень маленькое. Но она увидит тебя.

Я подхватил эту оговорку.

— Царица Аместрис принимает мужчин?

Атосса кивнула:

— Все говорят, что этот прецедент создала я. Естественно, ты не увидишь ее одну, как меня сейчас, беззащитной, легкой добычей для мужской похоти.

Атосса рассмеялась, и я вдруг осознал, что до того никогда в жизни не слышал ее смеха. Так смеялся Дарий или Кир? В последние дни Атосса напоминала мужчину или, точнее, Великого Царя.

— Ксеркс поощряет встречи Аместрис с государственными советниками, законниками, начальниками стражи — со всеми, с кем нужно бы встречаться *самоу*. Но он предпочитает посылать вместо себя ее. Так не управляют империями! Во всяком случае, долго. Он влюбился, ты знаешь? Представь себе! Мой отец, братья, Дарий — ни один из них не принимал женщин всерьез. Женщины были для них удовольствием, не более — все женщины, кроме меня. Не то чтобы я не доставляла большого удовольствия — мне просто не было необходимости. Я — часть государственной власти

в Персии. А Ксерксу всегда надо быть влюбленным. Заметь: я говорю по-гречески, чтобы лучше описать эту любовную лихорадку, которой персы не страдают. Или не должны страдать.

Атосса так нахмурилась, что белая штукатурка у нее на лбу вся потрескалась, как дно пересохшей летом реки. Царица заговорила рваными фразами: не хватало дыхания.

— Жена Масиста. Его сводного брата. Ксеркс увидел ее у Аместрис. В гареме. В Сардах. Случайно, конечно. Женщины болтали. Вдруг появляется Ксеркс. Видит жену брата. Влюбляется. Посылает письма. Все знают. Какой позор!

— И она ответила?

— Нет. Она умная женщина. И скромная. Не пойму, что Ксеркс в ней нашел. Видимо, захотел неприятностей. Что ж, он их получил. Аместрис пришла в ярость. Масист в ужас. Женщина оказалась хитрой. У нее была прекрасная дочь. Тринадцати лет. Ксеркс собрался выдать ее за наследника трона. Он думал, мать из благодарности ему отдастся. Кир Спитама, мой сын лишится трона. — Атосса приподнялась на ложе. Усилие было титаническим, но и Атоссина воля ему не уступала. — Он всех нас погубит. Масист — сын Дария. Он сатрап Бактрии. Его любят. Ксеркс вынудит его на мятеж.

— Что нужно сделать?

— Не знаю. — Атосса нахмурилась. Казалось, мягкий свет лампы слепит ей глаза. — Он теперь редко ко мне приходит. Он знает, что я не одобряю его поведения. И знает, что скоро я буду лежать на каменной полке в священных Пасаргадах. Поэтому меня можно не замечать. — Атосса открыла глаза и задумчиво посмотрела на меня. — А ты еще можешь поговорить с ним. Молю богиню, чтобы он тебя выслушал. И также молю Мудрого Господа, — добавила она. — Но будь готов к неожиданностям. Ксеркс уже не тот человек, которого ты знал. Это не тот сын, которого родила я.

## 2

Внешне Ксеркс мало изменился. Он несколько раздался от питья, а бороду выкрасил в красный лисий цвет, как обычно красил Дарий. Обращался он со мной так же, как в юношеские годы.

Должен сказать, что прибытие двора из Сард напомина-

ло вражеское нашествие. Гарем занимал столько места, что дорога с северо-запада оказалась на десятки миль запружена фургонами с мебелью, сундуками золота и серебра и, конечно, женщинами, евнухами и прислугой. Поскольку Лаис всегда путешествовала со своими верными — верными ей, если не кому-нибудь еще, — греками, она должна была приехать одной из последних.

Вскоре после прибытия Великого Царя была устроена первая аудиенция. Когда меня ввели, он в изумлении широко раскрыл глаза. Потом, подняв золотой скипетр, объявил о своей радости по поводу успешного завершения моего посольства. Позже, тем же вечером, Великий Царь пригласил меня к себе в спальню.

Несмотря на годы, проведенные при дворе, я никогда еще не видел обстановки в царской спальне, о которой ходили легенды. На этот раз легенды совпали с явью. Сто лет назад самосский золотых дел мастер Теодор отлил из золота изящную виноградную лозу, обвивающую ложе со всех сторон, создавая впечатление металлического виноградника, в гроздьях которого растет не виноград, а драгоценные камни. Напротив ложа стоял знаменитый золотой платан. Он был ниже человеческого роста, и я ощутил разочарование: все говорили, что в его тени может стоять человек. Рядом с ложем на табурете слоновой кости стояла огромная золотая чаша с благовонной водой.

Ксеркс возлежал на ложе. Стол рядом был уставлен бутылками гельбонского вина. Я заметил два золотых кубка. После того как я выразил свою покорность, Великий Царь сказал:

— Встань. Подойди. Дай посмотреть на тебя!

Он страстно обнял меня левой рукой, а правой тем временем налил в кубки вина.

— Думал, никогда уже тебя не увижу. Садись. На ложе. Забудь протокол. Нас никто не видит, кроме шпионов Америкострис. Они подсматривают через дырки в стенах. Раз в месяц я заделываю эти дырки. Раз в месяц она их проделывает снова. Ей хочется знать, с кем я делю ложе. На этот раз она призадумается.

Ксеркс ослабился. Несмотря на одутловатость вокруг глаз, он выглядел моложе своих лет. Если не считать легкого дрожания пальцев, Ксеркс казался здоровым, и уж во всяком случае моложе меня.

— Ты должен воспользоваться моим циркульником, —

сказал Великий Царь после долгой паузы. — Покрась волосы. Все знают, что мы ровесники. И ты выставишь меня дураком, если будешь разгуливать с этой сединой.

Мы выпили. Поговорили о былом. О Мардонии.

— О, это была победа! Мы захватили всю Грецию, кроме Пелопоннеса. «Подожди, — говорил я ему до своего отъезда, — спартанцы или сдадутся, или придут в Аттику. Тогда ты сможешь их купить. Или разбить их войско». Что он и сделал. Но Мардонию было мало. Нет, он хотел стать всемирным героем. И потерял голову. И они убили его. Героев всегда убивают, — добавил он туманно. — А мы упустили возможность уничтожить все спартанское войско. Потом эти дела у Микале...

Голос угас. Я гадал, кто это всегда убивает всемирных героев, но не посмел спросить.

— Но мы еще вернемся!

При этой мысли Ксеркс расцвел — буквально. Такому эффекту способствует гельбонское вино. В те дни щеки Ксеркса, когда он пил, становились красными. К концу его жизни они перестали такими становиться, потому что постоянно сохраняли цвет свежей крови.

— Спасибо моему спартанскому регенту Павсанию, победителю при Платеях. — Ксеркс осушил второй кубок. — Он хочет стать царем всей Греции. Другими словами, стать мной. И он попросил у меня помощи. По секрету, конечно. Сейчас он в Византии. Хочет жениться на моей дочери. А потом с моей помощью захватить Афины. И так далее.

— И ты ему веришь?

— Конечно нет! — Настроение Ксеркса улучшалось на глазах. — Но он будет нам полезен. Он уже прислал мне множество персидских пленных, как жест доброй воли. Как говорится в старой пословице? Бойтесь данайцев, дары приносящих. Что ж, я и не верю, но подозреваю, он сможет доставить немало бед своим собратьям-грекам. А теперь, — озорно спросил Ксеркс, — что ты подумал, когда Атосса сказала, что я лишусь трона из-за того, что убиваю время в гареме?

Я испугался и не смог скрыть этого. Мне не пришлось в голову ничего лучше, чем переспросить:

— Убиваешь время в гареме?

— Откуда я знаю ее слова? — Ксеркс улыбнулся. — Я всегда знаю. Хотел бы не знать. Но у меня нет выбора.

Атосса напоминает здешнюю погоду: или чересчур жарко, или чересчур холодно. — Ксеркс налил мне вина из своей бутылки. Выпив, я подумал, не отравлено ли оно. — Да, я влюблен в одну женщину, которой случилось быть женой моего брата, и поэтому я не могу приказывать ей полюбить меня. Но я думаю, как ее добиться. Я устроил моему сыну Дарию женитьбу на ее дочери. Кстати, мальчик очень красивый. Невесту я не видел. Но ей повезло. Когда-нибудь она станет царицей. И что более важно: вопреки предсказаниям Атоссы благодарность заставит ее мать лечь со мной. Думаю, на следующей неделе. На следующий день после свадьбы.

Я провел час со своим старым другом. Сначала мне показалось, что он ничуть не изменился, но, уходя, я понял, что случилось нечто странное или, точнее, не случилось: Ксеркс не спросил меня ни об Индии, ни о Китае. По сути дела, все четырнадцать лет, что я оставался с ним после своего возвращения, Великий Царь почти не вспоминал о моем посольстве. Он потерял интерес к внешнему миру и обратил его ко внутреннему. Ксеркса заботил только гарем и завершение начатого еще в юности строительства.

Когда подозрительные спартанцы совершенно справедливо казнили Павсания за измену в пользу Персии, Ксеркс едва ли заметил, что лишился главного союзника в греческом мире. Но к тому времени он уверил себя, что, как почтительный сын, должен закончить войну, начатую отцом. Не обладая удачливостью Дария, Ксеркс, дважды имев удовольствие дотла сжечь Афины, не сумел хоть на какое-то время удержать материковую Грецию под своей властью. В конечном итоге он просто отомстил за Трою и Сарды.

Демокрит напоминает о пьесе Эсхила «Персы», которую читал мне при первом моем приезде в Афины. Пьеса — полнейшая чушь. Во-первых, можешь мне поверить, я ни разу не слышал от Ксеркса ни слова об афинянах, да и вообще о греках. И уж определенно он не называл их смелыми и дерзкими. И — как там звучит эта строчка?

Мощь крушилась персов! Крушилась, да! Я сгубил...  
Прочти мне правильно, чтобы я посмеялся... Да, вот:  
Крушилась отчизна, увы, увы,  
На кораблях многовесельных!<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Перевод с древнегреческого Вяч. Иванова.

Но Ксеркс не то что не сокрушил свою отчизну, он думал, что хорошо ей послужил. Он хотел преподать грекам урок и преподавал, а жаловался лишь на одно: эти войны были слишком дороги.

— Все вавилонское золото до последней капли ушло на Грецию, — говорил Ксеркс. — Урок ясен: не войи с бедной страной, потому что, как бы дело ни обернулось, останешься в проигрыше.

Сомневаюсь, что эта сентенция понравилась бы Эсхилу, так как грекам трудно признать, что Греция мала и бедна, а Персия велика и богата. А жизнь коротка. Коротка.

Я присутствовал на свадьбе наследника трона Дария и дочери Масиста. Две трети приглашенных были мне неизвестны. Но поскольку большинство составляли потомки Шести, новое поколение я узнавал если не по лицам, то по именам. Свадьба также оказалась для меня удобным случаем снова занять место при дворе Великого Царя — уже в качестве старшего! Хотя ко мне относились с почтением — ведь я с детства знал Великого Царя и дружил с ним, а Ксеркс уже был немолод, — сама моя персона ни у кого не вызывала интереса. Двор сосредоточился на самом себе, как и Великий Царь. К тому же я слишком долго отсутствовал. И мне не хватало денег. Мне понадобилось десять лет, чтобы вернуть свою собственность из казны, я уж не говорю о Лаис, которая не выразила положенной при возвращении единственного сына радости. Правда, я заметил, многие родители при мысли, что переживут своих взрослых детей, испытывают скорее радостный трепет, чем страх.

Поскольку Лаис жила в моих комнатах у меня в доме, было множество совершенно неуместных жалоб, что ей приходится переезжать на женскую половину. Хотя она не так уж и была счастлива моим появлением, держалась она в рамках естественной материнской радости.

— Мы действительно не могли знать. — Лаис грустно смотрела, как ее сундуки и диваны выносят из моей спальни на тесноватую женскую половину. — Кроме того, закон гласит, что после трех лет отсутствия человека следует считать умершим.

Лаис совсем не изменилась. Пожалуй, некоторая прибавка в весе сделала мягкое лицо, каким оно было в начале увядания, слишком жестким и решительным.

— Я собиралась сегодня принять гостей.

Это был день после окончания свадебных церемоний.



— Я тебе не мешаю, — миролюбиво сказал я. Мы напоминали скорее старых друзей, чем сына и мать. — Мне присоединиться?

— А ты не будешь несносным? — В голосе слышалось опасение.

— Греки! — Ничто и никогда не меняется, подумал я про себя. — Неужели вы все еще что-то замышляете?

— Более чем когда-либо. — Лаис гордо подняла голову, несомненно напоминая себе богиню Афины. — Настал долгожданный час. Никогда наша судьба не сияла так ярко!

— Ярко? О да! Славная судьба, — не удержался я. — Мы потеряли два армейских корпуса из шести и половину флота, казна пуста! Что же позволяет тебе думать, что судьба никогда не сияла ярче?

Мне объяснили. Сначала Лаис. Потом Демарат. Он остался внушительным мужчиной, хотя и к нему время было беспощадно. Он привык к персидскому наряду. Ноги спартанец засунул в персидские туфли, но я все же заключил, что мыться он научился. Среди греческих эмигрантов был один прекрасный молодой человек с острова Кос, по имени Аполлонид. Ксеркс строил насчет него планы. Нет, Демокрит, не из-за его прекрасной внешности, а из-за его искусства врача. Само собой, внешность не позволяла подпускать его близко к гарему. Обычно врач — единственный из мужчин, кого допускают в эту часть дворца, но, по традиции, они очень стары, как Демоцед, или безобразны, или и то и другое. Хотя за врачами внимательно следят евнухи, все сходились во мнении, что в случае с Аполлонидом не стоит искушать судьбу.

— Мой родственник Павсаний уже проявил свою добрую волю, отпустив пятерых родственников Великого Царя.

Демарат научился цветистому, в чем-то несносному персидскому языку. Пожалуй, теперь его манеры скорее напоминали персидские, чем спартанские, но я не уверен, не шла ли ему больше прежняя грубая сущность. Спартанцы непривычны ни к роскоши, ни к относительной свободе. Встречая одновременно и то и другое, как при персидском дворе, спартанец совершенно теряется.

— Но, конечно, спартанцы не позволят Павсанию заключить с нами союз.

С самого начала я был уверен, что Павсаний обречен. Он был заносчив, жаден, глуп. Такие качества привлекают

радостное внимание богинь, которых греки опасливо называют добрыми. На самом деле это фурии.

— Вы не знаете Спарту. — Бывший спартанский царь был невозмутимо снисходителен. — Павсаний — регент. Он может делать, что захочет, пока эфоры у него в кармане. То есть пока он следит, чтобы у *них* в карманах водилось золото. О, он будет править всей Грецией — разумеется, от имени Великого Царя.

Лаис затрепетала, как всегда. Ничто не вызывало в ее глазах такого молодого блеска, как греческие заговоры. От греческой политики она была просто сама не своя.

После обеда к заговорщикам присоединилась действительно важная персона. В юности я немного знал Мегабиза. Он был сыном Зопира, обезображенного вавилонского сатрапа, с которым Ксерксу и мне посчастливилось не встретиться при нашей первой поездке в Вавилон. За годы моего пребывания на востоке Мегабиз так хорошо проявил себя в военном деле, что Ксеркс отдал ему в жены свою дочь Амистис. Кстати, от более раннего брака у Мегабиза был сын, названный в честь своего деда Зопира. Это тот самый Зофир, что недавно в Афинах устраивал неприятности нашей родине. Правда, этот молодой человек имеет законные обиды на наш царский дом, но это не повод действовать подобно греку.

Физически Мегабиз был гигантом — то есть он и сейчас гигант, — я полагаю, у него хватило ловкости выжить. Не так давно во время царской охоты он спас Великого Царя Артаксеркса от льва. Прискорбно, но никто из подданных не имеет права убить зверя, пока этого не сделает Великий Царь. Хотя Артаксеркс был благодарен Мегабизу за спасение жизни, древний обычай был погран и Мегабиза приговорили к смерти. Но Амистис объединила усилия с царицей-матерью Аместрис, и вместе они уговорили Великого Царя изгнать Мегабиза. Говорят, сейчас его поразила проказа. Но когда мы встретились под бдительным оком Лаис, все это было делом будущего.

Состоялась обычная, то есть бесконечная, дискуссия о греческих делах. Я заметил, что Мегабиз держится уклончиво, и также заметил, что он смотрит на меня, словно чего-то ожидая. Я ничего не понимал. Наконец, когда греки начали хмелеть, я предложил полководцу пройти со мной в рабочий кабинет рядом с обеденным залом. Когда мы выходили, Лаис бросила на меня сердитый взгляд — в моем собственном доме!

— Меня интересует восток, — сказал Мегабиз.

Не стоит и говорить, что никакой лидийский оркестр не пенил бы моих ушей так, как одна эта фраза. Целый час мы говорили об Индии и Китае. Беседа, так и не состоявшаяся с Ксерксом, состоялась с его полководцем. У Мегабиза не было ни малейших сомнений, где лежит наше будущее.

— Конечно, сейчас нет денег. До востока ли нам?

Но голова великана утвердительно кивнула, а не качнулась в знак отрицания.

— Через несколько лет мы начнем вторжение.

— Вы хотите этого?

— Так же, как и вы.

Мы посмотрели друг на друга, затем пожали руки. Мы были союзниками. В соседней комнате греки распевали милетские любовные песни.

— Что вы думаете о Павсании? — спросил я.

— Что можно думать о прошлогоднем спасителе Греции, нынче предлагающем продать свою родину в обмен на царскую дочь и шелковое платье? Это проходящее облако.

— Но когда облако пройдет...

— Мы перейдем реку Инд.

— Дарию снились коровы.

— В таком случае мы будем пасти их для его сына, — сказал Мегабиз.

К несчастью для Персии, Ксеркс предпочитал пасти женщин. К тому же с возрастом его все больше занимало то, чем бы он не мог или не должен был заниматься. Даже во время захватывающего разговора о восточной политике он сумел влюбиться в новую жену своего сына. Не в состоянии соблазнить мать, он взялся за дочь.

Поскольку Аместрис, нынешняя царица-мать, так долго обладала властью при персидском дворе, я постараюсь исправить ложное впечатление, сложившееся о ней у греков. Как и ее предшественница и образец царица Атосса, Аместрис жила политикой. Будучи дочерью Отана, она имела собственные доходы и в финансовом отношении не зависела полностью от Великого Царя. Подозреваю даже, что порой бывало наоборот. Хотя Аместрис принимала мужчин, словно сама была мужчиной, ни разу не возникло ни малейшего слуха — насчет мужчин. Евнухи — другое дело. Как бы то ни было, она была слишком грозна для любовных романов. Как и Атосса, Аместрис всегда думала о своих сыновьях. Как и Атосса, она смогла добиться у Великого Царя неохот-

ного обещания, что ее старший сын станет наследником трона. Кажется, во всем мире монархи неохотно называют своего преемника по многим очевидным, хотя и не всегда разумным причинам.

В Сузах Аместрис занимала так называемый Третий дом гарема. Когда Ксеркс расширил дворец, то изрядно увеличил и апартаменты царицы. В итоге у нее теперь была своя канцелярия, а также множество помещений для камеристок, евнухов и прочей челяди. По традиции при персидском дворе царица-мать считается выше, чем царица-супруга. Теоретически, когда Ксеркс стал Великим Царем, Третий дом остался под контролем его матери. Но Атосса предпочитала свои старые апартаменты.

— Какая разница, где я живу, — сказала она мне с лукавой улыбкой, — пока живу. Я рада видеть Аместрис в Третьем доме.

Ко всеобщему удивлению, эти две дамы сохраняли прекрасные отношения. Аместрис всегда помнила, что это Атосса сделала ее царицей, и в отличие от большинства людей не питала ненависти к тому, кто ей помог. Она также знала, что старая царица по-прежнему управляет канцелярией. Говорят, ни один сатрап не назначался без согласия Атоссы. Ее слово также много значило, когда решалось, какого военачальника назначить в какую сатрапию для присмотра за местной администрацией. Сталкивание сравнительно независимых сатрапов с военачальниками, подчиненными непосредственно Великому Царю, — довольно тонкое искусство. Одна ошибка — и гражданская война обеспечена.

По крайней мере, раз в день Аместрис навещала Атоссу, и они согласовывали точки зрения по государственным вопросам. К двум дамам нередко присоединялся распорядитель двора Аспамир. У него хватало сообразительности и ловкости верно служить и той и другой.

Несмотря на мое разочарование, что восточная политика опять перестала всех интересовать, повседневная жизнь двора протекала очень приятно. Со сменой времен года мы переезжали из Персеполя в Сузы, оттуда — в Экбатану и обратно в Персеполь. Жизнь была безмятежной и роскошной. И счастливой. У меня оставались амбиции. Я хотел личной славы. Я хотел славы Ксерксу. Но Великий Царь предпочитал устраивать походы не на Гангскую равнину и не на Желтую реку, а на дома гарема. В итоге мировая гегемония так и осталась мечтой.

Через месяц после женитьбы Дария на дочери Масиста я встретил царицу Аместрис. Это случилось на следующий день после несчастной ночи, когда Ксеркс впервые соблазнил свою новую невестку. Я был один с царицей Атоссой. Старая Атосса больше не претендовала на необходимость присутствия компаньонки. Правда, и относительно молодая Аместрис держалась свободно, как мужчина. В те золотые годы наши придворные дамы обладали свободой, как никогда больше. Естественно, если даму гарема заставляли наедине с женщиной, ее неизменно душили, а мужчину закапывали живьем — казнь пострашнее той, что ждала бы афинского распутника. Афиняне за такой проступок вставляют виновному в прямую кишку большую редиску — вещь, способную доставлять наряду с неудобством и определенное удовольствие в этом месте.

Аместрис была высокой, стройной, хрупкой женщиной. Она обладала мелодичным голосом, имела темные глаза и светлую кожу; легко вспыхивала; в манерах отличалась мягкостью и неуверенностью. Хотя внешне она резко контрастировала с предшественницей, но по сути была такой же грозной, как Атосса. Подозреваю, что Атосса, которую я знал лучше, была поумнее. А с другой стороны, к нынешнему времени Аместрис правит Персией дольше, чем довелось Атоссе. Она управляет своим сыном Артаксерксом, как управляла его отцом Ксерксом. И управляет хорошо. Определенно это ей мы в большой степени обязаны долгим миром в Персии, чью дряхлость я олицетворяю, ежась от холода в этом продуваемом насквозь доме.

Аместрис без церемоний вошла к Атоссе в спальню.

— Началось! — прошептала она и тут увидела меня. — Кто это?

— Это муж твоей золовки, Кир Спитама, — кротко ответила Атосса. — По крайней мере, был. Он женат на Пармис.

Аместрис велела мне встать. Она показалась мне вежливой, даже застенчивой.

— Мы с большим интересом выслушали рассказ о ваших восточных приключениях, — сказала она церемонно. — Вы должны зайти к нам в Третий дом и продолжить рассказ.

У Аместрис были не только первоклассные шпионы, но и превосходная память. Она точно знала, кто на что годится и как кого лучше использовать. В глазах царицы я представлял восточную политику и Зороастра. Поскольку ни то, ни другое ее не интересовало, я с ней не сблизился — и хорошо, по-моему.

Атосса велела мне выйти. Я остался ждать в длинном зале, где ее секретари подготавливали корреспонденцию. Потом, через час, меня вызвали в спальню. Аместрис ушла, и белая Атоссина маска напоминала разбитую чашу. Царица сообщила мне, что случилось, а потом сказала:

— Мой сын сошел с ума.

— Что можно сделать? — спросил я.

Атосса покачала головой:

— Ничего. Все так и будет продолжаться. Но *его* сын теперь ненавидит его. А Аместрис ненавидит девочку, и это тоже опасно — для девочки. И для матери тоже. Аместрис винит мать. Я нет. Я говорила: «Я знаю жену Масиста, она не похожа на других женщин. Когда она сказала Ксерксу «нет», именно это она и имела в виду». Но Ксеркс упрям. Он надеялся добиться своего через этот брак, и ничего у него не вышло. Теперь он влюбился в дочь. Аместрис говорит, что, когда он привел девочку в дом сына, он уже хотел ее. И теперь получил свое.

Атосса осела на насыпь маленьких подушечек. Ее красные глаза горели, как огонь Мудрого Господа. Низким, сдавленным голосом она прочла надгробную речь:

— Говорю перед Анахитой, истинной богиней: в этом доме будет траур по умершему.

Глядя в лицо богине, Атосса прошептала халдейскую молитву. Затем посмотрела на меня.

— Я только что попросила у богини исполнить мое желание — чтобы следующим, по ком будет траур в построенном моим отцом доме, была я.

Анахита откликнулась на просьбу Атоссы. Через два дня старая царица умерла во сне. Поскольку двор собирался к отъезду в Персеполь, все отметили ее предусмотрительность — для похорон не пришлось снаряжать в Пасаргады специальную экспедицию. Тело отправилось вместе со двором, словно царица-мать была еще жива.

### 3

Ксеркса смерть Атоссы потрясла больше, чем я ожидал.

— Она была последней связью с истоком.

Ксеркс сидел в своем позолоченном фургоне. Как царский друг, я ехал верхом рядом. Перед нами открывались пурпурные нагромождения скал, отмечавших границу священных Пасаргад.

— Пока она жила, мы были в безопасности.

— В безопасности, владыка?

— Она владела особой силой. — Он сделал какой-то магический жест, которого я предпочел не заметить. — Пока жила, она могла сдерживать проклятие. Теперь ее нет...

— Мудрый Господь каждого из нас судит в свой черед.

Но мое упование на милость Мудрого Господа и его мудрость не возымело действия на Ксеркса. С возрастом он все больше и больше обращался к демонам. Он даже переставил Атоссину статую Анахиты к себе в спальню, где она была совершенно лишней рядом с золотым платаном. Да, получилось так, что я подвел Гистаспа. Я так и не смог obratit' Великого Царя к Истине.

Только сейчас я сообразил, что Атоссе в день ее смерти было не больше семидесяти лет. Это для меня сюрприз, потому что она всегда выглядела и вела себя так, будто присутствовала при сотворении мира. С годами Атосса не столько старела, сколько усыхала, как лист папируса на скале под лучами солнца — лист, на котором написана большая часть истории Персидской державы.

Смерть царицы Атоссы омрачила празднование Нового года. Ксеркс был угрюм. Царица Аместрис не показывалась. Масист выглядел настороженным. Наследник престола на всех смотрел сердито. Если верить Лаис, только его жена была довольна. Лаис часто навещала Второй и Первый дома гарема и с долей удивления сообщила мне, что все женщины завидуют этой девочке, которая была столь же хорошей, сколь и глупенькой. По своей глупости она и совершила роковую ошибку. Аместрис собственными руками выткала Ксерксу плащ. Девочку плащ пленил, и она упростила Ксеркса подарить его ей, а он, дурак, взял да и подарил. Нарядившись, жена наследника пришла в Третий дом гарема, где ее вежливо, даже тепло приняла Аместрис, притворившись, что не узнает плаща. Должен заметить, что мыслей и чувств Аместрис никогда не угадаешь. Сочувственная улыбка может предшествовать смертной казни, а хмурый вид — исполнению заветного желания. Но не требовалось особой мудрости понять, что рано или поздно царица отомстит за такое оскорбление.

В тот год в Персеполе новогодние празднества проходили чрезвычайно пышно. В длинной процессии лично я правил пустой колесницей, в которой сидел, если ему так захотелось, сам Мудрый Господь. Хотя большой зал с сотней колонн оставался недостроенным, Ксеркс держал двор

здесь, и сатрапы со всех концов империи, а также знать, должностные лица, главы кланов — все засвидетельствовали ему свое почтение цветами.

Позже, в неофициальной обстановке, в окружении семьи и близких друзей, Великий Царь по традиции умащал себе голову. Это случай, когда присутствующие имеют право просить у него, чего пожелают, и, чего бы ни попросили, он должен обещать исполнить. Само собой, просьбы редко бывали чрезмерными. В конце концов, все мы рабы Великого Царя.

В этот злосчастный год церемония умащения головы проходила как обычно. Когда собираются друзья Великого Царя, всегда устраивается небольшая комедия. На этот раз всех рассмешил Демарат. Он был пьян и более, чем всегда, важен — не говоря уж о самоуверенности. Он попросил у Великого Царя права с помпой войти в Сарды, с короной на голове. Как он сказал, «ведь я навеки спартанский царь».

На мгновение Ксеркс был ошеломлен нахальством, за которое в любом другом случае полагалась смерть. К счастью, положение спас Мегабиз, вовремя заметив:

— У Демарата не хватит мозгов, чтобы покрыть короной.

Все рассмеялись, и кризис миновал. Пройдя всех друзей, Ксеркс не дал им ничего такого, чего не давал обычно в подобных случаях, и все остались довольны. Затем он вернулся в гарем. Кстати, уходил он от нас совершенно трезвым.

Лаис была в гареме и рассказала мне, что произошло дальше:

— Царица Аместрис вся сияла. Она целовала руки Великому Царю, а потом шепнула что-то на ухо — казалось, какую-то нежность. Но Ксеркс пришел в ужас и громко сказал: «Нет!» А она своим нежным детским голоском сказала: «Да». Они вдвоем ушли. Никто не знает, о чем они говорили и что делали. Но когда вернулись, Ксеркс был весь белый, а Аместрис улыбалась. Она попросила у Великого Царя жену Масиста, и тот был обязан удовлетворить ее просьбу.

У Аместрис хватило сообразительности не просить настоящую обидчицу, жену наследника. Девочка принадлежала к царской семье, а ее мать нет. К тому же Аместрис считала, что во всем, что случилось у Ксеркса со своей невесткой, виновата ее мать.

Ксеркс послал за Масистом и умолял его развестись с женой. Он даже предлагал ему одну из своих дочерей взамен. Но Масист понятия не имел, что случилось, и сказал,



что с его стороны было бы смешно бросить жену, к тому же мать его взрослых сыновей.

Ксеркс пришел в ярость, и братья поругались. Уходя, Масист сказал:

— Владыка, ты меня еще не убил.

Когда он пришел домой и увидел свою жену, она еще жила. Но ее груди были отрезаны, язык вырван, глаза выколоты. Масист с сыновьями бежали в Бактрию, где подняли бунт. Но они не могли противостоять Мегабизу. Через несколько месяцев Бактрия была покорена, Масист со всей семьей казнены.

Но все знают, что Ксеркс с тех пор больше не разговаривал с Аместрис и не ступал в Третий дом гарема. Довольно любопытно, однако, что это совсем не повлияло на могущество царицы. Она продолжала заниматься политикой и по-прежнему правила Персией. А еще более странно, что вскоре она наладила прекрасные отношения с женой наследника. Впрочем, Аместрис умела очаровать кого угодно, а особенно трех своих сыновей. Из них троих особенно угождала среднему, нашему нынешнему Великому Царю Артаксерксу. Да, Атосса не ошиблась, выбирая себе преемницу.

#### 4

Последующие двенадцать лет были счастливейшими в моей жизни. Да, я был не молод. Да, мой друг Ксеркс удалился от мира. И тем не менее я вспоминаю это время, как необычайно роскошное. Не было ни одной достойной упоминания войны, и жизнь при дворе протекала восхитительно, как никогда. Никогда ни до, ни после женщины гарема не пользовались такой свободой. Кто хотел иметь любовников, не встречал никаких трудностей. Думаю, что Ксеркс сам с известным любопытством следил за этими интригами. Определенно он был терпим, пока поведение дамы не становилось вопиющим.

Одна царица Аместрис оставалась выше подозрений. То есть, я хочу сказать, у нее не было ни одного романа. Ей хватало сообразительности не давать Ксерксу ни малейшего повода обратиться к арийским законам. Но царица поддерживала тесные и в высшей степени тайные связи с евнухом Аспамитром.

Ее дочь Амистис не была так умна. Она открыто меняла любовников одного за другим, вызывая гнев своего мужа

Мегабиза. Когда тот пожаловался Ксерксу, Великий Царь, говорят, ответил:

— Нашей дочери позволяется все.

И, как утверждают, Мегабиз спросил:

— А если она захочет нарушить древний закон, Великий Царь позволит ей и это?

И Ксеркс ответил:

— Поскольку она из рода Ахеменидов, то не может нарушить наших законов.

Оглядываясь назад, я понимаю, что этот диалог — или подобный — знаменовал начало конца. Наследник трона Дарий ненавидел Ксеркса за соращение жены. Мегабиз злился, что Великий Царь сквозь пальцы смотрит на измены Амистис. К тому же несколькими годами раньше член царской семьи соблазнил девственную внучку Мегабиза. Тогда Ксеркс отреагировал мгновенно и приказал посадить обидчика на кол. Но гарем стеной встал за соблазнителя — кстати, его звали Сатасп, — и, к радости царственных дам, Ксеркс приказал ему совершить плавание вокруг Африки. Финикийцы хвастали, что такое удалось совершить только им. Год или два Сатасп болтался вдоль Северной Африки, а потом вернулся в Сузы и заявил, что обогнул весь материк. Никто ему не поверил, и его таки казнили.

Но Мегабиз остался недоволен. Он хотел мести сразу, а не спустя два года. Сама царица выражала недовольство, и это ее стараниями грозное величие владыки перешло на ее сына.

На двадцать первый год царствования Ксеркса, осенью, я был с Лаис в Троаде. Ксеркс пожаловал Демарату значительный удел, и бывший спартанский царь теперь был скорее лошадиником-персом, чем заговорщиком-греком, что несомненно к лучшему. Хотя Демарат и Лаис жили вместе как муж и жена, выйти за него замуж она отказывалась. Она слишком любила свободу. Кроме того, Лаис не хотела делиться значительным состоянием, скопленным ею благодаря многолетней дружбе с Атоссой.

— Я гуляю сама по себе, — любила она говорить и несомненно говорит по сей день, если еще живет в Фасосе.

Мы с Демаратом смотрели в конюшне только что приобретенного арабского жеребца. Стояло серое хмурое утро, и южный ветер пах песком. Из дома к нам с криком бросился слуга.

— Он умер!

И прекрасное время кончилось.

Насколько я знаю, произошло вот что. С благословения царицы Аспами́тра и начальник стражи Артаба́н убили Ксеркса, пока тот спал, — не такая уж трудная задача, поскольку последние годы Великий Царь не ложился, не выпив с полдюжины бутылок гелльфонского вина. Они убили также царского возницу и зятя Патирамфа.

В день убийства наследник престола Дарий находился в охотничьем домике у дороги на Пасаргады. Когда ему сообщили, он поспешил в Сузы и попал в ловушку. Все знали, что Дарий не только ненавидел отца, но и стремился занять его трон. Поэтому заговорщики представили дело так, якобы это Патирамф убил Великого Царя по приказу Дария, а верно Артабану пришлось убить Патирамфа.

Затем заговорщики пошли к восемнадцатилетнему Артаксерксу и сказали, что его брат Дарий виновен в убийстве отца. Если Артаксеркс согласится казнить своего брата, они обещали ему сделать его, Артаксеркса, Великим Царем. У меня есть основания полагать, что Артаксеркс уже тогда понимал, что произошло на самом деле, но Артабан командовал дворцовой стражей, а Артаксеркс был бессилён и сделал так, как сказали. На следующий день, когда Дарий прибыл в Сузы, Артабан его арестовал, а законники приговорили к смерти как цареубийцу.

Не знаю, какую роль в казни старшего сына играла царица. Хотя она и согласилась на убийство Ксеркса, не могу поверить, что Аместрис имела отношение к смерти Дария. Подозреваю, когда она потеряла контроль над событиями, те начали развиваться. Знаю только, что, узнав через шпионов о планах Артабана убить Артаксеркса и самому сделаться Великим Царем, она призвала Мегабиза и заключила с ним тайный союз. Как командующий войском, Мегабиз был ещё могущественнее Артабана, начальника дворцовой стражи. Мегабиз одобрил убийство Ксеркса, но верность династии сохранил.

С половиной армейского корпуса Мегабиз разоружил дворцовую охрану, Артабан был убит. Потом арестовали Аспами́тра. Как любимцу царицы, распорядителю двора многое могло бы сойти с рук, но он посягнул на место Ахеменидов, и Аместрис пришла в ярость. Это царица приказала положить Аспами́тра в так называемое корыто — что-то вроде деревянного гроба, скрывающего туловище, но оставляющего солнцу, насекомым и гадам голову и конечности. Из всех смертей смерть через корыто считается самой медленной и потому самой мучительной — после смерти от старости, конечно.

---

Я, Демокрит, сын Афинокрита, хочу здесь вставить в повествование моего дяди Кира Спитамы беседу, состоявшуюся у нас с ним через час или около того после описания смерти Ксеркса. Как праведный зороастриец, он думал, что ответил на все вопросы бытия. И все же дядя был слишком умен, чтобы не заметить очевидных противоречий. Хотя я почти уверен, что он бы захотел от меня точного воспроизведения своих слов, думаю, при изложении сказанного им я должен положиться не только на его память, но и на наши совместные изыскания.

Мы поднялись на Агору. Была середина лета, и стояла душная жара. Голубое небо напоминало раскаленный металл, и покрытый выжженной добела грязью город казался вымершим. Афиняне сидели по домам, обедали — или спасались от жары в гимнасиях. В это время дня мой дядя особенно любил гулять по городу.

— Никаких афинян! — восхищался он. — Ни шума, ни криков!

Благодаря многослойным одеждам, дядя никогда не страдал от жары. Годы спустя, когда я путешествовал по Персии, то одевался по-персидски и обнаружил, что легкие, не касающиеся тела одежды позволяют сохранить прохладу в самый жаркий день.

В портике Одеона дядя решил посидеть в тени. Он всегда точно знал, где находится — на Агоре или в каком-либо другом месте, — если побывал там хотя бы раз. Мы устроились на ступенях. Напротив нас гора Ликабет выглядела нелепее, чем обычно, — как иззубренный камень, брошенный каким-то древним титаном. Рациональные афиняне иррационально не любят горы. Они говорят, что там живут волки, но, я думаю, дело в том, что горы не вписываются в сельский пейзаж.

— С тех пор как я вернулся из Китая, мне было известно, что все кончится кровью. Вот почему я удалился от двора. От Ксеркса я не удалялся. Он был мне больше чем брат — он был моим двойником, моим вторым «я». Без него от меня осталась лишь половина.

— А он тем временем?..

— Великий Царь на мосту к Спасителю.

Кир замолчал, да и больше было нечего сказать, потому что, если Зороастр прав, Ксеркс в настоящее время кипит в море расплавленного металла.

— Думаю, — сказал я, — нет никакого моста, никакого Мудрого Господа...

— Как могу так думать я?

Но поскольку старик частенько думал так, то заинтересовался моим ответом.

— Зороастр говорит, что было время, когда Мудрого Господа не существовало. Так разве невозможно, что после смерти мы отправляемся туда, откуда пришел Мудрый Господь?

Кир тихонько насвистывал странную мелодию, видимо имевшую какое-то религиозное значение, поскольку он всегда насвистывал ее, когда сталкивался с противоречиями или пробелами в зороастрийской теории. Кстати, у него сохранились почти все зубы, и он мог есть все.

— На этот вопрос нет ответа, — сказал он наконец.

— Тогда, возможно, восточные жители правы и вопрос о сотворении мира не имеет ответа.

Теперь-то я знаю ответ, но тогда был еще невежествен. Я находился в начале жизненных поисков, к печальному концу которых пришел мой дядя. Печальному, потому что единственно важный вопрос остался без ответа — для него.

Старик какое-то время насвистывал, закрыв глаза, одной бледной рукой покручивая завиток бороды — неизменный признак глубокой задумчивости.

— Они ошибаются, — сказал он наконец. — Все, что мы знаем, где-то начинается и где-то кончается. Как линия на песке. Как... обрывок нити. Как человеческая жизнь. Ведь что они пытаются сделать на востоке? Замкнуть линию. Сделать круг. Без начала. Без конца. Но спроси их, кто нарисовал круг. Они не ответят. Пожмут плечами. Скажут: он просто есть. Они думают, что ходят и ходят по кругу. Вечно. Бесконечно. Безнадежно! — Последнее слово он выкрикнул, поевшись; его аж передернуло от мысли о бесконечности. — Мы же видим определенное начало. Определенный конец. Мы видим добро и зло как неизбежно борющиеся между собой начала. Одни после смерти находят награду, другие — наказание. И целое достигается только в конце всех концов.

— Который является началом... чего?

— Совершенства. Божества. Состояния, нам неизвестного.

— Но эта концепция имеет изъян. Зороастр не знает, зачем был сотворен Мудрый Господь.

— И тем не менее он был сотворен. Он есть. Он будет. Но... — Старик широко раскрыл слепые глаза. — Что-то упущено. Чего-то я не смог отыскать на этой земле за всю свою долгую жизнь.

Так, по собственному признанию, поиски Кира Спитамы закончились неудачей. И все же, разяснив мне свою неудачу, он сделал для меня возможным понять то, чего не смог понять сам, — природу Вселенной.

Не знаю, до какой степени старик верил примитивной теологии своего деда. Определенно любое божество, сотворившее мир, чтобы его мучить, должно быть по определению злым. Предположим противное: Мудрый Господь не создавал Ахримана. Мудрый Господь *сам и есть* Ахриман, если до конца следовать логике — с позволения сказать! — Зороастрова послания.

К чести моего дяди, он был глубоко потрясен услышанным на востоке. Продолжая колебаться в своем дуалистическом мировоззрении, в минуты раздражения он все же утверждал, что круг не может символизировать нашу жизнь лучше, чем отрезок прямой, имеющий начало и конец.

В конечном итоге это и не прямая, и не круг. Но чтобы понять природу вещей, нужно пройти нынешнюю младенческую фазу человеческого существования. Боги и демоны должны быть отринуты вместе с понятиями добра и зла, которые могут применяться в повседневной жизни, но не имеют смысла для материального единства, включающего в себя и объединяющего все сущее. Материя — это всё. Всё — это материя.

## 5

Я присутствовал на коронации Артаксеркса в священных Пасаргадах. Хотя мне из вежливости сохранили титул царского друга, я не пользовался этой милостью. Молодой государь не очень любил реликты предыдущего царствования, и я приготовился удалиться к себе в галикарнасское поместье. Моя общественно-активная жизнь подошла к концу. Или так мне казалось.

Незадолго до отъезда из Персеполя меня вызвали к Великому Царю. Естественно, я испугался. Кто приготовил мне пакость? Этот вопрос всегда возникает, когда царский вестник поднимает жезл и возглашает:

— Господин зовет своего раба! Идемте со мной.

Артаксеркс сидел в небольшом кабинете в Зимнем дворце. Не помню, почему он не жил в новом дворце Ксеркса. Наверное, как обычно, там продолжалось строительство.

В свои восемнадцать лет Артаксеркс был красивым, хотя и хрупким юношей. Борода у него еще толком не выросла, и лицо чуть напоминало девичье. В детстве он страдал от какой-то болезни, задержавшей рост левой руки и ноги, отчего правая рука казалась несоразмерно большой. Поэтому, когда мы не хотели почему-либо произносить имени Великого Царя, то называли его Долгоруким.

Справа от кресла, где сидел Артаксеркс, стоял новый начальник стражи Роксан, грозный воин; он проявил себя умелым воителем во время Греческих войн. Слева стоял прекрасный Аполлонид, врач; он оказался в большой милости, вылечив Великого Царя от изнурительной лихорадки.

Как всегда, Артаксеркс был со мною любезен, и, как всегда в его присутствии, я приходил в смущение: с совершенно непохожего лица на меня смотрели глаза Ксеркса. Как будто мог друг наблюдал за мной с лица своего сына.

— Ты нам нужен, царский друг.

Мальчишеский голос звучал слабо, недавняя болезнь еще сказывалась. Я выразил готовность отдать жизнь за нового господина. Артаксеркс сразу приступил к делу.

— Жена Артабана — гречанка. С ее помощью Артабан укрывал греческих изгнанников. Поскольку ты был близок с моим отцом, Великим Царем, и тоже наполовину грек, я хочу, чтобы ты перевел мне, что хочет сказать этот человек, и потом я хочу узнать твое мнение о нем.

С этими словами Артаксеркс хлопнул своей маленькой левой рукой по ладони правой. Кедровые двери распахнулись, и стража ввела невысокого коренастого мужчину. Несколько мгновений он и Великий Царь смотрели друг на друга — явное нарушение протокола. Потом пришедший неторопливо опустился на колени и так же неторопливо произнес выражение покорности.

— Кто ты, грек?

Снизу донесся ответ:

— Фемистокл, сын Неокла. Я тот афинский стратег, что разгромил флот Великого Царя Ксеркса.

Артаксеркс взглянул на меня. Чуть запнувшись, я перевел эти невероятные слова. Но, к моему удивлению, Артаксеркс улыбнулся.

— Скажи ему, пусть встанет. Не каждый день мы принимаем столь знаменитого врага.

Фемистокл встал. Густые седые волосы начинали расти в трех пальцах от седых бровей, нависающих над черными, блестящими, внимательными глазами. Очевидно, он не испытывал ни малейшего трепета перед Великим Царем — да и ни перед кем вообще. Но обладал тактом, сообразительностью и умел предугадывать последствия.

— Почему Артабан скрывал тебя от моего отца?

— Он боялся, владыка.

— А ты нет?

Фемистокл покачал головой:

— Чего мне бояться? Я дважды оказал услугу Великому Царю.

— Мой отец не считал потерю трети своего флота у Саламина доброй услугой.

Разговор забавлял Артаксеркса.

— Да, владыка. Но перед самым сражением я послал Великому Царю предупреждение, что греческий флот собирается улизнуть. Я сообщил ему, что есть хорошая возможность напасть...

— И он напал, — сказал Артаксеркс. — Что из этого вышло, ты знаешь.

— Он напал, владыка, и победил бы, не предай его финикийские капитаны.

Это была и правда, и неправда. Само собой, я не собирался выходить за пределы своих скромных обязанностей переводчика. Артаксеркс внимательно выслушал мой буквальный перевод и кивнул.

— А какую вторую услугу ты оказал моему отцу?

— Я послал ему предупреждение, что греческий флот намеревается разрушить мост между Азией и Европой.

— Это верно, — признал Артаксеркс.

И снова история отражала и правду, и неправду одновременно — весьма типично для лукавых греков. Фемистокл хотел усиления греков и поражения персов и с этой целью спровоцировал Ксеркса напасть, тем самым вынудив греков сражаться за собственную жизнь, что они и сделали. Потом финикийцы сбежали, и греки выиграли сражение — точнее, персы проиграли. Это оказалось сюрпризом как для персов, так и для греков. Предупреждение о возможном разрушении моста через Геллеспонт было со стороны Фемистокла мастерским ходом. Он хотел, чтобы Ксеркс убрался из Ев-



ропы. Как этот грек говорил своим товарищам в Афинах, «в данных обстоятельствах не следует разрушать мост. Если мы не дадим Ксерксу вернуться в Персию, то получим в Греции разъяренного льва. Если отрезать Великому Царю пути отступления, он выйдет из-под своего золотого зонтика с мечом в руке и мощнейшим войском за спиной»

Так Фемистокл умудрялся служить одновременно и Греции, и Персии. Но поскольку грекам неизвестно такое чувство, как благодарность, его подвергли остракизму. Позже, когда Павсаний пытался склонить Фемистокла изменить Греции, тот отказался примкнуть к заговору. Это было с его стороны не по-гречески. А может быть, Фемистокл просто не доверял победителю при Платеях. К несчастью, его двусмысленные письма к Павсанию подвели последнего под суд, а Фемистоклу афиняне велели вернуться — он должен был быть казнен за измену. Он бежал в Персию к Артабану, чья жена состояла в родстве с матерью Фемистокла, — кстати, она тоже из Галикарнаса.

Стратег Перикл недавно принял весьма своеобразный закон, согласно которому афинским гражданином может считаться лишь тот, у кого и отец, и мать афиняне. В таком случае двух величайших афинских полководцев, Фемистокла и Кимона, нельзя считать афинянами: у того и другого матери родом из других городов.

— Расскажи нам о тех надоедливых греках, что пиратствуют в наших водах, — сказал Великий Царь.

— Пиратствуют, владыка?

Фемистокл еще не усвоил окольный стиль наших Великих Царей, которые прикидываются, будто не знают ничьих имен и мест проживания. В конце своей жизни Атосса утверждала, что Афины находятся в Африке и населены чернокожими пигмеями.

— Эвримедонт, — с холодной точностью сказал Артаксеркс.

Великий Царь знал это место. Все персы знают. Греки, любящие похвастать своими великими победами при Маратоне, Саламине и Платеях, не понимают, что все эти сражения не имели для Персии ни малейшего значения. То, что греки сумели удержать свои сожженные города в Аттике, вряд ли может служить предметом воинской славы. Но победой Кимона в устье Эвримедонта Персия была потрясена. Честно говоря, я часто думаю, что полная победа Кимона на персидской земле и стала для Ксеркса началом за-

ката. С этого момента военная политика начала перемещаться в гарем, и в конце концов Великий Царь был убит.

— Кимон, сын Мильтиада... — начал Фемистокл.

— Нашего неверного сатрапа.

Персы никогда не забывают, что Мильтиад много лет был покорным рабом Великого Царя и имел обширные поместья на Черном море.

— ...Победителя при Марафоне.

— Марафон? Где это? — Артаксеркс недоуменно заморгал отцовскими глазами.

— Незначительное местечко. — Как переводчик, я сумел оценить проворность Фемистоклова ума. Осознав размеры владений Великого Царя, он соответственно скорректировал свой стиль. — В общем-то, этот пират и мой враг.

— Кто ж одобрит пиратство!

Артаксеркс взглянул на Роксана, который терпеть не мог Кимона и называл его не иначе как «греческая гадина».

— В Афинах, владыка, есть две партии. Одна всей душой хочет мира с царем царей. Я принадлежу к ней. На нашей стороне простой народ. Нам противостоят прогнавшие тиранов землевладельцы. Сегодня Кимон занимает положение, которое вчера занимал я — афинского стратега. Когда меня подвергли остракизму, позиции простого народа пошатнулись.

— Но ведь раз ты подвергся остракизму, значит, большинство народа проголосовало против тебя.

Над желанием продолжать прикидываться несведущим в делах какого-то африканского города возобладало обычное стремление очень молодого человека проявить осведомленность и показаться умным. Ксеркс никогда не совершал такой ошибки. А может быть, следовало бы.

— Да, владыка. Но народ настроили против меня выступающие против персов консерваторы. Они сказали, что я сговорился с Павсанием уничтожить свободные греческие полисы. Но как Великий Царь сам мог слышать, грекам всегда быстро надоедают их вожди. И будь даже я теперь их вождем, вряд ли народ любил бы или ценил мое руководство.

— Теперь ты изгнанник, а пират бесчинствует на территории нашей империи. Что нам делать?

— У меня есть план, владыка.

Я не видел грека умнее Фемистокла. Чего бы он ни захотел, он всегда умел найти способ добиться своего — хотя бы

раз. Это был настоящий Одиссей. Но прежде чем раскрыть свой план Великому Царю, Фемистокл попросил год на изучение персидского языка, поскольку, как он выразился, «ваш язык подобен одному из ваших великолепных ковров — замысловатый, тонкий, прекрасный. Я не могу выразить свои мысли через переводчика, как бы искусен он ни был».

Великий Царь дал Фемистоклу год. Он также пожаловал ему прекрасное поместье в Магнезии, после чего протянул руку для поцелуя и отпустил.

Когда Фемистокл покинул высочайшее присутствие, Артаксеркс хлопнул в ладоши и, весь порозовев, воскликнул:

— Теперь он мой! Я заполучил этого грека!

Как оказалось, у Фемистокла не было никакого определенного плана, он просто хотел ждть неизбежного ostracism Кимона, что и случилось четырьмя годами позже. За это время Фемистокл не только научился без акцента говорить по-персидски, но ему доверили управление Магнезией. На него также возложили строительство нового флота и обучение моряков на греческий манер. В то время персидские корабли напоминали плавающие крепости, были неуклюжи в сражении и очень легко воспламенялись. Фемистокл построил персам современный флот.

Возглавил бы он поход против собственного народа? Здесь афинские консерваторы считают, что таково и было его намерение. Эльпиниса не сомневается в его подлости. Но она предана памяти своего брата Кимона. С моей точки зрения, Фемистокл хотел лишь пожить и умереть в мире и комфорте, чего и добился. Через пять лет после своего появления при дворе он умер. Некоторые говорят, будто он сам покончил с собой. Я уверен, что нет. Просто таков закон природы — великие люди не живут долго вдаль от народа, который возвеличили.

Десять лет Кимон был в изгнании, и афинское могущество значительно ослабло. Попытка афинян вторгнуться в Египет благодаря Мегабизу потерпела полную неудачу. Да, по существу, все у них кончалось провалом, разве что удалось захватить островок Эгину да одержать победу в паре стычек недалеко от Афин. Потеряв Фемистокла и Кимона, Афины потеряли и свое значение в мире, которое так и не возвратили до сих пор.

Когда Кимон вернулся из изгнания, ему поручили командовать флотом. Но лучшие годы были для него упущены. Хуже того, эти годы были упущены и для Афин.

да Кимон умер на Кипре, Афинская империя закончила свое существование, а Персидская осталась невредимой. Эфиальт и Перикл — жалкая замена тем героям. Не повторяй, Демокрит, эти мысли перед теми, кто не согласен со стариком, повидавшим в мире больше, чем рассчитывал — и уж подавно, чем хотел.

## 6

Я думал, что мои последние годы в Персии будут и моими последними годами вообще. Мне нравилось жить в удалении от дел. В Сузы я не ездил. Я занимал себя составлением записок для Второй палаты канцелярии, писал о шелковом пути, Китае, Аджаташатру. Меня вежливо благодарили, а записки сразу отправляли в книгохранилище.

Я часто встречался с зороастрийской общиной. Я был уже стар, и ко мне обращались с почтением, но я так и не смог заинтересовать зороастрийцев понятиями божественного и не божественного, с которыми столкнулся на востоке. Я также заметил, скорее со смирением, чем с тревогой, что простота и единство Мудрого Господа распадаются на части. Старые боги-демоны возвращаются в обличье разных *проявлений* Единого, который в Двух лицах, но снова станет Единым к окончанию долгого владычества. Демоны не сдаются так просто. Недавно Великий Царь воздвиг алтарь Арты, или Праведности, — как будто это *качество* может само быть богом.

Остракизм Кимона не привел ни к чему хорошему, то есть ни к чему хорошему для Персии. Пока в Афинах правил он, заключить мир между Персией и греческими союзниками не было никакой возможности. Но когда Кимона прогнали, лидер демократов Эфиальт быстренько восстановил власть народного собрания. Когда же Эфиальта за его старания убили, лидерство перешло к молодому Периклу, который первым делом попытался заключить с Персией мир и послал в Персеполь посольство во главе с Каллием.

И случилось так, что в шестьдесят лет мне было велено прибыть к Великому Царю в Персеполь. Я отнесся к этому спокойно. Я вообще больше не пугаюсь, когда меня вызывают к власти имущим, в том числе и к нашему местному властелину — стратегу Периклу. Если перефразировать Конфуция, смерть близка, цари далеки.

Я не был в Персеполе с коронации Артаксеркса. Когда я

доложил о прибытии в Зимний дворец, выяснилось, что меня никто не знает, кроме нескольких евнухов из Второй палаты канцелярии. Увидев меня, они заплакали. Евнухи с возрастом становятся сентиментальными. Я нет. Скорее наоборот. Но правда: мы, старики — это все, что осталось от царствования Дария, от расцвета Персии. Нам было о чем повспоминать — если не поплакать.

Мне отвели чрезвычайно холодную и неудобную комнату во дворце Ксеркса. Дворец был — и, без сомнения, останется до сих пор — недостроенным, и моих слуг разместили в лачугах, образовавших целый городок за стенами царской резиденции.

Должен сказать, я чуть ли не надеялся, что меня казнят за какое-нибудь вымышленное преступление. Во-первых, мое зрение ухудшалось, что заставляло слушать других — крайняя жестокость. А во-вторых... Дни мои прошли. Но, к несчастью, я оказался в милости.

Меня вызвал не Великий Царь, а царица-мать Аместрис. Она роскошно обставила Третий дом гарема. Хотя помещения были небольшими, Аместрис сумела придать им пышность. В комнате, где она меня принимала, стены были сплошь покрыты листами золота, имитирующими листья лотоса. Сама она, казалось, была завернута в тот же материал. Стража удалась, и мы остались одни. Я воспринял это как дань моему преклонному возрасту.

— Вы последний, — прошептала Аместрис, покраснев.

Через несколько дней я привык, что все при дворе почтительно называют меня последним. Я закашлялся, демонстрируя царице, что последним останусь недолго. «Кто-то следующий получит этот титул?» — подумалось мне. Возможно, Аместрис. Впрочем, она не так стара. Царица-мать очень похудела, и некогда милое лицо избородили морщины. Тем не менее она не пользовалась гримом. Наверное, карикатурный облик Атоссы в последние годы жизни оказал влияние на невестку.

— Сядьте, — проговорила она, выдав взглядом, что я явно близок к угасанию.

Поскольку я страдал (и до сих пор страдаю) болями в ногах, то благодарно опустился на табурет рядом с ее креслом из слоновой кости. От царицы пахло мирром. Эта дорогая мазь так впиталась в кожу, что придавала ей перламутровый блеск.

— Вы любили моего мужа, Великого Царя.

Из глаз Аместрис полились слезы. Думаю, искренние. В конце концов, можно дать согласие и на смерть действительно любимого человека. Это я не могу. А Ахемениды могут — и дают.

— Мы последние, кто любил его.

В данном случае я по крайней мере смог разделить свой титул с кем-то еще. Но я предпочел проявить такт.

— Несомненно, наш Великий Царь, его братья и сестры...

— Дети не чувствуют того, что чувствуем мы, — сказала она резко. — Вы знали Ксеркса как человека и друга. Я знала его как мужа. *Они* знают его лишь как Великого Царя. Кроме того, дети бессердечны. Разве вы не знаете по своему опыту?

— Я не знаю своих детей.

— Вы имеете в виду сыновей, оставшихся в Индии?

— Да, великая царица.

Как о любом из придворных, книгохранилище содержит обо мне всевозможные сведения, накопленные за годы тайными агентами. И вдруг мне подумалось: зачем это Аместрис побеспокоилась вызвать меня ко двору? Стало немного не по себе. Хоть я и жду смерти с нетерпением, но сам процесс умирания может иметь свои неприятные стороны.

— В прошлом году они были живы. Канцелярия получила довольно подробный отчет из нашей торговой миссии в Шравастии. Но ваша жена Амбалика умерла. В том климате женщины долго не живут.

— Пожалуй, так, госпожа.

Я не ощущал печали. Для меня Амбалика умерла после нашей последней встречи, когда она так проворно устроила мне официальную кончину.

— После вашего отъезда Амбалика вышла замуж за своего брата. Признаюсь, я плохо знаю тамошние обычаи. Полагаю, она оставалась и вашей женой. Конечно, женщины непостоянны.

Нахмурившись, Аместрис вернулась к вопросу о детях. В уме она держала своих. Все знали, что царица-мать ненавидит свою дочь Амистис, чей страстный роман с прекрасным Аполлонидом был известен всем даже тогда. После воспоминаний о Ксерксе Аместрис перешла к делу:

— Греки хотят мира. Или так говорят.

— Какие греки, великая царица?

Аместрис кивнула:

— Да, в этом вечная трудность, не так ли? Сейчас прибыло два разных посольства: одно из греческого города Аргоса, излюбленного места Ксеркса, если можно любить что-либо столь... непостоянное, как греческий город; другое из Афин.

Должно быть, я выдал свое удивление. Аместрис снова кивнула:

— Мы тоже удивились. Мы *думаем*, они приехали с добрыми намерениями. Но как знать? Афинский посол — Каллий, зять Кимона.

— Аристократ?

— Да. И значит, настроен против персов. Но кто бы он ни был, нынешнее демократическое правительство выбрало для переговоров с нами его.

Аместрис в отличие от Великого Царя, которому всегда полагалось быть наподобие божества, проникающего в каждый атом обсуждения, не вникая в конкретные подробности, могла вдаваться в детали. Она же вела себя как старый евнух, вечно перечитывающий канцелярские записи, она знала тысячу и одну мелочь о тысяче и одной вещи, правда в отличие от Атоссы не улавливая главного.

— С аргосским посольством ведет переговоры внук Гиппия. — Аместрис улыбнулась мне своей застенчивой улыбкой. — Но для переговоров с демократами, мы подумали, было бы бестактно использовать внука тирана. И мы были бы рады, если бы с Каллием имели дело вы.

Я принял поручение.

С самого начала мы с Каллием прекрасно поладили. Он рассказывал мне свои истории про Марафон, и сначала я наслаждался его обществом. Потом он мне надоел. Но сегодня нравится опять. В этой жизни так мало постоянного, что получаешь удовольствие от человека, настойчиво рассказывающего тебе из года в год одни и те же истории слово в слово. В переменчивом мире только Каллий вызывает неизменную скуку.

Я показал ему и остальному посольству Персеполь. Они с тупым ошеломлением смотрели не только на богатство Персии — к этому они были готовы, — но и на созданные Ксерксом чудеса архитектуры. Двое из афинян были строителями. Один из них был близок с Фидием, и я уверен: позади этого дома, среди шума и воровства, строится копия Зимнего дворца в Персеполе как символ *афинского* гения!

Подробности договора я не имею права обсуждать. Они были засекречены четырнадцать лет назад, когда переговоры

только начинались, и хранятся в тайне до сих пор, хотя мирный договор действует уже три года, с момента столь своеобразной кончины Кимона на Кипре. Могу сказать, что обе стороны согласились сохранять свои сферы влияния. Персия не будет вмешиваться в события на Эгейском море. Афины не будут вмешиваться в дела Малой Азии. Вопреки легенде никакого подписанного или скрепленного печатью договора не существует, потому что Великий Царь может договариваться лишь с равными. А поскольку он царь царей, то равных ему нет, и он только выражает согласие на договор. Битва в устье Эвримедонта настроила персов против греков, и переговоры поэтому велись тайно. Только Великий Царь, царица-мать и я знаем детали этого договора.

В конце концов, когда Кимон умер и к власти твердо пришел стратег Перикл, обе стороны заключили соглашение и меня как вещественный символ нашего превосходного мирного договора послали в Афины. Надеюсь, мир просуществует дольше, чем символ, который не намеревается провести еще одну зиму в этом жутком городе, в этом продаваемом доме, в этом беспорядочном государстве.

Тебе предстоит похоронить мои останки, Демокрит. Я хочу поскорее вернуться к первичному единству. Любопытная оговорка! Я процитировал Учителя Ли. Конечно, я имел в виду не первичное единство, а хотел сказать — к Мудрому Господу, из которого наш дух выходит и к которому, очистившись от Лжи, возвратится в конце времени долгого владычества.

Чтобы тебя потешить, Демокрит, замечу, что во время моей последней аудиенции у царицы-матери меня восхитил и очаровал двадцатидвухлетний евнух Артоксар. Он очень помог нам при подготовке деталей договора. Если правда, что Аместрис нравится его ущербная любовь, я хвалю ее вкус. Артоксар не только умен, но и красив. Говорят также про его роман с Аполлонидом, любовником Амистис. Боюсь, когда-нибудь эти дамы столкнутся. Когда это произойдет, я в первый и последний раз возблагодарю судьбу, что нахожусь в Афинах.



## Книга IX ПЕРИКЛОВ МИР

### 1

Прошлой ночью стратег Перикл праздновал третий год моего посольства, устроив в доме Аспазии вечеринку с музыкой. Как и все, касающееся мало кому известного и еще менее славного посольства, вечеринка проводилась в относительной тайне и в последнюю минуту. Незадолго до заката, когда я уже собрался лечь спать, явился Демокрит с сообщением, что стратег хочет меня видеть. Мы поспешили через весь город, закрывая лица плащами, чтобы консерваторы не узнали, что представитель Великого Царя сговаривается с Периклом поработить Афины.

В начале ведущего к дому Аспазии переулка — нельзя назвать это улицей — стояли два скифа-охранника. Они спросили Демокрита, по какому мы делу. Он назвал им какой-то пароль, и нас пропустили.

Я совершенно взмок. Летом здесь так же жарко, как зимой холодно. В общем, климат почти такой же скверный, как в Сузах, если это возможно. Впрочем, теперь я стал необычайно восприимчив к жаре и холоду. Короче, придя к Аспазии, я обливался потом.

Демокрит говорит, что обстановка там очень изысканна. Но откуда тебе знать? Несмотря на все богатство твоего деду, дом в Абдере, где ты воспитывался, весьма неказист, если не сказать большего. Из всех окрестных домов лишь дом Каллия представляется одновременно и удобным, и роскошным. Я чувствую, что ковры лежат на каменном полу, а на жаровнях курится ароматическое дерево.

В дом Аспазии входишь по длинному узкому низкому коридору, ведущему в маленький дворик. Справа от дворика под портиком устроен приемный зал, не больше комнаты, где мы сидим сейчас, пытаясь скрыться от палящего солнца.

Я сразу понял, что нахожусь в доме милетской дамы.

Воздух был напитан дорогими духами, а музыканты играли так тихо, что приходилось прислушиваться. Это редкость в Афинах, где граждане столь немзыкальны, что когда ходят на концерты, то напряженно вслушиваются в каждую ноту, пытаясь выяснить, от какой из них нужно получать удовольствие. Ионийцы из Малой Азии не таковы. Они считают музыку дополнением к беседе, пище, даже плотской любви. Музыка для них — часть воздуха, которым они дышат, а не математическое уравнение, чтобы Пифагор его решил.

В комнате, куда мы пришли, собралась, наверное, дюжина людей. Демокрит говорит, что гостей было десять, а также множество рабов из Сард. Рабы занимались музыкой и столом. Меня приветствовал Эвангелос, управляющий Перикла. Хотя эта важная фигура обычно в деревне присматривает за фермами стратега — и двумя законными сыновьями, — последнюю неделю он вместе с остальными афинянами праздновал трофей победы: народное собрание проголосовало за Перикла. Предлогом для трофея стало возвращение Эвбеи, но на самом деле его устроили в честь хитрости, с помощью которой Перикл прошлой зимой одолел спартанского царя, когда спартанское войско захватило Атику и афиняне спрятались за своими длинными стенами.

Когда из спартанской штаб-квартиры в Элевсине пришлось требовать сдать, собрание чуть было не поддалось соблазну так и сделать. В конце концов, спартанское войско самое сильное в Греции, зачем же сопротивляться? Афины господствуют на море, а не на суше. Но Перикл не собирался ничего отдавать. Он тайно встретился со спартанским царем, лупоглазым подростком, никогда раньше не бывавшим дальше Пелопоннеса. Зная неопытность молодого царя, подозрительные спартанские старейшины приставили к нему специального советника, чтобы тот не спускал глаз со своего подопечного. Но, как позже заметил Перикл, такая предосторожность всего лишь удвоила цену. Малолетний царь получил три золотых таланта, оставленных для него в Дельфах, а советник — ушлый политик — семь золотых талантов на месте. Когда царь и советник были куплены, спартанское войско убралось восвояси. Малолетнего царя старейшины потом оштрафовали на огромную сумму, а советник бежал в Сицилию, где, предположительно, наслаждается богатством по сей день.

— Единственная трудность, — говорил Перикл на вечеринке, — как объяснить эти расходы собранию.

Совет Аспазии отличался прямотой:

— Когда представишь свои счета, просто укажи: десять талантов — на необходимые расходы.

Предчувствую, именно так Перикл и поступит. Все равно все знают, что спартанцев купили. Когда я сделал Периклу комплимент, как дешево Афинам обошелся мир, он мрачно ответил:

— Я купил не мир. Я купил время.

Но мой рассказ стал сумбурным.

Хотя, когда мы пришли, Перикла не было, Аспазия более чем восполнила его отсутствие. У нее прелестный голосок, она очень нежно исполняет милетские песни, читает стихи лучше всех, кого я слышал. Конечно же, я не представляю языка прекраснее, чем правильный ионический диалект. Да, Демокрит, даже прекраснее персидского.

— Я хотела встретиться с вами с первого дня, как вы приехали в Афины.

Она двумя руками держала мою, и создавалось впечатление, что каждое произнесенное ею слово значит именно то, что она хочет сказать. Когда я похвалил ее мужество принять меня у себя в доме, Аспазия рассмеялась:

— Меня всегда звали мидофилкой. Но мне все равно. Правда, бывает, что...

Ее голос затух. Я еще раз проклял свою слепоту. Что бы я ни отдал за возможность рассмотреть ее лицо! Демокрит говорит, что Аспазия невысокого роста и немного похудела с прошлой зимы. Волосы светло-каштановые и некрашенные — так он думает. Ты еще мало смыслишь в этих вещах, не то что я. Не то что я в былые времена.

Аспазия представила мне множество мужчин: Формион, правая рука Перикла на собрании, другой — полководец по имени Софокл. Много лет назад, когда ему было двадцать, этот Софокл написал трагедию и получил за нее первый приз на празднике Диониса. Старик Эсхил был так раздосадован своим вторым местом после этого молодого выскочки, что бежал в Сицилию, где остроглазый орел удачно нацеленной черепахой положил конец соперничеству поэтов. Всегда с удовольствием думаю о смерти Эсхила.

Софокл здесь пользуется дурной славой, потому что открыто домогается молодых людей своего класса. По каким-то причинам это в Афинах табу. Хотя среди афинских граждан поощряется любовь к мальчикам-подросткам своего класса, когда у мальчика начинает пробиваться борода, он должен отказаться от половых сношений с другими гражда-

нами. Ему полагается жениться и начать семейную жизнь. Потом, выполнив свой долг, ему не возбраняется подыскать мальчика-любовника и продолжать... Продолжать что? Полагаю, обучение нового гражданина и воина. Такие обычаи не в диковинку везде, и в частности среди наших родственников в северных племенах. И все равно я не вполне понимаю строгий запрет на половые сношения между взрослыми мужчинами, которые к тому же афинские граждане. Хотя иностранцы и рабы считаются законной добычей для имеющих подобные половые предпочтения, взрослые граждане, желающие завести между собой любовь, теряют право занимать государственные должности.

Но пока что Софокл умудряется и занимать должность, и соблазнять юных граждан. Правда, Перикла он здорово раздражает. Недавно стратег отчитывал своего друга и подчиненного.

— Ты должен служить примером, — говорил главнокомандующий. — Не прикасайся к своим солдатам. Отводи глаза, когда они купаются.

Но Софокл продолжает возмущать афинян. Говорят, когда он навещает друзей, молодым людям этого дома велют прятаться. Кстати, поскольку стратег Перикл не проявляет ни малейшего интереса к мальчикам, его считают бессердечным. Здесь очень необычное общество.

Аспазия провела меня к низенькой кушетке. Я сел на краешек, а она устроилась у моих ног, как внучка. Нам принесли вина. Вдали слышался смех девиц. Если Аспазия и не снабжает Перикла девицами, как утверждают его враги, ей определенно удастся привлекать к себе в дом самых талантливых гетер в Афинах. Мне давно не было так хорошо, как прошлой ночью. Хотя в моем возрасте такие удовольствия не только неприличны, но и небезопасны, я был рад припомнить — впервые с тех пор, как покинул Индию, — как восхитительно раствориться в обществе мужчин и женщин высшего ранга. Для Персии это нечто немислимое. Потому, полагаю, нужно афинянам отдать честь изобретения нового и восхитительного вида светского общества.

Демокрит считает, что эту честь следует отдать лично Аспазии. Он говорит, что другие афинянки не то что уступают ей, а их вечеринки становятся просто тупыми пьянками. Демокрит знает. Благодаря царственному позволению отца, он может сколько угодно пропадать в домах гетер. Он также сумел не попасть в лапы мужчин. Можешь благодарить су-

дбу за такую доброту — пока. Неудивительно, что ты так часто смеешься.

Я спросил у Аспазии про Анаксагора.

— Он в Коринфе.

— Вернется?

— Не знаю. Надеюсь.

— Я уверен, вернется. Я слышал, как Перикл защищал его.

Весь закутавшись, я ходил на собрание. Фукидид напал на Анаксагора и его теории. Перикл защищал своего друга и не касался теорий. Не скажу, что на меня произвел впечатление тот или другой оратор. Перикл красноречив и может, если захочет, выводить прямо-таки фригийские страстные ноты. Я привожу музыкальный термин, потому что стратег пользуется своим голосом, как музыкальным инструментом. Но на суде, где обвиняли Анаксагора, лира Перикла молчала. Оба оратора были слишком расстроены недавними событиями — вторжением спартанцев, потерей Беотии, переворотом в Эвбее. В некотором смысле Перикл оказался на суде, когда афиняне в нем больше всего нуждались. В конце концов, когда собрание решило, что Анаксагор не мидофил и не атеист, этим оно просто выказало свое доверие Периклу. Фукидид тяжело воспринял свое поражение. Он обещает повторить свое нападение в другой раз. Уверен, так и будет. После суда Анаксагор тактично покинул Афины. Должен признаться, я скучаю по нему не меньше Перикла.

Я похвалил Аспазию за вино, музыку, надушенный воздух. Она рассмеялась — приятный звук.

— Мой дом покажется очень бедным в сравнении с гаремом Великого Царя.

— Откуда вы знаете, что мне известно, как там?

— Вы были наперсником старой царицы и в милости у нынешней царицы-матери. О, я о вас все знаю!

И она в самом деле знала. Очевидно, греческие женщины в персидском гареме как-то умудрились наладить связь со своими товарками в греческих городах. Я удивился осведомленности Аспазии о придворной жизни.

— Но ведь мой отец служил Великому Царю — как каждый день напоминают нам консерваторы.

— Великий Царь очень любил Милет, — проворковал я.

В действительности Милет доставил Персии больше бед,

чем все остальные малоазийские города, вместе взятые Ксеркс хотел срыть его до основания.

Перикл присоединился к нам так тихо, что я не замечал его присутствия, пока не ощутил на плече руку и не услышал знаменитый глуховатый голос:

— Рад вас видеть, Кир Спитама!

— Стратег!

Я попытался встать, но рука на плече усадила меня обратно.

— Не беспокойтесь, досточтимый посол. Я сяду рядом.

Аспазия удалилась за вином для стратега. Я заметил, что вечеринка продолжается как ни в чем не бывало, словно правителя и не было, хотя не заметить того, кто сидел рядом со мной на кушетке, было невозможно даже в темноте, — так он был заметен. Я не знал, что Перикл настолько выше меня.

— Мы не оказали вам должного внимания, — сказал он. — Но просто не было возможности.

— Я понимаю, стратег.

— Вы знаете, что это я послал Каллия в Сузы заключить мир?

— Да, мы знали это еще тогда.

— Надеюсь, вы знаете, как я противился Египетскому походу. Прежде всего, это было грубым нарушением нашего соглашения. Но поскольку я не смог должным образом огласить его перед собранием, то и не смог собрание уговорить. Все равно, оглашенный или нет, договор остается в силе, пока это касается нынешнего правительства.

— Великий Царь сказал бы так же.

— Долго же мы продержались! — Перикл хлопнул в ладоши — от радости? Я не мог определить только по голосу, не видя его. — Вы знали Фемистокла.

Это было утверждение, а не вопрос.

— Да, я переводил его слова, когда он приехал в Сузы.

Перикл встал и подал мне руку, мускулистую руку воина. Я кое-как поднялся на ноги.

— Я бы хотел поговорить с вами, — сказал он. — Наедине.

Стратег провел меня через зал. Хотя он задерживался перекинуться словом то с одним, то с другим из приглашенных, ни к кому из женщин, кроме Аспазии, он не обращался. Перикл отвел меня в маленькую душную комнатку, где пахло оливковым маслом.

— Здесь я работаю.

Он усадил меня на табурет.

Мы сидели так близко друг к другу, что я ощущал запах его пота, напоминающий раскаленную медь.

— Когда Фемистоклу устроили остракизм, мне было двадцать восемь, — сказал Перикл. — Я думал, это величайший человек из всех, что породил наш город.

— Но теперь...

Я начал было придворный ответ, но стратег перебил меня. Он не был падок до лести, то есть лести в персидском смысле. Как грек, он жаждал аттического разнообразия.

— С тех пор я изменил свое мнение. Это был алчный человек. Он брал деньги со всех, принимал их в том числе и от родосского тирана, что непростительно. Хуже того, взяв от тирана деньги, он ничего для него не сделал.

— Возможно, так Фемистокл доказывал, что он истинный демократ. — Я не удержался от колкости по адресу его партии. Шутка прошла незамеченной.

— Фемистокл доказал, что его слово ничего не значит. Но в свое время он был величайшим полководцем. Более того — или, возможно, к тому же, — он понимал мир лучше всех, кого я знал.

— Даже лучше Анаксагора?

— Анаксагор понял многие тайны мироздания. Конечно, это очень важные и глубокие знания. Но я говорю о политике. Фемистокл понимал, как поступят люди, раньше их самих. Он умел предвидеть будущее. Он мог сказать, какие грянут события, и не думаю, что этот дар достался ему от Аполлона. Нет. Думаю, он умел предсказывать будущее, потому что ясно понимал настоящее. Вот почему я хочу знать...

Перикл запнулся. У меня было чувство, что он смотрит на меня.

— Что вы хотите знать, стратег?

— Я хочу знать, что говорил Фемистокл об Афинах, о Спарте, о Персии. Естественно, если вы не захотите говорить, я это пойму.

— Я расскажу вам, что могу. — Я был честен. — То есть что смогу вспомнить, а моя память о недавнем прошлом не слишком хороша. Я могу рассказать слово в слово, что говорил мне Великий Царь Дарий тридцать лет назад, но уже забыл большую часть из того, что говорил мне Фукидид зимой в Одеоне.

— Счастливец! Хотел бы я его забыть. Да он не дает. Вы знаете, он борец, и борец плохой. Из тех, кто жметя, жметя к тебе, а потом исподтишка кусает. Афины тесны для нас двоих. Рано или поздно один должен уйти. Потому что...

Перикл снова запнулся. У него была склонность жалеть себя, принимавшая форму притворного непонимания противника. На последнем собрании он вел себя явно по-детски. Перикла критиковали за трату слишком больших государственных средств на строительство новых зданий. Вместо того чтобы объяснить, что без этих расходов половина населения лишится работы, он сказал:

— Прекрасно. На завершение строительства я потрачу собственные деньги. Но тогда честь постройки будет принадлежать мне, а не городу.

Поскольку хор «Нет!» был отрепетирован заранее, страгет получил ассигнования — и сберег свои средства.

Перикл воспринимал политические дела слишком лично. Впрочем, Афины — небольшой городишко, лидеры слишком хорошо знают друг друга, и поэтому их взаимные нападки всегда имеют личный характер и рассчитаны не только ранить, но и растравить рану.

Как бы то ни было, по настоянию Перикла я постарался припомнить свою единственную личную беседу с Фемистоклом. Она состоялась в Магнезии за год-два до его смерти. Не помню, почему я оказался в этой части мира. Но помню: когда вдоль тракта разнеслась весть, что едет царский друг, Фемистокл выслал навстречу мне гонца. Не соизволю ли я остановиться гостем в доме наместника? Как персу, естественно, мне было приятно, что он меня помнит. Как грек, естественно, я понял, что ему от меня что-то нужно.

Помню, что день клонился к вечеру. Кажется, стояло лето. Мы с Фемистоклом сидели на прекрасной лоджии с видом на сады его обширного поместья. За годы Фемистокл скопил огромное состояние и умудрился каким-то образом вывезти его из Афин до того, как лишился власти.

— Между мной и сатрапом в Сардах возникло недоразумение. — Он собственноручно налил мне и себе вина. — Дело пустяковое, однако... — По греческому обычаю, он выплеснул немного вина на пол. — Несколько лет назад я установил в Афинах статую, названную «Водоносом» — в память о тех временах, когда я был надзирателем за водой, — между прочим, непростая работа, но я тем не менее справлялся с ней неплохо. Статуя бронзовая — старомодно, конечно, но всем она понравилась. Как бы то ни было, по-



сле падения Афин персы забрали статую и установили в храме Геры в Сардах.

Да, Демокрит, он сказал «после падения Афин».

— И я спросил сатрапа, не могу ли я выкупить статую у храма и послать обратно в Афины, — понимаете, в знак примирения между персами и греками, и все такое прочее. Сатрап пришел в ярость. И теперь обвиняет меня в оскорблении Великого Царя, в измене, в...

Фемистокл долго перечислял угрозы сатрапа. Он был искренне обеспокоен этой перепалкой. Я постарался его успокоить, сказал, что улажу это дело через канцелярию и Третий дом гарема. Определенно мирный договор для Великого Царя важнее, чем какая-то статуя. К несчастью, примерно в то же время афиняне угораздило напасть на нашу провинцию Египет. В ярости Великий Царь приказал Фемистоклу собрать флот. Через неделю Фемистокл умер — говорят, его укусила лошадь. А статуя Водноса так и осталась в Сардах по сей день.

Когда я заверил Фемистокла, что какой-то лидийский сатрап не собьет с толку Великого Царя, мы обсудили тысячу и одну вещь. Фемистокл имел живой и любознательный ум; он задал мне множество вопросов и выслушал многие, если не все, ответы.

Я тоже задавал вопросы. Разумеется, я спросил о Египте. Уже тогда все знали, что недовольные там ждут помощи извне. Поддержат ли афиняне антиперсидское восстание в Египте? Ответ Фемистокла был категоричным:

— Если афиняне не сойдут с ума окончательно, то есть, так сказать, не перечеркнут собственный опыт, — он улыбнулся, — они никогда не нападут на континентальную Азию и Африку. Какой смысл? Завоевать их они не смогут. Афиняне для этого просто мало.

Я повторил его слова Периклу, который пробормотал:

— Да, да. Он прав. Нас действительно слишком мало. Продолжайте. Прошу вас.

Я рассказал остальное из запомнившегося. Диалог состоялся примерно такой:

— Я уверен, что для Афин нет опасности со стороны Великого Царя.

Фемистокл остановил на мне долгий взгляд, чтобы убедиться, насколько серьезно я воспринимаю рассуждения персидского наемника. Я не выразил никаких чувств.

— Я больше не пользуюсь близостью с Великим Царем.

Но с вами я согласен. Великий Царь хочет лишь сохранить, что имеет. Если мои молитвы сбудутся, когда-нибудь мы двинемся на восток...

— А если мои молитвы найдут отклик, афиняне двинутся на запад, — сказал Фемистокл.

— Он не сказал куда?

Перикл придвинулся так близко, что я чувствовал щекой жар от его лица.

— Сказал. Фемистокл говорил про Сицилию, Италию. Он говорил: «Европа должна быть греческой. Мы должны смотреть на запад».

— Именно! А теперь, что он говорил обо мне?

Меня позабавило, что Перикл обладает обычным тщеславием общественного деятеля. К счастью — или к несчастью, — общественный деятель всегда кончает тем, что путает себя с народом, который возглавляет. Когда стратег Перикл думает об Афинском государстве, он думает о себе. Помогая одному, он помогает другому. Поскольку Перикл талантлив и мудр — не говоря о хитрости, — Афинам *должно* повезти.

Хотя я не припомню, говорил Фемистокл о своем политическом преемнике или нет, я дал волю фантазии. Говорить с правителем — это не давать показания под присягой.

— Фемистокл понимал, что вы логичный преемник Эфиальта. Он сказал, что не принимает всерьез проклятия на ваш род Алкмеонидов...

Я запустил эту выдумку из любопытства, как Перикл отреагирует на то, что многие греки по-прежнему считают его и весь его род проклятыми, поскольку два века назад один из его предков убил врага в храме.

— Как известно, проклятие снято с тех пор, как наше семейство отстроило храм Аполлона в Дельфах.

Из этого небрежного ответа я не понял, верил Перикл в действие проклятия или нет. Если оно действует, пострададут Афины, потому что Перикл и есть Афины, или так он думает. С возрастом я все больше и больше верю в вечные проклятия. Ксеркс ждал, что его убьют, и я уверен, не выказал удивления в последний предсмертный момент, прежде чем, барахтаясь в крови, расстаться с грозным величием владыки.

Я играл придворного.

— Фемистокл с уважением отзывался о вас — в отличие от Кимона. Его он ненавидел.

Последнее было правдой.

— Кимон был опасным человеком, — сказал Перикл. — Я бы никогда не позволил ему вернуться. Но Эльпиниса меня перехитрила. Да, я поддался этой старой карге. До сих пор не пойму, как это она проделала, — не зря говорят, ведьма. Так или иначе, она пришла ко мне, нарядившись невестой. Я онемел. «Ты слишком стара для таких нарядов», — сказал я. Но она спорила со мной, как мужчина, и добилась своего. Кимон вернулся домой. Теперь он мертв, в то время как Фукидид... Да, город тесен для нас двоих. Один должен уйти. Скоро.

Перикл встал. И снова сильная рука помогла мне подняться на ноги.

— Вернемся к гостям. Отпразднуем мир со Спартой и мир с Персией.

— Конечно, стратег. Отпразднуем Периклов мир, — сказал я совершенно искренне.

Перикл ответил, как мне кажется, с такой же искренностью:

— Хорошо бы, будущие поколения говорили, что ни один афинянин не надел по моей вине траур.

---

Я, Демокрит из Абдеры, сын Афинокрита, разбил эти воспоминания Кира Спитама на девять книг. Я заплатил, чтобы их переписали, и теперь каждый грек может их прочесть.

Через неделю после приема у Аспазии Кир Спитама умер, быстро, без мучений, слушая мое чтение из Геродота. Это произошло около сорока лет назад.

За эти годы я совершил путешествия по многим странам. Я жил в Вавилоне и Бактре. Я поднялся до истоков Нила и на востоке дошел до берегов реки Инд. Я написал много книг. Но когда я вернулся в этом году в Афины, никто не узнал меня — даже говорливый Сократ.

Похоже, Кир Спитама был прав, считая, что проклятие Алкмеонидов все еще действует. Перикл был великим человеком, но над ним висел рок. Во время его смерти двадцать лет назад Афины были разбиты извне спартанским войском, а изнутри смертоносной чумой.

Теперь, через двадцать восемь лет постоянных войн, Афины сдались Спарте. Этой весной длинные стены были

скрыты, а когда я пишу эти строки, Акрополь занят спартанским гарнизоном.

В большой степени благодаря знаниям, полученным от Кира Спитама, я смог за долгие годы жизни выявить причины не только всех небесных феноменов, но и самого мироздания.

Первоосновой Вселенной являются атомы и пустота, все остальное — просто человеческие выдумки. Миров, подобных нашему, бесконечное множество. Они появляются и исчезают. Но ничто не может возникнуть из ничего или перейти в ничто. Более того, атомы сами по себе распространены в бесконечности и бесчисленны, они образуют вселенский вихрь, где порождаются все составляющие начала — огонь, вода, воздух, земля. Причина возникновения всех вещей в непрекращающемся кружении, которое я называю необходимостью, и все происходит по необходимости. Так, Вселенная постоянно воссоздается вновь и вновь.

Как начал догадываться, если не верить, Кир Спитама, у мироздания нет ни начала, ни конца, и Вселенная постоянно развивается во времени, которое бесконечно. Хотя я нигде не наблюдал ни малейшего следа Зороастрова Мудрого Господа, он вполне может служить понятием, переводимым как круг, символизирующий космос, первичное единство, мироздание.

Но об этих вещах я написал в других книгах, и, упоминая о них сейчас, я просто хочу выразить признательность старому человеку, чью историю жизни я рад посвятить последнему живому свидетелю блестящего времени — Аспазии, жене Лисикла, торговца баранами.

## Содержание

Книга I. ГЕРОДОТ УСТРАИВАЕТ ЧТЕНИЕ В АФИНСКОМ ОДЕОНЕ . . . . .	4
Книга II. В ДНИ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ ДАРИЯ . . . . .	29
Книга III. НАЧАЛО ГРЕЧЕСКИХ ВОЙН . . . . .	102
Книга IV. ИНДИЯ . . . . .	147
Книга V. ПЕРЕХОД ГРОЗНОГО ВЕЛИЧИЯ ВЛАДЫКИ . . . . .	291
Книга VI. КИТАЙ . . . . .	372
Книга VII. ПОЧЕМУ ГАНГ ОБАГРИЛСЯ КРОВЬЮ . . . . .	514
Книга VIII. ЗОЛОТОЙ ВЕК ВЕЛИКОГО ЦАРЯ КСЕРКСА . . . . .	540
Книга IX. ПЕРИКЛОВ МИР . . . . .	579

Гор Видал  
**СОТВОРЕНИЕ МИРА**

Редактор *Н. Матвеева*  
Художественные редакторы *И. Марев, Д. Барковский*  
Технический редактор *Т. Фатюхина*  
Корректор *Н. Кузнецова*

ЛР № 071673 от 01.06.98 г. Изд. № 0599246.

Подписано в печать 28.04.99 г.

Гарнитура Таймс. Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,0.

Уч.-изд. л. 34,63. Заказ № 569.

ТЕРРА—Книжный клуб. 113093,  
Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».  
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.



# ТАЙНЫ **7**

В чем смысл жизни? Почему в мире существует зло?.. Нет, нет, это не заунывное философское сочинение. Ведь ответы на эти вопросы ищет не кто иной, как посол Великого Царя Дария Кир Спитам. Он обращается с ними к Гесале, Будде, Конфуцию, Анаксагору...

Автор книги, Гор Видал, приглашает читателя посетить дворец Дария, последовать вслед за главным героем в Вавилон, отправиться с посольством в Индию и Срединное Царство (как называли в те времена Китай), познакомиться с нравами и обычаями обитателей тех мест, проникнуть в хитросплетения политической жизни государств древнего мира.

# ИСТОРИИ

ISBN 5-300-02742-1



9 785300 027421